

А. ДОБІАШЪ.

ОПЫТЪ

СИМАСІОЛОГІИ

ЧАСТЕЙ РЪЧИ И ИХЪ ФОРМЪ

НА ПОЧВѢ

ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА.

ПРАГА.

ТИПОГРАФІЯ Др. ЭД. ГРЕГРА.

1897.

Печатано по опредѣленію Конференціи Историко-филологическаго
Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Директоръ Института Ф. Гельке.

4 - II A
5683

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Предлагая «Опытъ синасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка», я не буду распространяться о мотивахъ, которые меня побудили къ постановкѣ и разработкѣ такой темы; это выяснено въ первомъ отдѣлѣ самого изслѣдованія, посвященномъ «опредѣленію задачи». Исключительная цѣль моего предисловія — обращеніе къ читателю съ просьбою не терять терпѣніе, если онъ при чтеніи постоянно будетъ встрѣчаться съ ссылками на другія мѣста сочиненія, или если, быть можетъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ будетъ находить изложеніе главнаго, а въ самомъ текстѣ — разсужденіе о второстепенномъ. Оба недостатка объясняются тѣмъ, что грамматическія понятія приходилось разъяснять не сразу, а постепенно, очень часто по поводу какого-нибудь частнаго вопроса, и что разные вопросы такъ сцѣплялись одинъ съ другимъ, и часто въ очень сложномъ матеріалѣ, что самый матеріалъ приходилось разбирать въ одно и то же время съ разныхъ сторонъ.

А. ДОВІАШЪ.

Содержаніе.

I. Отдѣлъ:

	стр.
Опредѣленіе задачи	1—87
Начала синтаксиса у Гумбольдта: Три метода связыванія элементовъ рѣчи въ одно осмысленное цѣлое и преобладаніе флектирующаго метода въ санскритскомъ и родственныхъ ему языкахъ (2—3); о силѣ, чисто духовной, какъ производительницѣ связыванія «элементовъ», и о синтезѣ, какъ продуктѣ этой силы (3—4). «Предложеніе», какъ болѣе законченный синтезъ (4); глаголъ — душа предложенія (4—6); роль союза и относительнаго мѣстоименія въ синтезѣ «сложнаго» предложенія (7). Обь отношенія внутренняго языка къ внѣшнему (8), о неодинаковости внѣшнихъ языковъ и ихъ недочетахъ (8—10); обозначеніе понятій и связываніе цѣлой рѣчи изъ словъ представляютъ собою двѣ отдѣльныя стороны языка, — какъ внутренняго, такъ и внѣшняго (10—12). Задача синтаксиса опредѣляется какъ уясненіе законовъ, по которымъ изъ отдѣльныхъ словъ, какъ частей цѣлаго т. е. рѣчи, составляется цѣлое т. е. рѣчь (12)	1—12
Синтаксическая система Беккера: Изложеніе системы, представленной Беккеромъ въ видѣ итога его изслѣдованія «организма» языка, а параллельно съ этимъ и критика ея, т. е. указаніе, какъ на неправильность, на подчиненіе «частей рѣчи» «частямъ предложенія», устанавливаемымъ тою, якобы, логическою стороною языка, которая изъ грамматики дѣлаетъ логику (13—21); грамматика не есть логика, а языкъ есть психологическое и историческое явленіе (22—23)	13—23
Ученіе Штейнтала о языкѣ: Опровергая Беккера, Штейнталъ является продолжателемъ Гумбольдта (24). Разсужденіе Штейнтала о примѣнимости или непримѣнимости къ языку слова «организмъ» (25—26). Внутренняя форма языка на ея трехъ ступеняхъ, а именно: — на ступени образованія междометія, какъ выраженія сложной мысли (26—28); — на ступени онома-topонимическаго поименованія предмета, какъ выраженія сужденія (28—31); — на ступени проявленія «психическаго» механизма въ поименованія предметовъ (31—32). Переходъ корневыхъ словъ, появляющихся на второй ступени внутренней формы языка, къ словамъ, надѣленнымъ суф-	

фиксами, и къ образованію, при помощи послѣднихъ, формальнаго предложенія (т. е. соединенія въ нѣчто цѣлое, прежде всего, подлежащаго и сказуемаго, а затѣмъ и attributiv'ныхъ и objectiv'ныхъ словъ); при этомъ указывается на взаимодѣйствіе, съ одной стороны, внутреннего мышленія на внѣшній видъ (= грамматичность) словъ и, наоборотъ, внѣшняго вида словъ на развитіе внутреннего мышленія, дѣлающагося, такимъ образомъ, грамматическимъ (32—35). Разъясненіе Гербартовскаго мусора, имѣющаго въ виду части рѣчи, и опредѣленіе задачи для лексикографа — выяснять значеніе «корней», и для грамматика — выяснять значеніе суффиксовъ и т. п. (35—36). Общее разсужденіе по поводу ученія Штейнтала и указаніе, какъ на помѣху къ дальнѣйшему развитію его теорій, на традиционное пониманіе имъ какъ частей рѣчи, такъ и частей предложенія (37—41), вслѣдствіе чего самое отношеніе частей рѣчи къ частямъ предложенія не выяснено, равно какъ не выяснена достаточно «грамматичность» (какъ со стороны внѣшняго вида словъ, такъ и со стороны связаннаго съ ними «грамматическаго» мышленія) subject'овъ, object'овъ etc. (41). Нѣтъ никакихъ разъясненій на этотъ счетъ и у Heuse и у Paul'a (41—44).

25—44

Теорія Потебни о грамматическомъ мышленіи: Изложеніе теорій Потебни, заключающей въ себѣ попытку выяснить, съ точки зрѣнія грамматическаго мышленія, отношеніе между частями рѣчи и частями предложенія (44—54). Общее разсужденіе по поводу этой теоріи, съ указаніемъ, какъ на препятствіе правильному ея развитію, на привлеченіе въ нее частей предложенія какъ категорій, которая якобы должна вести къ выясненію частей рѣчи и сама должна быть черезъ нихъ выяснена (54—59). Отъ такого связыванія частей рѣчи съ частями предложенія не освободился и Дельбрюкъ (60—61).

44—61

Что такое синтаксисъ? Мпклошичъ опредѣляетъ его какъ науку о значеніи частей рѣчи или, какъ онъ выражается, о значеніи разрядовъ словъ и ихъ формъ (62). О неправильномъ исполненіи Мпклошичемъ той задачи, которую онъ себѣ поставилъ какъ задачу синтаксиса (62—64). Наукою о значеніи разрядовъ словъ и ихъ формъ или, какъ мы выражаемся, симасіологіею частей рѣчи и ихъ формъ не исчерпывается весь синтаксисъ (64—65). Дѣленіе грамматики у Reisig'a, съ введеніемъ, въ видъ отдѣльной части грамматики, «симасіологіи», имѣющей, однако, лексикальный характеръ, съ примѣсью, быть можетъ, стилистическаго (65—66). Дѣленіе грамматики у Шлейхера: — морфологія, наука о функціяхъ и синтаксисъ, причѣмъ подъ синтаксисомъ разумѣется наука о предложеніи, а наука о функціяхъ должна изслѣдовать тѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ Штейнталь возлагаетъ на лексикографа совмѣстно съ грамматикомъ (66—67). Симасіологія нашего времени есть наука болѣе лексикальнаго характера (67—68). Дѣленіе грамматики у Риза; симасіологія частей рѣчи и ихъ формъ получаетъ здѣсь особое мѣсто, но только какъ часть синтаксиса, послѣ которой долженъ слѣдовать высшій синтаксисъ (68—72).

62—72

Предварительныя замѣчанія къ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ: Такая симасіологія должна быть разрабатываема на почвѣ одного языка, и для этого избранъ мною языкъ греческій (72—73). *Λέξις* (= слово) можетъ сдѣлаться предметомъ изслѣдованія какъ высшая единица, состоящая изъ частей, или какъ низшая, являясь сама частью цѣлаго, т. е. частью рѣчи (73). Опредѣленіе рѣчи; въ связи съ этимъ опредѣляется часть рѣчи, какъ выраженія «представленія», или «отношенія», или, наконецъ, того и другого вмѣстѣ (73—78). Не всякое «представленіе» и не всякое «отношеніе» находятъ себѣ выраженіе въ словѣ; вообще языкъ—бѣднѣе мысли (78—82). Хотя симасіологія синтаксическая имѣетъ дѣло съ словомъ, какъ низшею единицею, однако, не долженъ игнорировать и состава слова (82—83). Отношеніе синтаксической симасіологіи къ симасіологіи лексической; та и другая изслѣдуетъ «значеніе» (83). Объ употребленіи въ языкѣ одного средства для нѣсколькихъ значеній (83—85). Послѣсловіе 85—87)

72—87

II. Отдѣлъ:

Глаголь въ смыслѣ *verbi finiti* 88—157

Главныя положенія о глаголь: Глаголь въ смыслѣ *verbi finiti* или, какъ мы его впродѣ будемъ просто называть, «глаголь» — является выраженіемъ присужденія чего-то одному изъ трехъ лицъ, какъ «предмету» (88—90). Такъ называемые безличныя глаголы оказываются по содержанію дѣйствительно безличными (т. е. предметъ, которому что нибудь присуждается, въ нихъ не выраженъ), а только по формѣ они суть глаголы третьяго лица (90—95). Глаголь, какъ часть рѣчи, служитъ выраженіемъ не только «представленій» (ихъ — два: представленіе того, что присуждается, и лица, которому нѣчто присуждается), но и «отношенія»; послѣднее заключается въ самомъ актѣ присужденія, имѣющаго разныя степени квалитативности, которая всѣ сводятся къ «познавательному» и «желательному» сужденіямъ (95—96). Представленіе того, что присуждается лицу, является признакомъ лица, или «дѣйствіемъ, относящимся къ нему», и не только его присужденіе должно быть отнесено къ извѣстному времени, но и само оно представлено въ глаголь въ той или иной, разумѣется, — временной, стадіи своего развитія, что мы называемъ «видовыми отгѣнками» дѣйствія (97—100). Кромѣ того, дѣйствіе представлено въ глаголь присуждающимся лицу въ такомъ или иномъ залоговомъ отгѣнкѣ; залоговыхъ отгѣнковъ дѣйствія — пять, и всѣ они такъ или иначе удовлетворены залоговыми формами глагола (100—110). Наклоненіе выражаетъ не только квалитативность сужденія, но и время, къ которому относится сужденіе, и извѣстный видовой отгѣнокъ дѣйствія (110). Мнѣніе Н. D. Müller'a о значеніи наклоненія и критическій разборъ этого мнѣнія (110—113)

88—113

Imperativus является наклонением, въ которомъ выражено желательное сужденіе по отношенію къ будущему времени, притомъ съ видовыми отгѣнками дѣйствія, располагающими для своего выраженія тремя разными грамматическими формами; разъясненіе этихъ видовыхъ отгѣнковъ 113—115

Indicativus является наклонениемъ, въ которомъ выражено познавательное сужденіе по отношенію къ настоящему, будущему и прошедшему времени, притомъ всегда съ видовыми отгѣнками дѣйствія, располагающими для своего выраженія — въ настоящемъ времени двумя (*praesens* и *perfectum*), для будущаго также двумя (*futurum simplex* и *exactum*), а для прошедшаго тремя разными грамматическими формами (*imperfectum*, *pluperfectum* и *aoristus*); разъясненіе этихъ видовыхъ отгѣнковъ (116—127). Особому обсужденію подвергается *aoristus gnomicus* (127—130) и *indicativus* »историческихъ» временъ съ *ἄν* (130—133) 116—133

Conjunctivus, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ встрѣчается исключительно у Омпра, служитъ для выраженія познавательнаго, высказаннаго съ сомнѣніемъ, сужденія, относящагося къ будущему времени, притомъ съ тѣми же видовыми отгѣнками дѣйствія, какіе замѣчены въ *Imperativus* (133—136). Такими же, въ сущности, остаются все *Conjunctivus*ы, которыхъ на общесинтаксической почвѣ конструкцій оказывается пять, а именно: *Conjunctivus finalis* (135—138), *Conjunctivus dubitativus* (138—139), *Conjunctivus imperativivnyj* (139—142), *Conjunctivus condicionalis*, при которомъ часто будущее время сужденія переходитъ въ »нераскрытое настоящее« (142—143) и *Conjunctivus* съ *μῆ*, при которомъ также приходится имѣть дѣло съ »нераскрытымъ настоящимъ» временемъ (143—145) 133—145

Optativus, употребляющійся внѣ всякой зависимости отъ общесинтаксическихъ конструкцій, служитъ для выраженія желательнаго сужденія по отношенію къ будущему времени, съ видовыми отгѣнками *Imperativus*а; отличается отъ *Imperativus*а тѣмъ, что въ немъ не обращаемся за исполненіемъ желанія къ определенному лицу (145—146). Такими, въ сущности, остаются: *Optativus condicionalis*, только что послѣдній часто заходитъ съ отгѣнкомъ нераскрытаго факта въ прошедшее время, т. е. будущее время сужденія становится лишь *relativno* будущимъ (146—148), и *Optativus finalis*, также относящійся къ *relativno* будущему времени (148—149). Особому обсужденію подвергаются, по вопросу о выраженіи въ нихъ желательнаго сужденія, *Optativus potentialis* съ *ἄν* (149—150) и *Optativus orationis obliquae*; послѣдній, впрочемъ, какъ замѣняющій собою *indicativivnyj* формы и *долженствующій*, казалось бы, располагать грамматическими формами не для одного будущаго или »нераскрытаго настоящаго«, а для всѣхъ временъ, разсматривается особо по вопросу о его видовыхъ отгѣнкахъ дѣйствія: въ виду того, что средствъ для выраженія *indicativivnyj* временъ на дѣлѣ въ немъ нѣтъ, а есть только средства для выраженія видовыхъ отгѣнковъ дѣйствія, онъ долженъ увеличить послѣдніа

сравнительно съ Imperativ'омъ, Coniunctiv'омъ и съ прежними подразрядами Optativ'a (150—154)	145—154
Заключеніе о глаголѣ	154—157

III. Отдѣлъ :

Общія положенія объ имени	158—239

Имя, какъ названіе предметовъ, въ рѣчи и противопоставленіе его въ этомъ отношеніи глаголу, немислимому въ рѣчи, такъ какъ онъ всею своею сущностью есть сама рѣчь; указаніе на роды имени, соответствующіе родамъ предметовъ 158—163

То же имя, при переходѣ его въ связную рѣчь, въ именительномъ падежѣ: Общее замѣчаніе о падежахъ, какъ принадлежности именъ (163—165). Ономатическія предложенія, состоящія изъ одного имени (165). Ономатическія предложенія, состоящія изъ двухъ именъ, изъ которыхъ одно служитъ поименованіемъ предмета, а другое — обозначеніемъ или ббльшаго логическаго объема, въ который входитъ поименованный раньше предметъ съ своимъ меньшимъ логическимъ объемомъ, или вообще его признака, причемъ оба имени «относятся къ одному предмету» (165—166). Какъ нужно понимать «отнесеніе двухъ именъ къ одному предмету, когда въ рѣчи оба они служили названіемъ разныхъ предметовъ? (166—168). Психо-логическія и логическія подлежащее и сказуемое (169—171). Синтаксическія подлежащее и сказуемое (172—176). Ономато-риматическія предложенія, состоящія изъ одного имени и одного глагола: разборъ ихъ по разнымъ подлежащимъ и сказуемымъ и выясненіе ихъ отношенія къ ономатическимъ предложеніямъ (176—184). Особо подвергается обсужденію вопросъ о согласованіи, замѣченномъ и въ ономатическихъ и ономаториматическихъ предложеніяхъ: логическое равенство и отношеніе его къ разнымъ подлежащимъ и сказуемымъ (184—186). О согласованіи вообще, поставленномъ не въ связи съ именительнымъ падежемъ, и о логическомъ опредѣленіи, въ которомъ опредѣляющее имя исполняетъ роль признаковаго слова по отношенію къ имени опредѣляемому (186—191) 158—191

Признаковое имя, какъ особая грамматическая форма, въ противопоставленіи существительному, и отношеніе его къ подлежащимъ и сказуемымъ, равно какъ и къ логическому равенству и къ логическому опредѣленію 191—195 ✓

Матеріальное имя вообще, въ противопоставленіи формальному или мѣстойменію (195—197). Дѣленіе матеріальнаго имени: глагольное имя (infinitivus) и его двусторонность по вопросу о томъ, принадлежитъ ли оно къ существительнымъ или признаковымъ именамъ, а также синтаксической, а не этимологической характеръ его падежей (197—202); глагольное признаковое имя или такъ называемое participium (202—203); качественное и количественное признаковое, какъ подразряды простаго (т. е. не глагольнаго) признаковаго имени (203—205); выдѣленіе счетной части рѣчи (205—207) 195—207

- Звательный падежъ** и отношеніе его къ именительному падежу . . . 208
- Общія положенія о настоящихъ или такъ называемыхъ косвенныхъ падежахъ:** Настоящихъ падежей въ именахъ — шесть; разборъ мѣтнія о постепенности ихъ развитія (209—218). Опровергается теорія о значеніи падежей, стоящая на почвѣ Беккеровскаго »организма« языка (219—222). Опровергается локалпстическая теорія (222—225); вдобавокъ къ падежамъ, какъ выражающимъ не-локальныя »отношенія«, нужны предлоги, какъ особая часть рѣчи, предназначенная для выраженія прежде всего локальных, а затѣмъ и другихъ »отношеній« (225—234). Какія »отношенія« выражаются самими падежами? — синкретическая теорія Hübschmann'a (235—236); ученіе Дельбрюка о падежахъ (236—238); послѣловіе (238—239) 209—239

IV. Отдѣлъ :

Предлоги и опредѣленіе значенія падежей, поскольку послѣдніе находятся въ связи съ предлогами 240—341

Опредѣленіе значенія предлоговъ, указывающихъ первоначально на мѣстное отношеніе предмета къ предмету, а затѣмъ вообще служащихъ для »сопоставленія предмета съ предметомъ«, причемъ одинъ изъ сопоставляемыхъ предметовъ показанъ въ самомъ предлоговомъ оборотѣ (т. е. въ томъ падежѣ, который присоединяется къ предлогу), а другой находится внѣ предлоговаго оборота и долженъ быть часто извлекаемъ изъ признаковаго слова, включая сюда и глаголь, т. е., собственно ту первую его часть, которая какъ признакъ (дѣйствіе то жъ) присуждается лицу. Значеніе каждаго въ отдѣльности предлога, въ связи съ присоединяющимся къ нему тѣмъ или инымъ падежемъ, опредѣляется по слѣдующему порядку:

1. *ἐν-εἰς-ἐξ* 240—249

Эпизодически объясняется:

Отношеніе означенныхъ предлоговъ къ формамъ на *θι-θεν-θα*, причемъ указывается, въ отличіе отъ предлоговыхъ оборотовъ, на просторовое значеніе упомянутыхъ формъ, т. е. на обозначеніе ими предмета какъ простора, гдѣ — откуда появляется —, и куда направляется — дѣйствіе (246—249).

2. *σύν-μετά* 249—260

Эпизодически объясняется:

Accusativus, какъ вещный падежъ, т. е. падежъ, указывающій на отмѣченный въ немъ предметъ, какъ на вещь, которая поступаетъ въ чье нибудь распоряженіе, причемъ цѣль движенія, также иногда обозначаемая этимъ падежемъ, является лишь метафорой перваго значенія (255—259).

3. *πρό-ἀντί-πρός* 260—275

Эпизодически объясняются:

Genitivus, какъ генитивный или родовоу падежъ, не имѣющій никакого спеціальнаго отгѣвика (262—264) и употребляющійся при предлогахъ лишь тамъ, гдѣ падежа съ спеціальнымъ отгѣвкомъ

не подыскивается, такъ какъ предлоги, вмѣстѣ съ глаголами, глагольными именами и глагольными признаковыми, — вообще, вмѣстѣ съ глаголовыми словами, — составляютъ особую группу частей рѣчи, требующую къ себѣ, если это оказывается возможнымъ, спеціальнаго падежа, который бы спеціальнымъ образомъ своего значенія шель навстрѣчу ихъ собственному значенію (265—266).

Ablativus, какъ падежъ первоначально этической, т. е. обозначающій предметъ, какъ этическую исходную точку дѣйствія (267—268).

Localis, какъ падежъ первоначально этической, т. е. обозначающій предметъ, какъ этическую сферу, въ которой дѣйствіе вращается, и только лишь благодаря нѣкоторому огрубѣнію сдѣлавшейся падежемъ просторовымъ, наравнѣ съ формою на *ἔ* (271—273), и заслужившій по этому названіе мѣстнаго падежа.

4. *παρά* 275—285

Эпизодически объясняется:

Dativus, какъ падежъ личный, въ противоположность Accusativ'у, какъ падежу вещному; между косвенными падежами онъ исполняетъ такую же роль, какая при другомъ построеніи фразы и въ другой зависимости словъ принадлежитъ имени-тельному падежу (277—281).

5. *κατά-ἀνά* 285—301

Эпизодически объясняется:

Ablativus, какъ удалительный падежъ, въ смыслѣ дальнѣйшаго его развитія, имѣющаго начало въ его этическомъ значеніи (286—287).

6. *ἀμφι-περί* 301—307

7. *ἀπό-ἐπί* 307—313

8. *ὑπέρ-ὑπό* 313—315

9. *διά* 315—316

10. о несостоящихъ (?) предлогахъ (?) 317—318

Опровергается мнѣніе о «нарѣчности» предлоговъ указаніемъ на весь смыслъ какъ, съ одной стороны, такъ называемаго самостоятельнаго употребленія предлоговъ, т. е. безъ падежей (318—321), такъ и, съ другой, составныхъ съ предлогами словъ, причемъ послѣднія раздѣляются на три категоріи: 1. *composita*, заключающія въ себѣ обозначеніе предмета, который въ предлоговомъ оборотѣ показанъ былъ въ падежѣ, присоединяющемся къ предлогу (322—324); 2. *composita*, заключающія въ себѣ иногда обозначеніе предмета, который при предлоговыхъ оборотахъ показанъ былъ внѣ оборотовъ (324—333); 3. *composita*, въ которыхъ предлогъ перестаетъ чувствоваться предлогомъ и служитъ лишь для видоизмѣненія значенія второй части *composita* (333—340). Заключение (340—341) 318—341

V. Отдѣлъ:

Окончательное опредѣленіе значенія падежей 342—410

Славянскій творительный падежъ: Разные типы прямыхъ, въ которыхъ встрѣчается творительный падежъ (343—344), причемъ

выдѣляются, какъ нѣчто особое, предлоговые съ творительнымъ падежемъ обороты, противопоставляемые въ славянскомъ же языкѣ предловымъ оборотамъ съ мѣстнымъ падежемъ (344 и 345). О такъ называемомъ творительномъ «уподобленіи»: творительный падежъ является здѣсь указателемъ на отмѣченный въ немъ предметъ, какъ на созидающій чей нибудь признакъ или, скорѣе, видъ чьего нибудь признака (345—348). Это значеніе творительнаго падежа оказывается настоящимъ и единственнымъ значеніемъ творительнаго падежа вообще, такъ какъ оно примѣнимо ко всѣмъ типамъ примѣровъ на творительный падежъ (349—351). Противопоставленіе предлоговаго оборота, какъ чего то одного и служащаго прежде всего для сопоставленія предмета съ предметомъ, чистому падежу, какъ чему то другому и служащему прежде всего для дополненія признаковъ словъ, въ томъ числѣ и глагола (351 и 356) 342—356

Омировскій падежъ, оканчивающійся на *ϕiv*, является, собственно, творительнымъ падежемъ (356), но принявъ на себя легко соединяющіяся съ его значеніемъ функціи личнаго и мѣстнаго падежей при признаковыхъ словахъ (356—360): формы на *ϕiv*, встрѣчающіяся въ предловыхъ оборотахъ, своятся также то къ личному, то къ мѣстному, то къ творительному падежамъ (360—366). Определеніе значенія греческаго творительнаго падежа въ согласіи съ значеніемъ творительнаго славянскаго (366) 356—366

Личный падежъ: Личный при признаковыхъ словахъ и личный этический; хотя послѣдній относится къ синтаксическому сказуемому, а не къ признаковому слову, но и синтаксическое сказуемое является въ известномъ смыслѣ признакомъ (367). Личный падежъ также зависитъ отъ существительныхъ словъ, указывая тогда на лицо, въ противоположность подчиненной ему вещи, отмѣченной въ падежѣ, отъ котораго зависитъ личный падежъ (367—368) 366—368

Значеніе вещнаго падежа до сихъ поръ выяснено въ слѣдующемъ смыслѣ: 1. онъ указываетъ на предметъ какъ на вещь, находящуюся въ чьемъ нибудь распоряженіи; 2. въ предметъ обозначена имъ цѣль движенія; 3. предметъ отмѣченъ имъ какъ законченный и какъ служащій основаніемъ распоряженій (послѣдній оттѣнокъ выясняется на 316 стр. нашего сочиненія). Всѣ эти оттѣнки представляютъ собою нѣчто единое (369). Въ чистомъ своемъ видѣ, т. е. не въ предловомъ оборотѣ, личный падежъ завязанъ исключительно отъ признаковыхъ словъ, причемъ, въ виду вышеприведеннаго замѣчанія о глаголовыхъ словахъ, слѣдуетъ отдѣлить глаголова признаковыя слова отъ простыхъ (369). Въ зависимости отъ первыхъ, вещный падежъ является указателемъ объекта дѣйствія (369—370), а въ зависимости отъ послѣднихъ — вещнымъ простирательнымъ (371). Между объектами дѣйствія слѣдуетъ различать внѣшній объектъ и внутренний (372). Греческій языкъ допускаетъ послѣ глаголовыхъ признаковыхъ словъ соединеніе двухъ объектовъ

(372), что дает возможность выяснить связь между внешним объектом действия и внешним простирательным (373—374). Больше отглагольных во внешнем падеже *пѣтъ* (374—375), и все, которые во немъ есть, сосредоточиваются во опредѣленіи его какъ указателя на предметъ, поступающій цѣликомъ во чье нибудь распоряженіе: что значить «цѣликомъ»? (375). Отступление о психологическомъ внешнемъ падежѣ этимологическихъ формъ именительнаго и вещнаго падежа именъ среднего рода и противопоставленіе этихъ формъ формамъ звательнаго падежа, какъ пополненіе изложеннаго на стр. 208 и 211 нашего сочиненія (375—377). Чередуваніе вещнаго падежа съ другими падежами и предлоговыми оборотами; послѣднее возможно во виду того, что признаковое слово, отъ котораго зависитъ чистый падежъ, допускаетъ извлеченіе изъ него имени существительнаго (377—381) 369—381

Родовой падежъ, не проявляющій никакого specialнаго отглагольнаго послѣ признаковыхъ словъ (381—383), не проявляетъ его и послѣ существительныхъ именъ, съ которыми онъ также соединяется, заявляя и съ этой стороны о себѣ какъ падежъ «родовомъ», обозначающемъ просто, что нѣчто одно имѣетъ «отношеніе» къ чему то другому (383—385). Чередуваніе родоваго падежа съ другими падежами и съ предловыми оборотами (385—386) 381—386

Удалительный и мѣстный падежи. Хотя удалительный падежъ свое этическое значеніе потерялъ и «огрубѣлъ», хотя онъ во своемъ «огрубѣніи» дошелъ до способности вытѣснять формы на *ѣ*, но это его огрубѣніе — далеко не такое, какое мы замѣчаемъ во мѣстномъ падежѣ (386—387), оказавшемся способнымъ послѣ потери этического значенія, не только вытѣснять формы на *ѣ*, но и принять на себя значеніе предлоговаго съ *ѣ* оборота (388—389). Во удалительномъ падежѣ вытѣсненіе формъ на *ѣ* составляетъ рѣдкость; его настоящее мѣсто при сравнительныхъ степеняхъ (389—391) и при другихъ признаковыхъ словахъ, гдѣ удалительный падежъ указываетъ на удаленіе признака отъ отношенія къ предмету для того, чтобы самому признаку можно было осуществиться (391—394); при такомъ его значеніи родовой падежъ могъ принять на себя его функцію (394). Если мѣстный падежъ, при своемъ огрубѣніи, не исчезъ совсѣмъ, то этимъ онъ обязанъ своей (во нѣкоторыхъ случаяхъ) этимологической обособленности (394—395) 386—395

Дополнительныя къ ученію о падежахъ замѣчанія: о *genitivus absolutus*номъ, о падежахъ при глагольномъ имени и о падежахъ при отглагольномъ существительномъ. Такъ называемый *genitivus absolutus* оказывается обыкновеннымъ родовымъ падежемъ послѣ признаковыхъ словъ (395—396). Двустороннее глагольное имя оказывается признаковымъ постольку, поскольку оно само дополняется падежами по способу признаковыхъ словъ, а существительнымъ — постольку, поскольку само, какъ падежъ, дополняетъ собою другія слова (398—399). Слѣдуетъ разборъ падежей глагольнаго имени, во которыхъ послѣднее выступаетъ во роли существительнаго (397—403). Отступление о замѣнѣ

глагольного имени въ этой его роли глагольнымъ признаковымъ (403—405). О конструкции *accusativus cum infinitivo* (405—407). Указаніе въ отглагольныхъ существительныхъ на ту же двусторонность, какая замѣчается въ глагольномъ имени, и объясненіе тѣхъ падежныхъ дополненій, при которыхъ отглагольное существительное выступаетъ въ роли признаковаго слова (407—408). Заключение о падежахъ (409—410) 395—410

VI. Отдѣлъ.

Мѣстоименіе или, что то же, формальное имя 411—452

Формальное имя дѣлится, съ одной стороны, какъ матеріальное имя, на существительное и признаковое, а съ другой, — на цѣлый рядъ группъ, а именно: вопросительное (412—413); отрицательное, являющееся только существительнымъ (признаковаго отрицательнаго нѣтъ) и не имѣющее собственной этимологической темы, а составленное изъ вспомогательныхъ словъ (413—414); неопредѣленное, т. е. энкленированное вопросительное (414—415); обобщающее, составленное изъ вспомогательныхъ словъ (415), диктическое (415—417), анафорическое (417—429) и эпифорическое (429—430), причемъ роль анафорическаго исполняетъ также возвратное *οὐ-οἶ-ε* (423—425) и вмѣшавшееся въ борьбу за эту роль совершенно со стороны *αὐτός* (423). Отдѣльно подвергается изслѣдованію анафорико-эпифорическое *ὁ-η-το*, такъ называемый членъ, съ его шестью значеніями: *ὁ* историческаго намека (431—434), анафорическое *ὁ* въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова (434—436), контекстивное *ὁ* (436—437), раздѣлительное *ὁ* (437—438), *ὁ* синтаксическаго подлежащаго (438) и *ὁ* эпифорическое или грамматическое (438—441). Затѣмъ идетъ мѣстоименіе относительное, вышедшее изъ значенія тождественности и также вмѣшавшееся въ борьбу за роль анафоризованія; одновременно съ нимъ разбирается мѣстоименіе соотносительное (441—447). Слѣдуетъ восклицательное мѣстоименіе (447—448), а кончается отдѣлъ о мѣстоименіяхъ разборомъ признаковыхъ формальныхъ именъ *αὐτός* и *ἄλλος* (448—452)

VII. Отдѣлъ.

Частицы и «нарѣчія» 453—533

О вопросительной частицѣ. Вопросительная частица противопоставляется вопросительнымъ формальнымъ именамъ (453—455). Не вопросительную частицу, а «нарѣчіе» мы должны усматривать въ *ἄρα-ἄρα* (455—456) и въ *οὐκ οὐκ* (456—457). Вопросительною частицею оказывается *ἤ*, которое употребляется и въ двучленномъ вопросѣ, ослабляясь при этомъ обыкновенно въ *ἥ* (457—460). И *disjunctiv'ное*, и «сравнительное» *ἤ* вышло изъ вопросительнаго *ἤ* (460—464); то же самое нужно сказать объ «утвердительномъ» *ἤ* (464—466). Вопросительная частица *ἤ*

противопоставляется «нарѣчю» *εἰ*, которое, представляя собою окаменѣлый падежъ отъ темы *ya* (греческое *δς-η-δ*), употребляется въ выраженіяхъ желанія, условія и косвенныхъ вопросахъ (466—471) 453—471

Объ отрицательныхъ частицахъ: разница между *οὐ* и *μή* выясняется въ томъ смыслѣ, что *οὐ* слѣдуетъ считать отрицаніемъ говорящаго, а *μή* — отрицаніемъ посторонняго лица 471—488

Объ утвердительныхъ частицахъ. Послѣ эпизодическаго разъясненія «нарѣчій»:

<i>ἀλλά</i>	489—490
<i>ἀν-κεν</i>	490—491
<i>ἄτε-δτε</i>	491—492
<i>αὐ, αὐτε, αὐθις, ἐξαυτις, εἰσαυθις, αὐτάρ</i>	492—495
<i>εἶτα</i> и <i>ἔπειτα</i>	495—496
<i>ἔμπης</i>	496—497
<i>δμως</i> и <i>ἄμα</i>	497—498
<i>τοι</i>	499—500

указывается на разницу въ значеніи между утвердительными частицами: *μήν-μέν* (501), *δή-δέ* (501—503), *γε* (503) и *περ* (503—504). Примѣчаніе о *θην-θεν* и *μά-νή* (504) 501—504

О соединительной частицѣ. Хотя соединительныя частицы вообще могли бы выйти изъ утвердительныхъ (504), но греческая частица *καί* во всѣхъ своихъ четырехъ отбѣнкахъ (505—506) является соединительною въ корнѣ (507), а только частица *τε*, употребляющаяся въ соединительномъ значеніи, въ корнѣ называется частицею утвердительною (507—508). Частицы *τε* и *καί* противопоставляются «нарѣчю» *ἔτι* (508—510) 504—510

Заключеніе о частицахъ, какъ части рѣчи, имѣющей отношеніе всегда лишь къ синтаксическому сказуемому и не представляющей собою, въ отличіе отъ «нарѣчій», окаменѣлаго падежа ни отъ темы матеріальной, ни отъ темы формальнаго имени 510—513

О «нарѣчіяхъ» вообще: Нарѣчія оказываются послѣднимъ членомъ въ ряду частей рѣчи; «союзъ» иѣтъ (513). «Нарѣчія», происходящія отъ именъ существительныхъ, — матеріальныхъ, не формальныхъ, — и являющіяся сами косвенными падежами существительныхъ (513—514). «Нарѣчія», происходящія отъ простыхъ именъ признаковыхъ и являющіяся субстантивированными косвенными падежами (515—518). «Нарѣчія», относительно которыхъ колеблются, считать ли родоначальниками ихъ матеріальныя существительныя, или простыя признаковыя имена (518—519). Вообще всякое «нарѣчіе» является «окаменѣлымъ» косвеннымъ падежемъ, имѣющимъ характеръ субстантивный (519—521), и родоначальниками ихъ нужно считать вообще существительныя и признаковыя имена, простыя ли, или глагольныя, матеріальныя ли, или формальныя, это безразлично (521—522); слѣдуетъ разборъ нѣкоторыхъ «нарѣчій» (522—526). И тѣ «нарѣчія», которыя этимологически связаны съ предлогами, собственно происходятъ, положимъ не отъ существительныхъ, но — отъ признаковыхъ именъ (527—529). Разборъ отношенія «нарѣчій», этимологически связанныхъ съ предло-

гами, къ самимъ предлогамъ, какъ отдѣльной отъ «нарѣчій» части рѣчи: указывается на то, что предлоги могутъ дополняться разными падежами, тогда какъ «нарѣчія», наравнѣ съ существительными, дополняются родовымъ падежемъ (529 и 530; въ случаяхъ, гдѣ «нарѣчье» дополняется другимъ падежемъ, или даже предоговымъ оборотомъ, этотъ падежъ или предоговый оборотъ зависитъ отъ признаковой его части (531). Разъясняется неправильность употребленія термина «нарѣчія» объ окаменѣлыхъ субстантивныхъ косвенныхъ падежахъ, которыя, по зависимости ихъ отъ другихъ словъ, совершенно уравниваются съ живыми косвенными падежами существительныхъ (531—532). Слово «окаменѣлый», принятое въ опредѣленіе части рѣчи, занявшей у насъ послѣднее мѣсто въ ряду другихъ, свидѣтельствуетъ о незаконченности нашей синтаксической теоріи (532—533) 513—533

**Списокъ сочиненіямъ,
обозначеннымъ въ нашемъ изслѣдованіи
съ сокращеніями ихъ заглавій.**

Aken *οὐ* u. *μή* = Aken, *οὐ* und *μή* im Zusammenhange mit den Modalformen (Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik: 1858 (Bd. 78) S. 546 folg. — 1859 (Bd. 80) S. 49 u. 129 folg. — 1860 (Bd. 82) S. 204 folg.

Baeumlein Partik. = Untersuchungen über griechische Partikeln von W. Baeumlein, Stuttgart 1861.

Becker Org. = Organism der Sprache, als Einleitung zur deutschen Grammatik von K. F. Becker, Frankfurt 1827.

Bopp Vergl. Gramm. = Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Armenischen etc. von Franz Bopp, 3. Ausgabe, Berlin 1870.

Bréal Mel. = M. Bréal, *Mélanges de mythologie et de linguistique*, Paris 1877.

Bruchmann Psych. Stud. = Psychologische Studien zur Sprachgeschichte von Kurt Bruchmann in Berlin, Leipzig 1888.

Brugmann Grundr. = Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Kurzgefasste Darstellung der Geschichte des Altindischen, Altiranischen etc. etc. von Karl Brugmann und Berth. Delbrück, Strassburg 1886. —

Brugmann Handb. = K. Brugmann, Griechische Grammatik, in Ivan Müller's Handbuch der classischen Alterthumswissenschaft, Band II, 2. Auflage, München 1890.

Curtius Erl. = G. Curtius, Erläuterungen zu meiner griechischen Schulgrammatik, Prag 1863.

Curtius Verbum = G. Curtius, das Verbum der griechischen Sprache seinem Baue nach dargestellt, Leipzig 1873—76.

Curtius Grundz. = G. Curtius, Grundzüge der griechischen Etymologie, 5. unter Mitwirkung von Ernst Windisch umgearbeitete Auflage, Leipzig 1879.

Delbrück Grundr. (смотри выше: Brugmann Grundr.)

Delbrück Synt. Forsch. = Syntaktische Forschungen von Delbrück und Windisch, Halle 1871 folg.

Delbrück Sprachst. = Einleitung in das Sprachstudium, ein Beitrag zur Geschichte und Methodik der vergleichenden Sprachforschung von B. Delbrück, Leipzig 1880.

Ebeling Lex. Hom. = Lexicon Homericum composuerunt F. Albrecht, C. Capelle, A. Eberhard etc. etc., edidit H. Ebeling, Lipsiae 1885 sequ.

Gaedicke Accus. = Accusativ im Veda von Gaedicke, Breslau 1888.

Grimm D. Gramm. = Jac. Grimm, Deutsche Grammatik, neuer vermehrter Abdruck, Gütersloh 1890.

Hartung Casus = J. A. Hartung, über die Casus, ihre Bildung und Bedeutung in der griechischen und lateinischen Sprache, Erlangen 1831.

Hartung Partik. = J. A. Hartung, Lehre von den Partikeln der griechischen Sprache, Erlangen 1832.

Heerdegen Untersuch. = Ferdinand Heerdegen, Untersuchungen zur lateinischen Semasiologie, Heft I, Einleitung, Erlangen 1875.

Heerdegen Grundz. = Ferdinand Heerdegen, Grundzüge der lateinischen Bedeutungslehre (смотри: Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft von Chr. K. Reisig, II. Band, neu bearbeitet von Ferd. Heerdegen Berlin 1890, Seite 39—154).

Hermann Opusc. = Opuscula God. Hermanni, Lipsiae 1827.

Hey Sem. Stud. = Oskar Hey, Semasiologische Studien im 18. Supplementband der Jahrbücher für classische Philologie, Leipzig 1892 (S. 83—212).

Heyse Sprachw. = System der Sprachwissenschaft von K. W. L. Heyse, nach dessen Tode herausgegeben von H. Steinthal, Berlin 1856.

Hübschmann Casusl. = H. Hübschmann, zur Casuslehre, München 1875.

Humboldt Kawispr. = Über die Kawisprache auf der Insel Java von Wilh. v. Humboldt, Berlin 1836.

Jolly Infinitiv = J. Jolly, Geschichte des Infinitivs im Indogermanischen, München 1873.

Krüger Griech. Spr. = K. W. Krüger, Griechische Sprachlehre für Schulen, Berlin 1842–46.

Kühner Ausf. Gramm. = R. Kühner, Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache, 2. Auflage in durchweg neuer Bearbeitung, Hannover 1869—72.

Lange Partik. *ei* = L. Lange, der homerische Gebrauch der Partikel *ei* (Abhandlungen der kön. saechsichen Gesellschaft der Wissenschaften, Band IV, Leipzig 1873).

Miklosich Vergl. Gramm. = Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen, Band IV: Syntax, Wien 1874.

Miklosich Et. Wört. = Fr. Miklosich, Etymologisches Wörterbuch der slawischen Sprachen, Wien 1886.

Müller Vorles. = Max Müller, Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, für das deutsche Publicum bearbeitet von Carl Böttiger, autorisirte Ausgabe, Leipzig 1866.

H. D. Müller Indog. Sprachb. = Heinrich Dietrich Müller, der indogermanische Sprachbau in seiner Entwicklung, I, Göttingen 1879.

Mutzbauer Tempusl. = Die Grundlage der griechischen Tempuslehre und der homerische Tempusgebrauch, ein Beitrag zur historischen Syntax der griechischen Sprache von Karl Mutzbauer, Strassburg 1893.

Paul Princip. = Principien der Sprachgeschichte von Hermann Paul, 2. Auflage, Halle 1886.

Потебня Зап. = Записки по русской грамматикѣ А. Потебни, 2ое издание, Харьковъ 1888.

Pott Etym. Forsch. = A. F. Pott, Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, Lemgo 1833—36.

Prellwitz Wörterb. = Prellwitz, Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache, Göttingen 1892.

Reisig Vorles. = Reisig's Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft, gehalten 182⁶/₇, veröffentlicht durch Haase, Leipzig 1839.

Ries Wis = Was ist Syntax? ein kritischer Versuch von John Ries, Marburg 1894.

Rumpel Casusl. = Th. Rumpel, Casuslehre in besonderer Beziehung auf die griechische Sprache, Halle 1845.

Scherer Kl. Schr. = Wilhelm Scherer, kleine Schriften zur altdeutschen Philologie, herausgegeben von Burdach, Berlin 1893.

K. E. Schmidt Beitrage = Karl Ernst Schmidt, Beitrage zur Geschichte der Grammatik des Griechischen und Lateinischen, Halle 1859.

Schömann γενική = G. F. Schömann: Was bedeutet γενική πρῶσις? (Höfer's Zeitschrift für die Wissenschaft der Sprache, Band I und II) Leipzig 1845—47.

Schömann Redeth. = Die Lehre von den Redetheilen nach den Alten dargestellt und beurtheilt von G. F. Schömann, Berlin 1862.

Steinthal Gramm. etc. = Grammatik, Logik und Psychologie, ihre Principien und ihr Verhaeltniss zu einander von H. Steinthal, Berlin 1855.

Steinthal Gesch. = Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern von H. Steinthal, Berlin 1863.

Trendelenburg Accusativus = F. A. Trendelenburg, Accusativi nomen quid sibi velit (Acta societatis graecae, Vol I, edd: Westermannus et Funkhaenel, Lipsiae 1836).

Wegener Untersuch. = Untersuchungen über die Grundfragen des Sprachlebens von Ph. Wegener, Berlin 1855.

Zierner indogerm. Compar. = Vergleichende Syntax der indogermanischen Comparation, insbesondere der Comparationscasus der indogermanischen Sprachen und sein Ersatz, von Hermann Zierner, Berlin 1884.

ОПЫТЪ СИМАСІОЛОГИИ
ЧАСТЕЙ РЪЧИ И ИХЪ ФОРМЪ
НА ПОЧВЪ ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА.

І.

Опредѣленіе задачи.

Языковѣды нашего столѣтія создали великую науку »сравнительнаго языкознанія«; создали ее тѣмъ, что начали изучать санскритскій языкъ, оказавшій услугу ключа къ уразумѣнію »индоевропейскихъ« языковъ. Принявшись затѣмъ за изслѣдованіе не только индоевропейскихъ, но и другихъ языковъ и *языка вообще*, они — въ большей, чѣмъ прежде, степени — ставили изученіе языковъ (да и должны были ставить, если хотѣли оправдать »ключъ« и, вообще, уразумѣть связь явленій въ языкахъ) на почву *историческаго развитія* языка.

Особенно важнымъ для успѣховъ сравнительнаго языкознанія является начавшееся съ первыхъ же поръ рожденія нашей науки привлеченіе къ сравненію *роднаго* языка и разслѣдованіе его на *исторической* же почвѣ. Родной языкъ открытъ для всякаго не только въ книжной, но и народной словесности; родной языкъ вообще живо чувствуется всякимъ, а потому не въ примѣръ чужому языку даетъ въ руки изслѣдователю гораздо больше средствъ для *провърки**) добываемыхъ на пути изслѣдованія результатовъ.

*) Wegener, Untersuch. 7: Wie der Physiologe nicht an altaegyptischen Mumien oder an Petrefacten seine Studien machen wird, sondern am lebendigen Thier- oder Menschenleibe, ebenso müssen wir die Gesetze vom Leben und Wachsen der Sprache an den uns durchsichtigsten Spracherscheinungen der lebendigen Muttersprache erst kennen lernen, um hieraus den grossen Trümmerhaufen der Überlieferung von den ausgestorbenen Sprachen sichten, ordnen, verstehen zu lernen.

Все это направленіе въ языковѣдѣніи не могло не про-
извести громаднаго переворота во взглядѣ и на ту сторону
языка, которая называется синтаксисомъ.

Правда, сравнительное языкознаніе въ самомъ началѣ
своего существованія сосредоточилось на *фонетической* и
морфологической сторонахъ языка. Да и до сихъ поръ
наши языковѣды обращаютъ главное вниманіе на выработку
законовъ *фонетическихъ* и *морфологическихъ*. Нѣтъ со-
мнѣнія, что уже этими изысканіями косвенно оказана большая
услуга и *синтаксису*. Но и *непосредственно* въ синтаксисѣ
сравнительнымъ языкознаніемъ сдѣлано немало.

Wilhelm von Humboldt, имѣвшій понятіе не только
объ индоевропейскихъ, но и о многихъ другихъ языкахъ,
проникшій въ свое время глубже всѣхъ языковѣдовъ во
внутренній смыслъ языка вообще, провозгласившій — какъ
извѣстно — языкъ не за *продуктъ* дѣятельности человѣ-
ческаго духа, а за самую его *дѣятельность*, въ своемъ
знаменитомъ введеніи къ *Kawispr.* доводитъ глубокомысле-
нѣйшее изслѣдованіе этой дѣятельности духа человѣческаго
до глубокомысленнѣйшихъ положеній и въ области синтаксиса.

Указавъ, что языки при связываніи «элементовъ» въ одно
осмысленное цѣлое пользуются *тремя* методами, а именно:
флектирующимъ, агглютинирующимъ и спайнымъ*), онъ на-
ходитъ, что тотъ или иной *конкретный* языкъ обыкновенно
прибѣгаетъ ко *всѣмъ* имъ — съ *преобладаніемъ*, впрочемъ,
какого-нибудь одного изъ нихъ**). Подъ «элементами»
Гумбольдтъ разумѣетъ или отдѣльныя *части* слова, и тогда

*) Что слѣдуетъ разумѣть подъ терминами «флектирующій» и «агглю-
тинирующій», — всякому извѣстно. Для выясненія термина «спайный» (*ein-
verleibend*) Гумбольдтъ, между прочимъ, приводитъ выраженіе *o-ni-c-te-ma-a-c*.
Это выраженіе принадлежитъ мексиканскому языку; въ немъ заключаются
въ порядкѣ послѣдовательности, слѣдующія части: приращеніе (т. е. указатель
прошедшаго времени) + я + это + кому-то + дать + обозначеніе про-
шедшаго времени. Первая и послѣдняя части являются какими-то скобками,
придающими всему выраженію видъ одного какъ-бы слова (См. *Kawispr.* I. 182).

***) *Kawispr.* I. 180: Von allen drei Methoden finden sich in den meisten
Sprachen einzelne stärkere oder schwächere Spuren. Wo aber eine derselben
bestimmt vorwaltet und zum Mittelpunkte des Organismus wird, da lenkt sie
auch den ganzen Bau, in strengerer oder loserer Consequenz, nach sich hin.

»осмысленнымъ цѣлымъ« является *слово*, или же самая слова, составляющія изъ себя *высшее* осмысленное цѣлое, которое *мы* назвали бы »рѣчью«.

Въ языкахъ »санскритскихъ«, какъ ихъ называетъ Гумбольдтъ, т. е. родственныхъ санскритскому, преобладаетъ флектирующій методъ, и многочисленныя флектировки словъ ведутъ къ тому, чтобы слова, какъ *единицы*, возможно больше были приспособлены къ составленію изъ нихъ »предложения, какъ одного *цѣлаго* (das sorgfältige grammatische Zurichten des Wortes zur Satzverknüpfung; см. Kawispr. I. 180).

Можно сказать, что всякое, хотя бы и самое неполное на первый взглядъ выраженіе, въ которомъ замѣчается какой-нибудь изъ упомянутыхъ методовъ связыванія, есть воплощеніе законченной мысли.*) Конечно, — такъ, приблизительно, разсуждаетъ Гумбольдтъ, — не къ чему были бы всѣ флектировки, агглютинировки и спайки, не будь въ насъ *особой*, чисто *духовной* силы, которая сообщаетъ этимъ внѣшнимъ показателямъ единенія настоящій смыслъ, и которая въ сущности *сама* создаетъ единеніе. Эту духовную силу Гумбольдтъ называетъ Setzen (какъ бы *усаживаніе на мѣсто чего то, бродившаго врозь*), создаваемое же ею единеніе внѣшнихъ »элементовъ«, — будь это части *слова*, или части какого-нибудь *сложнаго* выраженія, — Synthesis'омъ. Замѣчательно высказывается Гумбольдтъ по этому поводу Kawispr. I. 268: Da die Synthesis, von welcher hier die Rede ist, keine Beschaffenheit, nicht einmal eine Handlung, sondern ein wirkliches, immer augenblicklich vorübergehendes Handeln ist, so kann es für sie kein besonderes *Zeichen* an den Wörtern geben, und das Bemühen ein solches Zeichen zu finden, würde schon an sich den Mangel der wahren Stärke des Actes durch die Verkennung seiner Natur beurkunden.

*) Kawispr. I. 179: Jede, noch so unvollständige Aussage, macht in der Absicht des Sprechenden einen geschlossenen Gedanken aus. Подъ »unvollständige Aussagen« Гумбольдтъ разумѣетъ, очевидно, не только »эллиптическія« и »брахилогическія« выраженія въ родѣ *Quos ego!* или *вонъ отсюда!*, но и всякія, какъ ихъ называли Греки, *φράσεις*, входящія въ составъ такъ называемаго предложенія, въ родѣ *добрый человекъ, рубить лѣсъ* и т. п.

Die wirkliche Gegenwart der Synthesis muss gleichsam immateriell sich in der Sprache offenbaren, man muss inne werden, dass sie, gleich einem Blitze, dieselbe durchleuchtet und die zu verbindenden Stoffe, wie ein Gluth aus unbekanntem Regionen, in einander verschmolzen hat. Dieser Punkt ist zu wichtig, um nicht eines Beispielen zu bedürfen. Wenn in einer Sprache eine Wurzel durch ein Suffix zum Substantivum gestempelt wird, so ist das Suffix das materielle Zeichen der Beziehung des Begriffes auf die Kategorie der Substanz. Der synthetische Act aber, durch welchen, unmittelbar beim Aussprechen des Wortes, diese Versetzung im Geiste wirklich vor sich geht, hat im Worte selbst kein eignes einzelnes Zeichen, sondern sein Dasein offenbart sich durch die Einheit und Abhängigkeit von einander, zu welcher Suffix und Wurzel verschmolzen sind, also durch eine verschiedenartige, indirecte, aber aus dem nämlichen Bestreben fließende Bezeichnung Man kann diesen Act überhaupt den Act des *selbstthätigen Setzens durch Zusammenfassung* (Synthesis) nennen. — Мы бы предложили перевести слово *Setzen* словомъ *укладываніе*.

Такимъ образомъ, то, что нѣмцы въ болѣе *тъсномъ* смыслѣ называютъ Satz'омъ, а мы — предложениемъ, получаютъ въ устахъ Гумбольдта особенно глубокое значеніе. Это — тоже «укладываніе» (Setzen) «черезъ собираніе воедино» (durch Zusammenfassung oder durch Synthesis) чего-то, бродившаго врозь, причемъ это «уложенное» является здѣсь *въ видѣ болѣе законченномъ*, сравнительно съ какимъ-нибудь «неполнымъ выражениемъ» (unvollendete Aussage). Am deutlichsten und offenbarsten — говоритъ Гумбольдтъ Kawispr. I. 266 — erkennt man den Act des selbstthätigen Setzens durch Synthesis in der *Satzbildung*.

Душою всего «предложенія» въ санскритскихъ, да и другихъ языкахъ является то флектируемое извѣстнымъ образомъ слово, которое Гумбольдтъ наравнѣ со всѣми, прибѣгающими къ *латинской* терминологіи, называетъ *verbum*. Устанавливая для *verbum* родовое наименованіе, Гумбольдтъ не измѣняетъ традиціи и называетъ его «частью

рѣчи» (Redetheil). Если это Гумбольдтъ сдѣлалъ сознательно, то тогда *высшее* цѣлое, являющееся результатомъ «укладыванія черезъ собираніе воедино» (des selbstthätigen Setzens durch Synthesis), должно бы быть, собственно, не предложіе (Satz), а именно, какъ мы выше сказали, рѣчь (Rede).

Душою «предложенія» называетъ Гумбольдтъ данную часть рѣчи по слѣдующимъ соображеніямъ. Verbum рѣзко отличается отъ помен и другихъ частей рѣчи, могущихъ попасть въ простое предложіе, тѣмъ, что ему одному «актъ синтетическаго укладыванія присущъ какъ *грамматическая функція*». Само verbum, совершенно наравнѣ съ склоняемымъ помен, обязано этому акту своимъ *возникновеніемъ* (т. е. тѣмъ, что въ немъ «слились воедино» корень, суффиксы и пр.). Но въ *свою* очередь оно, т. е. его *грамматическая форма*, будучи *продуктомъ* синтетической работы, дальше явится ея производителемъ и, захватывая свою сцѣпляющею силою все большій районъ, обниметъ ею все предложіе. Такимъ образомъ, между нимъ и остальными словами, попадающими въ простое предложіе, опредѣляется разница, которая не позволяетъ ставить его на одну доску съ ними. Всѣ остальные слова предложенія представляютъ собою, такъ сказать, мертвый, еще только подлежащій соединенію матеріалъ, одно verbum является не только живымъ, но и животворящимъ средоточіемъ. Когда мы произносимъ слово *есть*, или слово *думаетъ*, — а разница между *есть* и *думаетъ* та, что въ послѣднемъ «бытіе» (т. е. то, что выражено въ *первой части* слова *есть*) соединяется съ нѣкимъ «движеніемъ», переходя, такимъ образомъ, въ выраженіе «дѣйствія» — то въ этихъ двухъ словахъ »слиты воедино« въ одномъ — »бытіе«, а въ другомъ — »дѣйствіе« со *сказуемымъ* (*есть* и *думаетъ* суть »сказуемая«), но *этотъ же* синтетическій актъ (т. е. то обстоятельство, что слова *есть* и *думаетъ* чувствуются нами какъ *сказуемая*) ведетъ насъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ *подлежащему*. Что значитъ »ведетъ къ подлежащему«? Это значитъ, что и »бытіе«, и »дѣйствіе« рисуются уже *присвоенными* подлежащему; другими словами, то, что

прежде, до произнесенія словъ *есть* и *думаетъ*, мыслилось только какъ *соединимое*, во время произнесенія ихъ уже *соединено*. Мы не «мыслимъ» больше ударъ + молнію, а сама *молнія* есть то, что ударяетъ. Выражаясь образно, черезъ произнесеніе *verbi* наша мысль выходитъ изъ *мастерской*, гдѣ она только еще *собиралась*, въ *дѣйствительность*, гдѣ она уже закончена.

Эта истина является великимъ открытіемъ Гумбольдта въ языкѣ. Въ настоящее время она, конечно, представляется намъ рутинною, хотя нельзя сказать, чтобы она произвела коренную перемѣну въ системѣ нашего синтаксиса. Вотъ подлинныя слова, въ какихъ эта мысль возвѣщена была ея авторомъ (Kawispr. I. 267): Das Verbum unterscheidet sich vom Nomen und von den anderen, möglicherweise im einfachen Satze vorkommenden „Redetheilen“ mit schneidender Bestimmtheit dadurch, dass ihm allein der Act des *synthetischen Setzens* als grammatische Function beigegeben ist. Es ist ebenso, als das declinirte Nomen, in der Verschmelzung seiner Elemente mit dem Stammworte durch einen solchen Act entstanden, es hat aber auch diese Form erhalten, um die Obliegenheit und das Vermögen zu besitzen, diesen Act in Absicht des Satzes wieder selbst auszuüben. Es liegt daher zwischen ihm und den übrigen Wörtern des einfachen Satzes ein Unterschied, der, diese mit ihm zur gleichen Gattung zu zählen, verbietet. Alle übrigen Wörter des Satzes sind gleichsam todt da liegender, zu verbindender Stoff, das Verbum allein ist der Leben enthaltende und Leben verbreitende Mittelpunkt. Durch einen und ebendenselben Act knüpft er durch das *Sein* das *Prädicat* mit dem *Subjecte* zusammen, allein so, dass das *Sein*, welches mit einem *energischen* Prädicate in ein *Handeln* übergeht, dem Subjecte selbst beigelegt, also das bloss als verknüpfbar *Gedachte* zum Zustande oder Vorgange in der *Wirklichkeit* wird. Man denkt nicht bloss den einschlagenden Blitz, sondern der Blitz ist es selbst, der herniederfährt... Der Gedanke, wenn man sich so sinnlich ausdrücken könnte, ver-

lässt durch das Verbum seine innere Wohnstätte und tritt in die Wirklichkeit über.

Та же сила творящаго языкъ духа (dieselbe Kraft des sprachbildenden Geistes), которая вызвала къ жизни *verbum*, создала и *conjunctiones*. *Conjunctio* (= союзъ), указывая на взаимное отношеніе *двухъ* предложеній, даетъ возможность поднаться на *высшую* ступень синтеза, — сдѣлать его болѣе сложнымъ (es liegt in der Conjunction ein doppeltes Zusammenfassen, eine verwickeltere Synthesis). Благодаря союзу, предложеніе возвышается до періода, причемъ союзы распадаются на болѣе легкіе (*leichtere*), которые изъ нѣсколькихъ предложеній дѣлаютъ одинъ *многочленъ*, — *многочленъ* или соединительный или различительный (*verbindend und trennend*), — и на болѣе тяжелые или вѣскіе (*schwierigere*), которые подчиняютъ (*machen abhängig*) одно предложеніе другому (Kawispr. I. 292).

Особенную роль въ »синтезѣ«
играетъ *pronomen relativum*. Черезъ *pronomen relativum* соединяются между собою два предложенія такъ, что одно изъ нихъ служитъ выраженіемъ *качества* какого-нибудь *nomem*, заключающагося въ другомъ предложеніи (*macht einen blossen Beschaffenheitsausdruck eines Nomens des anderen Satzes*). Такимъ образомъ въ *pronomen relativum* слиты воедино — съ одной стороны *собственное* *pronomen*, какъ представитель и замѣститель въ *своемъ* предложеніи *nominis*, заключающагося въ другомъ предложеніи, а съ другой — *conjunctio*, *управляющая* этимъ предложеніемъ (*die den Satz regiert*), т. е. опредѣляющая ему мѣсто по отношенію къ другому предложенію (Kawispr. I. 293).

Въ Kawispr. I. 107—117 помѣщено общее разсужденіе объ отношеніи внѣшней, *звуковой* стороны языка и его *грамматическихъ* формъ къ той духовной дѣятельности, которую Гумбольдтъ, какъ то уже отмѣчено, по частному ея проявленію называлъ *das selbstthätige Setzen*, а въ общемъ называетъ *Kraft des sprachbildenden Geistes*. Это разсужденіе, по крайней мѣрѣ въ первой его половинѣ (стр. 107—112),

до того для насъ важно, что мы считали бы большимъ пробѣломъ, если бы не помѣстили здѣсь посильное его истолкованіе.

Упомянутое разсужденіе носитъ заглавіе *innere Sprachform*, — заглавіе, показывающее, какіе глубокіе вопросы рѣшалъ, и притомъ рѣшалъ *первымъ*, Wilhelm v. Humboldt, хотя *болѣе* соотвѣтствующимъ содержанію разсужденія было бы заглавіе »объ отношеніи внутренняго языка къ внѣшнему«.

Самое художественное и самое богатое развитіе звука въ голосовыхъ органахъ человѣка — разсуждаетъ Гумбольдтъ — не могло бы создать внѣшняго, т. е. *звуковаго* языка, если бы звукъ не былъ одухотворяемъ внутреннею *идеєю* языка (Гумбольдтъ имѣетъ здѣсь въ виду, очевидно, нѣчто въ родѣ *Платоновской* идеи). Эта идея, или можно даже сказать *идеи* (die auf die Sprache bezogenen Ideen), эта чисто »интеллектуальная« сторона языка (rein intellektueller Theil der Sprache), есть нѣчто, у чего, такъ сказать, *только лишь въ услуженіи находится* *) творящая языкъ сила (die Spracherzeugung), пользующаяся для исполненія своей задачи звукомъ.

Свойства »интеллектуальной« стороны языка стоятъ въ зависимости отъ согласія и взаимодѣйствія (*Übereinstimmung und Zusammenwirkung*), въ которомъ *ея собственныя* законы (die sich *in ihr* offenbarenden Gesetze) находятся не только по отношенію *другъ къ другу*, но и по отношенію къ законамъ *мышленія и чувствованія*.

Въ звукахъ, какъ явленіи »тѣлесномъ и чувственномъ« (*körperlich und sinnlich*), вполне понятна возможность безконечнаго разнообразія, и у разныхъ народовъ звуки развиваются различно. Но и сама »интеллектуальная« сторона языка, этотъ *внутренній* языкъ, не у всѣхъ народовъ развивается одинаково. Съ одной стороны, одинаковому развитію ея мѣшаетъ та творящая внѣшній языкъ сила, которая, находясь у нея въ услуженіи, не вездѣ и не всегда служитъ

*) Хотя эти слова не сказаны у Гумбольдта прямо, но мы не погрѣшаемъ противъ него, вводя ихъ въ истолкованіе его мысли.

ей съ достаточною вѣрностью и энергіею (Гумбольдтъ тутъ употребляетъ слово *Abstufungen*), что объясняется въ особенности неодинаковостью взаимодействія участвующихъ въ ней факторовъ (*sowohl überhaupt, als in dem gegenseitigen Verhältniss der in ihr hervortretenden Thätigkeiten*). Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что «интеллектуальная» сторона языка находится въ зависимости не только отъ разума (*Verstand*), но и отъ фантазіи и чувства*), а фантазія и чувство есть нѣчто, что способно индивидуализировать не только народы, но и отдѣльныхъ людей.

Даже тамъ, гдѣ духовная сторона языка зависитъ исключительно отъ разума, даже тамъ она не развивается одинаково. Казалось бы напр., что *modi* въ *verbum* (Гумбольдтъ имѣетъ въ виду выраженія, черезъ которыя отгѣняется нѣчто одно, что «непрежненно должно случиться», отъ чего-нибудь другого, что «должно бы, судя по всему, случиться», и отъ третьяго, что «можетъ быть, случится» и т. д., словомъ, — выраженія, отгѣнки которыхъ касаются исключительно только *разсудочной дѣятельности*), — казалось бы, — говоритъ Гумбольдтъ, — что эти *modi* должны быть развиты во всѣхъ языкахъ одинаково, а между тѣмъ нельзя въ этомъ отношеніи и сравнивать, напр. санскритскій языкъ съ греческимъ.

Вообще языки (*разумѣй внѣшніе*) — не безъ недочетовъ: въ одномъ языкѣ недочетъ такой, въ другомъ иной, и часто случается, что одинъ языкъ долженъ прибѣгать къ *пространному описанію* чего-нибудь, выраженнаго въ другомъ кратко, или что форма одного языка замѣнена въ другомъ формою, совершенно ей не соотвѣтствующею и т. д. Причины этихъ явленій разныя. Не послѣднюю роль играетъ въ такихъ несоотвѣтствіяхъ между языками — звукъ. Языкъ, привыкшій уже къ извѣстнымъ звуковымъ сочетаніямъ, — одинъ къ тѣмъ, а другой къ инымъ (звуковая разрозненность въ языкахъ, какъ то уже отмѣчено,

*) Какъ видно изъ настоящаго толкованія, Гумбольдтъ понимаетъ свой терминъ «интеллектуальный» слишкомъ широко. Мы бы въ виду этого толкованія предпочли терминъ «духовная сторона языка».

есть нѣчто вполне естественное), — при новыхъ образованіяхъ находится *подъ вліяніемъ* этой привычки, и если въ одномъ языкѣ или въ одномъ случаѣ эта привычка благопріятствуетъ новому образованію, то въ другомъ она можетъ оказаться настоящимъ тормазомъ для него*). Можетъ случиться и то, — на это *тоже* уже указывалось, — что творящая внѣшній языкъ сила (Spracherzeugung) *сама по себѣ* въ томъ или иномъ случаѣ дѣйствуетъ вяло (собственно сказано: *der ideelle Bau der Form, sein innerer, vollständiger, in seine verschiedenen Theile gesonderter Organismus entfaltete sich nicht in hinreichender Klarheit vor dem bildenden Geiste der Nation*), а разъ такая сила *разрѣшила что-нибудь во внѣшнемъ языкѣ слабо, то этого слабого разрѣшенія поправлять уже не приходится, тѣмъ болѣе, что языкъ, повторимъ, вовсе не стѣсняется — разными описаніями и тому подобнымъ возмѣститъ этотъ свой недостатокъ и это слабое разрѣшеніе.**)*

Въ общемъ, соотвѣтствіе между звуковымъ и внутреннимъ языкомъ слѣдующее.

И здѣсь, и тамъ мы можемъ говорить объ «обозначеніи понятій» (Bezeichnung der Begriffe) и о «законахъ связыванія цѣлой рѣчи изъ отдѣльныхъ словъ или о «сочиненіи рѣчи» (Redefügung), какъ о двухъ существенныхъ (hauptsächlichste) отдѣлахъ языка.

Что касается *перваго* изъ упомянутыхъ отдѣловъ, т. е. обозначенія «понятій» (der Begriffe), то, хотя тутъ приходится строго различать *два* стороны дѣла, а именно: исканіе выраженія (Ausdruck) для индивидуальныхъ предметовъ (individuelle Gegenstände), какъ нѣчто *одно*, и обозначеніе такого или иного отношенія, въ которомъ находятся эти предметы, какъ нѣчто совершенно *другое*, однако и *предметъ*, и *отношеніе* есть нѣчто такое, о чемъ я, говорящій, долженъ составить такое или иное «*понятіе*» (вотъ что, собственно, Гумбольдтъ разумѣлъ подъ сло-

*) На это Гумбольдтъ указываетъ не только на стр. 110, но и на стр. 102.

***) И эта мысль не выражена у Гумбольдта *непосредственно*, а только *вытекаетъ* изъ его разсужденій.

вомъ *Begriff*, когда онъ говорилъ о »*Bezeichnung der Begriffe!*«), и въ самомъ языкѣ приходится »обозначать« (*bezeichnen*) именно то, что я о предметѣ или объ отношеніи »понялъ«, причемъ одинъ народъ или даже одинъ человѣкъ можетъ понять что-нибудь такъ, а другой иначе. И вотъ, въ то время какъ во *внѣшнемъ* языкѣ извѣстное »понятіе« о предметѣ и объ отношеніи вызываетъ появленіе того или иного слова, или, выражаясь иначе, въ то время какъ во *внѣшнемъ* языкѣ »обозначеніе понятій« (*Bezeichnung der Begriffe*) ведетъ къ словообразованію (*Wortbildung*), во *внутреннемъ* языкѣ само *составленіе* этихъ понятій (*Begriffsbildung*) и есть ихъ »обозначеніе«.

Переходя къ другому главному отдѣлу языка, къ »сочиненію рѣчи« (*Redefügung*), Гумбольдтъ указываетъ на то, что »сочиненіе рѣчи« отражается во *внѣшнемъ* языкѣ прежде всего на *измѣненіяхъ* словъ въ ихъ *формахъ* (*Wortbeugung*; имѣются въ виду склоненія, спряженія, степени сравненія и т. п.). Но такъ какъ всякая такая *Wortbeugung* въ сущности указываетъ на измѣненіе оиать таки только »отношенія«, то *внутренняя* форма языка *въ этомъ* отдѣлѣ, т. е. въ »сочиненіи рѣчи«, совпадаетъ съ *внутреннею* формою языка *второй* стороны *перваго* отдѣла, и дѣло сводится оиать таки къ »составленію понятія о разныхъ »отношеніяхъ« или, другими словами, къ полному и правильному различенію того, что *нужно* выразить въ языкѣ (*die Vollständigkeit und richtige Absonderung des zu Bezeichnenden*), въ то время какъ во *внѣшнемъ* языкѣ приходится слѣдить за *способомъ выраженія* этихъ отношеній (*die für solchen Begriff ideell* gewählte Bezeichnung*). Прослѣдить за »отношеніями« и за »способомъ ихъ выраженія« не трудно, такъ какъ, гдѣ идетъ рѣчь объ »отношеніяхъ«, тамъ все зависитъ отъ *общихъ* »формъ воззрѣнія« (*allgemeine Formen der Anschauung*) и отъ того, какъ относящіяся сюда »понятія« (разумѣй такое или иное *пониманіе* этихъ отношеній)

*) Слово *ideell* кажется намъ немного неточнымъ съ точки зрѣнія самого Гумбольдта; не *идеи* избираетъ способъ выраженія, а подлинная ей »творящая внѣшній языкъ сила«.

логически *сгруппировались* между собою (logische Anordnung der Begriffe). Вообще, въ «отношеніяхъ» нужно предположить поддающуюся обзорѣннѣю систему (ein übersehbares System).

Таково, въ общемъ, разсужденіе Гумбольдта въ первой половинѣ статьи о внутренней формѣ языка. Последними словами онъ какъ нельзя точнѣе опредѣляетъ задачу синтаксиса въ языкахъ вообще, а въ флектирующихъ въ особенности. Уяснить, какъ изъ отдѣльныхъ словъ связывается рѣчь (Redefügung), какія при этомъ связываніи наблюдаются «отношенія», и какъ эти отношенія выражены во *внѣшнемъ* языкѣ, — вотъ первоначальная задача синтаксиса. Но такъ какъ рѣчь связывается изъ *словъ*, и эти слова *также* выражаютъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ (въ окончаніяхъ), — а то и *цѣликомъ* (напр. conjunctio), — «отношенія»; такъ какъ въ флектирующихъ языкахъ сами *слова*, вообще, отличаются приспособленностью (Zurichtung) къ тому, чтобы изъ нихъ могла составиться рѣчь: то синтаксису надлежитъ, за одно съ изслѣдованіемъ самого «сочиненія рѣчи» (Redefügung), сгруппировать самыя слова по упомянутой *приспособленности* ихъ какъ *частей* рѣчи (Redetheile).

Самъ Гумбольдтъ не только не брался, но и не могъ взяться за такое изслѣдованіе. Изъ его же разсужденій явствуетъ, что оно можетъ имѣть успѣхъ только на *конкретной* почвѣ, въ области какого-нибудь *одного* языка (ибо каждый языкъ, по крайней мѣрѣ во *внѣшнемъ* своемъ проявленіи, хозяйничаетъ по своему), а Гумбольдтъ во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ обнимаетъ такую массу языковъ!

Это постоянное пареніе въ высотахъ и невозможность опуститься на конкретную почву произвело то, что Гумбольдтъ во всѣхъ своихъ блестящихъ разсужденіяхъ о синтаксисѣ не успѣлъ даже выбраться изъ закодированнаго круга не только традиціонной синтаксической терминологіи, но и традиціонныхъ, связанныхъ съ этою терминологіею, понятій. А между тѣмъ нужно сказать, что эти традиціонныя синтаксическія понятія, какъ они держались при Гумбольдтѣ, и какъ они держатся, по крайней мѣрѣ въ школѣ, до сихъ

поръ, представляли и представляют собою даже не сохраненіе, а положительное искаженіе того, чему о «частяхъ рѣчи» и о «сочиненіи рѣчи» учили еще Александрійцы по отношенію къ *греческому* языку. Однакожь, за всѣмъ этимъ введеніе Гумбольдта къ языку *каві* остается до сихъ поръ во *многихъ* отношеніяхъ поучительнымъ для синтаксиста и, во всякомъ случаѣ, *первымъ* опытомъ истолкованія живаго, такъ сказать, «организма» языка.

Сочиненіе, съ которымъ мы только что познакомились постольку, поскольку оно относится непосредственно къ нашему дѣлу, издано, какъ извѣстно, не самимъ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, а братомъ его Александромъ, послѣ смерти автора, въ 1836 году, — издано безъ всякихъ перемѣнъ въ редакціи, хотя къ *печати* самъ Вильгельмъ успѣлъ, да и то только кое-какъ, приготовить лишь первую часть.

Если у Гумбольдта положены только *начала* для научнаго синтаксиса, — положены на почвѣ изслѣдованія *языка вообще*, то за девять лѣтъ передъ выходомъ въ свѣтъ его сочиненія появилась книга съ вполне разработанною синтаксическою системою и съ весьма претенціознымъ названіемъ «организма языка». Синтаксическая система разработана здѣсь на почвѣ *нѣмецкаго* языка, причемъ для сравненія, какъ и *подобало* такому труду при вполне разившемся тогда уже направленіи подобныхъ изслѣдованій, привлекались разные другіе языки, въ томъ числѣ и славянскій. Мы разумѣемъ книгу К. Ф. Веcker'a.

Мы не упоминали бы объ этой книгѣ, не будь того обстоятельства, что она положительно завладѣла постановкою *учебнаго* дѣла по изученію языковъ, и уже благодаря этому мѣшаетъ надлежащему развитію *научной* разработки синтаксиса по тѣмъ началамъ, которыя положены для него Гумбольдтомъ.

Беккеръ исходитъ изъ того положенія, что каждое слово въ «организмѣ» языка мыслимо только какъ часть *предложенія*.

Есть слова, — разсуждаетъ онъ, — которыя своимъ этимологическимъ корнемъ обозначаютъ «понятіе» (Begriff),

а своимъ этимологическимъ окончаніемъ указываютъ на такое или иное »отношеніе« (Beziehung), съ которымъ само »понятіе« (Begriff) входитъ въ какое нибудь сочлененіе предложенія, какъ въ его часть (zum Satzverhältniss), или въ самое предложеніе (Satz), какъ въ нѣчто цѣлое (Org. 130).*)

Этимъ словамъ, получившимъ у Беккера названіе *Begriffswörter*, противопоставляется рядъ другихъ словъ, которыя исполняютъ роль лишь этимологическихъ окончаній, т. е. служатъ исключительно только для обозначенія »отношеній« (Beziehungen). Такія слова Беккеръ называетъ формальными (Formwörter) и относитъ къ нимъ:

1. Pronomina; они попали у Беккера въ Formwoerter главнымъ образомъ на томъ основаніи, что одни изъ нихъ, такъ называемыя *личныя* мѣстоименія, въ иныхъ языкахъ и въ *известныхъ* случаяхъ, при »глаголѣ« даже не ставятся, а заключаются въ окончаніи самого глагола (laudo, laudas etc.)

2. Numeralia, какъ опредѣленныя, такъ и неопредѣленныя (напр. *два*, *много* и т. д.); они только ближе опредѣляютъ собою то, что обозначено окончаніями единственнаго, двойственнаго и множественнаго чиселъ.

3. Praepositiones; являются, *какъ будто*, — а въ многихъ изъ языковъ и во многихъ случаяхъ *несомнѣнно*, — замѣстителями падежныхъ окончаній.

4. Conjunctiones; почему *этотъ* рядъ словъ попалъ въ Formwörter, станеть яснѣ ниже.

5. Verbum substantivum seu abstractum; является »служебною« частью въ такихъ формахъ, какъ »*laudatus sum*«, или въ такихъ предложеніяхъ, какъ »*die Rose ist roth*« (связка).

6. Наконецъ, къ Formwörter отнесены еще какіе-то (т. е. не какіе-то; школа ихъ прекрасно знаетъ) »вспомо-

*) Такимъ образомъ, у Беккера нужно понимать терминъ *Begriff* не много иначе, чѣмъ у Гумбольдта: въ то время какъ по ученію Гумбольдта, истолкованному въ его статьѣ объ *innere Sprachform*, нужно имѣть »*Begriff*« (понятіе) т. е. нужно такъ или иначе »*begreifen*« (понять) и »*Gegenstand*« (предметъ), и »*Beziehung*« (отношеніе), у Беккера слово »*Begriff*« относится лишь къ тому, что Гумбольдтъ обозначилъ терминомъ *Gegenstand*.

гательные глаголы»; они, по мнѣнію Беккера, замѣняютъ собою разныя окончанія »наклоненій« (*»er darf nicht sprechen«* есть *запрещеніе*, и слово *darf* исполняетъ роль, одинаковую съ Imperativ'омъ).

Вотъ какіе Formwörter устанавливаются у Беккера Org. 136—153. Въ принципѣ мы не можемъ имѣть ничего противъ составленія какихъ бы то ни было группъ изъ словъ. Если слово, какъ *низшая* единица, должно быть частью *рѣчи*, то есть частью выраженія законченной *мысли*, то эту роль оно можетъ исполнить только потому, что *само по себѣ* имѣетъ такое или иное »значеніе« (Bedeutung), а въ данномъ случаѣ Беккеръ и руководился »значеніемъ«, когда устанавливалъ „Formwörter“. Но только *у него* все это выдѣленіе der Formwörter получаетъ такой видъ, какъ будто онъ, желая развить передъ читателемъ свою теорію объ »организмѣ« языка, предварительно долженъ былъ *освободиться* какъ-нибудь отъ тѣхъ словъ, которыя ему въ этомъ мѣшали, — другими словами, онъ долженъ былъ освободиться отъ того, на почвѣ чего, какъ совершенно правильно учить Гумбольдтъ, только и можно рѣшить одинъ изъ самыхъ капитальныхъ вопросовъ, а именно, *какъ* изъ низшихъ единицъ составляется цѣлая рѣчь. Ибо этими низшими единицами могутъ быть *только* слова, Беккеръ же, установивъ свои Formwörter, въ *дальнѣйшемъ* разясненіи своей теоріи какъ будто и *забылъ* совершенно о »словахъ«. Установивъ Formwörter, онъ начинаетъ толковать о *предложеніи* (Satz) и о такихъ или иныхъ *сочлененіяхъ* предложенія (Satzverhältniss), — толковать объ этомъ всемъ, какъ онъ самъ всюду объявляетъ, съ *логической* точки зрѣнія (по его мнѣнію, грамматика есть *логика*), устанавливаетъ какія то *логическія* схемы языка, а въ каждую изъ этихъ схемъ втискиваетъ *различныя* части рѣчи, притомъ въ ихъ *традиціонномъ* видѣ и съ *традиціоннымъ* ихъ пониманіемъ. Онъ не то что *не успѣлъ* провѣрить традицію, а о такой провѣркѣ и не думаетъ. Провозглашенный имъ тезисъ, что при разясненіи языка надобно исходить отъ предложенія, получаетъ совершенно искаженный смыслъ. Не слова, какъ *части* рѣчи, освѣщаются

у него предложениемъ, какъ законченною рѣчью, а само предложеніе, какъ законченная рѣчь, освѣщается совершенно постороннимъ, »логическимъ«, по его словамъ, началомъ, причемъ части рѣчи играютъ роль только матеріала, затыкающаго, какъ пришло, пустыя пространства, затыкающаго пустыя клітки той рамки, которая совершенно извнѣ наложена на рѣчь.

Впрочемъ, выдѣленіе формальныхъ словъ всетаки немного помѣшало при построении его теоріи. Большою тяжекою звучитъ, когда Беккеръ, напр. по поводу выраженія *der Bruder liebt dich*, говоритъ (Org. 184), что въ *dich* надобно усматривать не настоящій, а только прономинальный объектъ, такъ какъ въ этомъ словѣ выражено не »понятіе« (Begriff), а лишь »отношеніе« (Beziehung). Чтó собственно Беккеръ хотѣлъ сказать настоящею замѣткою, видно изъ сопоставленія ея съ другою замѣткою, помѣщенной Org. 141. Пропомен, — разсуждаетъ здѣсь Беккеръ, — само исполняя роль этимологическаго окончанія, собственно не должно быть флектируемо. Ибо флектировать слово значить: къ »понятію«, обозначенному въ корнѣ слова, присоединить еще нѣчто, могущее обозначить такое или иное отношеніе этого »понятія« къ чему-нибудь другому. А такъ какъ пропомен не есть »понятіе«, а слѣдовательно, и не корень, то не можетъ быть въ немъ флексіи. (Das Pronomen ist, weil es selbst die Natur einer Endung hat, eigentlich keiner Flexion fähig. Ein Wort wird flectirt, indem die Beziehung des Begriffes durch eine Endung an dem Stamm ausgedrückt wird. Da aber das Pronomen keinen Begriff hat und kein Stamm ist, kann es nicht flectiert werden.) Такимъ образомъ, для того чтобы языкъ не погрѣшалъ противъ требованій Беккероваго »организма«, нужно бы ему измѣнить выраженіе *der Bruder liebt dich* такъ, чтобы *dich* какъ нибудь вошло въ этимологическое окончаніе слова *liebt*.

На такія разсужденія натолкнулъ Беккера, оказывается, не иной кто, какъ самъ Воргъ. Боппъ, какъ извѣстно, въ своей Vergl. Gr. развиваетъ — съ большимъ остроуміемъ, по замѣчанію Беккера (mit vielem Scharfsinn, Org. 153), — такую

теорію, что разныя окончанія въ глагольныхъ формахъ представляютъ собою въ *этимологическомъ* отношеніи, въ сущности, тѣ же прономіна, то же *sunt* и, вообще, тѣ же *Formwörter*, только уже вполне агглютинированныя къ глагольной темѣ и составляющія съ нею одно *слово*. Правъ ли Боппъ, или нѣтъ, — въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ несомнѣнно преувеличиваетъ, какъ въ послѣдствіи выяснила теорія »дифференцировки,*)» принятая въ этимологию, — но его »остроуміе«, къ сожалѣнію, цѣликомъ осталось при немъ и не оказало никакой услуги Беккеру. Въ томъ то и дѣло, что какое нибудь *ἄνθρωπος* составлено изъ *ἄνθρωπο* и, какъ полагаетъ Боппъ и многіе съ нимъ, слова *ὁ* — *ἦ* — *τό* путемъ *агглютинативнымъ*. Но какъ слово *водовозъ*, составленное также путемъ агглютинативнымъ, не даетъ намъ права не считаться съ словомъ *вода* какъ *самостоятельнымъ* словомъ, такъ и слова *егат*, *ὁ* — *ἦ* — *τό* и т. п., когда они въ рѣчи *дѣйствительно* появляются какъ самостоятельныя слова, а не какъ *окончанія* въ формахъ *legerat* и др., должны попасть *наравнѣ* со всеми остальными словами въ тотъ матеріалъ, о приспособленности котораго къ со-

*) Хотя Дельбрюкъ (Sprachst. 61—101) и не произноситъ самого слова „Differenzierungstheorie“, какъ не произноситъ и простаго „Differenzierung“, и хотя онъ, разбирая различныя теоріи объясненія этимологическихъ формъ, въ концѣ концовъ приходитъ къ убѣжденію, dass das Princip der Agglutination das *einzige* sei, welches eine verständliche Erklärung der Formen gewährt (стр. 100), тѣмъ не менѣе онъ тутъ же ставитъ вопросъ: Hat sich denn nun die Agglutinationstheorie im *Einzelnen* bewährt? Оtvѣтъ на этотъ вопросъ у него подготовленъ цѣлымъ рядомъ основательнѣйшихъ разсужденій и получилъ слѣдующій видъ: Ich möchte kaum glauben, dass der geduldige Leser, welcher mir durch die ganze vorstehende Ausführung gefolgt ist, mit einem zuversichtlichen Ja antworten wird; denn im besten Falle hat sich uns für die Einzelanalysen eine gewisse Wahrscheinlichkeit, nicht selten das kahle non liquet ergeben. Такое non liquet Дельбрюкъ видитъ, напр., въ поняткѣ объясненія окончанія *mai* — *bai* — *tai* черезъ »удвоеніе прономіновъ« (mai = ma + mi = я меня или я себя) и въ многихъ другихъ формахъ. И такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ агглютинативный путь, провозглашенный Дельбрюкомъ за *единственно* надежный, не *примѣнимъ*; такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ *вообще* unser Material nicht ausreicht, um zwischen den verschiedenen Möglichkeiten der Entwicklung, die sich darbieten, eine sichere Wahl zu treffen (стр. 98: то только и остается сказать, что напр. формы *ἴσθη* и *ἴσται* и вѣрнее »дифференцированы«, согласно различію ихъ *внутренне* содержанія, а *какіе*, вѣрнѣе же, элементы кроются въ этой дифференцировкѣ, это приходится оставлять *безъ отвѣта*.

ставленію изъ него цѣлой *рѣчи* только и долженъ думать если не изслѣдователь »организма« языка, то по крайней мѣрѣ составитель синтаксической системы, разъ ему съ такою ясностью намѣчена дорога, съ какою это сдѣлалъ Гумбольдтъ своими терминами *Redetheile* und *Redefügung*.

Рамка, въ которую Беккеръ втискиваетъ языкъ, слѣдующая.

Главнымъ »сочлененіемъ« предложенія (*Satzverhältniss*) является *prädicativ*'ное. Оно состоитъ изъ *двухъ* элементовъ: сказуемаго, выражающаго нѣкую »дѣятельность« (*Thätigkeit*), и подлежащаго, заключающаго въ себѣ нѣкій »предметъ«, что ли (*Sein*)*). Напр. *der Bruder liebt, die Rose ist roth, der Knabe soll herkommen*.

»Логически« *первымъ* Беккеръ считаетъ въ этомъ сочлененіи »сказуемое« (*Prädicat: liebt, ist roth, soll herkommen*), какъ *привлекаемое* въ отношеніе (*das bezogene*), причемъ пониманіе чего-нибудь какъ »дѣятельности« (*Thätigkeit*) дано самимъ актомъ *предципированія*; ибо предципированіе — по толкованію Беккера — предполагаетъ нѣкое *движеніе* т. е. такое или иное *видоизмѣненіе* того, что въ *одномъ* видѣ привлекается къ *одному* *Sein*, а въ другомъ — къ другому.

»Логически« *вторымъ* въ *prädicativ*'номъ сочлененіи предложенія является »подлежащее« (*Subject*), какъ *привлекающее* въ отношеніе (*das beziehende*).

»Логически« *второй* элементъ *prädicativ*'наго сочлененія предложенія, т. е. подлежащее, можетъ заключаться въ окончаніи глагола, напр. *amas*.

Въ примѣрѣ *die Rose ist roth* слово *ist* является связкою; но оно можетъ быть и самостоятельнымъ сказуемымъ, напр. *der Mann ist hier* (здѣсь слово *ist* имѣетъ значеніе выраженія *befindet sich*).

Все *prädicativ*'ное сочлененіе предложенія можетъ оказаться достаточнымъ для *полнаго* предложенія, и тогда предложеніе называется простымъ.

*) Такимъ образомъ, »*Thätigkeit*« и »*Sein*« оказываются подраздѣленіями того, что выше Беккеръ обозначилъ *однимъ* терминомъ *Begriff*.

Подлежащее prädicativ'наго сочлененія предложенія въ свою очередь можетъ войти въ *новое* сочлененіе (in ein neues Satzverhältniss), именно attributiv'ное. Въ attributiv'номъ сочлененіи является »логически« первымъ само »опредѣленіе« (Attribut). И »опредѣленіе« обозначаетъ нѣкую дѣятельность (Thätigkeit), *привлекаемую* въ отношеніе (bezogen) къ подлежащему, какъ къ предмету (Sein). Какъ Беккеръ представляетъ себѣ эту Thätigkeit въ attribut'ѣ, видно изъ слѣдующаго. Хотя — разсуждаетъ Беккеръ — въ выраженіи *Brief des Bruders* оба слова *Brief* и *Bruder* обозначаютъ *предметы* (das Sein), по все же форма *des Bruders* указываетъ на заключающееся въ ней »Sein«, т. е. на выражаемый въ ней »предметъ«, какъ на *дѣйствующій* (thätiges; самъ *братъ* пишетъ), а потому и объ *опредѣленіи* можно утверждать, что оно выражаетъ »дѣятельность« (Thätigkeit; см. Org. 168 и др.). Какъ въ prädicativ'номъ сочлененіи подлежащее могло быть поглощено сказуемымъ (amat), такъ и въ attributiv'номъ — »опредѣляемое« можетъ быть поглощено опредѣленіемъ (*Gelehrte* вмѣсто *ein gelehrter Mann*; см. Org. 125). Если подлежащимъ въ prädicativ'номъ сочлененіи было преимущественно Substantivum, то опредѣленіемъ въ attributiv'номъ сочлененіи бываетъ, по преимуществу, Adjectivum:

Сказуемое prädicativ'наго сочлененія можетъ *также* войти въ новое сочлененіе, а именно objectiv'ное (Objectives Satzverhältniss). Въ этомъ сочлененіи »логически« *первымъ* элементомъ является само »дополненіе« (Object), поглощающее иногда сказуемое (напр. вмѣсто *er fängt Fische* говорятъ *er fischet*; Org. 126). Въ objectiv'номъ сочлененіи привлекается не *дѣятельность* къ *предмету* (nicht die Thätigkeit zum Sein), какъ это было въ praedicativ'номъ и attributiv'номъ сочлененіи, а *наоборотъ*, предметъ къ дѣятельности. »Дополненій« можетъ быть *нѣсколько*. Ибо »дополненіе« составляетъ съ сказуемымъ органическую единицу, и эта органическая единица можетъ принять къ себѣ *новое* дополненіе, срастающееся съ прежнею органическою единицею въ *новую*, способную *опять* принять дополненіе,

напр.: (rühmt) den König; (rühmt den König) allem Volke; (rühmt den König allem Volke) wegen seiner Gerechtigkeit (Org. 183).

»Дополнени́емъ« бываетъ прежде всего Substantivum, въ томъ или иномъ надежѣ, а то и Pronomen; послѣднее въ такомъ случаѣ обозначаетъ уже не »Begriff«, а »Beziehung«. Но можетъ встрѣтиться въ роли »дополненія« и Adverbium. Въ сущности, Adverbium есть окаменѣлый надежъ того-же Substantivum, или того-же Pronomen. Есть *разныя* objectiv'ныя »отношенія« (Beziehungsverhältnisse), какъ это можно было видѣть на примѣрѣ *rühmt den König allem Volke wegen seiner Gerechtigkeit*; изъ нихъ нѣкоторыя выражаются *только* черезъ Adverbia, другія же не получаютъ своего выраженія въ Adverbium *никогда*. Въ виду послѣдняго обстоятельства слѣдуетъ выдѣлить, какъ *особую группу* objectiv'ныхъ сочлененій, такъ называемыя adverbial'ныя: времени, мѣста, вообще »обстоятельства« (circumstantiae), и — способа, что ли (Weise—qualitas; см. Org. 267—8).

Больше перечисленныхъ трехъ сочлененій (Satzverhältnisse) въ предложеніи не бываетъ; но каждое »опредѣленіе« (Attribut) *само по себѣ* можетъ войти въ новое »objectiv'ное« отношеніе, — напр. »das vom Hunde gebissene Kind ruft«, — и каждое »дополненіе« (Object) можетъ войти въ новое »attributiv'ное« отношеніе, — напр. »er ruft das gebissene Kind«, — а если »опредѣленіе« *послѣдняго* примѣра — т. е. »опредѣленіе« *gebissene* — вступить въ новое »objectiv'ное« отношеніе, то выйдетъ »er ruft das vom Hunde gebissene Kind« (Org. 158—9).

Придаточное предложеніе есть, въ сущности, выраженный *цѣлымъ предложеніемъ* элементъ какого-нибудь сочлененія *главнаго* предложенія: это бываетъ либо »подлежащее« главнаго предложенія (dass er hereintrat, erschreckte mich), либо »дополненіе« (ich bat ihn, er möge helfen), либо »опредѣленіе« (der Knabe, welcher sehr fürchtete, schrie). Такъ какъ въ *главномъ* предложеніи подлежащее выражается преимущественно черезъ Substantivum, дополненіе — черезъ Substantivum и Adverbium, а опре-

дѣленіе — черезъ *Adjectivum*, то мы различаемъ: *substantiv'ныя* придаточныя предложенія, *adjectiv'ныя* и *adverbial'ныя* (*Org.* 310—312). Когда мы говоримъ: *dass die Erde sich um ihre Axe bewegt, ist gewiss*, то *Conjunctio dass* указываетъ на все вводимое ею предложеніе какъ на *Substantivum* главнаго предложенія, а потому и *Conjunctio* есть *Formwort*.

Больше всего замѣняются *цѣлыми* (разумѣй *придаточными*) предложеніями всѣ, попадающія въ главное предложеніе въ качествѣ элементовъ такого или иного »сочлененія«, *gerundia*, *gerundiva*, *supina*, *participia*, *infinitivi*, — словомъ, всякія, какъ ихъ Беккеръ называетъ, *participialia*. О *participial'ахъ* много распространяется Беккеръ *Org.* 285—306. Придаточныя предложенія онъ на стр. 306 прямо называетъ аналитическими выраженіями *participial'ий* (*analytische Ausdrücke der Participialien*). Эта фраза Беккера въ школьномъ языкѣ переведена на фразу: всякое *participiale* есть *сокращенное* придаточное предложеніе, и школьники, прекрасно на практикѣ привившіе себѣ сознаніе Беккероваго »*analytischer Ausdruck*«, преспокойно »разлагаютъ«
выраженіе *онъ читаетъ лежа* на выраженіе *онъ читаетъ, когда онъ лежитъ*. Это ли не порча языка, которою не только наша школа обязана Беккеровскому »организму«, но которою ему обязанъ Беккеръ *самъ*. Ибо и онъ, какъ мы видѣли, считаетъ возможнымъ настаивать на противорѣчающей *всякому* чутью языка фразѣ *der Knabe, welcher sehr fürchtete, schrie*.

Мы не станемъ разсуждать о томъ, насколько приличествуетъ называть синтаксическую систему Беккера результатомъ изслѣдованія *des »Organism« der Sprache*. Во всякомъ случаѣ, то, что мы отъ него слышали, есть полная *Desorganisation der Sprache*. Ибо помимо всякихъ »*analytische Ausdrücke*«, помимо всякихъ *der Knabe, welcher sehr fürchtete, schrie*, кто изъ говорящихъ на какомъ бы то ни было языкѣ при произнесеніи выраженія *цѣтъъ волосъ* подумаетъ о томъ, что *волоса* есть »*Thätigkeit*«, а *цѣтъъ* — »*Sein*? (смотри выше *Brief des Bruders*): на это не на-

толкнетъ ни одна »логика«, въ какой дозѣ ни приправлялъ бы ею Беккеръ свою синтаксическую систему. Кстати, на счетъ »логики«, есть ли въ самомъ дѣлѣ грамматика логика, какъ то проповѣдуетъ Беккеръ, и какъ то проповѣдывали всѣ его предшественники, начиная съ схоластиковъ? Ибо и они старались подвести подъ »логическое« начало всѣ части рѣчи (смотри Delbrück, Grundr. III. Einleitung), насилуя ихъ первоначальный смыслъ именно подъ вліяніемъ этого »логическаго« начала.

Итакъ, есть ли грамматика логика? Самъ языкъ есть несомнѣнно историческое явленіе, такъ какъ онъ, по ученію Гумбольдта, есть сама дѣятельность *духа* человѣческаго, и такъ какъ онъ рождается, развивается и вымираетъ не съ рожденіемъ, жизнью и смертію *одного* человѣка, *одного* организма, а растетъ и исчезаетъ вмѣстѣ съ ростомъ и исчезновеніемъ *цѣлыхъ* *человѣческихъ* *обществъ*, оставляя, быть можетъ, слѣды своего существованія въ языкѣ *дружизъ*, такихъ же *человѣческихъ* *обществъ*. Самъ языкъ есть выраженіе *мысли*, выраженіе *человѣческаго мышленія*, а *мышленіе* бываетъ у кого *логичное*, а у кого и *нелогичное*, но, во всякомъ случаѣ, то и другое есть актъ *психологическій*, а потому и языкъ можно назвать явленіемъ *психологическимъ*. Что же касается *грамматики*, то въ ней, конечно, какъ во всякой наукѣ, должна быть *логика*, или скорѣе *логичность*, но логика ли она *сама*, это большой вопросъ. Скорѣе *математику* можно назвать логикою, нежели *грамматику*. Ибо *математическое* мышленіе должно быть непременно *логичнымъ*, иначе оно перестаетъ быть и *математическимъ*.

Этимъ нашимъ разсужденіемъ мы вовсе не хотимъ сказать, что логика должна быть *совершенно* выведена изъ *грамматики*. Прекрасно выражается на счетъ этого Paul (Princip. 33): In der Opposition gegen eine früher übliche Behandlungsweise der Sprache, wonach alle grammatischen Verhältnisse einfach aus den logischen abgeleitet wurden, ist man soweit gegangen, dass man eine Rücksichtnahme auf die logischen Verhältnisse . . . von der Sprachbetrach-

tung ausgeschlossen wissen will. Das ist nicht zu billigen. Grammatik und Logik treffen zunächst deshalb nicht zusammen, weil die Ausbildung und Anwendung der Sprache nicht durch streng logisches Denken vor sich geht, sondern durch die natürliche, ungeschulte Bewegung der Vorstellungsmassen, die je nach Begabung und Ausbildung mehr oder weniger logischen Gesetzen *folgt* oder *nicht folgt*. Aber auch der *wirklichen* Bewegung der Vorstellungsmassen mit ihrer bald grösseren, bald geringeren logischen Consequenz ist die sprachliche Form des Ausdrucks nicht immer congruent. Auch *psychologische* (въ которыхъ *logische* составляютъ часть) und grammatische Kategorien decken sich nicht. Daraus folgt, dass der Sprachforscher beides (т. е. категории грамматическія и психологическія, частью которыхъ являются и *логическія*) *auseinander halten* muss, aber *nicht*, dass er bei der Analyse der menschlichen Rede auf psychische Vorgänge, die sich beim Sprechen und Hören vollziehen, . . . *keine Rücksicht* zu nehmen braucht.

Что касается въ частности «логико-грамматическихъ» категорій Беккера, то онѣ, во всякомъ случаѣ, крайне ошибочны. Ибо отъ всякой грамматики, на какомъ бы принципѣ она ни была построена, нужно требовать, чтобы она знакомилась съ средствами языка, съ его схемами и объясняла цѣлесообразность этихъ средствъ и схемъ. Но что пользы для языка, какое пониманіе его выражается въ томъ, если я знаю, что такое то предложеніе есть *adverbial'ное*, т. е. что оно можетъ быть замѣнено, *если это допускаютъ средства языка, adverbіемъ*, или чѣмъ нибудь другимъ, могущимъ замѣнить собою *самое adverbium*, опять таки если это *допускаютъ средства языка?* И зачѣмъ я, когда говорю напр. *честные люди будутъ всегда видѣть въ его поступкѣ величайшую низость*, — зачѣмъ я долженъ непременно искать подлежащее въ словѣ *люди* (даже не въ *честные люди*; ибо *честные* есть уже «опредѣленіе»), а сказуемое въ *будутъ видѣть*, и почему я не могу признать подлежащимъ *его поступокъ*, а сказуемымъ — *величайшую низость?* Мы уже не говоримъ о томъ, что, при-

нимая даже за подлежащее *его поступокъ* и за сказуемое *величайшую низость*, слѣдовательно нѣчто, что какими-нибудь синтаксическими схемами совершенно даже не можетъ быть предупреждено, мы еще не удовлетворяемъ вполне чистую, *формальную* логику. Ибо о нашихъ «подлежащемъ» и «сказуемомъ» можно сказать то же, что сказалъ Heuse, Sprachw. 391: Der so entstehende Satz hat die Form des Urtheils, ohne deshalb seinem Inhalte nach dem philosophischen Begriffe des Urtheils entsprechen zu müssen. Denn das *logische* Urtheil entspringt aus der *Zerlegung* eines Begriffes und die Verbindung von Subject und Praedicat ist darin eine *wesentliche, nothwendige*; es ist Ausdruck eines Allgemeinen, z. B. *Gott ist absoluter Geist*. Der Satz aber kann bloss aus der Zerlegung einer *subjectiven, einzelnen Anschauung* eines *Factischen* entspringen; er kann einen *Zustand* aussagen, eine *Handlung*, etwas bloss *Zufälliges*, nichts *Nothwendiges*, welches wohl wirklich, aber nicht wahr im höheren Sinne des Wortes ist.

Н. Steinthal, великій ученикъ только что упомянутаго Heuse (къ нему онъ и относится съ большою признательностью), въ своемъ трудѣ Gramm. etc. много занимается Беккеромъ и посвящаетъ ему цѣлыя 105 страницъ этого сочиненія.

Не разбирая, какъ мы, самихъ *результатовъ*, до которыхъ Беккеръ дошелъ въ своемъ «организмѣ» по отношенію къ синтаксису, и ограничиваясь критикою *принциповъ*, которыхъ держится послѣдній въ разработкѣ языка вообще, Штейнталь съ полнѣйшею убѣдительною доказываетъ всю безпринципность этихъ принциповъ, ловя Беккера на каждомъ шагѣ въ нелогичности его разсужденій, и съ удивленіемъ ставитъ вопросъ: *Wie ist es möglich, dass ein Mann einerseits seit Jahrzehenden als Gründer der neuen Grammatik anerkannt wird, und andererseits dir in einem Lichte erscheint, dass du Mühe hast ihn von denen zu unterscheiden, die man geisteskrank nennt* (Gramm. etc. VI.).

Самъ Штейнталь въ наукѣ о языкѣ является продолжателемъ Гумбольдта. Указавъ на то, что Гумбольдтъ прибѣгаетъ

къ слову *Organismus* только *иногда*, притомъ въ смыслѣ скорѣе поэтическомъ, чѣмъ философскомъ, и что у Гумбольдта »организмъ«*»* вовсе не выставленъ точкою исхода и руководящею нитью въ разсужденіяхъ о языкѣ (Gramm. etc. 128), какъ то сдѣлано Беккеромъ, не сознающимъ, однако, и не опредѣлившимъ значенія этого слова, Штейнталь высказывается объ этомъ словѣ и объ отношеніи его къ языку слѣдующимъ образомъ (Gramm. etc. 379): Намъ спросятъ, желаемъ ли мы назвать языкъ организмомъ. Но къ чему намъ, спрашиваю я, слово, которое на своей домашней почвѣ никогда яснаго смысла не имѣло и съ давнихъ уже поръ все больше и больше угрожаетъ потерю *всякаго* значенія. Однако, не считаясь и съ этимъ, какой смыслъ можетъ имѣть *для насъ* слово »органической«*»*? Оно немислимо безъ *противоположности*, безъ »неорганическаго«, и гдѣ же для языка такая противоположность? Въ области языка это слово можетъ имѣть только *переносное* значеніе, такъ какъ языкъ принадлежитъ существенно *духу* человѣческому, есть порожденіе *духа*. Чисто *естественнаго* значенія оно ни въ какомъ случаѣ получить не можетъ. Должно ли оно обозначать, что начало языка кроется въ *естественномъ*, не волею чьей-нибудь вызванномъ процессѣ развитія духа и, еще частнѣе, въ неразложимомъ взаимодействіи тѣла и души? Да будетъ мнѣ позволено надѣяться или, если угодно, возмнить, что я понялъ все относящееся сюда гораздо опредѣленнѣе и изложилъ гораздо основательнѣе, чѣмъ то способно выразить слово »органической«, и что я вмѣстѣ съ тѣмъ освободился отъ ходульности, къ которой это слово давало поводъ. Оно *отжило* свой вѣкъ. Вотъ подлинныя слова Штейнталя: Man wird uns fragen, ob wir die Sprache einen Organismus nennen wollen? Was soll uns aber, frage ich, ein Wort, das auf seinem einheimischen Boden niemals einen klaren Sinn gehabt hat und schon seit langer Zeit alle Bedeutung mehr und mehr zu verlieren droht? Doch sehen wir davon ab, welchen Sinn kann für uns das Wort „organisch“ haben? Es kann nicht bestehen ohne seinen Gegensatz, das „Unorganische“, und wo läge für die Sprache ein solcher Gegen-

satz? Das Wort „organisch“ könnte für uns einen übertrageneu Sinn haben, denn die Sprache gehört wesentlich dem Geiste, ist ein geistiges Erzeugniss. Eine rein natürliche Bedeutung könnte es sicherlich nicht haben. Soll es uns nun andeuten, dass der Ursprung der Sprache in dem nothwendigen Gange der geistigen Entwicklung liegt? und noch specieller, im Zusammenhange von Seele und Leib? Man gestatte mir die Hoffnung oder, wenn man will, die Einbildung, dass ich diese Punkte viel bestimmter erfasst und gründlicher erörtert habe, als das Wort „organisch“ auszudrücken vermag, und sie zugleich von allen Schiefheiten und Übertreibungen gereinigt habe, zu denen das Wort veranlasst hatte. Dieses Wort hat seine Epoche ausgelebt.

То, что Гумбольдтъ называлъ *innere Sprachform*, Штейнталь (*Gramm. etc.* 304—314) разъясняетъ слѣдующимъ образомъ*): Человѣкъ видитъ въ душѣ нѣчто, слышитъ и т. д. Это видимое въ душѣ, слышимое и пр. онъ *невольно* »сознаетъ«. Онъ »сознаетъ« не *объектъ*, находящійся *вне* его и подлежащій его воспріятію, а »сознаетъ« *именно* это *видимое въ душѣ*, — сознаетъ не *такъ*, какъ онъ видитъ, а само сознаніе вноситъ въ видимое нѣчто *отъ себя*, невольно какъ-то избирая изъ видимаго одно и пропуская другое, такъ что сознание *не соответствуетъ* »видимому« *) въ душѣ, какъ и видимое въ душѣ, въ свою очередь, не соответствуетъ предмету, который человѣкъ воспринимаетъ. Чѣмъ же обнаруживается такое »невольное« сознаніе? Содруганіемъ нервовъ, улыбкою, выраженіемъ *ужаса* на лицѣ и т. д. и, наконецъ, »невольное« прорывающимся звукомъ.

Всѣ ли звуки, издаваемые человѣкомъ, являются обнаруженіемъ одной и той же степени »невольнаго сознанія«

*) Читатель, надѣмся, не упрекнетъ насъ за то, что мы и здѣсь, какъ это сдѣлали кое гдѣ относительно Гумбольдта, замѣнимъ иногда точную передачу словъ Штейнтала своимъ истолкованіемъ его мысли. Точная передача словъ Штейнтала не обошлась бы безъ *комментирования* этихъ словъ, и это напрасно увеличивало бы объемъ и безъ-того пространнаго введенія.

*) Быть можетъ, слово *видимый* употреблено здѣсь не кстаті; быть можетъ, подъ »видимымъ« читатель разумѣетъ уже то »сознанное«, которое мы въ нашемъ контекстѣ *отличаемъ* отъ »видимаго«, но у насъ нѣтъ подъ рукою другого слова, *болѣе* подходящаго.

(des instinctiven Bewusstseins)? Нѣтъ. Когда у меня отрѣзываютъ ногу, и я отъ боли кричу и издаю звукъ, то въ этомъ звукѣ, хотя онъ и артикулированный, не сказывается еще та степень »невольнаго сознанія«, которая дала бы ему право называться рѣчью. Но есть другіе звуки, хотя бы тоже чисто »interjectional'ные«, которые невольно прорываются въ моментъ возникновенія у меня *пониманія*, что »вотъ то отрѣзываніе ноги, которое теперь на мнѣ совершается, ужъ очень больно, и какъ я отъ боли неистово кричу!« Такимъ и притомъ вполне еще »interjectional'нымъ« можетъ быть выраженіе »ого!« Такое »ого!« есть уже *рѣчь*.

При чемъ же тутъ, однако, *innere Sprachform*? *Innere Sprachform*, это есть *самосознаніе* (*Selbstbewusstsein*), тоже, невольное (*instinctiv*). Это есть сознаніе того, что такой-то, прорвавшійся у меня невольно звукъ имѣетъ такое то *значеніе* (*Bedeutung*), или, примѣняясь къ данному примѣру, что »interjectional'ное« выраженіе »ого« прорвалось у меня какъ символъ мысли »однако это ужъ очень больно, и какъ я неистово кричу!« Самый звуковой комплексъ »ого!« есть *äussere Sprachform*, — есть »выраженіе« (*Ausdruck*); его »значеніе« есть то, что я, произнося слово »ого!«, »представляю« (*Vorstellung*), а *innere Sprachform* есть *сознаніе* »значенія«, выражаемаго въ *внѣшней* формѣ языка (*in der äusseren Sprachform*), — есть нѣчто, *посредничающее* между звукомъ, какъ *внѣшнею формою* языка, и самимъ »представленіемъ« (*Vorstellung*), какъ *матеріею* этой внѣшней формы. Если въ проявленіи звука »ого« мы должны усматривать *обнаруженіе* »акта невольнаго сознанія« или, лучше сказать, *самый* »актъ невольнаго сознанія«, то »внутренняя форма языка« есть »невольное сознаніе этого »акта невольнаго сознанія«, — есть, такъ сказать, невольное сознаніе въ квадратѣ. Черезъ *внутреннюю* форму языка, т. е. черезъ установленіе »представленія« какъ *содержанія* внѣшняго звука, *душа* человѣческая (*Seele**) превращается въ *духъ* (*Geist*), пробуждаясь какъ бы отъ *сна*.

*) До сихъ поръ — сказали бы напр. Неузе и др. — душа человѣческая почти что не отличалась отъ души иного животнаго.

На первой ступени внутренняя форма языка посредничает между *очень сложнымъ* »представленіемъ« и *очень короткимъ* »выраженіемъ.« Это бываетъ въ interjectional'ныхъ выраженіяхъ, въ родѣ приведеннаго »ого!«, и въ дѣтскихъ выраженіяхъ, въ родѣ *гавъ-гавъ*. Ни *ого!*, ни *гавъ-гавъ* не суть еще »слова«. *Гавъ-гавъ* сознается ребенкомъ какъ выраженіе *очень* сложнаго »представленія«. Внутренняя форма языка упрочиваетъ у ребенка за *гавъ-гавъ* представленіе прежде всего *известной* собаки, — положимъ, большой, черной, подпрыгивающей къ ребѣнку, виляющей хвостомъ, ворчащей и лающей на приближающихся къ нему чужихъ людей и отгоняющей ихъ отъ него. Не безъ основанія можно утверждать, что дѣтское *гавъ-гавъ*, точно такъ же, какъ и interjectional'ное »ого!« суть цѣлыя *предложенія* (мы бы сказали »суть цѣлая рѣчь«).

На первой ступени проявленія внутренней формы языка, звукъ стоитъ — можно сказать — *исключительно* на почвѣ *ономатопозитической*. Штейнталь совершенно правильно указываетъ на то (Gramm. etc. 312), что въ ономатопозитической сторонѣ языка не слѣдуетъ усматривать первоначально *подражанія* звукамъ внѣшняго явленія,*), такъ какъ *подражаніе* есть нѣчто, совершаемое съ *намыреніемъ*, между тѣмъ какъ »*невольный* актъ сознанія«, обнаруживаемый звукомъ, — а то и прямо въ немъ заключающійся, — предполагаетъ въ звукѣ чистый рефлексъ, — рефлексъ, состоятельность котораго основывается на нѣкоемъ *подобіи* звука самому тому »представленію«, которое въ немъ отражается,**) такъ что голо-

*) Это невозможно уже потому, что въ такомъ случаѣ нужно бы предположить, что человѣкъ »воспринималъ« внѣшніе объекты *исключительно* только при посредствѣ *слуха*, между тѣмъ какъ *первымъ* органомъ чувства остается всетаки *зрякъ*.

**) О чемъ-то подобномъ думалъ и Платонъ. Сравни Plato, Crat. 426 d — 427 b: τὸ δ' οὖν ᾧ τὸ στοιχεῖον, ὡπρὲρ λέγω, καλὸν ἔδοξεν ὄργανον εἶναι τῆς κινήσεως τῷ τὰ ὀνόματα τιθεμένῳ πρὸς τὸ ἀφομοιοῦν τῇ φορᾷ πολλαχοῦ ῥοῦν χρῆται αὐτῷ εἰς αὐτὴν πρῶτον μὲν ἐν αὐτῷ τῷ ῥεῖν καὶ ὅ οἱ διὰ τοῦτον τοῦ γραμμᾶτος τὴν φορὰν μιμῆται, εἶτα ἐν τῷ τρῶμα, εἶτα ἐν τῷ τραχεῖ, ἐτι δὲ ἐν τοῖς τοιοῖσδε ῥήμασιν οἷον κρούειν, θραύειν, ἐρείκειν, θρύπτειν, κερματίζειν, ἔμβειν πάντα ταῦτα τὸ πολὺ ἀπὸ κάλει διὰ τοῦ ᾧ ἴωρα γάρ, οἶμαι, τὴν γλῶτταν ἐν τούτῳ ἤμισα μένουσαν, μάλιστα δὲ σιμονίην· διὸ φαίνεται μοι τούτῳ πρὸς ταῦτα καταχρήσθαι τῷ δ' αὖ ἰῶτα

совые органы представляют собою въ этомъ отношеніи нѣчто въ родѣ зеркала или сѣтчатой оболочки глаза, отражая въ себѣ то, что на нихъ дѣйствуетъ.

На второй ступени, проявленіе внутренней формы языка выступаетъ какъ *поименованіе* »представленія« по его *главному или характерному* »признаку«. Тутъ то ужъ появляются *дѣйствительныя* »слова«, обозначающія (опять таки по большей части *ономатопоэтически*, въ выясненномъ только что *широкомъ** смыслѣ этого слова) не только *предметы*, — собственно »представленія« о нихъ, — по тѣмъ или инымъ *качествамъ или дѣйствіямъ*, «представля-

πρὸς τὰ λεπτὰ πάντα ἃ δὴ μάλιστα διὰ πάντων τοι ἄν διὰ ταῦτα τὸ εἶναι καὶ τὸ ἔεσθαι διὰ τοῦ ἰῶτα ἀπομιμῆται... ὅτι δὲ ὀλιθάνει μάλιστα ἐν τῷ λάβδᾳ ἢ γλωττᾷ κατιδών, ἀφομοίων ἄνθρωπος τὰ τε λεῖα καὶ αὐτὸ τὸ ὀλιθάνειν, καὶ τὸ λεπὰρὸν καὶ τὸ κολλῶδες καὶ τὰλλα πάντα τὰ τοιαῦτα... τὸ δ' αὖ ἄλφα τῷ μεγάλῳ ἀπέδωκε, καὶ τῷ μῆκει τὸ ἦτα, ὅτι μεγάλα τὰ γράμματα κ. τ. ἄ. Мысль Платона развиваетъ дальше на почвѣ фактовъ Heuze Sprachw. (115—127), ссылаясь часто на Платона.

*) Такимъ образомъ, и Штейнталь не признаетъ той *Vau* — *wau* und *Pah* — *pah* Theorie, съ которою Max Müller съ такимъ успѣхомъ борется Vorles. I. 9. Не отвергая при образованіи словъ принципа звукоподражанія и, какъ онъ выражается, »interjectional'ности« *безусловно*, — онъ самъ приводитъ *примеры* образованія словъ по этому принципу, да и отчего не могъ быть »чистый реалексъ« на »сѣтчатой оболочкѣ голосовыхъ органовъ« при всеї *инстинктив'ности* и звукоподражательнымъ? — Моллеръ, однако, въ концѣ концовъ задаетъ себѣ вопросъ: *Wie würde die abstracte Idee des Messens durch mā, die Idee des Denkens durch man ausgedrückt? Wie kam gā dazu gehen, sthā — stehen, sad — sitzen, dā — geben, mar — sterben, char — wandeln, kar — thun zu bezeichnen?* На этотъ вопросъ онъ въ поэтически философскомъ настроеніи отвѣчаетъ такъ: *Jede Substanz hat ihren eigenthümlichen Klang. Wir können auf die mehr oder weniger vollkommene Structur der Metalle aus ihren Vibrationen schliessen, aus der Antwort, die sie ertheilen, wenn man sie nach ihrem Naturklange fragt. Gold erklingt anders als Zinn, Holz anders als Stein, und verschiedene Klänge entstehen, je nachdem die Erschütterung des Körpers verschieden ist. Ebenso war es mit dem Menschen, dem vollkommensten Organismus unter den Werken der Natur. Auch der Mensch erregt Klänge. Der Mensch war in seinem vollkommenen Urzustande nicht wie die Thiere allein mit dem Vermögen begabt, seine Empfindungen durch Interjectionen und seine Wahrnehmungen durch Onomatopoesie (разумнїи ономатопоезію въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова) auszudrücken, er besass auch das Vermögen, seinen abstracten Vorstellungen einen besser, feiner artikulirten Ausdruck zu geben. Dieses Vermögen hatte er nicht selbst herangebildet. Es war ein Instinct, ein Instinct des Geistes eben so unwiderstehlich, wie jeder andere Instinct (Vorles. I. 339).*

ющимися« *главными* въ этихъ предметахъ (волкъ — влекущій), по и самыя *дѣйствія* и *качества*, гдѣ, въ свою очередь, въ цѣломъ рядѣ видѣннаго и слышаннаго выступаетъ и »представляется« нѣчто *одно* главнымъ и характернымъ для »поименованія» ихъ.

Настоящее замѣчаніе Штейнталя о »поименованіи« предметовъ, качествъ и дѣйствій по ихъ характернымъ признакамъ мы должны дополнить однимъ, на нашъ взглядъ, очень важнымъ указаніемъ Мах'a Müller'a. Мюльеръ, примиряя теорію Locke, Adam'a Smith'a и др., по которой каждое слово было первоначально названіемъ предмета — *индивидуума* и, такъ сказать, *собственнымъ именемъ* этого индивидуума, съ теорію Leibniz'a, по которой всѣ слова были первоначально *нарицательныя* названія *родовъ*, а не индивидуумовъ, говоритъ такъ (Vorles. I. 331): Всѣ »имена« выражаютъ первоначально *одно* изъ *многихъ* »свойствъ« предмета, и это »свойство«, будь это качество или дѣйствіе, есть непременно *общая* »идея«. Рожденное такимъ путемъ слово было рассчитано первоначально на *одинъ* предметъ, хотя, естественно, почти что одновременно распространилось на весь *родъ*, которому этотъ предметъ принадлежалъ, — принадлежалъ, разумѣется, по свойству, выраженному въ самомъ словѣ. Во многихъ случаяхъ слово оставалось *собственнымъ* названіемъ, не поднимаясь никогда до значенія *нарицательнаго* имени. Такъ, *Rhenus* обозначаетъ *текущій* = *рѣка*, но слово это осталось названіемъ *одной* рѣки. *Всякое* наименованіе есть классификація, — есть подведеніе единичнаго подъ родовое, и все, что мы »знаемъ«, — эмпирически ли, или научно, — мы знаемъ черезъ зеркало нашихъ *общихъ* идей. *Всякое* »слово« есть первоначально »*сказуемое*« предмета. (Die Nomina drücken ursprünglich eines der vielen Attribute eines Gegenstandes aus, und dieses Attribut, mag es nun eine Qualität oder Thätigkeit sein, ist nothwendiger Weise eine *allgemeine Idee*. Das so gebildete Wort war zuerst nur auf *einem* Gegenstand berechnet, obzwar es naturgemäss fast augenblicklich auf die ganze Klasse ausgedehnt wurde,

welcher dieser Gegenstand angehören schien *) In vielen Fällen blieb ein Wort . . . der Eigennamen eines Gegenstandes, ohne sich je zu der Würde eines Appellativ's zu erheben. So bedeutet *Rhenus* der Fliessende, der Fluss, aber das Wort blieb an *einem* Flusse haften Alles Benennen ist Classification, Einordnen des Individuellen unter das Generelle, und alles, was wir entweder empirisch oder wissenschaftlich kennen, kennen wir nur vermöge unserer allgemeinen Ideen Jedes Wort ist ursprünglich ein *Prädicat* des Gegenstandes.) Но возвратимся опять къ Штейнталю.

Со второю ступенью проявленія внутренней формы языка приходится имѣть дѣло этимолгу, собственная задача котораго въ томъ и заключается, чтобы раскрыть, какое »представленіе« внутренняя форма языка соединяла или соединяетъ съ тѣмъ или инымъ »корневымъ« словомъ (Wurzelwort). Почему здѣсь упоминается о »Wurzelwort«, а не просто о »Wort«, — это выяснится скоро. До сихъ поръ говорилось вообще о »словахъ« (Woerter); оказывается, что подъ этими »словами« на *второй* ступени проявленія внутренней формы языка нужно разумѣть *именно* »корневые« слова (Wurzelwörter).

И *поименовываніе* — предмета ли, качества ли, или дѣяствія — по *главной* какой-нибудь чертѣ есть, въ сущности, Satz. Когда я, замѣчая предметъ, поименовываю его, то я рѣшаю цѣлую, законченную, задачу произнесениемъ *одного слова*, такъ какъ это слово и есть само *имя* того, что я *хотѣлъ* поименовать.

Какой нибудь дальнѣйшей, третьей, ступени проявленія внутренней формы языка собственно нѣтъ. *) Поименовавъ на второй ступени ея проявленія тотъ или другой предметъ словомъ *γενή* (рождающая), *filius* (сосущій) и т. д., я впо-

*) Впрочемъ, приблизительно то же имѣетъ въ виду и Штейнталь, когда онъ говоритъ (Gramm. etc. 321): es giebt nur *eine* Vorstellung vom Wolfe und von *jeder* Anschauung (разумѣй von jeder Anschauung des Wolfes), und sie ist das *Allgemeine*, das Wort bezeichnet die Art.

**) А идѣ же та *иннере Sprachform*, которая у Гумбольдта соединяла нѣсколько словъ въ цѣлую рѣчь? Отвѣтъ на этотъ вопросъ послѣдуетъ немного ниже.

слѣдствіи — уже, такъ сказать, на *исторической* почвѣ — »сознаю« »характерныя черты«, которыя у »*γυνή*« и »*filius*« (собственно, и *здесь* идетъ рѣчь только о »*Wurzelwörter*«) *поважныѣ* рожденія и сосанія, но оставляю за предметомъ упрочившееся за нимъ названіе, рѣшивъ однако, что подѣ этимъ названіемъ нужно »понимать« нѣчто совершенно другое, чѣмъ я »понималъ« прежде.

Внутренняя форма языка, на *этой* стадіи развитія словъ, сводится къ какой то точкѣ, безъ широты и содержанія (*ohne Ausdehnung und Inhalt*), — къ точкѣ. въ которой просто приводятся въ *соприкосновеніе* значеніе и звукъ (= ассоціація по смежности). Внутренняя форма языка превращается здѣсь въ »психическій *механизмъ*«, т. е. въ *привычку* соединять со звукомъ такое или иное значеніе, а самосознаніе, которое мы прежде назвали »сознаніемъ въ квадратъ«, является здѣсь не »невольнымъ« (*instinctiv*), а »дѣйствительнымъ« (*wirkliches Selbstbewusstsein*); ибо человекъ, перемѣняя значеніе слова, говоритъ себѣ: нѣтъ, *filius*, это не столько сосунъ, какъ у меня прежде *почему-то* выходило, а это, какъ я *теперь* вижу, младшій членъ моей семьи, по отношенію къ которому я имѣю извѣстныя обязанности и права. Что послѣ перемѣны значенія *первоначальное* значеніе совершенно *забывается*, и что само слово, по отношенію къ внутренней формѣ языка, *цѣликомъ* переходит со своимъ значеніемъ на почву »психическаго механизма«, это не требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій.

Но мысль человека развивается и за предѣлы устанавливанія значеній словъ. Также и языкъ развивается за предѣлы *образованія* словъ. Нельзя сказать, чтобы языкъ на этой ступени своего развитія слѣпо слѣдовалъ за развитіемъ мысли. Получая отъ послѣдняго извѣстное направленіе въ своемъ *собственномъ* развитіи, языкъ, въ свою очередь, своимъ развитіемъ вліяетъ и на направленіе развитія самой мысли. Можно сказать, что мы »мыслимъ« извѣстнымъ образомъ не *черезъ* языкъ, а *благодаря* языку: so scheint sich nur die *eine* Annahme zu empfehlen, dass auch *die Sprache*

ein eigenthümliches Denken sei, und sich nach gewissen, nur diesem Denken besonders angehörenden, Gesetzen und Kategorien entfalte (Gramm. etc. 224). Это мышление Штейнталь называет «грамматическимъ» (собственно, ein Denken, das sich nach grammatischen Gesetzen bewegt*; см. Gramm. etc. 341).

Человѣкъ называетъ извѣстный предметъ, выражая этимъ свое «представленіе» о предметѣ, собакою. Реальный міръ наталкиваетъ человѣка на это «представленіе» очень часто, и каждая новая, *дѣйствительная* собака находится въ совершенно другомъ положеніи, чѣмъ прежняя, какъ по отношенію къ ея качествамъ, такъ и по отношенію къ ея дѣйствіямъ. Человѣку нужно *выразить* эти разныя положенія собаки, и вотъ онъ начинаетъ о *собакѣ* или, скорѣе, о *собакахъ* «говорить». Начинаетъ онъ о нихъ говорить *формальными* предложеніями т. е. выраженіями, состоящими не изъ *одного* слова, какъ прежнія «предложенія» *гавъ-гавъ*, или какъ прежнія «наименованія» предметовъ, провозглашенныя Штейнталемъ тоже за «Satz» (см. выше стр. 31). Въ рѣчи о *собакѣ* или о *собакахъ* сама *собака* является «подлежащимъ» не въ *логическомъ* смыслѣ, а именно въ томъ *грамматическомъ*, въ рамкахъ котораго движется das Denken. Съ другой стороны то, *что* говорится о *собакѣ*, является грамматическимъ «сказуемымъ». И вотъ, нерѣдко, — а такой способъ мышленія можетъ совершаться, дѣйствительно, *именно* только *благодаря* языку, — подлежащее, т. е. это слово *собака*, становится даже не выраженіемъ «представленія», а какою то точкою «приложенія силъ», какимъ то безсодержательнымъ, *пустымъ звукомъ*, къ которому человѣкъ *присоединяетъ* выраженіе «представленія». Когда мы говоримъ *собака лаетъ*, то часто мы желаемъ высказать не больше не меньше, какъ то, что *есть*

*) Не есть ли это «грамматическое» мышленіе, т. е. *мышленіе*, которое совершается *благодаря* языку, — не есть ли оно та Гумбольдтовская *innersprachform*, которую мы немного выше искали у Штейнтала? Непосредственно: ибо объ *немъ-то*, объ этомъ *грамматическомъ* мышленіи, можно повторить то же, что приведено изъ Гумбольдта на стр. 3.

на свѣтъ нѣчто, что лаетъ. Другими словами, то »представленіе«, которое на *второй* ступени проявленія внутренней формы языка выражалось черезъ »поименованіе« предмета, теперь мы выражаемъ черезъ грамматическое сказуемое. И если прежде »корневое слово« было выраженіемъ »представленія«, то предложеніе, это *формальное* предложеніе, въ *данномъ случаѣ*, является выраженіемъ »представленія« о »представленіи«. Меня спрашиваютъ: что ты разумѣешь подъ *собакою*? И я отвѣчаю: Подъ *собакою* я »представляю« вотъ что: *собака лаетъ, собака—животное, собака—вѣрное животное, собака защищаетъ отъ воровъ* и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ слово *собака* есть *пустой звукъ*, а какъ я »представляю« собаку, это я высказываю *другими* словами, уже не *пустыми звуками*, а выраженіями »представленій« (Gramm. etc. 326—331). Такое »представленіе о представленіи« (Vorstellung der Vorstellung) есть чисто *психологическое* сужденіе. Какъ *простое* »представленіе«, (т. е. простое *поименованіе* предмета), — то же »чисто психологическое«, — возводится въ логическое »понятіе, и какъ »представленіе о представленіи«, это »психологическое *сужденіе*, возводится въ »логическое« сужденіе, — объ этомъ Штейнталь много распространяется, но мы этого здѣсь излагать не будемъ, такъ какъ оно не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ нашему дѣлу.

Черезвычайно важно для насъ мѣсто Gramm. etc. 347. Въ немъ уже идетъ рѣчь не о »корневыхъ« словахъ, а о словахъ нашего *развитаго* языка. Какая разница между одними и другими, — у насъ все еще осталось не выясненнымъ. Во всякомъ случаѣ подъ »*словами развитаго языка*« нужно разумѣть тѣ всевозможныя, надѣленные разными суффиксами и т. п. грамматическія формы, которыя образовались подъ вліяніемъ Гумбольдтовской *innere Sprachform* и Штейнталевскаго грамматическаго мышленія. Мѣсто это слѣдующее:

Такъ какъ одно и то же подлежащее приходится соединять съ очень многими сказуемыми и, наоборотъ, одно и то же сказуемое съ очень многими подлежащими; такъ какъ

суждения, высказываемыя формальными предложениями, постоянно при этомъ перекрещиваются, т. е. въ однихъ случаяхъ, при сопоставленіи ихъ, *подлежащее* бываетъ общее и *сказуемая* разныя, а въ другихъ — наоборотъ: то, благодаря этому постоянному перекрещиванію, предложения разрѣзаются на части, такъ что слова подлежащаго, а равно и слова сказуемаго, *выпадаютъ*, какъ отдѣльныя *единицы*, изъ того единого и цѣлаго, которое представляло собою сужденіе, выраженное формальнымъ предложениемъ*). То же самое дѣлается съ »attributiv'ными« и »objectiv'ными« словами. Такимъ образомъ, черезъ постоянное *говореніе*, черезъ говореніе *формальными предложениями*, въ душѣ человѣка образуется, по остроумному выраженію Herbart'a, какой то *мусоръ* отъ цѣлаго строенія висящихъ другъ на другѣ сужденій.

Этотъ мусоръ представляетъ собою кучу валяющихся, какъ попало и безъ всякаго порядка, камней и бревень, однако со слѣдами ихъ спайки. При этомъ одинъ и тотъ же камень имѣеть на себѣ слѣды *нѣсколькихъ* спаекъ (камень, вѣдь, въ общемъ строеніи касался *всѣми* своими сторонами другихъ камней), и отдѣльные слѣды спайки повторяются и на другихъ камняхъ. По этому есть возможность совершенно *выдѣлить* »чистый« матеріалъ и *отдѣльно* наблюдать за »спайками« и за *методами* спаиванія. Въ моментъ говоренія, душа всегда обращается къ этому мусору, спаивая изъ него цѣлое зданіе по тѣмъ »спайкамъ, которыя остались на матеріалѣ.

Мусоръ изслѣдуется какъ лексикографомъ, такъ и грамматикомъ. И тотъ, и другой имѣють дѣло, въ сущности, съ *однимъ* и *тѣмъ же* предметомъ изслѣдованія, а только трактуютъ его не одинаково. Лексикографъ разбираетъ мусоръ по его »чистому матеріалу«, хотя и не обходится безъ того, чтобы не указывать на отдѣльныхъ камняхъ или бревнахъ на самыя спайки, а грамматикъ исходитъ въ своемъ изслѣдова-

*) Разсуждающій такъ представляетъ себѣ внѣшнее выраженіе сужденія, т. е. формальное предложеніе, какъ бы *слитымъ* въ неразрывное цѣлое. Оно можетъ слиться въ неразрывное цѣлое *именно* благодаря Гумбольдтовской *innere Sprachform* и Штейнталевскому »грамматическому мышленію« и, конечно, *при помощи* суффиксовъ, префиксовъ и т. п.

ни отъ разсматриванія *метода* спаиванія, но не можетъ при этомъ не указывать и на матеріалъ, на которомъ *находятся* слѣды спаиванія.

Буквально это мѣсто у Штейнталя гласитъ слѣдующее:

Indem dasselbe Subject mit vielen Prädicaten, dasselbe Prädicat mit vielen Subjecten verbunden wird; indem sich die Urtheile durchkreuzen: so zerschneiden sie sich, und Subjects- und Prädicatswörter zerfallen im Bewusstsein aus der Einheit des Urtheils. Eben so ergeht es den Attributen, den Objecten. So bildet sich also durch das Sprechen in der Seele ein „Schutt“, nach einem geistreichen Ausdrucke Herbarts, lauter Material, das ehemals ein Gebäude von an einander hängenden Urtheilen bildete; das Gebäude ist im Laufe der Zeit verfallen und nur die Steine und Balken liegen ohne Ordnung und Zusammenhang durch einander. Jedes Stück dieses Materials aber trägt noch die Spuren seines Zusammenhanges an sich. Nun zeigt aber derselbe Stein einen vielfältigen Zusammenhang, und dieselbe Verbindungsweise zeigt sich an mehreren Steinen und Balken in gleicher Weise. So trennt sich der Stoff, das Material selbst, von der Methode, nach welcher es gefügt war. Zum Sprachschutte gehört also Material und Fugen. Im Augenblicke des Redens greift die Seele immer von neuem nach diesem Schutte, und verwendet das Material, den daran befindlichen Fugen folgend. Das Sprachmaterial wird dargestellt in der Grammatik sowohl, als im Wörterbuche. Beide haben genau genommen denselben Inhalt, aber in verschiedener Weise behandelt. Das Wörterbuch stellt das Material auf und weist an jedem Stücke besonders seine mögliche Fügung auf; die Grammatik geht von der Fügungsweise aus und zeigt, wie alle Stücke gefügt werden müssen (? мы бы просто сказали: *gefügt werden*). Die Praxis hat der Bequemlichkeit wegen dieses Verhältniss, wonach alles zweimal gesagt werden müsste, so umgestaltet, dass sie das Ueberflüssige weglässt und dem Wörterbuche vorzugsweise das Material, der Grammatik vorzugsweise die Fügungsweise zuertheilt.

Приведенное мѣсто, въ связи со всѣмъ предыдущимъ, наводитъ на слѣдующія размышленія.

»Слова«, какъ мы ихъ теперь застаемъ въ какомъ нибудь *вполнѣ развитомъ* языкѣ, эти *камни* со слѣдами спайки, выпавшіе изъ того общаго »строенія-предложенія«, которое Штейнталемъ опредѣлено какъ выраженіе »представленія о представленіи«, не суть то же, чѣмъ могли быть »слова«, которыя на *низшей* ступени развитія языка, исполняя *тоже* роль »предложеній«, хотя и не »формальныхъ«, служили выраженіемъ *непосредственнаго* представленія о чемъ-нибудь. Мы употребляемъ часто и *наши* слова — слова *вполнѣ развитыя* — въ роли »неформальныхъ« предложений; и они, подобно словамъ *первоначальнымъ*, служатъ иногда выраженіями »непосредственныхъ представленій« (ближе объ этомъ въ самомъ нашемъ изслѣдованіи), но мы понимаемъ, что послѣднія могли не имѣть тѣхъ префиксовъ, суффиксовъ и инфиксовъ, какіе имѣютъ слова *вполнѣ развитаго* языка. Первоначальныя слова, выраженія »непосредственнаго представленія«, *вполнѣ самостоятельныя* и не »выпадавшія« ни откуда, не нуждались въ тѣхъ спайкахъ, о которыхъ мы только что слышали. Первоначальныя слова могли быть *всѣ* похожи на то *гавъ-гавъ*, которое мы приводили выше, и на слова теперешняго дѣтскаго языка вообще, отличающіяся *именно* отсутствіемъ окончаній и т. п. Въ виду этого, терминъ »корневые слова« (*Wurzelwörter*), который Штейнталь устанавливалъ тогда, когда онъ объяснялъ внутреннюю форму языка, получаетъ *особый* смыслъ.

Истоковывать эти корневые слова, истолковывать ихъ *значеніе*, Штейнталь предоставляетъ этимологу, считая это его исключительною задачею. Такимъ образомъ этимологъ, исполняя свою задачу, подготавливаетъ почву для лексикографа, если, какъ приходится, судя по всему, предполагать, эти корневые слова вошли въ матеріалъ *вполнѣ развитаго* языка, облѣпившаго этотъ матеріалъ спайками.

У насъ слова *этимологъ*, *этимологія* понимаются немного иначе, чѣмъ ихъ предлагаетъ понимать Штейнталь. У насъ подъ *этимологіею* разумѣютъ то, что обыкновенно

раздѣляется на двѣ части, на морфологію и фонетику т. е. науку о *звукѣ*,*) причеъ сама морфологія можетъ распадаться еще дальше на морфологію въ болѣе *тѣсномъ* смыслѣ и на «словообразованіе». Подъ морфологіею въ болѣе *тѣсномъ* смыслѣ мы разумѣемъ разборъ »склоненій« и »спряженій« съ ихъ *формальной, звуковой* стороны, а подъ »словообразованіемъ« — выясненіе того, какъ изъ »этимологическаго корня«, добываемаго уже чисто *научнымъ* путемъ (въ живомъ языкѣ его нѣтъ), образовалась съ звуковой же стороны »этимологическая тема« или »основа«, какъ изъ послѣдней, добываемой также чисто научнымъ путемъ, образовалось живое слово, и какъ, наконецъ, изъ двухъ словъ языкъ образуетъ слово *составное*. Что въ этимологическихъ корняхъ приходится часто различать первичные отъ вторичныхъ, и что въ этимологическихъ основахъ приходится признавать нѣсколько разрядовъ, развивающихся одинъ изъ другого, объ этомъ нечего распространяться.

Такимъ образомъ, этимологія, какъ мы ее понимаемъ, является частью той грамматики, которую Штейнталь, толкуя о разборѣ мусора, противопоставляетъ лексикографіи. Этимологія, по *нашему* пониманію, устанавливаетъ »фонети-

*) Что такое *фонетика*, опредѣляется яснѣе всего у Wegener'a, указывающаго при этомъ и на ближайшія задачи этой науки: Die Erzeugung der Laute im Munde eines Menschen darf eben so wenig zu seinen rein physiologischen Thätigkeiten gerechnet werden, wie die Finger- und Handbewegung des Clavierspielers, die technische Bewegung des Schnitzers, Töpfers, Schreibers u. a. Was man hier physiologisch nennt, ist nichts weiter, als eine mechanisch und automatisch gewordene ursprünglich spontane Bewegung. Das Physiologische bei der Sache ist nur die Natur der Organe, ihre Stellung und Bewegungsform, dagegen der Impuls und die Regelung der Bewegung derselben hat mit der Lautphysiologie nur insofern zu thun, als die Natur der Organe der Intention des Menschen gewisse Schwierigkeiten und Hemmungen entgegensetzt. . . . Die physiologischen Bedingungen des Sprechens sind mit Glück und Erfolg in der sogenannten Lautphysiologie oder Phonetik behandelt, welche ihre Untersuchungen selbstverständlich am lebenden Menschen angestellt hat. Dass auch diese Wissenschaft noch in ihren Anfängen steht, scheint mir gewiss. Sie grenzt offenbar die Lautvorgänge noch zu sehr nach den in der alten Grammatik unterschiedenen Lauten ab, offenbar sehr complicirten Gebilden. . . Viel zu thun bleibt ferner der Lautphysiologie in ihrer Anwendung auf die Sprachgeschichte, richtiger würde diese Aufgabe allerdings der Sprachgeschichte selbst zuzuweisen sein (Untersuch. 4—5.).

ческие» законы, какъ они выступаютъ при *образованіи* Гербартовскаго мусора, разлагаетъ, по возможности, каждый камень и каждое бревно этого мусора на самостоятельныя части, оправдывая свои фонетическіе законы не только тамъ, гдѣ отдѣльныя части *соединяются* (*τιμβρεν* = *τιμα* + *ορεν*), но и *внутри* той или иной самостоятельной части (въ *ἔρρω-α* и въ *ῥῆ-νυμι* одна и та же самостоятельная часть подвергается *внутри* себя фонетическимъ измѣненіямъ).

Само собою разумѣется, что эти »части« должны быть »частями« всего бревна или камня не только въ фонетическомъ смыслѣ, но, судя по всему, что до сихъ поръ выяснилось, и въ смыслѣ *синасіологическомъ*, содѣйствуя, каждая *отъ себя*, достиженію того *общаго* значенія (*συνασία*), съ которымъ выпавшее изъ строенія бревно вновь входитъ въ создаемое душою »строеніе«. И какъ лексикографъ не можетъ не коснуться »спаекъ«, такъ и этимологъ не можетъ не коснуться въ своей морфологій, особенно же въ своемъ »словообразованіи«, *синасіологической* стороны частей слова и не можетъ не приготовить почвы для *слѣдующей* части грамматики.

Какая же это дальнѣйшая часть грамматики? Какъ этимологъ склеиваетъ изъ отдѣльныхъ частей »слово«, такъ синтаксистъ долженъ склеивать изъ отдѣльныхъ словъ *рѣчь*. Онъ, »синтаксистъ«, долженъ *прежде всего* обратить вниманіе на *приспособленность* спаекъ къ тому, чтобы »матеріалъ«, облѣпленный этими спайками, могъ создать новое строеніе, и въ этомъ отношеніи онъ и *находитъ* большую помощь у этимолога, который, если бы даже *совсѣмъ* не касался синасіологической стороны спаекъ, однако самъ только и можетъ сказать синтаксисту: вотъ *эта* часть слова есть »спайка«. Не напрасно мы въ началѣ введенія говорили, что этимологія, исполняя исключительно *свою* задачу, не могла не оказать громадной услуги синтаксисту.

Прекрасное выясненіе получило у Штейнтала то, что Беккера такъ сбило съ толку, именно, что при изслѣдованіи языка, какъ *выраженія мысли*, нужно исходить отъ »предложенія«, отъ »Satz'a«, отъ »рѣчи«. Мы бы, съ точки зрѣнія

самого Штейнтала, охотнѣе сказали: нужно исходить отъ »грамматическаго мышленія«. Въ самомъ дѣлѣ: рѣчь состоитъ изъ »словъ«, а »слово«, если оно не есть *Wurzelwort*, — тогда оно *само* представляетъ собою »рѣчь«, — оказывается выпавшимъ изъ цѣлаго строенія мусоромъ, цѣлое же строеніе чувствуется »цѣлымъ« *именно* благодаря »грамматическому мышленію«, какъ и съ другой стороны, *опять таки* благодаря »грамматическому мышленію«, каждая часть этого цѣлаго является облѣпленною »спайками«. По этимъ спайкамъ, съ ихъ *симасіологической* стороны, синтаксистъ долженъ *прежде* всего *группировать* »слова«, другими словами, онъ долженъ *прежде* всего заняться *симасіологією* »частей рѣчи« какъ *разрядовъ* словъ или же, *еще* иначе выражаясь, долженъ *опредѣлить* »части рѣчи« по ихъ роли въ самой рѣчи.

Какъ Гумбольдтъ не занялся »опредѣленіемъ« частей рѣчи, такъ не занялся имъ и Штейнталь, хотя послѣдній вполне сознаетъ *необходимость* такой задачи: *wir hätten* — пишетъ онъ *Gramm. etc.* 362 — *oben bei der Darstellung des Satzes die Redetheile der Sprache zu entwickeln gehabt, oder hätten es weiter unten zu thun. Das würde uns aber weiter in das Einzelne geführt haben, als hier unsere Absicht ist darauf einzugehen. Wir setzen also die Redetheile hier voraus.*

Очень жаль, что Штейнталь »предположилъ« части рѣчи, и что и онъ держался по отношенію къ нимъ традиціи. Если бы онъ ихъ не »предполагалъ«, а развернулъ бы этотъ вопросъ самъ, то, вѣроятно, его теорія предложенія получила бы совершенно другой видъ, чѣмъ она его имѣетъ. Хотя Штейнталь довелъ дѣло развитія рѣчи на почвѣ *чисто* психологической отъ »корневыхъ« словъ къ формальному предюженію, а въ этомъ формальномъ предложеніи дошелъ *опять таки* на почвѣ *чисто* психологической до *subject'a* и *praedicat'a*, но *грамматичности* этихъ *subject'a* и *praedicat'a*, т. е. ихъ *внѣшняго облика*, поскольку онъ является выраженіемъ самого »грамматическаго мышленія«, у Штейнтала не видать. Равно не видать и »грамматичности« тѣхъ об-

ject'овъ и attribut'овъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ Гербартовскомъ мусорѣ. Они у него остались тѣмъ же, чѣмъ они были у Беккера, т. е. чѣмъ то, наложеннымъ извнѣ на рѣчь, безъ отношенія къ частямъ рѣчи съ ихъ »спайками«. Только *логическая* почва въ нихъ — именно почва *формальной* логики — Штейнталемъ *опровергается*, — опровергается убѣдительными доводами въ родѣ слѣдующихъ: Der wesentliche Punkt ist die Unterscheidung zwischen der praedicativen und attributiven Verbindung. Was lehrt also die Logik über diesen Unterschied? Die Logik? gar nichts; sie kennt ihn gar nicht (Gramm. etc. 185). Или: Kommen wir jetzt zum Object. Die Logik kennt weder den Begriff, noch das Wort Object (Gramm. etc. 189). Видно, всѣ эти subject'ы, praedicat'ы, object'ы, attribut'ы чувствуются у нашихъ грамматиковъ какою то тяготящею надъ языкомъ, традиціонною ли, или *дѣйствительно* внутреннею, *необходимостью*, — необходимостью, съ которою приходится такъ или иначе считаться.

Да, »грамматичность» subject'овъ, object'овъ etc., недостаточно выясненная Штейнталемъ, и установленіе частей рѣчи, совершенно имъ пропущенное, вотъ что на *первомъ* планѣ должно интересовать синтаксиста послѣ прекраснѣйшихъ разъясненій о языкѣ, данныхъ Штейнталемъ. По обоимъ вопросамъ мы находимъ кое что поучительное у самого учителя Штейнтала, Heuse (Sprachw.) и у Paul'я (Princip.); насколько важно для синтаксиста установленіе частей рѣчи, — это во всей силѣ даетъ намъ чувствовать Miklosich; но ни у кого не находимъ ни о грамматичности subject'овъ etc., ни о частяхъ рѣчи столько положительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣткого, какъ у Потемни.

Что касается самого Heuse, то въ его Sprachw. очень много встрѣчается такого, что Штейнталу въ послѣдствіи пришлось лишь надлежаще развить въ своей Gramm. etc. И онъ, не избѣгая, однако, разсуждать о »*logische Verhältnisse*« въ языкѣ, почти тѣмъ же путемъ, какъ Штейнталь, доводитъ дѣло до »*формального* предложенія«, т. е. до Subject'a и Praedica'ta, а затѣмъ — и это уже *plus* сравнительно съ вы-

ясненнымъ у Штейнталя — переходить къ логическому опредѣленію частей рѣчи, устанавливая и *отношеніе* ихъ къ Subject'амъ etc. (этотъ отдѣлъ сочиненія у него озаглавленъ »System der grammatischen Wortarten«), а въ концѣ, довольно сжато и довольно *неверно* (стр. 413—417), онъ изслѣдуетъ «слово» въ томъ его ограниченіи, какое оно получаетъ при такой или иной своей формѣ, т. е. въ томъ или иномъ »падежѣ«, въ томъ или иномъ наклоненіи и т. д., для того чтобы войти въ связь съ *другими* словами въ *цѣлой рѣчи* (es wird das Wort betrachtet nach seiner Begränzung durch die Beziehungsform, unter welcher es in den Zusammenhang der Rede eintritt). Для насъ важна *первая* часть этого plus'a, но отдѣльно мы объ ней разсуждать не будемъ *именно* потому, что мы ее находимъ разработанною гораздо лучше у Поттебни. Когда будемъ излагать теорію Поттебни, упомянемъ, гдѣ это нужно будетъ, и о Heuse.

Не будемъ долго останавливаться и на Paul'ѣ. Да не упрекаетъ насъ читатель за то, что мы отводимъ въ нашемъ введеніи столь скромное мѣсто такому ученому, какъ Paul. Если бы намъ пришлось больше распространяться о самихъ тѣхъ созидательныхъ началахъ языка, степень пониманія которыхъ у Штейнталя главнымъ образомъ отразилась въ теоріи о внутренней формѣ языка, то мы, конечно, имѣли бы дѣло преимущественно съ Paul'емъ, такъ какъ онъ является въ настоящее время лучшимъ знатокомъ и руководителемъ по той мастерской, въ которой, такъ сказать, изготовляется языкъ. Съ Paul'я намъ слѣдовало бы *начать*, если бы мы, думая вращаться въ области *языка вообще*, хотѣли заняться истолкованіемъ *неизмѣняющагося* въ исторически *проходящемъ* и *основнаго* въ *разнообразномъ*; съ Paul'я слѣдовало бы *начать*, если бы мы хотѣли заняться тѣмъ, что собственно Paul своею книгою *впервые* привелъ въ ясность и поставилъ въ правильное отношеніе къ другимъ наукамъ и дисциплинамъ въ теоріи о языкѣ *вообще*. Самое *заглавіе* его книги, чрезвычайно выразительное (*Principien der Sprachgeschichte*), показываетъ ту точку зрѣнія,

на которую сталъ Paul не только по отношенію къ другимъ наукамъ, но и по отношенію къ господствовавшей до него въ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ онъ вращается, но неопредѣленной по содержанію, а потому и не выработавшей никакихъ вѣрныхъ методовъ, такъ называемой Sprachphilosophie. Однако, на томъ пути, по которому *мы* идемъ, и при той цѣли, къ которой *мы* стремимся, встрѣча съ Paul'емъ не можетъ насъ особенно задерживать *здѣсь*, въ введеніи. Вопросъ о »грамматичности« subject'овъ, object'овъ и т. д. у него связанъ съ вопросомъ о »грамматическихъ категоріяхъ« вообще, причѣмъ приходится слышать отъ него лишь нѣкоторыя *общія* замѣчанія, въ родѣ слѣдующихъ: Jede grammatische Kategorie erzeugt sich auf Grundlage einer psychologischen. Die erstere ist ursprünglich nichts, als das Eintreten der letzteren in die äussere Erscheinung. Sobald die Wirksamkeit der psychologischen Kategorie in den sprachlichen Ausdrucksmitteln erkennbar wird, wird sie zur grammatischen. Die Schöpfung der grammatischen Kategorie hebt aber die Wirksamkeit der psychologischen nicht auf. Diese ist von der Sprache unabhängig. Wie sie *vor jener* da ist, wirkt sie auch *nach deren Entstehen* fort. *Dadurch kann die anfänglich zwischen beiden bestehende Harmonie im Laufe der Zeit gestört werden* (Princip. 219). . . . *Es ist auch bereits angedeutet, dass geradezu ein Gegensatz zwischen dem psychologischen (logischen) Verhältniss der Satzbestandtheile unter einander und ihrem rein grammatischen Verhältniss entstehen kann* (Princip. 235). Все это, какъ уже сказано, слишкомъ *обще* и требуетъ даже открытія *новыхъ методовъ изслѣдованія* для того, чтобы могло быть въ окончательномъ своемъ выводѣ или опровергнуто, или признано.

Въ вопросѣ о *частяхъ рѣчи* мы находимъ у Paul'я изложеніе, и притомъ чрезвычайно обстоятельное, одной лишь *отрицательной* стороны. Разрушая *готовое* по этому вопросу, онъ самъ не только не даетъ ничего новаго, но и отрицаетъ возможность какихъ бы то ни было рѣшеній. Все дѣло сводится у него къ слѣдующему утверженію:

Die übliche Scheidung der Redetheile in den indogermanischen Sprachen, wie sie von den antiken Grammatikern überkommen ist, beruht nicht auf consequent durchgeführten logischen Principien, sie ist vielmehr zu Stande gekommen unter Berücksichtigung sehr verschiedener Verhältnisse. Sie trägt daher den Charakter der Willkürlichkeit an sich. Ihre Mängel lassen sich leicht zeigen. Es würde aber nicht möglich sein, etwas besseres an die Stelle zu setzen, so lange man darauf ausgeht, jedes Wort in eine bestimmte Klasse unterzubringen. Der Versuch ein streng logisch gegliedertes System aufzustellen ist überhaupt undurchführbar. (Paul Princip. 299.)

Проходя пока мимо Миклошича, съ которымъ придется имѣть дѣло ниже, обратимся къ Поттебнѣ.

Изъ его »Зап.« для насъ самая важная 10-я статья »введенія (члены предложенія и части рѣчи). На ней мы и остановимся.

Первобытное »слово-предложеніе« — говорить этотъ глубокий мыслитель-филологъ (подъ »словомъ-предложеніемъ« нужно разумѣть Штейнталевское *Wurzelwort*, составляющее само по себѣ »Satz«) — есть сказуемое къ невыраженному подлежащему (дѣтское »мама!«). Оно можетъ обойтись безъ опредѣленной грамматической формы (не требуетъ никакого грамматическаго окончанія), между тѣмъ какъ простѣйшее предложеніе нашихъ *развитыхъ* языковъ должно заключать въ себѣ грамматическую форму. Напр. личный глаголь (*verbum finitum*) въ многочисленныхъ языкахъ, каковъ русскій, *сложенъ* по строенію и, хотя имъ *однимъ* можетъ ограничиться предложеніе (глаголь-сказуемое), неизмѣримо удаленъ отъ первобытнаго »слова-предложенія« (»слова-сказуемаго« то — жь) *чистою формальностью**) заключенныхъ въ немъ отношеній къ лицу, не говоря уже о другихъ, возникшихъ позднѣе, категоріяхъ, каковы напр. въ славянскомъ языкѣ совершенность и несовершенность и степень длительности (Зап. 75—76).

*) Какъ понять выраженіе *чистою формальностью*?

Измѣнять »предложеніе«, *хотя бы и безъ измѣненія въ немъ мысли*, значить измѣнить *грамматическія формы*, которыя, такимъ образомъ, составляютъ *формальное, грамматическое* содержаніе предложенія. Въ языкъ не только, говоря а priori, не *можетъ быть*, но и а posteriori *нѣтъ* ни одной грамматической *формы* въ смыслъ грамматической *категоріи*, т. е. въ смыслъ грамматической *части рѣчи*, которая не могла бы перейти въ другую; нѣтъ ни одной *неподвижной грамматической категоріи* (Зап. 76).

На вопросъ, что такое »глаголь-сказуемое«, этотъ »*minimium*« предложенія, и чѣмъ отличается онъ отъ ближайшей къ нему части рѣчи, »имени«, прежде всего слѣдуетъ отвѣчать такимъ образомъ: если содержаніе предложенія есть чисто *формальное, грамматическое*, то и свойство составныхъ его членовъ вообще, и въ частности различіе имени и глагола, должно быть только *формальное*, т. е. должно состоять не въ *мысленномъ содержаніи*, а въ *способѣ передачи* (Зап. 81). Глаголь-сказуемое »изображаетъ« (слово *изображаетъ*, очевидно, избрано Потебнею для соответствія прежнему выраженію *способъ передачи*) признакъ во время *возникновенія отъ дѣйствующаго лица* (Зап. 84).*) — Мы бы сказали, согласно всему тому, что Потебня толкуетъ о *залогахъ* глагола, и во исправленіе выраженія »*возникновеніе признака*«, — глаголь, вѣдь, »изображаетъ« признакъ на *всякой* ступени его развитія, — *мы, я* говорю, сказали бы, что глаголь-сказуемое изображаетъ признакъ въ такой или иной стадіи его развитія *на лицѣ* (слово *на* избрано нами въ виду разныхъ *залоговъ* глагола).

Согласно съ опредѣленіемъ глагола-сказуемаго, какъ признака во время его возникновенія отъ дѣйствующаго лица, легко опредѣляется и *подлежащее*. Потебня разумѣтъ подъ »подлежащимъ« »грамматическую« форму, *прилажи-*

*) Heuse. Sprachw. 392: Das verbale Attribut (подъ Attribut'омъ Heuse разумѣтъ слово, служащее для »изображенія« признака вообще) erscheint immer als energisches, sich bewegendes, ein Zeitmoment ausfüllendes oder sich durch die Zeit hin erstreckendes.

вающуюся къ «грамматической» же формѣ глагола-сказуемаго; ибо «грамматическое» предложеніе можетъ «грамматически» *измѣняться*, а *измѣняется* оно «грамматически», если *иначе* «прилагаются» другъ къ другу» грамматическія формы, *сами* «грамматически» *измѣняются*. Опредѣляется же подлежащее слѣдующимъ образомъ: оно есть *вещественное* (ниже будетъ опредѣлено слово *вещь*) указаніе на непосредственнаго «производителя» (въ виду разныхъ *залоговъ* глагола мы сказали бы лучше «носителя») признака, означеннаго сказуемымъ (Зап. 93). Въ нашихъ языкахъ единственные падежи (разумѣй *грамматическія формы*), способные выражать подлежащее, суть именительный и звательный (Зап. 94).

Не всякое «имя» можетъ быть грамматическимъ подлежащимъ; имъ можетъ быть только или имя *существительное* (*substantivum*) и вообще всякое субстантивированное слово (Зап. 96), или личное мѣстоименіе.

Имя существительное есть названіе «грамматической» субстанціи или вещи, совершенно отличной отъ метафизической. Послѣдняя есть вещь, *сама по себѣ* отдѣленная *отъ всѣхъ признаковъ* и представляемая недоступною никакому разложенію и изслѣдованію *причиною*. Не то мы видимъ въ существительномъ какъ «грамматической» субстанціи. Само слово *субстанція* въ данномъ опредѣленіи имени существительнаго очень важно; оно даетъ понять, что имя существительное, какъ особая *грамматическая* форма, способно на то, что въ словѣ «субстанція» *кроется*, другими словами, — позволяетъ *говорить* о чемъ нибудь какъ о «вещи» т. е. *присоединять* къ «вещи» глаголь-сказуемое и другія части предложенія, которыя дальше откроются. Она, эта грамматическая субстанція, въ отличіе отъ метафизической, есть совокупность признаковъ, совершенно однородныхъ съ тѣмъ, который въ существительномъ *данъ этимологически* (Зап. 92—93). Утвержденіе Потевни, что только *одинъ* признакъ въ существительномъ можетъ быть *данъ* этимологически, напоминаетъ намъ слова Макса Мюллера, приведенныя выше на стр. 30. Уже по одному тому, что

обозначеніе предмета совершается средствомъ, кроющимся именно въ языкѣ, т. е. поименованіемъ одного изъ его признаковъ, можно опредѣлить существительное какъ названіе *грамматической* субстанціи, хотя больше оправдывается это опредѣленіе тѣмъ, на что указано выше, т. е. что *есть* особая грамматическая форма, которая позволяет *говорить* о чемъ нибудь какъ о «вещи».

Личное мѣстоименіе выражаетъ тоже *вещь*, и будучи подлежащимъ, оно есть тоже *вещественное* обозначеніе непосредственнаго носителя признака, означеннаго сказуемымъ (Зап. 93—94), но это обозначеніе совершается не путемъ «названія совокупности признаковъ» (собственно, не путемъ какого нибудь *одного, характернаго* признака), а путемъ *указанія на мѣсто нахожденія* вещи по отношенію къ *говорящему**) (Зап. 83).

Грамматическій объектъ («дополненіе») сходенъ съ субъектомъ въ томъ, что тѣмъ и другимъ *стремится* быть лишь существительное (стало быть, — добавимъ мы, — и личное мѣстоименіе!) или другая часть рѣчи, употребленная substantive. Разница между субъектомъ и объектомъ та, что субъектъ есть ни съ чѣмъ несогласуемый *именительный* или *звательный* падежъ, а объектъ — несогласуемый ни съ чѣмъ *косвенный* падежъ (итакъ, опять *грамматическая* форма, и уже по одному этому объектъ можетъ быть названъ *грамматическою* категоріею). Это *отсутствіе согласованія* въ объектѣ, черта чисто *грамматическая*, служитъ указаніемъ на то, что онъ, грамматическій объектъ, означаетъ предметъ *внѣшній*, т. е. предметъ, совершенно *иной* по отношенію къ субъекту и *другимъ*, могущимъ попасть

*) Какъ вообще у Потебля, такъ особенно въ усматриваніи имъ *указательной* роли личнаго мѣстоименія мы находимъ болѣе правильное пониманіе этой части рѣчи, чѣмъ у Heyse, который разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: Die substantivischen Pronomina sind substantivische Formwörter. Ihr ganzer Inhalt ist Form: die Form der Substantialität in ihrer abstracten Allgemeinheit, verbunden mit der formellen Bestimmung der grammatischen Person, welche nichts anderes ist, als der Ausdruck des Verhältnisses, in welchem das Subject (? Heyse, вѣроятно, хотѣлъ сказать *die redende Person*) zu der Rede steht, gleichsam der Rolle, welche es (т. е. этотъ „Subject“) in der Rede spielt. (Sprachw. 392).

въ предложеніе, объектамъ. О *всякомъ* косвенномъ падежѣ существительнаго (или личнаго мѣстоименія) можно сказать, что онъ есть грамматическій объектъ. Даже въ выраженіи *домъ отца* слово *отца* есть грамматическій объектъ; или развѣ *домъ отца* все равно, что *отцовскій домъ*? Часто падежъ объекта или »дополненія« прямо *указанъ* »формальнымъ« *значеніемъ* (т. е. значеніемъ, выраженнымъ самою грамматическою *формою*; — форма *люблю* выражаетъ нѣчто другое, чѣмъ форма *любовь*), — падежъ »дополненія«, говорю, *указанъ* формальнымъ значеніемъ »дополняемаго« (напр. *люблю отца*; само *люблю* требуетъ къ себѣ »дополненія«). Но иногда этого не бываетъ (напр. *добродѣтель воина*; здѣсь слово *добродѣтель* могло бы быть сказано совершенно самостоятельно, и никто не будетъ спрашивать ни о воинѣ, ни о чемъ-нибудь подобномъ). Такимъ образомъ связь между дополняемымъ и дополненіемъ можетъ быть болѣе тѣсная и болѣе отдаленная (Зап. 115.)*) / 177.

Грамматическій атрибутъ (»опредѣленіе«) есть названіе признака, представляемаго въ выражающемъ его словѣ, какъ нѣчто данное въ субстанціи, обозначенной другимъ словомъ. Его грамматическая форма есть *согласованіе*. »Согласуются« не только *имена прилагательныя* (новая часть рѣчи!), но и *имена существительныя*, напр. *рыба-Донецъ*

*) Гораздо уже понимаетъ объектъ Heuse: Ursprünglich ist der verbale Vorgang auf das Subject beschränkt, ohne Beziehung nach aussen: *subjectives Verbum*. Andere Verbalbegriffe hingegen gestatten oder fordern eine Beziehung auf einen Gegenstand ausser dem Subjecte. Diese begründen die *objectiven Verba*, welche meist später entwickelt sind, als die *subjectiven*, und daher nicht reine Stämme, sondern Ableitungen sind. Genauer nennt man *Transitiva* diejenigen *objectiven Verba*, die eine direkte Beziehung oder Einwirkung auf ein Object als Ziel (im *Accusativ*) fordern. Hingegen fasst man alle diejenigen *objectiven Verba*, welche zur Ergänzung ihres Begriffes nur eine indirekte Beziehung auf einen Gegenstand (im *Genitiv* oder *Dativ*) zulassen, unter der Benennung *Intransitiva* mit den *subjectiven Verben* zusammen Ob der Gegenstand der Beziehung als *indirektes* oder *direktes* Object dargestellt wird, hängt von der besonderen Anschauungsweise der einzelnen Sprache ab, so wie von der jedesmaligen Bildungsweise des Verbums Man thut daher besser alle Verba, die eine Beziehung auf einen Gegenstand ausser dem Subject in irgend einem *Casus obliquus* gestatten, als *objective Verba* zusammenzufassen, und dann speciellere Entheilungen nach den verschiedenen *Casus* zu machen (Sprachw. 339).

(аттрибутъ, но въ которомъ изъ этихъ существительныхъ?). Разница между »аттрибутивнымъ« или »опредѣлительнымъ« прилагательнымъ и между опредѣлительнымъ существительнымъ состоитъ въ томъ, что въ послѣднемъ признакъ приписывается субстанціи не прямо, а черезъ посредство другой субстанціи (Зап. 99).*)

Вообще, опредѣленія субъекта, аттрибута и объекта должны совпадать съ опредѣленіемъ »имени« (Зап. 85).

Подъ »именемъ« слѣдуетъ разумѣть не только имя существительное и прилагательное, но также »причастіе« и »мѣстоименіе«.

»Мѣстоименія« распадаются на имена *субстанцій* (я, ты, онъ, мы, вы, они), соотвѣтствующія именамъ существительнымъ, и на имена признаковъ (тотъ, этотъ, мой, твой), соотвѣтствующія именамъ прилагательнымъ (Зап. 93); субстанціи и признаки обозначаются въ нихъ не черезъ *названіе*, а черезъ *указаніе*.

Прилагательное есть *признакъ*, данный въ *чемъ-то*, что безъ помощи *другого* слова, *неприлагательнаго*, остается со стороны содержанія *неопредѣленнымъ* (Зап. 87).

Причастіе есть то же, что прилагательное, только въ немъ признакъ представляется *возникающимъ* (Зап. 87); *возникновеніе* есть черта »*глагола*« (мы, съ своей стороны,

*) Это и нижеслѣдующее (т. е. все то, что Потебня дальше говоритъ объ »именахъ«, »мѣстоименіяхъ«, »прилагательныхъ« и »причастіяхъ«) куда какъ глубже схвачено и проще истолковано, чѣмъ у Heuse, который говоритъ (Sprachw. 402—405): Betrachten wir nun zuerst die Bestimmungswörter des Substantivs. Sie müssen als in der Natur des Substantivs begründet, aus den Elementen und accidentellen Bestimmungen der Substanz entwickelt und als nothwendig erkannt werden. Die Substanz hat zuerst eigenthümliche innerliche Qualitäten der Attribute, und das Substantiv daher qualitative Bestimmungswörter, Adjectiva und Participia... Formelle Bestimmungsbegriffe des Subjects (а не des Substantivs?) sind Quantität, Ort, Redebeziehungen... Die Quantität der Dinge bezeichnen die Adjectiva quantitativa, und zwar dienen für die directe Quantität oder Zahl unterscheidbarer Einzelwesen die Zahlwörter... für die continuirliche Quantität oder Ausdehnung die Masswörter (viel, wenig etc.)... Den Ort eines Gegenstandes im Verhältniss zum Redenden drücken die Pronomina demonstrativa aus... Die Bestimmungswörter für Redebeziehungen sind abstracter Art und gehen in der Sprache nicht von eigenen Wurzeln aus, sondern sind von Ausdrücken für Anschauungsverhältnisse entlehnt oder gebildet. Sie werden Pronomina adjectiva genannt.

говорили бы опять таки не о возникновении, а о *нахождении признака в той или иной стадии развития*).

Если причастия или вообще какія-нибудь выражения дают повод говорить о какихъ то «сокращенныхъ предложенияхъ», то надобно сказать, что этотъ терминъ вообще неудобенъ. Онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ ошибочной теоріи, что если *логическому* сужденію соотвѣтствуетъ не предложение, а грамматическій членъ предложения, то это произошло лишь вслѣдствіе нѣкотораго помраченія закона, якобы нѣкогда господствовавшаго во всей силѣ, — именно закона, что предложение есть то же, что сужденіе. Одно изъ двухъ: или извѣстный отрывокъ рѣчи есть предложение, и тогда онъ долженъ заключать въ себѣ *личный глаголъ*, хотя бы и *опущенный*, или въ немъ нѣтъ личнаго глагола, а тогда онъ *не есть* предложение, а только *его часть* (Зап. 117—118).

Какъ личный глаголъ есть тѣмъ самымъ *сказуемое*; какъ «имя» въ *прямомъ* падежѣ, *несогласуемое* съ другимъ, есть *подлежащее* (подъ терминомъ *несогласуемое* Потебня сводитъ въ одно substantiva съ «субстантивированными» словами); какъ «имя» въ *косвенномъ* падежѣ, *несогласуемое* съ другимъ, есть дополнение; какъ *согласуемое* «имя» въ *любомъ* падежѣ есть *опредѣленіе* *): такъ и «*обстоятельству*» присвоена особая грамматическая форма — *нарѣчіе*. Подъ обстоятельствомъ или нарѣчіемъ разумѣемъ *признакъ, связуемый съ другимъ признакомъ* и лишь *черезъ его посредство* (напр. *очень большой*) относимый къ подлежащему или дополненію, а самъ по себѣ не имѣющій

*) Читатель самъ сравнитъ это толкованіе Потебни съ слѣдующимъ мѣстомъ у Heuse (Sprachw. 402): Substantiva und Pronomina als Subjectwörter, Verba und Adjectiva als Praedicatswörter sind die wesentlichen Bestandtheile des einfachen Satzes (послѣ этого Heuse толкуетъ объ атрибутахъ, какъ нами сообщено выше на стр. 49; но гдѣ же Objectswörter?). Если Heuse упоминаетъ объ adjectiv'ахъ какъ о Praedicatswörter, то это относится къ «составнымъ сказуемымъ» Потебни, о которыхъ будетъ сообщено ниже.

съ нимъ никакой связи (Зап. 120).*) Къ нарѣчіямъ принадлежать и русскія дѣпричастія (ср. Зап. 121).

Къ глаголу относится нарѣчіе постольку, поскольку оно можетъ находиться при его неопредѣленномъ наклоненіи, напр. *мытъ было* (Потебня хочетъ сказать, что когда говорятъ *я мою хорошо*, то *хорошо* относится собственно не ко всему *я мою*, а только къ заключающемуся въ немъ неопредѣленному наклоненію *мытъ*); и такъ какъ неопредѣленное наклоненіе не можетъ быть атрибутомъ, и такъ какъ, согласно вышесказанному, нарѣчіе есть, въ сущности, атрибутъ атрибута, то ясно, что эта форма (т. е. неопредѣленное наклоненіе), не *будучи* тѣмъ, чѣмъ ее требуетъ къ себѣ нарѣчіе, есть *особая* часть рѣчи, по отношенію къ которой нарѣчіе занимаетъ также *особое* положеніе. Вотъ, что мы могли извлечь изъ замѣтокъ Потебни, помѣщенныхъ Зап. 120.

Когда дополненіе, имѣющее, въ свою очередь, *тоже* дополненіе (это по теоріи Потебни возможно: въ выраженіи *благодѣтельствовалъ друзей отца* слово *друзей* есть дополненіе къ слову *благодѣтельствовалъ*, а *отца* — дополненіе къ слову *друзей*, причемъ оба дополненія »прямо указаны формальными значеніями дополняемых«, такъ что »связь между дополненіями и дополняемыми — болѣе тѣсная«, — когда, повторяю, дополненіе, имѣющее *свое* дополненіе, теряетъ значеніе объекта и переходитъ въ *нарѣчіе*,**) напр.: *когда приложити конецъ поля Половецкаго* (по представленію Потебни слово *конецъ* есть первоначально дополненіе къ слову *приложити*, находясь, конечно, »въ ментѣ тѣсной связи« съ нимъ), то тѣмъ самымъ оно стано-

*) Heuse (Sprachw. 408—409): Die Bestimmungsbegriffe des Attributs, sowohl des ruhenden (Adjectivum) als des energischen (Verbum), sind... Adverbia. Подъ Bestimmungsbegriffe Heuse разумѣетъ нѣчто совершенно такое же по отношенію къ атрибутамъ, чѣмъ были выше (смотри стр. 49) Bestimmungen по отношенію къ Substantivum, а въ словѣ *Attribut* заключается и verbum на основаніи замѣтки, сообщенной нами на стр. 45).

**) Тутъ Потебня, несомнѣнно, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Если »нарѣчія« суть »признаки признаковъ«, то они *не имѣютъ мѣста* передъ »дополненіями«, которыя »изображаютъ нѣчто какъ вещь«. На это противорѣчіе, очевидно, натолкнуло Потебню ходячее мнѣніе, что »пред-

вится связкою, *соединяющею* лишь свое прежнее дополненіе (въ данномъ примѣрѣ дополненіе *поля*) съ дополняемымъ (въ данномъ примѣрѣ съ дополняемымъ *приломити*). Связка между дополненіемъ и дополняемымъ есть *предлогъ* (ср. Зап. 123).

Рядомъ съ *простыми* сказуемыми, съ *простыми* дополненіями и т. д. могутъ быть въ языкѣ и *составныя*. При этомъ *имя*, напримѣръ, можетъ быть частью »составнаго« сказуемаго, то есть такого, изъ частей котораго ни одна не можетъ быть названа сказуемымъ. Такъ, хотя, въ выраженіи *морозъ показался невеликъ*, въ глаголѣ и заключенъ признакъ *казаться*, развиваемый »дѣятельностью подлежащаго« (мы сказали бы «признакъ, *носителемъ* котораго есть подлежащее»), но *смыслъ предложенія* — не въ этомъ признакѣ, а въ томъ, что представляется »возникающимъ« *другой* признакъ, признакъ *невеликъ* (Зап. 105; »возникающимъ« онъ представляется, согласно всѣмъ толкованіямъ Потебни, *именно* при посредствѣ глагола «показался»). Въ случаяхъ »составнаго сказуемаго« самъ личный глаголъ является лишь »связкою», которую *никакъ* нельзя ограничить, какъ другіе дѣлають, однимъ глаголомъ *есть-былъ* (Зап. 110).

»Составные члены« предложенія и »ихъ замѣна« вызвали у Потебни вторую и большую по объему часть его »Зап.« Этой части мы здѣсь излагать *не станемъ*, такъ какъ она, въ ея *общей* задачѣ, — это, надѣмся, сейчасъ будетъ доказано, — составляетъ *отрицательную* съ точки зрѣнія нашего интереса сторону труда Потебни. На *изложенной* нами части его труда вполнѣ оправдываются наши

логи« суть первоначально »нарѣчія«. Heuse (Sprachw. 411) опредѣляетъ предлогъ такъ: Die Praepositionen bezeichnen eine formelle Bestimmung des Ortes, der Zeit und der logischen Verhältnisse, indem sie den Zustand oder das Handeln des Subjects in Beziehung zu einem anderen Gegenstand setzen, so dass sie also den Bestimmungsbegriff nicht, wie die Adverbia, für sich allein erschöpfend ausdrücken, sondern nur in Verbindung mit einem Gegenstandsworte, welches sie in Beziehung zu dem Thun des Subjects setzen, und mit welchem verbunden sie einen reichhaltigen concreten Adverbialbegriff ausmachen: vergleiche *er ist drinnen, in der Stube*. Недостатки этого опредѣленія предоставляемъ найти самому читателю.

слова, съ которыми мы приступали къ ея изложенію: »грамматичность субъектовъ и пр. онъ *разъяснилъ*, равно какъ принялся и за *группировку* »частей рѣчи«. Правда, *группировка* частей рѣчи у него очень ужъ не подробная, и »части рѣчи« устанавливаются лишь постольку, поскольку ихъ установленіе находится въ *связи* съ вопросомъ о »грамматичности« субъектовъ и пр. Но тѣмъ не менѣе и относительно »частей рѣчи« получились *новые* результаты, сравнительно съ традиціею; новымъ, по крайней мѣрѣ, является выдѣленіе »неопредѣленнаго наклоненія« и »причастія«, какъ *особыхъ* частей рѣчи.

Что касается »грамматичности« субъектовъ и пр., то нужно сказать, что не столько разъясненіе »грамматическаго мышленія« послужило у Потебни средствомъ для уразумѣнія »грамматичности частей предложенія«, сколько скорѣе, наоборотъ, разъясненіемъ »грамматичности частей предложенія« осмысляется терминъ »грамматическое мышленіе«. Это вполне понятно: о »грамматичности частей предложенія« можно разсуждать на почвѣ фактовъ, а терминъ »грамматическое мышленіе« есть философскій выводъ.

Разъясненіе »грамматичности« частей предложенія сосредоточено у Потебни на положеніи: въ языкѣ нѣтъ ни одной грамматической *формы*, въ смыслѣ грамматической *категоріи*, которая, *безъ измѣненія смысла*, не могла бы перейти въ другую. Такимъ образомъ, »мыслить« мы можемъ *одно*, а »грамматическое мышленіе« при этомъ можетъ идти по *различнымъ* путямъ, и все зависитъ отъ того, съ какой »категоріи« грамматическое мышленіе *начинается*; ибо къ ней уже потомъ *прилаживаются* остальные. *Всякое* слово въ рѣчи (теорію Потебни о *союзахъ* мы отсюда исключаемъ, какъ ее и раньше не излагали) есть или указательное, или — если такъ можно выразиться — »матеріальное« т. е. обозначающее какойнибудь *признакъ*, — признакъ или »возникающій«, или — скажемъ — признакъ »состоянія«. Своею »грамматическою« формою оно не только въ состояніи »передать« *признакъ* то въ видѣ »возникающаго«, то въ видѣ »состоянія«, но и *черезъ* признакъ, а то и *черезъ*

указаніе, можетъ »изобразить« нѣчто какъ »вещь«, или какъ »признакъ« вещи (которая, въ такомъ случаѣ, должна быть уже обозначена *другимъ* какимъ нибудь словомъ), или, наконецъ, какъ »признакъ признака«. »Вещь«, т. е. *грамматическая* вещь, можетъ быть поставлена въ языкѣ для того, чтобы »о ней можно было говорить«, или можетъ получить значеніе »дополненія«, болѣе »тѣснаго«, или болѣе »отдаленнаго«. Самою »сложною по строенію грамматическою формою« является личный глаголь, изображающій »возникновеніе признака *отъ* лица« (жаль, что Потебня не выяснилъ отношенія этого »лица« къ тѣмъ »вещамъ«, которыя въ рѣчи »изображаются« *другими* словами).

Все это прекрасно, и Потебня является во всемъ этомъ ученіи достойнымъ продолжателемъ Гумбольдта и Штейнталя, которыхъ онъ и ставитъ высоко въ своихъ сочиненіяхъ. Но . . . Разъяснимъ это *но*.

1. Намъ представляется страннымъ, что Потебня такъ настаиваетъ на личномъ глаголѣ въ предложеніи, что онъ его считаетъ *minimum*омъ предложенія и что тамъ, гдѣ его нѣтъ, напр. *не велика бѣда* (ср. Зап. 118), онъ его считаетъ опущеннымъ и подразумевающимся. Всѣ грамматико-философы, о которыхъ мы здѣсь упоминали и о которыхъ не упоминали, затрогиваютъ вопросъ объ эллипсисахъ и рѣшаютъ его такъ или иначе. Мы понимаемъ, что *слѣдуетъ* »подразумѣвать« слово тамъ, гдѣ оно въ рѣчи разъ уже встрѣчалось и *повторять* его лишній разъ говорящій *не желаетъ* (долго я искалъ это мѣсто въ сочиненіи и, наконецъ, нашелъ; разумѣй *его*, это *мѣсто*). Мы понимаемъ дальше, что говорящій, нарисовавъ слегка какимъ нибудь словомъ или сложнымъ выраженіемъ ту или иную картину, не распространяется *особыми* словами о ея частностяхъ, *самъ* ихъ подразумевая и предполагая, что ихъ и слушатель подразумеваетъ (оставивъ своихъ друзей на палубѣ, самъ отправился внизъ; подразумевай *въ каюту*). Мы понимаемъ, что говорящій, самъ привыкшій противопоставлять одну мысль другой и предполагая ту же привычку у слушателя, часто, на основаніи этой противоположности, заставляетъ

догадываться о чемъ нибудь, *не выражая* этого (это не я сдѣлалъ; подразумевай *это сдѣлалъ кто-нибудь другой*). Мы понимаемъ, что говорящій, въ *риторическомъ* настроеніи, желая произвести эффектъ, останавливается иногда, такъ сказать, на *полусловъ* (я жъ его! и т. п.). Но мы не понимаемъ, что можно *опустить* и *подразумѣвать* такое слово какъ *личннй глаголъ*, разъ безъ него не можетъ обойтись ни одно предложіе. Прекрасно высказывается на счетъ эллипсисовъ Paul: *Misst man allemal den knapperen Ausdruck an dem daneben möglichen umständlicheren, so kann man mit der Annahme von Ellipsen fast ins unbegrenzte gehen. Bekannt ist der Missbrauch, der damit im 16. und 17. Jahrhundert getrieben ist. Indessen war dieser Missbrauch doch nur die weiter gehende Durchführung von Anschauungen, die auch jetzt noch in unseren Grammatiken vertreten sind. Es gilt diesen Massstab aufzugeben und jede Ausdrucksform nach ihrer Entstehung ohne Hineintragung von Etwas Fremdem zu begreifen. Man wird dann die Ansetzung von Ellipsen auf ein minimum einschränken. Oder aber man müsste den Begriff der Ellipse in viel ausgedehnterem Masse anwenden, als es jetzt üblich ist: man müsste zugeben, dass es zum Wesen des sprachlichen Ausdrucks gehört elliptisch zu sein, niemals dem vollen Inhalte des Vorgestellten adaequat, so dass also in Bezug auf Ellipse nur ein Gradunterschied zwischen den verschiedenen Ausdrucksweisen besteht (Princip. 263.) . . . Im grossen und ganzen geht ein gewisser haushälterischer Zug durch die Sprachthätigkeit. Es müssen sich überall Ausdrucksweisen herausbilden, die nur gerade so viel enthalten, als die Verständlichkeit für den Hörenden erfordert. Das Mass der angewendeten Mittel richtet sich nach der *Situation*, nach der vorausgehenden Unterhaltung, der grösseren oder geringeren Uebereinstimmung in der geistigen Disposition der sich unterhaltenden (Princip. 262).*

2. Дошедши до установленія »составнаго сказуемаго«, Потебня вдругъ вводитъ какое то новое начало въ свои разсужденія. Если раньше »члены предложенія» приводились

въ соотвѣтствіе съ частями рѣчи, то теперь »составное сказуемое« устанавливается по *общему смыслу* предложенія. »Общій смыслъ« — чрезвычайно шаткій принципъ для установленія »членовъ предложенія« (по «общему смыслу» у насъ на стр. 23 выходило подлежащимъ *въ его поступкѣ*, а сказуемымъ — *величайшую низость*), не говоря уже о томъ, что онъ у Потебни сталкивается съ *другимъ* принципомъ (я разумѣю принципъ соотвѣтствія »частей предложенія« »частямъ рѣчи«), тогда какъ *всякая* система требуетъ *одной* точки исхода. Что принципъ *общаго* смысла никакъ не мирится съ тою »грамматичностью« какъ частей предложенія, такъ и частей рѣчи, которой такъ долго держался Потебня, это также не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вообще, кажется намъ, слѣдуетъ разсуждать такъ, что, во фразѣ *морозъ показался невеликъ*, выраженіе *показался невеликъ* или *есть* »членъ предложенія«, а тогда »члены предложенія« нужно устанавливать на какой нибудь другой почвѣ, чѣмъ на почвѣ грамматическихъ формъ, или это *не есть* »членъ предложенія«. а тогда рядъ *установленныхъ* »членовъ предложенія« (подлежащее, сказуемое, дополнение, опредѣленіе и обстоятельство) *не полонъ* и нужно его *увеличить*, такъ чтобы можно было подвести подъ его категоріи *отдѣльно* слово *показался*, и *отдѣльно* слово *невеликъ*, а *чѣмъ* его увеличить, — *сказать* даже трудно. Не говорить же, какъ иногда дѣлаютъ, что само *невеликъ* есть сказуемое, и *показался* есть *связка*, и не признавать же »связку« за особый »членъ предложенія«. Ибо тогда окажется связкою, какъ дѣйствительно у Потебни и выходить, и слово *конецъ* въ выраженіи *конецъ поля Половецкаго*, и вообще »связокъ« найдется въ языкѣ *много*, притомъ такихъ, что *грамматичность* формъ *исчезнетъ* какъ точка исхода для опредѣленія »частей предложенія«. Но можетъ быть, слово *конецъ* является не »связкою«, а просто *предлогомъ*? Въ такомъ случаѣ не всѣ »части рѣчи« подойдутъ подъ »части предложенія«, и тогда опять исчезнетъ *соотвѣтствіе между* »частями« рѣчи и »частями предложенія«.

3. Мы затрудняемся сказать *по началу* разсуждений Потебни, устанавливаетъ ли онъ »члены предложенія« съ точки зрѣнія »частей рѣчи«, или, наоборотъ, »части рѣчи« съ точки зрѣнія »частей предложенія«. Если *составные* »члены предложенія« представляютъ собою нѣчто такое, что Потебню застало — да и всякаго застанеть — въ рас-
плохъ, то *простые* »члены предложенія«, казалось бы, слѣдуетъ устанавливать съ точки зрѣнія »частей рѣчи«, а не наоборотъ. Въ самомъ дѣлѣ: потому ли атрибутъ — прилагательное, что онъ — атрибутъ, или, скорѣе, прилагательное есть атрибутъ потому, что оно — прилагательное? Потому ли объектъ, какъ его толкуетъ Потебня (въ выраженіи *домъ отца* слово *отца* есть, по мнѣнію Потебни, объектъ), — потому ли объектъ — существительное, что онъ — объектъ, или существительное есть объектъ потому, что оно — существительное? Потому ли обстоятельство — нарѣчіе, что оно — обстоятельство, или, скорѣе, нарѣчіе есть обстоятельство потому, что оно — нарѣчіе? Да и куда дѣнется вся »грамматичность« »членовъ предложенія«, если мы не будемъ исходить отъ того, что въ нихъ только и есть грамматичнаго, т. е. отъ самой *формы* слова, какъ *части рѣчи*. У Потебни, въ началѣ его разсужденія, какъ сказано, не знаешь, что онъ беретъ за исходную точку, часть рѣчи, или часть предложенія. Въ концѣ же онъ *явственно* исходитъ отъ *членовъ предложенія* и результатомъ своимъ доказываетъ всю неправильность своего метода. Въ предлогѣ »къ« никто не станетъ искать »нарѣчіе, потерявшее значеніе объекта«, и выяснять предлоги съ точки зрѣнія »членовъ предложенія« — стремленіе напрасное, развѣ войдутъ они въ какой нибудь »составной членъ предложенія«, а о неметодичности »составныхъ членовъ предложенія« мы высказались выше.

4. Объектъ (дополненіе то — жь) Потебня, въ концѣ концовъ, опредѣляетъ какъ болѣе или менѣе (»болѣе тѣсная и болѣе отдаленная связь«) вызываемое »формальнымъ значеніемъ« дополняемаго (люблю отца.) Не является ли такимъ же »дополненіемъ« и самъ *субъектъ*, и — возьмемъ напр.

фразу *сынъ любитъ отца* — какая, въ сущности, разница между словомъ *сынъ* и между словомъ *отца*, если послѣднее оказывается объектомъ лишь въ томъ смыслѣ, что оно вызвано «формальнымъ значеніемъ» т. е. значеніемъ *формы* слова *любитъ*? Не вызвано ли въ нашей фразѣ и слово *сынъ* формальнымъ значеніемъ слова *любитъ*? Не являются ли, наконецъ, въ *этомъ* же смыслѣ, если не «дополненіями», то, во всякомъ случаѣ, «дополняемыми» и «прилагательное-аттрибутъ», и «нарѣчіе-обстоятельство», когда *первое* своимъ «формальнымъ значеніемъ» указываетъ на «признакъ субстанции, выраженной въ *другомъ* словѣ», а *второе* своимъ *формальнымъ значеніемъ* указываетъ на «аттрибутъ» атрибута, выраженного *другимъ* словомъ? Не есть ли и слово «*къ*» въ выраженіи *къ отцу* не «ослабленное и перешедшее въ нарѣчіе *дополненіе*» (объектъ), а «дополняемое», *вызывающее* къ себѣ «своимъ формальнымъ значеніемъ» слово *отцу*? Не есть ли и слово *отца* въ выраженіи *домъ отца* не «дополненіе», какъ толкуетъ Потебня, прибѣгая къ *натяжкѣ* въ различеніи выражений «*домъ отца*» и «*отцовскій домъ*», а скорѣе дополняемое, *вызывающее* къ себѣ «своимъ формальнымъ значеніемъ» слово *домъ*? Не состоитъ ли въ *этомъ* же смыслѣ изъ «дополняемаго» и «дополненія» выраженіе *оказался невеликъ*? Не слѣдуетъ ли толкованіе о «болѣе тѣсной и болѣе отдаленной связи дополненій» (объектовъ) замѣнить толкованіемъ, что «болѣе отдаленное *дополненіе*» есть не «дополненіе», а «дополняемое», *вызывающее* «своимъ формальнымъ значеніемъ» *дополненіе* (въ выраженіи *добродѣтель война* слово *война* есть «дополняемое»), а «болѣе тѣсное дополненіе» есть *дѣйствительное* «дополненіе», *вызванное* формальнымъ значеніемъ «дополняемаго»? А если такъ, и если Потебня правъ въ томъ (онъ не правъ, какъ видно будетъ изъ нашего изслѣдованія), — если онъ правъ въ томъ, что предложеніе не можетъ обойтись безъ личнаго глагола, и что личный глаголъ есть *минимумъ* всякаго предложенія, то не слѣдовало ли бы опредѣлить «предложеніе» *просто* какъ личный глаголъ съ его «дополненіями» и «дополняемыми»?

Изъ всего нашего разсужденія явствуетъ, что синтаксисту нужно прежде всего разобраться хорошо въ симасіологіи (т. е. понять *значеніе* и »дополняемость», *вызванную* значеніемъ) *частей рѣчи* и ихъ *формъ*, а потомъ только видно будетъ, насколько умѣстны и какими окажутся, если они умѣстны, »члены предложенія«. Какъ *затруднено* въ настоящее время у *всѣхъ* нашихъ грамматиковъ опредѣленіе *значенія* частей рѣчи и ихъ *формъ*, этихъ по истинѣ »*грамматическихъ*« категорій, на которыхъ *дѣйствительно* можно узнать »внутреннюю форму языка« Гумбольдта, »грамматическое мышленіе« Штейнталя и »Denkform« Heuse (Heuse употребляетъ именно *этотъ* терминъ; ср. Sprachw. 391 и др.), — какъ, повторяю, *затруднено* опредѣленіе *значенія* частей рѣчи *именно тѣмъ*, что наши грамматики въ частяхъ рѣчи все сбиваются на »члены предложенія«, можно судить по самому Потебнѣ, который, напр., значеніе *одной* изъ ихъ грамматическихъ формъ, именно *творительнаго* падежа, опредѣляетъ слѣдующими терминами;

1. творительный соціативный;
2. » мѣста;
3. » времени;
4. » орудія;
5. » условленный страдательнымъ сказуемымъ;
6. » условленный именемъ и нарѣчіемъ, и творительный отношенія;
7. » причины;
8. » образа дѣйствія;
9. » аппозитивный (appositio estъ особый видъ атрибута);
10. » предикативный;
11. » на мѣстѣ »предикативнаго имени существительнаго« при глаголахъ болѣе энергичности;
12. именительный и творительный предикативныхъ прилагательныхъ.

Гдѣ тутъ можно толковать о какомъ нибудь *началѣ* для опредѣленія значенія творительнаго падежа?

Отъ аппрористическаго внесенія въ синтаксисъ »членовъ предложенія« не освободился до сихъ поръ никто. Послѣдній, Delbrück (Grundr. III., конецъ введенія), хотя и провозглашаетъ Satztheil и Redetheil за одно (Grundr. III. 75), однакожь навязываетъ себѣ слѣдующія »категоріи« словъ:

1. Слова, служація субстратомъ предиката (подъ субстратомъ слѣдуетъ разумѣть, по Дельбрюку, субъектъ, объектъ и, вообще, всё «отношенія», выражаемая *падежами*). Это — substantiva. Такъ какъ substantivum есть не этимологическая, а *синтаксическая* категорія (называя ее *синтаксическою*, т. е. такую, которая *συντάσσεται*, Дельбрюкъ имѣетъ въ виду именно ея »дополняемость«, связанную съ ея »формальнымъ« значеніемъ), то понятно, что въ качествѣ substantiv'овъ могутъ быть употребляемы многіе »разряды« словъ (Wortarten): nomina, pronomina, numeralia и »субстантивированныя« слова.

2. Предикативныя слова: *собственное* предикативное слово — verbum; но и nomina могутъ функционировать въ роли предикатовъ, напр. *ὄχι ἄρα θὸν πολυκοιανίη*.

3. Атрибутивныя слова. Атрибутивное слово можетъ появляться не только при субстратѣ предиката, т. е. при substantiv'ѣ, но и при предикативномъ словѣ. Собственный атрибутъ substantiv'a есть adjectivum, выступающее и въ nomin'ахъ, и въ pronomin'ахъ (напр. *ἐμός*), и въ numerali'ахъ. Но атрибутами substantiv'овъ могутъ быть и сами substantiv'a; такъ бываетъ въ приложеніяхъ, а также въ genitiv'ахъ substantiv'овъ (или въ dativ'ахъ). Атрибутами при предикативахъ—глаголахъ являются praepositiones (точнѣе praeverbia, сравни *ἐγκαλέω*) и adverbia. Наконецъ, атрибутъ можетъ появляться и при *другомъ* атрибутѣ; такъ, adverbium появляется при adjectivum.

4. Связки. Сюда относятся: copula, praepositiones, посредничающія между verbum и падежемъ, и нѣкоторыя частицы. Изъ частицъ принадлежатъ сюда тѣ, которыя имѣютъ значеніе *соединяющихъ* словъ; но къ нимъ можно при-

общить и *исключающія* частицы, т. е. какое-нибудь *aut*, *ŷ* и т. п.

5. Усилительныя слова (*hervorhebende Wörter*). Сюда относится цѣлый рядъ частицъ.

Что Дельбрюкк, наконецъ, провозглашаетъ отождествленіе *Satztheil'a* съ *Redetheil'омъ*, это *громднѣй* шагъ впередъ, который, насколько намъ извѣстно, впервые сдѣланъ только имъ. Но, какъ видно, это отождествленіе получило у него лишь тотъ смыслъ, что «*составныхъ*» частей предложенія нѣтъ, и что какъ члены предложенія, такъ и части рѣчи являются только «*сдѣлами*», а затѣмъ «*члены предложенія*» и «*части рѣчи*» остаются *отличными* другъ отъ друга понятіями т. е. отличными другъ отъ друга *началами* дѣленія словъ на разряды, и такъ какъ за *исходную* точку для дѣленія словъ на разряды приняты «*члены предложенія*», то *части рѣчи* при этомъ дѣленіи переkreщиваются. Очень жаль, что ни *infinitivus*, ни *participium* не выступаютъ *самостоятельными* частями рѣчи. Не обращено также никакого вниманія на «*предлоги*, посредничающіе между падежемъ и тѣми частями рѣчи, которыя *не суть* *verbum*, напр. *πέντε ἐπί δέκα*, *ἀδίκη πρός τινα* и т. п. Впрочемъ, о синтаксисѣ этого великаго знатока языковъ трудно себѣ составить надлежащее представленіе, такъ какъ онъ еще не оконченъ.

Недавно появилась книжка *Ries'a*, въ которой авторъ рѣшаетъ вопросъ, что такое синтаксисъ. Указывая на всю ту безсистемность (*Systemlosigkeit*), которая держится въ нашихъ синтаксическихъ теоріяхъ благодаря тому, что не выяснена до сихъ поръ достаточно ни задача синтаксиса, ни отношеніе его къ другимъ отдѣламъ грамматики, авторъ распознаетъ въ синтаксическихъ изслѣдованіяхъ нашихъ ученыхъ *два* главныхъ направленія. Представителемъ одного остается все тотъ же Беккеръ, а представителемъ другого является *Miklosich*. Ученые перваго направленія — такъ толкуетъ *Ries* — исходятъ отъ *значенія*, приписывая ему грамматическія формы, а ученые втораго — отъ *грамматическихкихъ формъ*, приписывая имъ значеніе (*WiS. 9: zunächst ist es der bekannte Widerstreit zweier entgegengesetzter*

Methoden der Forschung, der in Augen springt: das Ausgehen von der Bedeutung, nach deren Ausdrucksform gefragt wird, und umgekehrt das Ausgehen von den vorhandenen Formen, nach deren Bedeutung gefragt wird).

Miklosich (Vergl. Gr. IV. 1) опредѣляетъ синтаксисъ, какъ симасіологію разрядовъ словъ (подъ разрядами словъ онъ понимаетъ *исключительно* части рѣчи) и ихъ формъ (т. е. падежей, наклоненій и т. п.): jener Theil der Grammatik, welcher die Bedeutung der Wortclassen und der Wortformen darzulegen hat, heisst Syntax.

О такой задачѣ, какую себѣ опредѣлили Миклошичъ въ своемъ синтаксисѣ, мечтаемъ и мы, сводя всѣ наши разсужденія къ необходимости разъяснить *симасіологію частей рѣчи* т. е. *разбить на разряды* появляющіяся въ рѣчи слова по ихъ значенію, по ихъ приспособленности войти «частями» въ осмысленную рѣчь, причемъ эта «приспособленность» опредѣлялась бы прежде всего всѣми *этимологическими* измѣненіями (падежами, наклоненіями и т. п.) каждаго изъ этихъ разрядовъ, такъ какъ *измѣненія* эти только и находятъ себѣ оправданіе въ томъ, что каждое изъ нихъ вноситъ *особый* оттѣнокъ въ мысль. Однакожь опять и опять съ сожалѣніемъ приходится замѣчать, что и Миклошичъ, исполняя свою задачу, постоянно находится подъ давленіемъ «членовъ предложенія», которые въ сущности остаются *вездѣ* — мы это видѣли — *Беккеровскими*, какъ бы ихъ ни переворачивали наши грамматикѣ-философы, и уже это *одно* обстоятельство мѣшаетъ Миклошичу *надлежащимъ* образомъ опредѣлить значеніе той или другой Wortclasse, той или другой Wortform. *Надлежащее* опредѣленіе значенія «разрядовъ словъ» и ихъ формъ, повидимому, заключается въ такомъ освѣщеніи дѣла, которое въ каждомъ «разрядѣ словъ» и въ каждой формѣ указывало бы или *одинъ* симасіологическій *центръ*, откуда бы всѣ оттѣнки исходили какъ радіусы, или, если такого *одного* центра нѣтъ, — историческое *передвиженіе* значенія отъ *одного* симасіологическаго центра къ другому. Миклошичъ, помимо того, что ему мѣшали «члены предложенія, вообще не обнару-

живаеъ особеннаго стремленія къ отысканію *такого* или *такихъ* исторически связанныхъ центровъ. Его синтаксисъ представляетъ собою въ этомъ отношеніи скорѣе магазинъ примѣровъ, сгруппированныхъ подъ цѣлымъ рядомъ ярлыковъ, кое-какъ между собою связанныхъ, а то и вовсе несвязанныхъ. Примѣромъ такого веденія дѣла пусть послужитъ тотъ же творительный падежъ. Миклошичъ его опредѣляетъ такъ (Vergl. Gr. IV. 683): Wie bei den übrigen Casus, so gehe ich auch bei dem Instrumental von dessen *räumlichen* Function aus, diese allen übrigen zu Grunde legend (почему?). An die Vorstellung des Raumes, über den sich eine Handlung ununterbrochen erstreckt, schliesst sich die Vorstellung des *Werkzeuges* und des *Mittels* an, die dem Casus den Namen Instrumental gab. Diese Vorstellungen erweitern sich zu der des *Beisammenseins*, auf der ein anderer Name des Casus, Social, beruht. Am weitesten entfernt sich von der ursprünglichen Bestimmung des Instrumental dessen *prädicative* Anwendung, wo der Instrumental dasjenige bezeichnet, in das ein anderes verwandelt wird oder übergeht, der demnach »local« (значить, *опять* räumlich? — почему онъ въ такомъ случаѣ такъ *удаленъ* отъ »первоначальнаго значенія?«) aufzufassen ist.

Послѣ этого »опредѣленія значенія« идутъ слѣдующіе ярлычки, всегда съ массою примѣровъ: Instrumental des Raumes; Instrumental der Zeit; Instrumental des Werkzeuges; Instrumental des Masses; Instrumental bei verba passiva; Instrumental der Art und Weise; Instrumental der Angemessenheit; Instrumental der Verstärkung; Instrumental des Grundes; Instrumental der *Sorge* (!) u s. w.; Instrumental der Beziehung; Instrumental der Absicht; Instrumental der Verbindung; Instrumental des Umstandes; Instrumental der Eigenschaft; Instrumental des Praedicats, indem er bezeichnet: 1. dasjenige, wozu *ich* etwas mache, woin *ich* es *verwandle*, womit *ich* es benenne; 2. dasjenige, wozu *etwas* gemacht, ernannt, woin *es* verwandelt, wie *es* benannt, wofür *es* gehalten wird u s. w.; 3. die praedicative

Apposition des Subjects oder des Dativ in der Construction des Infinitivus cum Dativo.

Далѣ слѣдуетъ соединеніе творительнаго падежа съ предлогами, приче́мъ, напр., объясненіе конструкціи предлога *за* съ творительнымъ падежемъ получаетъ слѣдующій видъ:

Der Instrumental mit der Praeposition *за* bezeichnet: 1. dasjenige, hinter dem etwas ruht (что же тутъ выходитъ на долю самого *за*, и что на долю instrumental'a какъ *падежа* ?); 2. die Zeit, nach der eine Handlung vor sich geht; 3. dasjenige, weswegen etwas geschieht oder nicht geschieht; 4. bei Personen das Beisammensein im Allgemeinen.

Каково бы ни было *исполненіе* задачи у Миклошича, *сама* она поставлена имъ ясно: онъ желаетъ симасіологію «разрядовъ словъ и ихъ формъ» исчерпать *весь синтаксисъ* языка и стоитъ въ этомъ отношеніи на принципѣ, дѣйствительно, вполнѣ противоположномъ точкѣ зрѣнія Беккера, желавшаго исчерпать синтаксисъ языка истолкованіемъ «сочлененій предложенія». Съ обѣими точками зрѣнія сжились наши синтаксисты — одинаково философы, какъ и техники — до того, что одни хотѣли бы ихъ примирить, а другіе восклицаютъ: или Беккеръ, или Миклошичъ! (Scherer Kl. Schr. 370).

Ни тотъ, ни другой — отвѣчаемъ мы. Впервыхъ, мы думаемъ, что симасіологія «разрядовъ словъ и ихъ формъ» выиграетъ, если ее поставить совершенно независимо отъ «членовъ предложенія». Мы думаемъ, — чтобы высказаться прямо, — что если отъ «членовъ предложенія» *совсѣмъ* отказаться, то уясненіе языка отъ этого вовсе не страдаетъ. Но мы думаемъ также, что симасіологію «разрядовъ словъ и ихъ формъ» *не исчерпывается* весь синтаксисъ. За симасіологію «разрядовъ словъ и ихъ формъ», какъ совершенно правильно разсуждаетъ Ризъ (WiS 32), слѣдуетъ еще вся музыкальная сторона языка: темпъ, паузы, удареніе, ритмъ, мелодія,*) и хотя намъ, быть можетъ, скажутъ, что нѣко-

*) Немного опредѣленіе говорить объ этомъ предметѣ Paul (Princip. 99): Zum sprachlichen Ausdruck von Vorstellungen gibt es folgende Mittel:

торыя изъ этихъ сторонъ или, точнѣе, многое *въ нихъ* — относится къ *стилистикѣ*, но сама *область* стилистики достаточно ли у насъ раскрыта? Не выяснится ли она лучше, когда не только синтаксисъ тверже будетъ стоять на своей почвѣ, но и другія грамматическія дисциплины будутъ больше упрочены какъ *сами въ себя*, въ своихъ *собственныхъ* задачахъ, такъ и по отношенію другъ къ другу.

Объ этомъ то взаимномъ отношеніи грамматическихъ дисциплинъ много толкуетъ Ризъ въ своемъ сочиненіи, и — надобно ему отдать справедливость — онъ много выяснилъ въ этомъ дѣлѣ черезъ введеніе въ свое толкованіе слова *Bedeutungslehre*, что мы переводимъ словомъ *симасіологія* (да и Ризъ употребляетъ иногда слово *Semasiologie*).

»Симасіологію« ввелъ въ грамматику еще Reisig, поставивъ ее посрединѣ между »этимологіею« и »синтаксисомъ«. Но его »*Semasiologie oder Bedeutungslehre*« имѣетъ чисто *лексикальный* характеръ съ примѣсью, если угодно, стилистическаго элемента. Онъ въ ней толкуетъ о синекдохѣ, о метафорѣ, о метониміи, о чередованіи *transitiv'ности* и *intransitiv'ности* въ значеніи глаголовъ, о важной роли для значенія глаголовъ тѣхъ предлоговъ, которые съ ними соединяются, объ основахъ правильнаго выбора словъ по ихъ значенію (*Grundsätze über die Wahl der Wörter nach ihrer Bedeutung*), о »синонимологіи«, о повтореніи въ рѣчи (*Fülle der Rede*) т. е. о *соединеніи* въ рѣчи синонимическихъ словъ Устанавливая такую »симасіологію« какъ *часть* грамматики, Рейзигъ думалъ пополнить пробѣлъ лексикографовъ

1. die Nebeneinanderstellung der *den Vorstellungen entsprechenden Wörter* an sich; 2. die *Reihenfolge* dieser Wörter; 3. die Abstufung zwischen denselben in Bezug auf die *Energie der Hervorbringung*, die *stärkere oder schwächere Betonung*; 4. die *Modulation der Tonhöhe*; 5. das *Tempo*, welches mit der Energie und der Tonhöhe im engen Zusammenhange zu stehen pflegt; 6. *Verbindungswörter*, wie Praepositionen, Conjunctionen, Hilfszeitwörter; 7. die *flexivische Abwandlung* der Wörter. *Первый* пунктъ по этому распредѣленію какъ *сейчасъ* будетъ выяснено, относится къ »симасіологіи *этимологическихъ основъ* или *темъ*«, пункты 6 и 7 — къ симасіологіи »*разрядовъ* словъ и ихъ *формъ*«, а пункты 2—5 — къ тому, что въ синтаксисѣ должно *следовать* за этою симасіологіею.

(die Lexica sind hierin sehr mangelhaft und unvollkommen; Vorles. 286) и вообще *выяснить* нѣчто, для чего онъ не находилъ мѣста ни въ этимологіи, ни въ синтаксисѣ, а именно: »развитіе *идей* въ словахъ на почвѣ ассоціаціи въ представленіи (die Grundlage der Ideenentwicklung in den Wörtern ist die Gedankenassociation in der Gemeinschaft der Vorstellungen; Vorles. 286).

Надлежащее выясненіе умѣстности симасіологіи въ грамматикѣ встрѣчаемъ у Schleicher'a. У него симасіологія получаетъ *очень широкій* смыслъ, хотя названа она у него не *Semasiologie*, а *Functionslehre*. Онъ раздѣляетъ всю грамматику (см. Deutsche Spr. 126—127) на Lautlehre, Morphologie, Functionslehre и Syntax. Подъ »Syntax« онъ разумѣетъ »Lehre vom Satzbau«. Что же касается Functionslehre, то она, проникая глубже всего во внутреннюю суть языка (dieser Abschnitt der Grammatik greift am tiefsten ins innere Wesen der Sprache ein), должна, по плану Шлейхера, *выяснить* (выясненіе это можетъ относиться или къ *отдельнымъ* языкамъ, а то и къ *языку вообще*), какими функциями или значеніями располагаетъ языкъ въ своихъ »этимологическихъ корняхъ«, и какія *грамматическія* функции у него имѣются въ распоряженіи, т. е. какія »отношенія« онъ способенъ выразить и *выражаетъ*, образуя изъ этимологическихъ корней этимологическія темы или основы, а изъ этимологическихъ основъ — полныя слова въ ихъ спряженіяхъ и склоненіяхъ (die Functionslehre hat aufzustellen, welche Wurzelfunctionen oder Bedeutungen, und welche Beziehungsfunctioren oder grammatische Functionen in Stamm-bildung, Declination und Conjugation die Sprache, oder eine *gegebene* Sprache besitzt; Deutsche Spr. 126). Если — говорить Шлейхеръ (Deutsche Spr. 127) — этимологическія корни *div*, *ruk*, *svar*, *bhrag* обозначаютъ *свѣтитъ*, то нужно предположить, что *первоначальная* функция каждаго изъ этихъ корней была *особая*, что каждый изъ этихъ корней имѣлъ какое нибудь *частное* значеніе, и отыскать это *частное* значеніе должна постараться Functionslehre. То же самое нужно сказать и о функцияхъ »отношеній«: если,

напр., въ настоящее время за цѣлою группою различныхъ суффиксовъ утвердилась одна и та же роль обозначенія *дѣятеля* (die handelnde Person, der Thäter), то первоначально каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть свою *особую*, только *ему* принадлежащую функцію (на declinati'онныя и conjugati'онныя окончанія Шлейхеръ этой мысли не распространяетъ, да и распространять — казалось бы на первый взглядъ — не приходится, такъ какъ трудно найти въ развитомъ языкѣ такіе случаи, чтобы нѣсколько »окончаній« имѣло *одно* значеніе; скорѣе *наоборотъ*: чувствуется, что *одно* »окончаніе« имѣетъ *нѣсколько* значеній).

Хотя Шлейхеръ въ своей *собственной* Deutsche Spr. не проводитъ Functionslehre во всей ея широтѣ и отдѣляется какъ отъ морфологии, такъ и отъ Functionslehre нѣсколькими лишь замѣтками (einige Notizen), соединяя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ морфологическимъ указаніемъ и указаніе значенія, но что такое его Functionslehre, — это для насъ вполне ясно по тому *опредѣленію* и *объясненію*, которое онъ даетъ о ней: онъ хотѣлъ въ ней соединить лексикографическую часть (значеніе »корней« и »основъ«) съ тою частью, которую мы признаемъ — это вытекаетъ изъ всего нашего разсужденія — за *чисто синтаксическую*. Шлейхеръ, какъ сказано выше, подъ синтаксисомъ разумѣетъ *только* die Lehre vom Satzbau, мы же — повторяемъ — не смотримъ на нашу симасіологію »рядовъ словъ и ихъ формъ« какъ на исчерпывающую *весь* синтаксисъ.

Въ настоящее время подъ »симасіологіею« разумѣютъ обыкновенно Шлейхеровскую Functionslehre »этимологическихъ *корней* и *основъ*«. У Heerdegen'a — можно сказать, *перваго* изъ ученыхъ, обосновавшаго эту »симасіологію« какъ науку — отразилось это обоснованіе видоизмѣненіемъ Шлейхеровскаго дѣленія грамматики. Онъ дѣлитъ грамматику на слѣдующія части (Untersuch. I. 47):

I. Lehre vom Wort für sich oder Wortlehre.

1. Formenlehre des Wortes für sich, d. i. *Etymologie*.
2. Functionslehre des Wortes für sich — *Semasiologie*.

II. Lehre vom Wort als Glied des 'Satzes oder kurzweg Satzlehre.

1. Formenlehre des Wortes im Satze — *Flexionslehre*.

2. Functionslehre des Wortes im Satze — Syntax.

Такимъ образомъ, »симасіологія« есть уясненіе *перемѣнъ* въ значеніи »этимологическихъ корней и основъ«, какъ онѣ даны *исторически* въ томъ или иномъ языкѣ, — уясненіе, сводящееся, по толкованію Heerdegen'a, къ уясненію *общихъ началъ* (allgemeine Principien), на которыхъ зиждутся эти перемѣны, въ родѣ Bedeutungsverengung и Bedeutungsübertragung (Grundz. 65) и другихъ, а по толкованію Hey'a, развивающаго *дальше* научность »симасіологіи«, — къ уясненію историческихъ и психологическихъ *причинъ* »перемѣнъ« (Sem. Stud. 103). Эта »симасіологія« имѣетъ несомнѣнно громадное будущее, несмотря на то, что въ настоящее время разные симасіологическіе опыты »den Zweifel an der Möglichkeit der Semasiologie als eigener wissenschaftlichen Disciplin noch nicht ganz haben zum Schweigen bringen können (Hey Sem. Stud. 83). До какихъ результатовъ можно дойти въ такихъ опытахъ, доказалъ Brugmann въ своихъ »Ausdrücke für den Begriff der Totalität in den indogermanischen Sprachen, Leipzig 1894. Надобно только расширить программу этой »симасіологіи« въ самомъ *опредѣленіи* ея такъ, какъ ее расширяютъ и на *практикѣ*, т. е. надобно въ самомъ *опредѣленіи* обозначить, что *эта* симасіологія разъясняетъ не только значеніе »этимологическихъ корней и основъ« въ словахъ *δοξα, ἐπιστήμη* и под., но и значеніе какого-нибудь *μου* въ словѣ *ἐπιστήμῳ*, стало быть, *вообще* симасіологическихъ (т. е. опредѣляющихъ собою значеніе слова) *элементовъ* всякой »этимологической основы.«

Ризъ, не особенно интересующійся *подробною* проверкою Шлейхеровскаго дѣленія грамматики на четыре части, называетъ его *ошибочнымъ* (Schleichers fehlerhafte Vierteilung der Grammatik, WiS. 80), а самъ дѣлитъ грамматику слѣдующимъ образомъ:

I. ученіе о звукѣ (Lautlehre);

II. ученіе о словѣ (Wortlehre);

III. ученіе о сочетаніи словъ (Lehre vom Wortgefüge).

При этомъ онъ подъ »сочетаніемъ словъ« разумѣтъ не только »предложеніе« и »сочетаніе предложеній«, но вообще *φράσιν* въ древнемъ смыслѣ этого слова (*alle Wortgefüge und nicht nur die Sätze*: WiS. 143) т. е. все, послѣ чего въ рѣчи слѣдуетъ нѣкоторая пауза. Такъ, выраженіе *въ мысли этого человѣка всякій долженъ находить большую правильность* можно, пожалуй, разбить на три *φράσεις*, а именно: 1) въ мысли этого человѣка; 2) всякій долженъ находить; 3) большую правильность (*φράσεις*, впрочемъ, могутъ и *перекрещиваться* другъ съ другомъ: всякій долженъ находить; находить большую правильность, въ мысли долженъ находить и т. д.)

Нѣтъ сомнѣнія, что у Риза *начало* или *основа* дѣленія въ самомъ дѣленіи больше выдержаны, чѣмъ у Шлейхера, и Ризъ дѣйствительно въ правѣ сказать, что *его* части грамматики имѣютъ каждая *своего* героя (*jeder der drei Haupttheile hat seinen eigenen Helden*; WiS. 95), тогда какъ у Шлейхера »герой-слово« (Wort) сейчасъ же въ *первомъ* дѣленіи, т. е. въ дѣленіи на общія *четыре* части, разорванъ на двѣ половины.

Мы не станемъ здѣсь распространяться о *первой* части грамматической системы Риза т. е. объ *ученіи о звукѣ*, считая достаточнымъ то, что сообщено нами на стр. 38; ибо сколько недоумѣній ни вызывало бы опредѣленіе ученія о звукѣ какъ *Lautphysiologie**), *насъ* ученіе о звукѣ непосредственно не касается. Что же касается *второй* части его системы, *ученія о словѣ*, то самъ Ризъ дѣлитъ ее на 1) ученіе о *формѣ* слова (*Lehre von den Formen der Worte*) и 2) ученіе о *значеніи* слова (*Lehre von der Bedeutung der Worte***))

Въ ученіе о *формѣ* слова Ризъ вноситъ: а) словообразованіе въ томъ смыслѣ, какъ мы его растолковали на

*) Весьма поучительна въ этомъ отношеніи статья Дельбрюка, озаглавленная »Lautgesetze« и помѣщенная имъ въ Sprachst. стр. 101 — 128, — поучительна въ томъ смыслѣ, что *ослабляетъ* всѣ тѣ недоумѣнія, которыя могутъ возникнуть при опредѣленіи фонетики, какъ »физиологіи звуковъ«.

**) См. Ries WiS. 79.

стр. 38 (Wortbildungslehre) и б) флексіи (склоненія и спряженія). Хотя въ самой *схемѣ*, помѣщенной у Риза WiS. 83, говорится не о словообразованіи, а о »Wortarten nach formalen Gesichtspunkten«, но что въ его »Wortarten nach formalen Gesichtspunkten« нужно усматривать *именно* наше »словообразованіе«, видно изъ мѣста WiS. 90, гдѣ онъ толкуеть, что *собственно* строгаго различія между »словообразованіемъ« и флективными измѣненіями слова провести нельзя (ein durchgreifender Unterschied zwischen den sogenannten flexivischen Wortveränderungen, und den übrigen, die gewöhnlich in die Wortbildungslehre, damit also in die Wortlehre, einbezogen werden, laesst sich nicht aufstellen noch durchführen: dieselben Vorgänge, die der Bildung von Flexionsformen zu Grunde liegen, finden sich auch in den übrigen Wortbildungen wirksam. Aenderungen der Stammvocale, Nasalisierung, Reduplication, Vor- und Nachsyblen u. s. w., sie dienen alle ebenso der Wortbildung wie der Flexion). Да не подумаетъ читатель, что Ризъ, толкуя объ отсутствіи строгаго различія между »словообразованіемъ« и »флективными измѣненіями слова«, противорѣчитъ себѣ и самъ уничтожаетъ то, что создалъ, т. е. подраздѣленіе ученія о *формѣ* слова на двѣ части *именно* по приведеннымъ двумъ заглавіямъ. Его толкованіе объ »отсутствіи строгаго различія« имѣетъ лишь тотъ смыслъ, что »словообразованіе« и флективныя измѣненія словъ съ одной стороны не должны быть отдѣляемы другъ отъ друга вставкою какого-нибудь *третьяго* отдѣла грамматики, а съ другой — должны фигурировать въ системѣ грамматики не какъ *два главныя*, а только какъ *подраздѣленія одного* главнаго отдѣла; ибо *истолковываютъ* все разнообразіе, которое въ нихъ обоихъ замѣчается, можно только по *одному* началу, именно такъ называемому »этимологическому.«

Согласно дѣленію ученія о *формѣ* слова дѣлится и ученіе о *значеніи* слова на 1. ученіе о значеніи слова по *элементамъ* его образованія и 2. ученіе о значеніи *рядовъ* словъ и ихъ *формъ*. Это, а не другое что нужно искать въ *схемѣ* Риза на стр. 79, гдѣ говорится о »Lehre

von der Bedeutung der *Worte*, ihrer *Arten* und *Formen*. На стр. 84 самъ Ризъ дѣлитъ ученіе о значеніи слова на *три* подразряда, а именно: 1. Lehre von der Bedeutung der *Worte*; 2. Lehre von der Bedeutung der *Wortarten*; 3. Lehre von der Bedeutung der *Flexionsformen*. По поводу *перваго* своего подразряда говоритъ Ризъ на той же стр. 84: Hier findet im System der vollständigen Grammatik die Synonymik, die Lehre vom Bedeutungswandel und was sich sonst auf dem Gebiete der Wortbedeutung der bloss *lexikalischen* Darstellung abgewinnen und einer systematischen Bearbeitung unterwerfen lässt, den angemessenen Platz. Такимъ образомъ, подъ *первымъ* своимъ подразрядомъ Ризъ разумѣетъ то, что мы выше назвали »уясненіемъ перемѣнъ въ значеніи этимологическихъ корней и основъ«, и что *вообще* теперь разумѣютъ подъ »симасіологією«. Второй и третій подразряды Риза мы, какъ видитъ читатель, соединили въ *одинъ*, назвавъ его ученіемъ о значеніи *разрядовъ* словъ и ихъ *формъ*. *Первый* подразрядъ можно бы точнѣе назвать, согласно нашему замѣчанію на стр. 68 о задачѣ теперешней симасіологіи, ученіемъ о »значеніи этимологическихъ корней и *симасіологическихъ* элементовъ »этимологическихъ основъ«.

Третью главную часть, ученіе о *сочетаніи* словъ, Ризъ также дѣлитъ на ученіе о *формъ* этихъ сочетаній и о значеніи ихъ. Эту то третью часть онъ называетъ »синтаксисомъ« (WiS. 142). Стилистику онъ *выдѣляетъ* изъ грамматики, противопоставляя ее не »синтаксису« и не ученію о *словъ*, а всей *вообще* грамматикѣ, и усматривая въ ней нѣчто, близкое риторикѣ, метрикѣ, пѣтикѣ, вмѣстѣ съ которыми она составляетъ ученіе объ *искусствѣ* въ языкѣ; die objective Stilistik (Ризъ ее отличаетъ отъ субъективной т. е. отъ стиля *писателя, эпохи*) verlässt das rein grammatische Gebiet und tritt zusammen mit Rhetorik, Metrik, Poetik der Grammatik zur Seite und bildet mit diesen einen Theil der allgemeinen Kunstlehre, ist ein Theil der Lehre von den Künsten, deren Ausdrucksmittel die menschliche Rede ist (WiS. 127).

Итакъ, — вотъ что представляетъ собою синтаксисъ по пониманію Риза, постаравшагося раздѣлить всю грамматику такъ, чтобы каждая изъ частей имѣла своего »героя«: синтаксисъ есть наука о *формахъ* и о *значеніи* »сочетаній словъ«. Подробнаго плана такого синтаксиса Ризъ дать не можетъ, хотя и посвящаетъ ему стр. 136—145; онъ только и можетъ говорить о томъ темпѣ и о тѣхъ паузахъ, о которыхъ упоминалъ сначала. Да и трудно проникнуть въ этотъ планъ*) (общая идея, впрочемъ, ясна), пока не раскроется, что можетъ дать симасіологія »разрядовъ словъ и ихъ формъ«. Хотя въ этой симасіологіи, наравнѣ съ симасіологіею »слова по *элементамъ* его образования«, Ризъ считаетъ многое »реальнымъ, матеріальнымъ, лексическимъ (reell, materiell, lexikalisch; WiS. 96), а не *чисто* »синтаксическимъ« т. е. не *прямо* объясняющимъ приспособленность слова привлекать къ себѣ *другое* слово для сліянія съ нимъ въ одинъ общій смыслъ, однакожъ это можетъ раскрыться яснѣе только тогда, когда сама симасіологія »разрядовъ словъ и ихъ формъ« будетъ *вполнѣ разработана*.

Предлагая опытъ такой симасіологіи, я не считаю себя приготовленнымъ распространять его на нѣсколько языковъ разрь. Симасіологія не есть этимологія. Если этимологу можно черпать свой матеріалъ изъ *грамматикъ* разныхъ языковъ, то симасіологъ — синтаксисъ долженъ опираться даже въ *подборѣ матеріала* на собственное *чутье* языка, а *чутьемъ* въ много языковъ не проникнешь. Я намѣренъ изслѣдовать симасіологію разрядовъ словъ и ихъ формъ на почвѣ одного *греческаго* языка и думаю, что это не будетъ во вредъ самому дѣлу. Напротивъ, на успѣхъ можно тутъ рассчитывать *именно* на почвѣ *одного* языка; ибо какъ изъ

*) Кое что сдѣлано въ *этомъ* »синтаксисѣ« Wegener'омъ въ его *Untersuch.* Къ сожалѣнію, здѣсь не мѣсто съ достаточною ясностью — краткими замѣтками ничего не выяснишь — разсуждать о правильности его взгляда на вопросы, возникающіе въ *этомъ* »синтаксисѣ«, и на услуги, которыя ему оказалъ, уже самою правильностью *взгляда* на дѣло, Wegener, не выдѣляя, впрочемъ, этихъ вопросовъ во *вторую*, такъ сказать, — *высшую* часть синтаксиса, а, напротивъ, ставя разсужденіе о нихъ въ *основаніе* синтаксической теоріи.

выясненнаго доселѣ явствуетъ, симасіологическія студіи надъ разрядами словъ и ихъ формъ должны вести въ *разныхъ* языкахъ къ *разнымъ* результатамъ. Не отказываюсь, конечно, и не могу отказываться отъ привлеченія къ сравненію и другихъ языковъ, гдѣ это найду полезнымъ и для себя доступнымъ.

Много уже сдѣлано для симасіологіи *греческихъ* рядовъ словъ и ихъ формъ тѣми *частными* изслѣдованіями (съ ними мы встрѣтимся въ нашемъ *собственномъ* изслѣдованіи), въ которыхъ разработано значеніе того или иного *падежа*, а то и падежей *вообще*, той или иной «частицы» и т. д., но такія *частныя* изслѣдованія не могутъ быть иногда и безъ крупныхъ недостатковъ, разъ они не вытекаютъ изъ *цѣлаго*, а въ какомъ положеніи находилось до настоящаго времени это *цѣлое*, нами достаточно выяснено. Изъ этого выясненія видно, что нашъ «опытъ» не лишний, только бы онъ былъ, хотя въ *общихъ* чертахъ, правиленъ. О степени *правильности* его, конечно, будутъ судить другіе.

Переходимъ къ *исполненію* нашей задачи, сдѣлавъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Предупреждаемъ, что очень часто будемъ прибѣгать къ новымъ терминамъ. Къ этому насъ побуждаетъ не притязаніе на какія-нибудь нововведенія въ научной терминологіи, нѣтъ; мы въ этомъ видимъ средство удержать на время чтенія нашего изслѣдованія вниманіе читателя на тѣхъ *понятіяхъ*, которыя придется выработать въ этомъ изслѣдованіи.

Итакъ, слово, какъ мы его знаемъ въ флектирующемъ греческомъ языкѣ, — Александрійцы употребляли терминъ *λέξις*, — можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: либо это высшая единица, подлежащая разложенію на части, либо это низшая единица, сама составляющая часть чего то цѣлаго. Цѣлое, коего частью является слово, есть рѣчь (*λόγος*), и тогда слово называется *частью* рѣчи (*μέρος λόγου*). Наша задача изслѣдовать слова какъ *части рѣчи*.

Какъ опредѣляется въ общемъ рѣчь, и какъ опредѣляется тогда слово, какъ ея часть? Рѣчь есть выраженіе связанной мысли. Но что такое связанная мысль? Связанная мысль

есть рядъ представленийъ въ такомъ или иномъ ихъ отношеініи. Разсуждаютъ, какъ выяснилось выше, о возведеніи представленийъ въ формально-логическія понятія. Но формально-логическія понятія вводитъ въ определеініе связной мысли не слѣдуетъ. Формально-логическое понятіе есть отвлеченіе отъ цѣлаго ряда однородныхъ представлений. Человѣкъ »представляетъ« индивидуумъ, а »понимаетъ« родъ индивидуумовъ (*γένος*). Какой нибудь *данный* треугольникъ съ *данною* длиною сторонъ, съ углами *даннаго* числа градусовъ и при *данномъ* порядкѣ слѣдованія угловъ и сторонъ, — треугольникъ, нарисованный на *данной* площади и *даннаго* цвѣта линіями, все это — говоритъ формальная логика — »представить« можно, но треугольника *вообще* »представить« нельзя, его можно только »понять«. Тѣмъ не менѣе, однако, когда *заговорятъ* о треугольникѣ *вообще*, то не остается безучастнымъ ни воображеніе того, *кто* заговорилъ о немъ, ни воображеніе того, *кому* о немъ говорятъ. Въ этихъ случаяхъ безучастность воображенія у слушателя значить, что онъ просто не слушаетъ, а у говорящаго, что онъ говоритъ машинально, а оба они — такъ выражаются нерѣдко — »не думаютъ« о томъ, о чемъ идетъ рѣчь.

Да, благодаря способности человѣческаго воображенія быстро перебѣгать отъ одной картины къ другой, выходитъ, что когда заговорятъ о треугольникѣ *вообще*, то и у говорящаго, и у слушателя рисуется въ представленіи не одинъ, а цѣлый рядъ треугольниковъ, притомъ *известныхъ*, въ вышеозначенномъ смыслѣ этого слова, и срастающихся какъ-бы въ нѣчто одно, пестрое въ его деталяхъ и, благодаря пестротѣ, пожалуй и смутное, расплывчатое. Конечно, этимъ рядомъ *известныхъ* треугольниковъ, рисующихся въ моемъ представленіи, далеко не исчерпывается *весь* формально-логическій объемъ »понятія« *треугольникъ*, тѣмъ не менѣе, однако, этотъ рядъ достаточно обилень своею численностью, и отдѣльные его члены, отдѣльныя картины достаточно сплетаются другъ съ другомъ въ моемъ представленіи для того, чтобы *наглядно* понять« (т. е. именно при содѣйствіи *воображенія* почувствовать) всю безконечность группы инди-

видуумовъ, заключающихся въ извѣстномъ $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, другими словами, — чтобы рѣчь и въ области формально-логическихъ понятій не должна была сходиться съ почвы »представленія«. Иногда мы даже положительно стремимся къ тому, чтобы то пестрое, смутное и расплывчатое, о которомъ упомянуто выше, въ нашемъ воображеніи исчезло и замѣнено было въ *этомъ* же воображеніи *одною*, *ясною* картиною, чтобы все разнообразіе, заключающееся въ какомъ нибудь $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, сведено было въ нашемъ же *воображеніи* къ одному, какъ мы выражаемся, *идеальному представителю* (да, къ *представителю*, стало быть, къ *индивидууму*), — къ представителю реальной дѣйствительности, къ одной *идеѣ*, къ чему то *ясно видимому* (отъ того и названіе *идеѣ*) нашимъ *внутреннимъ* глазомъ. Въ обиходномъ языкѣ — а обиходный языкъ въ этихъ случаяхъ является *мѣркою*, какъ нужно смотрѣть на дѣло, — въ обиходномъ языкѣ »онъ *понялъ*« уравнивается съ выраженіемъ *онъ имѣетъ живое представление о дѣлѣ*, »онъ не имѣетъ объ этомъ дѣлѣ никакого понятія« все равно что »онъ не имѣетъ о немъ никакого представленія«, а если собесѣдники другъ друга *понимаютъ*, то это значить, что они имѣютъ о дѣлѣ одинаковое *представленіе* и т. д. Самыя *отвлеченныя* »понятія«, какъ доблесть, зло, справедливость, мы такъ или иначе »представляемъ«, — представляемъ или въ видѣ какого-нибудь *реального дѣйствія*, въ которомъ *обнаруживается* доблесть, зло, справедливость, или въ видѣ какого-нибудь »лица«, путемъ персонификаціи. Да и куда -- говоритъ Воескh въ одномъ мѣстѣ своей энциклопедіи — дѣвалась бы вся *художественная* сторона нашего бытія, всей нашей сущности, если бы мы не »представляли«, а только »понимали«. Въ виду всего этого мы не ошибемся, если напомнимъ на *прежнемъ* опредѣленіи »связной мысли«, что она есть рядъ *именно* »представленій« въ такомъ или иномъ ихъ отношеніи, а *рѣчь*, служа главнымъ орудіемъ взаимнаго *общенія* и взаимнаго *пониманія* людей, и предполагая, въ виду этой цѣли, говорящаго и слушателя, опредѣляется у говорящаго какъ *отраженіе* его представленій въ такомъ или иномъ ихъ

отношеніи, тогда какъ у слушателя она должна *будить и вызывать* въ его воображеніи параллельный рядъ *тѣхъ же* представленій и *тѣхъ же* отношеній, какія говорящій имѣлъ въ виду при произношеніи этого вѣдшаго символа мысли.*)

Изложенное разсужденіе ведетъ къ *двумъ* замѣчаніямъ. Впервыхъ, спрашивается, каковы »отношенія«, въ которыя входятъ въ связной мысли отдѣльныя представленія? Въ общемъ можно различать *чисто сенсуальныя* отношенія, а затѣмъ, опираясь на указаніе Пауля, сообщенное на стр. 23, отношенія, если не *формально-логическія*, то и не *психологическія*, а скорѣе *психо-логическія*. Предлогъ »къ« обозначаетъ *направленіе куда*, а существительное »городу«, въ выраженіи *къ городу*, обозначаетъ *цѣль* этого направленія. Такое »отношеніе« двухъ »представленій«, чисто *пространственное*, можетъ быть »представлено« *непосредственно* и есть чисто сенсуальное. Но какъ представить *непосредственно* причину, выраженную напр. во фрѣнсѣ *вслѣдствіе болѣзни*? Это невозможно, а между тѣмъ причина играетъ такую важную роль въ мысли; она *должна* ее играть, разъ для нея существуетъ особое слово, *именно* слово »причина«. Ее можно представить *только* черезъ »перенесеніе«, и въ такомъ случаѣ она »представляется« какъ *исхожденіе* чего нибудь *одного* изъ чего нибудь *другого*. Подобныя »отношенія« мы назовемъ *психо-логическими*. Нечего распространяться о томъ, что »отношенія«, тоже въ концѣ концовъ »представляемая«, суть, собственно, хотя мы ихъ *противопоставили* и *будемъ* противопоставлять изъ практическихъ видовъ »представленій«, —

*) Paul, Princip. 99: Alle Sprachthätigkeit besteht in der Bildung von Sätzen (какъ мы смотримъ на слово *Satz* — мы выяснили выше); der Satz (мы говоримъ »рѣчь«) ist der sprachliche Ausdruck, das Symbol dafür, dass sich die Verbindung mehrerer Vorstellungen oder Vorstellungsgruppen (не говорить ли Paul о Vorstellungsgruppen въ виду того, на что и мы указывали, разсуждая о треугольникѣ какъ формально-логическомъ понятіи? или у него Vorstellungsgruppen, — низшая степень тѣхъ же Verbindungen von Vorstellungen?) in der Seele des Sprechenden vollzogen hat, und das Mittel dazu, die nämliche Verbindung der nämlichen Vorstellungen in der Seele des Hörenden zu erzeugen. Jede engere Definition des Begriffes Satz muss als unzugänglich zurückgewiesen werden.

суть, повторяю, собственно лишь *особый видъ* «представлений».

Второе наше замѣчаніе относится къ слову *символъ*, употребленному нами въ опредѣленіи «рѣчи». Въ виду всего того, что мы слышали о внутренней формѣ языка и о «грамматическомъ мышленіи», можно, пожалуй, утверждать, что рѣчь и мысль — одно и то же. Древніе Греки, какъ извѣстно, создали тутъ не два слова, а одно, именно *λόγος*, обозначающее и *рѣчь*, и *мысль*, а Платонъ говоритъ: Мышленіе, это — рѣчь, которую душа ведетъ сама съ собою о явленіяхъ, ея разсматриваемыхъ. Такъ я сказалъ бы, не какъ *сполнѣ* увѣренный въ этомъ, но мнѣ представляется, что душа, когда она мыслить, просто разговариваетъ съ собою, ставя себѣ вопросы и давая на нихъ отвѣты, то положительные, то отрицательные; а когда она, послѣ болѣе или менѣе быстрого обзрѣнія вопроса, остановилась на чемъ нибудь, пришла въ согласіе съ собою и больше не колеблется, то это уже есть ея *готовая мысль*. Такимъ образомъ, *имѣть* готовую мысль есть какъ-бы *объявлять*, а *сама* готовая мысль, это какъ бы *объявленіе*, только объявленіе не другому и не въ слухъ, а объявленіе безъ звуковъ и самому себѣ: τὸ δὲ διανοεῖσθαι λόγον καλῶ, ὃν αὐτῇ πρὸς αὐτὴν ἢ ψυχὴ διεξέρχεται περὶ ὧν ἂν σκοπῆ, ὡς γε μὴ εἰδὼς ἀποφαινομαι τοῦτο γάρ μοι ἰνδάλλεται διανοουμένη, οὐκ ἄλλο τι ἢ διαλέγεσθαι, αὐτὴ ἑαυτὴν ἐρωτῶσα καὶ ἀποκρινομένη, καὶ φάσκουσα καὶ οὐ φάσκουσα, ὅταν δὲ ὀρίσασα, εἴτε βραδύτερον εἴτε καὶ ὀξύτερον ἐπαίξασα, τὸ αὐτὸ ἤδη φῆ καὶ μὴ διστάζῃ, δόξαν ταύτην τίθεμεν αὐτῆς· ὥστ' ἔγωγε τὸ δοξάζειν λέγειν καλῶ καὶ τὴν δόξαν λόγον εἰρημένον, οὐ μέντοι πρὸς ἄλλον οὐδὲ φωνῆ ἄλλα σιγῆ πρὸς αὐτόν (Pl. Theæt. 189 e).

Чтобы всетаки *отличить* рѣчь отъ мысли (русскій и другіе языки выработали тутъ два слова, а ниже мы это отличіе *установимъ*, — установимъ именно съ *симасіологической* точки зрѣнія), скажемъ, во измѣненіе прежняго опредѣленія и В) вниманіе особенно къ *первой* изъ предыдущихъ замѣтокъ, что рѣчь есть *выраженіе* (словомъ *выраженіе* мы отличаемъ *рѣчь* отъ мысли), — есть выраженіе ряда

представленій, въ такомъ или иномъ ихъ отношеніи, или чисто сенсуальномъ, или психо-логическомъ. Чѣмъ же тогда является слово, какъ *часть* рѣчи? Слово, какъ *часть* рѣчи, должно быть въ такомъ случаѣ выраженіе *одного* какого нибудь представленія, а можетъ быть и одной *группы* представленій, какъ ужъ ни придется толковать *Vorstellungsguppe*, о которой упоминаетъ Paul (смотри на стр. 76 подстрочную замѣтку), или *одного* какого нибудь »отношенія« (чисто сенсуальнаго, или психо-логическаго), а можетъ быть и того и другого, т. е. и «представленія», и »отношенія« *вмѣстѣ*. Эту то двоякую сторону *значенія* частей рѣчи, т. е. »представленіе« и »отношеніе«, мы должны будемъ имѣть въ виду при разборѣ частей рѣчи, разъ мы хотимъ представить *симасіологію* частей рѣчи. Не будемъ, конечно, въ симасіологическомъ изслѣдованіи частей рѣчи, т. е. при объясненіи *значенія* частей рѣчи, — не будемъ, я говорю, избѣгать и *общесимтаксическихъ* терминовъ въ родѣ: такое то слово, какъ часть рѣчи, *зависитъ* отъ другого; такое то слово, какъ часть рѣчи, *пополняется* такимъ-то и т. п. Ибо, разъ слово составляетъ только *часть* цѣлаго, то потому оно и *чувствуется* частью, что »пополняется« другою частью, составляя *вмѣстѣ* съ нею цѣлое, и что оно »виситъ« на другой части, точно звено цѣпи, представляющей въ данномъ случаѣ *именно* это цѣлое.

Нельзя утверждать, — это да будетъ сказано во установленіе различія между рѣчью и мыслью съ *симасіологической* точки зрѣнія, — что каждое »представленіе« и каждое »отношеніе« находятъ себѣ въ языкѣ соотвѣтствующее выраженіе, или, если и находятъ, то *должно* быть непременно выражено. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ эллипсахъ, о которыхъ разсуждали на стр. 54. Что касается »представленій«, то область ихъ является чѣмъ то до безконечности растущимъ, согласно расширенію нашего, ничѣмъ не остановимаго и ничѣмъ непредупреждаемаго опыта и согласно развитію нашей фантазіи. Область »представленій« есть нѣчто чрезвычайно живое и текучее, въ чемъ одно другимъ быстро смѣняется, — нѣчто безпредѣльно разно-

образное, тогда какъ слово и вообще выраженіе представляеть собою что-то довольно коснос, вырабатываемое *медленно* и, какъ дорого стоящій намъ продуктъ,*) бережно укладываемое въ запасъ на случай, если бы оно опять понадобилось. Очень часто случается, что для представленія, совершенно для насъ новаго, для представленія, съ которымъ мы прежде не встрѣчались, мы не находимъ даже *приблизительнаго* выраженія въ нашемъ запасѣ и должны разлагать его на части, чтобы хоть эти *части* какъ нибудь выразить, пока наконецъ кто нибудь не *придумаетъ* для новаго представленія новое »выраженіе«, или не »измѣнить«^{**}) какъ нибудь стараго выраженія.

Вообще нужно предполагать, *не говоря* уже о языкѣ »кристаллизовавшемся«, что языкъ *бѣднѣе* мысли.^{***})

*) Это, какъ будто, противорѣчить Гумбольдтовскому пониманію языка, какъ *творенія* души. Мы здѣсь, конечно, имѣемъ въ виду тотъ *кристаллизовавшійся* уже въ извѣстныя формы и вполне *развитой* языкъ, который *прежде всего* подлежить нашему разбору, — тотъ языкъ, который Max Müller противопоставляетъ другимъ, находящимся въ первобытномъ состояніи (im Urzustande) и *дѣйствительно* подвергающимся постояннымъ измѣненіямъ языкамъ, — тотъ языкъ, о которомъ тотъ же Max Müller говоритъ: Die Sprachen hochgebildeter Nationen nähern sich im Gegenteil mehr und mehr einem gewissen Stillstand und scheinen bisweilen ihre Fähigkeit der Umbildung fast gänzlich zu verlieren (Vorles. I. 33). Ihnen hat die Literatur Gebiss und Zaum angelegt (Vorles. I. 52).

**) Bréal (Mél. 304). Nous possédons, il est vrai, des langues artificielles où la seule terminaison du mot indique la place que l'objet désigné occupe dans la classification scientifique: la nomenclature chimique est une sorte de catalogue parlé où tout changement dans la composition d'un corps entraîne un remaniement dans son nom. Mais il faut considérer que parmi la quantité infinie de rapports que peuvent avoir entre eux les objets du monde extérieur la langue de la chimie choisit seulement un petit nombre et néglige de donner une expression aux autres: c'est un idiome qui n'arrive à la précision que par la plus stricte spécialité. Au contraire, le langage *ordinaire* (противоплагается языку *искусственному, логическому, условному*), qui doit suffire à l'universalité de nos connaissances, se dispense avec raison de cette rigueur scientifique et, sans viser à un ordre impossible, il fait entrer les idées nouvelles dans les cadres élastiques qu'il tient des âges précédents.

***) Max Müller, въ оптимистическомъ настроеніи, выражается объ этой бѣдности такъ: Dennoch ist die Sprache für ihren Gatten, den menschlichen Geist, eine sehr brave Hausfrau gewesen; mit Wenigem hat sie tren geschaltet und viel geleistet. Aus einem kleinen Vorrath materieller Wurzeln hat sie den zahllosen Sprösslingen des menschlichen Geistes wohl anständige Kleidung geliefert und keine Idee, keine Empfindung unversorgt gelassen, die wenigen etwa ausgenommen, welche, wie uns einige Dichter, versichern, unaussprechlich sind (Vorles. II. 333).

Крайне затруднительно напр. было бы определѣить, когда люди, *именно* въ виду бѣдности языка, освоились съ привычкою прибѣгать къ метониміямъ, синекдохамъ и вообще къ »тропамъ«, *) т. е. къ перенесенію словъ отъ одного представленія на другое, такъ или иначе связанное съ первымъ по содержанію. А такъ называемые термины техническіе (мы теперь не говоримъ о научной номенклатурѣ и о химическомъ языкѣ, о которомъ упоминалъ Bréal), развѣ не представляютъ и они въ цѣломъ рядъ случаевъ перенесеніе слова отъ одного представленія на другое? — пере-

*) Что касается въ частности метафоры, то мы ее исключаемъ изъ теперешняго разсужденія въ тѣхъ случаяхъ, когда къ ней прибѣгаютъ для обозначенія предметовъ *духовнаго* міра. Духовный міръ, конечно, служить такимъ же богатымъ источникомъ »представленій«, какъ и внѣшній, и слова, относящіяся къ представленіямъ нашего *духовнаго* міра, суть метафоры представленій о *внѣшнемъ* мірѣ. Говорятъ о *мрачномъ* настроеніи человѣка, о *жельзномъ* характерѣ и т. д. Да и самое слово *міръ* (духовный) не есть ли метафора слова *міръ* (внѣшній)? — не является ли метафорою само слово *духъ* (дунуть), и не сталъ ли человѣкъ прибѣгать къ метафорѣ съ той поры, когда *созналъ* въ себѣ духъ, другими словами, — когда *созналъ* себя человѣкомъ? О латинскомъ словѣ *spiritus* говоритъ Max Müller (Vorles. II. 332) такъ: Spiritus bedeutete im Lateinischen ursprünglich Haut, wehende Luft. Als man aber das Lebensprincip im Menschen und im Thiere benennen wollte, so wurde dessen äusseres Merkmal, nämlich der Athem des Mundes, naturgemäss gewählt, um es damit auszudrücken. . . Wenn man dann wieder wahrnahm, dass noch etwas anderes, nicht das blosse animalische Leben, sondern das, was durch dieses animalische Leben erhalten wurde, zu benennen war, so wurde dasselbe Wort gewählt, um das *geistige* Element im Menschen in seinem Gegensatze zu dem rein materiellen oder animalischen auszudrücken. Какъ сказано, мы *исключаемъ* метафоры духовнаго міра изъ разсужденія о бѣдности языка и приписываемъ появленіе ихъ при обозначеніи предметовъ *этого* міра тому *общему* положенію языка, по которому послѣдній есть выраженіе »представленій« и по которому и *духовный* міръ нужно такъ или иначе »представлять«, — по которому, стало быть, не *слова*, а сами *явленія* духовнаго міра »переносятся« на чужія имъ »представленія«. Какъ самъ языкъ есть нѣчто *вполнѣ* чувственное т. е. *материальное* (звучное), такъ и выражаемая имъ мысль не сходитъ здѣсь съ почвы, такъ сказать, *чувственной* т. е. съ почвы »представленій«: Alle Elemente der äusseren Sprache sind materiell, sind lautliche Zeichen für Sinnesausdrücke und *nur* für solche, selbst die abstractesten und erhabensten, und darum indossirt die vergleichende Philologie die Schlüsse, zu denen Locke gelangt ist, — т. е. что названія предметовъ *духовнаго* міра суть метафоры *внѣшняго* міра, — *vollständig* (Müller, Vorles. II. 320). Благодаря этому обстоятельству, т. е. тому, что сама мысль не сходить съ почвы »представленій«, или, говоря точнѣе, благодаря тому, что сама мысль способна *перейти* во всевозможныхъ случаяхъ на почву »представленій«, больше всего и *сближается* внутренней языкъ съ внѣшнимъ.

несеніе нѣсколько *много* рода, чѣмъ какъ оно совершается черезъ тропы. *) Подъ словомъ *στρατηγός* грекъ разумѣлъ вообще *вождя войска*, т. е. нѣчто, данное уже самимъ составомъ слова, а потомъ, когда по требованію административныхъ формъ въ Аѳинахъ возникли *известныя* должностныя лица съ *известнымъ* положеніемъ въ обществѣ и въ администраціи, съ известнымъ отношеніемъ къ военному дѣлу, то и ихъ называли *общимъ* словомъ *στρατηγός*. **)

Нечего долго останавливаться на томъ, что и »отношенія,« сенсиуальныя ли, или психо-логическія, не только *стѣснены* виѣшнимъ языкомъ, — стѣснены въ томъ смыслѣ, что одно и то же »выраженіе« служитъ обозначеніемъ *нѣсколькихъ* отношеній***), но иногда не получаютъ даже *совсѣмъ* никакого выраженія. *Veni, vidi, vici* суть три дѣйствія, слѣдующія *одно за другимъ*. Какое »выраженіе«, въ видѣ *слова* или *части слова*, получило это »временное« отношеніе« указанныхъ дѣйствій? Никакого; одинъ *порядокъ*

*) А тотъ »психическій механизмъ«, о которомъ мы слышали отъ Штейнтала (см. выше стр. 32), не выйдетъ ли и онъ на перенесеніи слова отъ одного представленія къ другому, и не проявляетъ ли онъ и въ *развитыхъ* языкахъ свою силу въ томъ смыслѣ, что въ нихъ *значенія* словъ *мѣняются*; т. е. одно представленіе замѣняется другимъ?

**) Не наталкиваемся ли мы въ этомъ разсужденіи о бѣдности языка на возраженіе со стороны того обстоятельства, что, вѣдь, очень часто одинъ и тотъ же предметъ имѣетъ нѣсколько названій (сравни *Θάλασσα, πῆλαγος, πόντος*)? Нѣтъ. Существованіе синонимовъ въ языкѣ не свидѣтельствуетъ о *богатствѣ* языка. Оно свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что при воспріятіяхъ предмета въ немъ было усмотрѣно нѣсколько сторонъ, вслѣдствіе чего о немъ создано нѣсколько *идей*, — идей въ томъ смыслѣ, въ какомъ о нихъ толкуетъ Max Müller въ приведенномъ нами на стр. 30. Если языкъ служитъ не средствомъ для названія *предметовъ*, а выраженіемъ »идей«, т. е. представленій, то, конечно, при всей его бѣдности можетъ случиться, что одинъ и тотъ же предметъ, одно и то же явленіе, вызывая въ людяхъ *разныя* представленія, — въ однихъ тѣ, въ другихъ иныя, — можетъ вдругъ получить въ языкѣ *нѣсколько* »обозначеній«. При этомъ »представленія«, выраженныя *первоначально* въ этихъ »обозначеніяхъ«, могутъ, при содѣйствіи »психическаго механизма«, исчезнуть изъ нашего сознанія, и языкъ, благодаря этому, дѣлается изъ бѣднаго богатымъ (сюда относится замѣтка Шлейхера, сообщенная на стр. 66).

***) Кто не знаетъ, напр., что мѣстныя, временныя и причинныя »отношенія« сплошь да рядомъ приходится выражать однимъ и тѣмъ же средствомъ? (сравни выше стр. 76).

слѣдованія » глаголовъ даетъ намъ почувствовать временное отношеніе обозначенныхъ этими глаголами дѣйствій. » *Я не успѣю этого сдѣлать; я теперь боленъ*» суть два заявленія, и вторымъ изъ нихъ обосновывается первое. Какое выраженіе, въ видѣ слова или части слова, получило это »причинное отношеніе« двухъ заявленій! Никакого, развѣ что *тоно***), т. е. болѣе громкое произнесеніе перваго — и болѣе слабое втораго заявленія даетъ намъ понять, что первое заявленіе содержитъ въ себѣ нѣчто *главное*, а второе — лишь *объясненіе* этого главнаго. Какъ извѣстно, разныя »отношенія« обыкновенно выражаются, *если* вообще выражаются, не *цѣлыми* словами, а лишь *частями* ихъ, т. е. окончаніями, а то и *представками* (удвоеніями, »приращеніями« и т. п.) Какъ это вышло, что языки, при всей своей бѣдности, со степенью своего развитія еще иногда *сокращаютъ* численность *одной* группы средствъ, служащихъ для выраженія »отношеній,« — сокращаютъ именно численность *окончаній*, — это выяснится въ самомъ нашемъ изслѣдованіи.

Кстати, *ad vocem окончаніе*. Хотя слово и составляетъ *нижнюю* единицу въ осмысленной рѣчи, тѣмъ не менѣе синасіологъ, разбирающій слова какъ *части* рѣчи, притомъ разбирающій ихъ въ *флектирующемъ* языкѣ, каковъ греческій, не долженъ игнорировать составныхъ частей самихъ словъ. Въ самомъ дѣлѣ**): или $\acute{\alpha} \nu \theta \rho \acute{\omega} \rho \omega$ и $\acute{\alpha} \nu \theta \rho \omega \rho \omega$ по *суть* два *разныхъ* слова, а тогда группировка словъ въ *ряды*, группировка ихъ, какъ *частей* рѣчи, по ихъ »при-

*) *Вообще* языкъ долженъ прибѣгать для достиженія ясности, (иногда онъ это дѣлаетъ и въ цѣляхъ большей живости, — къ *многимъ* средствамъ *помимо* словъ и *ихъ* частей», — къ разстановкѣ словъ, интонаціи, мимикѣ, жесту, — къ средствамъ, иногда совершенно для языка постороннимъ (изъ *перечисленныхъ* здѣсь средствъ только *разстановка* словъ и *интонація* имѣютъ непосредственное отношеніе къ языку; ср. выше стр. 65). „Und neben dem Tone her geht die beredte Sprache des Auges, der Mine und des Gestus, der Gefühlsausdruck ist ja nur die weitere Fortsetzung der Reflexe, welche den Sprachton nūancierem, und oft auch die Bewegung von Arm und Hand“ (Wegener, Untersuch. 17.)

**) Намъ скажутъ, что мы »повторяемся«. Нѣтъ; мы дѣйствительно разсуждаемъ о томъ же, о чемъ разсуждали уже нѣсколько разъ, по немногу съ *другой* точки зрѣнія.

способности прилаживаться къ другимъ, словамъ для составленія вмѣстѣ съ ними одного цѣлаго, будетъ крайне затруднена, или это — одно слово, а тогда отдѣляется въ этомъ одномъ словѣ постоянная его часть отъ части измѣняющейся. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что напр. слова φίλος и ἀνθρώπος, или слова καλῶς и σαφῶς, при разнородности своихъ постоянныхъ частей, представляютъ однородное въ измѣняющихся частяхъ. Нетрудно догадаться послѣ всего, доселѣ выясненнаго, что однородное въ измѣняющихся частяхъ будетъ служить намъ мѣркою при группировкѣ словъ на разряды, тогда какъ отыскивать однородное въ постоянныхъ частяхъ словъ мы предоставимъ тому синасіологу, съ которымъ мы знакомились выше на стр. 68. У этого синасіолога будетъ заключаться »однородное« въ вещественномъ содержаніи выражаемыхъ »постоянною« частью словъ »представленій«, насъ же »постоянныя« части словъ будутъ интересовать лишь со стороны того способа передачи »представленій, о которомъ толкуетъ Потемня (см. выше стр. 45). Только лишь въ общихъ чертахъ коснемся мы чужаго для насъ, какъ сейчасъ выяснилось, дѣла, — коснемся его настолько, насколько на немъ отражается наше собственное изслѣдованіе. Какъ бы ни толковали эти другіе синасіологи о всякихъ измѣненіяхъ значеній въ »постоянныхъ« частяхъ словъ, въ общемъ такіа измѣненія движутся въ предѣлахъ слѣдующихъ трехъ отѣнковъ:

1. Поэтическаго. Употребляя выраженіе *поэтический*, мы имѣемъ въ виду не *ходячій* смыслъ этого выраженія; поэтическою стороною своего значенія слово, т. е. его »постоянная« часть, вызываетъ въ слушатель то *полное* представленіе, для котораго оно первоначально было *создано* (ἐποικήθη),*) не исключая въ данномъ случаѣ и »тро-

*) Эти слова нужно понимать cum grano salis. Wegener (Untersuch. 47) совершенно правъ, когда говоритъ: Das Wort *Löwe* hat allem Anschein nach nur eine Bedeutung. Die Bedeutung dieses, wie aller Wörter, ist die Summe aller Vorstellungen, welche mit ihrer Lautreihe, hier *Löwe*, verbunden werden. — Doch bei und von wem verbunden werden? — Hat wirklich der Zoologe und das Kind, dem man ein Bild des Thieres gezeigt hat, dieselben Vorstellungen

повъ«.*) Такимъ образомъ, и въ нашемъ терминѣ, «*поэтический*» заключается *поэтический* оттѣнокъ значенія словъ.

2. Историческаго. Въ эту сторону повернуло слово, когда имъ, какъ готовымъ, воспользовались для выраженія какого-нибудь представленія о какомъ нибудь *культурномъ* явленіи, болѣе сложномъ по *формѣ*, чѣмъ было *общее* первоначальное явленіе, охватываемое словомъ въ его *поэтическомъ* значеніи. Иногда одна культурная форма смѣняется другою, и слово получаетъ такимъ образомъ *нѣсколько* историческихъ значеній. Сколько *историческихъ* значеній должно было послѣдовательно принять на себя, напр., слово *провинція*, начиная съ первой римской провинціи и кончая нашею провинціею—не столицею! Слѣдуетъ также замѣтить, что въ *исторической* сторонѣ синасіологіи словъ та же метонимія и та же синекдоха сыграли весьма важную роль; читатель тутъ припомнить постоянно приводимые примѣры о «перѣ» и «чернилахъ».

3. Фразеологическаго. Хотя этого оттѣнка изъ нашихъ разсужденій пока не видать, но мы упоминаемъ о немъ потому, что, во первыхъ, не хотѣлось бы оставлять начатое неоконченнымъ, а во вторыхъ, мы и въ нашей синасіологіи будемъ съ нимъ имѣть постоянно дѣло. Терминомъ *фразеологическій* мы хотимъ указать на слѣдующее. Слово, встрѣчаясь постоянно только въ *извѣстномъ* сочетаніи, въ *извѣст-*

mit diesem Worte associiert? Hat der Africareisende, welcher mehr als einmal mit dem Löwen in Berührung gekommen ist, oder der Thierbändler nicht andere Vorstellungen bei diesem Namen, als der stille Leser des Reineke Fuchs?.. So unterscheidet sich der Inhalt der Worte 1. nach dem Gesichtspunkte der Vollständigkeit der associierten Vorstellungen; 2. nach dem der Ordnung der wirklich associierten Vorstellungen; 3. nach der Art und Stärke der Gefühle, welche die Erinnerung unter den associierten Vorstellungen aufgespeichert hat. Man darf die beiden ersten Gesichtspunkte zusammenfassend die Gesichtspunkte der Erkenntniss nennen, der dritte ist ethisch und ästhetisch.

*) Какъ широко могутъ здѣсь дѣйствовать «тропы», видно изъ таблицы Tobler'a, надлежаще оиѣвленной Bruchmann'омъ (Psych. Stud. 308). Тоблеръ совершенно основательно называетъ «измѣненія значеній» по «тропамъ» *immanente* (очень выразительный и соответствующій нашему пониманію дѣла терминъ) d. h. so, dass die Veränderung aus einer der Sprache selbst innewohnenden, der natürlichen Ordnung der Dinge entsprechenden Anlage zur Entwicklung zu begreifen ist.

номъ »φράσις΄ъ«, и составляя въ этомъ φράσις΄ъ вмѣстѣ съ другими его членами одно осмысленное цѣлое, — одно какъ-бы слово, — до того уже приспособилось къ этому цѣлому, что, чувствуясь непремѣнною его частью и какъ-бы частью «слова», *ослабило* въ своихъ поэтическомъ или историческомъ значеніяхъ все то, что въ нихъ, этихъ значеніяхъ, для *даннаго* цѣлаго не важно. Такъ, «неволя» есть нѣчто одно, а «по неволѣ подумаешь» — нѣчто совершенно другое.*)

Еще одно. Будемъ ли мы *вездѣ* разлагать слова на «постоянную» и «измѣняющуюся» части, откладывая первую часть въ сторону, для *другихъ* симасіологовъ, или же будемъ ицѣтъ иногда дѣло съ *полными* словами? Конечно, послѣднее. Впервыхъ, словъ *οὐ*, *μή*, *ἤ* и т. п. нельзя даже *разложить* на «части», и кромѣ того, хотя въ *сдовѣ*, напр., *ἀσπί* и можно усмотрѣть и «постоянную», и «измѣняющуюся» часть, однако это слово *всѣмъ* своимъ составомъ выражаетъ то «отношеніе», которое мы выше, опредѣляя рѣчь, противопоставили «представленію», а потому оно во *всѣмъ* своемъ составѣ и *должно* войти въ *наше* разсужденіе.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы приступаемъ къ непосредственному рѣшенію нашей задачи, помня

*) Это — одно изъ явленій той *Isolierung*, которая захватываетъ въ языкѣ столь широкій районъ, п которую такъ прекрасно разъяснилъ Paul (Princip 152—178). Мы не можемъ излагать здѣсь *всего* содержанія означеннаго отрывка у Paul'я, а сообщимъ только то, что относится непосредственно къ нашему мѣсту: Auf syntaktischem Gebiete (*syntaktisch* понимаетъ здѣсь Paul въ смыслѣ *общемъ*, въ смыслѣ сочетанія отдѣльныхъ «словъ» въ одно осмысленное цѣлое) haben wir hier zunächst die *Isolierung* der verschiedenen *Bedeutungen* eines syntaktischen Verhältnisses gegen einander. Es werden die syntaktischen Proportionengruppen nicht gestört (подъ *Proportionengruppen* Paul разумѣетъ совершенно *одинаковое* отношеніе «элементовъ», т. е. *значеній* словъ, въ двухъ *разныхъ* «синтаксическихъ» сочетаніяхъ, если сами *элементы* въ этихъ *разныхъ* сочетаніяхъ *однородны*), so lange jede einzelne Function des Verhältnisses *lebendig* bleibt. Aber jede *Erstarrung* durch *gewohnheitsmässige* Verbindung mit einem *bestimmten* Worte ist eine *Loslösung* aus dem *allgemeinen* Proportionenverbände (Princip. 154)... Vieles ist jetzt auf die Verbindung mit *bestimmten* Wörtern beschränkt, während früher vielfach noch eine *freiere* Gebrauchsweise herrschte: *zu Grunde gehen, zu Grunde sein mit etwas* etc. (Princip. 156.) Princip. 157 Paul *прямо* сводитъ такіа явленія «изоляция» къ степени der „uneigentlichen“ *Compositionen*.

о великихъ словахъ Платона, обращенныхъ его Сократомъ къ Протарху: Какъ истинно божескій даръ, — такъ представляется мнѣ, — попало это умѣнье къ людямъ откуда то отъ боговъ, и очень ярокъ, былъ огонь того Проміея, который тутъ дѣйствовалъ. И вотъ давность, которая была выше насъ и ближе къ богамъ, передала намъ его въ видѣ слѣдующаго откровенія. То ли, другое ли, словомъ все, о чемъ мы говоримъ, какъ о существующемъ, всегда представляетъ собою нѣчто единое и вмѣстѣ съ тѣмъ многое. Будучи многимъ, оно носить въ себѣ одновременно и предѣльность, и безпредѣльность. А потому, разъ міръ такъ устроенъ, нужно намъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ полагать и искать во всемъ всегда одну идею; ее мы найдемъ непременно. А разъ мы ее схватили, то дальше, т. е. внутри ея самой, слѣдуетъ искать низшія двѣ, если такъ можно дѣлать, а то и три идеи или, быть можетъ, еще больше; затѣмъ каждую изъ этихъ идей, опять — нѣчто единое, — дѣлать такимъ же порядкомъ, пока наконецъ то, что было для насъ съ самаго начала единымъ, не выяснится не какъ единое и вмѣстѣ съ тѣмъ многое и безпредѣльное, а какъ нѣчто, распадающееся на опредѣленное число частей. Мысли же о безпредѣльномъ не слѣдуетъ допускать по отношенію къ этому многому до тѣхъ поръ, пока не произведемъ всего дѣленія, находящагося посреди между единымъ и безпредѣльнымъ; только тогда каждую единичную часть, вышедшую изъ дѣленія, можно пустить и въ безпредѣльное. Вотъ какъ изслѣдовать, познавать и приводить къ познанію другъ друга завѣщали намъ боги. *Θεῶν μὲν εἰς ἀνθρώπους, ὡς γε καταφαίνεται ἐμοί, ποθὲν ἐκ Θεῶν ἐροίφη διὰ τινος Προμηθέως ἄμα φανοτάτῳ τινὶ πυρί. Καὶ οἱ μὲν παλαιοί, κρείττονες ἡμῶν καὶ ἐγγυτέρω Θεῶν οἰκοῦντες, ταύτην φήμην παρέδοσαν, ὡς ἕξ ἑνὸς μὲν καὶ πολλῶν ὄντων τῶν αἰεὶ λεγομένων εἶναι, πέρας δὲ καὶ ἀπειρίαν ἐν αὐτοῖς ζύμφυται ἐχόντων δεῖν οὐκ ἡμᾶς τούτων οὕτω διακεκοσμημένων αἰεὶ μίαν ἰδέαν περὶ παντὸς ἑκαστοῦτε θεμένους ζητεῖν, ἐρησείν γὰρ ἐνοῦσαν εἰάν οὐκ μεταλάβωμεν, μετὰ μίαν δύο εἶ πως εἰσὶ σκοπεῖν, εἰ δὲ μή, τρεῖς ἢ τινα ἄλλον ἀριθμὸν, καὶ τῶν ἐν ἐκείνων*

ἕκαστον πάλιν ὡσαύτως, μέχρι περ ἂν τὸ κατ'ἀρχὰς ἐν μὴ ὅτι καὶ πολλὰ καὶ ἀπειρά ἐστι μόνον ἴδη τις, ἀλλὰ καὶ ὅποσα τὴν δὲ τοῦ ἀπειροῦ ἰδέαν πρὸς τὸ πλῆθος μὴ προσφέρειν, πρὶν ἂν τις τὸν ἀριθμὸν αὐτοῦ πάντα κατἰδῆ τὸν μεταξὺ τοῦ ἀπειροῦ καὶ τοῦ ἐνός· τότε δ' ἤδη τὸ ἐν ἕκαστον τῶν πάντων εἰς τὸ ἀπειρον μετέντα χαιρείν ἔαν' οἱ μὲν οὖν θεοί, ὅπερ εἶπον, οὕτως ἡμῖν παρέδοσαν σκοπεῖν καὶ μαρθάνειν καὶ διδάσκειν ἀλλήλους (Plat. Phileb. 16 c—e).

Конечно, мы не думаемъ изумлять мѣръ какими-нибудь новыми открытіями, и указаніе Платона не мы первые примѣняемъ къ дѣлу. Его примѣняли къ дѣлу цѣлые вѣка, и самое дѣло разрослось въ крѣпкую въ своихъ основахъ науку. Мы хотѣли бы только эту науку очистить кое гдѣ отъ наросшихъ на ней искусственныхъ наслоеній, насколько у насъ хватитъ силъ.

Въ заключеніе предупреждаемъ, что такъ называемыя междометія *исключаются* изъ нашего разсужденія. Тѣ гласные, которые слышны, когда мы плачемъ, стонемъ, смѣемся, хохочемъ; тѣ гласные и согласные чисто лирическаго характера, которые у насъ неволью вырываются, когда мы восхищаемся чѣмъ-нибудь или чувствуемъ отвращеніе при видѣ чегонибудь, когда мы довольны или сердимся; тѣ гласные и согласные, на которые мы переводимъ звуки, издаваемые животными и, при паденіи или какомънибудь другомъ движеніи, предметами, — всѣ эти гласные и согласные *не суть* »части рѣчи«. Въ лучшемъ случаѣ они, какъ выяснилось, представляютъ собою каждая въ отдѣльности *цѣлую* рѣчь, притомъ цѣлую рѣчь на той *первой* ступени проявленія внутренней формы языка, съ которою въ предстоящемъ изслѣдованіи мы не будемъ имѣть дѣла: Die Sprache fängt da an, wo die Interjectionen aufhören (Max Müller, Vorles. I. 323).

II.

Глаголь въ смыслъ *verbi finiti*.

Во всемъ *ἄλειρον*, во всей массѣ словъ, въ которыхъ мы усмотрѣли *ἐν* уже тѣмъ, что назвали ихъ, въ ознаменованіе заключающейся въ этомъ *ἐν* »идеи«, частями рѣчи, рѣзко выдѣляется одна — *низшая* сравнительно съ только что упомянутою — *ιδέα*, въ силу которой уже древними названа часть этого *ἄλειρον* — *ῥήματα*. У насъ употребителенъ *приблизительно* въ смыслъ τῶν »ῥημάτων« *терминъ »глаголъ«*. Древніе, отдѣляя *ὄνομα ῥήματος* (наше »неопредѣленное наклоненіе«) и *μετοχήν* (наше »причастіе« и »дѣе-причастіе«) отъ собственнаго *ῥήμα**), въ теоріи о частяхъ рѣчи шагнули чрезвычайно удачно. Съ одной стороны, они схватили самую *ιδέα*, выраженную терминомъ »ῥήμα«, весьма ясно и *опредѣленно*, а съ другой — открыли этимъ

*) *Μετοχή* выдѣлена древними какъ особая часть рѣчи совершенно твердо. Къ сожалѣнію, нельзя говорить о »твердости« въ ихъ разсужденіяхъ о »неопредѣленномъ наклоненіи« (*τὰ ἀπαρέμφατα ἀμφιβάλλεται εἰ ἂν εἰς ῥήματα ἢ οὐχί* — В. А. III. 1274). Съ надлежащимъ пониманіемъ дѣла высказывается объ этомъ вопросѣ Apoll. Dysc. de constr. I. 30: *καὶ ἔγνα τοῦ τοιοῦτου οὐ συγκαταθίμην ἂν Τρύφωνι ἀποφαινόμενῳ ἐν τῷ περὶ ἄρθρων, ὡς τὰ ἀπαρέμφατα ῥήματα πῆ μὲν ὀνόματα ἐστί τῶν ῥημάτων, δεῦτε καὶ ὡς ὀνόματα ἄρθρα προσλαμβάνει, . . . χωρὶς μὲντοι ἄρθρων λευόμενα ῥήματα ἂν εἴη . . . Πρόκειται οὖν ὁ λόγος φυσικώτατος, δεῦτε οὐ παρὰ τὰς ἐλλείψεις τῶν ἄρθρων ἢ παραθέσεις ἐξελέγξει τὸ ἅ μὲν εἶναι ὀνόματα, ἅ δὲ μή. "Ἀπαξ γὰρ ἐκείνῳ ἐστὶ διαλαβεῖν, ὡς πᾶν ἀπαρέμφατον ὄνομα ἐστὶ ῥήματος, εἴ γε οἱ ἀπὸ τῆς στοιᾶς αὐτὸ μὲν καλοῦσι ῥήμα. Такое разсужденіе, исключаящее, казалось бы, всякое колебаніе, не помѣшало, однако, Аполлонію употреблять иногда терминъ »ῥήμα«, когда идетъ дѣло о »неопредѣленномъ наклоненіи« (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ называетъ неопредѣленное наклоненіе *γενικώτατον ῥήμα*).*

самымъ возможность *правильнаго* дѣленія и въ дальнѣйшемъ *ἀπειρον*: неправильность перваго шага, конечно, исключала бы эту возможность.

Разсуждая о значеніи словъ, мы различаемъ »представленія« и »отношенія« (см. выше стр. 78). Въ словахъ *ἔγραφοι, γράφομεν, γράφε, γράψετε, γράψαντο γέγραπται*, — все это слова, входящія въ объемъ понятія »форма«, (*γράφειν, γράφω* и т. п. формы *исключаются* изъ этого объема) — *соединены*, какъ можно *прежде всего* замѣтить, *объ* стороны симасіологии слова, причемъ *одна* изъ нихъ, именно »отношеніе«, есть не сенсуальная, а »психо-логическая«. Съ психо-логической стороны, слова *γράφομεν* и др. представляютъ собою *присужденіе**) чего-то кому-то. »Представленій«, противопоставляемыхъ нами »отношеніямъ«, въ нашихъ *ἡμέτεα* два: въ нихъ обозначено и то, что присуждается, и тотъ, кому что-нибудь присуждается. Тотъ, *кому* нѣчто присуждается, показанъ въ ихъ окончаніи. Это — или слушатель, или самъ говорящій (*τί ποιεῖς; γράφω*), словомъ, это — лица (*πρόσωπα*), разговаривающія между собою, какъ бы дѣйствующія *на сценѣ* (отсюда и терминъ *πρόσωπα*: драма у грековъ, съ ея *πρόσωπα*, *древнѣе* грамматики) и не нуждающіяся въ дальнѣйшихъ языковыхъ средствахъ для ихъ обозначенія. Конечно, тѣмъ, *кому* нѣчто присуждается, можетъ быть не только слушатель и говорящій, но и нѣкто посторонній, а то и *ничто* постороннее (*γράφει, γέγραπται*). Этотъ посторонній и это постороннее, хотя и нуждаются въ ближайшемъ опредѣленіи черезъ посредство, напр., словъ *ἀνὴρ* (*ἀνὴρ γράφει*) и *ἐπιστολή* (*ἐπιστολή γέγραπται*), все же *кое-какъ* обозначены и въ окончаніи *τοῦ ἡμέτερος*, — обозначены *именно* какъ посторонніе, т. е. не *»дѣйствующіе на сценѣ«*, — и называются также »лицами«, — терминъ, явля-

* На стр. 76 мы говорили, что п »отношеніе« представляется». Въ данномъ случаѣ, психо-логическое *присужденіе* можно представить черезъ *лицо, связывающую* два »представленія«, или черезъ какое-нибудь →, словомъ, черезъ что нибудь такое, черезъ что »представляемъ »значеніе самыхъ словъ »отношеніе« — »отношу« (*προσφέρω*).

ющійся »синекдохическимъ« въ томъ случаѣ, когда въ качествѣ такого посторонняго »лица« выступает не *нѣкто*, а *нѣчто* т. е. предметъ. »Лицамъ« этимъ присваиваются названія: первое, — это говорящій, — второе, — это слушатель, — третье, — это посторонній; всѣ они представляютъ собою какъ-бы *πρωταγωνιστήν, δευτεραγωνιστήν* и *τριταγωνιστήν* въ драмѣ. Такъ какъ »отношеніе«, выражаемое τοῖς ῥήμασι, заключается именно въ психо-логическомъ присужденіи, то »лицо, указанное въ окончаніи τοῦ ῥήματος, можно назвать психо-логическимъ подлежащимъ, а »присуждаемое«, выраженное въ »этимологической темѣ«, — психо-логическимъ сказуемымъ.

Есть, впрочемъ, и вполнѣ »безличныя« ῥήματα; хотя древніе старались и ихъ подвести подъ »личныя«, толкуя, напр., слово *ἔει* въ смыслѣ фразы *Ζεὺς ἔει*,*) однако это — стараніе напрасное. Въ минуту поэтическаго, скажемъ, — религиознаго настроенія, выраженіе *ἀστράπτει* всегда можно переводить на фразу *Ζεὺς ἀστράπτει*, можно переводить мысль на мысль, но переводить мысль на мысль не значить еще отождествлять мысли. Выраженіе *ἔει*, какъ выраженіе известной мысли, просто отмѣчаетъ явленіе, безъ рѣшенія вопроса о томъ, откуда оно взялось, и въ этомъ смыслѣ слова *ἔει, ἀστράπτει* и т. под. суть настоящія безличныя ῥήματα.

На ст. 31 мы привели разсужденіе Штейнталя, — а на стр. 37 сами разсуждали — о томъ, что простое »именованіе представленія« можетъ составлять законченную задачу и можетъ заключать въ себѣ *цѣлую рѣчь*. Эта мысль подлежитъ дальнѣйшему развитію и даже измѣненію. Часто мы видимъ что-то, что-то слышимъ, и задаемъ себѣ вопросъ, что жъ это такое, какъ бы назвать это видимое, слышимое; говоря точнѣе, мы спрашиваемъ себя, подъ какое изъ известныхъ намъ названій (въ словѣ известныхъ заклю-

*) Apoll. Dysc. de constr. II. 101: *ὀρίζομενα γὰρ τὰ ῥήματα κατὰ πρῶτον πρόσωπον καὶ δεύτερον ἀοριστοῦται κατὰ τὸ τρίτον, τοῦ ἀστράπτει καὶ τῶν τοιοῦτων ἐποπτελλομένων, καθὼς ἡ τοιαύτη ἐνέργεια ἐξαιρέτως τῷ Διὶ ἀναπέμπεται.*

чается *измѣненіе* прежней мысли) подвести то представленіе, которое получается отъ даннаго слуховаго или зрительнаго впечатлѣнія. Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы произносимъ слова »набатъ!«, »громъ!«. Нѣтъ сомнѣнія, что, произнося эти слова, мы высказываемъ полную *мысль*, — полное *сужденіе*, — высказываемъ эту мысль и это сужденіе иногда послѣ долгихъ колебаній, прислушиваясь нѣсколько разъ къ раздающимся раскатамъ, къ раздающимся ударамъ колокола, изъ опасенія смѣшать грохотъ грома съ грохотомъ ѣдущаго экипажа, или трехкратный ударъ набатнаго колокола съ какимъ нибудь другимъ звономъ. Въ окончательномъ сужденіи, высказываемомъ черезъ слова »набатъ!« — »громъ!«, слова *набатъ* и *громъ* являются психологическими сказуемыми, однако къ какимъ подлежащимъ? Подлежащими оказываются сами тѣ *представленія*, которыя у насъ получаютъ черезъ чувственныя воспріятія, или, короче говоря, — сами наблюдаемыя *явленія*.*) Такія состоящія изъ *одного* слова сужденія постоянно высказываетъ ребенокъ, когда, при видѣ предмета, старается »опредѣлить« его черезъ присвоеніе ему названія и, нерѣдко протягивая къ самому предмету ручку, восклицаетъ: *икона! лампа!* и т. п. За такія простыя сужденія слѣдуетъ принимать и выраженія *ὄρει-ἀστράπτει*; различіе только въ томъ, что »лампа!« есть выраженіе ономатическое (состоящее изъ *ὄνομα*), а *ὄρει* — риматическое (состоящее изъ *ῥήμα*).

Намъ возразятъ, что и по *нашему* толкованію слова *ὄρει-ἀστράπτει* суть *личныя ῥήματα*, что и *здѣсь* окончанія, относясь къ тому »наблюдаемому явленію«, которое вызвало эти слова, указываютъ въ немъ на нѣчто постороннее. Намъ отошлутъ къ другимъ языкамъ, которые въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ выраженіямъ въ родѣ »es regnet«,

*) Paul (Princip. 104): Wenn der Prinz in Lessings Emilia beginnt: *Klagen, nichts als Klagen!* — *Bittschriften, nichts als Bittschriften!*, so sind das nur lauter Praedicate, das Subject wird durch die Briefe gebildet, die er in die Hand nimmt. . . Für denjenigen, der beim Anblick eines Brandes ausruft *Feuer*, ist die Situation das Subject und der allgemeine Begriff *Feuer* Praedicat.

обозначая словомъ »*es*« самое явленіе, а словомъ »*regnet*« — сужденіе о немъ или, какъ мы выражаемся, психо-логическое сказуемое къ нему.*) Нельзя не считаться съ подобнымъ возраженіемъ, хотя все же не слѣдуетъ забывать, что *es regnet* есть выраженіе, принадлежащее нѣмецкому языку, а *ὄρει* есть слово греческое, и что психологія послѣдняго можетъ быть и не одинакова съ психологіею перваго. Быть можетъ, впрочемъ, нѣмецкое *es regnet* не выросло непосредственно на свѣжей психологической почвѣ, а сочинено по шаблону, — какъ говорятъ, по »ложной аналогіи«, или просто по »аналогіи«, т. е. оставлено, безъ особенно яснаго отчета, по образцу того большинства риматическихъ выраженій,**) въ которыхъ, дѣйствительно, какъ будто и выступаетъ психо-логическое подлежащее какъ нѣчто отдѣльное, а психо-логическое сказуемое какъ нѣчто тоже отдѣльное: во фразѣ *ich schreibe* слово *ich* есть какъ будто подлежащее, а слово *schreibe* — какъ будто сказуемое. Я говорю какъ будто; ниже выяснится смыслъ этой прибавки.

Безличность τῶν ὄρειων еще виднѣе на словѣ *δεί*. Конечно, *нужда*, которая такъ или иначе выражена въ словѣ *δεί*, можетъ быть »присуждена« *чему-нибудь*, какъ въ *γράφει* писаніе »присуждается« *кому-нибудь*, притомъ кому-нибудь *постороннему*. Но если при *γράφει* этотъ посторонній можетъ быть »ближе опредѣленъ« черезъ слово *ἀνήρ*

*) Въ такомъ случаѣ, »*es regnet*« относилось бы къ »*ὄρει*«, какъ »*ich schreibe*« относится къ »*γράφω*«, т. е. въ томъ и другомъ случаѣ »лицо« выражено въ одномъ языкѣ особымъ словомъ и окончаніемъ τῶ ὄρειων (синтаксическая тавтологія; съ нею мы будемъ встрѣчаться часто), а въ другомъ — однимъ окончаніемъ τῶ ὄρειων.

**) Такъ понимаетъ и Paul (Princip. 105): Alle Bemühungen dies *es* auch als logisches (?) Subject zu fassen und ihm bestimmte Andeutung zu geben haben sich als vergeblich erwiesen. . . . Indem der Satz *es rauscht* auf die normale Form gebracht ist, hat er ein formelles Subject erhalten, welches mit dem psychologischen *nichts* zu thun hat. Wir müssen eine ältere Stufe voraussetzen, auf welcher der einfache Verbalstamm (итакъ, даже форма безъ всякаго окончанія!) gesetzt wurde. . . . Das psychologische Subject ist also in dem Satze *es brennt* ebenso wenig ausgedrückt, als in dem Satze *Feuer*. Auch hier findet eine Verknüpfung zweier Vorstellungen statt. Auf der einen Seite steht die Wahrnehmung einer concreten Erscheinung, auf der anderen die schon in der Seele ruhende Vorstellung von Brennen oder Feuer, unter welche sich die betreffende Wahrnehmung unterordnen lässt.

и именно через данную его *форму*, через форму, как говорят, *«именительного падежа»*, то при *δέι* это «что-нибудь» обозначается через форму, как говорят, *genitiv'a*. Мы забѣгаемъ немного *впередъ*, указывая на то, что самъ *внѣшній видъ* выраженія *δέι πράξις* вполне опровергаетъ, какъ неумѣстную, *всякую* попытку искать въ *окончаніи* формы *δέι* «лицевое» обозначеніе того «что-нибудь», которому *«присуждается»* нужда. Нельзя, однако, усматривать въ словѣ *δέι* и того характера, который замѣчается, наравнѣ съ выраженіемъ *«набатъ!»*, въ словѣ *ὕει*, гдѣ психо-логическимъ подлежащимъ оказывается само «явленіе», ищущее себѣ подходящаго «названія». Разсуждать ли намъ такъ, что въ словѣ *δέι* совсѣмъ *не отдѣлено* подлежащее отъ сказуемаго? Такое разсужденіе нельзя назвать лишенымъ всякаго основанія. Можно бы сказать, что слово *δέι* просто *свидѣтельствуетъ* о нуждѣ. Просимъ читателя обратить вниманіе на наше выраженіе: *«свидѣтельствуетъ о нуждѣ»*. Мы не говоримъ: *свидѣтельствуетъ о существованіи* или *о наличности* нужды. Въ *последнемъ* выраженіи уже какъ будто *разложено* сужденіе на подлежащее и сказуемое, какъ оно разложено, казалось бы, и въ выраженіи *нужда есть* или *нужда на лицо*. Но, — можно бы разсуждать дальше, — какъ нѣтъ разницы въ *смыслъ* между выраженіемъ *«засвидѣтельствовать наличность* нужды» и выраженіемъ *«засвидѣтельствовать нужду»*, и въ *последнемъ* такъ же ясно обозначено движеніе моей мысли, какъ и въ первомъ, такъ и въ словѣ *δέι* можно выразить то же движеніе мысли, оставляя *неотдѣленнымъ* подлежащее отъ сказуемаго.

А всетаки такое разсужденіе неправильно. Ниже окажется, что въ выраженіи *нужда на лицо*, если и можно говорить о подлежащемъ и сказуемомъ, то въ совершенно *другомъ* смыслѣ, чѣмъ въ смыслѣ тѣхъ «психо-логическихъ» подлежащихъ и сказуемыхъ, о которыхъ мы толкуемъ теперь. Намъ кажется, что особенной разницы между *ὕει* и *δέι* нѣтъ. Если *ὕει* было психо-логическимъ сказуемымъ къ разсматриваемому нами *явленію*, — такими психо-логическими сказуемыми оказываются, въ сущности, *всѣ* «названія» пред-

метовъ и явленій, *отдѣльно* взятыя, т. е. не въ *связной рѣчи* появляющіяся (сравни стр. 30), — то *δει* есть психо-логическое сказуемое къ разсматриваемымъ *»обстоятельствамъ«*. Если мы выше риматическое выраженіе *ѳει* сравнивали съ ономатическимъ *»набатъ!«*, то теперешнее *δει* можно сравнить съ ономатическимъ выраженіемъ *»пора!«* *) Въ словѣ *»пора!«* мы также или *»свидѣтельствуемъ«* о порѣ, или, какъ мы только что разсуждали, *»характеризуемъ«* имъ, какъ психо-логическимъ сказуемымъ, разсматриваемыя нами *»обстоятельства«*.

Какъ бы то ни было, мы въ правѣ сказать, что *ѳημα*, со стороны отнѣченного въ немъ *»отношенія«*, — въ данномъ случаѣ не сенсуальнаго, а психо-логическаго, — есть выраженіе сужденія въ трехъ видахъ: 1. выраженіе сужденія, какъ рѣшеніе вопроса, *есть ли то-то, или нѣтъ этого (δει)*; 2. выраженіе сужденія, какъ присвоеніе *»представленію«* надлежащаго *названія (βροντῆ)*; 3. выраженіе *»присужденія«* чего-нибудь какому-нибудь *»лицу« (υφάρξει)*. Въ первыхъ двухъ случаяхъ *ѳημα* сводится къ безличному. Что *форма*, предназначенная указывать въ своемъ *окончаніи* на что-нибудь, какъ на *постороннее* (третье *»лицо«*, — говорили мы выше, — есть *нѣчто постороннее*), слѣдовательно, и какъ на *отсутствующее*, могла послужить выраженіемъ и для *несуществующаго*, это, конечно, свидѣтельствуешь о бѣдности языка, но является вполнѣ позволительнымъ обще-симасіологическимъ тропомъ (о тропяхъ смотри выше стр. 80). Если мы обозначимъ черезъ букву *а* то, *что въ ѳημα »присуждается«*, — черезъ букву *б* то *лицо, которому* оно присуждается, а черезъ знакъ \rightarrow психо-

*) Выраженіе *»пора!«* можно произнести *восклицательно*, какъ произносимъ восклицательно и слово *»набатъ!«*. Читатель согласится съ нами въ томъ, что характеръ этихъ восклицаній не одинаковый. Восклицаніе въ словѣ *»набатъ!«* есть выраженіе какой то ошеломленности, тогда какъ въ восклицательномъ *»пора!«* слышится *imperativный* оттѣнокъ. Впрочемъ, мы должны заявить, что восклицанія *не касаются* симасіологич. частей рѣчи и ихъ формъ. Они относятся скорѣе къ тѣмъ тонамъ, которые должны быть разсматриваемы въ другой, *вышей* части синтаксиса, установленной нами на стр. 64.

логическое »отношеніе«, выраженное въ ῥήμα, то общая схема τοῦ ῥήματος будетъ $a > b$; въ безличныхъ ῥήματα б сводится къ нулю.

Перечисленными тремя видами сужденія не исчерпывается вся психо-логическая сторона »отношенія«, выраженного въ ῥήμα. Сама *модальность*, или скорѣе — *квалитативность* сужденія бываетъ различна, и мы можемъ въ этой области построить цѣлую гамму всевозможныхъ оттѣнковъ сужденія. То мы высказываемъ нѣчто съ полною *уверенностью*, какъ силлогистическую *необходимость* (τοιούτου ἄρα, — говоритъ Платоновскій Сократъ въ видѣ заключенія изъ всего, раньше сказаннаго, — τοιοῦτον ἄρα πάθος τῷ τυπτομένῳ ἐστίν, ὅσον ἂν τὸ τυπτόν ποιῆ; πάνυ γε; Plat Gorg. 476 c), то *просто* заявляемъ о чемъ-нибудь, какъ о своемъ *мнѣніи* (εὐ ἔχει ταῦτα), или говоримъ о чемъ-нибудь, какъ о *фактѣ*, слышанномъ или видѣнномъ нами (ἐνίκησαν οἱ ἡμέτεροι σύμμαχοι), то *выставляемъ* нѣчто не какъ силлогистически *вѣрное*, а только лишь какъ *могущее* быть, пожалуй, *вѣрнымъ* (къ вложенію такого оттѣнка въ сужденіе можетъ вести наша *скромность*, а то и *ироническое** настроеніе; сравни: ἀληθὲς ἂν τοῦτο εἴη), то *сомнѣваемся* въ правильности нашего сужденія и *колеблемся* (быть можетъ, тоже въ силу ироническаго настроенія), высказать ли его, или нѣтъ (μὴ τοῦτο κακῶς ἀποβῆ), то *примѣниваемъ* къ оттѣнку »познавательнаго« сужденія оттѣнокъ сужденія »*желательнаго*«, быть можетъ, даже съ *преобладаніемъ* послѣдняго (πάλλα φίλ' οὐκ ἂν δῆ μοι ἐφοπλίσειας ἀπήνην; Od. ζ 57 = быть можетъ, ты дашь мнѣ = не дашь ли, быть можетъ = не далъ ли бы ты), а то и *прямо*, оставляя познавательный оттѣнокъ совершенно въ сторонѣ, выражаемъ въ нашемъ сужденіи одно *желаніе* (εἶθε τοῦτο γένοιτο), иногда *рѣшительно*, въ омыслѣ *повѣлѣнія*, обращеннаго къ *другому* (ποιήσον ταῦτα). Всѣ эти

*) Иронію мы понимаемъ здѣсь въ древнемъ значеніи этого слова, какъ ее понималъ Теофрастъ въ своихъ »характерахъ«: »иронически« я настроенъ, когда я только *прикидываюсь* незнающимъ (можетъ быть, *тоже* изъ скромности), а на дѣлѣ *уверенъ* въ своемъ знаніи.

оттѣнки квалитативности сужденія, сводясь къ двумъ главнымъ, именно къ »познавательному« и »желательному«*), получаютъ выраженіе прежде всего въ тѣхъ формальныхъ измѣненіяхъ τῶν ἰκλιῶτων, которыя мы называемъ »наклоненіями.«

Читатель ожидаетъ отъ насъ теперь симасіологію *наклоненій*, въ духѣ разныхъ сочиненій и статей въ грамматикахъ »о наклоненіяхъ«, или »о томъ или иномъ наклоненіи«. Но устанавливать симасіологію »наклоненій« *особнякомъ* было

*) Немного иначе Paul (Princip. 107—109): Ich wachle die Bezeichnung *Aufforderungssätze* als die indifferenteste] (Paul, конечно, стоя не на почвѣ симасіологіи частей рѣчи, долженъ тутъ разсуждать не о ἴκημα, а о Satz'ѣ). In der Aufforderung ist natürlich Bitte, Gebot und Verbot, Rath und Warnung, Aufmunterung, auch Concession und Ablehnung oder Verbiten enthalten . . . Wir müssen daran noch die Wunschsätze anknüpfen . . . Wir sind jetzt gewohnt den Aussagesatz als den eigentlich normalen Satz zu fassen. Der Aufforderungssatz ist aber ebenso ursprünglich. Den Behauptungs — und Aufforderungssätzen stellt man als eine dritte Klasse die Fragesätze zur Seite. Es lässt sich aber für eine solche Dreitheilung der Sätze kein einheitliches Princip finden, und diese drei Classen können nicht einander coordinirt werden . . . Nicht nur die Behauptungs — sondern auch die Aufforderungssätze haben ihr Pendant in Fragesätzen. Vrgl. lat. *quid faciam* gegen *quid facio*. Man gebraucht dafür den Ausdruck *deliberative Fragen*. Wir können sie geradezu als Fragaufforderungssätze bezeichnen. Что касается *вопросительныхъ* выраженій, то намъ придется ихъ разсматривать ниже. Въ настоящее время мы можемъ только замѣтить, что *вопросительный* оттѣнокъ выражается прежде всего *тономъ*, а тонъ, какъ уже сказано, *не составляетъ* предметъ нашего изслѣдованія, развѣ если онъ вызываетъ въ языкѣ появленіе какого нибудь особаго слова, какъ *части* рѣчи, или какой нибудь особой грамматической *формы* въ той или иной части рѣчи. Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ мы дѣйствительно *замѣчали* *вопросительный* тонъ (какъ могли замѣтить и *восклицательный* тонъ въ выраженіяхъ εἶθε τοῦτο γένοιτο и ποῖησον ταῦτα). Этотъ *вопросительный* тонъ вызвалъ въ рѣчи слова οὐκ и μή (οὐκ ἄν εἴποιμι βεβαίως и μή τοῦτο κακῶς ἀποβῆι), и мы понимаемъ, что этотъ *вопросительный* тонъ тѣсно связанъ съ тѣмъ *сомнѣніемъ* и *колебаніемъ*, съ тою *нерешительностью* (сомнѣніе есть *вопросъ*), съ которою иногда высказывается сужденіе. — Относительно встрѣчающихся въ приведенномъ разсужденіи Paul'я выраженій *Bitte, Gebot, Warnung* и др. мы должны замѣтить, что въ нихъ не видать той строгой *постепенности*, на которой въ этомъ дѣлѣ настаиваемъ мы, и на которой, по нашему мнѣнію, настаивать нужно, такъ какъ »познавательное« и »желательное« сужденія суть нѣчто такое, что только на *полюсахъ* выдѣляется рѣзко, а затѣмъ все больше и больше *сближается*, пока не встрѣтится въ одномъ *общемъ* узлѣ, разорвать который столько же трудно, сколько трудно въ концѣ концовъ разграничить и самую *дѣятельность* души въ познаниіи и желаніи: и познаниіе есть въ извѣстномъ смыслѣ проявленіе *воли*, и желаніе — проявленіе *разума*.

бы крайне неправильно, такъ какъ она тѣсно связана съ симасіологією *другой* категоріи формальныхъ измѣненій *тоῦ ῥήματος*, какъ это видно изъ непосредственно слѣдующаго разсужденія.

Разъясненіе «психо-логическаго отношенія», выраженнаго въ *ῥήμα*, нами *еще* не кончено. Симасіологическая *схема* *тоῦ ῥήματος* есть, какъ выше выяснено, *а* → *б*. Если бы мы въ этой схемѣ уничтожили знакъ →, то изъ *б* выйдетъ особое слово: *я, ты, онъ-она-оно*. Что же касается *а*, то выйдетъ ли и изъ него особое слово? Выйдетъ, но какое? Можно ли подставить подъ *а* любой предметъ, помѣщаемый въ пространствѣ *мѣста*? — напр. *столъ, дерево* и т. п. *Онъ* и *дерево*; можно ли изъ этого сдѣлать сужденіе, т. е. можно ли внести въ эти два слова »то психо-логическое отношеніе, какое мы усматривали между *а* и *б* въ *ῥήμα*, а если можно, то выйдетъ ли изъ этихъ двухъ словъ, при *внесеніи* въ нихъ такого »отношенія«, — выйдетъ ли изъ нихъ *ῥήμα*? Въ выраженіи *онъ — дерево* (слово *онъ* можно »опредѣлить ближе« черезъ слово, напр., *дубъ*) дѣйствительно *тоже* присуждается что то чему-то, но *ῥήμα* изъ этого не выйдетъ. А напр. *деревенъетъ* (т. е. *онъ*, напр. *стебель*), это уже *ῥήμα*. Это *ῥήμα* показываетъ, что нѣчто принимаетъ на себя *признакъ дерева*, т. е. что *признакъ дерева* превращается въ *признакъ* самого этого »нѣчто«, причемъ »превращеніе« совершается въ пространствѣ *времени* (само *дерево*, какъ сказано, помѣщалось въ пространствѣ *мѣста*), такъ что »деревенъіе« начинается, развивается, доходитъ до извѣстнаго *состоянія*, затѣмъ это состояніе постепенно разрушается и, наконецъ, исчезаетъ *совсѣмъ*. Эти-то *признаки*, въ ихъ *развитіи* и *исчезновеніи*, — вотъ »представленіе«, обозначенное въ нашей симасіологической схемѣ *тоῦ ῥήματος* черезъ *а*. »*Рублю*« есть *тоже ῥήμα*, но присуждаемое здѣсь первому лицу »*рубленіе*« есть ли такой *признакъ*, какимъ было »деревенъіе« въ *ῥήμα* »*деревенъетъ*«? Помимо движенія въ пространствѣ *времени*, т. е. помимо того, что оно начинается и прекращается, мы »представляемъ« въ »*рубленіи*« и движеніе

въ пространствѣ *мѣста**)), а потому рубленіе мы называемъ не столько »признакомъ«, сколько скорѣе »дѣйствіемъ«. Мы могли бы его назвать «признакомъ» и, такимъ образомъ, подвести подъ одну категорію съ деревенѣніемъ, имѣя въ виду *только* развитіе его и исчезновеніе въ пространствѣ *времени*, а не соединенное съ нимъ движеніе въ пространствѣ *мѣста*. Съ другой стороны можно бы также признакъ *деревенѣніе* назвать »дѣйствіемъ«, для того чтобы *отличить* его отъ признаковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы ихъ *не* »представляемъ« возникающими и исчезающими въ пространствѣ *времени* (сравни *зеленѣетъ* и *зеленый*). И въ словахъ *есть* — *существуетъ* можно назвать кроющееся въ *первой* ихъ части *а* (разумѣй *а* нашей симасіологической *схеми той ῥήματος*) »дѣйствіемъ«; ибо хотя »существованіе« есть нѣкое *состояніе*, но состояніе можно »представлять« *среднюю* того, что съ одного конца начинается. а съ другого — *исчезаетъ* въ пространствѣ *времени*.

Причемъ же тутъ »психо-логическое отношеніе« симасіологии *той ῥήματος*, которое мы собирались окончательно разъяснить, и разъясненіе котораго намъ помѣшало перейти къ разбору наклоненій? Пока — ни причемъ: пока мы разъясняли членъ *а* нашей симасіологической *схемы а—б*.

Нѣмецкіе ученые назвали *ῥήμα* »Zeitwort«. Это — названіе весьма удачное, но слѣдуетъ ли тутъ разумѣть тѣ *моменты* развитія и исчезновенія «дѣйствія», о которыхъ мы говорили какъ объ *общемъ* свойствѣ всего того, что въ нашей симасіологической *схемѣ той ῥήματος* отмѣчено черезъ *а*, и благодаря чему мы это *а* и назвали »дѣйствіемъ«, слѣдуя въ данномъ случаѣ Александрійцамъ, толковавшимъ здѣсь о *πρόμα*? Нѣтъ. То время, которое выражено въ »Zeitwort'ѣ«, въ *настоящемъ* Zeitwort'ѣ (не въ неопредѣленномъ наклоненіи и не въ причастіи или въ дѣепричастіи, а въ *ῥήμα*),

*) Намъ скажутъ, что и *деревенѣніе* есть движеніе, происходящее въ пространствѣ *мѣста*. Но такое движеніе усматриваютъ въ немъ только *физико-философы*; *созидавшіе* же языкъ люди были не *физики* - философы: это были наблюдатели *простые*, а для тѣхъ *деревенѣніе* было движеніемъ *только* въ пространствѣ *времени*.

есть *прежде всего* элементъ той же психо-логической стороны симасіологіи τῆς ἤματις. Ρῆμα съ психо-логической стороны обозначаетъ сужденіе, съ разными оттѣнками его модальности или квалитативности. Но, когда я сужу, — я долженъ относить сужденіе и ко времени. Не потому я это долженъ дѣлать, что я въ сужденіи говорю, напр., о *постройкѣ дома*, которая сама совершается въ пространствѣ времени, а просто и *прежде всего* потому, что я *сужу*, что я *произношу* сужденіе вообще. При этомъ, если это сужденіе «желательное», напр. *повелѣніе*, то, хотя я его и произношу въ «настоящее время», однако въ *известномъ* смыслѣ оно относится къ *будущему* времени (мое желаніе *имѣетъ* только еще *исполниться*). Если я въ моемъ «сужденіи» заявляю о *фактѣ*, то, хотя я и заявляю о немъ «въ настоящее время», но *самый* фактъ относится къ *прошедшему* времени; къ настоящему времени онъ можетъ относиться въ *крайнемъ* случаѣ лишь постольку, поскольку это настоящее для меня уже *раскрыто*, т. е. поскольку это настоящее есть собственно *прошедшее*. Если мое сужденіе *чисто* силлогистическое, то въ смыслѣ времени *опять* выступаетъ нѣчто *новое*: словомъ, — время есть не только въ *общемъ* смыслѣ элементъ психо-логической стороны симасіологіи τῆς ἤματις, но является чѣмъ то *тѣсно* связаннымъ съ *квалитативностью* сужденія. Вотъ почему мы отказывались разбирать симасіологію «наклоненія» *отдѣльно* отъ *другой* категоріи формальныхъ измѣненій τῆς ἤματις; этою *другою* категоріею оказывается время.*) Конечно, относя свое сужденіе, напр. къ *прошедшему* времени, я могу въ этомъ *прошедшемъ* времени обозначить и *моментъ* *развитія* «дѣйствія» въ тотъ промежутокъ времени, къ кото-

*) Греческія времена до сихъ поръ основательнѣе всѣхъ разобралъ Mutzbauer (Temprusl.), и мы съ нимъ въ пониманіи ихъ почти что сходимся. Къ сожалѣнію, и онъ, хотя не только подозреваетъ связь временъ съ наклоненіями, но прямо о ней заявляетъ (въ чемъ эта связь, — онъ не разъясняетъ), тѣмъ не менѣе поставилъ себѣ задачу о временахъ *особнякомъ* (наклоненія онъ общаетъ разобрать въ слѣдующемъ томѣ своего труда) и черезъ то вносить напрасное затрудненіе въ дѣло.

рому я отношу сужденіе.*) Я могу сказать: »тогда строили домъ«, т. е. »въ то время«, къ которому я отношу сужденіе, дѣйствіе находилось не въ *зачаточной* стадіи, не въ стадіи *состоянія*, не въ стадіи *разрушенія*, а на *пути* своего развитія.

Переходить ли теперь къ симасіологіи »наклоненій» и, стало быть, въ связи съ нею и къ симасіологіи »временъ«, или еще что нибудь мѣшаетъ? Членъ *б* нашей симасіологической схемы раскрытъ нами достаточно въ самомъ началѣ настоящаго отдѣла; выясненіемъ того, что членъ *б* означаетъ »лицо«, которое иногда нуждается въ »ближайшемъ опредѣленіи« черезъ добавочныя слова (напр., — *ἀνὴρ* и *ἐπιστολή*), и того, что онъ иногда сводится къ нулю, — сказано о немъ все. Нельзя этого утверждать о членѣ *а*. Тѣмъ, что *а* опредѣлилось какъ означеніе »дѣйствія« въ разныхъ стадіяхъ его развитія, оно *не раскрыто* еще *сполна*. А между тѣмъ хотѣлось бы окончательно выяснитъ и его, прежде чѣмъ приступимъ къ подробному изслѣдованію того знака —>, который нами поставленъ между нимъ и членомъ *б*.

Извѣстно, что обозначенное буквою *а* »дѣйствіе« вызываетъ такъ называемыя »залоговыя« измѣненія риматическихъ формъ. До настоящаго времени вопросъ о залогахъ нельзя не назвать крайне *запутаннымъ* въ нашихъ грамматикахъ. Ученые усердно занимаются разслѣдованіемъ того, какая изъ существующихъ залоговыхъ формъ въ греческомъ языкѣ древнѣе, какая новѣе, но это или мало относится,

*) О различіи временъ *сужденія* и временныхъ отбѣнковъ *дѣйствія* (да, въ *этомъ* заключается все различіе) первый заговорилъ, какъ извѣстно, Curtius. Ему всѣ и приписываютъ заслугу *установленія* различія въ *temporal'*ныхъ измѣненіяхъ *обще-глагольныхъ* формъ (т. е. *τοῦ ἔμφατος* *ἐμψύχου* съ неопр. накл. и прич.), придерживаясь, въ общемъ, и его *толкованія* этого различія. Curtius толкуетъ это различіе такъ (Erl. 172): Der Unterschied zwischen Gegenwart, Vergangenheit und Zukunft beruht nur auf dem Verhältniss der Handlung (?) zu dem Sprechenden. Ich nenne diesen Unterschied den der *Zeitstufe*. . . . Offenbar muss nun aber die Differenz zwischen *γενέσθαι*, *γίνεσθαι*, *γεγονέναι* durch ein Wort bezeichnet werden, das sofort andeutet, dass es sich hier um eine *innerhalb* der Handlung selbst liegende Differenz, nicht bloss um das Verhältniss zu etwas *ausser* ihr liegenden handelt. In diesem Sinne wählte ich das Wort *Zeitart*.

или совсѣмъ не относится къ »симасіологiи залоговъ«. Больше всего тутъ успѣла раскрыть русская школа. Хотя русская школа не столько обращаетъ вниманіе на залоговыя формы, сколько скорѣе на внутреннія залоговыя различія, но послѣдняя она, признавая шесть залоговъ, разработала довольно правильно и тѣмъ облегчаетъ наше симасіологическое изслѣдованіе. Наша симасіологическая задача заключается въ данномъ случаѣ въ рѣшеніи вопроса, сколько вообще мыслимо внутреннихъ залоговыхъ различій, и насколько удовлетворяетъ этимъ мыслимымъ различіямъ языкъ своими грамматическими формами.

Что такое залогъ? Само слово *залогъ* есть, повидимому, довольно неточный переводъ греческаго термина *διάθεσις*. У грековъ, очевидно, этотъ терминъ выросъ на почвѣ вопроса, какъ отзывается, — какъ »располагается« (*διατίθεται*) такое или иное «дѣйствіе» на тѣхъ »лицахъ«, которыя отмѣчаются *окончаніями τῶν ἑπιπέτων*. Греки очень много толковали о *διάθεσις παθητικῆς*, о *διάθεσις διαβιβαστικῆς*, словомъ, — о томъ, что мы, съ нашей точки зрѣнія, опредѣлили бы какъ *ἐνέργειαν*, которая проявляется —, а въ другихъ случаяхъ — какъ *πάθος*, которое совершается въ душѣ отмѣченнаго въ риматическомъ окончаніи »лица«, въ случаѣ отнесенія къ нему такого или иного дѣйствія. Отъ чего зависитъ *ἐνέργεια* или *πάθος* души въ этихъ случаяхъ? Отъ »качества« — отвѣтимъ мы — самого дѣйствія. О качествахъ дѣйствій приходится разсуждать слѣдующимъ образомъ.

Есть дѣйствія, которыя мы »представляемъ« начинающимися, развивающимися и кончающимися, вообще — *движущимися* въ пространствѣ времени и *совершающимися* на »лицахъ« *помимо чьей бы то ни было воли*. Такими можно »представлять« дѣйствія, напр., *ἀσθενέω* (недомогаю) и др. (въ числѣ ихъ и *εἶμι*).

Другія дѣйствія предполагаютъ непременно »двигателя«, т. е. чью нибудь волю, которая привела бы ихъ въ движеніе во временномъ пространствѣ. Такими »представляемъ« дѣйствія *τρέχω*, *περιπατέω* и т. п. Двигателемъ является при

нихъ само то »лицо«, которому они присуждаются, такъ что не они »совершаются« на »лицахъ«, какъ то было въ первомъ разрядѣ дѣйствій, а сами »лица« ихъ »совершаютъ«.

Третьи предполагаютъ не только двигателя, но еще и предметъ, иногда даже не *одинъ* (ср. *δίδωμι τῷ ἐταίρῳ τὸ ἀργύριον*), на который переводится двинутое имъ, этимъ двигателемъ, дѣйствіе. Кто въ этихъ случаяхъ бываетъ отмѣченъ, какъ »лицо«, въ риматическомъ окончаніи, т. е. бываетъ ли отмѣченъ какъ »лицо« самъ двигатель, или тотъ предметъ, на который переводится дѣйствіе, это — дѣло грамматической *формы τοῦ ῥήματος* и . . . приставляемыхъ къ риматической формѣ такъ называемыхъ »падежей«. Пока мы будемъ говорить о тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ риматическомъ окончаніи отмѣчается самъ *двигатель*. Предметъ, на который переводится дѣйствіе, отмѣчается тогда то *accusativ'омъ*, то *другимъ* какимъ нибудь »падежемъ«. Когда будемъ разбирать »падежи«, то станетъ яснымъ, почему *accusativ'омъ* »дополненія« *τοῦ ῥήματος* должны быть выдвинуты *особо* въ противоположность *другимъ* падежнымъ его дополненіямъ. Пока ограничимся — общеизвѣстнымъ, впрочемъ, — замѣчаніемъ, что на этой противоположности зиждется различіе между такъ называемыми »прямымъ« и »косвеннымъ« переводами дѣйствій.

Какъ на особенность въ дѣйствіяхъ третьяго разряда можно указать, въ четвертыхъ, на тѣ случаи, когда двигатель или »дѣятель« переводить дѣйствіе на самого себя (*λόβομαι*). Такъ какъ двигатель и предметъ, на который переводится дѣйствіе, въ данномъ разрядѣ дѣйствій *совпадаютъ*, то не можетъ быть рѣчи здѣсь о такихъ дополненіяхъ *τοῦ ῥήματος*, о какихъ мы говорили въ предшествующемъ пунктѣ, развѣ что дѣятель *кромя* себя переводить дѣйствіе *еще* на какой нибудь предметъ; ибо сказано выше, что предметъ, на который переводится дѣйствіе, бываетъ иногда *не одинъ* (подробности ниже).

Въ пятыхъ, наконецъ, слѣдуетъ привести тѣ дѣйствія, которыя предполагаютъ *двухъ* дѣятелей или *двѣ стороны*

дѣятелей, совершающихъ дѣйствіе другъ *надъ* другомъ. Та-кими можно представлять дѣйствія *μάχομαι*, *διαλέγομαι* и т. п. Въ риматическомъ окончаніи могутъ быть отмѣчены *объ* стороны дѣятелей (*διαλεγομένης* = мы бесѣдуемъ *другъ съ другомъ*, или только *одна*, а тогда *ῥήμα* нуждается опять въ дополненіи (*μάχομαι οὐτῷ* или *μαχόμεθα αὐτοῖς* = я *воюю съ нимъ* или *мы воюемъ съ ними*).

Такимъ образомъ, по *качеству* дѣйствія распадаются на *пять* разрядовъ: на *самодвижушіяся*, на *непереводно-движимыя*, на *переводно-движимыя*, на *возвратно-движимыя* (короче, — «возвратныя») и на *взаимно-движимыя* (= «вза-цмныя»). Что касается *грамматическихъ* залоговыхъ формъ *τοῦ ῥήματος*, то языкъ ихъ выработалъ три: *activum*,—во *всѣхъ* наклоненіяхъ съ ихъ временами; *medium*,—во *всѣхъ* наклоненіяхъ съ ихъ временами, и *passivum*,—въ наклоненіяхъ *aoristi* и *futuri simplicis* (въ *futurum simplex*, впрочемъ, не во *всѣхъ* *ῥήματα*; списокъ такихъ *ῥήματα* смотри Kühner Ausf. Gramm. II. 100—102).

Mediaľныя грамматическія формы служатъ для выраженія «взаимныхъ» и «возвратныхъ» дѣйствій. Въ русскомъ языкѣ для дѣйствій, *представляющихся* возвратными или взаимными, имѣются формы: *борюсь*, *сражаюсь*, *дѣлаюсь* (такимъ-то), *моюсь* и т. п. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ «возвратныхъ» дѣйствіяхъ часто приходится имѣть дѣло не съ «прямымъ» переводомъ, — не съ «прямымъ» *возвращеніемъ* дѣйствія къ самому дѣятелю («прямое» возвращеніе мы видимъ въ словахъ: *дѣлаюсь* = дѣлаю себя, *моюсь* = мою себя, *поворачиваюсь* = поворачиваю себя; то же и въ греческихъ словахъ: *γυνομαι*, *λοβομαι*, *τρέπομαι*), а съ «косвеннымъ» переводомъ, — съ «косвеннымъ» возвращеніемъ къ дѣятелю, а именно *dativ'нымъ* (такъ иногда и по русски: *сравни* «стучится въ дверь = стучить себѣ, для себя; просится = просить себѣ, для себя, молится = молить себѣ, для себя). Грекъ *очень* любитъ вносить въ представленіе, а затѣмъ и въ рѣчь это *dativ'ное* возвращеніе дѣйствія къ дѣятелю (*ποιεῖται* = онъ *дѣлаетъ* — подразумѣвая «себѣ», *ἀπέθετο* = онъ *от-ложилъ себѣ*), и это, понятно, не мѣшаетъ ему поставить

рядомъ *другой* предметъ, на который онъ *также* переводить дѣйствіе, *помимо* перевода или возвращенія его къ *дѣятелю* (ἀπέθετο ἑαυτῶν). Особый отгѣнокъ dativ'наго возвратнаго представляетъ собою такъ называемое »динамическое«
возвратное, гдѣ центръ тяжести *именно* въ dativ'ѣ, и гдѣ дѣятель является таковымъ лишь настолько, насколько онъ даетъ толчокъ къ дѣйствию, исполняемому однако *другимъ* (ἐδίδαχето — онъ не самъ обучалъ, а далъ *себѣ* обучать — наприимѣръ, сына — *другому* лицу. Сравни русское: »шилъ себѣ платье«). Есть кромѣ того, такъ сказать, genitiv'ныя возвратныя (παρέσχετο πολλά — онъ доставилъ *отъ себя* — своего много; ἀπεφῆνατο γνώμην — онъ высказалъ *отъ себя* — свое мнѣніе и т. д.). Accusativ'ныя возвратныя, сравительно съ dativ'ными и genitiv'ными, въ греческомъ языкѣ довольно рѣдки, и замѣчательно то, что въ нихъ даже accusativ рельефно не чувствуется; тамъ, гдѣ accusativ *рельефно* чувствуется, грекъ даже не ставитъ medium, а ставитъ *activ* и возвратное мѣстоименіе (такъ и по русски; сопоставъ выраженія »поворачивается«, — »моется« и т. д. съ выраженіями »наказываетъ себя«, — »освобождаетъ себя« — *τρέπεται, λούεται, ζῆμιόι ἑαυτόν, ἐλευθεροῖ ἑαυτόν*.*)

Medial'ной формѣ, какъ выразительницѣ »*взаимныхъ*«
дѣйствій, противопоставлять нечего, такъ какъ *сами* взаимныя дѣйствія только и могутъ быть *взаимными* и ничѣмъ другимъ. Совершенно иначе приходится говорить о medial'ной формѣ, какъ выразительницѣ »*возвратныхъ*«
дѣйствій, — иначе уже по одному тому, что въ *представленіи* нашемъ самый *возвратъ* дѣйствія къ дѣятелю можетъ исчезнуть, а тогда и въ рѣчи, вмѣсто medial'ной формы, появляется *activ*'ная. Уничтожая въ нашемъ представленіи »*косвенный*«
возвратъ, мы его ничѣмъ другимъ замѣнить не можемъ, такъ какъ приходится только или *сознавать*, или *несознавать* то внесеніе личнаго интереса дѣятеля въ дѣйствіе, которое

*) Это все да будетъ сказано въ разъясненіе тѣхъ »подробностей«, на которыя мы намекали, когда были заняты *опредѣленіемъ* »четвертаго разряда дѣйствій.

въ концѣ концовъ только и выражено въ »косвенномъ« возвратѣ (*παρέχομαι αὐτῷ πολλά* = я доставляю ему *изъ своего* много; *παρέσχον αὐτῷ πολλά πράγματα* = я ему надѣлалъ много хлопотъ; *ἄρχομαι* = я начинаю *для себя, чтобы потомъ продолжать*; *ἄρχω* = я *первый* что-нибудь дѣлаю, а *продолжаетъ потомъ другой*; *ἀποφαίνομαι γνώμην* = я объявляю свое мнѣнiе; *ἀποφαίνομαι τι* = я объявляю что-нибудь и т. д.). Что же касается *accusativ'наго* возврата, то онъ не только можетъ исчезнуть въ нашемъ представленiи, но можетъ быть замѣненъ переводомъ (конечно, »прямымъ« переводомъ) дѣйствія на какое-нибудь *другое* лицо въ *противоположность* дѣятелю (*λοῦομαι* = моюсь, *λοῦω τινά* = мою кого). Уничтожая *вполнѣ* *accusativ'ный* возвратъ и *не замѣняя* его переводомъ дѣйствія на *другое* лицо, мы очень часто ничего особеннаго не *выгадываемъ* въ *общемъ* значенiи *τῆς ῥήματος*. Это особенно замѣтно въ тѣхъ *ῥήματα*, которыя обозначаютъ »движенiе или останавливанiе движенiя въ мѣстномъ пространствѣ« (также и въ русскомъ языкѣ нѣтъ особенной разницы между »поворачивайся« и »поворачивай«); мы тутъ *просто* заинтересованы тѣмъ, совершаетъ ли дѣятель, или не совершаетъ такое-то движенiе; а о томъ, что онъ совершаетъ его *надъ собою* (благо и въ *medial'ной* формѣ *accusativ'ный* возвратъ чувствуется не особенно рельефно), мы вовсе не думаемъ (все равно, сказать ли »*παύου*«, или »*παύε*« = »перестань« или »оставь«; сравни »*ἔχε*« = придержи« и »погоди«). Особенно въ *composit'ахъ*, гдѣ главный интересъ сосредоточенъ на томъ, *въ какую сторону* (она, эта сторона, и показана первою частью *composit'a*) совершается (= познавательное сужденiе) или желательно, чтобы совершалось (= желательное сужденiе) движенiе въ мѣстномъ пространствѣ, *activ'ныя* формы могутъ *вполнѣ* выразить то, что выражаютъ формы *medial'ныя* (*εἰσέβαλε εἰς τὴν πόλιν*; въ *чешскомъ*, напимѣръ, нарѣчии говорятъ не »вторгнулся въ городъ«, а »вторгъ въ городъ«). Что *activ'ныя* формы, противопоставляемыя *accusativ'но-возвратнымъ* и не *выгадывающія* отъ этого ничего въ своемъ значенiи, приближаются къ *второму*, по качеству дѣйствій, разряду, именно къ »не-

переводнодвижимымъ», выражаемымъ *также* активными формами, это, кажется, не требует особаго разъясненія.

Passiv'ныя формы »ἐπιθήθη«, »ἀπαρνήθησεται» и т. п. возможны лишь въ »переводно-движимыхъ« дѣйствіяхъ и называютъ въ своихъ окончаніяхъ на то лицо, на которое переведено (и притомъ переведено не »косвеннымъ,« а, говоря вообще, »прямымъ переводомъ«) двинутое дѣятелемъ дѣйствіе. Какъ уже сказано, особыя passiv'ныя формы языка выработалъ только въ aorist'ѣ да еще, хотя не вездѣ, въ futurum simplex. Во всѣхъ остальныхъ временахъ и наклоненіяхъ таблица passiv'ныхъ формъ пополняется medial'ными формами. Medial'ныя формы могли сыграть роль passiv'ныхъ въ греческомъ языкѣ на такомъ же основаніи, на какомъ и въ русскомъ языкѣ роль passiv'ныхъ сыграли формы »продаются« (книги), »замѣчается« (такое-то обстоятельство) и т. д. Въ сущности, это — тѣ же «accusativ'но-возвратныя» формы, но только съ нѣкоторымъ, тоже своего рода динамическимъ «оттѣнкомъ» (книги не сами себя продаютъ, а продаетъ ихъ *другой*, — книгопродавецъ*).

Passiv'нымъ формамъ опять таки противопоставляются прежде всего активныя, но кромѣ того есть основаніе противопоставлять имъ и medial'ныя формы съ genitiv'но-возвратнымъ и dativ'но-возвратнымъ или, выражаясь однимъ терминомъ, »косвенно-возвратнымъ« оттѣнкомъ. Противопоставляя форму ἡδίκηθη формѣ ἡδίκησα, или форму ἀπεδείχθη (ταῦτα) формѣ ἀποδείξομαι δύναμις, мы скажемъ, что въ то время, какъ въ окончаніяхъ формъ ἡδίκηθη и ἀπεδείχθη отиѣчено лицо, надъ которымъ совершается дѣйствіе (= на которое переведено дѣйствіе; не забудемъ здѣсь именно о »прямомъ«

*) Немного иначе Delbrück Synt. Forsch. IV. 75: Seit alter Zeit haben die Medialformen auch passiven Sinn gehabt, der in dieselben, wie es scheint, auf zwei Wegen einziehen konnte, einmal durch die neutrale und sodann durch die reflexive Bedeutung hindurch. Что значить neutrale Bedeutung? Мы часто слышимъ о »среднемъ« залогѣ. Принятіе »средняго« залога отразилось и на терминѣ *medium*, какъ, обозначеніи *грамматической* залоговой формы. Нужно сказать, что грамматика, примирившаяся съ »среднимъ« залогомъ, прежде всего, *этимъ* закрыла себѣ путь къ *подробному* разбору залоговыхъ оттѣнковъ.

переводѣ), въ окончаніяхъ формъ ἤδικησα и ἀποδείξομαι и т. п. отгѣчено лицо, которое совершаетъ дѣйствіе. При произнесеніи medial'ной съ косвенно-возвратнымъ отгѣнкомъ или activ'ной формъ, противопоставляемыхъ здѣсь passiv'ной формъ, мы или *чувствуемъ* потребность указать и на то лицо, которое было отгѣчено въ passiv'ной формѣ (= на то лицо, на которое переводится дѣйствіе), или же, какъ на примѣръ иногда въ ἤδικησα (= я совершилъ безправіе), мы этой потребности *не чувствуемъ*; если ея не чувствуемъ, то эти medial'ныя съ косвенно-возвратнымъ отгѣнкомъ и activ'ныя формы опять таки приближаются ко второму, по качеству дѣйствій, разряду, именно къ непереводно-движимымъ. Точно такъ же мы и при произнесеніи passiv'ныхъ формъ ἤδικήθη, ἀπεδείχθη и т. п. либо *чувствуемъ* потребность указать и на то лицо, которое совершаетъ дѣйствіе (указываемъ мы на него или dativ'омъ, — *υἱούραται αὐτῷ* — или »предлоговымъ« оборотомъ *ὑπὸ τινος, ἔκ τινος, πρὸς τινος*), либо мы этой потребности *не чувствуемъ*; если ея не чувствуемъ, то passiv'ныя формы приближаются по своему значенію къ первому, по качеству дѣйствій, разряду, выражаемому черезъ activ'ныя формы, именно къ »самодвижущимся«. Приближеніе activ'овъ *перваго* разряда дѣйствій къ passiv'амъ *третьяго* разряда дѣйствій ведетъ, съ другой стороны, и къ тому, что у самого activ'a получается способность присоединять къ себѣ предлоговые обороты (*θνήσκω ὑπὸ τινος, ἐκλίπτω ὑπὸ τινος*), и представленіе о »самодвижущихся« дѣйствіяхъ легко переходитъ, не вызывая перемѣны въ грамматической формѣ *τοῦ ὀνόματος*, къ представленію о дѣйствіяхъ »движимыхъ«.

Изъ разсужденій, приведенныхъ въ настоящей статьѣ о залогахъ, явствуетъ, что отношеніе одного качества дѣйствій къ другому, отношеніе одной залоговой формы къ другой, а также отношеніе качествъ дѣйствій къ залоговымъ формамъ, — все это главнымъ образомъ опредѣляется то *отсутствіемъ* »прямого« перевода дѣйствія отъ дѣателя къ другому лицу, то его *наличностію*, то, наконецъ, *взаимностію* прямого перевода дѣйствія между двумя дѣате-

лями. Тамъ, гдѣ такой прямой переводъ на лицо, мы будемъ говорить о transitiu'ныхъ дѣйствіяхъ и о transitiu'ныхъ *ῥήματα*, вообще — о *transitiu'αα*; для случаевъ, гдѣ его нѣтъ, пусть будетъ имѣть мѣсто терминъ *intransitiua*, а для третьей категоріи въ нашей терминологіи пусть служить терминъ *reciproca*. Къ *reciproc'амъ* относится весь вышеупомянутый *πνυτῆ* разрядъ дѣйствій и выражающія его *media*. Intransitiu'ами *должны* быть: 1. »самодвижушіяся» дѣйствія и выражающіе ихъ *actiу'ы* (послѣдніе — или безъ прибавки, или съ прибавкою »предлогаго« оборота *ὑπό τινος*); 2. »непереводно-движимыя« дѣйствія и выражающіе ихъ *actiу'ы*; 3. *passiу'ы* и дополняющія ихъ *media* тѣхъ *ῥημάτων*, которыя обозначаютъ »переводно-движимыя« дѣйствія; 4. *accusatiу'но-возвратныя* дѣйствія и выражающія ихъ *media*. Transitiu'ами *могутъ* быть: 1. *actiу'ы* обозначающихъ »переводно-движимыя« дѣйствія *ῥημάτων* (они могутъ быть и *intransitiu'ами*, какъ то выше объяснено на *ἀδικέω*); 2. »косвенно-возвратныя« дѣйствія и выражающія ихъ *media* (они могутъ быть и *intransitiu'ами*; сравни *datiу'но-возвратное* *θηράται* = онъ занимается охотою = охотится). Изъ всякаго *intransitiu'a* можно сдѣлать *transitiuum*, изъ всякаго *transitiu'a* можно сдѣлать *bitransitiuum* (двойнѣ *transitiu'ное*) и всякое *reciprocum* можно сдѣлать *reciprocе-transitiu'нымъ* 1. — черезъ *любимое* греками (даже въ обыкновенномъ, не высокаго стиля, языкѣ) внесеніе въ текстъ *внутренняго* объекта, т. е. того объекта, который представляетъ собою не *внѣшний* предметъ, существующій *самъ по себѣ*, помимо перехода на него дѣйствія (такимъ »внѣшнимъ« предметомъ будетъ, напримѣръ, »ὁ ἀνὴρ« въ выраженіи »ἀδικέω τὸν ἄνδρα«), а нѣчто такое, что составляетъ только лишь *продуктъ* дѣйствія и возникаетъ, а иногда и исчезаетъ вмѣстѣ съ возникновеніемъ и исчезновеніемъ дѣйствія (*ζῆ καλὸν βίον, ἀδικεῖ σε μεγάλην ἀδικίαν, λάβας ἐλωβήθη, μαχόμεθα μάχην*; сравни русское »горевать горе«); 2. — черезъ внесеніе въ мысль *factitiу'ности* (я бѣгу — я *заставляю* бѣжать; я узналъ что-нибудь — я *заставилъ* узнать что-нибудь и т. д.). Въ греческомъ

языкъ *обыкновенно* factitiv'ность *не ведетъ* къ какимъ-нибудь особеннымъ грамматическимъ формамъ: *обыкновенно* внесение ея въ мысль вызываетъ появленіе въ языкѣ словъ ποιέω или τίθημι (ποιέω αὐτὸν πράττειν и т. п.) Но есть цѣлый рядъ (σημάτων, выработавшихъ въ perfectum, plusquamperfectum и aorist'ѣ такъ называемыя сильную и слабую этимологическія формы. Тогда *слабыя* формы отличаются отъ *сильныхъ* factitiv'ностью своего значенія (ἔδην = я погрузился, ἔδωσα = я заставилъ погрузиться; ἔγνων = я позналъ, новоіоническое ἀνέγνωσα = я заставилъ познать, я убѣдилъ; ἀνεβίωην = я ожилъ, ἀνεβίωσα = я заставилъ его ожить, я привелъ его въ себя, я привелъ его въ сознание; ἐτραπόμην = я обратился, ἐτραπέμισην = я заставилъ обратиться, я обратилъ въ бѣгство; ἐγενόμην = я сдѣлался такимъ-то, я произошелъ, ἐγενεάτο με μήτηρ = родила меня мать и т. д.).

Всякая medial'ная и всякая passiv'ная форма, — за исключеніемъ medial'ныхъ формъ, обозначающихъ *взаимное* дѣйствіе, — должна бы имѣть въ языкѣ соотвѣтствующую activ'ную форму. Къ такому заключенію ведетъ все, сказанное выше о залоговыхъ формахъ и ихъ значеніи. Что *обратное* заключеніе (именно — чтобы всякой activ'ной формѣ соотвѣтствовала medial'ная и passiv'ная) *не имѣетъ* мѣста, — это также ясно изъ предыдущаго. На *практикѣ* не замѣчается, чтобы *всякому* medium и passivum соотвѣтствовало и activum, и въ языкѣ выступаютъ такъ называемыя deponentia. Я отношу эту непослѣдовательность только къ *практикѣ* языка; это не значить, что ее слѣдуетъ относить и къ *сознанію употреблявшаго* языкъ, по крайней мѣрѣ, не къ *сознанію первоначальному* (съ развитіемъ языка мало ли гдѣ утратилось первоначальное сознаніе значенія и формъ и словъ, и цѣлыхъ оборотовъ). Надо полагать, что deponentia первоначально такъ и чувствовались съ тѣмъ значеніемъ, какое имъ принадлежитъ, какъ medi'амъ (если это — medial'ныя deponentia), или какъ passiv'амъ (если это — passiv'ныя deponentia). Русское «онъ мается» чувствуется до сихъ поръ какъ accusativ'но-возвратное, хотя «маять кого-нибудь» не говорятъ,

развѣ въ *compositum* »замаять лошадь«. Разница между *passiv*'ными и *medial*'ными *deponenti*'ами, въ сущности, небольшая, уже по одному тому, что во многихъ временахъ и наклоненіяхъ *medial*'ныя формы вполнѣ замѣнили собою *passiv*'ныя. Отсюда такое колебаніе въ *aorist*'ахъ между *medial*'ными и *passiv*'ными *deponenti*'ами. Замѣчательно, что въ *ῥήματα*, обозначающихъ чувство, преобладаетъ *passiv*'ное *deponens*; очевидно, что здѣсь рѣзко выдѣлялся въ сознаниі образовавшаго форму тотъ *динамическій* оттѣнокъ (чувство возникаетъ во мнѣ *помимо* моей воли), который *passiv*'ной формѣ естественно присущъ, и который въ *medial*'ныя формы еще только нужно *особо вносить*, для того чтобы онѣ сдѣлались способными сыграть роль *passiv*'ныхъ («я обрадовался» будетъ »ἠσθησα, я испугался — ἐφοβήθην и т. д.; сюда же относится и ἠβουλήθην = во мнѣ возникло рѣшеніе, φήθην = пришла мнѣ въ голову мысль и т. д.).

Послѣ этихъ замѣтокъ о залогѣ мы перейдемъ, наконецъ, къ обѣщанному разбору *наклоненій*, но непремѣнно въ связи съ разборомъ *временъ*, помня, что наклоненія и времена служатъ прежде всего для удовлетворенія *психологической* стороны *симасіологіи τοῦ ῥήματος* (стало быть, того → , которое значитъ въ нашей схемѣ *a* → *б*), но что формальныя измѣненія *τοῦ ῥήματος*, относящіяся къ »времени«, хотя и *должны* обозначать прежде всего время, къ которому судящій относитъ свое сужденіе, однако могутъ захватывать и разные оттѣнки развитія »*дѣйствія*« т. е. члена *a* нашей *симасіологической* схемы.

О наклоненіи *вообще* опредѣленіе всѣхъ до настоящаго времени высказался, сколько намъ извѣстно, Н. D. Müller, *Indog. Sprachb.* Вопросу о наклоненіи онъ посвятилъ въ своемъ сочиненіи первую главу, озаглавивъ ее »zur Syntax der griechischen Modi, ein Fragment« (*Indog. Sprachb.* 1—27). Къ сожалѣнію, онъ не связалъ *симасіологіи наклоненій* съ *симасіологіею временъ*, какъ Mutzbauer, въ свою очередь, разбирая *симасіологію временъ*, не связалъ ее съ *симасіологіею наклоненій* (см. выше стр. 99). Вотъ его положенія:

Derjenige Modus, der in allen indogermanischen Sprachen nach Form und Bedeutung die grösste Übereinstimmung zeigt, ist der Modus der assertorischen Behauptung... Nicht alle Formen, welche man unter den Namen Indicativus zu begreifen pflegt, dürfen ohne Weiteres auch *begrifflich* darunter subsumirt werden. So wird man anerkennen müssen, dass das griechische Futurum nur bis zu einem gewissen Grade unter diese Kategorie gehört. Ferner haben in der griechischen Sprache das Imperfectum und Aoristus Indic. im hypothetischen Satzgefüge und in einer gewissen Art von Wunschsätzen ihre indicativische Natur ganz verloren (срп. 2.)

Eine für jede leidlich ausgebildete Sprache nothwendige und darum auch in den indogermanischen Sprachen schon sehr früh ausgeprägte modale Kategorie ist sodann diejenige, welche zum Ausdruck des Wollens dient, — Modus voluntatis. Was wir so benennen, fällt nicht zusammen mit dem Imperativus, obwohl dieser vorzugsweise und fast ausschließlich zum Ausdruck des Willens dient (срп. 3).

Eine ebenfalls für jede gebildete Sprache unentbehrliche und in den indogermanischen Sprachen, wenn auch auf sehr verschiedene Weise, zum Ausdruck gekommene modale Kategorie, die hypothetische Behauptung oder Fallsetzung, bezeichnen wir als Modus fictivus. Man könnte dafür auch die Bezeichnung Conditionalis wählen, wenn diese nicht in den meisten Sprachen an *bestimmte* Formen der hypothetischen Behauptung geknüpft wäre, im Griechischen an Imperfectum und Aoristus Indic. im hypothetischen Satzgefüge, *)... es ist aber auf *diese* Formen der Begriff des Modus fictivus keineswegs zu beschränken (срп. 3).

Endlich bleibt noch eine modale Kategorie übrig, welche genau zu bezeichnen um deswillen so schwer wird, weil der sprachliche Ausdruck für dieselbe ausserordentlich schwankend und mannigfaltig ist. Begrifflich möchte dieselbe wohl am besten definirt werden als Modus der problematischen Behauptung. Da indessen die dafür in den Sprachen

*) Теперь, впрочемъ, любятъ употреблять для этихъ явленій не терминъ *condicionalis*, а терминъ *modus irrealis*.

zur Verwendung kommenden Ausdrücke in der Regel bezeichnen, dass die in diese Form gekleidete Aussage in die Wirklichkeit noch eintreten *könne* oder *gekonnt habe*, so wird dafür der Name *Modus potentialis* um so eher verwandt werden, da derselbe auch sonst schon, wenn auch nicht überall in *diesem* Sinne, unter die Zahl der grammatischen Termine aufgenommen ist (стр. 3).

Andere als diese vier Modalbegriffe wird man in den indogermanischen Sprachen nicht finden, wenn man sich vor dem Fehler zu hüten versteht, gewisse Nuancen modalen Ausdrucks, statt sie unter jene zu subsumiren, als selbstständige Hauptbegriffe hinzustellen (стр. 4).

Den vier gefundenen Modalbegriffen gegenüber stehen nun . . . in der griechischen Sprache vier Modalformen gegenüber . . . — der Indicativus als Modus der assertorischen Behauptung, der Imperativus als Modus voluntatis, der Optativus als Modus fictivus, der Coniunctivus als Modus potentialis. . . Das wird hinsichtlich des Indicativus und Imperativus kaum einem Widerspruche begegnen, die Ansichten dagegen, welche über ursprüngliche Bedeutung des Coniunctivus und Optativus bis jetzt herrschen, stellen sich mit jener Vermuthung in einen scharfen Widerspruch, aber wir hoffen, dass es uns gelingen werde, nicht nur aus der Analyse der Formen, sondern auch aus dem Sprachgebrauche die Richtigkeit derselben zu erweisen (стр. 5).

Въ основаніе всему этому Мюллеръ положилъ слѣдующій методъ: Man hat durch eine Vergleichung der verschiedenen indogermanischen Sprachen festzustellen, welche Modalbegriffe in *allen* zu einer mehr oder weniger schaffenden Ausprägung gekommen sind, diese dann als die dem schaffenden Sprachgeiste unbewusst vorschwebenden Ziele der sprachlichen Entwicklung festzuhalten und an ihnen die modalen Formen der Einzelsprache zu messen und in ihren Functionen näher zu bestimmen (стр. 1).

На разборъ теоріи Мюллера мы долго останавливаться не будемъ. Скажемъ только, что напрасно Мюллеръ принялъ какой то *modus fictivus* за »Hauptbegriff«, втиснувъ его

еще вдобавокъ *κλινομъ* между »modus der assertorischen Behauptung« и »modus potentialis«, которые, если ихъ ужъ различать, должны быть поставлены *рядомъ*, согласно той лѣстницѣ *квалитативности* сужденія, которую мы выставили на стр. 95. По этой лѣстницѣ только и *можно* устанавливать Hauptbegriffe, а такими являются *только* »познавательное« и »желательное« сужденія. По нимъ мы и будемъ »die modalen Formen der Einzelsprache (въ данномъ случаѣ *греческаго* языка) messen und in ihren Functionen näher bestimmen«. Быть можетъ, мы, принявъ только эти *два* Hauptbegriffe и связавъ ихъ съ симасіологіею времени, скорѣе, чѣмъ Мюллеръ, предотвратимъ необходимость заявлять, что »не всѣ формы, которыя обыкновенно подводятъ подъ названіе такого то склоненія, могутъ ohne Weiteres auch *begrifflich* darunter subsumirt werden«. Во всякомъ случаѣ странно, что языкъ (какъ это рисуешь Мюллеръ), выработавшій при наличности четырехъ »Hauptbegriffe« четыре *формы*, долженъ вдругъ для удовлетворенія этихъ Hauptbegriffe пере-скакивать отъ одной формы къ другой.

Присуждая лицу дѣйствіе, какъ личное свое *желаніе*, говорящій употребляетъ прежде всего Imperativ. Что касается вопроса о времени, то самое желаніе, конечно, относится къ моменту произнесенія его говорящимъ, иначе говоря, — къ моменту *рѣчи* (все равно, впервые ли оно возникаетъ въ этотъ моментъ у говорящаго, или же является въ данный моментъ *воспроизведеніемъ*, *прежней* его мысли), но на *фактическое* исполненіе желаемого говорящій рассчитываетъ не въ *самый* моментъ произнесенія желанія, а только лишь *послѣ* его произнесенія, стало быть, по отношенію къ *самому* моменту рѣчи, — въ *будущемъ* времени. Въ этомъ смыслѣ всякій Imperativ можно считать *будущимъ* *временемъ*.

Для этого *одного* времени Imperativ'a, которое мы называли *будущимъ*, языкъ располагаетъ *тремя* грамматическими формами: *ἐννοει*, *ἐννοήσων*, *λέφητε*. Въ виду такого или иного высшаго вида »основы«, заключающейся въ каждой изъ этихъ формъ, — стало быть, съ точки зрѣнія чисто *эти-*

мологической, — мы употребляемъ для различенія указанныхъ трехъ формъ *этимологическіе* же термины: Imperativus praesentis, Imperativus aoristi и Imperativus perfecti. Съ *симаσιологической* точки зрѣнія слѣдовало бы всѣ эти три формы называть *будущими* временами, а такъ какъ ихъ *три*, то каждая изъ нихъ должна служить выраженіемъ такого или иного *видового оттѣнка* *) этого будущаго времени. Какіе это видовые оттѣнки?

Черезъ употребленіе Imperativi praesentis говорящій выразительно указываетъ на *процессуальность* дѣйствія въ будущемъ, — на прохожденіе его черезъ *цѣлый рядъ моментовъ* его развитія (λέγε = говори). Употребляя Imperativus aoristi, говорящій никакой процессуальности въ дѣйствіи не видитъ. Видѣть ее не позволяетъ ему или особое *свойство* дѣйствія, которое онъ обозначаетъ Imperativ'омъ, или его личная *тенденція*. Говоря объ особомъ свойствѣ дѣйствія, мы имѣемъ въ виду его *одномоментность*, стало быть, — нѣчто совершенно *противоположное* тому ряду моментовъ, на который указываетъ черезъ Imperativus praesentis (βάλε = брось). Указывая на личную тенденцію говорящаго, мы имѣемъ въ виду тѣ случаи, когда говорящій, выражая свое желаніе черезъ Imperativ, думаетъ единственно о томъ, чтобы дѣйствіе »осуществилось«, видитъ ли онъ это осуществленіе въ томъ, что дѣйствіе дѣлается просто *фактомъ* (εὐξαι = помолись = моленіе да будетъ — affirmativus), или въ томъ, что дѣйствіе это доведено *до конца* (ποιήσον = сдѣлай -- finitivus), или, въ третьихъ, въ томъ, что дѣйствіе *вступило* въ дѣйствительность (προφάνηθι = появись — ingressivus). Что же касается, наконецъ, Imperativ'a perfecti, то употребляя его, говорящій относитъ свое желаніе даже не къ дѣйствію, а къ тому *состоянію* (непремѣнно *длительному*, ибо »состояніе« = εἶς, какъ такое, не можетъ быть »одномоментнымъ«), которое является *результатомъ* окончившагося *когда бы то ни было* (когда,

*) Подъ »видовыми оттѣнками« мы разумѣемъ тѣ разныя стадіи развитія *дѣйствія*, которыя грамматическая форма призахватываетъ къ обозначенію времени какъ принадлежности самого *сужденія* (см. выше стр. 97 и 100).

— до этого говорящему нѣтъ дѣла) дѣйствія (*πέφηνε* = будь явившимся = будь тутъ).

Большее сравнительно съ русскимъ языкомъ, въ данномъ случаѣ, стремленіе греческаго языка къ картинности повлияло на появленіе Imperativi praesentis, т. е. на выраженіе »процессуальности« дѣйствія тамъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ встрѣчается выраженіе простаго »осуществленія« дѣйствія. Такъ, мы иначе и не говоримъ, какъ »передай ему то-то«, между тѣмъ какъ въ греческомъ сплошь да рядомъ встрѣчаемъ »ἀλλάγγελλε τοίνυ αὐτῷ ὅτι . . .« (= ты съ нимъ такъ толкуй . . .)

Если представленіе »осуществленія дѣйствія« легко могло перейти въ представленіе »доведенія дѣла до конца« (= законченности дѣйствія — finitivus), и если оба эти представленія могли быть выражены *одною* грамматическою формою, именно Imperativ'омъ aoristi, то съ другой стороны, изъ представленія »процессуальности дѣйствія«, выражаемой черезъ Imperativ praesentis, особенно при *рѣзкомъ* его противопоставленіи представленію »законченности дѣйствія«, легко могло развиться представленіе »незаконченности дѣйствія«, — представленіе нѣкоторой лишь »попытки« (conatus), и послѣднее съ удобствомъ могло быть выражено черезъ тотъ же Imperativ praesentis. Итакъ, нужна была лишь надлежащая дифференцировка формъ, напримѣръ формъ *πέισον* и *πεῖθε*, чтобы, влагая въ первую смыслъ »убѣди« (его), вложить въ послѣднюю смыслъ »возьмись увѣщевать (его)«.

Совершенно аналогично русскому языку, въ греческомъ языкѣ отрицаніе (въ данномъ случаѣ отрицаніе *μή*, а не *οὐ*) влияетъ на появленіе Imperativi praesentis предпочтительно передъ Imperativ'омъ aoristi. По русски говорятъ: »позволь мнѣ сдѣлать то-то«, но рядомъ съ этимъ: »не позволяй ему этого«. Такъ и по гречески: въ положительномъ смыслѣ мы можемъ встрѣтить и »ἔασον με«, и »ἔα με« (какъ было выше »πέισον« и »πεῖθε«), но въ отрицательномъ смыслѣ чаще говорятъ »μή ἔα αὐτόν«. Причина очевидна: *μή* влечетъ за собою отбѣнокъ conatus (»позволять и не берись«).

Вотъ все, что мы могли сказать объ Imperativ'ѣ. Перейдемъ теперь къ Indicativ'у.

Черезъ Indicativ говорящій присуждаетъ лицу дѣйствіе въ »познавательномъ« смыслѣ. Самое познание, — что касается вопроса о *времени*, — относится, конечно, къ моменту рѣчи (независимо отъ того, впервые ли оно въ этотъ моментъ возникаетъ у говорящаго, или же въ данный моментъ является »воспоминаніемъ« и воспроизведеніемъ познаннаго раньше), но присуждаемое дѣйствіе, насколько говорящій познаетъ *фактическое* исполненіе его на томъ лицѣ, которому его присуждаетъ, относится къ разнымъ временамъ. Временъ — три: настоящее, прошедшее и будущее.

Все временное пространство рисуется въ человѣческомъ представленіи, — стало быть, и въ представленіи говорящаго, — безконечною прямою линією, какою-то прямою дорогою, по которой самъ говорящій какъ-бы шествуетъ. Та часть дороги, которую ему еще предстоитъ пройти, и которая у него передъ глазами, есть будущее время, а та часть, которую онъ уже прошелъ, и которая у него за спиною, есть прошедшее время. Настоящимъ временемъ, разсуждая строго математически, должна бы быть на прямой линіи временного пространства только *точка*. Одна *точка*, строгая *математическая точка*, должна бы собственно отдѣлять прошедшее отъ будущаго. И такъ какъ математическая точка никакого измѣренія и никакого протяженія не имѣетъ, и сама притомъ по линіи временнаго пространства все движется впередъ и никогда не останавливается; такъ какъ *нѣтъ* минуты, *нѣтъ* секунды, *нѣтъ* полусекунды, въ границахъ которой уже не было бы прошедшаго и будущаго, то настоящаго времени въ *реальномъ* мірѣ, собственно говоря, *нѣтъ*, а есть только *математическое* настоящее, безпространственное, притомъ вѣчно движущееся и неостановимое, а потому реально неуловимое, неосязаемое, непредставимое. Даже въ »одномоментныхъ« дѣйствіяхъ (например, въ дѣйствіи »бросить«), которыя, строго разсуждая, для своего совершенія во временномъ пространствѣ требуютъ хотя бы *минимальную* линію, но все же *линію*, а не

математическую точку, — даже въ этихъ «одномоментныхъ» дѣйствіяхъ говорящей, насколько онъ ихъ *чувствуетъ* и хочетъ представить слушателю одномоментными, не уловляетъ настоящаго времени (а если и уловляетъ *глазами*, то всетаки не на протяженіи такого временнаго пространства, чтобы успѣть высказаться о немъ, какъ о настоящемъ *въ самой рѣчи*, требующей для себя опять таки *особаго* времени). Вслѣдствіе этого *грамматическія* выраженія »одномоментныхъ« дѣйствій не имѣютъ настоящаго времени (мы говоримъ : »бросилъ, — бросить« и только; когда же мы говоримъ »бросаешь«, то уже *чувствуемъ* и представляемъ дѣйствіе и себѣ, и слушателю »многомоментнымъ«). Но, подобно тому какъ математикъ, разсуждая о своихъ точкахъ, на доскѣ рисуетъ въ это время не точки, а цѣлая тѣла, имѣющія и длину, и ширину, и толщину, такъ и говорящій растягиваетъ математическую точку настоящаго времени въ цѣлую линію. При этомъ растягиваніи математической точки въ линію говорящій поступаетъ относительно *размѣра* самой линіи совершенно произвольно. Настоящее время самого »желанія« и »познаванія«, выражаемаго грамматически въ *наклоненіи той ѱήματος*, начинается и кончается тамъ, гдѣ возникаетъ и доказывается *мысль*, относящаяся къ выраженному въ *ѱήμα* дѣйствію; но въ дальнѣйшемъ говорящій опредѣляетъ себѣ начало и конецъ настоящаго времени не только тѣмъ временнымъ пространствомъ, которое требуется для произнесенія какой-нибудь одной, а то даже и *нѣсколькихъ* мыслей (— моментъ рѣчи), но идетъ гораздо дальше, растягивая настоящее время на часть, день и т. д. («сегодня», — говоритъ больной, — «я *чувствую* себя хорошо; вчера мнѣ *было* плохо; не знаю, какъ *будетъ* завтра»). Въ растягиваніи настоящаго времени говорящій доходитъ иногда даже до *безпредѣльнаго*, чѣмъ, конечно, достигаетъ полнаго *уничтоженія* всякаго прошедшаго и будущаго (*πάντα ῥεῖ* = все всегда и вѣчно *движется*). Такимъ образомъ, *настоящее* время есть въ концѣ концовъ произвольная линія во временномъ пространствѣ, для каждаго особаго случая говорящимъ особо устанавливаемая, *прошедшее* время есть

то временное пространство, которое предшествует *начальной* точкѣ, а *будущее* — то, которое слѣдуетъ послѣ *окончательной* точки произвольнаго, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особо устанавливаемаго говорящимъ настоящаго времени.

Для настоящаго времени въ Indicativ'ѣ греческаго языка существуютъ *два* грамматическія формы: *praesens* и *perfectum*; для будущаго — также *два*: *futurum simplex* и *futurum exactum*, для прошедшаго — три: *imperfectum*, *plusquamperfectum* и *aoristus*. Такъ какъ для каждаго изъ временъ языкъ располагаетъ *нѣсколькими* грамматическими формами, то ими, этими формами, достигаются *видовыя* оттѣнки временъ. *Видовыя* оттѣнки временъ въ тѣхъ или иныхъ формахъ греческаго Indicativ'a видны изъ слѣдующихъ сопоставленій и замѣчаній.

При сопоставленіи *praesentis* съ *perfectum* замѣчается, что *perfectum* означаетъ настоящее время не дѣйствія, какъ то можно сказать о *praesens*, а настоящее время состоянія, какъ *результата**) окончившагося когда бы то ни было

*) Дельбрюкъ (Synt. Forsch. IV. 34), больше обращая вниманіе, при опредѣленіи значенія Perfect'a, на самое *дѣйствіе* (Indicativus отъ прочихъ наклоненій тутъ не различается), говоритъ: *der Stamm des Perfectum bezeichnet eine mit Intensität vollzogene oder eine vollendete Handlung*. Такое опредѣленіе обыкновенно встрѣчается у нашихъ грамматиковъ. Правильнѣе, по нашему, разсуждаетъ Н. D. Müller, который говоритъ такъ (Indog. Sprachb. 6—7): *Wir sind berechtigt zum Schluss, dass den sogenannten secundären Endungen (разумѣй личныя окончаніе ν - ς - θ - $\mu\epsilon\nu$ - $\tau\epsilon$ - $\sigma\alpha\nu$) die Geltung praeteritaler Endungen zukomme. Dem entsprechend werden wir auch den primären Endungen (т. е. $\mu\iota$ - $\sigma\iota$ - $\tau\iota$ - $\mu\epsilon\nu$ - $\tau\epsilon$ - $\nu\tau\iota$) temporale Geltung zuschreiben müssen. Dieselben sind als praesentische Endungen anzusehen. Das scheint eine gewagte Behauptung, da dieselben ja nicht bloss dem Praesens, sondern auch dem Perfectum und Futurum dienen. Allein dass das Perfectum gemäss der Bedeutung, welche ihm die griechische Sprache, — sicherlich darin mehr als die anderen Sprachen das Ursprüngliche bewahrend, — beilegt, ein Tempus der Gegenwart genannt werden muss, ist bekannt und von mir in der Abhandlung über die Syntax der griechischen Tempora genauer nachgewiesen. Ohnehin zeigt die Stammbildung des Perfectum *alterer* Bildung (Perf. II.) eine nahe Verwandtschaft zu dem Praesensstamme. Denn nicht nur die Reduplication findet sich wenigstens bei einer Classe von Verben auch im Praesensstamme (Мюллеръ имѣетъ въ виду слова какъ-то: $\tau\acute{\iota}\theta\eta\mu\iota$, $\gamma\upsilon\gamma\omega\beta\omega$, $\lambda\acute{\iota}\pi\tau\omega$ и т. п.), sondern auch die Vocalsteigerung ist dem Perfectum mit den Praesensformen gemein ($\pi\acute{\epsilon}\phi\epsilon\nu\gamma\alpha$ - $\lambda\acute{\epsilon}\lambda\omicron\iota\pi\alpha$, $\phi\epsilon\upsilon\gamma\omega$ - $\lambda\acute{\epsilon}\iota\pi\omega$; противопоставить слѣдуетъ $\epsilon\phi\upsilon\gamma\omega$ и $\xi\lambda\iota\pi\omega$) und vergleichen wir z. B. das griechische Per-*

(когда, — до этого говорящему дѣла нѣтъ) дѣйствія. Конечно, наше сопоставленіе не относится къ такимъ *ῥήματα*, какъ *εἶμι*, *κεῖμαι*, *ἦκω* и т. п., въ которыхъ особой грамматической формы perfect'a нѣтъ, и въ которыхъ, въ силу значенія самого praesentis, переходъ отъ одного чего-нибудь, какъ «дѣйствія», къ другому чему-нибудь, какъ »результату дѣйствія« немислимъ; оно относится къ такимъ *ῥήματα*, какъ *γράφω* — *γέγραφα*, гдѣ *γράφω* обозначаетъ »пишу«, а *γέγραφα* — »у меня нѣчто написано«. Въ русскомъ языкѣ значеніе греческаго perfect'a лучше всего уловляется не черезъ формы »я написал« — »я приготовил«, а черезъ формы »у меня написано« — »мною приготовлено«, или черезъ формы (ихъ приходится слышать иногда) »онъ вставил«, »онъ одѣвшись« и т. п.

Иногда *ῥήματα*, переходя отъ настоящаго времени »дѣйствія« къ настоящему времени »результата дѣйствія«, не переходятъ къ грамматической формѣ perfecti, а остаются при формѣ praesentis. Такъ, *νικῶ* обозначаетъ не только »я беру верхъ надъ врагомъ во время самой борьбы«, но

fectum *ἵστημι* *ich stehe* mit dem lateinischen Praesens *sto* *ich stehe*, so erkennen wir deutlich in dem Perfectum nur eine Modification des Praesens, von dem es sich anfänglich nur dadurch unterschied, dass dieses (das Praesens) die Handlung im Stande einer noch fortdauernder Bewegung (status motivus), jenes die Handlung im Stande der Erstarrung oder Ruhe, mit welcher die Bewegung abschliesst (status quietivus) auffasste (если и Futurum, какъ имѣющее primaere Endungen, должно быть приурочено къ настоящему времени, то это возможно лишь въ томъ смыслѣ, что значеніе напр. формы *ποοῦσθαι* мы будемъ толковать черезъ выраженіе »я собираюсь что то дѣлать« — »я *имѣю* что то сдѣлать«). Такъ же высказывается о греч. Perfectum и Curtius (Verbum II. 120): Es scheint mir kaum einem Zweifel zu unterliegen, dass der Indicativ Perfecti (да, только объ Indicativ'ѣ идетъ рѣчь, какъ и у Мюллера только о *primäre* Endungen) vom Haus aus nichts weiter war, als eine besondere Art der Praesensbildung. Mutzbauer (Tempusl. 38) пишетъ: Der Perfectstamm ist in seiner Verwendung durchaus vom lateinischen Perfectum und dem deutschen zusammengesetzten Praeteritum verschieden. Seiner Bildung nach ein reduplicirtes Praesens, bezeichnet er dieser äusseren Verstärkung des Stammes entsprechend zunächst eine *intensive* Handlung, bietet also eine gesteigerte Bedeutung des Praesens- oder Verbalstammes, z. B. *βέβηκα* »ich schreite mit gewaltigen Schritten« mit einer Ausnahme stets von *Göttern* oder grossen *Helden* gebraucht. Eine gesteigerte Bedeutung kann aber im Zustand der Ruhe uns als ein *fertig vorliegender Zustand* erscheinen. Und dies ist die zweite Bedeutung des Stammes, z. B. *ἔλωλα* »ich bin verloren«, *τέθνηκα* »ich bin todt«.

и »окончательная побѣда за мною« — »я побѣдитель«; »πέμπω« — не только »я отправляю (посольство), но и »мною отправлено (посольство); »ἀκούομεν« — не только »мы слышимъ (то-то)«, но и »между нами распространень слухъ (о томъ-то)«; »ἀγγέλλει« — не только »онъ передаетъ (намъ то-то)«, но и »получено черезъ него (такое-то) извѣстiе«; »λέγει« — не только »онъ говорить то-то«, но и »имъ сказано то-то«, »онъ держится такого-то мнѣнiя« и т. д. . . . Въ русскомъ языкѣ мы встрѣчаемся, конечно, съ тѣмъ же явленiемъ: во фразѣ — »въ своемъ сочиненiи онъ пишетъ то-то« мы имѣемъ дѣло не съ дѣйствиемъ »писать«, а съ *результатомъ* означеннаго дѣствiя, и фразу »οὐδὲν εἶρηκας«, въ коей съ переходомъ »дѣствiя« въ »результатъ дѣствiя« языкъ перешелъ и къ грамматической формѣ perfecti, мы всегда вправѣ перевести: »то, что ты говоришь, не имѣетъ значенiя«. Причины такого *неперехода* въ perfectum могутъ быть разныя, но всѣ онѣ, конечно, чисто *психологическiя*.*) Мы укажемъ здѣсь на одну, какъ на больше всего бросающуюся въ глаза; говорящiй, присуждая лицу не »результатъ«, а »дѣствiе«, — напр. дѣствiе »онъ говорить« вмѣсто »онъ сказалъ«, — хочетъ тѣмъ обозначить особое *настроенiе* даннаго лица, *все еще* находящагося подъ живымъ *впечатлѣнiемъ* этого дѣствiя, или же готоваго, быть можетъ, во всякую минуту *повторить* дѣствiе.

Иногда, какъ извѣстно, perfecta, выразительно указывая на то, что дѣствiе кончилось, въ результатѣ чувствуются указателями не *состоянiя*, получившагося отъ окончанiя дѣствiя, а *прекращенiя* или *исчезновенiя* самого дѣствiя: *ἔγραφα* — я уже писалъ, теперь больше не пишу.

*) Мы говоримъ здѣсь о причинахъ *психологическихъ*, оставляя въ сторонѣ слово »психо-логическiй«, къ которому мы прибѣгали до сихъ поръ. Какъ читатель могъ замѣтить, мы избрали слово »психо-логическiй« исключительно для обозначенiя той *активной* стороны жизни души, которая проявляется въ *сужденiи* и *разсужденiи*. Всякое же другое проявленiе душевной жизни, иногда чисто *пассивное*, какъ напр. разсѣянность и т. п., такъ и должно оставаться »психологическимъ«, или скорѣе *психическимъ*. Всѣ троицы, о которыхъ мы разсуждали на стр. 84, представляютъ собою явленiе *психологическое*, а не *психо-логическое*.

Разница между *futurum simplex* и *futurum exactum* въ будущемъ времени такая же, какъ между *praesens* и *perfectum* въ настоящемъ времени.*)

Черезъ *Indicativus imperfecti* говорящій выразительно указываетъ на прохожденіе дѣйствія въ прошедшемъ времени черезъ *цѣлый рядъ моментовъ его развитія*, или же, какъ мы это и раньше назвали, на *«процессуальность»* дѣйствія въ прошедшемъ времени, — на ту самую процессуальность, которая въ настоящемъ времени сама собою навязывается сознанію говорящаго, когда тамъ, разумѣется, дѣло идетъ именно о дѣйствіи, а не о состояніи. Если говорящій такой процессуальности дѣйствія въ прошедшемъ времени не видитъ, то онъ употребляетъ для обозначенія этого времени *Indicativ aoristi*, а теперь буквально придется повторить объ *Indicativ'н aoristi* то, что мы сказали объ *Imperativ'н aoristi*, а именно: Видѣть процессуальность дѣйствія не позволяетъ говорящему или особое *свойство* дѣйствія, которое онъ обозначаетъ *Indicativ'омъ*, или его *личная тенденція*. Говоря объ особомъ свойствѣ дѣйствія, мы имѣемъ въ виду его *«одномоментность»* (*ἔβαλεν* = онъ бросилъ). Говоря о личной тенденціи говорящаго, мы имѣемъ въ виду тѣ случаи, когда говорящій, присуждая въ *«познавательномъ»* смыслѣ извѣстному лицу извѣстное дѣйствіе въ *прошедшемъ* времени, думаетъ единственно объ *«осуществленіи»* его въ прошедшемъ времени, видитъ ли онъ это осуществленіе въ томъ, что дѣйствіе было просто *фактомъ* (*ἐβούλευσε* = онъ былъ булевтомъ — *aoristus affirmativus*), или въ томъ, что дѣйствіе было доведено до

*) Mutzbauer (Tempusl. 40): Das Futurum liegt bei Homer in drei verschiedenen Bildungen vor: 1. vom Aoriststamm formiert, bezeichnet es die in der Zukunft eintretende oder zum Abschluss gelangende Handlung, z. B. *στήσομαι* »ich werde mich hinstellen« -- »werde hintreten«, *πειθήσω* »werde bereden«; 2. das Futurum des Perfectstammes führt einen in der Zukunft liegenden Zustand vor, z. B. *ἰστήξω* »ich werde stehen«; 3. die gewöhnliche Form des Futurum ist die vom Praesens- bez. Verbalstamm gebildete. Dieselbe drückt zunächst eine in der Zukunft vor sich gehende Handlung aus, dann auch als Ersatz des seltenen, schon bei Homer im Absterben begriffenen Aoristfuturum die in der Zukunft eintretende Handlung, z. B. *λίθομαι* »ich werde liegen« und »ich werde mich hinlegen«.

конца (ἐποίησεν — онъ сдѣлалъ — aoristus finitivus *), или въ томъ, что дѣйствіе *вступило* въ дѣйствительность (προουφανήθη = его узрѣли — aoristus ingressivus **). Что же касается, наконецъ, plusquamperfect'a, то, употребляя его, говорящій не имѣетъ въ виду даже никакого дѣйствія въ прошедшемъ времени, а разумѣетъ то *состояніе* въ прошедшемъ времени, которое является *результатомъ* дѣйствія (παρεδέδωκεσαν τὰ ὄπλα = въ то прошедшее время, о которомъ идетъ рѣчь, оружіе у нихъ оказывалось сданнымъ побѣдителю ***). Не лишено основанія называть Indicativi imperfecti, aoristi и plusquamperfecti « историческими » формами (кстати, они и по внѣшнему виду *окончаний* соста-

*) Curtius (Erl. 175) даетъ такому употребленію aorist'a названіе aoristus effectivus, причѣмъ противопоставляетъ его aorist'у ingressiv'ному и, признавая только эти два оттъика въ aorist'ѣ, обобщаетъ ихъ въ терминѣ *eintretende Handlung*. Дельбрюкъ (Synt. Forsch. IV. 101 и сл.) говоритъ: Curtius unterscheidet zwei Unterarten des Tempus der eintretenden Handlung, nämlich einmal den ingressiven Aorist... und sodann den effectiven... Es ist den gesammten Gebrauch des Aorist aus dem höheren Begriff der eintretenden Handlung abzuleiten... Ich bleibe bei der bisherigen Annahme, welche den Begriff der eintretenden Handlung an die Spitze stellt... Ich glaube, dass es gut sein wird, die Bezeichnung »eintretende Handlung« beizubehalten, wo aber die Rücksicht auf die Geschmeidigkeit des Ausdrucks es verlangt, parallel damit den Ausdruck »effectuiren« zu gebrauchen. Ich würde also sagen: Der Aorist bezeichnet die *Effectuirung* der Handlung. Затѣмъ, разсматривая *подробности* употребленія aorist'a, онъ на *первомъ* мѣстѣ ставитъ такую формулу: Der Indicativ aoristi *constatirt* die Effectuirung einer Handlung in der Vergangenheit. Es wird durch den Aorist *ἀνέθηκα constatirt*, dass das Weingeshenk aufgestellt worden ist. Въ послѣднихъ словахъ Дельбрюка мы находимъ *нѣкоторую* поддержку для выдѣленія aorist'a affirmativ'наго, какъ *особаго* оттъика; я говорю только *нѣкоторую* поддержку, потому что *вообще* толкованіе Дельбрюка о значеніи aorist'a не отличается ясностью.

**) Mutzbauer (Tempusl. 40): Es lässt sich die Bedeutung des Praesensstammes (разумѣн Praesens и Imperfectum) mit einer Linie, die des Aoriststammes mit einem Punkte vergleichen. Der Punkt kommt aber für die Anschauung in *dreifacher* Beziehung in Betracht: 1. Die ganze Handlung des Verbum erscheint als concentrirte, in einem Moment zusammengefasste, so zu sagen als Mittelpunkt; 2. es wird der Anfangspunkt der Handlung; 3. ihr Schlusspunkt herausgehoben.

***) Mutzbauer (Tempusl. 40): Das Plusquamperfectum ist, seiner Zusammensetzung aus dem Perfectstamm mit dem Imperfectum von *είμι* entsprechend, einfaches Imperfectum dieses Stammes. Nirgends in der griechischen Sprache enthält es die Vorstellung der Vorvergangenheit, wie die formal entsprechenden Formen der deutschen oder lateinischen Sprache, sondern es giebt ausser der auf dem Boden der Vergangenheit gedachten *gesteigerten* Thätigkeit einen auf dem gleichen Boden vorliegenden Zustand.

вляють особую группу въ противоположность Indicativ'амъ praesentis, perfecti, futuri simplicis и futuri exacti); въ самомъ дѣлѣ, выраженное ими »познавательное« сужденіе говорящаго имѣеть дѣло съ тѣмъ, что принадлежитъ уже какъ-бы исторіи.

Видно, что термины »imperfectum« (= недовершенное») и »plusquamperfectum« (= »болѣе чѣмъ довершенное») не особенно удачны въ смыслѣ *соответствія* разъясненной нами симасіологіи тѣхъ грамматическихъ формъ, для обозначенія которыхъ они приняты грамматикою. Что касается термина »aoristus«, то онъ установленъ уже *греческими* грамматиками-философами. Оправдывая этотъ терминъ (ἀ — ὀρίζω — не опредѣляю), они учили, что, если бы говорящему вздумалось опредѣлить (= охарактеризовать *ближе*) дѣйствіе, обозначенное черезъ aoristus, или, говоря по нашему, если бы вздумалось тотъ несложный *видовой* оттѣнокъ aorist'a, который мы разъяснили какъ указаніе на простое »осуществленіе« дѣйствія, какъ нибудь болыне *осложнить*, то aoristus сейчасъ исчезнетъ, и вмѣсто него выступаетъ — то imperfectum, то perfectum, то plusquamperfectum. Въ самомъ дѣлѣ, ἐβούλευσε значитъ »онъ *былъ* булевтомъ«; когда мы захотимъ внести сюда оттѣнокъ »процессуальности«, то изъ ἐβούλευσε сдѣлается ἐβούλευε (= онъ *рядилъ* и *судилъ* и вообще *былъ* занятъ дѣлами въ *βουλή*); когда захотимъ сказать, что »дѣйствіе« окончилось, и что оно перешло уже въ »результатъ«, то тогда выйдетъ или βεβούλευε, если этотъ результатъ относится къ настоящему (= онъ теперь уже не есть булевтъ), или ἐβεβουλεύκει, если этотъ результатъ относится къ прошедшему времени (онъ тогда уже не *былъ* булевтомъ).*)

*) Вотъ, собственно, въ какомъ видѣ желательно бы видѣть схолию В. А. П. 891, гласящую: ὁ δὲ ἀορίστος κατὰ τὴν ἀορίστιαν τῷ μέλλοντι συγγενής ὡς γὰρ τοῦ ποιῶ τὸ πόσον τοῦ μέλλοντος ἀορίστος, οὕτω τοῦ ἐποίησα τὸ τοῦ παρρημένου τοῦ ἄρτι τοίνυν τῷ ἀορίστῳ δεδομένου γίνεται παρακείμενος, οἷον ἐποίησα ἄρτι = πεποίηκα τοῦ δὲ πάλαι προδεδεμένου ὁ υπερδυντακὸς γίνεται, οἷον ἐποίησα πάλαι = ἐπεποίηκεν. Дѣло прежде всего не въ ἄρτι и не въ πάλαι. Ибо, когда мы говоримъ »окно *разбито*«, то, какъ мы на то уже раньше указывали, никто даже не спрашиваетъ, разбито ли оно *только что*, или *давно*. Точно также не играютъ никакой роли слова

Кто привыкъ смотрѣть на разнообразіе греческихъ Indicativ'овъ съ точки зрѣнія такъ называемыхъ «видовъ» русскаго глагола, тотъ постоянно наталкивается въ греческихъ текстахъ на такіе Indicativi imperfecti, которымъ по духу *русскаго* языка можетъ соответствовать только лишь »совершенный« видъ, и которые переводу черезъ »несовершенный« видъ никакъ не поддаются. Причина — та, что греческій языкъ въ данномъ случаѣ больше стремится къ картинности, чѣмъ русскій. Это стремленіе повліяло на болѣе частое появленіе въ греческомъ языкѣ Indicativ'a imperfecti, т. е. Indicativ'a, выражающаго »процессуальность« дѣйствія, а не простое »осуществленіе« его. Въ русскомъ языкѣ, если ужъ говорящій *желаетъ* выставить предъ воображеніемъ слушателя всю процессуальность дѣйствія, то все прошедшее время передвигается въ область настоящаго, и въ рѣчи появляются такъ называемыя *praesentia historica*. Въмѣсто того, чтобы сказать »онъ пришелъ ко мнѣ и заявилъ мнѣ, что ты находишься въ опасномъ положеніи«, русскій языкъ, желая картинно и живо представить дѣло, прибѣгаетъ къ выраженію: »и вотъ онъ приходитъ и заявляетъ и т. д.«. Греческій языкъ, какъ извѣстно, въ видахъ достиженія бѣльшей картинности, тоже прибѣгаетъ къ *praesens historicum* (этою то замѣткою и нужно дополнить все то, что мы раньше говорили о *praesens*); но рядомъ съ *praesens historicum* ему для этой же цѣли служить и «процессуальное» *imperfectum*, и въ языкѣ появляется фраза: *Κυρός τε καταλιθήσας ἀπὸ τοῦ ἄρματος τὸν Θώρακα ἐνεδύετο καὶ ἀναβὰς ἐπὶ τὸν ἵππον* и т. д. (Хер. Анаб. I. 8. 3). Для того чтобы выдер-

ἄρτι и *πάλαι*, когда мы говоримъ »окно оказалось (въ то время) разбитымъ«. Конечно, въ иныхъ случаяхъ можно, пожалуй, усмотрѣть въ томъ состояніи, которое выражено черезъ *Perfectum*, *Plusquamperfectum*, а также и *Futurum exactum*, нѣчто, начавшееся или *имѣющее* начаться съ того момента, когда само дѣйствіе или окончилось, или *окончится*, — можно усмотрѣть нѣчто, наступающее *сейчасъ* послѣ чего то другого; но тогда и въ *Perfectum*, и въ *Plusquamperfectum*, а равно и во *Futurum exactum*, должно быть »подразумѣваемо« ужъ не *πάλαι*, а всегда только *ἄρτι* или, вѣрнѣе, его синонимъ: письмо написано (= только что его написали); когда ты придешь, то письмо было написано (въ то время только что его окончили); когда ты придешь, то письмо уже будетъ написано (= до твоего прихода я успѣю окончить письмо).

жать при переводѣ греческихъ текстовъ русскіе »виды«, привыкли прибѣгать въ такихъ случаяхъ, какой представляетъ наше ἐνεδύετο, къ выраженію »сталъ надѣвать«. Но странною выйдетъ фраза: »сталъ надѣвать панцырь и, вскочивъ на лошадь, сбѣлалъ то-то« (въ чемъ странность, — всякій пойметъ сразу). Не лучше ли сказать, что въ греческомъ языкѣ есть *два* средства для изображенія картины, именно praesens historicum и »процессуальное« imperfectum, а въ русскомъ — только *одно*, именно praesens historicum; и не лучше ли тогда ужъ перевести прямо: «надѣваетъ панцырь и, вскочивъ на лошадь, и т. д.»? Полное соотвѣтствіе значеній praesentis historici и такого imperfecti оправдывало бы для нашего явленія принятіе »imperfecti historici«, какъ *особаго* термина. Но такъ какъ не только разсматриваемое въ данномъ случаѣ, но и *всякое* imperfectum уже названо нами историческимъ по другой причинѣ (по причинѣ принадлежности его вѣстѣ съ aorist'омъ и plusquamperfect'омъ къ одной группѣ, противопоставляемой, при посредствѣ этого термина, другимъ Indicativ'амъ), то, пожалуй, можно будетъ обозначить объясняемый въ настоящее время отгѣнокъ imperfecti черезъ терминъ »imperfectum descriptivum«.*) Насколько греческій языкъ любитъ свое imperfectum descriptivum, видно изъ *вставочнаго*, дошедшаго почти до значенія »частицы«, imperfecti'a »ἔφη« въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ русскій языкъ употребляетъ свое »говорить« (= praesens). Сравни: »принемъ ко мнѣ и сказалъ: я, говорить, не могу обижать тѣхъ« προσηλάθε πρὸς ἐμὲ καὶ ἔλεξεν τάδε· ἐγὼ μὲν δὴ, ἔφη,

*) Mutzbauer (Tempusl. 11.): Das Bedürfniss nach Anschaulichkeit hat zum entscheidenden Moment für die Wahl des Tempus die *Art der Handlung*, die sogenannte *actio* werden lassen. Deshalb werden Imperfectum und Aoristus in der Erzählung neben einander gebraucht, weil Homer nicht beabsichtigt, das zeitliche Verhältniss der verschiedenen Gedanken, ihre Gleichzeitigkeit oder Vorzeitigkeit, lauter reflectirte Begriffe, zu bestimmen, sondern weil es ihm allein darauf ankommt, die Handlung *selbst* dem Hörer anschaulich vorzuführen. Er wählt das Imperfectum, wenn er die Handlung in ihren einzelnen Momenten oder Stufen nach ihrem ganzen Verlauf vor unseren Augen vorübergehen lassen will, den Aorist, wenn dieselbe als in ein Moment zusammengefasst erscheinen soll.

Если представлѣніе »осуществленія дѣйствія« легко могло перейти въ представлѣніе »доведенія дѣла до конца« (= »законченнаго дѣйствія« — *aoristus finitivus*), и если оба эти представлѣнія могли быть выражены *одною* грамматическою формою, именно *Indicativ'omъ aoristi*, то съ другой стороны, изъ представлѣнія »процессуальности дѣйствія«, выраженной черезъ *Indicativ imperfecti*, особенно при *рѣзкомъ* его противопоставленіи представлѣнію *законченности* дѣйствія, легко могло развиться представлѣніе »незаконченности дѣйствія«, — представлѣніе нѣкоторой лишь »попытки« (*conatus*), и послѣднее могло быть съ удобствомъ выражено черезъ тотъ же *Indicativus imperfecti*. Итакъ, нужна была надлежащая дифференцировка формъ, на примѣръ формъ *ἔπεισα* и *ἔπειθον*, чтобы, влагая въ первую смыслъ »я (его) убѣдилъ«, вложить въ послѣднюю смыслъ »я взялся увѣщевать его« (повтореніе того же, что сказано нами объ *Imperativ'ѣ*).

Совершенно аналогично русскому языку, въ греческомъ языкѣ отрицаніе (въ данномъ случаѣ отрицаніе *οὐ*, а не *μή*) вліяетъ на появленіе *Indicativi imperfecti* предпочтительно передъ *Indicativ'omъ aoristi* (говорятъ напр.: »они сдали оружіе«, но наряду съ этимъ: »они оружія не сдавали«). Причина ясна: русское »не«, равно какъ и греческое »οὐ«, влечетъ за собою отгѣнокъ *conatus* = »и сдавать не думали« (тоже повтореніе сказаннаго объ *Imperativ'ѣ*).

Сопоставленіе *aorist'a* и его *finitiv'наго* отгѣнка съ *imperfectum* и его процессуальнымъ значеніемъ ведетъ еще къ одному соображенію. Какъ *imperfectum*, такъ и *aoristus* суть историческіе *Indicativ'ы*, и »познавательное« сужденіе, выраженное ими, вращается, такъ сказать, въ »историческомъ« матеріалѣ. Передавая какое-нибудь сложное историческое событіе, говорящій рассказываетъ его обыкновенно въ хронологической послѣдовательности. Во фразѣ *προσῆλθε πάσαις ταῖς δυνάμεσι πρὸς τὴν πόλιν καὶ ἐπολιόρκει αὐτήν* рассказаны два факта одинъ за другимъ такъ, какъ они слѣдовали въ *дѣйствительности*. Но тутъ поставлены рядомъ *aoristus* и *imperfectum*, первый — со своимъ *fini-*

тивнымъ значеніемъ, а второе — со своимъ значеніемъ процессуальности. Это значить, что другъ за другомъ не просто слѣдуютъ два факта, а что за *окончаніемъ* перваго слѣдуетъ *прохождение* втораго *черезъ цѣлый рядъ моментовъ*. Тутъ то и годится русское »сталъ« (= »подошелъ къ городу и сталъ осаждать его«). Но отноудь не слѣдуетъ думать, что »сталъ осаждать« есть *переводъ* греческаго imperfect'a. Въ словѣ »сталъ« мы должны видѣть не другое что, какъ выраженіе въ русскомъ языкѣ *особымъ словомъ* того, что въ языкѣ греческомъ вовсе не *выражено*, а только лишь *само собою вытекаетъ* изъ *синтаксическаго* присоединенія, при обозначеніи хронологической послѣдовательности событій, къ finitiv'u processual'a. Выражено только то, что »*окончилось* подхожденіе къ городу и (затѣмъ) производилась шагъ за шагомъ осада его«. (Въ Imperativ'axъ можно было, конечно, наткнуться на то же явленіе: »*διώκεισαι καὶ πρᾶττε*« значить: »обдумай дѣло, а потомъ его дѣлай«)..

Слѣдующія замѣчанія о временахъ Indicativ'a относятся уже не столько къ видовымъ отгѣнкамъ дѣйствія, сколько скорѣе къ *психо-логической* сторонѣ синасіологіи τού ἡήματος.

Особый отгѣнокъ Indicativi aoristi есть такъ называемый aoristus gnomicus. Развитие этого отгѣнка изъ общаго значенія aorist'a уясняютъ черезъ сопоставленіе слѣдующихъ примѣровъ (Krüger Griech. Spr. § 53. 10. 2): Πολλάκις ἔχων τις οὐδὲ ταναρχαῖα νῦν αὖριον ἐπλοῦττησ' ὥστε χατέρους τρέφειν. Πολλὰ στρατόπεδα ἤδη ἔπεσεν ὑπ' ἐλασσόνων. Ἀθροισττες ἄνδρες οὕπω τρόπαιον ἔστησαν. Μία ἡμέρα τὸν μὲν καθείλεν ὑπόθεν, τὸν δὲ ἦρ' ἄνω.

Послѣдній изъ приведенныхъ только что примѣровъ, гдѣ aoristus выступаетъ дѣйствительно съ *могическимъ* отгѣнкомъ, отличается, между прочимъ, отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что въ немъ нѣтъ того *πολλάκις* и *πολλά*, а въ отрицательномъ смыслѣ — того *οὕπω*, при которыхъ aorist можно было еще чувствовать въ *общемъ* значеніи aorist'a affirmativ'наго (= *были* такіе то факты, — *не было* такихъ

то фактовъ). Сопоставляя такіе примѣры съ *дѣйствительнымъ* аористомъ гномическимъ, хотятъ дать понять, что въ послѣднемъ такое *πολλάκις* или *πολλά* »подразумѣвается«. Но какъ можно »подразумѣвать« такое важное слово какъ *πολλάκις*, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, въ *греческомъ* языкѣ слово *πολλάκις* не имѣетъ *никакого* вліянія на *temporal'ную* форму *τοῦ ἡμέρας*: *πολλάκις ἔδωκα* значитъ »часто случалось что дань«, а въ *ἔδωκα* выражено просто *я далъ*; такъ и *πολλάκις ἔγραφον πᾶσαν τὴν νύκτα* = »часто случалось, что пишешь всю ночь«, а *ἔγραφον πᾶσαν τὴν νύκτα* = »я писалъ (сегодня, напр.) всю ночь«.

Я бы болѣе склонялся объяснять гномическій аористъ при помощи *русской* фразы »смотришь, одного день подыалъ высоко, а другого съ высоты низринулъ« (переводъ вышеприведенной Еврипидовской сентенціи). Я вижу въ аористѣ гномическомъ *выразительное* указаніе на *эмпиристическую* сторону *человѣческихъ* *уѣдѣи*. Въ *русскомъ* языкѣ, въ приведенномъ переводѣ Еврипидовскаго мѣста, этотъ эмпиризмъ выраженъ *двумя* средствами, — во-первыхъ, черезъ »смотришь«, а во-вторыхъ, черезъ самую передачу *наблюденнаго* факта, въ *греческой* же фразѣ только лишь *последнимъ* средствомъ.

Франке*) объясняетъ гномическій аористъ такимъ образомъ, — и это болѣе ходячее объясненіе, — что *ein Ereigniss ist einmal in der Vergangenheit eingetreten, und deshalb kann es immer wieder in Gegenwart Wirklichkeit werden*. Своимъ *deshalb* Франке даетъ знать, что онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и *греческій* языкъ, *употребляющій* аористумъ гномическимъ, имѣютъ въ виду *силлогистическую* сторону *человѣческихъ* познаній. Но небывалою представлялась бы *силлогистика*, которая основывалась бы на томъ, что нѣчто *einmal in der Vergangenheit eingetreten ist*. А разъ *дѣйствительно* гномическій аористъ выражаетъ, что нѣчто *einmal in der Vergangenheit eingetreten ist*, а не

*) Berichte über die Verhandlungen der kön. sächs. Gesellschaft der Wissenschaften 1854, стр. 63 и слѣд.

πολλὰς, какъ думаетъ Крюгеръ, то нечего силлогистику и припутывать къ объясненію гномическаго aorist'a. Силлогистика въ нашихъ *γνώμαι* ведетъ *просто* къ появленію въ языкѣ praesentis, а то и futuri, послѣднее особенно часто въ *русскомъ* языкѣ (насиленно *миль* не *будешь* и др.).

Mutzbauer (Tempusl. 31 и сл.), объясняя гномическій aorist, выходитъ изъ омировскихъ *сравненій*, въ которыхъ нѣчто *случайно* происходящее сравнивается съ *всегдашнимъ*, слѣдовательно, *тоже* съ чѣмъ то »гномическимъ«, и въ которыхъ это всегдашнее обыкновенно выражается черезъ $\acute{\omega} \varsigma$ δ' $\delta\tau'$ $\acute{\alpha} \nu$ или съ Coniunctiv'омъ praesentis, или съ Coniunctiv'омъ aoristi. По его пониманію, греческій Coniunctiv есть нѣчто *не имѣющее* времени (zeitloses, стр. 32) и вполне *пригодное* для рисовки этого *всегдашняго* или »гномическаго«, такъ какъ при такой рисовкѣ всего только и нужно, что einen Vorgang *anschaulich* machen und die Handlung als *eintretende* (это Coniunctiv praesentis?) oder als ihr Ziel *erreichende* (это Coniunctiv aoristi?) zu bezeichnen. Соответственно этому въ сравненіяхъ, а слѣдовательно и въ гномическихъ выраженіяхъ употребляются то Indicativi praesentis, то Indicativi aoristi, причѣмъ Indicativus aoristi, хотя ему и присуще значеніе *прошедшаго* времени, употребляется *просто* по »аналогіи« Coniunctiv'a aoristi, такъ какъ само *настоящее* время, котораго въ Indicativ'ѣ aoristi *нѣтъ*, не располагаетъ средствами для выраженія того же отгѣнка, который заключался въ Coniunctiv'ѣ aoristi, и такъ какъ грекъ *вообще* обращаетъ мало вниманія на »временныя отношенія« (und da der Grieche überhaupt geringen Wert auf die zeitlichen Beziehungen legt, so ward er durch die Analogie des Coniunctivus Aoristi dazu bestimmt, den Indicativ Aoristi . . . zur Bezeichnung der gleichen Art der Handlung zu verwenden, ohne Rücksicht auf die zeitliche Bedeutung der Vergangenheit, die demselben zugleich noch eigen ist; стр. 35). — Нетрудно понять, что разсужденіе Mutzbauer'a звучитъ *натяжкою*, заключающеюся *прежде* всего въ томъ, что законъ »аналогіи« привлеченъ въ вопросѣ о времени къ такимъ двумъ наклоненіямъ, какъ Indicativ

и Conjunctiv, которыя именно въ отношеніи *времени* совершенно расходятся. О времени Conjunctiv'a мы будемъ разсуждать ниже.

Да, мы думаемъ, что въ гномическомъ aorist'ѣ мы имѣемъ дѣло съ *чистою* эмпиристикю, какъ чѣмъ то совершенно противоположнымъ силлогистикѣ *) и не входящимъ ни въ какую связь съ *последней* (это да будетъ сказано въ выражение Franke), — съ эмпиристикю, передающей нѣчто какъ наблюденный *фактъ*, и облекающей въ форму чистаго повѣствованія. Въ сущности, гномическій aorist не передаетъ даже общую сентенцію, а воплощаетъ общую мысль *именно* въ пережитый фактъ. Часто мы, желая представить собесѣднику какое нибудь *общее* разсужденіе, вмѣсто этого вспоминаемъ сказку и говоримъ: да, да, лягушка захотѣла сравняться съ воломъ и лопнула. Точно такъ же, вмѣсто »дѣло мастера боится« грекъ могъ сказать, въ смыслѣ чисто повѣствовательномъ »дѣло мастера побоялось«. И именно »побоялось«, а не »боялось«, такъ какъ *процессуальность* дѣйствія выражать здѣсь нечего. Въ вышеприведенномъ русскомъ переводѣ »смотришь, одного день поднялъ высоко...« да и во фразѣ *дѣло мастера побоялось* приходится даже думать о томъ, что разсказанные въ этихъ выраженіяхъ *факты* стоятъ передъ нашимъ опытомъ какъ *результаты* чего то совершившагося, и не безъоснованія можно у потребить въ греческомъ языкѣ и Perfectum. Что Perfecta дѣйствительно *употребляются* »гномически«, на это указываетъ самъ Крюгеръ въ томъ же 53 параграфѣ (10, 2).

Нѣкоторое видоизмѣненіе толкованія симасіологіи историческихъ Indicativ'овъ вызывается появленіемъ при нихъ слова *ἄν*. По всей вѣроятности, слово *ἄν* имѣетъ общій корень съ словами *ἀνοθεύς, ἀνοί, ἀνοθή, οὐδαμῶς*. Нужно думать, что все это — слова съ *прономинальнымъ* корнемъ такого же »неопредѣленнаго« значенія, какое заключается

*) Силлогистика и эмпиристика, какъ два *различныхъ* принципа, сыграли нѣкоторую роль въ нашей гаммѣ отгѣнковъ *квалитативности* сужденія (смотри выше стр. 95).

въ *ἐυκλιτικ*'ахъ: *τις, πως, ποτε* и т. д. *) Такія слова могли принять, конечно, и локальное, и темпоральное, и модальное значеніе, само же *ἄν* есть непремѣнно *модальное* и, присоединяясь къ выраженіямъ полнаго сужденія, т. е. къ *ῥήματα*, указываетъ на *возможность* сужденія. Я говорю »*возможность* сужденія«, а не »сужденіе о возможности«. Если присужденіе кому-либо *писанія* облекается въ выраженіе *γράφει*, то присужденіе ему *возможности* облекается въ выраженіе *δύναται*. А тутъ рѣчь идетъ не о присужденіи *возможности*, а о возможности = вѣроятности = правдоподобности самого *сужденія*. Такимъ образомъ, выраженія »*οὐκ ἄν ἐφείδου*«, — »*ἀπεκρίνατο ἄν*« и т. д. обозначаютъ: »можно было думать, что онъ не будетъ говорить лжи« — »можно было ожидать, что онъ отвѣтитъ« и т. д. Въ болѣе *широкихъ* контекстахъ этотъ общій смыслъ нашего оборота развивается въ два *отдѣльно* другъ отъ друга стоящіе отѣнка. »Судя по всему«, — такъ приходится иногда рассуждать — »можно было ожидать, что коль скоро наступило бы такое-то обстоятельство, онъ *непремѣнно* отвѣтитъ такъ-то«. Оборотъ »*ἀπεκρίνατο ἄν*« служитъ тогда выраженіемъ сужденія, »относящагося къ *прошедшему* времени и высказаннаго *на всякій случай*, т. е., на случай, если бы въ *прошедшемъ* времени получило мѣсто то обстоятельство, которымъ говорящій *обуславливаетъ* осуществленіе въ *прошедшемъ* времени своего сужденія. Это —

*) Читателю извѣстно все разногласіе между этимологами относительно производства такъ называемыхъ >частицъ« *εἰ* и *ἄν*, принимаемыхъ обыкновенно за слова *разнаго* происхожденія и вызывающихъ, именно благодаря предположенію о *неодинаковости* ихъ происхожденія, массу рассужденій по части ихъ *синонимическаго* отношенія. Такія маленькія словца, какъ *εἰ* и *ἄν*, легко этимологизируются какъ кому угодно; въ концѣ концовъ каждый этимологъ, въ подобныхъ случаяхъ, ищетъ опоры для *своей* этимологіи въ томъ, какъ онъ лично понимаетъ *значеніе* словъ. Мы, руководясь также *личнымъ* пониманіемъ значенія словъ *εἰ* и *ἄν*, предпочитаемъ *предложенную* этимологію слова *ἄν*, причемъ допускаемъ, что оно, пожалуй, и *сокращено* изъ какого-нибудь *ἄμην* или чего нибудь подобнаго. Мы считаемъ, такимъ образомъ, *ἄν* за слово *одинаковаго* происхожденія съ словомъ *εἰ* — въ томъ смыслѣ, что у *обоихъ* ихъ этимологическій корень — *прономинальный*, съ такъ называемымъ *неопредѣленнымъ* значеніемъ (въ словѣ *εἰ*, какъ извѣстно, болшинство этимологовъ ищетъ корень *κα*, появившійся въ *неопредѣленныхъ* *ῥησιν*'ахъ *τις αἰ-quis* и др.).

одинъ оттѣнокъ, и по этому оттѣнку оборотъ ἀλεξιόνατο ἄν называютъ »итеративнымъ«, — терминъ немного неудачный, такъ какъ рѣчь идетъ не о повтореніи явленія въ прошедшемъ времени, а о сужденіи именно на случай, — на случай, котораго могло и не быть на самомъ дѣлѣ. Если бы шелъ вопросъ о дѣйствительной итеративности, тогда въ языкѣ появится *imperfectum*, а именно *imperfectum протое*, безъ всякаго ἄν. Ибо *imperfectum*, какъ форма, указывающая на »многомоментность« дѣйствія, способно было, *) если языкъ не нашелъ возможнымъ прибѣгнуть къ другому какому-нибудь средству (къ какому-нибудь *πολλάκις* напр.; сравни также омировскій риматическій суффиксъ *σκ*), выразить и »повторяемость« въ прошедшемъ времени, какъ къ тому способно и *praesens* по отношенію къ настоящему, а *futurum simplex* по отношенію къ будущему времени. Интересно мѣсто Хеп. Апаб. IV. 2. 16: καὶ παρὰ τὴν ζώνην μαχαίριον εἶχον, ᾧ ἔσφαττον, ὣν κρατεῖν δύναντο, καὶ ἀποτέμνοντες ἄν τὰς κεφαλὰς ἔχοντες ἐπορεύοντο = которою убивали всякаго, кто..., и тогда могли отрѣзать и голову и...

Итакъ, одинъ оттѣнокъ Indicativi историческихъ временъ съ ἄν есть выраженіе познавательнаго сужденія въ прошедшемъ времени »на случай«. Другой оттѣнокъ виденъ изъ слѣдующаго контекста: »Можно было думать при другихъ условіяхъ, чѣмъ настоящія, что ты не будешь говорить жи (= ты могъ не говорить жи), но теперь (νῦν δὲ) ты противъ ожиданія ужъ слишкомъ хитринь, а потому и неудивительно, что говоришь или говорилъ**) ложь. Такимъ

*) Mutzbauer (Tempusl. 28): In wie weit in späterer Zeit der griechischen Sprache das Imperfectum seine ursprüngliche Natur modificiert hat, in wie weit es dazu gekommen ist, als Tempus der... Wiederholung... empfunden zu werden, darüber kann ich ein abschliessendes Urtheil nicht abgeben, da sich meine Sammlungen nicht auf diese Periode erstrecken. Doch ist dies immerhin möglich (въ Омирѣ онъ этотъ оттѣнокъ Imperfect'a отрицаетъ; да Омиръ въ немъ и не нуждался, такъ какъ онъ располагалъ своимъ итеративнымъ *σκ*: φεύγειν = »pflegte zu fliehen«, verlaufende Handlung: ἐπαίκαβε = »pflegte darauf loszuspringen«, Schlusspunkt; см. Mutzbauer, Tempusl. 25).

**) Обыкновенно утверждаютъ, что въ »противоположной« мысли Imperfect'у съ ἄν соответствуетъ только настоящее время. Это неправда. Mutzbauer (Tempusl. 7) замѣчаетъ: So wird überall das Imperfectum verwendet in irre-

образомъ, оборотъ *οὐκ ἂν ἐψεύδοι* служить выраженіемъ сужденія, *противорѣчающаго* дѣйствительности, причеиъ правильность этого сужденія поставлена въ зависимость отъ условія, также противорѣчающаго дѣйствительности. По этому отѣнку оборотъ историческихъ Indicativ'овъ съ *ἂν* называютъ *modus irrealis* (*modus* недѣйствительности); дѣло, конечно, не въ »недѣйствительности«, а *именно* въ противорѣчии дѣйствительности«. Какимъ образомъ самое *условіе*, которое противорѣчитъ дѣйствительности, могло подлежать передачѣ черезъ историческіе Indicativ'ы, — а это, кажется, *послѣдній* отѣнокъ этихъ Indicativ'овъ, съ которымъ приходится симасіологу имѣть дѣло, — это мы можемъ выяснитъ не теперь, а при другомъ случаѣ, ниже.

Настоящихъ замѣтокъ, быть можетъ, достаточно для надлежащаго усвоенія симасіологіи грамматическихъ формъ Indicativ'a и его времяиъ. Если когда-нибудь въ греческомъ текстѣ встрѣтится такое явленіе, котораго мы не предупредили предложенными замѣтками, — если въ *живомъ* греческомъ языкѣ придется наталкиваться на какую-нибудь Indicativ'ную форму, полнаго соотвѣтствія которой въ *живомъ* же русскомъ языкѣ нѣтъ подъ рукою, то, надѣемся, нетрудно будетъ, нимаю не отступая, а напротивъ, *непосредственно* исходя отъ *уясненныхъ* нами значеній той или иной Indicativ'ной формы, самому дойти до сознанія того *психологическаго* мотива (другого мотива, кромѣ *психологическаго*, для объясненія такихъ случаевъ и быть не можетъ), которымъ языкъ руководился при употребленіи *данной* формы.

alen Bedingungssätzen der Vergangenheit oder in den dieselben vertretenden Satzgefügen, wo die lateinische und deutsche Sprache ihr *Plusquamperfectum* setzen. Ein Paar Beispiele mögen dies zeigen:

II. τ. 271: οὐκ ἂν δὴ ποτε θυμὸν ἐνὶ στήθεσσι μοῖσιν
'Ατρείδης ὄρινε δαίπερες, οὐδέ κεν κοῦρην
ἦγεν ἐμεῖ ἀκόντος ἀλλὰ ποδὶ Ζεὸς
ἦθελ' Ἀργείοισιν θάνατον πολέσσι γενέσθαι.

Выраженію *ἦγεν ἂν*, конечно, нужно въ *данномъ* случаѣ противопоставитъ мысль *увелъ*, а не *уводитъ*. Да и нѣтъ основанія, почему непременно Imperfect'у *ὄρινε ἂν* нужно бы противопоставлять *настоящее* время: *οὐκ ἂν ἐψεύδοι* значить »ты могъ не говорить лжи«, *οὐκ ἂν ἐψεύσθη* — »онъ могъ не сказать ложь, *οὐκ ἂν ἐψευσμένοι ἦμεν* — »мы могли оказаться не сказавшими лжи« и только; а что слѣдуетъ *„противопоставлять“*, это дѣло болѣе широкаго контекста.

Нечего распространяться, напр., о явленіяхъ въ родѣ »*Ti' ou kai Prodikon kai Iplian ekalesamen, ina elakousoun hmin*« (Plato, Protag. 317a; смыслъ: »въ такомъ случаѣ позвать бы намъ и Продика, и Иппія, чтобы они послушали насъ«). Психологическій мотивъ появленія въ греческомъ языкѣ формы »*ekalesamen*« ясенъ. То поощреніе, — тотъ совѣтъ, который въ діалогѣ Платона одинъ изъ собесѣдниковъ даетъ присутствующему обществу, въ греческомъ языкѣ сообщенъ въ формѣ *удивленія*: почему же то, что кажется этому собесѣднику самымъ подходящимъ, не было уже давно исполнено.

Перейдемъ къ Conjunctiv'у.

На правильное уясненіе симасіологіи Conjunctiv'a наводятъ насъ случаи его употребленія, встрѣчающіеся *исключительно* у Омира, вслѣдствіе чего мы можемъ принять терминъ »омировскій Conjunctiv«, какъ *особый* терминъ для обозначенія этихъ случаевъ. Я имѣю въ виду мѣста какъ то: *ei emoi ou tisouoi boon epikhe' amoiβhn, dusoμαi eis' Aidao kai en vekusesoi φαεινω* (Od. μ 382); *ouπω τοιους' idon aneras oudē idomai* (Il. α 262) и др. Слова *φαεινω*—*ιδωμαi*, очевидно, выражаютъ »познавательное« сужденіе, относящееся къ *будущему* времени. Но для »познавательнаго« сужденія въ будущемъ времени у насъ уже есть другія грамматическія формы, именно Indicativi futuri simplicis и futuri exacti, и трудно предположить, чтобы языкъ, не такъ богатый въ концѣ концовъ разнообразіемъ своихъ формъ, какъ богата разнообразіемъ оттѣнковъ сама мысль, вдругъ сталъ бы проявлять такую роскошь, что для одного и того же оттѣнка мысли выработалъ бы двѣ, *ничѣмъ* другъ отъ друга по значенію своему не отличающіяся грамматическія формы. Поэтому мы должны постараться разыскать *разницу* значенія между futurum simplex и exactum съ одной стороны и между »омировскимъ Conjunctiv'омъ« — съ другой. Разница эта напрашивается здѣсь сама собой: она можетъ заключаться единственно въ томъ, что черезъ futurum simplex и exactum я, говорящій, высказываю свое сужденіе по отношенію къ будущему времени *съ увѣренностью*, а

через Conjunctiv высказываю то же съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: »οὐδὲ ἴδωμαι« будетъ по русски: »и врядь ли увижу«.

Итакъ, »омирровскій Conjunctiv« есть *будущее* время *познавательнаго* сужденія, высказаннаго съ сомнѣніемъ, причеь, такъ какъ Conjunctiv'овъ у насъ *три* («этимологическіе» термины для нихъ: Conjunctivus praesentis, Conjunctivus aoristi и Conjunctivus perfecti), различіе между ними по отношенію къ »познавательному« сужденію будетъ такое же, какое мы установили между Imperativ'ами по отношенію къ »желательному« сужденію (смотри выше стр. 114). Заявляемъ, что такимъ остается Conjunctivus во *всѣхъ* случаяхъ его употребленія. Это поняли уже греки, называя наше наклоненіе »διστακτικῆ« (διστακμός = сомнѣніе).*) Латинскій терминъ »Conjunctivus« представляетъ собою нѣчто слишкомъ вѣдшее. Имъ имѣлось въ виду указать на то обстоятельство, что наше наклоненіе появляется обыкновенно (далеко не всегда) въ соединеніи (conjungo) съ подчиняющими одно предложеніе другому союзами. На то же указываетъ и греческій терминъ »ὑποτακτικῆ«, выработавшійся рядомъ съ терминомъ »διστακτικῆ«. Замѣчательно, что этимологическая форма греческаго Conjunctiv'a, представляющаго *почти* тотъ же Indicativ (хотя и *ограми-*

*) О существованіи этого выразительнѣйшаго термина у древнихъ сообщаетъ намъ Аполлоній Дисколъ, хотя самъ онъ относится къ нему не особенно сочувственно. Вотъ его слова (de constr. III. 264): ἐκτὴς ἑπτέων παρὶ τῆς ὑποτακτικῆς ἐπιπίπτει, ἢν τις καὶ διστακτικὴν ἀποφαίνεται ἀπὸ τοῦ ἐκ αὐτῆς θλουμένου... σαφὲς γάρ ἐστι τὸ ἐὰν γράφω καὶ τοῦτοις ὅμοια διστακτικῶν τοῦ ὡς ἐβούλευτο πράγματος σημαίνει ἀλλ' ἴδωμαι ἀντικείμεται τὸ μηδὲ αὐτὰ εἶναι τῆς ἐννοίας τοῦ διστακμοῦ, τὸν δὲ παρακείμενον οὐδένα οὐκ αἴτιον γίνεσθαι τῆς διστακτικῆς ἐννοίας. Нѣтъ сомнѣнія, что »ἴδωμαι« усиливаетъ собою διστακτικῶν; но чтобы отъ него только зависѣлъ дистактический смыслъ фразы ἐὰν γράφω, или даже, какъ Аполлонію хотѣлось бы утверждать, отъ всего ἴδωμαι, это едва ли такъ. Ужъ не потому ли Аполлоній здѣсь спорить что онъ вообще любитъ спорить? Наши теперешніе грамматикѣ тоже недоумѣваютъ на счетъ греческаго Conjunctiv'a, какъ и Аполлоній. Замѣчательно уклончивый отвѣтъ по этому вопросу даетъ Brugmann (Handb. II. 190): Als Grundbedeutung des Conjunctivs wird jetzt gewöhnlich mit Delbrück die des Willens, des machtbewussten Begehrens angesehen, aus der sich allerdings alle Functionen ohne Zwang entwickeln lassen. Der Conjunctiv enthielt immer eine Hinweisung auf Verwirklichung des im Sinn liegenden, ein Moment, das dem Optativ in der Regel abgieng. Затѣмъ Бругманъ различаетъ *три* значенія: 1. die voluntative Bedeutung; 2. die deliberative Bedeutung и, наконецъ,

ченнѣй во временномъ отношеніи, такъ какъ онъ имѣетъ исключительно только *futural'*ное значеніе), даже своими *окончаніями* похожа на *Indicativ* (только такъ называемыя »соединительныя гласныя« въ *Conjunctiv'*ѣ — долгія, да у Омира и то не вездѣ). — Остальные случаи употребленія *Conjunctiv'a* (*кромя*, стало быть, »омировскаго« *Conjunctiv'a*) можно раздѣлить на пять симасіологическихъ группъ. Группы эти — слѣдующія.

1. *Conjunctivus finalis* (*ἔλεγον ταῦτα, ὅπως μάθῃτε...*)

Въ сущности, усматриванье цѣли въ разбираемыхъ нами въ настоящее время случаяхъ вытекаетъ непосредственно лишь изъ *общаго* впечатлѣнія, получаемого не отъ одного *futural'*наго значенія *Conjunctiv'a* (это *futural'*ное значеніе не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ *виѣсто* *Conjunctiv'a* можно прямо и *встрѣтитъ* въ нашихъ случаяхъ *Indicativus futuri*), но *виѣстѣ* съ этимъ отъ синтаксической, а стало быть, *непремѣнно* ужъ и *психо-логической* »подчиненности« выраженія, въ которомъ находится самъ *Conjunctiv*, *другому* выраженію. Фраза *ἔλεγον ὑμῖν ταῦτα, ὅπως μάθῃτε* обозначаетъ, собственно, если разбирать слово за словомъ, »я говорилъ вамъ это (такимъ образомъ), какимъ (= *ὅπως*) вы *авось* поймете«. Цѣль же собственно отличается нашъ *Conjunctiv* *самъ по*

3. die futurische Bedeutung, т. е. нашъ »омировскій *Conjunctiv*« (порядокъ, какъ видно, *совсѣмъ* не »историческій«!) Еще болѣе нерѣзительно высказывается самъ Дельбрюкъ (*Synt. Forsch. IV. 116*): Endlich habe ich als Grundbegriff des *Conjunctiv*s den Willen, als Grundbegriff des *Optativ*s den Wunsch angenommen. Ich gebe jetzt zu, dass ich nicht vermag den Begriff des Willens oder einen anderen Grundbegriff mit der Form des *Conjunctiv*s in einen etymologischen Zusammenhang zu bringen, und auch die Analyse der *Optativ*form steht nicht so fest, dass ich an ihr ein syntaktisches Gebäude errichten möchte. Es bleibt also nur übrig, die Grundbegriffe aus der Betrachtung der Gebrauchsweisen zu gewinnen, wenn man nicht vorzieht, auf diesen Versuch überhaupt zu verzichten. Unternimmt man den Versuch der Darstellung von einem Grundbegriff aus, so wird man sich, glaube ich, immer noch am meisten durch meine Formulierung Wille und Wunsch befriedigt fühlen. Eine andere Möglichkeit wäre, in beiden Modi den *futurischen* Sinn zu finden, und zwar im *Conjunctiv* die Bezeichnung der nahen, im *Optativ* die der ferneren Zukunft. Ближе къ истинѣ понялъ *Conjunctiv* Н. D. Müller, придерживаясь своего »*potentialis*« (смотри выше стр. 112). Der griechische *Conjunctiv* — говоритъ онъ *Sprachb. 17* — ist also der *Modus potentialis* der Gegenwart, der aber als solcher auch die Zukunft mit umfasst.

себя отъ »омировскаго« Conjunctiv'a? Ничѣмъ, за исключеніемъ именно психо-логической его подчиненности *другому* выраженію *другого* сужденія. Быть можетъ, стануть оспаривать въ нашемъ Conjunctiv'ѣ значеніе »познавательнаго« сужденія и захотятъ въ немъ усматривать значеніе сужденія »желательнаго«: быть можетъ, первое будутъ оспаривать въ виду того, что при нашемъ Conjunctiv'ѣ, когда высказывается *отрицательная* цѣль, въ языкѣ появляется *μή* а не *οὐ*. Конечно, нельзя не согласиться съ тезисомъ, что появленіе въ языкѣ слова *μή* или слова *οὐ* зависитъ, между прочимъ, отъ познавательнаго или желательнаго характера рѣчи, но это только *между прочимъ*, и зависимость эта касается только характера *рѣчи*, т. е. того *общаго* впечатлѣнія, которое должна произвести на насъ *вся* фраза, а вовсе не симасіологіи *наклоненія*. Ужь трудно оспаривать за *Indicativ'*омъ значеніе *именно* познавательнаго сужденія, а между тѣмъ тотъ же *Indicativ*, когда замѣняетъ собою нашъ *final'*ный *Conjunctiv*, получаетъ отрицаніе *μή*, а не *οὐ*.*) Вообще, симасіологія словъ *μή* и *οὐ* представляетъ собою нѣчто до того своеобразное и до того сложное, что въ синтаксисѣ, строящемся на *симасіологической* почвѣ, она должна получить *особое* мѣсто и не можетъ быть рѣшаема совместно съ симасіологіей *наклоненій*, такъ какъ съ послѣднею, какъ окажется, она имѣетъ *очень мало* общаго. Отказываясь отъ дальнѣйшаго связыванія симасіологіи отрицаній съ симасіологіей *наклоненій* и *τοῦ ῥήματος* вообще (если въ настоящемъ отдѣлѣ замѣтокъ придется имѣть дѣло съ *οὐ* или *μή*, то мы появленіе такого или иного отрицанія просто будемъ принимать къ свѣдѣнію), мы дѣлаемъ въ данномъ случаѣ исключеніе только потому, что пришлось затронуть самый *вопросъ* объ отношеніи одной симасіологіи къ другой. Очевидно, языкъ руководится въ постановкѣ отрицанія при *final'*номъ *Conjunctiv'ѣ* не *значеніемъ* самого

*) Въ виду *этого* и подобныхъ ему случаевъ употребленія *Indicativ'a*, между прочимъ, Н. D. Müller и *нашею* нужнымъ (см. выше стр. 111) заявить, что *nicht alle Formen, welche man unter den Namen Indicativus zu begreifen pflegt, dürfen ohne Weiteres auch begrifflich darunter subsumirt werden.*

Conjunctiv'a, а тѣмъ упомянутымъ выше цѣльнымъ впечатлѣніемъ *всей* фразы (это бываетъ не только при отрицаніяхъ, но и вообще часто въ языкѣ);*) это цѣльное впечатлѣніе *всей* фразы, пожалуй, *дѣйствительно* опредѣляется въ концѣ концовъ, какъ *желаніе* чего-нибудь *достигнуть* или чему-нибудь *воспрепятствовать* (соотвѣтственно этому въ нашихъ фразахъ появляется рядомъ съ final'нымъ Conjunctiv'омъ и Optativus finalis; но объ Optativ'ѣ рѣчь впереди, и тогда придется снова вернуться и къ Conjunctivus finalis). Остается еще замѣтить, что къ final'ному Conjunctiv'у, въ видахъ усиленія (симасіологическая тавтологія!) того нерѣшительнаго тона, которымъ говорящій выражаетъ свое сужденіе черезъ Conjunctiv, языкъ прибавляетъ еще выражающее «возможность» слово *ἄν* (*ὡς ἄν μάθῃς, ἄκουσον* — чтобы ты *авось, можетъ быть*, понялъ, ты послушай).

2) *Conjunctivus dubitativus* (*οἷσθα, διότι θαυμάζεις, ἢ ἐγὼ σοι εἶπω*). То присужденіе дѣйствія, которое при употребленіи Conjunctiv'a *вообще* говорящій высказываетъ всегда съ *нерѣшительностью* въ *познавательномъ* смыслѣ по отношенію къ *будущему* времени, въ *данномъ* случаѣ онъ относитъ къ *самому себѣ* (*Conjunctivus dubitativus* имѣетъ мѣсто лишь въ *первомъ* лицѣ). Черезъ это въ нашемъ Conjunctiv'ѣ говорящій рисуется передъ слушателемъ колеблющимся не только въ *присужденіи* дѣйствія, но, разъ онъ это дѣйствіе присуждаетъ *себѣ*, и въ самомъ своемъ *дѣйствіи*. Представленіе такого колебанія усиливается въ глазахъ слушателя *вопросительнымъ характеромъ* выраженія, заключающаго въ себѣ *dubitativ'ный* Conjunctiv. Вопросительный характеръ есть такая же *condicio sine qua* поп для *dubitativ'наго* Conjunctiv'a въ помѣщающихъ его

*) Ужъ никто не станетъ отрицать, что напр. обороты *βαρῆως φέρω* — *πρῶτος φέρω* должны бы, по смыслу заключающихся въ нихъ *ἐπιμάτων*, дополняться Accusativ'омъ; а между тѣмъ, благодаря общему впечатлѣнію, производимому каждымъ изъ этихъ оборотовъ *во всей его сложности*, языкъ свернулъ въ надежномъ дополненія на дорогу словъ *ἄχθοναι, ῥαθυμίω* и т. п., и поэтому появляются — правда, *рядомъ* съ Accusativ'омъ, — выраженія *«βαρῆως φέρω τοῖς παρόντι»* (Хен. Анаб. I. 3. 3) — *πρῶτος φέρουσι ἐπὶ τοῖς ὑπομένουσιν* (Dem. 58. 55).

въ себѣ *выраженія*хъ, какою является первое лицо въ его собственномъ грамматическомъ *окончаніи*. Черезъ этотъ характеръ *выраженій* самое *присужденіе* оставляется подъ вопросомъ, который не только еще *долженъ* такъ или иначе *рѣшить* самъ говорящій, но къ рѣшенію котораго онъ, говорящій, привлекаетъ очень часто и *слушателя*. Привлекая *слушателя* къ рѣшенію вопроса, я могу *вызвать* въ немъ опять—таки не только *познавательное*, но и *желательное* сужденіе. Поэтому то нашъ Conjunctivus и соединяется такъ часто съ *ῥήματ'ами* βούλεσθε, θέλεις и др. (Θῷ. βούλεσθε, δωδεκάτην ἡμέραν εἰσφέρειν; *желаніе* слушателя въ данномъ случаѣ выражено не черезъ какое-нибудь *наклоненіе*, а черезъ особое *слово*, черезъ особое (*ῥήμα*)).

3) *Conjunctivus imperativ'ный* (ἴωμεν — μηδὲν πλέον αὐτῷ γένηται). Въ выраженіи »*ἴωμεν*« я, говорящій, обращаюсь собственно къ *другимъ*, и черезъ отождествленіе другихъ съ собою (это отождествленіе и дѣлаетъ возможнымъ появленіе въ языкѣ *перваго* лица множ. числа) *выставляю* себя лишь *иниціаторомъ* и *соучастникомъ* того дѣла, которое я приказываю совершить *другимъ*. Никто не сомнѣвается, что русское »*пойдемъ*« есть, по *собственному* его значенію, Indicativus futuri, служащій для *категорическаго* заявленія о чемъ-то, — для выраженія *познавательнаго* сужденія о томъ, что то-то будетъ. Если форма, служащая для *категорическаго* заявленія о томъ, что то-то будетъ, психологически могла быть перенесена на *желаніе*, чтобы то-то было (это бываетъ часто; такъ, учитель иногда говоритъ ученикамъ: »*сначала* прочитаете текстъ, а потомъ и т. д.«), то тѣмъ паче это могло случиться съ греческимъ Conjunctiv'омъ, служащимъ не для *категорическихъ* заявленій о будущемъ, а заявленій *нерѣшительныхъ*, сопровождаемыхъ *сомнѣніемъ* на счетъ осуществимости заявляемаго. Форма »*ἴωμεν*« не обозначаетъ собственно »*пойдемъ*«, а равняется русскому »*пойдемъ, можетъ быть*« = »*пойдемъ, что-ли*«.

Укажутъ, быть можетъ, и на то, что въ »*ἴωμεν*« слышится *оттѣнокъ вопроса*, и припомнятъ по этому поводу

Conjunctivus dubitativus. Но если этотъ оттѣнокъ и слышится въ »ἴωμεν,« то онъ въ выраженіи »μηδὲν πλέον αὐτῷ γένηται« совсѣмъ заглушается (заглушается, впрочемъ, благодаря внесенію новаго, сравнительно съ прежнимъ, элемента, именно — отрицанія), и во всякомъ случаѣ слышенъ этотъ оттѣнокъ лишь настолько, насколько онъ данъ самимъ понятіемъ *неръшительности*, выражаемой въ Conjunctiv'ѣ; формально, какъ бы то ни было, въ Imperativ'номъ Conjunctiv'ѣ онъ не поставленъ. — Выходить изъ всего, что напѣ Conjunctivus сталкивается въ языкѣ съ Imperativ'омъ.

Разъ мы сопоставляемъ Imperativ'ный Conjunctiv съ самимъ Imperativ'омъ, то нужно замѣтить, что въ первомъ лицѣ множественнаго числа возможенъ *только* Conjunctiv, и языкъ даже не выработалъ никакой Imperativ'ной формы для этого случая. Въ виду того, что въ этомъ Conjunctiv'ѣ я, говорящій, выставленъ инициаторомъ и *соучастникомъ* дѣла, самъ Conjunctiv не безъ основанія получаетъ названіе Conjunctivi adhortativi — Conjunctivus поощренія.*) Усиливается онъ черезъ Imperativi: ἴετε, φέρε и т. д. (такъ и по русски: »давайте, пойдемъ«). Conjunctiv первого лица *единственнаго* числа былъ бы невозможенъ (ибо »приказывать« самому себѣ я не могу, развѣ, если *раздвою* себя на два лица, — одно, *которое* приказываетъ, а другое, *которому* приказываютъ), — Conjunctiv первого лица *единственнаго* числа, я говорю, былъ бы невозможенъ, если бы не было того обстоятельства, что приказаніе можетъ относиться къ *другимъ* лицамъ, а ко мнѣ лишь пассивная сторона дѣйствія (μη ἀδικηθῶ), или что *поощреніе*, на которое мы указывали при разъясненіи формы *множественнаго* числа,

*) H. D. Müller (Sprachb. 19.): Bei dem adhortativen Gebrauch der ersten Person Pluralis darf nicht ausser Acht gelassen werden, dass in der Regel derjenige, welcher sie gebraucht, gar nicht in der Lage sein wird, einen auch die übrigen Personen bindenden und zwingenden Entschluss auszusprechen. Er kann nur einen Vorschlag machen und muss es dahin gestellt sein lassen, ob die anderen seinem Vorschlage beitreten werden oder nicht. Es ist also auch hier nur eine gewisse *Wahrscheinlichkeit* vorhanden, dass die Thätigkeit *werde realisirt werden*. Ursprünglich würde demnach z. B. ἴωμεν etwa dem deutschen *wir gehen wohl, wir könnten wohl gehen* ziemlich genau entsprechen.

я вижу въ *δρουιχ* для себя. Это то поощреніе прямо и *выражено* въ русскомъ оборотѣ »дай — лягу«; сравни греческіе примѣры: — *φέρ' ἀναλάβω* — *ἐπίσχετ' αὐδὴν τῶν ἔσωθεν ἐκμάθω* — *λέγε δὴ ἴδω*. — *μὴ τρέσης μιάσματος τοῦμοῦ μετασχεῖν, ἀλλ' ἐλευθέρως θάνω*. Не замѣчаетъ ли тутъ читатель связи съ Conjunctiv'омъ final'нымъ, особенно же въ виду такой фразы, какъ Платоновское »λέγε δὴ ἴδω« или какъ Soph. Trach. 802: *πόρθημεσον ὡς τάχιστα μηδέ αὐτοῦ θάνω* (= и не давай умирать здѣсь; собственно: и да не будетъ того, что я, быть можетъ, здѣсь умру).*)

Что касается второго и третьяго лица, то въ *aorist'н* при *отрицаніи*, обыкновенно (не вездѣ) появляется Conjunctiv, въ остальныхъ же случаяхъ, *еще обыкновенно* (но тоже не всегда**), — Imperativ. Эта то наша замѣтка находится въ связи съ сказаннымъ объ imperativ'ѣ на стр. 126. Тамъ мы разъяснили, что появленіе отрицанія при Imperativ'ѣ влечетъ за собою Imperativ'ную форму *praesentis*. Оттѣнокъ сопатус, какъ мы тогда говорили, удобно влагается въ самый Imperativ, какъ выраженіе, — при соединеніи съ нимъ *отрицанія*, — прямого »запрещенія« самой *затѣи* такого или иного дѣла. Не то приходится утверждать о нашемъ »imperativ'номъ Conjunctiv'ѣ«, и не о сопатус можетъ быть въ этой формѣ рѣчь, когда она соединена съ отрицаніемъ. Если Conjunctivus imperativ'ный *дѣйствительно* связанъ съ Conjunc-

*) Немного иначе H. D. Müller (Sprachb. 18). Was zunächst die erste Person Sg. betrifft, so ist es klar, dass wenn ich durch den Gebrauch dieser die Vollziehung irgend einer Thätigkeit, deren Subject ich selbst bin, als möglich oder wahrscheinlich ausspreche, ich damit auch ausdrücke, dass es meine Absicht sei, dieselbe eventuell zu realisiren; denn jene *Wahrscheinlichkeit* beruht doch nur auf einem noch nicht völlig zum Durchbruch gekommenen — gewissermassen noch zögernden — Entschlusse. Anschaulich wird uns dies, wenn wir z. B. ἴω übersetzen: *ich gehe wohl, ich gehe vielleicht, ich möchte wohl gehen* — Ausdrücke, welche auch im Deutschen zunächst potentialen Sinn haben, aber doch ungefähr so viel bedeuten wie *ich will gehen*, nur dass beim Gebrauch des letzteren Ausdrucks eine kategorische Willenserklärung abgegeben wird, die man beim Gebrauch der ersteren auszusprechen vermeidet.

**) Что ни то, ни другое не есть *всегдашнее*, а только лишь »обыкновенное« явленіе, въ этомъ можно убѣдиться у Kühner'a Ausf. Gramm. II. 202-3.

tiv'омъ final'нымъ*), то выраженное въ немъ желаніе чего-нибудь *достигнуть* сводится, при отрицаніи, къ желанію чему-нибудь *воспрепятствовать* т. е. воспрепятствовать »*осуществленію*« чего-нибудь, а потому при отрицаніи умѣстенъ именно aorist, какъ форма, указывающая *прежде всего* на »осуществленіе« дѣйствія.

4. *Conjunctivus condicionalis* (ἐὰν ἔχωμεν χρήματα, ἔξομεν φίλους — ἢν ἐγγὺς ἔλθῃ θάνατος, οὐδεὶς βούλεται θνήσκειν. — τούτοις μάλιστα ἐθέλουσι πείθεσθαι, οὓς ἂν ἤγῶνται βελτίστους εἶναι. — ἂν γνῶς τί ἐστὶ ἄνθρωπος ἡδίων ἔσει). Читатель догадывается, что ἂν, прибавляемое здѣсь къ союзу или вообще къ слову, играющему роль союза, представляет собою лишь *второе* симасіологическое средство (опять симасіологическая тавтологія!) для обозначенія того же, что намѣчено самимъ Conjunctiv'омъ. Въ аттической прозѣ, — въ языкѣ, стало быть, конверсационномъ, привыкшемъ уже къ шаблоннымъ *схематизмамъ* и менѣе *сознательно* относящемся къ своимъ собственнымъ средствамъ, — это ἂν сдѣлалось почти обязательнымъ; въ оми-

*) Н. D. Müller, не устанавливая никакого особаго Conjunctiv'a final'наго, точно также какъ не устанавливаетъ и Conjunctiv'a condicional'наго, вѣроятно, изъ боязни впасть въ противорѣчіе съ дѣленіемъ греческихъ наклоненій, сообщеннымъ нами на стр. 112, думаетъ, что *настоящее μὴ* и *настоящій* Conjunctiv связаны съ *тѣмъ μὴ* и съ *тѣмъ* Conjunctiv'омъ, которые мы ставимъ ниже подъ 5 --ымъ пунктомъ, и для которыхъ онъ предлагаетъ терминъ *Warnungsausdruck*, причемъ напр. *μὴ τὸ κακὸν ὑπέξωκε καὶ ἡμέας ἐξέλασθαι* (Od. π. 308) онъ объясняетъ такъ (Sprachb. 24): „sie möchten (könnten) wohl etwas Schlimmes thun und uns . . . treiben . . .“ Das vorausgeschickte *μὴ* dient also, ähnlich wie in den indirekten Fragesätzen nur dazu, die durch den Conjunctiv ausgedrückte Möglichkeit von vorn herein gewissermassen in Sicht zu stellen und dadurch stärker hervorzuheben . . . Kurz, *μὴ* hat hier so gut wie bei der Einführung indirekter Fragesätze indefinite Bedeutung, dient nicht der Verneinung, sondern der Hervorhebung und Bekräftigung der *Wahrscheinlichkeit*. Что касается самого final'наго Conjunctiv'a, то онъ и *его* подводитъ подъ этотъ *Warnungsausdruck* (это, конечно, возможно лишь въ *отрицательныхъ* final'ныхъ выраженіяхъ). Такъ, на стр. 25 у него сказано: Es wird auch unsere Erklärung dadurch nicht beeinträchtigt, dass solche abhängige Sätze mit *μὴ* und dem Conjunctiv Aoristi oft scheinbar finalen Sinn ausdrücken und in solchen Fällen *μὴ* sich auch durch *damit nicht* übersetzen lässt. Z. B. Od. ω. 24 ἀλλ' ἵωμεν, μὴ φθίωσι περαιωθέντες ἐκείνοι καθὼς man übersetzen „lasst uns gehen, *damit* jene *nicht* zuvorkommen“; eben so gut aber kann man den zweiten Satz als unabhängigen Hauptsatz fassen in dem Sinne „es könnten jene wohl gar zuvorkommen.“

ровскомъ и поэтическомъ языкѣ. болѣе вольномъ и болѣе сознательно относящемся къ каждому слову, которое произносится, можно и встрѣтить *ἄν*, — respective *κεν*, — но очень часто можно и не встрѣтить его. — Въ нашемъ Conjunctivѣ придется обратить вниманіе на одно обстоятельство. Что его можно и *σλῶδуетъ* переводить будущимъ временемъ, — всякому извѣстно («буде узнаешь = въ случаѣ, если узнаешь, — а можетъ выйти и такъ, что не узнаешь, — то« . . . = »ἐὰν γινῶσ«). Но часто приходится переводить и настоящимъ временемъ («кто изъ насъ, быть можетъ, думаетъ, что надобно иначе разсуждать, тотъ ошибается = *ὅστις ἄν οἴηται*«). Мы уже говорили, что, строго разсуждая, настоящаго времени нѣтъ. Въ русской фразѣ «кто изъ васъ, быть можетъ, думаетъ» и *есть* настоящее время, и *нѣтъ* его. Настоящее — оно по формѣ, а будущее оно — постольку, что какъ *настоящее*, т. е. какъ *фактъ*, въ настоящее время вполне *сознаваемъ* и *познаваемъ* говорящимъ, оно вовсе *не раскрыто*. Въ приведенной русской фразѣ я говорю только *на случай*; быть можетъ этого случая и не окажется, а если окажется, то только въ *будущемъ* времени. Да, мы имѣемъ основаніе говорить о *нераскрытомъ настоящемъ времени*, какъ о чемъ то особенномъ, и языкъ *имѣетъ* основаніе отнести къ такому *нераскрытому* настоящему времени, какъ къ *будущему*. Грамматика относитъ такой *condicional'ный* Conjunctivъ подь особый терминъ *iterativ'a*. Но объ этомъ *iterativ'ныхъ* историческихъ Indicativ'ахъ съ *ἄν* (смотри выше стр. 132).

5. *Conjunctivъ* съ *μή*, или лучше, — *μή* съ *Conjunctiv'омъ* (*μή τοῦτο καθὼς ἀποβῆι — μή ταῦτα οὕτως ἔχη*). Слово *μή* есть въ данномъ случаѣ чисто риторическое, а именно риторически-вопросительное (*μή τοῦτο καθὼς ἀποβῆι* = не выйдетъ ли это худо), и *усиливаетъ* собою отгѣнокъ сомнѣнія, намѣченный самимъ *Conjunctiv'омъ*. Я говорю о риторически-вопросительномъ *μή* и противоплагаю его *прямому* вопросу, въ которомъ требуется отъ слушателя *отвѣтъ*, между тѣмъ какъ при нашемъ *μή* и при внесеніи

въ него вопросительнаго тона, обращеннаго къ слушателю, послѣдній дѣлается лишь *соучастникомъ* недоумѣнія говорящаго. Это — съ одной стороны; съ другой — риторически-вопросительное *μή* нужно противополжить *дѣйствительному* отрицанію, относящемуся къ *содержанію* сужденія. Если бы *содержаніе* сужденія въ разбираемыхъ нами »Соп-*junctiv'*ахъ съ *μή*« было *дѣйствительно* отрицательное, тогда должно появиться въ текстѣ кромѣ *μή* еще и *οὐ* (*μή τοῦτο οὐ κατορθώσῃς* = не выйдетъ ли такъ, что ты этого дѣла, быть можетъ, не исправншь). Далѣе; если бы само *сомнѣніе*, вносимое уже *начальнымъ* словомъ оборота, именно словомъ *μή*, — еслибъ это сомнѣніе захотѣлось говорящему уничтожить, то въ языкѣ появится *οὐ μή* (*οὐ μή τοῦτο γένηται* = *нѣтъ* того опасенія, что это, быть можетъ, случится = »не бывать этому«; этотъ оборотъ, какъ *выразительно* уничтожающій черезъ *οὐ* всякое сомнѣніе, обозначенное въ языкѣ черезъ *μή* и черезъ *Соп-*junctiv'**, *сильнѣе* простой фразы »этого не будетъ«). Въ виду того, что само *μή* вноситъ въ рѣчь оттѣнокъ сомнѣнія и при *Соп-*junctiv'**ѣ является *вторымъ* симасіологическимъ средствомъ для выраженія одного и того же оттѣнка, мы можемъ встрѣтить при *μή* и *Indicativus* будущаго времени, такъ что оттѣнокъ сомнѣнія, выраженный было и въ *Соп-*junctiv'**ѣ, всецѣло передвигается на *μή* (*μή συμφορὰ γένησεται τὸ πρῶμα*). Этотъ *Indicativ* дѣлается при *μή* обязательнымъ, конечно, тамъ, гдѣ языкъ не *выработалъ* особаго склоненія для познавательнаго сужденія съ оттѣнкомъ сомнѣнія, — т. е. въ прошедшемъ времени (*μή δὴ πάντα νημερτέα εἶπεν*). Что же касается *настоящаго* времени, то при *μή* съ *Соп-*junctiv'**омъ мы опять таки имѣемъ дѣло лишь съ »*нераскрытымъ*«, *фактически*, »*настоящимъ* *временемъ*« (*μή ἤμας φενακίζῃ ὁ σοφιστής* = не окажется ли = не будетъ ли тутъ обмана со стороны софиста). О *дѣйствительному* настоящемъ времени можно заговорить лишь въ томъ случаѣ, когда самый фактъ уже *прошелъ*, и мы считаемся въ нашей мысли не съ нимъ, съ фактомъ, а съ его *результатомъ*, который и *начинается* съ момента

окончания факта, проходя *действительно* через *настоящее* время. Языкъ въ этихъ случаяхъ употребляетъ $\mu\eta\ \eta\muαρτ\eta\text{-}\kappa\alpha\mu\epsilon\nu$ (т. е. опять таки Indicativ) = не сдѣлана ли тутъ ошибка, — хотя теорія допускаетъ и *здесь* Conjunctiv (на практикѣ его трудно найти; $\mu\eta\ \eta\muαρτ\eta\kappa\acute{o}\tau\epsilon\varsigma\ \delta\mu\epsilon\nu$ будетъ имѣть смыслъ »не *окажется* ли, что тутъ сдѣлана ошибка?«

Остается разобрать Optativ.

Optativus, какъ то сознано было уже составителями *термина* для этой грамматической формы (по гречески — $\epsilon\upsilon\chi\eta\tau\eta\acute{\iota}$), есть наклонение *желательнаго* сужденія. Въ виду разныхъ симасіологическихъ отгѣнковъ Optativ'a, мы можемъ толковать о выраженіи *чистаго* желательнаго сужденія, какъ о первомъ *отгѣнкѣ* Optativ'a, и назвать его по этому отгѣнку »Optativus *κατ' ἐξοχήν*«. Сравни: $\delta\lambda\omicron\iota\mu\eta\nu$ = да погибну я = $\epsilon\acute{\iota}\theta\epsilon\ \delta\lambda\omicron\iota\mu\eta\nu$ ($\epsilon\acute{\iota}\theta\epsilon$ есть *второе* симасіологическое средство для выраженія того же желанія). Отъ Imperativ'a отличается »Optativus *κατ' ἐξοχήν*« тѣмъ, что въ Imperativ'ѣ говорящій обращается за исполненіемъ своего желанія къ *другимъ*, а въ Optativ'ѣ онъ лишь *передъ* другими высказываетъ о своемъ желаніи, ища исполненіе его *помимо* ихъ. Какъ Imperativ, такъ и Optativ, являясь выраженіемъ желанія *говорящаго* (мы нарочно подчеркиваемъ слово »говорящаго« въ виду слѣдующаго ниже), есть всегда или »будущее«, или же, — скажемъ теперь, — »нераскрытое настоящее« время (»нераскрытое настоящее« можно найти и въ Imperativ'ѣ; сравни фразу »ну, пиши же, пиши!«), и сохраняетъ въ своихъ разнообразныхъ грамматическихъ формахъ (»этимологическіе« термины для нихъ: Optativus praesentis, Optativus aoristi, Optativus perfecti) тѣ же *видовыя* отгѣнки времени, какъ и Imperativ. Внося въ толкованіе видовыхъ отгѣнковъ времени Optativ'a терминъ »нераскрытое настоящее«, — тоже, въ сущности, будущее, — мы можемъ противопоставить этому термину лишь терминъ »раскрытое настоящее« (представляя себѣ нѣчто раскрытое какъ *фактъ*), т. е. *грамматически*, — а затѣмъ и *психо-логически* — »прошедшее« время (относящійся къ *настоящему* времени

результатъ факта можетъ быть также представленъ *нераскрытымъ* для говорящаго, и въ языкѣ встрѣчается тогда Optativ perfecti. Сравни фразу »*εἰ σωσωμένος εἶη* = о если бы въ будущемъ оказалось, что онъ спасенъ«). Относить желаніе къ чему-нибудь уже прошлому — по меньшей мѣрѣ напрасно (сдѣланнаго не передѣлаешь). Поэтому мы въ языкѣ употребляемъ въ такихъ случаяхъ выраженія *познавательныхъ* сужденій и говоримъ »*ἀλλ' ὄφειλε Κύριος ζῆν* (слѣдовало жить Киру = жить было Киру), или же, передавая желаніе не черезъ наклоненіе, а черезъ особое слово *εἶθε*, прибавляемъ къ »*εἶθε*« Indicativ'ы историческихъ временъ, и выходитъ фраза »*εἶθε ταῦτα ἐγένετο*«. Этотъ Indicativ мы имѣли въ виду на стр. 133. Имѣли мы тамъ въ виду, собственно, только Indicativus *condicionalis*. Но условіе, противорѣчащее дѣйствительности, есть въ сущности *желаніе*, противорѣчащее дѣйствительности; пожалуй, можно рядомъ съ *condicional'нымъ* Indicativ'омъ принять еще, какъ *особый* терминъ, Indicativus optativ'ный. — Другіе отгѣнки Optativ'a, кромѣ разъясненнаго Optativ'a κατ' ἐξοχήν, суть слѣдующіе:

1. *Optativus condicionalis* (*εἰ ταῦτα γένοιτο* = если бы это случилось, то...). Въ сущности, *Optativus condicionalis* есть тотъ же »*Optativus κατ' ἐξοχήν*«, какъ былъ только что упомянутый *Indicativus condicionalis* тождественъ съ *Indicativ'омъ optativ'нымъ*. *Optativus condicionalis* отличается отъ *Optativ'a κατ' ἐξοχήν* развѣ только »подчиненностью« тому, что выражено въ аподозисѣ, и мы бы его не выставляли за *особое* явленіе въ языкѣ, если бы не было одного обстоятельства.

Дѣло въ томъ, что рядомъ съ *condicional'нымъ Optativ'омъ* языкъ выработалъ, какъ мы видѣли, и *Conjunctivus condicionalis*. Въ виду того, что *Conjunctivus condicionalis*, какъ *наклоненіе*, выражаетъ *познавательное* сужденіе и, въ силу этого, указываетъ въ условіи на нѣчто, чего говорящій »на всякій случай« *ждетъ* въ будущемъ или »*нераскрытомъ* настоящимъ«, языкъ воспользовался *condicional'нымъ Optativ'омъ*, выражающимъ, какъ наклоненіе, простое *желаніе*, для указанія на условіе лишь *теоретическаго* характера.

Во фразѣ »*εἰ τοῦτο γένοιτο*« я не указываю на что-нибудь такое, къ осуществленію чего я *готовлюсь* (не передаю русское »буде это случится«), а выражаю простую *fictio-пем*, — нѣчто такое, что не только въ настоящемъ *не раскрыто*, какъ фактъ, но раскрытіемъ чего, какъ факта, я вовсе и не интересуюсь, такъ какъ заинтересованъ только правильностью опять таки лишь »теоретическаго« *вывода* изъ такого условія (»положимъ«, разсуждаемъ мы, — »этотъ уголъ — прямой; — прямой ли онъ въ дѣйствительности, до этого намъ дѣла нѣтъ, но *положимъ*, что онъ прямой; — что изъ этого выйдетъ?«) Съ отбѣнкомъ »нераскрытаго факта« — замѣчательно! — забирается нашъ Optativъ въ область *прошедшаго* времени, доводя чрезъ то до конца параллель съ *condicional'нымъ Coniunctiv'омъ*: тамъ гдѣ Coniunctivus *condicionalis* по отношенію къ нераскрытому настоящему или будущему времени заслужилъ — по нѣкоторому недомыслию, какъ оказывается (см. выше стр. 143) — названіе *iterativ'наго Coniunctiv'a*, тамъ въ области *прошедшаго* *) времени употребляется Optativus, уступая мѣсто Coniunctiv'у въ области настоящего и будущаго. Мы говоримъ напримѣръ: *εἰ τις αὐτῷ καλῶς ὑπερετήσειεν, οὐδενὶ πώποτε...* (по русски — тоже замѣчательно! — употребляется въ нашихъ случаяхъ *другое* наклоненіе желанія, именно Imperativ: »служи ему кто-нибудь, — тогда онъ вотъ что дѣлалъ«; въ русскомъ языкѣ, впрочемъ, употребленіе Imperativ'a не ограничивается этими случаями).

Если въ Coniunctiv'ѣ *condicional'номъ* проза сдѣлала для себя обязательнымъ *ἄν*, то при Optativ'ѣ *condicional'номъ* она его систематически изгоняетъ, хотя въ *Омирѣ* мы его

*) Mutzbauer (Tempusl. 23.): Ebenso wird fälschlich dem Optativ in denselben Sätzen (о Coniunctiv'ѣ онъ въ этомъ отношеніи высказывается неясно и неопредѣленно) die Bedeutung einer unbestimmten *Frequenz* zugeschrieben, die er nicht hat.... Vgl. Thuk. II. 49: *καὶ ὅποτε ἐς τὴν καρδίαν στήριξαι ὁ πόθος, ἀνίστραφέ τε αὐτὴν* »sobald das Leiden den Magen befiel, kehrte es denselben um«. Der Optativ bezeichnet bloss den Eintritt der Handlung, der Indicativ die nach und nach sich vollziehende Umkehrung, während es dem Hörer überlassen bleibt, zu denken, dass dies jedesmal bei der Seuche im bestimmten Fall geschah.

встрѣчаемъ и принимаемъ его появленіе, конечно, *опять* таки симасіологической тавтологіи. Сравни Od. o. 545:

Τηλέμαχ' εἰ γάρ κεν οὐ πολλὸν χρόνον ἐνθάδε μίμνους
Τόνδε δ' ἐγὼ κομῶ, ξένων δέ οἱ οὐ ποθὴ ἔσται (другіе

примѣры смотри Lange Partik. ei 493—520).

2) *Optativus finalis* (въ синтаксически подчиненныхъ выраженіяхъ). Что къ понятію цѣли прекрасно идетъ наклоненіе *желательнаго* сужденія, на это мы указали на стр. 138. Но тамъ же было указано и на столкновеніе — въ *final'номъ* значеніи — Optativ'a съ Conjunctiv'омъ. Въ чемъ же разница между этими наклоненіями? Дѣйствіе, представляемое въ *final'ной* роли, предполагаетъ какое-нибудь *другое* дѣйствіе (поэтому и Conjunctivus finalis, и Optativus finalis синтаксически *подчинены*), при совершеніи котораго оно само имѣется непремѣнно въ виду *именно* какъ цѣль, т. е. какъ нѣчто, что только лишь должно *послѣдовать* за этимъ другимъ дѣйствіемъ. Согласно съ этимъ, въ *ῥήμα*, имѣющемъ *final'ное* значеніе, мы можемъ толковать всегда, конечно, о *будущемъ* времени, но это будущее время вполне опредѣляется, какъ будущее, не съ момента *рѣчи*, а съ момента того *«другого» дѣйствія*, при которомъ наше *ῥήμα* получило *final'ное* значеніе. Съ момента *рѣчи* это будущее можетъ оказаться иногда и *прошедшимъ*: если я, изучая исторію, «познаю» и передаю слушателю теперь, по истеченіи слишкомъ 2000 лѣтъ, что въ Афинахъ Драконъ написалъ законы для того, чтобъ и подсудимые знали, чѣмъ руководятся судьи, то дѣйствіе «знать» представляется, конечно, *будущимъ* съ момента дѣйствія «написать», но съ момента моей *рѣчи* оно относится къ *прошедшему* времени. Словомъ, при *final'ныхъ ῥήματα*, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, приходится различать *absolut'ное futurum*, которое и съ момента *рѣчи* является *будущимъ*, отъ *relativ'наго futurum*, которое лишь съ момента дѣйствія является *будущимъ*, а съ момента *рѣчи* представляется *прошедшемъ*. И не былъ ли нашъ «*iterativ'ный*» Optativus condicionalis такое же *relativ'ное futurum* («и вотъ, по тогдашнимъ условіямъ, скажи кто-нибудь, когда-нибудь въ *будущемъ*, то-то,

то непременно выходило тогда вот что?)? Что же касается наших *final'nyx* Conjunction'a и Optativ'a, то спрашивается, гдѣ болѣе умѣстно предположить у говорящаго недоумѣніе (= опасеніе, колебаніе), что цѣль, *можетъ быть*, будетъ достигнута, но, чего добраго, останется и *недостигнутою* (Conjunctivus finalis), и гдѣ онъ, говорящій, склоненъ болѣе выставить цѣль просто какъ желаніе, быть *можетъ*, даже не свое, а *вообще* дѣйствующаго лица, на какое бы въ текстѣ ни было указано (Optativus finalis)? Что вызываетъ *скорѣе* чувство сомнѣнія и даже страха, дѣйствительное ли, absolut'ное, будущее, или только relativ'ное, недѣйствительное? — Конечно, absolut'ное, а потому Conjunctionus finalis приходится встрѣчать при absolut'номъ —, а Optativus finalis при relativ'номъ »будущемъ цѣли«. Иногда при relativ'номъ будущемъ говорящій прямо таки чувствуетъ потребность выставить желаніе (цѣль), имѣвшееся въ виду при такомъ то дѣйствіи, *недостигнутымъ* и противорѣчащимъ тому, что на дѣлѣ было, и тогда, согласно приведенному на стр. 146, появляется въ языкѣ optativ'ный *Indicativ* (я хотѣлъ было сдѣлать то-то, чтобъ вы поняли, но . . . — ἠβουλόμην τοῦτο ποιῆν, ἵνα ἔγινωτε, οὐκ ἔστιν . . .)

3. *Optativus potentialis* съ ἄν (φαίην ἄν и т. д.). Будущее время въ нашемъ Optativ'ѣ почувствовать нетрудно (и въ русскомъ языкѣ, вмѣсто »это, пожалуй, такъ и есть«, мы можемъ сказать »да, это такъ и *будетъ*«); труднѣе почувствовать въ немъ наклоненіе *желательнаго* сужденія; въ этомъ виновато прежде всего ἄν, такъ какъ оно, подерживая представленіе *возможности осуществленія факта*, навязываетъ фразѣ вмѣстѣ съ этимъ представленіемъ и характеръ *познавательнаго* сужденія. Но, если принять во вниманіе, что Optativus potentialis часто выражаетъ передъ слушателемъ *скромность* (иногда и иронію, но иронія есть притворное незнаніе, — притворная скромность), и что выражать скромность значить, какъ говорятъ, не »настаивать« на чемъ-нибудь, а представлять то или другое лишь какъ свое *desiderium*, то и можно до нѣкоторой степени вникнуть въ смыслъ Optativ'a въ нашихъ случаяхъ, и ужъ конечно

вполнѣ объяснить себѣ прибавку къ этому Optativ'у слова *ἄν**) съ его ролью указывать лишь на *возможность*, а не на прямую, раскрытую дѣйствительность.

4. *Optativus orationis obliquae*. Косвенная рѣчь, это — передача говорящимъ слушателю не *своего* собственного »познавательнаго« или »желательнаго« сужденія, вообще не *своего λόγος'α*, а *λόγος'α чужаго* лица. При этой передачѣ говорящій можетъ почувствовать потребность *выразительно* указать слушателю на чужой *λόγος*, какъ на нѣчто, отвѣтственности за *правильность* чего онъ на себя не принимаетъ; другими словами, онъ можетъ почувствовать потребность *выразительно* указать на *субъективность* мысли, передаваемой имъ отъ имени чужаго лица. Я говорю, что потребность эту онъ *можетъ* почувствовать: это не значить, что она при передачѣ чужой мысли у говорящаго ео ipso появляется. При *непоявленіи* ея, косвенная рѣчь не имѣетъ никакого вліянія на наклоненія τοῦ ῥήματος; въ противномъ же случаѣ представленіе о такомъ же лишь *desiderium* чужаго лица, — *desiderium* съ точки зрѣнія самого *говорящаго*, не *ручающагося* ни за что, — о какомъ мы говорили въ potential'номъ Optativ'ѣ, становится *руководящимъ* для выбора наклоненія въ косвенной рѣчи, т. е. для появленія въ ней Optativ'a. Но тогда, если ужъ роль Optativ'a — выражать субъективность мысли (рѣчь идетъ, конечно, о *познавательныхъ* сужденіяхъ — »хотя и *desideri'axъ* только« — въ *чужой* мысли), послѣдовательность требуетъ, чтобы

*) Какъ въ выраженіи εἶθε ἐγένετο ταῦτα только слово εἶθε придало фразѣ характеръ желанія, хотя ἐγένετο было формою *познавательнаго* сужденія; какъ въ final'номъ μὴ ταῦτα γένηται характеръ желанія »*драматическаго*« выраженъ только черезъ μὴ, а γένηται остается формою *познавательнаго* сужденія: такъ и въ фразѣ τοῦτο γένοιτο ἄν только ἄν придаетъ выраженію характеръ *познаванія*, а γένοιτο остается формою *желательнаго* сужденія. Да не подумаетъ читатель, что мы позволяемъ себѣ въ этихъ нашихъ объясненіяхъ какую нибудь натажку. Возможность соединенія *познавательныхъ* выраженій съ *желательными* для достиженія въ общемъ контекстѣ *одного* какого нибудь, изъ этихъ оттѣнковъ, — возможность эта становится *виднѣе*, если самое соединеніе устроится при помощи болѣе *крупныхъ* синтаксическихъ комплексовъ: »*ο* *если бы случилось такъ*, что, вотъ, — *человѣкъ пришелъ, поговорилъ по душѣ* и т. д.«; это выраженіе, кажется намъ, *способно* выяснитъ собою *степень* такой »*возможности*«.

Optativ не оставался наклонением лишь будущаго или »не-раскрытаго« настоящаго времени, но чтобы онъ располагалъ формами для *всѣхъ* временъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ онъ какъ бы замѣняетъ собою Indicativum orationis rectae. Для какихъ же временъ? Конечно, не для настоящаго, прошедшаго и будущаго, такъ какъ эти времена измѣряются лишь моментомъ рѣчи *говорящаго*, а казалось бы, — для *современности, преждевременности* и *посльвременности*, т. е. для такихъ временъ, которыя измѣряются моментомъ рѣчи того лица, отъ имени котораго я, говорящій, передаю рѣчь («онъ мнѣ говорилъ, что онъ пишетъ»; слово »пишетъ« указываетъ не на *настоящее* время, а на *современность* глаголу »говорилъ«).*) На дѣлѣ выходитъ иначе. Греческій языкъ не столько располагаетъ optativ'ными формами для выраженія *современности, преждевременности* и *посльвременности*.**) сколько скорѣе употребляетъ свои Optativ'ы въ oratio obliqua по слѣдующимъ *видовымъ* отгѣнкамъ времени.

а) Этимологическія формы Optativi praesentis и perfecti, — послѣдняя съ отгѣнкомъ обозначенія *результата* дѣйствія, — указываютъ на *длительность* какъ »современную«, такъ и »преждевременную«.***) Во фразѣ »Гис-

*) Такъ понимаетъ и Бругманъ (Berichte der philos. hist. Classe der kön. sächs. Gesellschaft der Wissensch. 1863, стр. 174) и Paul (Princip. 228). Послѣдній довольно далеко заходитъ въ разборъ временъ вообще, и именно въ связи съ наклоненіями. Нельзя, впрочемъ, сказать, что его толкованіе правильно. Много можно бы ему возразить, хотя онъ, признавая, въ общемъ, что die modalen und temporalen Verhältnisse nicht unabhängig von einander sind (стр. 231), совершенно согласно съ нами утверждаетъ, что der Imperativ seiner Natur nach immer futurisch ist, desgleichen der Conjunctiv und Optativ, soweit sie bezeichnen, dass etwas geschehen *soll* (?), oder gewünscht wird.

**) Mutzbauer (Tempusl. 9): Die Darlegung zeigt gewiss so viel, dass die homerische Sprache das zeitliche Verhältniss der Handlungen zu einander, mag dies nun die Beziehung zum *früher Geschehenen*, oder die Vorstellung der ... *Gleichzeitigkeit* sein, ... *nicht* bezeichnet hat. Überhaupt hat *niemals* in der griechischen Sprache das Bestreben, die zeitlichen Beziehungen der Gedanken zu einander klar zu legen, bestimmenden Einfluss auf den Gebrauch der Tempora gewonnen.

***) Разъ онъ указываютъ и на современность, и на преждевременность (почему не упоминается здѣсь о *посльвременности*, это выяснится ниже), то это значить, что *современность, преждевременность* и т. д. не суть категории, по которымъ различаются »временныя« формы Optativ'a.

σαφέρους διέβαλλε τὸν Κῦρον πρὸς τὸν ἀδελφόν, ὡς ἐπιβουλεύει αὐτῷ» форма »ἐπιβουλεύει« должна быть понята въ смыслѣ *современности* по отношенію къ ῥήμα »διέβαλλε«, между тѣмъ какъ въ известномъ »ἔλεγον, ὅτι τυχχάνοειν φύρανα συλλέγοντες κάλειτα κατίδοιεν γέροντα« (Хен. Анаб. IV. 3. 11) форму »τυχχάνοειν« слѣдуетъ понимать въ смыслѣ *преждевременности* по отношенію къ ῥήμα »ἔλεγεи«.

б) Этимологическая форма Optativi aoristi указываетъ на одномоментность» (съ ея finitiv'нымъ, affirmativ'нымъ, и ingressiv'нымъ отгѣнками), — на одномоментность какъ современную, такъ и преждевременную. Во фразѣ ἔλεγεи, ὅτι τοῦτο οὐκ ἐπὶ καθῶ τῆς πόλεως γένοιτο можно понимать форму γένοιτο въ смыслѣ *преждевременности* по отношенію къ ῥήμα »ἔλεγεи«, но не исключается возможность толковать приведенную фразу и въ такомъ смыслѣ, что »то, что случилось во время ея объясненій съ нами, онъ провозглашалъ за безвредное для города«.

в) Этимологическія формы Optativi futuri simplicis и futuri exacti (тутъ то онѣ, эти futural'ныя формы Optativ'a, встрѣчаются въ первый и послѣдній разъ, причемъ форма futuri exacti, конечно, — съ отгѣнкомъ обозначенія *результата дѣйствія*), обыкновенно принимаются за указатели *послѣвременности*, какъ чего то, противопоставляемаго *современности* съ одной, и *преждевременности* съ другой стороны. Такого взгляда на дѣло держался и я, пока не выяснилъ себѣ того, что во »временныхъ« измѣненіяхъ риматическихъ формъ нужно строго различать времена, какъ *психо-логическую сторону* симасіологіи τοῦ ῥήματος, — ту сторону, которая въ принятой нами схемѣ *a*—>*b* обозначена черезъ —>, — и »видовые отгѣнки« *дѣйствія*, которое въ нашей схемѣ обозначено черезъ букву *a*. Современность, преждевременность и послѣвременность, — все это, хотя и представляетъ собою времена *relativ'ныя*, а не *absolut'ныя*, т. е. времена, измѣряемая не говорящимъ, а тѣмъ, *отъ имени* кого говорящій передаетъ мысль, тѣмъ не менѣе относится къ *психо-логической* сторонѣ симасіологіи τοῦ ῥήματος, и мнѣ всегда казалось страннымъ, съ какой стати въ oratio obliqua, когда

Optativi praesentis, aoristi и perfecti, какъ »временныя« формы, не имѣютъ *никакого* дѣла съ этою психо-логическою стороною симасіологіи τοῦ ῥήματος, различаясь между собою *только* по видовымъ отгѣнкамъ дѣйствія, вдругъ должны съ нею считаться Optativi futuri simplicis и exacti.

Объяснить все это дѣло чрезвычайно трудно, но мы попытаемся, насколько возможно, истолковать его. Всѣ Optativы, вплоть до Optativ'a orationis obliquae, были съ психо-логической стороны симасіологіи τοῦ ῥήματος *futural'*ными съ точки зрѣнія времени, къ которому относится сужденіе, и выраженіями желанія съ точки зрѣнія *квалитативности* сужденія. Эти два вопроса только и *рѣшаются* психо-логическою стороною симасіологіи τοῦ ῥήματος (смотри выше стр. 110). Нѣтъ сомнѣнія, что Optativus orationis obliquae свою *futural'*ность, т. е. способность выражать извѣстное время, къ которому относится сужденіе, *потерялъ*, оставаясь, какъ показатель *desiderii*, только при способности выражать *квалитативность* сужденія. Видовые отгѣнки дѣйствія у насъ до сихъ поръ были: *вступленіе* въ дѣйствительность (*ingressiv'*ность), процессуальность, а то и простая *affirmativ'*ность, *законченность* (*finitiv'*ность), переходъ дѣйствія въ *состояніе* (мы прибѣгли къ термину »результатъ« дѣйствія), *исчезновеніе* (βεβούλευκε значить »пересталъ быть булевымъ«); а гдѣ же *противоположность* »исчезновенію«? — гдѣ же тотъ моментъ, когда »дѣйствіе« только еще *собирается* вступить въ дѣйствительность? При общей *futural'*ности Imperativ'a, Conjunctiv'a и Optativ'a его нечего было особо отмѣчать, потому что онъ былъ данъ самою *futural'*ностью этихъ наклоненій. Но когда эта *futural'*ность исчезла. — а это произошло *именно* въ Optativ'ѣ orationis obliquae, то его *пришлось* отмѣтить особо, и тогда и *пригодились* этимологическія формы Optativ'a futuri simplicis (въ дѣйствительность тутъ »собирается« вступить само *дѣйствіе*) и Optativ'a futuri exacti (въ дѣйствительность тутъ *собирается* вступить *состояніе* какъ *результатъ* дѣйствія).*)

*) Что съ *этимъ* моментомъ, т. е. съ тѣмъ, когда дѣйствіе или его результатъ только еще *собирается* вступить въ дѣйствительность, — что

Читатель, навѣрно, подмѣтилъ, что то же самое придется повторить при ὄνομα ῥήματος (при такъ называемомъ »неопредѣленномъ наклоненіи«). ὄνομα ῥήματος, не выражающее сужденія, не имѣетъ и времени, которыхъ требуетъ психо-логическая сторона сужденія. Временныя измѣненія его формъ относятся только къ видовымъ отбѣнкамъ дѣйствія; и вотъ, когда по контексту все дѣйствіе относится къ futur'у (напр. βούλεται πράττειν), тогда ὄνομα ῥήματος представляетъ только формы πράττειν, πράξει, πεπραγένοι (только въ смыслѣ симасіологической тавтологіи встрѣчается иногда βούλεται πράξειν), а когда этой futur'ности въ контекстѣ нѣтъ, тогда выступаетъ наряду съ упомянутыми тремя формами еще и форма πράξειν. То же самое мы видимъ и въ μετοχή (въ »причастіи«).

Изложеннаго, кажется намъ, достаточно, чтобы почувствовать въ ῥήμα все богатство средствъ для выраженія разныхъ отбѣнковъ мысли и все его преимущество передъ остальными частями рѣчи. Это преимущество τοῦ ῥήματος доходитъ даже до полной его самостоятельности — въ томъ смыслѣ, что его одного, какъ выраженія присужденія чего то чему то, и какъ выраженія такой или иной *квалитативности* сужденія, относящейся къ такому или иному времени, совершенно достаточно для выраженія довольно сложной мысли, особенно, разъ само присуждаемое »что-то«, т. е. самъ присуждаемый »признакъ« или »дѣйствіе«, надѣлено и залоговыми отбѣнками, и способностью выступать въ ῥήμα въ разныхъ моментахъ своего развитія: δεῖ, ἔει, γράφω и т. д., это все — цѣлая рѣчь. Трудно было придумать для ῥήμα болѣе удачный терминъ: слово ῥήμα образовано отъ основы ῥε, появляющейся въ εἶρηκα, ἐρρήθη и др., — образовано оно такъ, какъ образовано γράμμα (= писанное — писаніе) отъ γραφ, и значить *реченное, реченіе, рѣчь*. Въ русской терминологіи мы остаемся при терминѣ *глаголь*, исключая изъ него, какъ къ тому

съ этимъ моментомъ вполнѣ совпадаетъ »послѣвременность«, и что, стало быть, она не могла имѣть мѣста при Optativ'ахъ praesentis, aoristi и perfecti, само собою разумѣется.

ведетъ все наше изслѣдованіе, »неопредѣленное наклоненіе« и »причастіе«.

Но преимущество »глагола« передъ другими частями рѣчи замѣчается еще и въ *другомъ* отношеніи. Какъ уже сказано на стр. 58, для тѣхъ, которые въ »глаголь« видятъ *minimum* »предложенія« и думаютъ, что »предложеніе не можетъ обойтись безъ »глагола«, мы можемъ опредѣлить »предложеніе«, какъ *глаголь съ его симасіологическими дополненіями*. Правда, »предложеніе« есть нѣчто, предѣлы чего обозначаются довольно крупными »паузами«, а слѣдить за »паузами« есть дѣло другого, *высшаго* синтаксиса, который мы установили на стр. 64, и который долженъ слѣдовать за нашею симасіологіею частей рѣчи и ихъ формъ; но отчего не захватить изъ этого синтаксиса то, что изъ нашей симасіологіи вытекаетъ непосредственно, тѣмъ болѣе что опредѣленіе »предложенія« имѣетъ и для насъ нѣкоторое значеніе: оно *указываетъ на предѣлы нашей задачи*. Вообще же наше настоящее разсужденіе ведетъ къ двумъ слѣдующимъ замѣчаніямъ:

1. И выраженія »пора!« — »набатъ!« были законченною рѣчью и заставляютъ насъ рядомъ съ риматическими или глагольными предложеніями признавать и ономатическія (сравни объ этомъ выше стр. 91.) Ниже мы убѣдимся, что ономатическія предложенія не ограничиваются выраженіями, состоящими изъ *одного* слова, а что они допускаютъ и »осложненіе«.

2. Выраженія »молчать!« »ня плечо!« представляютъ изъ себя тоже законченную рѣчь, суть тоже выраженія, сопровождающіяся крупною паузою, суть тоже предложенія, но Что *глагольного* характера они не имѣютъ, это читатель видитъ съ перваго разу. Однако и ономатического характера усматривать въ нихъ нельзя. Въ выраженіи »на плечо!« хотя и встрѣчается *двома*, именно слово *плечо*, но оно не имѣетъ ни того *самостоятельнаго* положенія, какое мы должны приписать *двома* у въ выраженіи »пора!«, ни той *господствующей* роли, въ силу которой оно призахватывало бы къ себѣ другія симасіологическія допол-

ненія, напротивъ, оно *само* зависить симасіологически отъ *другого* слова, — отъ слова »на«. Что же касается выраженія »молчать!«, то останется ли оно, какъ *ὄνομα ῥήματος*, въ *ὀνόματ'αὐτῶν*, или нѣтъ (все это выяснится ниже), тѣмъ не менѣе, однако, характеръ »предложенія« оно получаетъ *только* благодаря его *imperativ'ному* тону. Нельзя не замѣтить, что этотъ *imperativ'ный* тонъ вложенъ въ наше выраженіе *извинь*, что онъ вовсе не данъ самою грамматическою *формой* слова *молчать*, и что, не будь этого тона, слово *молчать* будетъ чувствоваться *вырваннымъ* изъ цѣльной рѣчи, — будетъ чувствоваться, правда, »частью« рѣчи, но частью рѣчи *неопредѣлимою*, такъ какъ самой *рѣчи* нѣтъ на лицо. Это не то, чѣмъ было выше слово »пора!« (см. стр. 94.). Последнее и *помимо* восклицательнаго тона было выраженіемъ *сужденія*, наше же »молчать!« представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ случаевъ, о которыхъ Wegener (Untersuch. 68—9) говоритъ: So wenig die Gesellschaft bestehen kann, wenn ihre Glieder von ihren rein selbstischen Zwecken beherrscht werden, ebensowenig die auf der Gesellschaft ruhende Sprache; denn die Sympathie ist die fundamentalste Voraussetzung alles Sprachverständnisses. Keine Mutter würde das Weinen des Kindes als Aufforderung verstehen, ihm zu helfen. Niemand würde das weinerlich gesprochene »Butterbrod«, »meine Stiefeln« als *Imperativ* fassen Aber ebensowenig wäre Sprachverständniss möglich, wenn uns der selbstische Trieb fehlte, wenn wir nicht bei jeder sprachlichen Aeußerung eines Anderen nach dem Zweck derselben fragten So *veranlasst uns der selbstische Trieb, das Sprechen eines Anderen als zweckvoll anzusehen, die Sympathie dagegen, auf das Sprechen des Anderen zu achten und dasselbe zu deuten.* Der Massstab und das Schema, nach den Beides geschieht, sind unsere eigenen Zustände des Begehrens und der *Gefühls-erregung*.

Вотъ этотъ *selfstischer* Trieb съ одной — и *Sympathie* съ другой стороны дѣлають часто незаконченную, въ сущности, рѣчь *законченною*, обставляя ее *помимо* плача,

о которомъ упоминаетъ Wegener, и *помимо* всевозможныхъ *другихъ* »Gefühlserregungen«, особливо *интонировкою произношенія*. Мы уже упоминали о такой рѣчи на стр. 3. въ примѣрахъ »Quos ego!« и »вонъ отсюда!« ее мы должны усматривать и *здесь*, не только въ выраженіи »молчать!«, но и въ выраженіи »на плечо!«, и не безъ основанія, какъ оказывается, мы ее на стр. 3. назвали »брахилогическою«. Такая »брахилогическая« рѣчь, дѣлающаяся »рѣчью« только благодаря *тону*, слѣдить за которымъ не наше дѣло, не можетъ составлять предметъ *нашего* изслѣдованія, а относится къ *высшему* синтаксису; въ *нашемъ* изслѣдованіи мы будемъ двигаться *только* въ предѣлахъ глагольныхъ и оно-матическихъ »предложеній«. А потому *исключаемъ* изъ нашего изслѣдованія такія явленія, какъ *φῆ Ζεῦ τῆς ἀνοίας!*«, *ἢ Ζεῦ βασιλεῦ, τῆς λεπτότητος τῶν φρενῶν!*« (Aristoph. Nub. 153), »τῆς τύχης τὸ ἐμὲ νῦν κληθέντα δεῦρο τυχεῖν!« (Xen. Cyr. II. 2. 3.), »Ζεῦ ἄνα Τηλέμαχόν μοι ἐν ἀνδράσιν ὄλβιον εἶναι (Od. ρ 354), »δεινόν γε τὸν κήρυκα τὸν παρὰ τοὺς βροτοὺς οἰχόμενον, εἰ μὴδέποτε νοστήσει πάλιν« (Aristoph. Av. 1269), »ὡς ἔπος εἰπεῖν«, »ὀλίγου δεῖν« и т. д. Пусть тотъ *высшій* синтаксистъ, когда въ предѣлахъ *полной* рѣчи будетъ опредѣлена симасіологія частей рѣчи и ихъ формъ, — пусть онъ займется вопросомъ, какъ могла такая то часть рѣчи или такая то ея форма примириться съ »паузою« и съ »тономъ« и составить, *благодаря* этой паузѣ и этому тону, *законченную* рѣчь. Мы же теперь послѣ разбора *глагола* перейдемъ къ *новой* части рѣчи.

Первый отдѣлъ объ имени (nomen).

Какая часть рѣчи должна занять *второе* мѣсто въ разсматриваемомъ нами *ἄλειρον*, это не требуетъ никакихъ глубокомысленныхъ разсужденій и соображеній. *Ὀνόματα* сами направиваются на это второе мѣсто. Древнимъ филозофамъ — грекамъ, когда они еще только приступали къ рѣшенію задачи, за которую взялись мы, и *эта* часть рѣчи до того бросалась въ глаза своею *крупностью* сравнительно съ остальными словами, что они, ставя ее по вѣсу *рядомъ и наравнѣ* съ глаголами,*) все остальное находили возможнымъ отмѣтить однимъ *сборнымъ* терминомъ

*) Schoemann'y (Redeth. 28 п сл.) не нравятся указанія, съ которыми постоянно приходится встрѣчаться у греческихъ грамматиковъ (Шеманъ приводитъ самыя мѣста изъ нихъ), и которыя гласятъ, что (см. напр. Apoll. Dysc. de constr. I. 12) τοῦ ῥήματος ἀναγκαιῶς πρόκειται τὸ ὄνομα, ἐπὶ τὸ διατίθεσθαι καὶ τὸ διατίθεσθαι ὀνόματος ἴδιον, τοῖς δὲ ὀνομασὶν ἐπικείται ἡ θέσις τῶν ὀνομάτων, ἐξ ὧν ἡ ἰδιότης τοῦ ῥήματος. По поводу этого и подобныхъ мѣстъ Шеманъ находитъ нужнымъ доказывать древнимъ «die Priorität des Verbum vor dem Nomen». По нашему мнѣнію онъ это дѣлаетъ напрасно. Указаніе древнихъ не относится здѣсь къ степени *важности синтаксическаго значенія* одной изъ этихъ частей рѣчи преимущественно передъ другою, а просто имѣетъ въ виду нѣкоторый *внѣшній порядокъ* въ *перечисленіи* частей рѣчи: въ рѣчи, *соединяющей ῥημα* съ *ὄνομα*, мы, какъ будто (да опять таки *только* какъ будто; сравни выше стр. 92) *высказываемся* о предметѣ (о *ὄνομα*), а потому можно разсуждать такъ, что сначала долженъ быть на лицо самый предметъ, а потомъ только можно о немъ высказываться. Этотъ *внѣшній* порядокъ частей рѣчи Аполлоній (de constr. I. 13—18) устанавливаетъ такъ: *ὄνομα, ῥημα* (неопредѣленное наклоненіе не выставлено въ этой статьѣ какъ *особая* часть рѣчи), *μετοχή* (ἄτε μετέχουσα καὶ τοῦ ὀνόματος καὶ τοῦ ῥήματος), *ἄρθρον, ἀντωνυμία, πρόθεσις, ἐπίρρημα* и *ὀυδέσμοσ*. Аполлоній очень озабоченъ въ указанной статьѣ тѣмъ, чтобы такъ или иначе обосновать этотъ *внѣшній* порядокъ *перечисленія*. Когда же идетъ вопросъ о степени *важности синтаксическаго значенія* частей рѣчи, то тогда Аполлоній, сравнивая *однѣ* части рѣчи съ *гласными* звуками слова, а другія — съ *согласными*, выражается слѣдующимъ образомъ (de constr. I. 9): αἱ μὲν γὰρ

»ἄρθρον« (средство для склеиванія) или »ὀυνδεσμος« (союз.*)
 Въ нашемъ дѣлѣ является важною задачею не столько —
замѣтить ὀνομα какъ отдѣльную часть рѣчи, сколько скорѣе —
 опредѣлить ея *границы* и произвести надлежащее
 дѣленіе внутри ея самой.

Если глаголь, двоякостью выраженныхъ въ немъ »пред-
 ставленій« (а и б) и всею психо-логическою стороною
 своей симасіологіи, прямо насъ окунаетъ въ цѣльную рѣчь;
 если глаголь или самъ есть рѣчь, или, по крайней мѣрѣ,
 представляетъ собою *остовъ* рѣчи, на который, какъ мы
 замѣтили въ концѣ предыдущаго отдѣла, все остальное
 въ рѣчи опирается; если глаголь, выражаясь короче, мыслимъ
только въ рѣчи: то *ὀνομα* отличается отъ глагола *именно*
 тѣмъ, что оно мыслимо *между прочимъ* — а можетъ быть
 и *прежде* всего — *внѣ* рѣчи и *внѣ* связной мысли, пони-
 мая связную мысль какъ *сужденіе* и *разсужденіе*. Я говорю
 »между *прочимъ*« въ виду того, что на стр. 91-4 мы вы-
 яснили слова »набатъ!«, »пора!« и т. п., какъ выраженія
рѣчи, и притомъ *цѣльной*, не нуждающейся ни въ какихъ
 пополненіяхъ. Цѣльную рѣчь мы усматривали въ словахъ
 »набатъ!« и пр. тогда, когда присвоеніе *названія* такому
 или иному явленію или же засвидѣтельствованіе *существо-*
ванія чего нибудь составляло *задачу* для мыслящаго, было
предметомъ сужденія, такъ что *разрѣшеніе* этой задачи,
 т. е. дѣйствительное *поименованіе* явленія или дѣйствитель-
 ное *засвидѣтельствованіе* чего нибудь, — то и другое
 совершается черезъ *произнесеніе* слова, — представляло
 собою самое *сужденіе*. Въ массѣ случаевъ, однако, не бы-
 ваетъ того, чтобы произнесеніе единичнаго слова — глаголь,
 съ его психо-логическою стороною симасіологіи, тутъ ис-
 ключается — было вмѣстѣ съ тѣмъ и выраженіемъ сужденія.**)

αὐτῶν (разумѣй *частей* рѣчи) — τρόπον τινὰ τῶν φωνηέντων ἔχει εἶδος, καθά-
 περ ἐπὶ τῶν ἑρημάτων (вотъ, что здѣсь на *первомъ* мѣстѣ!) ἔστιν ἐπινοῆσαι,
 ὀνομάτων, ἀντωνυμιῶν, ἐπιρρημάτων.

*) Объ этомъ — впрочемъ, *общезвѣстномъ* — вопросѣ можно спра-
 виться хотя бы у Steinthal'я (Gesch. 255).

**) Исключеніе тутъ могутъ составлять *отвѣты* (τὶ τοῦτο γράφεις: ἐπι-
 στολήν). Но отвѣты составляютъ *синтаксическое продолженіе* вопросовъ,

Въ массѣ случаевъ произнесеніе слова является простымъ *отраженіемъ* того, что рисуется въ представленіи говорящаго, — простымъ внѣшнимъ символомъ внутренней картины. Въ массѣ случаевъ произнесеніе слова является не чѣмъ то искомымъ для представленія, чѣмъ то *окончательно формулирующимъ* представленіе, какъ это было въ выраженіяхъ *»набатъ!«* и *»пора!«*, а чѣмъ то *даннымъ вмѣстѣ* съ представленіемъ и прорывающимся наружу въ силу потребности *души* нашей, живущей въ *тѣлѣ*, *воплотить* свои переживанія въ эти внѣшніе символы. Короче говоря, въ массѣ случаевъ мы, произнося слово, не *вопросъ* рѣшаемъ, а только *»выражаемъ«* то, что рисуется въ нашемъ представленіи, точно математикъ, который, *»представляя«* треугольникъ, въ это время проводитъ линіи руками по воздуху или чертитъ треугольникъ на доскѣ.

Какъ же мы опредѣлимъ въ такомъ случаѣ *ὄνομα*, предполагая, что оно есть не выраженіе сужденія, а отраженіе представленія, образующагося притомъ *внѣ* рѣчи и *внѣ* связной мысли? Пока мы его можемъ опредѣлить, какъ внѣшній символъ *»представлений«* о личностяхъ или, выражаясь короче, — какъ внѣшній символъ *самихъ* личностей, а также предметовъ и всякихъ явленій внѣшняго и нашего внѣшняго міра, словомъ, — всѣхъ тѣхъ *ὄντα*, о которыхъ Платонъ разсуждаетъ *прежде* всего въ Софистѣ. Когда мы — сказано въ Софистѣ (смотри, между прочимъ, 250 а и сл.) — произносимъ фразу *κίνησις καὶ στάσις ἔστιν* (движеніе и стояніе существуетъ), то тутъ есть *три ὄντα*: 1. *κίνησις*, 2. *στάσις*, а 3. та *οὐσία*, — то *существованіе*, которое мы, въ данной фразѣ, черезъ слово *ἔστιν* приписываемъ и движенію, и стоянію.***) Точно также, — ска-

*) Plat. Soph. 250 а и сл.:

Ἐλεν δὲ, κίνησιν καὶ στάσιν ἃὲ οὐκ ἐναντιώτατα λέγεις ἀλλήλοις;

Πῶς γὰρ οὐ;

Καὶ μὴν «εἶναί» γε ὁμοίως φησ ἀμφότερα αὐτὰ καὶ ἐκάτερον;

Φημί γὰρ οὐν.

**Ἄρα κινεῖσθαι λέγων ἀμφότερα καὶ ἐκάτερον, ὅταν «εἶναί» συνη-*

εῖς;

Ὁὐδαμῶς.

жемъ мы въ подражаніе Платону, — когда говорятъ ἡ μὲν ἐπιστήμη τὴν ἀλήθειαν περὶ τῶν ὄντων διακριβοῦται, ἡ δὲ δόξα ψεύδεται περὶ αὐτῶν, то здѣсь выступаютъ *шесть ὄντα*, а именно: 1. *знаніе*, 2. *истина*, 3. *разъясненіе*, 4. *мнѣніе*, 5. *ложь*, а 6. — *οὐ ὄν* Платонъ усмотрѣлъ бы у насъ въ самомъ *ὄντα*, точно такъ же какъ выставляютъ наряду съ »понятіемъ« *лошади, дерева* и т. д. и »понятіе« *самого понятія*. Сами *ὄντα*, перечисленные здѣсь при помощи ихъ внѣшнихъ символовъ, т. е. при помощи τῶν ὀνομάτων, представляютъ собою, каждое въ отдѣльности, нечто вполне самостоятельное. Они никакого сообщенія другъ съ другомъ не ищутъ и стоятъ рядомъ какъ *столбы*, которые *можно* соединить, если кому захочется, въ *связной мысли*. Соотвѣтственно этому ихъ внѣшніе символы, *ὀνόματα*, чувствуются каждое про себя чѣмъ то самостоятельнымъ, цѣльнымъ, *не нуждающимся* ни въ какомъ дополненіи, но *поддающимся*, если кто захочетъ, соединенію въ *связной рѣчи*. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы говорили, что *ὀνόματα* мыслимы и *εἶναι* рѣчи, *εἶναι* связной мысли, и вотъ въ какомъ смыслѣ мы искали ихъ опредѣленія, когда мы говорили, что они въ этомъ опредѣленіи должны фигурировать не »какъ выраженія сужденія«, а какъ стоящія *εἶναι* рѣчи и *εἶναι* связной мысли.

Приведенное разсужденіе ведетъ прежде всего къ двумъ примѣчаніямъ, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности, въ свою очередь, должно послужить исходною точкою наблюденій, немаловажныхъ въ предпринятой нами задачѣ.

Въ поискахъ нашихъ за логическимъ объемомъ термина »*ὄντα*« мы руководились тѣмъ, чтобы »личности«, т. е. сами *носители* мысли или *мыслящія* существа, не выступали *господствующими* въ этомъ объемѣ, а чтобы они скорѣе

Ἄλλ' ἑστάναι σημαίνει, λέγων αὐτὰ ἀμφότερα «εἶναι»;

Καὶ πῶς;

Ἐπίτον ἄρα τι παρὰ ταῦτα τὸ ὄν ἐν τῇ ψυχῇ τίθεις, ὡς ἔλ' ἐκείνου τὴν τε σταθεὴν καὶ τὴν κίνησιν περιχομένην συλλαβὴν καὶ ἀπιδὼν αὐτῶν πρὸς τὴν τῆς οὐσίας κοινωνίαν, οὕτως «εἶναι» προβαίπεις ἀμφότερα;

Κινουμένον ὡς ἀληθῶς τρίτον ἀπομαντινέσθαι τι τὸ ὄν ὅταν «κίνησιν καὶ σταθεὴν εἶναι» λέγωμεν.

составляли минимальную его часть. Въ дѣйствительности оно такъ и есть, но совершенно иначе рисуется дѣло въ *представленіи* этихъ носителей мысли, на которое мы такъ назираемъ въ нашемъ изслѣдованіи. Мы говоримъ здѣсь не о томъ періодѣ придумыванія словъ вообще, а τὸν *δνομάτων* въ частности, когда люди, при совершенно уже установившемся типѣ языка, начали вводить новыя слова для новыхъ предметовъ и явленій просто по образцу уже готовыхъ словъ, такъ сказать, по *шаблону*, не только не вдумываясь особенно, но и не думая вдумываться въ тотъ процессъ, черезъ который получился самый шаблонъ, и замѣнивъ *сознательное* отношеніе къ дѣлу болѣе или менѣе *безсознательною рутинною*. Итакъ, не объ этомъ періодѣ образованія словъ идетъ рѣчь. Но ему предшествовалъ иной, хотя и лежащій въ сѣдой доисторической давности, а потому трудно поддающійся изслѣдованію, но несомнѣнно *глубоко* поэтической періодъ самого *творчества* языка, когда люди, надо думать, не только сами являлись живыми и «личностями», но оживляли и олицетворяли всю окружающую ихъ природу, точно такъ же, какъ оживляли и олицетворяли все то, чѣмъ они въ удовлетвореніе своихъ *духовныхъ* потребностей наполняли свой *внутренній* міръ. Вотъ тутъ то всякое подлежащее наименованію *δν* (былъ ли то *οὐρανός*, бурный ли потокъ, или какая нибудь *πόλις*, какая нибудь *ἀρετή*, какое нибудь яблоко) представлялось людямъ то производителемъ или вообще активной *силою* (иногда даже не плодотворною и сѣющею, а просто разрушительною), то женою, оплодотворяемою, раждающею, или обнаруживающею другія свойства, присущія только ей, въ противоположность мужчинѣ, то, наконецъ, произведеніемъ или плодомъ. Это поэтическое настроеніе творцовъ слова отпечатлѣлось и въ языкѣ, въ самихъ *δνόματα*, дифференцировавшихъ своими окончаніями роды: мужескій (*γένος ἀρσενικόν*), женскій (*γένος θηλυκόν*) и «ни тотъ, ни другой» (*γένος οὐδέτερον* — neutrum).*) Какое значеніе имѣетъ это примѣчаніе для насъ,

*) Известна статья Grimm'a (D. Gram. III. 311—563), въ которой этотъ великій ученый, выясняя «естественный» родъ въ цѣломъ рядѣ названій

увидимъ ниже; пока пусть оно такъ и остается примѣчаніемъ. Нелишне прибавить еще одно: не всякій языкъ олицетворяетъ одно и то же явленіе одинаково; различіе въ народныхъ міровоззрѣніяхъ отразилось и здѣсь, и въ различныхъ языкахъ внѣшніе символы для однихъ и тѣхъ же явленій не всегда соотвѣтствуютъ другъ *другу* по родовымъ окончаніямъ.

Второе наше примѣчаніе касается слѣдующаго. *Ἐπιστήμη*, — говорили мы, — *ἀλήθεια, διακρίβωσις, δόξα, ψεῦδος, ὄντα*, — все это *ὀνόματα τῶν ὄντων* и чувствуются каждое само по себѣ чѣмъ то самостоятельнымъ, цѣльнымъ, не нуждающимся ни въ какомъ дополненіи, но находящимся *внѣ* связной рѣчи, точно такъ же, какъ сами *ὄντα* находятся внѣ связной *мысли*. Связная мысль изъ этихъ *ὄντα* и, соотвѣтственно этому, связная рѣчь (или *просто* »рѣчь«, такъ какъ мы подъ »рѣчью« *именно* разумѣемъ выраженіе связной мысли) вышла у насъ такая: *ἡ μὲν ἐπιστήμη τὴν ἀλήθειαν περὶ τῶν ὄντων διακρίβωται, ἡ δὲ δόξα ψεύδεται περὶ αὐτῶν*. Въ этой »рѣчи« *ὀνόματα διακρίβωσις* и *ψεῦδος* превратились въ глаголы. Это значитъ, что явленія, которыя были прежде обозначены черезъ слова *διακρίβωσις* и *ψεῦδος*, отнесены теперь къ извѣстному времени и, какъ »дѣйствія«, имѣющія начало, развитіе и конецъ, присуждены — съ *познавательнымъ*, въ данномъ случаѣ, отгѣнкомъ — извѣстнымъ »лицамъ« въ извѣстномъ »залоговомъ« къ нимъ отношеніи. »Лицами«, которымъ присуждены эти »дѣйствія«, при *ближайшемъ ихъ опредѣленіи* (въ глаголахъ *διακρίβωται* и *ψεύδεται* они *просто* отмѣнены какъ *постороннія* бесѣдующимъ) оказываются *ἐπιστήμη* и *δόξα*. При этомъ сами слова »*ἐπιστήμη*« и »*δόξα*« не поддались въ связной рѣчи никакимъ измѣненіямъ и остались, какъ выражались греки, *ὄρθαι*, т. е. такими, какими они были *внѣ* связной *рѣчи*, когда исполняли

предметовъ на почвѣ олицетворенія (стр. 315—355), высказывается о »грамматическомъ« родѣ (т. е. о томъ, гдѣ за олицетвореніемъ услѣдить нельзя) слѣдующимъ образомъ (114): Das grammatische Geschlecht ist eine, aber im frühesten Zustande der Sprache schon vorgegangene Anwendung oder Übertragung des natürlichen auf alle und jede Nomina.

роль наименованій τῶν ὄντων, находившихся, въ свою очередь, *внѣ* связной *мысли*. Затѣмъ, при составленіи изъ нашихъ ὄντα связной рѣчи оказалось нужнымъ вставить такія слова какъ: ἡ, μέν, τήν, περί, τῶν, δέ, αὐτῶν, которыя мы, по примѣру древнихъ, назовемъ пока какими то ἄρθρα или σύνδεσμοι. Что же касается словъ ἀλήθεια и ὄντα, то они, хотя и остались въ связной рѣчи тѣми же ὀνόματα, тѣми же наименованіями τῶν ὄντων, какъ ими остались и ἐπιστήμη и δόξα, но, въ сравненіи съ послѣдними, немного измѣнились, — измѣнились, очевидно, потому, что на нихъ отразилась та transitivity слова διακριβοῦται, на которую мы указывали въ статьѣ о залогахъ (стр. 108). Они уже не стоятъ въ связной рѣчи ὀρθῶς, какъ слова ἐπιστήμη и δόξα, а »покосились«, какъ выражались древніе (εἰς πλάγιον ἐκλίθη) *), *подъ влияніемъ* слова διακριβοῦται, причѣмъ одно изъ нихъ покосилось *подъ* этимъ *вліяніемъ при посредствѣ* ἄρθρα περί. **) О разныхъ »паденіяхъ« (такъ еще выражались греки) τῶν ὀνομάτων, т. е. о падежахъ (πτώσεις), — о томъ, какія отношенія выражаются тѣмъ или инымъ падежемъ, намъ и придется распространиться въ настоящее время и оставить неоконченнымъ »опредѣленіе границъ« τοῦ ὀνόματος (словомъ ὄντα ихъ окончательно не опредѣлишь) и дѣленіе τοῦ ὀνόματος внутри *его самого*. Такъ ужъ сплетается вопросъ съ вопросомъ.

Приступая къ рѣшенію вопроса о значеніи падежей, мы прежде всего должны отмѣтить, что и та форма τοῦ ὀνόματος, въ которой ὄνομα стоитъ ὀρθῶς, названа древними πτώσις. Такъ и математикъ, когда обѣ стороны угла вытянулись въ одну прямую линію, и когда собственно никакого »угла«, никакого *уклона* сторонъ нѣтъ, говорить обѣ »углѣ«

*) Смотри схолія къ грамматикѣ Діонисія Тракійскаго (В. А. II. 862. 5), гдѣ само слово ὀρθῶς объясняется такъ, что ὄνομα, которое стоитъ ὀρθῶς, ὀπῶ πλάγιως ἐκλίθη.

**) Читателю можетъ показаться страннымъ различіе отгѣнковъ »при посредствѣ« и »подъ влияніемъ«. Оно будетъ оправдано въ пятомъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія.

(объ углѣ 180°).*) Падежъ, въ которомъ *ὄνομα* стоитъ *ὀρθῶς*, — древнѣе тутъ толковали объ *ὀρθῆι πᾶσις* — названъ *ὀνομαστικῆι* (именительный). Нѣтъ сомнѣнiя, что это названiе очень приличествуетъ нашему падежу *прежде* всего въ виду той его роли, о которой мы только что упоминали, т. е. роли внѣшняго символа *τῶν ὄντων*, когда послѣднiя находятся *внѣ* связной рѣчи. Мы сами, рассуждая о такой ихъ роли, постоянно прибѣгали къ выраженiю *«наименованiя»* (= *«поименованiя»* = *«названiя»*) *τῶν ὄντων*. Какой же смыслъ, спрашивается, приобретаетъ именительный падежъ въ *«рѣчи»*?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ прежде всего тѣ выраженiя *«набатъ!»* и *«пора!»*, которыя *сами по себѣ* представляютъ *«рѣчь»*. Насколько здѣсь *«именительный»* падежъ — въ своей роли, читатель можетъ усмотрѣть изъ нашихъ разсужденiй объ этихъ выраженiяхъ на стр. 90–4: Въ выраженiи *«набатъ!»* все дѣло заключалось въ *«поименованiи»* явленiя, а что *«засвидѣтельствовать»* пору можно черезъ ея *«поименованiе»* (раньше мы говорили: черезъ произнесенiе слова *«пора»*), это съ *психологической* точки зрѣнiя не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнiю.

Въ дальнѣйшемъ разборѣ употребленiя именительнаго падежа въ *«рѣчи»* мы переходимъ уже къ выраженiямъ *«сложнѣе*, т. е. къ выраженiямъ, состоящимъ болѣе чѣмъ изъ одного слова. Мы имѣемъ въ виду сложныя выраженiя, все еще *чисто* ономатическiя, въ родѣ: *орелъ — хищникъ, ясень — дерево* и т. п. Если мы прибѣгаемъ и здѣсь къ русскимъ примѣрамъ, а не къ греческимъ, то это объясняется тѣмъ, что греческiй языкъ вообще относится не особенно благо-

*) Древнѣе любили поднимать вопросъ: *πῶς δ' οἶόν τε εἶσιν τὴν ὀνομαστικὴν «εὐθεῖαν» καὶ (= и въ то же время) «πᾶσιν» λέγεσθαι*, и отвѣчали на него слѣдующимъ образомъ (В. А. II. 861): *Καθὸ γὰρ πέπτωκεν ἀπὸ τοῦ κοινῆ εἰς ἰδιότητα* (имѣется въ виду, очевидно, внесене именительнаго падежа въ *«рѣчь»*, т. е. въ связную рѣчь, и приведенiе его въ извѣстное отношенiе къ другимъ словамъ рѣчи), *ὀνομάζεται πᾶσις· καθὸ δὲ πρὸς ἑαυτὴν ἐμνεῖ καὶ ἕστη, ὡσπερ ἦν ἐν τῷ γενικῷ* (т. е. при появленiи ихъ *внѣ* *«рѣчи»*), *καλοῖτο ἂν ὀρθῆι . . . ὡσπερ ἕαν τις λάβῃ γραφεῖον καὶ ἀφῆι εἰς γῆν καὶ ὀρθῶν στή, καθὸ μὲν πέπτωκε ἀπὸ τῆς χειρὸς, δοκεῖ πεπτωμέναι, καθὸ δὲ πρὸς ἑαυτὴν λέγεται ὀρθῶν*

склонно къ *ономатической* рѣчи, хотя не безусловно изгоняетъ ее (сравни: *οὗχ ἀγαθὸν πολυκορανίη*).

Фразу *орелъ—хищникъ* можно понимать двояко: или она обозначаетъ, что предметъ, »поименованный« въ первомъ словѣ (въ словѣ *орелъ*), *принадлежитъ* къ хищникамъ, т. е. что логическій *объемъ* этого перваго слова составляетъ *часть* логическаго объема слова *хищникъ*, или же при произнесеніи ея *совсѣмъ* не обращается вниманіе на отношеніе логическихъ объемовъ тѣхъ *δύοματων*, которыя вошли въ ея составъ. Въ послѣднемъ случаѣ соединены въ цѣльную рѣчь два *δύοματα* просто для того, чтобы первое изъ нихъ, слово *орелъ*, »поименовывало« предметъ, а второе отмѣчало бы собою присуждаемые этому предмету *признаки*, поскольку они *выражены* въ этомъ второмъ *δύομα*, какъ *названіи* *ἄντος*, совершенно *отличнаго* отъ *перваго* *ἄν* т. е. отъ того *предмета*, которому эти признаки присуждаются. Поймемъ ли мы нашу фразу по первому толкованію, или по второму, въ томъ и другомъ случаѣ два *δύοματα* относятся къ одному предмету, и, какъ изъ самого толкованія явствуетъ, именительный падежъ въ словѣ *орелъ* нисколько не уклоняется отъ своей *первоначальной* роли, а почему слово *хищникъ* попало въ именительный падежъ, это выяснится ниже.

Итакъ, во фразѣ »*орелъ—хищникъ*« два *δύοματα* относятся къ одному предмету. Не вызываетъ ли это толкованіе какогонибудь недоумѣнія, и остаются ли въ нашей фразѣ *оба* *δύοματα* тѣмъ же, чѣмъ они были *внѣ* рѣчи, т. е. названіями *настоящихъ* *ἄντων* или, какъ мы сказали на стр. 160., внѣшними символами внутренней картины? (что выраженія »набать!« и »пора!« *не суть* такіе внѣшніе символы внутренней картины, на это уже указано на той же стр. 160.). Для уничтоженія всякаго недоумѣнія мы спросимъ: чувствуется ли какаянибудь разница между выраженіями *собака — другъ чловѣку* и *собака дружественна чловѣку*? Разница, несомнѣнно, *есть*, и довольно большая. Мы не можемъ пока разяснять въ подробностяхъ симасіологическое положеніе въ рѣчи слова *дружественный*, но и непосредственнаго чутья достаточно, чтобы на основаніи этой разницы удер-

жать толкованіе фразы *собака — другъ чловѣку* въ слѣдующихъ границахъ: Слово *другъ* было внѣ рѣчи поименованіемъ *представленія* объ извѣстномъ предметѣ. »Представленіе« это, если позволено выразиться образно, *оболочка*, которую душа накладываетъ на предметъ и на явленіе, когда съ ними знакомится. Слово »другъ« внѣ рѣчи есть поименованіе предмета, — *одного* ли *реального*, или *цѣлой группы* однородныхъ *реальныхъ*, или *одного идеального*, *отвлеченнаго* отъ группы реальныхъ, это *рѣшительно* все равно, — слово »другъ«, повторяю, *внѣ* рѣчи есть поименованіе предмета по той *оболочкѣ*, которую на него наложила душа, знакомясь съ нимъ. Такимъ. утверждаемъ мы, осталось слово *другъ* и въ нашей фразѣ *собака — другъ чловѣку*, и за такое признаетъ его всякій, если съ надлежащею чуткостью сопоставить нашу фразу съ фразою *собака — дружественна чловѣку*. Такимъ же »поименованіемъ предмета по его оболочкѣ« представляется въ разбираемой нами фразѣ и слово *собака*. До тѣхъ поръ, пока мы будемъ разсуждать о фразѣ *собака — другъ чловѣку* въ такомъ смыслѣ, что въ ней два *двѣмата*, »собака« и »другъ«, встрѣчаются въ одной математической *точкѣ*, до тѣхъ поръ не теряется сознание о нихъ какъ о *настоящихъ двѣматахъ*, т. е. какъ о названіяхъ *тѣмъ двѣмъ*. Но, когда мы заговоримъ о нихъ, что они »относятся къ одному предмету«, то тогда это сознание теряется, и мы поневолѣ должны видѣть въ одномъ *поименованіе* предмета, а въ другомъ обозначеніе его признака. А между тѣмъ, послѣднее есть только психологическое *перенесеніе* (тоже своего рода *метафора*) представленія о встрѣчѣ чего то одного съ чѣмъ то другимъ въ одной математической *точкѣ* на »присужденіе чего то одного чему то другому«.

Такимъ образомъ, когда мы во фразѣ *орелъ — хищникъ* и тому подобныхъ явленіяхъ языка будемъ говорить объ »отнесеніи двухъ *двѣматахъ* къ одному предмету«, то такъ и будемъ знать, что это, въ сущности, *метафорическое* выраженіе. Это, впрочемъ, только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ разбираемыхъ нами явленіяхъ не обращается никакого

вниманія на логическій объемъ словъ. Когда же въ нихъ логическій объемъ имѣется въ виду, то мы, конечно, и тутъ можемъ говорить объ »отнесеніи двухъ *δύοματα* къ одному предмету«, по немного въ другомъ смыслѣ. Во фразѣ *орелъ—хищникъ*, когда она передаетъ мысль, что орелъ есть *одинъ* изъ хищниковъ, представляется *одно ѓν*, завернутое въ оболочку наименованіемъ *орелъ*, *внутри* другого *ѓντος*, опять таки *настоящаго ѓντος*, завернутаго въ оболочку наименованіемъ *хищникъ*, причемъ *первое ѓν* занимаетъ во второмъ только лишь небольшое пространство.

Не знаемъ, удалось ли намъ достаточно выяснитъ то, въ чемъ мы убѣждены, т. е. что во фразѣ *орелъ—хищникъ* мы и въ *рѣчи* имѣемъ дѣло съ *настоящими ѓνοματα* какъ названіями *дѣйствительныхъ ѓντων*, *дѣйствительныхъ* »предметовъ«, понимая подъ »предметами« и *личности*, и *явленія* — явленія какъ внѣшняго, такъ и внутренняго міра. *)

Итакъ, процессъ образованія *сложнаго* ономатического сужденія, представляя его *отвлеченно*, заключаетъ въ себѣ три момента: символы двухъ внутреннихъ картинъ, прорывающіеся въ рѣчь *δρθως*; встрѣча ихъ, стоящихъ все еще *δρθως*, въ одной математической точкѣ; наконецъ, сознание отнесенія ихъ къ одному предмету, при которомъ одно изъ нихъ блѣднѣетъ въ своемъ значеніи самостоятельнаго и начинаетъ чувствоваться признаковымъ словомъ, тогда какъ другое продолжаетъ стоять какъ названіе *настоящаго ѓντος*. Однако, не всѣ моменты этого процесса остаются живыми въ сознаніи говорящаго. Живо ощущается имъ только послѣдній, и поэтому напр. во фразѣ *орелъ—хищникъ* именительный падежъ слова *орелъ* кажется *естественнымъ*, а именительный слова *хищникъ* — чѣмъ то, подлежащимъ объясненію.

*) Что касается выраженій »громъ!« и »пора!«, то въ нихъ *δύοματα* предстаютъ передъ нами только еще, такъ сказать, на пути своего образованія. Ими душа наша только еще накидываетъ оболочку (на явленіе *природы* въ выраженіи »громъ!« и на *ситуацію* въ выраженіи »пора!«), — ту оболочку, въ которую предметъ долженъ быть уже облеченъ, для того чтобы *ѓνομα* могло быть *настоящимъ ѓνομα*, т. е. внѣшнимъ символомъ *представленія* о предметѣ или, говоря короче, названіемъ предмета.

Пониманіе фразы *орелъ—хищникъ* въ томъ толкованіи, гдѣ не обращается вниманіе на логическіе объемы словъ, даетъ намъ право сопоставить ее съ глаголомъ *хищничаетъ*. Есть ли вообще какая нибудь разница въ смыслъ между выраженіемъ *орелъ—хищникъ* и глаголомъ *хищничаетъ*? Разница есть, но небольшая. »Хищничаетъ« значить, что третье лицо *онъ* — ближе его можно опредѣлить черезъ слово *орелъ* — принимаетъ на себя признаки хищника, обнаруживающіеся на немъ въ пространствѣ времени (сравни выше стр. 97), а въ выраженіи *орелъ—хищникъ* приписываются орлу признаки, которые мы или совершенно не представляемъ въ пространствѣ времени, или же, если ихъ и можно представить, то въ данномъ случаѣ, при данномъ способѣ выраженія мы отвлекаемъ ихъ отъ этого пространства. Эта небольшая разница не вызываетъ никакой необходимости усматривать въ выраженіи *орелъ—хищникъ* какія нибудь другія подлежащее и сказуемое, чѣмъ мы ихъ усматривали въ глаголъ *хищничаетъ*: и здѣсь подлежащее и сказуемое остаются тѣми же »психо-логическими,« причемъ подлежащимъ является *орелъ*, а сказуемымъ — *хищникъ*.

Что же нами руководило, когда мы, не имѣя вовсе въ виду логическихъ объемовъ словъ *орелъ* и *хищникъ*, объявили вдругъ слово *орелъ* за подлежащее и слово *хищникъ* за сказуемое, а не наоборотъ? Почему не признали слово *хищникъ* за »поименованіе« предмета, а слово *орелъ* за »обозначеніе признаковъ черезъ названіе той вещи, носящаго эти признаки«? Въ глаголъ »хищничаетъ« нельзя смѣшать психо-логическаго подлежащаго съ психо-логическимъ сказуемымъ, потому что каждое изъ нихъ выражено грамматически совершенно особо. Но почему мы вдругъ во фразѣ *орелъ—хищникъ* усматривали въ словѣ »орелъ« настоящій именительный падежъ, а въ словѣ *хищникъ* что-то, еще подлежащее объясненію? Почему не »хищникъ« былъ этимъ настоящимъ именительнымъ падежемъ? Тонъ, что ли, навелъ насъ на это, или разстановка словъ? Но вѣдь и при другомъ тонѣ и при другой разстановкѣ выйдетъ то же самое. Мы можемъ прекрасно сказать: хищникъ—*орелъ* (подразумѣвай,

напр., *а не овца*), и всетаки мы въ словѣ *хищникъ* будемъ видѣть указаніе на *признаки*, а въ словѣ *орелъ* — указаніе на *предметъ*. Поднятый нами вопросъ въ концѣ концовъ разрѣшить *можно*, но, конечно, ужъ *никакъ* не на почвѣ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ, и разрѣшеніе его повело бы насъ *очень* далеко.*) Да будетъ намъ позволено въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ психо-логическое подлежащее *нельзя* отличить отъ психо-логическаго сказуемаго кромѣ какъ непосредственнымъ — такъ кажется на первый взглядъ — чутьемъ, — да будетъ намъ позволено говорить не о психо-логическихъ подлежащемъ и сказуемомъ, а *просто*, какъ говорили раньше, объ « отнесеніи *двухъ дѣйствій* (при *дѣйствіи* это только и *можетъ* случиться) къ одному *предмету*. »

Другое дѣло, когда фраза *орелъ—хищникъ* вырастаетъ на почвѣ разбора *логическихъ объемовъ* словъ, входящихъ въ ея составъ. Тогда, конечно, подлежащимъ будетъ слово съ *меньшимъ*, а сказуемымъ — слово съ *большимъ* логическимъ объемомъ. Но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что *эти* подлежащее и сказуемое — совершенно другого рода, чѣмъ психо-логическія сказуемое и подлежащее *глаголовъ* и *тѣхъ* онomatическихъ выраженій, въ которыхъ мы не только не ищемъ никакихъ отношеній въ логическихъ объемахъ словъ, но иногда не имѣемъ *основанія* искать ихъ, какъ это было напр. въ вышеприведенной фразѣ *собака — другъ человѣку*. Когда мы выше толковали о словѣ *другъ*, а по поводу его объ *ѡн*, то мы говорили, что все равно, ищемъ ли мы *ѡн* въ *одномъ* реальномъ предметѣ, или въ группѣ однородныхъ реальныхъ предметовъ, или въ *идеальномъ* предметѣ, какъ *отвлеченіи* отъ реальныхъ. Но *другъ* есть непременно *идеальный* предметъ, отвлеченный не столько отъ реальныхъ *предметовъ*, сколько скорѣе отъ разныхъ видовъ *дружбы*,

*) Обращаемъ вниманіе на то, что затрудненіе, о которомъ идетъ рѣчь, существуетъ только для *слушателя*, а никакъ не для *автора* рѣчи. Последний, конечно, прекрасно знаетъ, какое слово у него служитъ указаніемъ на *предметъ*, и какое — указаніемъ на *признаки*, но только не располагаетъ, повидимому, *вѣчными* средствами для того, чтобы и слушатель не затруднился.

насколько она проявляется на реальных предметахъ, въ данномъ случаѣ на личностяхъ. Да наконецъ, большой еще вопросъ, отвлечение ли это? Не есть ли это *просто* душевный *постулатъ*? Въ глаголахъ, равно, какъ и во фразѣ *собака — другъ человеку*, мы просто, какъ мы прежде всегда выражались, присуждаемъ что-то чему-то, руководясь при этомъ *исключительно* только опытомъ, то болѣе правильнымъ, то менѣе правильнымъ, а то и совсѣмъ неправильнымъ. Собака есть одно *бы*, другъ — другое, и опытъ намъ говорить, что оба *быта* могутъ *встрѣтиться* въ одной математической точкѣ. Не такимъ представляется дѣло въ случаяхъ, гдѣ обращается вниманіе на логическій объемъ: тутъ не просто что-то присуждается чему-то на основаніи *опыта*, а самъ опытъ, для того, чтобы *можно* было »присуждать«, переводится еще на *мотивъ* присужденія, — на мотивъ чисто *логическаго* характера, а потому не лишнимъ будетъ *отличить* подлежащее и сказуемое *этихъ* случаевъ отъ психо-логическихъ подлежащаго и сказуемаго *малоловзъ*. Для указанной цѣли предлагаемъ прибѣгнуть къ терминамъ »*логическія* подлежащее и сказуемое«.

Терминъ »*логическія* подлежащее и сказуемое« обобщенъ разборомъ *вещественнаго* содержанія словъ, того *вещественнаго* содержанія, на которое мы указывали на стр. 83. Хотя мы за *вещественнымъ* содержаніемъ словъ слѣдить не обязаны, но за нимъ не будетъ слѣдить, съ цѣлью опредѣлять подлежащее и сказуемое, и тотъ симасіологъ, о которомъ мы говорили на той же стр. 83. Оно должно сдѣлаться предметомъ изслѣдованія синтаксиса, который, какъ нами на то указывалось уже не разъ, долженъ слѣдовать за симасіологіею частей рѣчи и ихъ формъ. Мы бы и не вмѣшивались въ чужое дѣло, если бы установленіе логическихъ подлежащаго и сказуемаго не нужно было для симасіологіи частей рѣчи. Читатель догадывается, что мы, *между прочимъ*, имѣемъ здѣсь въ виду: появленіе или непоявленіе въ рѣчи такъ называемаго »члена« (*о-ѣ-то*) часто находится въ связи — не *непосредственной*, впрочемъ, какъ ниже увидимъ — съ логическими подлежащимъ и ска-

зубымъ. Та же необходимость, тотъ же »членъ« и многое другое заставляетъ насъ, однако, установить еще *третій* видъ подлежащаго и сказуемаго. На *эти* подлежащее и сказуемое встрѣчаются указанія у нашихъ ученыхъ, хотя послѣднiе не сознаютъ или, по крайней мѣрѣ, не опредѣляютъ разницу между ними и первыми двумя парами, точно также какъ не сознаютъ и не опредѣляютъ разницу между первою парюю и второю.*)

Wegener (Untersuch. 20) говоритъ: Das Subject ist das interesselose Bekannte, die Aussage das Interessirende Neue. При этомъ нашъ ученый приводитъ примѣръ *dein Vater hat es gesagt*, въ которомъ, по его толкованiю, если произнести слова »*dein Vater*« съ ударенiемъ, то *dein Vater* будетъ именно das Neue und Interessirende, и хотя это — das grammatische Subject (?), но logisch (?) оно — Praedicat.

Дѣло въ томъ, что коль скоро »рѣчь«, т. е. выраженiе полной и связной мысли, перешагнула за предѣлы одного слова, стало быть за предѣлы выраженiй *вѣи* — *дѣи* — *набатъ!* — *пора!* — *урафш*, то сейчасъ, уже при составлени ея изъ *двухъ* словъ, одно слово интонируется сильнѣе, а другое слабѣе. При этомъ самое *распредѣленiе* сильного и слабого тона вовсе не находится въ зависимости отъ *категорiй* словъ, а появляется по *объимъ* комбинациямъ *аб* и *ба*. Выращенiе »учитель учить« можно интонировать такъ, что *сильный* тонъ появляется въ однихъ случаяхъ на словѣ *учитель*, а въ другихъ — на словѣ *учить*. При интонаци »*ἀνδρεία ἐπαινεῖται*« подразумевается какое нибудь *καὶ οὐκ ἀθυμία* (*ἀνδρεία ἐπαινεῖται καὶ οὐκ ἀθυμία*), а при интонаци »*ἀνδρεία ἐπαινεῖται*« — какое нибудь *καὶ οὐ ψεύεται* (*ἀνδρεία ἐπαινεῖται καὶ οὐ ψεύεται*).**)

Въ обоихъ случаяхъ слово со *слабымъ* тономъ представляетъ

*) Во избѣжанiе возможныхъ недоразумѣнiй, мы должны оговориться, что наши три вида подлежащаго и сказуемаго не суть конкретныя группы, *исключающiя* одна другую, т. е. не составляютъ одного логическаго ряда, а представляютъ собою разныя точки зрѣнiя на предметъ.

***) Это не *эллипсисъ*; сравни объ этомъ выше стр. 54.

собою нѣчто *данное* для разсужденія, — нѣчто, какъ-бы между собесѣдниками *условленное* и произносимое или, вообще, *опредѣляемое* черезъ »рѣчь«¹ лишь во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, а слово съ *сильнымъ* тономъ говорящей произноситъ съ цѣлью *объявить* слушателю что нибудь *отъ себя*, и если *слабо* интонируемымъ словомъ сообщалось нѣчто *данное* въ разсужденіи, то черезъ *сильно* интонируемое слово сообщается нѣчто *искомое* въ разсужденіи.

По мѣрѣ *осложненія* рѣчи, т. е. по мѣрѣ *осложненія* и развитія самого *разсужденія*, слова *меньше* сложныхъ выраженій, фигурировавшія въ нихъ въ роли указателей *искомаго*, переходятъ постепенно въ составъ указателей *даннаго*, предоставляя свою прежнюю роль *новымъ* словамъ. Сравни, напримѣръ, слѣдующія выраженія (слова съ *сильнымъ* тономъ мы въ нихъ подчеркиваемъ): онъ *сказалъ*; онъ *сказалъ это*; онъ *сказалъ это кстати*; онъ *сказалъ это очень кстати*; *очень кстати* *сказалъ онъ это ему* и т. д.

Нельзя утверждать, чтобы въ сложной рѣчи »искомое«² сосредоточивалось всегда въ *одномъ* словѣ. Въ выраженіи »если онъ это сдѣлалъ, то я вамъ долженъ сказать, что онъ этимъ *затруднилъ* *черезвычайно насъ*, не сознавая этого«³ всѣ подчеркнутыя слова сообщаютъ »искомое«. Wegener на той же 20. стр. своихъ Untersuch. и въ другихъ мѣстахъ замѣняетъ свой »logisches Subject«, выражающей, по его толкованію, das Bekannte, Interesselose, терминомъ »Exposition«⁴ (= ознакомленіе съ ситуациею, предшествующее объявленію *новаго*). Если мы угадываемъ причину этой замѣны, и если побудило Wegener'a къ ней то обстоятельство, что терминъ »Subject«⁵ скорѣе пригоденъ охарактеризовать *одно слово*, тогда какъ »Exposition«⁶ можетъ быть отнесено къ очень сложному выраженію, то ему слѣдовало подумать и о какой нибудь замѣнѣ термина »logisches Prädicat«.

Нельзя утверждать и того, что въ рѣчи все *данное* скопляется въ *одномъ* мѣстѣ, а все *искомое* въ *другомъ*. Въ ⁷выраженіи »я не думаю, чтобы ты могъ справиться съ *этими* *дѣломъ*«⁸ *сильно* интонируемыя слова распределены по *тремъ* мѣстамъ. Сильно-ударяемыя слова не только пере-

плетаются съ слабо-интонируемыми, но и подвергаются извѣстному подчиненію *между собою*. Въ выраженіи »если онъ такъ *храбръ*, то его *похвалятъ*« сильно-ударяемая слова относятся другъ къ другу такъ, что слово *храбръ* можно интонировать не такъ сильно, какъ слово *похвалятъ*, и тогда *вся фраза »если онъ такъ храбръ«* по интонаціи подчинена фразѣ *»то его похвалятъ«*.

Paul, не подозревая различія въ *видахъ* разныхъ подлежащихъ и сказуемыхъ, дошелъ до установленія подлежащаго и сказуемаго въ »предложеніи« (какъ онъ до него дошелъ, — мы здѣсь излагать не будемъ), а затѣмъ, *совершенно* въ духъ Wegener'овскихъ »Exposition« и »logisches Praedicat«, продолжаетъ такъ (Princip 111.): Jede andere Art der Satzerweiterung geschieht dadurch, dass das Verhältniss von Subject und Praedicat mehrmals auftritt. Entweder es verbinden sich gleichzeitig zwei Glieder mit einem dritten, d. h. es treten zwei Subjecte zu einem Praedicate, oder zwei Praedicate zu einem Subjecte, was sich etwa durch die Formel $(a + (b) + c)$ ausdrücken liesse, oder es tritt *eine Verbindung* von Subject *und* Praedicat *als* Subject oder *als* Praedicat zu einem weiteren Gliede, was sich durch die Formel $(a + b) + c)$ ausdrücken liesse. Auch dieses weitere Glied kann natürlich wieder zusammengesetzt sein Много поучительнаго въ этомъ отношеніи, но и вмѣстѣ съ тѣмъ много такого, съ чѣмъ трудно согласиться, можно найти у Paul'я въ статьѣ »Verschiebung der syntaktischen Glieder« (Princip. 235—254).

Изъ только что сообщеннаго можно понять, какая сложная задача предстоитъ тому синтаксису, который долженъ слѣдовать за симасіологіею частей рѣчи и ихъ формъ, и который долженъ изслѣдовать »тонъ, темпъ, паузы, и вообще музыкальную часть языка« (смотри выше стр. 64). Для насъ не требуется, чтобы вся эта сложная задача была передъ нами вполне раскрыта и разрѣшена. Намъ нужно различать *данное* и *искожое* въ предѣлахъ очень коротенькихъ *фразъ*, а для этого требуется только *установить*

самое различіе, для *установленія* же его вполне достаточно *сообщеннаго*.

Итакъ, отличіе *искомаго* отъ *даннаго* выражается не-премѣнно *тономъ*, который мы назовемъ *синтаксическимъ*, такъ какъ появленіе его обусловлено составомъ рѣчи (τῷ συντάττεσθαι τὸν λόγον) по крайней мѣрѣ изъ *двухъ* словъ. Терминомъ *синтаксическій* мы достигаемъ надлежащаго противопоставленія *даннаго* тона всевозможнымъ δξύ-του'амъ, παροξύτου'амъ и прочимъ »удареніямъ« *слоговъ* въ словахъ. То, что *выражается* этимъ синтаксическимъ тономъ, мы могли бы называть такъ, какъ называли до сихъ поръ, — »*искомымъ*«, въ противоположность »данному«. Но такъ какъ »искомое« и »данное« *вообще* постоянно сталкиваются, а часто и *совпадаютъ* съ подлежащимъ и сказуемымъ, какъ »психо-логическими«, такъ и »логическими«, то мы и здѣсь установимъ термины: *синтаксическое* »подлежащее«, указывающее на *данное*, и *синтаксическое* »сказуемое«, указывающее на *искомое*.

Да, мы будемъ различать *три* пары подлежащихъ и сказуемыхъ, и хотя онѣ *всѣ*, въ сущности, психо-логическія, какъ и вся рѣчь, въ качествѣ выраженія сужденія и разсужденія, есть психо-логическая, но въ частности мы будемъ усматривать — въ психо-логическихъ подлежащемъ и сказуемомъ присужденіе вообще признака предмету, въ логическихъ — отнесеніе меньшаго логического объема къ большему, а въ синтаксическихъ — отнесеніе даннаго къ искомому. Первая изъ этихъ паръ, которая нами установлена на почвѣ присужденія признака предмету, можетъ быть, какъ до сихъ поръ выяснилось, или глагольная, или ономатическая: въ глаголѣ *γράφω* присуждается признакъ, обозначенный въ буквѣ *α* его симасіологической схемы, лицу, обозначенному въ буквѣ *β* этой схемы, въ выраженіяхъ *ἕει — δεῖ — набатъ! — пора!* присуждается »признакъ« *явленію, не выраженному* въ языкѣ,*) а въ ономатическомъ выраженіи *собака — другъ человѣку* два *ὀνόματα* отнесены къ одному предмету, такъ

*) Сравни выше стр. 91.

что одно изъ нихъ *поименовываетъ* предметъ, а другое указываетъ на его *признаки*. Какое изъ *двѣхъ* »поименовываетъ«, и какое принимаетъ на себя »признаковую« роль, это въ нихъ грамматически не показано, какъ то было въ глаголѣ; грамматически въ нихъ показано *только* отношеніе ихъ къ одному *предмету*, — тѣмъ, что съ однимъ изъ нихъ, поставленнымъ въ *разсмотрѣнныхъ* доселѣ случаяхъ въ *настоящемъ* т. е., соотвѣтственно его *роли, именительномъ* падежѣ, второе въ падежѣ согласуется, *) и если бы *двома, именующее* предметъ или, вообще, *указывающее* на предметъ, почему-либо попало въ *другой* какой-нибудь падежъ, то »признаковое« *двома* сейчасъ за нимъ послѣдуетъ. Къ »согласованію«, впрочемъ, мы еще вернемся, равно какъ вернемся и къ »ономатической рѣчи«. А теперь перейдемъ къ новому и *последнему* случаю появленія именительнаго падежа въ рѣчи, предпославъ небольшое, но весьма важное для дальнѣйшаго, примѣчаніе: Нетрудно понять изъ всего, выясненнаго о подлежащихъ и сказуемыхъ, что только въ »психо-логическихъ« и логическихъ сказуемыхъ можно толковать о *настоящемъ* сужденіи въ смыслѣ »присужденія« признака предмету, въ то время какъ въ *синтаксическихъ* подлежащемъ и сказуемомъ можно лишь говорить объ »отнесеніи« чего-то къ чему-то.»

Последній случай появленія именительнаго падежа въ »рѣчи« представляютъ собою выраженія въ родѣ *διδάσκαλος διδάσκει, παῖς παιδεύεται, Σωκράτης διαλέγεται* и т. п. Какова функція именительнаго падежа въ *этихъ* выраженіяхъ?

Непосредственный отвѣтъ на нашъ вопросъ подсказанъ на стр. 89: Именительный падежъ *τοῦ δνόματος*, представляемый въ »рѣчи« къ глаголу, служить, какъ названіе *τοῦ ὄντος*, ближайшимъ опредѣленіемъ того »лица«, на которое въ общемъ уже указано въ самомъ глаголѣ какъ на носителя *ἐνεργείας* или *πάθους*, отмѣченныхъ въ залоговыхъ

*) Что такая внѣшняя схема, какъ *одинаковость* падежей въ двухъ *одинаковыхъ* частяхъ рѣчи, какъ нельзя лучше могла изобразить отношеніе обѣихъ частей рѣчи къ одному предмету это само собою разумѣется.

отгѣнкахъ глагола и, вообще, какъ на носителя признака, представляемаго нами во временномъ пространствѣ. Что »ближайшее опредѣленіе лица«, такого же ὄντος, какъ и само ὄνομα, лучше всего совершается черезъ »поименованіе« той ὄντος, и что, стало быть, и здѣсь именительный падежъ остается въ своей *коренной* роли, это опять таки съ *психологической* точки зрѣнія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Но не *прямой* отвѣтъ на нашъ вопросъ насъ можетъ останавливать здѣсь. Насъ останавливаетъ скорѣе разборъ *другихъ* отвѣтовъ, которые обыкновенно на него *даются*. Говорятъ здѣсь о »грамматическомъ« подлежащемъ. Уже на стр. 58 мы рассуждали о томъ, что »грамматическое подлежащее« есть, въ сущности, такое же симасіологическое дополненіе глагола, какъ многія другія. »Грамматически« т. е. грамматическою *формою* выражено здѣсь не подлежащее, а *именительный падежъ*, который тѣмъ и отличается отъ другихъ симасіологическихъ дополненій глагола, что только »поименовываетъ« τὸ ὄν, тогда какъ *другія* симасіологическія дополненія въ *другихъ* падежахъ *кромя* поименовыванія выражаютъ еще другія »отношенія«. Итакъ, терминъ »грамматическое подлежащее« ни для чего не нуженъ. Гораздо лучше отгѣняется функція словъ διδάσκαλος, παῖς и Σωκράτης въ нашихъ примѣрахъ отъ *другихъ* словъ, попадающихъ въ рѣчь, черезъ терминъ »именительный падежъ при глаголахъ«. Въ немъ ясно и совершенно *точно* отгѣчено, что данная форма назначена для *поименованія* чего то, *подлежащаго* поименованію при глаголахъ, а отгѣчать что-нибудь другое не только не нужно, но и не слѣдуетъ, такъ какъ нѣтъ той системы (я разумѣю *настоящую* систему, единую въ ея *началахъ*), въ которой *другое* какое нибудь обозначеніе этого именительнаго падежа находило бы себѣ мѣсто. Кто изъ читателей считаетъ нужнымъ возразить намъ здѣсь тѣмъ, что при глаголахъ бывають иногда *два* именительныхъ падежа, и что надобно же какъ нибудь *отличить* одинъ отъ другого, тому мы отвѣтимъ если не сейчасъ, то скоро.

Намъ скажутъ: Какъ же это нѣтъ системы, въ которую »именительный падежъ при глаголѣ« вошелъ бы съ какимъ нибудь другимъ терминомъ, въ особенности съ такимъ терминомъ, какъ »грамматическое подлежащее«? Куда, въ такомъ случаѣ, дѣвалось »грамматическое мышленіе«, и не на его ли почвѣ выросъ терминъ »грамматическое подлежащее«? Хотя Paul и говоритъ (эту его замѣтку мы помѣстили выше на стр. 23), что грамматическія и психологическія категоріи не покрываютъ другъ друга, но въ данномъ случаѣ тотъ, кто напираетъ на терминъ »грамматическое подлежащее« на почвѣ »грамматическаго мышленія«, въ сущности настаиваетъ на терминѣ »подлежащее« на почвѣ »мышленія« и нѣветъ въ виду психо-логическую сторону симасіологіи самого глагола, къ которому именительный падежъ *τοῦ ὀνόματος*, какъ мы уже сказали, только лишь *приставляется*. Подъ угломъ зрѣнія психо-логической стороны симасіологіи глагола иные, дѣйствительно, если и оставляютъ въ сторонѣ слово *грамматическій*, толкуютъ здѣсь то о *психологическомъ* (мы сказали бы непременно психо-логическомъ), то о *логическомъ* подлежащемъ, то о подлежащемъ *вообще*, но и *это* совершенно неправильно. Объ этой неправильности мы предупреждали читателя на стр. 92 и 149, обѣщавъ въ свое время оправдать прибавку слова, къ которому мы тогда прибѣгали, т. е. прибавку слова *какъ-будто*. Приступаемъ къ оправданію этого слова.

Въ самомъ дѣлѣ, выраженіе *Σωκράτης διαλέγεται* представляетъ собою »осложненную« рѣчь въ сравненіи съ выраженіемъ *διαλέγεται*. Само *διαλέγεται* есть нѣчто, что нами превращено въ схему *а—>б*. На стр. 97 мы рассуждали о деревенѣнни, о рубленіи, а на стр. 163 о *διακρίβωσις* и *ψεύδος*, и не трудно понять даже безъ этихъ нашихъ рассужденій, что изъ всякаго глагола можно извлечь *δύομα*, что буква *α* въ нашей схемѣ можетъ быть принята за обозначеніе *τοῦ ὄντος*, соотвѣтственно чему и слово »дѣйствіе« (*πρόϋμα*), подъ которое мы подводили всякое *α*, есть *δύομα*, какъ имъ, т. е. *δύομα*’омъ, представляется и слово *признакъ*, которое у насъ на стр. 98 чередовалось

съ словомъ *δῆλως*. Такимъ же *δὲ*, какъ дѣйствіе или признакъ, является, какъ уже раньше сказано, и «лицо», обозначенное въ нашей схемѣ черезъ букву *б*. Такимъ образомъ, въ глаголѣ присуждаются другъ другу два *δὲ*, не иначе, какъ присуждались другъ другу два *δὲ* и въ оно-матическомъ выраженіи *собака — другъ человѣку*, съ тою лишь разницею, что въ глаголѣ *грамматически ясно выражено*, что чему присуждается, а въ приведенномъ оно-матическомъ выраженіи просто «два *δὲ* отнесены къ одному предмету».

Къ выраженію *διαλέγεται*, съ его схемою *а→б* и съ ономатическимъ значеніемъ *объихъ* буквъ, вдругъ присоединяется *новое δῆλως*, «*Σωκράτης*». Съ какою изъ этихъ буквъ оно вступаетъ въ *прямое* «отношеніе»? Непремѣнно съ *б*. Каково это «отношеніе»? Признакъ, что ли, выраженъ въ словѣ *Σωκράτης* по отношенію къ тому лицу, которое отмѣчено буквою *б*? Въ такомъ случаѣ *Σωκράτης* было бы даже не подлежащимъ, а психо-логическимъ *сказуемымъ* къ психо-логическому подлежащему *б*, хотя — толковать здѣсь о сказуемомъ было бы странно; скорѣе *б*, какъ мы будемъ пока выражаться, «указываетъ» на предметъ, а *Σωκράτης* его «называетъ», — называетъ, конечно, по его признаку, въ томъ смыслѣ, какъ мы объ этомъ говорили на стр. 30, или по его «оболочкѣ», какъ мы о томъ говорили на стр. 167. Но можетъ быть, слово *Σωκράτης* вступаетъ въ какое нибудь отношеніе къ *б* на почвѣ «логическихъ объемовъ» словъ? Въ этомъ смыслѣ можно тутъ толковать не о логическихъ *подлежащемъ и сказуемомъ*, а скорѣе о «логическомъ равенствѣ», — терминъ для насъ не лишній въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ, хотя терминъ «*ближайшее опредѣленіе лица*», къ которому мы прибѣгали раньше, способенъ выразить въ *данномъ* случаѣ то же самое. Остается раз-брать отношеніе слова *Σωκράτης* къ *б* еще съ точки зрѣнія *синтаксическихъ* подлежащаго и сказуемаго. *Синтаксическія* подлежащее и сказуемое, какъ видно изъ выше разясненнаго, не связаны *никакою* грамматическою формою и опредѣляются *исключительно* «контекстомъ». Они суть

вмѣстѣ съ этимъ и *въ связи* съ этимъ категоріи, мыслимы только въ *сложной* рѣчи, какую является въ данномъ случаѣ наше выраженіе $\Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma \delta\iota\alpha\lambda\acute{\epsilon}\upsilon\epsilon\tau\alpha\iota$. Но тогда никто не скажетъ, *которое* изъ словъ, вошедшихъ въ составъ этого выраженія, представляетъ подлежащее, и которое — сказуемое. Въ однихъ случаяхъ выйдетъ *«даннымъ»*, т. е. подлежащимъ, $\Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$, и *«искомымъ»*, т. е. сказуемымъ, $\delta\iota\alpha\lambda\acute{\epsilon}\upsilon\epsilon\tau\alpha\iota$ ($\Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma \delta\iota\alpha\lambda\acute{\epsilon}\upsilon\epsilon\tau\alpha\iota, \kappa\alpha\iota \omicron\upsilon \sigma\omicron\phi\acute{\iota}\zeta\epsilon\tau\alpha\iota$), а въ другихъ наоборотъ ($\delta\iota\alpha\lambda\acute{\epsilon}\upsilon\epsilon\tau\alpha\iota \Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma, \kappa\alpha\iota \omicron\upsilon \Pi\rho\omega\tau\alpha\gamma\omicron\rho\alpha\varsigma$).*) Вотъ отвѣтъ всѣмъ тѣмъ, которые въ нашемъ выраженіи провозглашаютъ слово $\Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$ за такое или иное подлежащее. Укажемъ еще на одно: фраза $\Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma \delta\iota\alpha\lambda\acute{\epsilon}\upsilon\epsilon\tau\alpha\iota$ представляетъ собою грамматически до того компактное выраженіе, что «лицо», отиѣченное въ глаголѣ, стало быть, членъ *б*, чувствуется какимъ то крючкомъ, за который уцѣпляется слово $\Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$. Да и нѣтъ ли тутъ тоже своего рода «согласованія» между *б* и $\Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$, похожаго на согласованіе въ выраженіи *орелъ — хищникъ* и показывающаго, что *б* и $\Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\varsigma$ *«относятся»* — правда, немного иначе — *къ одному предмету?»* Только и разницы, что *б* не есть особое слово.

Вернемся теперь опять къ ономатическому выраженію *орелъ — хищникъ*. Въ немъ и ему подобныхъ усматриваютъ

*) Если рѣчь состоятъ изъ одного $\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\omega$, которое не допускаетъ «ближайшаго опредѣленія» лица черезъ *δύοις* (по крайней мѣрѣ, мы о такомъ «ближайшемъ опредѣленіи» не можемъ разсуждать *теперь*), то въ ней, какъ состоящей изъ *одного* слова, не можетъ быть рѣчи о «синтаксическомъ» *томъ*, и хотя въ $\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\omega$ заключаются два *дѣта*, *а* и *б*, но сама *звукъ* сторона почти цѣлкомъ поглощена членомъ *а*, т. е. его психо-логическимъ сказуемымъ, а потому оно только и можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и *синтаксическимъ* сказуемымъ. Если бы пришлось передвинуть синтаксическое сказуемое на *б*, то нужно бы выразить *б* еще разъ *особымъ* словомъ, и тогда появилось бы въ рѣчи выраженіе *«γράφω ἑγὼ»*, а еще лучше *«ἑγὼ εἶμι ὁ γράφων»*. Такимъ образомъ, въ выраженіи *«γράφω ἑγὼ»* психо-логическимъ сказуемымъ оставалось бы то *а*, которое кроется въ схемѣ глагола $\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\omega$, а сказуемымъ «по контексту» было бы нѣчто совершенно другое. Такъ и въ выраженіяхъ *пора есть — набатъ есть — пора на лицо*, если бы кто-нибудь ихъ *потребовалъ*, или если бы языкъ на нихъ *упирался*, слова *пора* и *нужда* оставались бы психо-логическими сказуемыми, т. е. они оставались бы обозначеніемъ «черты» разсматриваемыхъ явленій или обстоятельствъ, а слова *есть* и *на лицо* были бы *синтаксическими* сказуемыми (сравни объ этомъ выше стр. 93).

эллипсисъ и говорятъ, что *орелъ* — *хищникъ* поставлено вмѣсто *орелъ есть хищникъ*. Слово *есть* называется въ такихъ случаяхъ *связкою*, стало быть, тоже какимъ то ἄφθρον или σύνδεσμος въ древнемъ *общемъ* смыслѣ этого слова. Въ греческомъ языкѣ, дѣйствительно, въ подобныхъ случаяхъ появленіе слова ἐστίν представляется тѣмъ-то нормальнымъ, а отсутствіе его — явленіемъ рѣдкимъ, и это, съ точки зрѣнія греческаго языка *рѣдкое* явленіе — въ *русскомъ* языкѣ какъ будто взяло *верхъ* надъ нормальнымъ. Изъ этого, тѣмъ не менѣе, вовсе не вытекаетъ необходимость привлекать въ качествѣ объясненій эллипсисы. Положимъ, сужденіе, которое дѣйствительно *выражено* во фразѣ *орелъ — хищникъ*, должно быть приурочено, разъ оно *сужденіе*, къ извѣстному *времени* и должно носить характеръ такой или иной *квалитативности* (смотри выше стр. 99). То же самое, въ сущности, слѣдовало намъ сказать и о сужденіяхъ *»набатъ!»* и *»пора!»* Но нельзя же не принять во вниманіе слѣдующаго: На стр. 95. мы установили цѣлую гамму тоновъ съ точки зрѣнія квалитативности сужденія. Нельзя сказать, чтобы приведенныя тамъ *»возможность»* или *»сомнѣніе»* были *мѣрною* для того тона, который мы назвали *»заявленіемъ о фактѣ»*; напротивъ *последній* долженъ быть камертономъ для всѣхъ остальныхъ. То же самое мы утверждали на стр. 117-8 и о времени: не будущее или прошедшее время является точкою исхода для установленія настоящаго времени, а наоборотъ, настоящимъ временемъ измѣряется и прошедшее, и будущее. Что же изъ этого всего слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, что *настоящее* время и *простое* заявленіе о чемъ *нибудь* какъ о *фактѣ* могутъ оставаться *не выраженными*, какъ всегдашнія *единицы*, которыя *опредѣляютъ* собою все остальное. Такъ и математикъ, пишущій $3a$, $2a$, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ не пишетъ, однако, въ то же время ни $1a$, ни $\frac{1}{1}$. Конечно, если бы въ нашу фразу *орелъ — хищникъ* пришлось внести какой *нибудь* изъ *оттѣнковъ*, или временныхъ, или квалитативныхъ, которые *измѣряются* этими единицами, то пришлось бы ужъ *непремѣнно* прибѣгнуть къ слову, обладающему способностью выразить эти *оттѣнки*. Этимъ словомъ оказыва-

ется *глагольная* форма, и тогда пришлось бы говорить *Μυκῆνη ἦν πόλις* — *ἔστω Κίμων στρατηγός* и т. п.; выражать же самыя *единицы* и прибѣгать для нихъ къ слову *ἔστιν* зависѣло, такъ сказать, отъ *желанія* языка.

Какъ же мы теперь разберемъ выраженіе *Μυκῆνη ἦν πόλις* или, скажемъ, то *Μυκῆνη ἔστι πόλις*, которое появится въ языкѣ, въ случаѣ если онъ »пожелаетъ« выразить свою *мысль* времени и квалитативности сужденія, и какъ мы выведемъ слова *ἦν-ἔστιν* изъ того сборнаго термина *ἄρθρον*, который только свидѣтельствуеъ о недоконченности симасіологической классификаціи частей рѣчи? Въ выраженіи *Μυκῆνη ἔστι πόλις* слово *ἔστιν* — несомнѣнный *глаголъ*, (на это указываетъ вся его форма), и — несомнѣнное синтаксическое *подлежащее* въ этомъ *сложномъ* выраженіи т. е. нѣчто *данное* для того, чтобы къ нему *прискивать* другое. Хотя данное и искомое въ *сложныхъ* выраженіяхъ опредѣляются *тономъ*, — данное произносится съ *слабымъ* тономъ, а искомое съ *сильнымъ*, — и хотя слѣдить за тономъ мы отказываемся, но въ настоящемъ случаѣ *слабый* тонъ отразился на удареніи этого «даннаго» какъ *слова* (*ἔστιν* здѣсь превратилось въ *εὐκλιτ'ическое*), а потому мы, не опасаясь выйти изъ рамки своей задачи, провозглашаемъ смѣло слово *ἔστιν* за синтаксическое *подлежащее*. Такимъ образомъ, въ нашемъ *сложномъ* выраженіи »отнесены«*) къ »существованію« и *πόλις*, и *Μυκῆνη*: существуетъ *городъ*, существуютъ *Микены*, причеъ и *городъ*, и *Микены* суть именительные падежи, прибавляемые къ глаголу, съ тѣмъ чтобы ближайше опредѣлить »лицо«, обозначенное въ окончаніи »глагола«. Вотъ, что мы *пока* можемъ сказать о нашемъ *сложномъ* выраженіи съ *симасіологической* точки зрѣнія. При этомъ мы еще разъ убѣждаемся, какъ легко могло быть пропущено слово *ἔστιν*, если не приходилось особовыражать ни время, ни квалитативность сужденія: относить къ »существованію« *Микены* и *городъ* можно было черезъ простое *произнесеніе* самихъ словъ »*Μυκῆνη*« и »*πόλις*«.

*) Сравни выше стр. 176. строку 23.

Но каково же въ этомъ сложномъ выраженіи отношеніе между самими словами *Μυκήνη* и *πόλις*? Съ симасіологической точки зрѣнія можно опять таки утверждать лишь то, что *Μυκήνη* и *πόλις* суть согласующіяся *ὀνόματα*, относящіяся къ одному предмету, такъ что *одно* изъ нихъ, — какое, это симасіологіею частей рѣчи опредѣлить трудно,*) — должно быть психо-логическимъ *сказуемымъ*, т. е. *признаковымъ* словомъ, а другое — психо-логическимъ *подлежащимъ*, т. е. должно *поименовывать* предметъ. Если обратить вниманіе на *логическій объемъ* словъ, — въ данномъ случаѣ это *возможно*, — то *Μυκήνη* будетъ логическимъ *подлежащимъ*, а *πόλις* — логическимъ *сказуемымъ*.

Намъ возразятъ, что мы напрасно приводили въ отношеніе къ слову *ἔστιν* и *πόλις*, и *Μυκήνην*, и что слѣдовало ставить »въ зависимость« отъ *ἔστιν* (терминъ »зависимость« намъ *позволенъ*; сравни выше стр. 78.) только *одно* изъ этихъ *ὀνόματα*, а второе уже »зависитъ« отъ *перваго*. Удовлетвореніе этого возраженія ввело бы насъ въ крайнее затрудненіе: мы не знали бы, устанавливать ли намъ эту зависимость въ смыслѣ фразы *есть городъ-Микены*, или въ смыслѣ фразы *есть Микены-городъ*. Въ выраженіи *Ἀπόλλων νομίζεται θεός* никто не усумнится въ томъ, что и *Ἀπόλλων*, и *θεός* «зависятъ» отъ *νομίζεται*. Мы вообще думаемъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ симасіологическою контаминаціею,**) какъ мы ее на дѣлѣ и провели, уравнивая выраженіе *Μυκήνη ἔστι πόλις* съ выраженіемъ *существуетъ городъ — существуютъ Микены*. Если бы мы гдѣ нибудь въ греческой литера-

*) Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, *имѣется* прямая примѣта, по которой мы *можемъ* опредѣлять, какое изъ этихъ словъ - психо-логическое подлежащее, и какое — психо-логическое сказуемое. Согласно разсужденію, сообщенному на стр. 30., мы *можемъ* дѣлить *ὀνόματα* на собственные и нарицательныя. Понятно, что если встрѣятся на *одномъ* предметѣ *собственное* *ὄνομα* съ *нарицательнымъ*, то *названіемъ* предмета будетъ *собственное* *ὄνομα*, а нарицательное исполнитъ роль *признаковаго* слова. Впрочемъ, это только при *известной* тенденціи рѣчи; ниже увидимъ, что при *другой* тенденціи рѣчи выйдетъ совершенно *наоборотъ*.

**) Что контаминація — явленіе въ языкѣ обычное, это прекрасно доказываетъ Paul въ своихъ Princip., посвящая ей особую *статью* подъ заглавіемъ «Über Contamination» стр. 132—151.

турѣ могли найти оборотъ »*Ἀπόλλων νομίζεται ὡς θεός*«, то въ немъ была бы *разрѣшена* эта контаминація; ибо мы могли бы тогда *смѣло*, не рискуя, какъ ниже увидимъ, вносить въ дѣло какіе бы то ни было »эллипсисы«, — мы могли бы смѣло истолковать этотъ оборотъ черезъ »*Ἀπόλλων νομίζεται οὕτως, ὡς θεός νομίζεται*«. На дѣлѣ такого оборота въ греческой литературѣ не находишь (это объясняется, вѣроятно, чистою случайностью, а можетъ быть и недостаточнымъ моимъ знакомствомъ съ памятниками), но зато постоянно встрѣчаешь *равносильную*, въ данномъ случаѣ, фразу *χρηται Σωκράτει ὡς φίλῳ*, т. е. *χρηται Σωκράτει οὕτως, ὡς φίλῳ χρηται*. Насколько въ разбираемыхъ нами случаяхъ *оба ὀνόματα одинаково* »зависятъ« отъ глагола, видно, между прочимъ, также изъ фразы *αἱ Θῆβαι Αἴγυπτος ἐκαλέετο* (Herod. 2. 15), въ которой наши возражатели несомнѣнно примутъ за »сказуемое«, — слѣдовательно за нѣчто, что уже, по смыслу ихъ возраженія, должно »зависѣть« не отъ глагола, а отъ *другого ὀνομα*, — слово *Αἴγυπτος*, а между тѣмъ языкъ, не имѣя возможности согласовать въ *числѣ* свой глаголь съ *обоими ὀνόματα*, предпочелъ *здесь* согласовать его въ числѣ съ *ними*, со »сказуемымъ«.*)

Окончимъ тутъ же *общій* вопросъ о »согласованіи«. Всѣ наши разсужденія, поскольку мы въ нихъ до сихъ поръ касались этого вопроса, сводятся къ тому, что согласованіе есть грамматическая схема, въ которой черезъ одинаковость падежей достигается отнесеніе двухъ

*) Не такъ свободно языкъ могъ распорядится въ выраженіи *ἄνθρωποι ἕβρευ ἡμεῖς* или *ἄνθρωποι ἕβρευ*. И этотъ оборотъ представляетъ собою контаминацію изъ *ἄνθρωποι εἶδεν* и *ἡμεῖς εἶβεν*. При сведеніи этихъ двухъ выраженій въ одно, словамъ *ἡμεῖς* и *ἄνθρωποι* пришлось, конечно, согласоваться въ падежѣ, причемъ одно должно было »обозначить« предметъ, (*ἡμεῖς* есть *формальное* существительное), а другое — исполнять роль *признакового* слова. Такъ какъ *общимъ* словомъ въ *контаминированномъ* выраженіи оказалось нѣчто, что въ *отдельныхъ* выраженіяхъ фигурировало не въ *одинаковой* формѣ (разъ было *εἶβεν*, а другой — *εἶδεν*), и такъ какъ *признаковое* слово »лицѣ« не имѣетъ (признакъ можетъ быть присуждаемъ *есть* »лицамъ«), то при *выборѣ* одной изъ этихъ формъ *общаго* слова для контаминированнаго выраженія языку пришлось считаться съ »*ἄνθρωποι*«, какъ *признаковымъ* словомъ, и приладить форму *общаго* слова къ *ἡμεῖς*.

δνομάτων къ одному предмету въ томъ смыслѣ, что одно изъ нихъ *называетъ* предметъ, а другое отиѣчаетъ собою *признакъ* предмета; это совершается или на почвѣ психо-логическаго подлежащаго къ сказуемому, или на почвѣ *логическихъ* объемовъ словъ. Въ послѣднемъ случаѣ слово съ *меньшимъ* логическимъ объемомъ представляетъ собою «логическое» подлежащее и названіе предмета, а слово съ *большимъ* объемомъ — «логическое» сказуемое и признакъ. Отношеніе «логическаго» равенства нами до сихъ поръ въ «согласованіи» не замѣчено, развѣ если принять за «согласованіе» то «ближайшее опредѣленіе», черезъ *δνομα*, личнаго окончанія глагола, которое установлено нами въ выраженіи

• *Σωκράτης διαλέγεται.*

Если отношеніе логическаго равенства до сихъ поръ не замѣчено въ согласующихся *δνομάται*, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что его нѣтъ. Мы его видимъ въ примѣрѣ *вѣчность — безвременность*. Примѣняя къ нашему примѣру объясненіе выраженія *собака — другъ человеку*, сообщенное на стр. 171, мы скажемъ, что здѣсь имѣются два *δντα*, какъ имѣются и два названія *τῶν δντωνъ*. Если мы тамъ толковали о встрѣчѣ двухъ *δντα* въ одной математической точкѣ, то здѣсь мы можемъ толковать о непосредственномъ *совпадении* двухъ *δντα* въ одно: то, съ чѣмъ душа наша знакоилась подъ оболочкою *вѣчность* или *непрерывность* времени какъ съ *однимъ* «предметомъ», и то, съ чѣмъ она же знакоилась подъ оболочкою *безвременность* или *отсутствіе* времени какъ съ *другимъ* «предметомъ», мы послѣ продолжительнаго размысленія находимъ возможнымъ *отождествить*, и это *отождествленіе* и выражено во фразѣ *вѣчность — безвременность*. Въ этомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ *отождествленія* двухъ *δντωνъ*, можно и при логическомъ равенствѣ двухъ согласующихся *δνομάτωνъ* говорить объ «отнесеніи ихъ къ одному предмету».

При логическомъ равенствѣ не можетъ быть рѣчи о какомъ бы то ни было различіи названія предмета и *признаковаго* слова. Согласно съ этимъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ нибудь подлежащемъ и сказуемомъ въ смыслѣ

или обще-психо-логическомъ, или логическомъ. Тутъ можетъ быть рѣчь только о *синтаксическихъ* подлежащемъ и сказуемомъ. Притомъ, если мы вернемся опять къ нашему примѣру о вѣчности и безвременности, то увидимъ, что въ немъ, какъ и во фразѣ *Σωκράτης διαλέγεται*, нельзя опредѣлить, какое изъ этихъ словъ будетъ синтаксическимъ сказуемымъ, и какое — подлежащимъ. Въ однихъ случаяхъ окажется *вѣчность* »даннѣмъ и *безвременность* »объявляемымъ«, а въ другихъ — наоборотъ.

Вообще въ согласующихся *ὀνόματ'ахъ*, насколько мы съ ними до сихъ поръ познакомились, можетъ быть рѣчь въ однихъ случаяхъ о логическомъ равенствѣ, въ другихъ о точномъ распредѣленіи между ними *логическихъ* подлежащаго (*названіе предмета*) и сказуемаго (*признаковое слово*), въ третьихъ о точномъ распредѣленіи между ними психо-логическихъ сказуемаго и подлежащаго (опять *признакъ* съ одной стороны, а съ другой — *названіе предмета*), но никакъ не о точномъ распредѣленіи между ними *синтаксическихъ* сказуемаго и подлежащаго. Послѣднія, не имѣя *сами* по себѣ никакого отношенія къ различію *названія* предмета и *признака*, во *всѣхъ* трехъ случаяхъ могутъ быть распредѣлены между согласующимися *ὀνόματ'ами* то такъ, то иначе. Это въ томъ случаѣ, когда изъ нихъ *однихъ* составлена цѣлая рѣчь. А когда согласующіяся *ὀνόματα* входятъ въ рѣчь только лишь какъ *часть* ея, то распредѣленіе синтаксическихъ подлежащаго и сказуемаго можетъ даже *совсѣмъ* ихъ не коснуться, развѣ что они *оба вмѣстѣ* будутъ составлять либо синтаксическое подлежащее, либо синтаксическое сказуемое; можетъ, впрочемъ, случиться и такъ, что *оба вмѣстѣ* войдутъ въ рѣчь какъ *часть* синтаксическаго подлежащаго или синтаксическаго сказуемаго.

Случаевъ, гдѣ согласующіяся *ὀνόματα* входятъ только какъ *часть* въ цѣлую рѣчь, мы, положимъ, не разбирали, за исключеніемъ очень неважнаго въ этомъ отношеніи выраженія *Μυκήνη ἦν πόλις*. Но судя по всему, что до сихъ поръ выяснилось о синтаксическихъ подлежащемъ и сказуемомъ, наше *общее* разсужденіе о положеніи ихъ

въ согласующихся *дво́мат*ахъ вѣрно. Впрочемъ, не это положеніе насъ теперь интересуетъ; насъ интересуетъ другое.

Случай, гдѣ согласующіяся *дво́мата* входятъ только какъ *часть* въ цѣлую рѣчь, представляетъ собою выраженіе за *Москвою-рѣкою*; ибо это выраженіе опредѣляетъ *мѣсто* на вопросъ *идѣ*, а опредѣленіе мѣста на вопросъ *идѣ* не есть законченная рѣчь. *Синтаксическія* подлежащее и сказуемое, какъ сказано, могутъ *совсѣмъ* не коснуться здѣсь согласующихся именъ, т. е. могутъ оказаться въ *законченной* рѣчи распределенными вовсе не между *ними*. Если бы они ихъ коснулись, то тогда »за *Москвою-рѣкою*« будетъ противопоставлено какой нибудь *другой* рѣкѣ, а »за *Москвою-рѣкою*« будетъ противопоставлено *Москвѣ-городу*. Затѣмъ мы можемъ поставить синтаксическій тонъ на словѣ *за*, причѣмъ уже все »*Москвою-рѣкою*« будетъ синтаксическимъ подлежащимъ (мѣсто за *Москвою-рѣкою* будетъ тогда противопоставляться мѣсту *передъ* *Москвою-рѣкою*), или на всемъ *Москвою-рѣкою*, причѣмъ все »*Москвою-рѣкою*« будетъ синтаксическимъ *сказуемымъ*, и мѣсто за *Москвою-рѣкою* будетъ противопоставляться, если проводить дѣло интонаціи съ *точностью*, мѣсту, напр., за *Курскомъ-городомъ*. Наконецъ, въ выраженіи напр. »у насъ, за *Москвою-рѣкою*, совершено *звѣрское убійство*« наши согласующіяся имена войдутъ только какъ *часть* въ сложное синтаксическое подлежащее, въ выраженіи »это случилось за *Москвою-рѣкою*, *недалеко отъ вашего дома*« они войдутъ, какъ *часть*, въ сложное синтаксическое сказуемое, а въ выраженіи »*много разной рухляди* поплыло тогда по *Москвѣ*, — *рѣкѣ*, *протекающей по слѣдующимъ пунктамъ столицы*« одно входитъ, какъ *часть*, въ сложное синтаксическое подлежащее, а другое, какъ *часть*, въ сложное синтаксическое *сказуемое*. Впрочемъ, возможность *последняго* изъ приведенныхъ трехъ выраженій обусловлена такъ называемымъ »*приложеніемъ*« (appositio), *приложеніе*, въ свою очередь, обусловлено синтаксическою *паузою*, а слѣдить за *паузою* не *наше* дѣло и устанавливать въ частности »*приложеніе*«, какъ особую грамматическую категорію, *пока*, по крайней мѣрѣ, *ничего*.

Итакъ, не это все насъ теперь интересуеть, и мы бы не распространялись такъ о распредѣленіи синтаксическихъ подлежащаго и сказуемаго при согласующихся *двома*тахъ въ *сложной* рѣчи, если бы это не понадобилось намъ для рѣшенія *новаго* вопроса. Этотъ *новый* вопросъ требуетъ, чтобы *случаи* такого распредѣленія были развернуты передъ нами *всѣ*. Всѣ ли они развернуты? По отношенію къ *Москва-ръкѣ*, повидимому, да. Но *Москва-ръка* представляетъ собою примѣръ тѣхъ согласующихся именъ, гдѣ одно относится къ другому какъ психо-логическое сказуемое къ психо-логическому подлежащему. Изъ за *логическихъ* подлежащаго и сказуемаго *особаго* вопроса возбуждать не стоитъ, такъ какъ они представляютъ собою въ концѣ концовъ лишь *вариантъ* психо-логическихъ. Но гдѣ же примѣръ на логическое равенство? Предлагаемъ читателю *самоу* провести нашъ примѣръ *вѣчность* — *безвременность* по всѣмъ тѣмъ случаямъ распредѣленія синтаксическихъ подлежащаго и сказуемаго, по которымъ мы только что провели примѣръ *Москва-ръка*.

А теперь перейдемъ къ рѣшенію обѣщаннаго *новаго* вопроса. И въ *сложной* рѣчи согласующіяся *двома*та, конечно, продолжаютъ »относиться къ одному предмету, но... Рѣчь есть выраженіе сужденія и рассужденія. Когда оба *двома*та *сами* составляли это выраженіе сужденія и рассужденія, то одно изъ нихъ должно было быть *непремѣнно* *сказуемымъ* (о *подлежащемъ* я теперь не говорю), выросло ли это сказуемое на почвѣ логической или психо-логической, или даже, при логическомъ равенствѣ, на почвѣ синтаксическаго тона. Такъ ли это должно *непремѣнно* быть, когда оба *двома*та составляютъ только *часть* рѣчи? Проводя примѣръ логическаго равенства по всѣмъ синтаксическимъ *тонамъ*, какъ мы провели *Москву-ръку*, мы увидимъ, что выраженіе *вѣчность* — *безвременность* или дѣйствительно *останется* тѣмъ, чѣмъ оно было *внѣ* сложной рѣчи, или что *одно* изъ этихъ словъ лишнее, и дѣлается такъ называемымъ epitheton ornans.

Что же касается случаевъ логическаго *неравенства*, стало быть, — нашего выраженія *Москва-рѣка*, въ которомъ *внѣ* сложной рѣчи одно слово должно было исполнять роль »признаковаго«, а слѣдовательно, и *сказуемаго*, — все равно, на психологической ли почвѣ, или на логической (повторяю: о подлежащемъ здѣсь рѣчь не идетъ), — то психологическая и логическая почвы только въ *одномъ* случаѣ даютъ возможность говорить о словѣ *рѣка*, какъ »сказуемомъ«, по отношенію къ *Москва*, какъ подлежащему. Это именно тамъ, гдѣ слово *рѣка* попало въ »приложеніе«: *тамъ* только »присуждается« признакъ, выраженный въ словѣ *рѣка*, слову *Москва*, какъ *собственному имени* предмета. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ выраженіе *Москва-рѣка* чувствовалось какъ будто *однимъ* словомъ. Мы не скажемъ, что все это выраженіе служило »названіемъ предмета«; ибо терминъ »названіе предмета« пригодится намъ для различенія нѣкоторыхъ *оттѣнковъ* среди самихъ словъ, попавшихъ въ это выраженіе. Мы скажемъ, что выраженіе *Москва-рѣка* въ нашихъ случаяхъ служило *всѣмъ* своимъ составомъ для »обозначенія« предмета, причемъ предметъ, иногда, противопоставлялся *другому* предмету. *Москва-рѣка* противопоставлялась *Москвѣ-городу*, выраженіе *рѣка-Донецъ* употребляется для противопоставленія *рѣкѣ-Дону*, а когда *Донецъ-рѣка* противопоставляется *Курску-городу*, то прибавочныя слова *рѣка* и *городъ* чувствуются въ обоихъ выраженіяхъ даже лишними.*), и это обстоятельство, въ сопоставленіи съ необходимостью или. по крайней мѣрѣ, умѣстностью прибавочныхъ словъ въ раньше приведенныхъ примѣрахъ, служить немаловажнымъ доказательствомъ того, что въ нихъ *оба двѣмѣта* поставлены именно для »обозначенія« предмета.

Чтобы не терять времени, скажемъ прямо, что дѣло идетъ объ установленіи »логическаго опредѣленія«. Есть *два* Москвы: *Москва-рѣка* и *Москва-городъ***). Для того,

*) чувствуются лишними и, если появляются въ рѣчи, составляютъ опять своего рода epitheta organia.

**) Пожалуй, примѣръ о *Москвѣ* покажется здѣсь неудобнымъ. Трудно безъ натяжки говорить о *родовомъ* понятіи Москвы вообще, распадающемся

чтобы отличить одинъ предметъ отъ другого, нужно *раздѣлить* чѣмъ нибудь логическій объемъ слова *Москва*. Чѣмъ же его раздѣлить? Указаніемъ на отличительную черту или *признакъ* каждаго изъ предметовъ, а въ другихъ случаяхъ — и *группы* предметовъ, составлявшихъ *часть* этого объема. Разъ идетъ рѣчь объ указаніи на черту или признакъ, то слово, исполняющее эту роль, будетъ опять таки *признаковымъ* словомъ, какъ оно было въ обще-психо-логическомъ и логическомъ *сказуемыхъ*, а тогда *второе* изъ »согласующихся« *двоица* все же останется при терминѣ »непосредственнаго *названія* предмета«. Вотъ почему мы выше нашли нужнымъ толковать о случаяхъ не »названія«, а »*обозначенія* предмета всѣмъ составомъ согласующихся *двоицѣ*«.

Признаковое *двоица*, появляющееся при логическомъ опредѣленіи, назовемъ »логическимъ опредѣляющимъ«, а второе *двоица* — »логическимъ опредѣляемымъ«. Нельзя сказать, чтобы говорящій, считаясь съ логическимъ объемомъ опредѣляемаго, думалъ въ то же время и о логическомъ объемѣ опредѣляющаго. Въ выраженіи *Москва-рѣка*, когда оно *цѣликомъ* служитъ для обозначенія *предмета*, говорящій вовсе не обращаетъ вниманія на то, что рѣкъ на свѣтѣ *много*, а просто *общею* »идеєю« отмѣчаетъ признакъ *одной* части логическаго объема слова *Москва*. Въ выраженіи *рѣка-Донецъ*, когда оно *цѣликомъ* служитъ обозначеніемъ *предмета*, отличаемаго, въ данномъ случаѣ, отъ другихъ рѣкъ, логическимъ опредѣляемымъ является *рѣка*, а логическимъ опредѣляющимъ — слово *Донецъ*, стало быть нѣчто, въ чемъ »отличительный« признакъ« отмѣченъ вовсе даже не общею идеєю, а чѣмъ то, составляющимъ исключительную принадлежность *одной* рѣки, т. е. ея *собственнымъ именемъ*. Вотъ та тенденція, которую мы имѣли въ виду на стр. 183, указывая на то, что и *собственное имя* мо-

на *видовья* — рѣки и города. Тутъ былъ бы удобнѣе примѣръ *земличка-ягодка* и *шода-смородина* или что нибудь подобное. Но для соответствія Потебневскому *рѣкъ-Дону* (см. стр. 48-49) мы останемся при нашемъ примѣрѣ, тѣмъ болѣе, что съ интересующей насъ точки зрѣнія, нѣкоторая искусственность его не внесетъ неправильности въ наши выводы.

жать послужить въ роли *признакового* слова. Эту тенденцію оказывается »логическое опредѣленіе.«*)

Подведемъ итоги нашему разсужденію о согласующихся *δνώματ'α*хъ. Согласующіяся *δνώματα* всегда относятся къ одному предмету. За исключеніемъ случаевъ логическаго равенства, занимающихъ *особое* положеніе и достаточно выясненныхъ, одно изъ нихъ есть всегда *названіе* предмета, а другое — *признаковое* слово. *Признаковое* слово относится къ *названію* предмета или какъ логическое опредѣляющее къ логическому опредѣляемому, или какъ психо-логическое сказуемое къ психо-логическому подлежащему, или какъ логическое сказуемое къ логическому подлежащему. *Синтаксическое* сказуемое, не знающее вообще прелѣловъ въ широтѣ контекстовъ, въ короткихъ контекстахъ можетъ совпасть съ логическимъ опредѣляющимъ (а тогда и синтаксическое подлежащее совпадаетъ съ логическимъ опредѣляемымъ), такъ какъ логическое опредѣляющее появляется въ рѣчи въ силу необходимости *отличать* одинъ предметъ отъ другого, а тамъ гдѣ мы *отличаемъ*, тамъ и *интонируемъ* рѣчь, выставляя *интонируемое* въ рѣчи, какъ *ея* *искомое*.

Языкъ выработалъ особыя слова въ родѣ *καλός* — *καλή* — *καλόν* и т. п., которыя своею способностью къ *известнымъ* формальнымъ измѣненіямъ обнаруживаютъ свое предназначеніе къ тому, чтобы »согласоваться«. Измѣняясь не только по падежамъ и числамъ, но и по родамъ, они такъ и ждутъ того, чтобы быть приуроченными къ какому нибудь *известному* роду, — къ названію *предмета*. Поэтому они исполняютъ въ »согласованіи«^а роль не *названій* предметовъ, а *признаковыхъ* словъ. Признаковыми ихъ дѣлаетъ не въ меньшей степени ихъ способность из-

*) Установленіе »логическаго опредѣленія«, между прочимъ, важно для растолкованія синтаксиса слова *δ-ή-τις*, и притомъ уже *непосредственно*, а не такъ, какъ мы это отмѣтили о логическомъ сказуемомъ на стр. 171. Конечно, »логическаго опредѣленія«^а нельзя было установить внѣ связи съ установленіемъ логическаго сказуемаго. Въ логическомъ сказуемомъ идея рѣчи о »присужденіи«^а большаго логическаго объема меньшему, а въ логическомъ опредѣленіи — объ *ограниченіи* логическаго объема.

мѣняться въ формальномъ отношеніи и по *степенямъ*. Этимъ они приближаются къ *глагольнымъ* признакамъ, т. е. къ тѣмъ признакамъ—«дѣйствіямъ», которыя въ глаголъ присуждаются какъ психо-логическія сказуемая «лицу», и которыя, нося на себѣ отпечатокъ той или иной стадіи своего *развитія* на этомъ «лицѣ», только лишь съ бѣльшею детальною и съ бѣльшею подвижною проводятъ въ своихъ формальныхъ измѣненіяхъ то же, что выражается въ такъ называемыхъ положительной, сравнительной и превосходной степеняхъ.

Если *ὄνομα*, какъ мы съ ними до сихъ поръ познакомились, *внѣ* рѣчи чувствовались чѣмъ-то совершенно самостоятельнымъ, ни въ какомъ дополненіи не нуждающимся, а только *поддающимся* внесенію въ рѣчь и связную мысль, то слова *καλός* — *καλή* — *καλόν* и т. п., поставленныя *внѣ* рѣчи, чувствуются прямо изъ нея *вырванными*, — чувствуются тѣмъ Гербартовскимъ мусоромъ, который *внѣ* рѣчи носить на себѣ слѣды спайки (см. выше стр. 35). Если *ὄνομα* были *внѣ* рѣчи всегда *названіями* предметовъ — названіями ихъ по ихъ *признакамъ*, т. е. выраженіями *представленій* о предметахъ или, говоря образно, названіями той *оболочки*, въ которую душа наша завертываетъ самый предметъ, когда съ нимъ знакомится, и если только лишь *взрѣчи* они *иногда*, по нѣкоторому ослабленію сознанія ихъ первоначальнаго симасіологическаго значенія, дѣлались выраженіями оболочки не какъ *представительницы*, для души, самого *предмета*, а выраженіями ея, *именно* какъ оболочки, то слова *καλός* — *ή* — *όν* и т. п. уже *внѣ* рѣчи чувствуются выраженіями оболочки какъ таковой. Если *ὄνομα* въ *самой* рѣчи, будучи выраженіями «оболочки какъ таковой», могли при этомъ быть или логическими опредѣляющими, или психо-логическими сказуемыми, или, наконецъ, *логическими* сказуемыми, то слова *καλός* — *ή* — *όν* и т. п. могутъ исполнять только *первыя двѣ* роли. Да, только *первыя двѣ* роли. Ибо *ὄνομα*, въ роли *логическаго* сказуемаго, дѣлалось выраженіемъ признака только лишь благодаря извѣстному отношенію *его* логическаго

объема къ логическому объему *другого объема*, тогда какъ слова *καλός — ή — όν* уже *сами по себѣ* — »признаковая« слова, а потому на *логическій* ихъ объемъ, на которомъ только и зиждется установленіе логическаго сказуемаго, *нечего* обращать вниманіе, тѣмъ болѣе, что его въ сущности въ нихъ *нѣтъ*. Когда говорятъ напр. *дерево — красиво* (*καλόν*), то не только никто не думаетъ, — какъ думалъ въ выраженіи *орелъ-хищникъ* или *орелъ есть хищникъ*, — о томъ, что есть еще на свѣтѣ красивые *дома*, красивые *камни* и т. д., но если бы и *хотѣлъ* думать, то будетъ ли онъ въ такомъ случаѣ думать о логическомъ объемѣ слова *καλός*? Не будетъ ли онъ тогда размышлять скорѣе о логическомъ объемѣ того, что должно быть въ языкѣ выражено словами *красивые предметы*, иначе говоря, — не будетъ ли онъ тогда размышлять о *части* логическаго объема слова *предметъ*?

Слова, грамматически *особо* приносивленные къ согласованію, Александрійцы называли *тоже объемата*, но въ отличіе отъ первыхъ они для нихъ установили терминъ *ἐπιθετικά*, называя тогда первыя — *όβματα οὐσιαστικά*. У насъ, вслѣдъ за Александрійцами, слова *καλός — ή — όν* и т. п. называютъ »прилагательными *именами*«, противопоставляя ихъ *именамъ* »существительнымъ«. Если терминъ »имена существительныя«, представляющій собою переводъ греческаго *όβματα οὐσιαστικά*, вполне соответствуетъ *правильному* пониманію охватываемой имъ группы словъ, какъ *наименованій*, особенно *внѣ* рѣчи, *τῶν όντων* или *τῶν οὐσιῶν*, — зато терминъ »прилагательныя« — *слишкомъ* общъ. Въ немъ *правильно* отмѣчено, что обнимаемая имъ слова *немыслимы* внѣ рѣчи, какъ мыслимы »имена существительныя, что они получаютъ смыслъ только черезъ приложеніе ихъ къ *другимъ* словамъ, но такихъ словъ, получающихъ смыслъ только черезъ »*приложеніе*« ихъ къ другимъ — *очень* много: такимъ можетъ быть какое нибудь *εξ*, о которомъ, конечно, *никто* не думалъ, когда созидалъ терминъ »имена прилагательныя«. Да мыслимо ли и какое нибудь *ὄν θρωπών* иначе, кромѣ какъ въ *приложеніи* къ другимъ

словамъ, а оно, вѣдь, принадлежитъ къ «именамъ *существительнымъ*». Мы, согласно всему выясненному, находимъ для нашихъ $\kappa\alpha\lambda\acute{o}\varsigma - \acute{\eta} - \acute{o}\nu$ и под. единственно правильный противовѣсъ »*существительнымъ* именамъ« въ терминѣ »*признаковыя*« слова. Назовемъ ли мы признаковыя слова также »именами« ?

Имена существительныя исполняютъ часто, какъ мы видѣли, роль признаковыхъ словъ. Если языкъ, выработавъ особыя грамматическія формы для признаковыхъ словъ, тѣмъ не менѣе, однако, не избѣгаетъ употребленія именъ существительныхъ для той же цѣли, то это только доказываетъ, конечно, большую *тонкость* языка въ различеніи *категорій* словъ, необходимыхъ для выраженія мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *легкость*, съ которою мыслящій человѣкъ переносится, какъ мы выше выразились, отъ оболочекъ какъ *представительницъ* предметовъ, къ оболочкамъ какъ таковымъ. Съ другой стороны, кому не извѣстно, что слова $\phi\acute{\iota}\lambda\omicron\iota$, $\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{o}\nu$, $\kappa\alpha\kappa\acute{o}\nu$ и т. д. употребляются въ смыслъ названій *настоящихъ ѳвта* или *οὐσίων*, въ смыслъ русскихъ словъ *друзья, благо, зло?* Такъ и въ примѣрѣ $\rho\acute{o}\nu \acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{o}\nu \pi\omicron\lambda\upsilon\kappa\omicron\iota\sigma\tau\acute{\alpha}\nu$ (см. выше стр. 166) слово $\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{o}\nu$, отказываясь отъ своего грамматическаго plus'a сравнительно съ именемъ существительнымъ, то есть отъ согласованія по *роду*, тѣмъ самымъ переходитъ въ имена существительныя, исполняя, конечно, въ *данномъ* случаѣ роль психо-логическаго сказуемаго*). Да и не вполне ли *естественъ* переходъ признаковыхъ словъ въ имена существительныя уже по одному тому, что и имена существительныя обозначаютъ *οὐσίαν* *собственно* черезъ »поименованіе« ихъ признака? Да и можемъ ли мы ручаться за то, что

*) Да, примѣры подобнаго рода мы объясняемъ именно такъ, а вовсе не черезъ »подразумѣваніе« какого-то τι. Конечно, мысль, выраженная нашею фразою, могла быть передана и словами $\kappa\alpha\kappa\acute{o}\nu \tau\iota \pi\omicron\lambda\upsilon\kappa\omicron\iota\sigma\tau\acute{\alpha}\nu$, но, вопервыхъ, $\kappa\alpha\kappa\acute{o}\nu$ есть нѣчто одно, а $\kappa\alpha\kappa\acute{o}\nu \tau\iota$ — нѣчто другое, и вторыхъ, мы еще не знаемъ, освободить ли насъ такая передача мысли отъ толкованія слова $\kappa\alpha\kappa\acute{o}\nu$ въ смыслѣ имени существительнаго; мы еще не знаемъ, слѣдуетъ ли $\kappa\alpha\kappa\acute{o}\nu \tau\iota$ понимать *непрѣменно* въ смыслѣ *нѣчто злое*, или же можно въ немъ усматривать и русское *нѣкое зло*. Быть можетъ,

слова, которыя мы теперь принимаемъ за имена существительныя, не проявляютъ присущаго людямъ стремленія цѣпляться за старое. послѣ того какъ установилась новизна, — въ данномъ случаѣ отдѣленіе *особыхъ* признаковъ словъ отъ именъ существительныхъ. На словахъ *тепло*, *Курскъ* и т. п. мы ясно видимъ, что они вышли изъ *признаковыхъ* словъ. Въ виду всего этого мы и *признаковыя* слова будемъ называть »именами«, тѣмъ больше, что самое слово »имя«, т. е. »поименованіе«, не есть настолько узкое слово, которое требовало бы особенной осторожности.

Извѣстно, что *всякое* признаковое имя можно »превратить«, какъ обыкновенно *выражаются*, »въ имя существительное *черезъ прибавленіе къ нему* слова $\acute{o} - \eta - \tau\acute{o}$ (*οἱ ἐπιστήμονες* и т. д.). Въ чемъ тутъ собственно дѣло, мы узнаемъ впоследствии. Пока мы хотѣли бы узнать, что такое въ *общемъ* само $\acute{o} - \eta - \tau\acute{o}$, которому, какъ говорятъ, признаковыя слова обязаны этимъ »превращеніемъ«?

У Александрійцевъ слово $\acute{o} - \eta - \tau\acute{o}$ фигурировало до послѣдняго времени подъ названіемъ *τοῦ ἄρθρου*, т. е. *связующаго* отдѣльныя слова въ цѣльную рѣчь (у насъ его вслѣдъ за греками, — переводъ нашъ, впрочемъ, немного неточенъ, — называютъ »членомъ«). Этимъ мы не хотимъ сказать, что слово $\acute{o} - \eta - \tau\acute{o}$ не нашло себѣ у грековъ болѣе опредѣленнаго мѣста среди остальныхъ частей рѣчи. Напротивъ, Александрійцы только *называли* это слово по установившейся традиціи, но *понимали* его совершенно иначе. Какъ его собственно понимали Александрійцы, а во главѣ ихъ Аполоній Дисколъ, къ какой части рѣчи они его причисляли, и къ какой его вслѣдъ за ними причисляютъ наши грамматики, на это читатель отвѣтитъ самъ, но мы бы

противъ *нашего* толкованія фразы *ὁ ἀρθρὸν πολυμορφία*, т. е. противъ пониманія въ ней слова *ἀρθρὸν* за имя *существительное*, возражать намъ указаніемъ на выраженіе *βέλτιον φίλια*. Намъ скажутъ, что въ выраженіи *βέλτιον φίλια* слово *βέλτιον* есть сравнительная степень, за которую мы же сами ухватились какъ за нечто такое, что въ *особенности* отличаетъ признаковыя слова отъ именъ существительныхъ. Но въ *данномъ* случаѣ *ἀμελιον* отличается отъ *ἀρθρὸν*, какъ напр. слово *κнижища* отъ *книга*, а послѣднія слова суть несомнѣнно имена *существительныя*.

хотѣли предупредить его отвѣтъ небольшимъ *общимъ* разсужденіемъ.

Соφία, σοφός суть имена, одно существительное или, какъ греки говорили, *οὐσιασ*тическое, а другое принакное. Но что такое *ἐγώ, τοῦτο, τοιοῦτος*? Это, собственно, не »имена«, такъ какъ они ничего не »поименовываютъ« и не имѣютъ никакого *матеріальнаго* содержанія. Слова *ἐγώ, τοιοῦτος, οὗτος, ἐκεῖνος* только *направляютъ* глазъ слушателя, — иногда глазъ чисто духовный, т. е. *память*, къ чему то, имѣющему еще *наполнить* его воображеніе живымъ представленіемъ, причемъ *ἐγώ, οὗτος* и *ἐκεῖνος* ведутъ къ *οὐσία*, а *τοιοῦτος* ведетъ къ *признаку τῆς οὐσίας*. Греки называли эти слова »*ἀντωνυμίας*«, а наши грамматикѣ вслѣдъ за ними называютъ ихъ »*мѣстоименіями*« т. е. словами, употребляющимися *вмѣсто* именъ. Строго разсуждая, это совершенно правильно, и мы сами нисколько не намѣрены *избѣгать* въ нашемъ изслѣдованіи терминовъ *мѣстоименіе, мѣстоименный, прономінальный* и т. п., такъ какъ, повторяемъ, всѣ эти слова, въ сущности, ничего не »поименовываютъ«, но... Какъ математикъ различаетъ *физическій шаръ*, сдѣланный изъ дерева, мѣди и т. д., отъ математической *схемы* для шара, имѣющей еще быть *наполненною* какимъ нибудь веществомъ, и не избѣгаетъ при этомъ называть и самую *схему* »шаромъ«, такъ и мы не сдѣлаемъ ошибки, если, различая *матеріальныя*, такъ сказать (т. е. *наполняющія* наше воображеніе *живымъ, вещественнымъ* содержаніемъ) имена отъ ихъ, какъ-бы, *схемъ*, назовемъ и *последнія* »именами«, — именами, разумѣется »*формальными*«, въ противоположность »*матеріальнымъ*«.*) Къ этимъ то *формальнымъ* именамъ принадлежить и *ὁ-ή-τό*.

*) Вмѣсто термина »*матеріальныя имена*« читатель, быть можетъ, предложитъ терминъ »*реальныя*«. Этому намъ не хотѣлось бы. Реальное, *res*, есть въ сущности только *οὐσία*, представляетъ ли она, какъ мы выше разсуждали, индивидуумъ, или *группу* индивидуумовъ, или *идеальною* представителя индивидуумовъ, или, наконецъ, идею какъ чисто душевный нашъ *постулатъ*. *Соφία, ἀνθρώπος, Σοφιστής, ἔχθρα* — все это -- *res*, все это — *ὄντα* по Платоновской терминологіи, а слово *реальный* (= *вещественный*), которымъ читатель хотѣлъ бы обнять и существительное, и признаковый *неформальный*,

Раздѣливъ »имя« съ одной стороны на существительное и признаковое, а съ другой — на матеріальное и формальное, мы подвергнемъ окончательному разбору еще *одинъ* вопросъ, прежде чѣмъ приступать къ прерванному разсужденію о падежахъ, а именно, какъ далеко, т. е. на какія *λέξεις* и на какія категоріи *τῶν λέξεων* простираются *материальныя* существительныя и признаковыя. Въ общихъ чертахъ этотъ вопросъ былъ уже рѣшенъ до насъ. Особенно много имъ занимается Schömann Redeth. Мы хотѣли бы только кое-гдѣ строже *формулировать* это рѣшеніе, съ *симиологической* точки зрѣнія, и кое-гдѣ его исправить.

Больше всего затрудненій въ нашемъ вопросѣ представляетъ та категорія *τῶν λέξεων*, которую наша грамматика называетъ *infinitiv'ами*.

Разсматривать *infinitiv'ы* *внѣ* связной рѣчи мы пока не будемъ. Что же касается *связной рѣчи*, то прежде всего бросаются въ глаза тѣ случаи появленія *infinitiv'овъ*, въ которыхъ послѣдніе чувствуются не только »именами« *вообще*, но прямо именами *существительными*. Въ случаяхъ этихъ можно различать, *въ общемъ*, три типа: 1) *βούλομαι παιδεύειν*; 2) *παιδεύειν καλόν*; 3) *παιδεύειν ἐστὶ πράττειν*.

Въ первомъ типѣ, будетъ ли *infinitiv* »зависѣть« отъ глагола, какъ въ приведенномъ примѣрѣ *βούλομαι παιδεύειν* (= желаю воспитыванія), или отъ какого нибудь признаковаго имени (*ἡδιστος πίνειν* = весьма приятенъ для питья), или отъ имени существительнаго (*ἐν ὄρα ἐστὶ τοῦ παιδεύεσθαι* = онъ въ порѣ воспитыванія), — вездѣ *infinitiv* чувствуется въ роли косвеннаго падежа, вездѣ онъ имѣетъ значеніе русскаго такъ называемаго *отглагольнаго* существительнаго, вездѣ онъ есть дѣйствительное названіе »вещи«

мы предпочли бы сохранить для однихъ *существительныхъ*, какъ формальныхъ, такъ и неформальныхъ, въ противоположность *признаковымъ* именамъ. Мы бы это сдѣлали тѣмъ охотнѣе, что при сведеніи термина »существительное« къ слову *существо* или *суть* или *сущность* выгадывается для пониманія дѣла гораздо меньше, чѣмъ при сведеніи термина *вещественный* къ слову *вещь*. Но терминъ *существительное* уже освященъ вѣками, а толковать, что напр. Сократъ есть *вещь*, какъ то кажется намъ *страннымъ*, хотя съ *той* точки зрѣнія, съ которой намъ *приходится* разсматривать »Сократа«, это толкованіе было бы правильно.

вообще (въ томъ смыслѣ, какъ мы толковали слово »вещь« въ непосредственно предшествующемъ подстрочномъ примѣчаніи), а въ частности, совершенно наравнѣ съ именемъ существительнымъ, оканчивающимся на *σις* (напр. *παίδευσις*), — представляетъ собою названіе »явленія въ пространствѣ времени«. Въ подробностяхъ мы этого типа разбирать не можемъ, такъ какъ о »косвенныхъ« падежахъ не было еще рѣчи.

Въ примѣрѣ *παιδεύειν καλόν* (примѣръ этотъ допускаетъ слово *ἔστιν*, но можетъ обойтись и безъ него) признаковое имя *καλόν*, какъ *согласующееся* имя, есть психологическое сказуемое къ слову *παιδεύειν*, само же *παιδεύειν* есть или психо-логическое подлежащее къ слову *καλόν*, если фраза обходится безъ *ἔστιν*, или »ближайшее опредѣленіе« лица, показаннаго въ глаголь *ἔστιν*, если послѣднее дѣйствительно *появляется* во фразѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ оно есть, несомнѣнно, »поименованіе« вещи вообще, а въ частности — »поименованіе« явленія въ пространствѣ времени, есть *именительный падежъ* и имя *существительное*. Въ сущности, этого примѣра не слѣдовало бы даже *отдѣлять* отъ »перваго типа« явленія въ рѣчи infinitiv'овъ, не будь того обстоятельства, что намъ по ходу изслѣдованія пришлось оторвать именительный падежъ отъ косвенныхъ падежей.

Разсмотримъ теперь примѣръ *παιδεύειν ἔστι πρᾶττειν*. Если во фразѣ *орелъ — хищникъ* легко ослаблялось сознание слова *хищникъ* какъ названія *τοῦ ὄντος, τῆς οὐσίας* или, какъ мы теперь имѣемъ возможность сказать, »вещи«; если во фразѣ *орелъ — хищникъ* легко чувствовалось слово *хищникъ* въ роли простаго *признаковаго* имени, въ роли поименованія одной лишь *оболочки* для предмета, поименованнаго въ *другомъ* словѣ. то со словомъ *πρᾶττειν* во фразѣ *παιδεύειν ἔστι πρᾶττειν* дѣло стоитъ совершенно иначе. По русски можно бы передать смыслъ этой фразы словами *воспитывать* значить *хлопотать* = *воспитывать*, это — *хлопотать*. Трудно какъ то отвязаться отъ представленія, что *πρᾶττειν* въ данной фразѣ есть

такое же поименованіе «вещи» вообще, а явленія въ пространствѣ времени въ частности, какъ и παιδεύειν. Если тутъ можно разсуждать о «подлежащемъ» и «сказуемомъ», то только на почвѣ *логическихъ объемовъ* (логическій объемъ той παιδεύειν — меньше, а той πράττειν — больше), и тогда πράττειν будетъ *логическимъ* сказуемымъ къ παιδεύειν, какъ къ *логическому* подлежащему, и всю фразу можно сопоставлять съ выраженіемъ *орелъ — хищникъ* лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы объ этомъ выраженіи разсуждали на стр. 168, когда въ немъ подлежащее и сказуемое устанавливались на почвѣ *логическихъ* объемовъ. А если фразу παιδεύειν ἐστὶ πράττειν перевести на выраженіе τοῦτο ἐστὶ παιδεύειν, то тутъ даже не можетъ быть рѣчи ни о какомъ подлежащемъ и сказуемомъ (кромя развѣ *синтаксическаго*); тутъ замѣчается просто *логическое равенство*, а тогда подавно παιδεύειν будетъ *поименованіе* вещи т. е. имя *существительное* (смотри выше стр. 185), а τοῦτο будетъ при немъ хотя и не *поименованіе* вещи, но все же *существительное*, — *существительное формальное*. Кромя того и τοῦτο, и παιδεύειν будутъ *именительные надежды*. Этотъ типъ примѣровъ надобно *непрерывно* выдѣлать особо, такъ какъ въ немъ infinitiv, на почвѣ *обще-синтаксической*, т. е. на почвѣ «согласованія», легко могъ перейти въ *признаковое слово*, а между тѣмъ оказывается, что бои держится своего *οὐσιαστικού* значенія тверже, чѣмъ само слово *хищникъ*, т. е. чѣмъ само «матеріальное *существительное*».

Въ приведенныхъ трехъ типахъ появленія infinitiv'a въ связной рѣчи мы толковали о разныхъ падежахъ infinitiv'a, то о «косвенныхъ», то объ *именительномъ*. Извѣстно, что съ *этимологической* точки зрѣнія на греческій infinitiv смотрятъ какъ на *косвенный* падежъ, то такой, то иной. Извѣстенъ въ этомъ отношеніи основательный трудъ Jolly (Geschichte des Infinitivs im Indogermanischen, München 1873). Въ свое время мы къ этому труду вернемся, а пока сообщимъ весьма *важное* для насъ наблюденіе Дельбрюка, указывающее на то, что всѣ эти разсужденія объ *этимоло-*

логическихъ падежахъ греческаго infinitiv'a для насъ не имѣютъ никакого значенія. Дельбрюкъ говоритъ (Synt. Forsch. IV. 122): Es sind also auch diese griechischen Infinitive genau so wie die indischen zu beurtheilen (т. е. должны считаться съ *этимологической* точки зрѣнія тѣмъ или инымъ падежемъ), nur dass die Entwicklung in Griechenland noch einen Schritt weiter gegangen ist, insofern jede Erinnerung an die Substantivnatur von »Formen« wie »δόμεναι« *geschwunden ist*, sie also im Bewusstsein der Sprechenden gänzlich auf die verbale Seite herübergezogen sind... Über die Etymologie... können wir nicht mit solcher Sicherheit urtheilen... doch ist es wahrscheinlich, dass der Infinitiv auf — dhyai Dativ, der auf — sani Localis eines Substantivums sei. Jedenfalls aber war schon *in der Grundsprache jeder innere Zusammenhang dieser Bildungen mit irgend welchen Nominalstämmen verloren*, sie waren bereits in der Grundsprache da angekommen, wo wir im Griechischen δόμεναι u. s. w. finden.

Такимъ образомъ, мы можемъ разсуждать о »падежахъ« infinitiv'a не на почвѣ *этимологической*, а лишь на почвѣ *обще-синтаксической*. Это не то, что слово ἄνθρωπος. Слово ἄνθρωπος было именительнымъ падежемъ въ *этимологii*, такимъ оно осталось и въ синтаксической *симаσιологii* т. е. въ симасиологii »частей рѣчи и ихъ формъ« (*синтаксической* мы ее называемъ въ противоположность симасиологii, установленной на стр. 68), такимъ оно остается и въ самомъ *синтаксисѣ*, т. е. въ самой *связной рѣчи*. Поэтому синтаксическую симасиологii именительнаго падежа слова ἄνθρωπος можно было вести *отъ этимологii* и переводить ее на почву *обще-синтаксическую*. Въ infinitiv'ахъ, какъ видно, нужно падежную симасиологii вести *отъ обще-синтаксического* ихъ положенія, а съ *этимологiею* ихъ приходится даже не считаться.

Въ виду этого особаго положенія infinitiv'овъ естественно рождается вопросъ: Не чувствуются ли они существительными только лишь потому, что они на почвѣ *обще-синтаксической* попадаютъ въ такой или иной падежъ? Не

случилось ли съ ними и съ ихъ ролью quasi-«существительныхъ» нѣчто похожее на то, что случается съ *дѣйствительными* «матеріальными» существительными, когда они чувствуются *признаковыми* именами *только* лишь благодаря тому, что попали въ «согласованіе»? Infinitiv, въ концѣ концовъ, представляетъ собою *полное* выдѣленіе въ особое слово того *a*, которое попало у насъ въ глагольную симасіологическую схему *a* —> *b*. Мы говоримъ «полное» въ томъ смыслѣ, что infinitiv заключаетъ въ себѣ обѣ симасіологическія стороны, которыя мы открыли въ свое время въ *a*: онъ имѣетъ и *залоговыя* отгѣнки, и отгѣнки «видовые» т. е. отгѣнки, указывающіе на разные моменты въ *развитіи* дѣйствія (сравни выше стр. 97). Этого не имѣли ни слова *деревенные* и *рубленіе*, о которыхъ мы говорили на стр. 98, ни слова *διακρίβωσις* и *φεῦδος*, о которыхъ мы говорили на стр. 163. Разъ infinitiv представляетъ собою *полное a*, то это *полное a* есть настоящая *часть* глагола, есть дѣйствительно тотъ особый *признакъ* (см. выше стр. 100), который черезъ линію —>, т. е. въ такой или иной «квалитативности» и въ томъ или иномъ *времени* (см. выше стр. 110) присуждается «лицу», обозначенному въ нашей схемѣ черезъ *b*.

Въ виду всего этого мы назвали бы его скорѣе *признаковымъ* именемъ. Да и не чувствуется ли оно *внѣ* рѣчи такимъ же «вырваннымъ изъ рѣчи», какъ чувствовалось слово *καλός* — *καλή* — *καλόν*? О *ποιεῖν*, *ποιῆσαι*, *πεποιηκέναι*, *ποιήσειν*, *ποιεῖσθαι* и т. д. трудно, сказать, что это *внѣ* рѣчи «столбы», стоящіе самостоятельно и *не нуждающіеся* ни въ какихъ пополненіяхъ, но *поддающіеся* соединенію», какъ то мы утверждали въ свое время объ *ὀνόματ'αхъ*, оказавшихся потомъ «матеріальными именами существительными.» Да и въ *самой* рѣчи, не приходится ли постоянно прибѣгать къ такъ называемой конструкціи *Accusativi cum infinitivo*, въ которой *Accusativ* обозначаетъ «лицо», принимающее на себя выраженный въ *Infinitiv'ѣ* «признакъ»? Къ сожалѣнію, мы не можемъ въ настоящее время распространиться объ этой конструкціи и должны

ждать болѣе *удобнаго* для разъясненія всего этого вопроса случая.

Да, при разборѣ трехъ типовъ появленія infinitiv'a въ связной рѣчи онъ оказался существительнѣе, чѣмъ само существительное, а теперь онъ оказывается какъ будто *исключительно* признаковымъ словомъ. Древнiе, какъ на то указано уже не разъ, назвали его *ὄνομα ῥήματος*. Мы, въ виду его двусторонности не причислимъ его ни къ *признаковымъ*, ни къ *существительнымъ* именамъ, а назовемъ его *просто*, по примѣру древнихъ, *»глагольнымъ именемъ.«*

Несомнѣнными именами, и притомъ несомнѣнно *признаковыми*, являются participia. Слово *»participium«* есть переводъ греческаго *μετοχή*. Терминомъ *μετοχή* греки хотѣли указать на то, что слова, охватываемыя этимъ терминомъ, *»причастны«* (*μετέχει*) съ одной стороны къ глаголу,* такъ какъ они, наравнѣ съ глаголомъ, измѣняются по залогамъ и *»видовымъ отгѣнкамъ дѣйствiя«*. Съ другой стороны они, измѣняясь еще и по падежамъ, причастны и къ *имени*, — разумѣется *признаковому*, такъ какъ кромѣ падежей имѣютъ роды и, совершенно наравнѣ съ словомъ *καλός-ή-όν* и под., *»ждутъ* того, чтобы быть приуроченными къ *известному* роду, — къ известной *οὐσία*, къ известной *»вещи«*. И они *»особо выработаны языкомъ для того, чтобы согласоваться«*, а въ согласованiи могутъ исполнять роль *только* лишь психо-логическихъ сказуемыхъ и логическихъ опредѣлений (сравни выше стр. 192).** И они черезъ присоеди-

*) Dionysius Thrax (A. В. II. 659): *μετοχή ἐστὶ λέξις μετέχουσα τῆς τῶν ῥημάτων καὶ τῆς τῶν ὀνομάτων ιδιότητος.*

**) Говорятъ о какихъ то причастiяхъ причины, цѣли, условiя, времени и проч. Все это не касается насъ и не касается симасiологии частей рѣчи, а касается паузъ, тоновъ, темповъ и вообще широкаго контекста. Если мы въ симасiологии глагола толковали о разныхъ Conjunctiv'ахъ final'ныхъ, condicional'ныхъ и т. п., то это нужно было сдѣлать потому, что *единое* значенiе Conjunctiv'a не видно было сразу, и его пришлось извлекать изъ разныхъ контекстовъ. Здѣсь же оно сразу замѣтно. И во фразѣ *орла-хищника боятся* можно толковать слово *хищника* какъ *причинное* слово, особенно если его прочитать среди паузъ, — если его прочитать, какъ мы разсуждали на стр. 187., *appositional'но*. Для насъ же слово *хищника* есть *»согласующеся«* или существительное со всѣми тѣми послѣдствiями, которыя *выисковы* нами въ *»согласованiяхъ«*. Такъ и во фразѣ *κακῶς ἐποίησεν ὁ ἀνὴρ γράφω*

неніе слова $\delta\text{-}\eta\text{-}\tau\acute{o}$ »превращаются« въ существительныя. Есть между ними и такія, которыя и *безъ* $\delta\text{-}\eta\text{-}\tau\acute{o}$ дѣлаются существительными, чѣмъ напоминаютъ то $\phi\acute{\iota}\lambda\omicron\iota$ и $\alpha\upsilon\alpha\theta\acute{o}\nu$ и пр., о которомъ мы говорили на стр. 194.*) Словомъ, отъ *простыхъ* признаковыхъ они отличаются *только* своею измѣняемостью по залоговымъ **) и видовымъ отгѣнкамъ »дѣйствія« (признака тожъ; сравни выше стр. 98), а потому мы правильно поступимъ, если ихъ въ отличіе отъ *простыхъ* признаковыхъ именъ назовемъ *глагольными* признаковыми именами.

Итакъ, мы установили съ одной стороны имя *матеріальное* и *формальное*, не разбиравъ, впрочемъ, послѣдняго въ подробностяхъ, а съ другой — *простое* существительное, *простое* признаковое, глагольное *имя* и глагольное *признаковое*. Въмѣсто этого грамматика предлагаетъ намъ имя существительное, имя прилагательное, мѣстоименіе, а затѣмъ

мы считаемъ выраженнымъ не болѣе, не менѣе, какъ только слѣдующее: »плохо сдѣлалъ человекъ, признакомъ котораго *было* (слово *было* помѣщаемъ здѣсь согласно стр. 151., пункту а.), что у него дѣйствіе *урафевн* находилось (слово *находилось* мы помѣщаемъ здѣсь на томъ же основаніи, на какомъ раньше помѣстили слово *было*) въ *такой то* стадіи своею развитія и въ *такомъ то*, по отношенію къ нему, залоговомъ отгѣнкѣ«. При этомъ слово *урафевн* есть психо-логическое *сказуемое* по отношенію къ $\delta\ \acute{\alpha}\nu\eta\rho$: причину можно въ немъ усматривать только по *общему* контексту.

*) На такое существительное указываетъ Аполлоній Дисколъ (de constr. I. 76): $\epsilon\upsilon\tau\epsilon\delta\theta\epsilon\nu\ \acute{\alpha}\nu\theta\upsilon\ \delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\gamma\epsilon\tau\alpha\iota$, $\acute{\omega}\varsigma\ \tau\acute{o}\ \epsilon\pi\omega\mu\acute{\epsilon}\nu\eta\ \delta\iota\omicron\alpha\mu\alpha\tau\iota\kappa\acute{\eta}\nu\ \epsilon\chi\epsilon\iota\ \delta\upsilon\nu\tau\alpha\zeta\acute{\iota}\nu\ \acute{\iota}\delta\omicron\upsilon\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \chi\omega\rho\acute{\iota}\varsigma\ \acute{\alpha}\rho\theta\upsilon\rho\omicron\upsilon\ \phi\alpha\sigma\acute{\iota}\nu\ \dots\ \tau\acute{\iota}\varsigma\ \epsilon\pi\omega\mu\acute{\epsilon}\nu\eta\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}\ \theta\acute{\epsilon}\lambda\omicron\nu\omicron\varsigma$; $\acute{\omega}\varsigma\ \epsilon\acute{\iota}\ \kappa\alpha\acute{\iota}\ \phi\alpha\acute{\iota}\eta\ \tau\acute{\iota}\varsigma\ \tau\acute{\iota}\varsigma\ \delta\omicron\upsilon\lambda\eta\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}\ \theta\acute{\epsilon}\lambda\omicron\nu\omicron\varsigma$; $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\ \acute{\omicron}\nu\ \pi\alpha\rho\alpha\kappa\omicron\lambda\omicron\nu\theta\eta\sigma\epsilon\iota\ \acute{\epsilon}\nu\ \mu\epsilon\tau\omicron\chi\eta\ \eta$ (сравни Русское *возлюбленная*).

**) Да, именно *измѣняемостью*, т. е. flexiv'ностью. Другія »имена« этой измѣяемости не обнаруживаютъ, хотя мы въ нихъ *тоже* влагаемъ то transitiiv'ность, то intransitiiv'ность, т. е. тѣ два главных отгѣнка, въ которыхъ въ концѣ концовъ сосредоточиваются залоговыя измѣненія (сравни стр. 108); такъ, *убійственный* мы чувствуемъ въ transitiiv'номъ, *милый* въ intransitiiv'номъ, а греческое $\phi\omicron\beta\epsilon\rho\acute{\delta}\varsigma$ (= пугающій — боящійся) въ *томъ* и *другомъ* смыслѣ. Такъ и *убійца* и *утопленникъ* чувствуются одно въ transitiiv'номъ, а другое въ intransitiiv'номъ смыслѣ. Извѣстно, что именно греческія простыя матеріальныя имена, въ особеннсти *признаковыя*, любятъ допускать transitiiv'ное толкованіе *совмѣстно* съ intransitiiv'нымъ; примѣръ такого *совмѣстнаго* толкованія представляетъ наше $\phi\omicron\beta\epsilon\rho\acute{\delta}\varsigma$. Кому приходится комментировать греческихъ поэтовъ, тотъ наталкивается *постоянно* на такіе случаи, и стоитъ привыкнуть къ этой *гибкости* греческихъ словъ, т. е. къ этой *способноти* ихъ, въ flexiv' измѣняться по двумъ *главнымъ* залоговымъ отгѣнкамъ, чтобы избѣгнуть *большихъ* затрудненій въ комментированіи.

уже не »имена«, а причастіе и неопредѣленное наклоненіе. Зато она выдвигаетъ еще одно »имя«, это — имя числительное. Куда же мы дѣнемъ имя числительное?

Мы говоримъ, что »есть нѣчто μέγα«, что »есть нѣчто μικρόν«, и эти μέγα и μικρόν являются признаками этого »нѣчто«, выражаемыми въ обоихъ случаяхъ черезъ признаковый имена. Но это »нѣчто« мы можемъ воспринять какъ составленное изъ нѣсколькихъ, быть можетъ, даже совершенно одинаковыхъ частей. Такою сразу представляется намъ толпа, или что нибудь подобное. Тогда μέγα превращается въ многочисленное, а μικρόν — въ малочисленное, и эта многочисленность или малочисленность является опять таки »признакомъ« толпы, и, соотвѣтственно этому, выражающія ее слова πολύ (иногда ἄπειρον) и ὀλίγον (иногда даже ἕν) будутъ признаковыми именами. Въ общемъ, качество (о которомъ до сихъ поръ шла рѣчь въ признаковыхъ словахъ) и количество представляются настолько нераздѣльными среди тѣхъ »категорій«, о которыхъ, какъ извѣстно, еще Платонъ толкуетъ какъ о врожденнымъ нашей душѣ, а не извлекаемыхъ ею изъ опыта (это доказывается въ »Тезитѣ«), что мы и въ »вещахъ« всегда невольно ищемъ вѣсть то и другое. Но количество, заключающееся собственно въ величинѣ измѣреній »вещи«, значить въ чемъ-то геометрическомъ, легко превращается въ нѣчто арифметическое т. е. число. При этомъ мы можемъ сказать не только многочисленная толпа, στρατευμα πολύ, στρατευμα ὀλίγον, но рядомъ съ этимъ и στρατιῶται πολλοί, στρατιῶται ὀλίγοι и т. д. Разница между στρατευμα πολύ и στρατιῶται πολλοί заключается въ томъ, что въ имени существительномъ στρατευμα мы, представляя толпу чѣмъ то единымъ, выражаемъ наше представленіе черезъ имя единственнаго числа, тогда какъ во фразѣ στρατιῶται πολλοί мы уже самимъ именемъ существительнымъ указываемъ на то, что это единое представляется намъ раздробленнымъ на нѣсколько, и притомъ совершенно одинаковыхъ, частей. Слова же πολλοί, ὀλίγοι, πολλαπλάσιοι должны оставаться здѣсь такими

же »признаковыми« именами, какъ были *πολύ, ὀλίγον, ἄπειρον, ἔν*, и какъ было *μέγα* и *μικρόν*. Такими же признаковыми является цѣлый рядъ количественныхъ словъ, обнаруживающихъ свою принадлежность къ этой части рѣчи уже во внѣшнемъ своемъ видѣ. Таковы:

всѣ слова, указывающія на повтореніе въ »единомъ« сотенъ (*διακόσιοι, τριακόσιοι* и т. д.);

слово *μύριοι* съ его повтореніями (*δισμύριοι* и т. д.);

не только слово *εἰς*, но и *δύο, τρεῖς* и *τέσσαρες*, указывающія на *малую* численность;

слова *πᾶς* и *ὅλος*, изъ которыхъ первое указываетъ на полноту »единого« какъ на его »признакъ«, если мы это единое представляемъ *раздробленнымъ* на части, а второе — на цѣльность его, если мы въ немъ ищемъ *геометрическое* количество;

дроби этого *πᾶς* и *ὅλος*, какъ то *ἡμισυ, ἡμίολον* (= полоторное) и т. д.*)

Другая сторона дѣла, совершенно отличная отъ указанія на численность чего нибудь какъ на *признакъ* его, есть *счетъ* этой численности. »Вотъ тамъ я вижу« — говоритъ рассказчикъ, употребляя *признаковое* имя — *πολλοῦς ἀστέρων*. »Ποσοῦς«, — спрашиваетъ его собесѣдникъ, прибѣгая къ *формальному* признаковому слову, только еще *ищущему* матеріальнаго содержанія, а рассказчикъ, вмѣсто того, чтобы *сразу* опредѣлить требуемое отъ него число, начинаетъ считать, произнося при этомъ, если онъ русскій, слова: *разъ*, — даже не пользуется при счетѣ *выработаннымъ* »признаковымъ« словомъ *одинъ — одна — одно*, — *два, три, четыре, пять, шесть, семь* и т. д. Слова *два — три — четыре* суть, также какъ и греческія *δύο, τρεῖς, τέσσαρες*, по внѣшнему виду, слова *признаковыя*; что же касается словъ *пять — шесть — семь* и т. д., то они сбиваются, по внѣшнему виду, на простыя существительныя, но на практикѣ русскій языкъ иногда ихъ согласуетъ на подобіе *признаковыхъ* словъ (напр. *семью ударами*), а иногда употребляетъ какъ насто-

*) Математики по этому же пути выработали признаковыя имена: *ἐπί-τριτον* = $1\frac{1}{3}$ = $\frac{4}{3}$ = 4:3, *ἐπίτεταρτον* = $1\frac{1}{4}$ = $\frac{5}{4}$ = 5:4 и т. д.

ящія имена существительныя (напр. *семь ударовъ*, все равно что *куча розъ*), словомъ, рѣшается на какой-то компромиссъ, разсматривать который, во всякомъ случаѣ, дѣло для насъ совершенно постороннее, такъ какъ мы заняты не русскимъ, а греческимъ языкомъ. Греческія *πέντε* — ἑξ — *ἑπτά* и т. д., вплоть до самого *ἑκατόν*, непохожи по внѣшнему виду ни на имена существительныя, ни на имена признаковыя, и если ихъ приходится употреблять въ связной рѣчи, то грекъ, совершенно какъ если бы они стояли *внѣ* рѣчи, *прибрасываетъ* ихъ, не считаясь ни съ какою конструкціею, къ названіямъ тѣхъ «вещей», численность которыхъ ему приходится опредѣлять: *ὄρω ἀστέρας πέντε* — вижу звѣзды, *счетомъ*, — грекъ прямо прибавляетъ иногда слово *ἀριθμῶ*, какъ бы давая знать, что онъ перестаетъ излагать связную мысль и начинаетъ считать, — итакъ «вижу» — говоритъ грекъ — «звѣзды, счетомъ разъ, два, три, четыре, пять».

Да, въ такъ называемомъ числительномъ имени мы должны непремѣнно выдѣлить, какъ нѣчто 'особое, *счетную* часть рѣчи,*) все же остальное причислить къ «простому признаковому имени», причемъ, пожалуй, «простое признаковое имя» можно дѣлить на качественное и количественное, относя къ послѣднему и чисто-числовыя *εἰς, δύο, τρεῖς, τέσσαρες, διακόσιοι, τριακόσιοι, ... χίλιοι, διςχίλιοι... μύριοι, διςμύριοι*... Замѣчательно, что грекъ выработалъ признаковыя *количественныя* т. е., въ частности, признаковыя *числовыя* имена *только* при численной *неопредѣленности* (*ὀλίγοι, πολλοί, ἄπειροι*), при очень *низкихъ* единицахъ, которыя можно замѣтить *сразу, не занимаясь* отдѣльно счисленіемъ и *не прерывая* изъ за этого связную рѣчь (*εἰς, δύο, τρεῖς, τέσσαρες*; дальше грекъ не пошелъ: гдѣ нибудь, конечно, *нужно* было остановиться; латинскій языкъ остановился на *трехъ*), и при очень *высокихъ* единицахъ, съ одной стороны *вполнѣ закругленныхъ* (слово *μύριοι*, — правда, не съ *этимъ* удареніемъ, но это чисто *экономическая* часть языка, — употребляется даже въ значеніи

*) Это разсужденіе о *счетной* части рѣчи нуждается въ дополненіи, но до этого дополненія мы доберемся не скоро.

неопредѣленнаго числа), а съ другой — предполагающихъ, по ихъ громадности, какъ-бы *предварительное*, т. е. *предшествующее* изложенію связной рѣчи, занятіе счисленіемъ и *предварительную группировку* «вещей» по сотнямъ, тысячамъ и мириадамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ каждой «счетной части рѣчи» можно сдѣлать «простое существительное имя» (*ἑβδομάς* — *дѣкас* и т. д.), также предполагающее *предварительное занятіе* счисленіемъ. *Признаковымъ* именемъ можетъ сдѣлаться каждое слово, обозначающее число, въ качествѣ «*порядковаго*». Это вполне понятно. Нѣчто подобное мы увидимъ въ предлогахъ, до которыхъ мы скоро дойдемъ. Тамъ *тоже* изъ *ἀντί* дѣлается *ἐναντίος* (стоящій *лицомъ къ лицу* съ чѣмъ нибудь). И отъ такъ называемыхъ «нарѣчій» могутъ образоваться признаковыя слова: отъ *ἐκός* (далеко) образуется *ἐκαστος* (даже съ окончаніемъ превосходной степени = стоящій *совершенно* отдѣльно отъ другого = *въ отдѣльности* каждый). Такъ и отъ *πέντε* («счисленіе» должно быть здѣсь *тоже* предварительно готово) образуется признаковое *πέμπτος* (= стоящій *пятымъ* въ ряду другихъ или по мѣсту, или по времени, или по степени достоинства), а то и *πέμπταῖος* (= *приходящій на пятый день*). Замѣчательно, что *πρῶτος* образовано не отъ *εἶς*, а отъ предлога *πρό* (= *передъ* къ чѣмъ нибудь): *πρῶτος*, какъ извѣстно, есть *превосходная степень* отъ *πρό* (= стоящій на *самомъ переднемъ* мѣстѣ). — Что такое *ἡπαξ, δίς* и т. д., т. е. къ какой части рѣчи относить *эти λέξεις*, мы пока разбирать не можемъ. Читатель самъ ихъ отнесетъ къ такъ называемымъ «нарѣчіямъ».

Итакъ, рядомъ съ *простыми* существительными именами, матеріальными или формальными, съ *простыми* признаковыми именами, матеріальными или формальными, съ глагольнымъ именемъ, съ глагольными признаковыми именами, мы будемъ еще различать какъ *особое μέρος λόγου* «счетную часть рѣчи» (не «имя»). Перейдемъ теперь къ дальнѣйшему разсматриванію падежей.

Непосредственно послѣ именительнаго падежа, нами уже оковченнаго, слѣдуетъ *звательный* (*κλητικὴ*). Значеніе его опредѣлить очень легко. Звательный падежъ стоитъ цѣлкомъ *въ* рѣчи. Имъ говорящій опредѣляетъ *собесѣдника*, для того чтобы, опредѣливши его, начать и самую рѣчь къ нему. Конечно, чтобы *опредѣлить* собесѣдника, для этого можно *просто* «назвать его по имени» т. е. «поименовать его»; такъ дѣлаетъ въ школѣ учитель, вызывая ученика. Поэтому въ очень многихъ случаяхъ звательный падежъ даже *не отмѣченъ* этимологически какъ падежъ *особый*, и сходится съ именительнымъ, точнѣе говоря, — *замѣняется* имъ. Можно разсуждать и наоборотъ: психологически было бы вполнѣ понятно, если бы форма, которою мы «зовемъ» и *привыкли* звать какое нибудь лицо, опредѣляя его какъ собесѣдника, — если бы эта форма оставалась неизмѣненною и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы просто должны бы «*поименовать*» это лицо. Другими словами, психологически было бы вполнѣ понятно, если бы звательный падежъ употреблялся и въ роли именительнаго. Говорятъ же напр. «у собаки такая то *кличка*», вмѣсто «у собаки такое то *имя*», а слово *кличка* указываетъ на употребленіе въ языкѣ *звательнаго*, а не *именительнаго* падежа. Такъ, можетъ быть, малорусское *ванько* (= одноконный извощикъ, собственно уменьшительное отъ *Ваня*) есть форма *звательнаго* падежа.*) Что и звательный падежъ не есть *настоящій* падежъ, что и онъ не «падаетъ» передъ другими словами, этого относительно его, какъ стоящаго *именно* въ рѣчи, никто отрицать не станетъ.

Приступаемъ къ весьма сложному отдѣлу, къ симасіологіи *настоящихъ* падежей.

*) Аполлоній Дисколъ (de constr. III. 214.) сообщаетъ намъ объ употребленіи звательнаго въ смыслѣ именительнаго, какъ объ ἔθος Μακεδονικὸν ἢ Θεσσαλικὸν (ἢ κλητικὴ) ἀντ' εὐθείων παραλαμβάνεται κατὰ Μακεδονικὸν ἔθος ἢ Θεσσαλικὸν), и въ качествѣ примѣра такого употребленія приводитъ форму Θυίστα вмѣсто Θυίσταης изъ Омира. Наши этимологи (сравни Brugmann, Handb. II. 117) тоже считаютъ форму *κλητικὴ* и т. п. за *звательный* падежъ (indem man diese als nominativisch gebrauchte Vocative ansehen kann).

Настоящихъ надежей греки пасчитывали у себя *три* и называли ихъ *γενική, δοτική ἢ τοι ἐπιτοατική* и *αἰτιατική πτώσις*. Но этимологи, сопоставляя окончанія греческихъ падежей съ окончаніями санскритскихъ, совершенно вѣрно замѣчаютъ, что то, что обыкновенно называется *δοτική πτώσις*, въ сущности представляетъ собою этимологическую смѣсь изъ *собственной δοτική* — изъ *собственного* »дательнаго« — и, выражаясь латинскимъ терминомъ, изъ *local'a*. Такъ, дѣйствительнымъ дательнымъ оказываются лишь формы *οἴκῳ* — *γλώσσῃ*, а формы *ποδί* — *χώρῳσιν* — *οἴκοσιν* и *ποσίῃ* суть *local'y*.*)

Съ другой стороны, греческія формы *λύκοιο* и *μέ-νε(ο)ος* находятъ себѣ въ санскритскомъ склоненіи вполне соотвѣтствующіе, съ *этимологической* точки зрѣнія, *genitiv'y v'kasya* и *manasas*. Но санскритское *as*, равняющееся греческому *ος*, появляется въ нѣкоторыхъ группахъ санскритскихъ склоненій и въ *ablativ'н**)* (*удалительномъ* падежѣ). Другими словами, въ санскритскомъ языкѣ въ *нѣкоторыхъ* группахъ склоненій *ablativ* исчезъ, и функцію его принялъ на себя *genitiv*. Можно предположить, что и *греческая γενική* призахватила къ себѣ функцію *чужаго* падежа, — функцію *ablativ'a*.

Такимъ образомъ, по *нѣкоторымъ* даннымъ можно утверждать, что греческія *αἰτιατική, γενική* и *δοτική* соотвѣтствуютъ этимологически, — а слѣдовательно, надо думать, и *синасіологически*, — санскритскимъ *accusativ'y, genitiv'y-ablativ'y, dativ'y-local'y* и — скажемъ еще — *instrumental'y*, если Бругманъ правъ въ объясненіи формы *λύκοις*, которое мы сообщили въ только что приведенномъ подстрочномъ примѣчаніи. Но даже если онъ не правъ, то и тогда въ нашемъ тезисѣ измѣнять нечего. Извѣстны омировскія формы, оканчивающіяся на *φιν*. Имъ находятъ этимоло-

*) Объ этомъ — общепзвѣстномъ, впрочемъ — вопросѣ смотри Brugmann Handb. II. 121 и 128. Тутъ же, однако (на стр. 128.), Бругманъ указываетъ и на то, что форма *λύκοις* не произошла изъ *λύκοισι*, а что это форма *instrumental'a pluralis*. Въ такомъ случаѣ *такъ называемая δοτική* была бы смѣсь изъ *dativ'a, local'a* и *instrumental'a*.

**) Brugmann Handb. II. 119—120.

гическое соотвѣтствіе въ санскритскомъ instrumental'ѣ.*) Впослѣдствіи эти формы исчезли, и ихъ функцію приняла на себя — такъ, по крайней мѣрѣ кажется съ перваго взгляда — *именно δοτική*; такимъ образомъ, она по отношенію къ instrumental'у занимаетъ такое же положеніе, какъ *уениκή* по отношенію къ ablativ'у.

Въ славянскомъ языкѣ мы находимъ столько же падежей, сколько и въ санскритскомъ, за исключеніемъ удалительнаго падежа (ablativ'a), котораго въ первомъ нѣтъ. Въ этомъ отношеніи славянскій языкъ послѣдовательно провель у себя то, что, какъ сказано, въ санскритскомъ языкѣ замѣчается лишь въ *нѣкоторыхъ* группахъ склоненій: славянскій »родительный«
принялъ на себя *вездѣ* функцію удалительнаго падежа.

Иначе распорядился своими падежами *латинскій* языкъ. Если греческій соединилъ въ одну форму съ одной стороны genitiv и ablativ, а съ другой — dativ, local и instrumental, — зато латинскій, повидимому, слилъ въ одну форму local, ablativ и instrumental, назвавъ свою форму ablativ'омъ.

Въ общемъ, на вопросъ о симасіологическомъ соотвѣтствіи падежей, въ указанныхъ четырехъ языкахъ отвѣчаетъ, — казалось бы съ перваго взгляда, — слѣдующая таблица:

греч.	<i>αἰτιατική</i>		<i>δοτική</i>			<i>ὑενική</i>	
			/ \				
слав.	винит.	дат.	предл.	творит.		родит.	
						/ \	
санскр.	accus.	dat.	local.	instrum.	ablat.	genit.	
					/ \		
лат.	accus.	dat.	ablat.		genit.		

По поводу приведенной таблицы нельзя обойтись безъ *одного* замѣчанія. Мы указали на то, что даже въ санскрит-

*) Окончаніе *φι* Бругманъ *рѣшительно* провозглашаетъ за окончаніе instrumental'a: Grundr. I. 267; II. 626, 637, 715, 717, 719, 794. Что касается того обстоятельства, что въ окончаніи *φι* не различены единственное и множественное числа, то Бругманъ, вполне соглашаясь съ Дельбрюкомъ (Synth. Forsch. IV. 61), объясняетъ это устарѣлостью даннаго окончанія или вообще данной формы даже для *омировскаго* языка (es war die Form auf *φι*, wie die Beziehung derselben auf Singular und Plural zugleich zeigt, schon für homerische Dichter eine Antiquität; Handb. II. 212).

скомъ языкѣ, въ которомъ больше всего развита численность падежей, *ablativ* съ *genitiv*'омъ этимологически отождествляются. Это касалось, однако, только *нѣкоторыхъ* этимологическихъ темъ¹ (тема *açva*, напр., образуетъ *особую* форму для *genitiv*'а, *açvasya*, и особую для *ablativ*'а, *açvât*) и только *единственного* числа. Во множественномъ числѣ *рѣшительно* вездѣ замѣчается этимологическое отождествленіе уже не *genitiv*'а съ *ablativ*'омъ, а *ablativ*'а съ *dativ*'омъ (какъ въ *dativ*'ѣ, такъ и въ *ablativ*'ѣ мы находимъ въ множественномъ числѣ окончаніе *bhyas*). Что же касается *двойственного* числа, то этимологическая дифференцировка падежей даже въ санскритскомъ языкѣ достигаетъ высшей степени упрощенности. Мы не говоримъ уже о полнѣйшемъ этимологическомъ сходствѣ *nominativ*'а, *vocativ*'а и *accusativ*'а. Оно наблюдается — то въ болѣе узкой комбинаціи (*nominativ* съ *vocativ*'омъ), то въ *такой же* полнотѣ — и въ единственномъ и множественномъ числахъ какъ санскритскаго, такъ и, подавно, другихъ языковъ. Это сходство имѣетъ причину чисто *психологическую*, какъ то отчасти уже выяснено (относительно отождествленія *nominativ*'а съ *vocativ*'омъ), отчасти же выяснится и позже (относительно отождествленія *accusativ*'а съ *nominativ*'омъ въ среднемъ родѣ); не осталась безъ вліянія на него и морфологическая случайность. Судить о морфологической случайности въ *санскритскомъ* языкѣ мы не считаемъ себя компетентными, но въ греческомъ языкѣ мы ее видимъ ясно: такъ, форма *nominativ*'а множественнаго числа *πόλεις* — совершенно другого происхожденія, чѣмъ такая же форма *accusativ*'а множественнаго числа.

Итакъ, насъ интересуеетъ въ *двойственномъ* числѣ, въ *настоящее* время, не сходство *nominativ*'а, *vocativ*'а и *accusativ*'а, — изъ нихъ, собственно, одинъ *accusativ* и есть настоящій падежъ, — насъ интересуеетъ въ *двойственномъ* числѣ смѣнаніе другихъ падежей. Если санскритскій языкъ въ *единственномъ* числѣ кое-гдѣ отождествилъ *genitiv* съ *ablativ*'омъ, — зато въ *двойств.* числѣ онъ отождествилъ *genitiv* съ *locativ*'омъ (окончаніе тутъ вездѣ *os*); что же каса-

ется замѣннаго въ множественномъ числѣ отождествленія *dativ'a* и *ablativ'a*, того же *ablativ'a*, который сливается въ единственномъ числѣ съ *genitiv'омъ*, то оно въ *двойственномъ* числѣ распространяется и на *instrumental* (окончаніе для *dativ'a*, *ablativ'a* и *instrumental'a* въ двойственномъ числѣ *bhuyam*). Такимъ образомъ оказывается, что *genitiv*, *dativ*, *local*, *ablativ* и *instrumental* этимологически между собою перемѣшались въ *разныхъ* комбинаціяхъ, и что изъ *всѣхъ* косвенныхъ т. е. *настоящихъ* падежей одинъ только *accusativ* остается *внѣ* слиянія съ другими *косвенными* или *настоящими* падежами. Въ *греческомъ* языкѣ двойственное число располагаетъ для *всѣхъ* этихъ настоящихъ падежей, за *исключеніемъ* опять таки *accusativ'a*, только *одною* *общею* формою.

Къ какому же заключенію ведетъ тотъ фактъ, что этимологически смѣшались между собою съ одной стороны *всѣ* настоящіе падежи кромѣ *accusativ'a*, а съ другой — *accusativ* съ *nominativ'омъ* и *vocativ'омъ*? Сказать ли намъ, несмотря на вышеприведенную — правда, неоконченную — замѣтку о *психологической* причинѣ этимологическаго отождествленія *одной* изъ этихъ группъ, именно *nominativ'a*, *vocativ'a* и *accusativ'a*, — сказать ли намъ, что *всѣ* смѣшавшіеся другъ съ другомъ падежи первоначально были *чѣмъ* то *однимъ*, и что только *впоследствии* они дифференцировались этимологически, быть можетъ, иногда и не во *всѣхъ* типахъ склоненія, но симасиологически ужъ *непремѣнно* *всюду*? Съ мнѣніемъ о *постепенномъ* развитіи падежей мы дѣйствительно встречаемся въ литературѣ, но находить ли оно себѣ поддержку въ этимологическомъ смѣшеніи падежей, и какъ вообще слѣдуетъ смотрѣть на это мнѣніе?

О постепенномъ развитіи падежей опредѣленнѣе *всѣхъ* говоритъ Н. D. Müller (Sprachb. 333—353).*) Da scheint mir — разсуждаетъ онъ — nur soviel für sicher gelten

*) Поднять былъ этотъ вопросъ, какъ извѣстно, Курциусомъ; смотри „zur Chronologie der indogermanischen Sprachforschung“, Abhandlungen der kön. sächs. Gesellschaft der Wissenschaften, phil. hist. Classe 5. (1867). стр. 187 и слѣд.

zu müssen, dass die Entwicklung der Casusflexion nicht der allfrühesten Periode der Sprachbildung angehört . . . Auch das muss von vornherein für wahrscheinlich gelten, dass die Casusformen nicht alle auf einmal entstanden sind, sondern sich erst nach und nach entwickelt haben. Später als die Casus des Sing. sind meiner Ansicht nach die pluralischen Casusformen entstanden, aus dem einfachen Grunde, weil der Pluralis selbst einer verhältnissmässig späten Periode anzugehören scheint (333). Auch die singularischen Casus sind in ältere und jüngere zu scheiden. Als die ältesten müssen natürlich die gelten, welche für die Bildung des Satzes durchaus unentbehrlich sind. Das ist zunächst der Nominativ, denn dieser dient zur Bezeichnung des Subjectes und ohne Subject kann kein Satz zu Stande kommen. Sodann der Accusativ, soweit derselbe zur Bezeichnung des reinen Objects dient, also mit Ausschluss seiner Functionen zur Bezeichnung des Ziels und der räumlichen und zeitlichen Erstreckung. Denn so lange es keinen Ausdruck für das Object gab, konnten die Verbalbegriffe nur intransitiv gebraucht werden, was dem Gedankenausdruck sehr enge Grenzen gesetzt haben würde.

Mit diesen beiden Casus konnte sich die Sprache lange Zeit begnügen, da, wenn etwa andere Casusverhältnisse ausdrücklich zu bezeichnen waren, dem Accusativ Pronominaladverbia als Präpositionen oder damals wohl als Postpositionen hinzugefügt werden konnten So lange aber nun diese beiden Casus bestanden, bedurfte es zu ihrer Unterscheidung gar keiner lautlichen Mittel, es genügte dazu . . . schon die Verschiedenheit der Stellung vor oder hinter dem Prädicate (335). Als nun aber die übrigen Casus anfiengen sich zu entwickeln, da gab der Accusativ nach und nach an diese diejenigen Functionen ab, für deren specielle Bezeichnung dieselben geschaffen waren . . . Werfen wir die Frage auf, für welches Casusverhältniss eine besondere suffixale Form zu schaffen die Sprache zunächst sich gedrungen fühlen musste, so wird ohne Zweifel das Verhältniss des attributiven Genitivs ge-

annt werden müssen. Denn um dieses Verhältniss zu bezeichnen, bot die *Stellung* im Satze kein ausreichendes Mittel . . . Andererseits ist es nicht zu verkennen, dass die Sprache, so lange ihr eine Form für den attributiven Genitiv fehlte, selbst für höchst einfache Gedanken, wenn sie Zweideutigkeit vermeiden wollte, zu einer schwerfälligen Breite sich gezwungen sah, die auf die Dauer nicht zu ertragen gewesen wäre (345).

War nun aber die Genitivform einmal geschaffen, so hinderte nichts dieselbe auch noch anderweitig zu verwerthen. Zunächst konnte sie nach allen den Verbalbegriffen, die sich aus der Kategorie der Possessivität entwickeln, auch zur Bezeichnung des Objects dienen . . . (347). Es war der Genitiv der erste und längere Zeit hindurch der einzige suffixale Casus und konnte, eben so wie vorher der Accusativ, so lange die Casusbildung noch nicht vorgeschritten war, alle casuellen Abhängigkeitsverhältnisse . . . vertreten (352).

Затѣмъ Мюллеръ строить схему предложенія, для того чтобы доказать постепенность перехода корней *формального* значенія къ значенію *материальному* (den Übergang der *Pronominal*wurzeln zu *Begriffswurzeln*), и это все дѣлается съ цѣлю выставить тезисъ, что падежи, окончанія которыхъ суть собственно корни *формального* значенія, — что эти падежи, »mit Ausnahme des Vocativs, der aber eigentlich gar kein Casus ist, ihre Functionen *nur innerhalb des Satzes üben können*, der Satz aber, *dessen Hauptelement das Prädicat ist*, konnte eine wenn auch noch so elementare Form erst dann gewinnen, *als die Pronominalwurzeln schon anfangen sich in Begriffswurzeln umzuwandeln*.

Во всемъ этомъ разсужденіи нѣтъ, кажется, ни одного положенія, которое не вызывало бы массу недоумѣній. На выясненіи этихъ недоумѣній мы не станемъ останавливаться. Скажемъ одно: заниматься *постепеннымъ развитіемъ* падежей значитъ забираться въ темныя области *палеонтологій* языка, гдѣ окажешься, пожалуй, безъ почвы подъ ногами. Единственно доступная почва здѣсь не можетъ имѣть строго *фактическаго* характера, а должна оставаться при характерѣ

обще-философскомъ; на обще-философской почвѣ, однако, раскрывается нѣчто совершенно противоположное тому, что проповѣдуетъ Мюллеръ. Естественно предполагать, что если число »представленій«, какъ мы о нихъ, въ противоположность »отношеніямъ«, толковали на страницахъ 74-6, — если число »представленій«, долженствовавшихъ найти выраженіе въ языкѣ, было сначала невелико, а потомъ все увеличивалось съ развитіемъ человѣческаго *опыта* прежде всего, и человѣческой *мысли вообще*, — зато тѣхъ »отношеній« между »представленіями«, которыя пришлось дифференцировать языку, — а сюда принадлежать и »отношенія«, выражаемыя падежами, — было больше *именно* сначала, а только впоследствии они упростились и сведены были къ немногимъ. Естественно полагать, что именно *сначала* эти »отношенія« напрашивались представленію мыслящаго челоѣка какъ нѣчто совершенно разнообразное, одно съ другимъ *никакой* связи не имѣющее, а только *впоследствии* то, что прежде стояло порознь и одиноко, что представлялось различнымъ, оказывалось *близкимъ* и *примыкающимъ* одно къ другому. Что численность этимологическихъ формъ эволюціе языка сокращается, это не вымыселъ, а постоянно наблюдаемая живая *дѣйствительность*, и эта живая дѣйствительность говоритъ за *насъ*, а не за Мюллера. Такъ бываетъ, пожалуй, и съ »представленіями«, которыя вызываются окружающимъ насъ непосредственно *физическимъ* міромъ: что сначала »представлялось« намъ какъ *поллѣ*, то впоследствии оказывается *ѣв*. Но нельзя не указать на *большую* разницу между *поллѣ* *физического* міра и между *поллѣ* »отношеній«. Въ вопросѣ объ »отношеніяхъ« челоѣкъ никогда съ такимъ *поллѣ* дѣла не имѣлъ, если разумѣть то *подавляющее* своею многочисленностью и своимъ разнообразіемъ *поллѣ*, которое *нашелъ* онъ, какъ нѣчто *готовое* и *ожидавшее* его при вступленіи въ физическій міръ, и среди котораго онъ является только наблюдателемъ, вѣчно колеблющимся, до безконечности мѣняющимъ свои взгляды и терпящимся отъ невозможности справиться съ этимъ разнообразіемъ сущаго. И если онъ, какъ мы раньше указали,

кое когда въ *πολλὰ* и усматриваетъ *ἔν* (на этомъ и основываются и логическія равенства, и логическія опредѣленія и логическія сказуемыя, о которыхъ мы рассуждали выше), то это не освобождаетъ отъ встрѣчи съ новыми »представленіями« и отъ необходимости искать и новыя *выраженія* для этихъ представлений.

Да, не такимъ представляется намъ *πολλὸν* въ вопросѣ объ »отношеніяхъ.« Тутъ человѣкъ былъ не наблюдателемъ чего то внѣшняго, существующаго безъ него и помимо него, тутъ онъ былъ *творцомъ* новаго, — творцомъ, который рѣшалъ свои вопросы какъ бы *разъ на всегда* въ той мѣрѣ, въ какой его понуждала необходимость, выступающая не извнѣ, но изъ *самой сущности его мысли*. И вотъ отдѣльные факты сталкиванія съ этою необходимостью, факты, отмѣчаемые имъ въ *данномъ* случаѣ, т. е. въ вопросѣ о *падежахъ*, не болѣе, не менѣе какъ *флексією* слова, должны были казаться сначала гораздо болѣе разрозненными, чѣмъ впоследствии. Надо думать, что и въ санскритскомъ, и во всякомъ другомъ флектирующемъ языкѣ первоначально *всѣ* падежи были разнородны по формамъ, и только *впослѣдствіи* нѣкоторые изъ нихъ слились въ одну форму.*) Кромѣ *соединимости* »отношеній,« сліянію формъ, вѣроятно, немало способствовали или, точнѣе говоря, самую соединимость »отношеній« *черезъ* сліяніе формъ немало поддерживали: внѣшнее *созвучіе* окончаній, излишняя *длиннота* той или иной формы, *авторитетъ* виновника этимологической упрощенности и другія, трудно поддающіяся разысканію и опредѣленію причины. Нельзя не подчеркнуть, хотя бы и лишній разъ, что упрощеніе касалось *именно* формъ, а не самой мысли. Сама мысль, при позднѣйшей формальной упрощенности языка, могла *не переставать* различать тѣ оттѣнки, которые были выражены различіемъ формъ *до* упрощенія ихъ, и которые она же сама признавала соединимыми. Я говорю *»могла не переставать.«* Это не значить, что *не*

*) Очень можетъ быть, что не всѣ падежи даже нами раскрыты: die Untersuchung über die einstigen Casus des Indogermanischen ist noch nicht abgeschlossen (Delbrück Synt. Forsch. IV. 62).

переставала. Иногда эти оттѣнки могли такъ сростись, что сознание ихъ первоначальной розни могло исчезнуть. Однако и тутъ, если сама *внутренняя* необходимость, т. е. *сущность* мысли не удерживала эту рознь постоянно на виду, заставляя сознавать первоначальные оттѣнки въ »отношеніяхъ«, то оставался еще одинъ факторъ. Это — характерность оборотовъ, т. е. постоянно потворявшіяся, уже застывшія *известныя* сочетанія *известныхъ* словъ, — сочетанія, которыми она дорожила какъ своимъ историческимъ достояніемъ, и которыя она всегда чувствовала въ *известномъ* смыслѣ, хотя бы и при немного измѣнившейся *внѣшней* формѣ какого нибудь изъ вошедшихъ въ это сочетаніе элементовъ.

Мы слышимъ возраженіе. Намъ скажутъ, что флексіи, какъ онѣ замѣчаются не только въ падежахъ, но вообще въ языкѣ, все же не появились *всѣ сразу*, и что если различіе »отношеній«, какъ оно выражено въ падежахъ, и было, такъ сказать, *врождено* въ мыслящую душу человѣка, то оно долго могло быть выражаемо какъ нибудь иначе, чѣмъ падежными флексіями. И въ дѣтскомъ языкѣ — скажутъ намъ — мало ли какія »отношенія« получаютъ такое или иное выраженіе *совершенно* безъ флексіи. Если такъ, то мы согласны, что Мюллеръ правъ, какъ правы всѣ, которые ставятъ подобный вопросъ. Но тогда они правы *именно* только въ *постановкѣ* вопроса, а не въ его рѣшеніи. Рѣшать его вообще врядъ ли возможно. Мало ли недочетовъ въ такомъ языкѣ, какъ дѣтскій, и мало ли какъ онъ отъ нихъ отдѣляется; объ этихъ недочетахъ только и можно повторить то, что мы сообщили изъ Wegener'a на стр. 156. по другому поводу: *es veranlasst uns der selbstische Trieb, das Sprechen eines Anderen als zweckvoll anzusehen, die Sympathie dagegen, auf das Sprechen des Anderen zu achten und dasselbe zu deuten.* Во всякомъ случаѣ, мы изслѣдованіемъ дѣтскаго языка *не занимаемся*. Мы къ нему можемъ присматриваться, если возникаетъ какое нибудь недоумѣніе по уразумѣнію *развитаго* языка, но предметомъ нашего изслѣдованія все же остается онъ, языкъ *развитой*, языкъ,

развившіяся *именно* по флектирующей системѣ, и у насъ вопросъ о *постепенной* дифференцировкѣ падежей не имѣетъ мѣста.

Если это такъ, то къ чему насъ интересовала поддержка или неподдержка теоріи о постепенномъ развитіи падежей наблюдаемымъ нами выше этимологическимъ снѣшеніемъ падежныхъ формъ? Мы имѣли въ виду слѣдующее. Очень можетъ быть, — мы продолжаемъ разсуждать на той же обще-философской почвѣ, — что множественное число, какъ то признаетъ и Мюллеръ, *позднѣ* единственнаго. Очень можетъ быть, что такими словами какъ *толпа*, *бабье*, *отрѣтєуца* языкъ сначала *обходился* безъ множественнаго числа. Если и приходилось заниматься счисленіемъ *отдѣльныхъ* единицъ чего нибудь цѣлаго, то, какъ мы уже указывали на то по поводу числительнаго имени, «*счетная часть рѣчи*» оставалась какъ будто *внѣ* языка, *внѣ* связной мысли, а тѣ «*неопредѣленныя*» количественно — или численно-признаковыя слова могли съ полнымъ удобствомъ присоединяться и въ *единственномъ* числѣ къ словамъ *толпа* и *отрѣтєуца*, указывая на *многочисленность* или *малочисленность* этой толпы и этого *отрѣтєуца*. Быть можетъ, что двойственное число развилось *еще* позднѣ множественнаго, и тутъ открывается чрезвычайно интересная сторона дѣла, говорящая опять таки больше въ нашу пользу, чѣмъ въ пользу Мюллера: Множественное число, въ общемъ, имѣетъ — это мы наблюдали только надъ *санскритскимъ* языкомъ — меньше этимологическихъ падежныхъ варіацій, чѣмъ единственное; а двойственное, — это мы подмѣтили и на греческомъ языкѣ, — еще меньше, чѣмъ множественное. Не значить ли это, что во время образованія множественнаго числа падежныя отношенія уже *сливались*, и что это сляніе пошло еще дальше во время образованія двойственнаго числа? Мы тутъ не думаемъ ничего рѣшать, мы ставимъ только вопросъ.

Но возвратимся къ нашей непосредственной темѣ и спросимъ: какія же «отношенія» выражались первоначально и продолжали выражаться въ греческомъ языкѣ падежами? — *настоящими* или такъ называемыми косвенными падежами?

По этому вопросу выработана цѣлая теорія, извѣстная подъ именемъ локалистической.

Существуетъ, впрочемъ, еще другая теорія по вопросу о значеніи падежей. Это — теорія, стоящая на почвѣ Беккеровскаго »Organism der Sprache«. Ее не безъ неимоверныхъ натяжекъ старается провести черезъ всю область фактическихъ данныхъ греческаго языка Kühner во *второмъ* изданіи своей Ausf. Gramm. (первоначально онъ былъ *тоже* локалистъ). Впрочемъ, Kühner, какъ онъ самъ о томъ заявляетъ (Ausf. Gramm. II. 249), въ данномъ случаѣ шелъ лишь по стопамъ *другихъ, настоящимъ* же авторомъ этой теоріи является Rumpel, возставшій въ своей Casusl. противъ локалистовъ.

Кюннеръ опредѣляетъ значеніе падежей слѣдующимъ образомъ. Sowie das *attributive* Satzverhältniss zur näheren Bestimmung des Subjectes oder überhaupt eines *Substantivbegriffes* (смѣшана часть предложенія съ частью рѣчи) dient, so dient das *objective* Satzverhältniss zur Ergänzung oder näheren Bestimmung des Prädicats. Unter Object verstehen wir hier im weiteren Sinne alles das, was dem Prädicate gleichsam gegenübersteht (objectum est), d. h. auf das Prädicat bezogen wird »und dasselbe *ergänzt* oder bloss näher *bestimmt*« (повтореніе того же). Die *objectiven* Beziehungen... bezeichnet die Sprache a) durch die Casus; 2. durch die Präpositionen in Verbindung *mit* den Casus; 3. durch den Infinitiv; 4. durch das Particip (какъ это?); 5. durch das Adverb (248).

Der Accusativ bezeichnet die unmittelbare Ergänzung (das *unmittelbare Object*) eines Verbs (а куда же дѣвался »Prädicat«? — или Verbum и Prädicat одно и то-же? — и не долженъ ли Кюннеръ подъ »Verbum« понимать и Infinitiv, *также* дополняющійся Accusativ'омъ, — тотъ Infinitiv, который выше самъ попалъ у него въ »Object'ы«?), und zwar zunächst Ergänzung eines *transitiven* Verbs, sodann auch eines *intransitiven* Verbs und »*intransitiven*« (это — что?) Adjectivs (развѣ Adjectiv всегда есть Prädicat?). Такова одна формулировка явленій (см. Kühner, стр. 249).

Sowie der Accusativ zunächst die unmittelbare Ergänzung (das unmittelbare Object) eines transitiven Verbs ausdrückt, so dient der Genitiv zunächst dazu den Begriff eines Substantiv (Subject'a, что ли? — и тогда, стало быть, Genitiv является Attribut'омъ?) qualitativ oder wesentlich (это — что?) zu bestimmen. Sowie aber der Gebrauch des Accusativ sich erweiterte, und auch intransitive Verben und Adjective ihr unmittelbares Object im Accusative zu sich nehmen, so geschah diess auch bei dem Genitive und er wurde auch gebraucht, um ein *Adjectiv* (какой? — »transitiv'ный« или »intransitiv'ный« и въ какой его роли? — въ роли Prädicat'a или Attribut'a? — и куда дѣвался тутъ Subject, который, очевидно, Кюнерь выше подразумѣвалъ или *долженъ* былъ подразумѣвать, чтобы остаться вѣрнымъ »системѣ«, подъ Substantiv'омъ) — итакъ, um ein *Adjectiv* näher zu bestimmen (а гдѣ же остался Genitiv послѣ Verbum?). Такова *вторая* формулировка явленій (см. у Кюнера стр. 284).

Während der Accusativ und der Genitiv sich nur auf einzelne Satzglieder beziehen, indem jener das Prädicat ergänzt, dieser *das Subject oder Object oder Prädicat* (этого всего мы выше не слышали) näher (*qualitativ*; а гдѣ же осталось »wesentlich«?) bestimmt, bezieht sich der Dativ auf die ganze *Satzsubstanz* (т. е. Subject, Object, Prädicat, Attribut, — все это вмѣстѣ?*) und dient zur näheren Bestimmung derselben. Im Gegensatze zu dem Accusative, dem Casus des unmittelbaren Objectes, kann der Dativ der Casus des *entfernteren* oder *mittelbaren Objectes* genannt werden; denn während der Accusativ den Gegenstand ausdrückt, der in unmittelbarer Beziehung zu dem Prädicate steht und dasselbe ergänzt, bezeichnet der Dativ den Gegenstand, der zu der im Satze ausgedrückten Handlung (развѣ Satz, или какъ выше сказано, »Satzsubstanz« служить для выраженія einer Handlung?) nur eine *mittelbare* Beziehung hat. Такова *третья* формулировка явленій (смотри у Кюнера стр. 347). А гдѣ же во всѣхъ этихъ формулировкахъ осталось Ad-

*) У Румпеля, какъ ниже увидимъ, подъ »Satzsubstanz« разумѣется Subject, соединенный съ Prädicat'омъ.

verbum съ его падежами? Объ Infinitiv'ѣ и Participium'ѣ мы уже не говоримъ, такъ какъ у Кюнера, несмотря на то, что онъ отождествляетъ Verbum съ Prädicat'омъ, они входятъ въ Verbum.

Такой видъ приняла на себя, въ примѣненіи къ *дѣйствительности*, т. е. въ примѣненіи къ *фактамъ*, та, казалось бы, простая и весьма стройная теорія, которую, для освѣщенія падежей, предложилъ Rumpel.

Rumpel говоритъ (Casusl. 127 и сл.): Den Accusativ, den Träger des Objects, erkennen wir als ein nothwendiges Postulat des Transitivums... Mit der Entwicklung des Transitivums aus dem Intransitivum tritt das Bedürfniss eines Objects ein; Subject und Intransitivum gestaltet sich in Subject, Transitivum und Object. Indem aber in dieser Gestaltung *das* in *zwei* gesonderte Glieder (Transitiv und Object) aus einander getreten ist, was zuerst in dem *einen* Intransitiv lag, hat *der Gedanke* (т. е. то, что выражается Satz'омъ) die Möglichkeit, sich mehr zu individualisiren, *konkreter* zu werden, als es dort möglich war. Das substantzartige, auf sich *selbst* bezogene Intransitivum hat sich dirimirt, das Prädicat stellt sich dar in einem Transitivum und dem ihm zugehörigen Object... Auch das Subject hat sein Sein mehr entwickelt und besondert; vergleiche *Cajus stirbt* und *der Sohn liest das Buch*... Soll nun der Gedanke des letzten Satzes eine bestimmtere Gestalt gewinnen, so muss ich entweder *den Sohn* oder *das Buch* näher bestimmen. Soll diese nähere Bestimmung durch ein Substantivum geschehen — und diese Seite der Entwicklung des Satzes durch *Substantiva* betrachten wir unserer Aufgabe gemäss hier *allein* (тутъ Румпель разсуждаетъ вѣрно; ибо падежъ привязанъ *прежде всего* къ существительному) — so ist es nur durch einen Genitiv möglich... Dass das Verbum auch in dem Genitiv eine nähere Bestimmung erhalten kann, gilt für unsere gegenwärtige Betrachtung soviel als die Verbindung des Transitiv mit dem Object. Es bleibt jetzt nur noch die Möglichkeit übrig, dass Subject und Prädicat als Einheit gedacht, d. h. als Satzsubstanz noch eine nähere Bestim-

nung durch das Substantiv erhalte, in der Weise also, dass dieses Substantiv sich weder vorzugsweise dem Substantiv als Subject oder Object, noch dem Verbo anschliesse, sondern dieser als *Einheit* gedachten Verbindung des Subjects und Prädicats. Dieser Casus ist der Dativ (Ablativ), als dessen nothwendige Voraussetzung wir demnach die *Satzsubstanz* zu betrachten hätten. Затѣмъ Румпель разъясняетъ, что *больше* падежей языку не нужно.

Подробно разбирать учение Румпеля мы не станемъ. Изъ самого того способа, какимъ его пришлось Кюнеру примѣнять къ фактамъ, можно убѣдиться въ его несостоятельности. Кроме того мы должны его объявить несостоятельнымъ и потому, что весь Беккеризмъ съ самаго начала объявленъ нами такимъ же. Займемся подробнѣе разборомъ локалистической теоріи.

Локалистическая теорія, какъ извѣстно, подробно разработана Hartung'омъ (Casus)* и въ свое время находила очень много приверженцевъ. Да и не встрѣчаемся ли мы съ нею до сихъ поръ? Оно и понятно. Мыслящее существо *прежде всего* видитъ нѣчто, слышитъ и осязаетъ, причемъ видимое, слышимое и осязаемое, являясь въ видѣ представленія и служа источникомъ его мысли, прежде всего усваивается или «сознается» въ такомъ или иномъ *локальномъ* отношеніи.

Говорятъ, что человѣкъ »живетъ« въ пространствѣ *мѣста* и *времени*. Это значить, что онъ «представляетъ» все въ указанныхъ двухъ пространствахъ, но *собственно* говоря, второе, т. е. пространство времени, въ нашемъ представленіи не располагаетъ другими средствами, кроме тѣхъ же *локальных*. Нами уже сказано было на стр. 176, что время представляется человѣку линіею, стало быть, — *мѣстнымъ* протяженіемъ, раздѣленнымъ подвижными границами на три части, изъ коихъ одна есть настоящее, вторая — прошедшее, а третья — будущее. Такимъ образомъ,

*) Въ сущности, локалистика — теорія давняя; сравни: И. В. Негушиль, о падежахъ, Харьковъ 1885 (стр. 15 и сл.).

временныя отношенія являются въ нашемъ представленіи метафорою отношеній мѣстныхъ.

А причину, — чтобы возвратиться къ тому же предмету, о которомъ мы разсуждали на стр. 76., — развѣ не »представляемъ« мы *тѣми же* средствами? Не рисуется ли она нашему воображенію чѣмъ то, отъ чего нѣчто »исходить« или »проистекаетъ«, не рисуется ли она *точкою*, отъ которой *движется* и какъ-бы *удаляется* въ пространство *мѣста* (времени то-жь), само то другое, что мы, по отношенію къ *причинѣ*, называемъ »слѣдствіемъ«?

Такимъ образомъ, мѣстныя отношенія являются въ челоѣческой мысли, какъ что — то *коренное* и какъ-бы *первоначальное* не только *само по себѣ* (естественно полагать, что челоѣкъ, наблюдая внѣшній міръ, развиваетъ сначала способность *локализовать*, а потомъ уже начинаетъ и *темпорализировать*), но и какъ опора разныхъ метафоръ для представленія другихъ, уже *не мѣстныхъ*, отношеній.

Кромѣ указаннаго обстоятельства, локалистовъ поддерживала въ ихъ теоріи троица греческихъ настоящихъ падежей, — троица, которая не только своимъ числомъ, но и массою случаевъ *дѣйствительнаго* употребленія, какъ нельзя больше шла на встѣчу удовлетворенію *именно* трехъ вопросовъ, представляющихся какъ будто главными въ опредѣленіи мѣстныхъ отношеній. Это — вопросы *идѣ*, *откуда* и *куда*. На вопросъ *идѣ* представляется отвѣчающею *дотихѣ*, на вопросъ откуда — *уеихѣ*, а на вопросъ куда — *аѣтиа-тихѣ*. На дѣлѣ оказывается, что вся эта локалистика была не болѣе, не менѣе какъ увлеченіемъ, противъ котораго выступаютъ вѣскія вопервыхъ, вовторыхъ и втретьихъ.*)

Вопервыхъ, если *дотихѣ*, *уеихѣ* и *аѣтиа-тихѣ* *дѣйствительно* отвѣчали первоначально на вопросы *идѣ*, *откуда* и *куда*, то зачѣмъ понадобились языку еще особыя формы съ окончаніями *ѣи* — *ѣеу* — *дѣ*? Не выступаетъ ли ясно

(*) Итакъ, *еще* однимъ возраженіемъ болѣе противъ локалистовъ. Мы, впрочемъ, въ нашемъ возраженіи поворачиваемъ въ совершенно иную сторону, чѣмъ другіе ихъ противники.

изъ нашихъ разсужденій, что языкъ вообще не склоненъ образовывать двѣ этимологическія формы для обозначенія одного и того же, а напротивъ, готовъ скорѣе *сокращать* число этимологическихъ формъ, если то оказывается возможнымъ, т. е. если какая нибудь форма, черезъ примѣненіе къ ней того или иного тропа, не усмотрѣннаго, быть можетъ, раньше, или вообще черезъ открытіе «близости» двухъ отношеній, способна принять на себя функцію *другой* этимологической формы. Правда, *впослѣдствіи* греческій языкъ тоже «сокращалъ», и его «сокращеніе» коснулось именно формы на *φι* (менѣ формъ на *φεν* и *φε*), но какой тутъ «тропъ» былъ примѣненъ къ *φιλ*, и какая вообще близость отношеній была открыта, это *большой* вопросъ, который и придется имѣть въ виду при изслѣдованіи падежей.

Возторжись, если греческій языкъ въ своихъ трехъ падежахъ (забудемъ на время о ихъ этимологическомъ происхожденіи, показывающемъ, что ихъ собственно больше, чѣмъ три: забудемъ и о существованіи формъ на *φι* — *φεν* — *φε*), — если онъ былъ способенъ черезъ примѣненіе метафоръ и другихъ троповъ выводить временныя, причинныя и, можетъ быть, еще какія-нибудь другія «отношенія» изъ локальныхъ, то почему не сдѣлали того же, а напротивъ, развили у себя столь много падежей языки славянскій и санскритскій, входяшіе вмѣстѣ съ греческимъ къ *одному* праязыку? Почему же самъ греческій языкъ не провелъ своего дѣла до конца и образовалъ еще какую то форму на *φιν*, функцію которой уже *впослѣдствіи* приходилось перенимать другому падежу? Или падежъ на *φιν* былъ *тоже* первоначально локальный, и вмѣсто *трехъ* падежей нужно принимать въ греческомъ языкѣ *четыре*, такъ что на какой нибудь изъ *трехъ* главныхъ вопросовъ въ греческомъ языкѣ первоначально отвѣчали два падежа сразу? Такъ, дѣйствительно, объясняетъ дѣло Hartung, который и въ латинскихъ *четырехъ* падежахъ видитъ вопросы *идь*, *куда* и *откуда*, но его объясненіе не можетъ не звучать *большою* натяжкой. Не станемъ разбирать этой натяжки, она вытекаетъ изъ сущности дѣла. Есть *три* главныхъ вопроса, представляющіе собою строгій и вполнѣ

законченный логическій рядъ, въ который не вложишь ничего четвертаго, могущаго выступить какъ выдающійся оттънокъ въ одномъ изъ этихъ вопросовъ. А если бы что нибудь такое нашлось, то зачѣмъ долженъ оттъниться *особымъ* падежемъ только *одинъ* вопросъ, и почему это недоступно и для другихъ двухъ?

Въ третьихъ, наконецъ, нельзя не упрекнуть локалистовъ въ томъ, что они недостаточно внимательно обсудили вопросъ: какую, въ самомъ дѣлѣ, роль приходится играть локальности въ *мысли*, и съ *какими* собственно *задачами* нужно было справляться языку въ виду этой ея роли? Только послѣ удовлетворительнаго отвѣта на *этотъ* вопросъ, собственно, — на вторую его половину, можно рѣшить, *какъ* языкъ *на дѣлѣ* справился съ этими задачами, и тогда локалистическая теорія, какъ сейчасъ видно будетъ, рушится сама собою.

Какъ уже выяснено въ свое время, отдѣльныя *части* временнаго пространства опредѣляются *настоящимъ* временемъ, настоящее же время, въ свою очередь, опредѣляется *прежде всего* моментомъ рѣчи, стало быть, — чѣмъ то, чего нѣтъ нужды отмѣчать *особымъ* словомъ, *особымъ* средствомъ языка, и что достаточно отмѣчено самимъ *фактомъ* говоренія, самимъ *произнесеніемъ* мысли. Затѣмъ все, что мы *попытываемъ* въ той или иной части временнаго пространства, съ тѣмъ или инымъ видовымъ оттънкомъ *развитія* «дѣйствія», — все что мы *хотимъ* или почему-либо *должны* обозначить въ языкѣ съ такою или иною временною особенностью, мы выражаемъ прежде всего черезъ *глаголъ*, т. е. черезъ ту часть рѣчи, которая въ самихъ своихъ этимологическихкихъ формахъ располагаетъ всевозможными средствами для того, чтобы дѣйствительно *выразить* эту временную особенность.

Конечно, время *чего нибудь*, *представляемаго* во временномъ пространствѣ, можно измѣрять не только моментомъ рѣчи (дождь идетъ, — идетъ въ то время, когда я *произношу* самую эту мысль, — дождь шелъ, пойдетъ дождь), но и, говоря *вообще* и имѣя въ виду не *одну oratio obliqua*,

какъ то было выше на стр. 151., какимъ нибудь *событіемъ*, также представляемымъ во временномъ пространствѣ (когда мы сидѣли дома, то шелъ дождь, — шелъ какъ разъ въ это время). Какъ ни затруднительно отыскать въ греческомъ глаголь *особыя* средства для выраженія современности, преждевременности и послѣвременности,*) тѣмъ не менѣе, однако, всякій знаетъ, что и для *этихъ* оттѣнковъ языкъ не нуждается въ какихъ нибудь *особыхъ* словахъ, которыя должны бы добавляться еще къ *имѣющимся* этимологическимъ формамъ глагола, и вопросъ только въ томъ, дѣйствительно ли оба событія, время которыхъ измѣряется другъ черезъ друга, — дѣйствительно ли они оба *выражены* глаголами.

Другое дѣло, когда событіе, когда *поѣздки*, служащее опорой для временнаго опредѣленія чего нибудь другого, выражено *именемъ*; конечно, это будетъ непременно имя *существительное*, — матеріальное ли, или формальное (какое нибудь *то ѣто*), это рѣшительно все равно (о *глагольномъ* имени мы здѣсь говорить не *будемъ*, — отчасти по причинѣ его двусторонности, отчасти потому, что оно только осложнило бы наше разсужденіе *понапрасну*, такъ какъ результатъ долженъ получиться одинаковый какъ *при* немъ, такъ и *безъ* него). Возьмемъ случай, гдѣ событіе, служащее опорой для измѣренія временной особенности чего нибудь другого, выражено черезъ существительное *эпоха* (напр., эпоха *возрожденія*). Благодаря этому существительному, языкъ становится въ новое, сравнительно съ прежнимъ, положеніе. Въ чемъ заключается это положеніе, мы выяснимъ скоро, а пока ограничимся заявленіемъ, что оно, въ смыслѣ *сложности*, является *крайнимъ* предѣломъ всѣхъ тѣхъ возможностей, съ которыми языку приходится считаться при обозначеніяхъ временныхъ оттѣнковъ и отношеній.

Совершенно иначе приходится разсуждать, когда дѣло идетъ о *мѣстномъ* пространствѣ: что составляло крайній предѣлъ и конечную сложность при обозначеніяхъ *времен-*

*) Сравни объ этомъ выше ту же стр. 151, подстрочное примѣчаніе.

ныхъ отношеній, съ того при обозначеніяхъ отношеній *мѣстныхъ* приходится *начинать*.

Прежде всего замѣтимъ, что если временное пространство рисовалось въ нашемъ представленіи безпредѣльною *линіею*, то мѣстное пространство должно рисоваться какимъ то безпредѣльнымъ *шаромъ*, т. е. чѣмъ то, идущимъ въ безконечность по *всѣмъ тремъ* измѣреніямъ. Затѣмъ, если безпредѣльная линія временнаго пространства сразу и какъ-бы сама собою распадается въ нашемъ представленіи на *три* части, то раздѣлится ли самъ собою на части безпредѣльный шаръ *мѣстнаго* пространства? Найдемъ ли мы въ этомъ шарѣ что-нибудь, похожее на »моментъ рѣчи, отмѣчаемый самимъ *фактомъ* говоренія«, — найдемъ ли въ пустомъ шарѣ что-нибудь, что раздѣляло бы его такъ, какъ моментъ рѣчи раздѣляетъ линію временнаго пространства? Нѣтъ, и уже поэтому безпредѣльный шаръ даже *не можетъ служить* мѣрою для обозначенія мѣстныхъ отношеній. Но, быть можетъ, мы этотъ безпредѣльный шаръ какъ-нибудь *ограничимъ*; быть можетъ, мы его сведемъ къ какому-нибудь шару *извѣстнаго* радіуса, къ какой-нибудь плоскости, *тоже* ограниченной, къ *линіи* предѣльной, или даже къ *точкѣ*? Тогда пришлось бы этотъ шаръ, эту плоскость, линію и точку *опять* гдѣ-нибудь помѣщать, *опять* въ чемъ-то предѣльномъ, и это предѣльное въ *новомъ* предѣльномъ, и такъ до безконечности, словомъ, мы очутились бы опять въ безпредѣльномъ шарѣ и все-таки оставались бы безъ *мѣры* для обозначенія мѣстныхъ отношеній. Мы не говоримъ уже о томъ, что эти всѣ пустыя пространства нужно бы въ рѣчи обозначить какимъ-нибудь *особымъ словомъ*, и что въ этомъ случаѣ никакіе глаголы не освободили бы насъ отъ приискиванія этихъ *особыхъ* словъ, какъ они освобождали отъ необходимости отмѣчать *особымъ словомъ* линію *временнаго* пространства.

Да, какъ уже сказано, при обозначеніяхъ мѣстныхъ отношеній языкъ долженъ начинать съ того, чѣмъ онъ при обозначеніяхъ отношеній временныхъ кончалъ. Какъ тамъ, измѣрялось время одного событія черезъ время другого, —

это можно утверждать объ опредѣленіи временныхъ отношеній вообще, ибо и *фактъ говоренія*, черезъ который измѣряется время, есть *событіе*, только событіе, не нуждающееся въ томъ, чтобы его отмѣчать особымъ словомъ, — какъ тамъ, повторяю, измѣрялось время одного событія черезъ время другого, — я говорю *«событія»*, т. е. чего то, что само *помѣщается* въ пространствѣ времени, — такъ и здѣсь мѣсто чего нибудь одного измѣряется мѣстомъ чего нибудь другого, причемъ, разумѣется, и измѣряющее и измѣряемое должны представлять собою нѣчто, что дѣйствительно *помѣщается* въ пространствѣ мѣста. Рѣка и лѣсъ, домъ и садъ, *вотъ* предметы, настоящія *оубоіаи*, черезъ которыя можно опредѣлить отношенія въ мѣстномъ пространствѣ, и разъ это *оубоіаи*, то въ языкѣ опредѣляется мѣсто *всегда* уже при помощи именъ существительныхъ, и опять таки скажемъ, что если при обозначеніяхъ временныхъ отношеній мы *эпохою* кончили, то при обозначеніяхъ отношеній мѣстныхъ мы съ *сада* начинаемъ, т. е. начинаемъ съ имени существительнаго, да не съ одного, а съ двухъ сразу. Можно, пожалуй, разсуждать, что во фразѣ *мальчикъ играетъ въ комнатѣ* приводится въ мѣстное отношеніе слово *играетъ* къ слову *комната*, но играть долженъ *кто-нибудь*, а потому и въ этой фразѣ обозначеніе мѣстнаго отношенія сводится къ двумъ *оубоіаи* (мальчикъ и комната), которыя *сами*, и притомъ *объ*, представляются нами въ мѣстномъ же пространствѣ.

Спрашивается: какіе оттѣнки приходится отличать при сопоставленіи двухъ, представляемыхъ въ пространствѣ мѣста, предметовъ и при опредѣленіи черезъ это сопоставленіе, мѣстныхъ отношеній? Очень разнообразны: то предметъ, мыслимый въ мѣстномъ пространствѣ, находится *передъ* домомъ, то *за* домомъ, то *надъ* домомъ, то *подъ* домомъ, то въ самомъ *домѣ*, то, вообще, *у* дома или, какъ говорятъ, *около* дома, то *между* домами, то *привдвигается* къ дому, то *отодвигается* отъ дома, словомъ, оттѣнковъ здѣсь столько, — и притомъ они дѣйствительно разнообразны и не поддаются переводу одного на другой черезъ какую

нибудь метафору, — что языку никакъ не справиться съ ними при помощи однихъ своихъ падежей, даже въ томъ благоприятномъ случаѣ, если они, какъ это видимъ въ санскритскомъ языкѣ, встрѣчаются въ бѣльшемъ числѣ; не говоримъ уже о троицѣ греческихъ падежей, не говоримъ о томъ, что эта троица оказалась состоятельной лишь благодаря сведенію нѣсколькихъ »отношеній« къ одному, — сведенію, которому, какъ сказано, отгѣнки *мѣстныхъ* отношеній не поддаются.

Языку, такимъ образомъ, понадобились слова новыя, новая часть рѣчи, которую древніе греки сначала подводили подъ общій, сборный терминъ *ἄρθρα* или *σύνδεσμοι*, но потомъ, весьма правильно, выдѣлили подъ особый, весьма выразительный терминъ *προθέσεις* = предлоги.

Я говорю, что предлоги *понадобились* языку; ихъ дѣйствительно замѣнить нечѣмъ, — нечѣмъ въ томъ, по крайней мѣрѣ, *готовомъ уже* языкѣ, который мы изслѣдуемъ, и въ тѣхъ *готовыхъ уже* языкахъ, которые мы привлекаемъ къ сравненію. Когда языкъ еще только созидался, то мало ли какъ онъ могъ распорядиться. Онъ могъ дѣйствительно создать столько падежей, сколько бы ихъ понадобилось въ-замѣнъ всѣхъ этихъ предлоговъ, но онъ распорядился иначе, и прибѣгъ *именно* къ предлогамъ. Положимъ, можно напр. сказать, что предлогъ *въ*, встрѣтившійся у насъ въ выраженіи *въ домъ*, указываетъ на *средину*. Слово *средина* есть уже *имя*, есть поименованіе *τῆς οὐσίας*, чего то *самостоятельно* мыслимаго *внѣ* рѣчи и только *поддающагося* соединенію въ связной мысли, — есть *имя существительное*, есть *названіе внѣ* рѣчи того, на что предлогъ »въ« *въ рѣчи* только *указываетъ*. Разъ такое названіе нашлось, то можно *имѣ* или, точнѣе говоря, какимънибудь его падежемъ, замѣнить предлогъ. Такъ, вмѣсто *въ саду* русскіе говорятъ, хотя все же съ нѣкоторымъ новымъ отгѣнкомъ, *среди сада*; *среди* есть несомнѣнно *падежъ* имени *существительнаго*, — существительнаго *среди*, образованнаго по аналогіи существительныхъ *глубь*, *ширь* и др. Но есть такіе предлоги, — между приведенными выше они со-

ставляютъ большинство, которые *»указываютъ въ рѣчи«* на нѣчто, чему *»въ рѣчи названія«* не приищешь. Какъ напр. назвать именемъ существительнымъ то, на что указываетъ предлогъ *надъ* въ выраженіи *надъ домомъ*?

А теперь мы и можемъ вернуться къ нашей *»эпохѣ (возрожденія)«,* чтобы окончить, чего мы раньше не досказали. Если средства, которыми наше воображеніе располагаетъ для представленія *самого временнаго пространства,* въ сущности одинаковы съ тѣми, черезъ которыя мы представляемъ пространство мѣста; если линія, черезъ которую мы представляемъ *самое время,* есть та же геометрическая величина, какъ пустой шаръ или иное въ этомъ родѣ, черезъ что мы представляемъ самое пространство мѣста: то и временныя *»отношенія«,* т. е. такое или иное сопоставленіе *событій,* помѣщаемыхъ въ пространствѣ времени (сравни выше стр. 226), могутъ быть выражены черезъ тѣ же синтаксическія схемы, *если только* сами событія обозначены черезъ имена существительныя, а не при посредствѣ *глаголовъ*; я говорю *»при посредствѣ«* глаголовъ, а не *»черезъ«* глаголы, такъ какъ глаголь *кромя* событія или *»дѣйствія«* отиѣчаетъ въ себѣ еще и лицо, которому это событіе присуждается, и служитъ выраженіемъ самого *присужденія,* съ отнесеніемъ его къ тому или иному времени и съ обозначеніемъ той или иной его *квалитативности.* Такимъ именемъ существительнымъ является наша *»эпоха (возрожденія)«. А* потому мы и при измѣреніи времени *одного* событія черезъ время другого можемъ употребить предлоги и сказать: *до* эпохи (возрожденія) случилось *то-то,* *въ* эпоху (возрожденія) случилось *то-то* и т. д. Для обозначенія *мѣстныхъ* отношеній необходимы были *два* имени существительныхъ, такъ какъ требовались для этого и двѣ *одѣи;* здѣсь *второе* существительное не есть *conditio sine qua non.* Хотя въ приведенныхъ нами примѣрахъ и можно, пожалуй, найти второе существительное, — во фразѣ *въ эпоху возрожденія случилось то-то* слово *то-то* есть формальное имя *существительное,* — но мы могли бы также сказать *въ эпоху (возрожденія) развилось (искусство въ та-*

комъ то направленіи); ибо предлогъ ставится и при обозначеніи *временныхъ* отношеній только при *одномъ* существительномъ, не иначе какъ и при обозначеніи *мѣстныхъ* отношеній, а потому тутъ только *одно* существительное и необходимо, *второе* же событіе можетъ перейти въ глаголъ, *) т. е. въ такую часть рѣчи, въ которую ужъ никакъ не можетъ перейти предметъ, представляемый въ *мѣстномъ* пространствѣ, другими словами, — въ которую ужъ никакъ не можетъ превратиться *второй* предметъ, необходимый при опредѣленіи *мѣстныхъ* отношеній. **) Разумѣется, во фразѣ *въ эпоху (возрожденія) развилось (искусство въ такомъ то направленіи)* само *опредѣленіе временныхъ отношеній*, о которомъ въ настоящее время идетъ рѣчь, относится не ко *всему* глаголу *развилось*, а только къ слову *развитіе*, т. е., чтобы возвратиться къ нашей симасиологической схемѣ глагола, къ члену *а* этой схемы, даже, пожалуй, безъ залоговыхъ и видовыхъ ея отгѣнковъ.

Вотъ гдѣ, собственно, языкъ получаетъ *настоящее* средство для обозначенія преждевременности, современности и послѣвременности; это — въ самихъ *предлогахъ*, когда хоть *одно* изъ сопоставляемыхъ между собою «дѣйствій» или событий выражено именемъ *существительнымъ* (*до эпохи, въ эпоху, метὰ τῆς κατὰστασις*). Сопоставляя событіе съ событіемъ, мы часто думаемъ не только о *временныхъ* отношеніяхъ этихъ событий, но еще и кое о чемъ другомъ, и предлоги, такимъ образомъ, дѣлаются невольными выразителями этого другого. Что же мы вносимъ еще въ такое сопоставленіе событія съ событіемъ? Это —

1. при отгѣнкѣ преждевременности *причинная* связь, т. е. психо-логическая ***) *последовательность* (*послѣ*

*) Въ переводѣ на языкъ механическихъ правилъ это значить, что «предлоги могутъ встрѣчаться и *послѣ глаголовъ*».

**) На стр. 97 мы, — выражаюсь брахипоэтически, — не изъ дерева дѣлали глаголъ, а только изъ его признаковъ.

***) Мы сказали бы «логическая», но логика, *формальная* логика, «причины» не знаетъ. Греческихъ примѣровъ я тутъ не привожу потому, что мы греческихъ предлоговъ еще не разбирали.

этихъ *словъ* я ожидаю отъ него самаго правильнаго *отношенія* къ дѣлу), а то и психо-логическая *непоследовательность* (*послѣ* этихъ словъ, дышащихъ честностью, онъ совершилъ такое грубое *впроломство*).

2. При отгнѣнкѣ современности — также причинная связь *обоихъ* родовъ (*закитѣла* у него работа *при* спокойномъ настроеніи духа; какъ это онъ, *при* свойственной ему *энергии*, выказалъ такую *неръшимтельность* въ данномъ дѣлѣ!), но кромѣ того и представленіе »сопутствующаго обстоятельства,« т. е. чего то, *подчиненнаго* главному событію и придающаго послѣднему известную *окраску* (эти слова были *сказаны* при больномъ стеченіи народа), а то и просто представленіе »образа« дѣйствія (эти слова были *сказаны съ раздраженіемъ*).

3. При отгнѣнкѣ послѣвременности — опять таки *причинная* связь, которая въ данномъ случаѣ сводится къ представленію *црли*, если само послѣвременное событіе еще не исполнилось (*мѣропріятія къ уничтоженію* зла), или же къ представленію *слѣдствія*, если послѣвременное событіе уже исполнилось (онъ *трудился съ* большою пользою для дѣла); возможно тутъ и представленіе *предѣловъ* »образа« дѣйствія (онъ *занимается до* изнеможенія).

Конечно, временныхъ отгнѣнковъ гораздо меньше, чѣмъ отгнѣнковъ мѣстныхъ, которыхъ такъ много, что даже предлоговъ не хватаетъ для ихъ обозначенія. Хорошо еще, если въ языкѣ находится слово, *поименовывающее* то отношеніе, которое нужно выразить въ мѣстномъ отгнѣнкѣ. Выше мы нашли слово *средь*, надежемъ котораго можно было замѣнить до *нѣкоторой* степени или, точнѣе говоря, съ нѣкоторымъ *плюсомъ* въ отгнѣнкѣ, *существующій* предлогъ. Въ иныхъ случаяхъ выступили такія »названія« отношеній, что въ предлогѣ языкъ даже не ощущалъ нужды и *не вырабатывалъ* ихъ, полагаясь на имена существительныя, т. е. на эти »названія отношеній«. Примѣръ такого явленія представляетъ русское *кругъ* въ выраженіи *кругомъ стола*. Въ большинствѣ же случаевъ, — особенно, когда нужно выразить болѣе сложный отгнѣнокъ, — приходится сочетать тотъ же

предлогъ съ именемъ существительнымъ. Такъ, говорятъ *вблизи* (въ + близъ) *стола*, *около* (о + коло) *стола*, *посреди* (по + средъ) *стола*, а то даже *вдали отъ* (въ + даль + отъ) *стола*. Сочетаютъ и предлогъ съ предлогомъ; сравни *изъ-подъ стола*. Этимъ же приемомъ пользуется языкъ (нужды особенной въ этомъ не было, но разъ приемъ выработался въ одномъ случаѣ *по необходимости*, то почему же имъ не воспользоваться и для другихъ случаевъ), — пользуется, повторяю, и для обозначенія *временныхъ отгѣнковъ*: *по окончаніи войны*, *во время войны* и т. д.

Мы слышимъ возраженіе: оборотъ *по окончаніи* не есть то же самое, что выраженіе *около*; слово *окончаніе* есть самостоятельное и *дѣйствительное* имя существительное, а слово *коло* въ смыслѣ *самостоятельнаго* имени существительнаго *не употребляется*. Да, не употребляется, но и только, а *предположить* его во всякомъ случаѣ можно, дальнѣйшее же можетъ быть выяснено лишь въ концѣ нашего изслѣдованія, когда мы дойдемъ до такъ называемыхъ »нарѣчій«.

До сихъ поръ мы говорили о сопоставленіи, при посредствѣ предлоговъ, предметовъ, мыслимыхъ въ *мѣстномъ* пространствѣ, и событій или дѣйствій, мыслимыхъ въ *временномъ* пространствѣ. А если сопоставить *качество* съ *качествомъ*, или *количество* съ *количествомъ*, или *число* съ *числомъ*, не въ видѣ *признаковъ* чего нибудь и не въ формѣ признаковыхъ именъ, а какъ *объясъ*, *самостоятельно* мыслимыя и выраженныя черезъ имена *существительныя*; если сопоставить напр. доброту (одного человѣка) съ добротой (другого), или широту (одного предмета) съ широтою (другого), вообще *геометрическую* величину съ *геометрическою* же величиною, или пятерку съ сотнею: то представимъ ли, чтобы доброты-широты-такое то число стояли *надъ* другими доброты-широты-числомъ, или *подъ* ними, или *шли* съ ними рядомъ, или *за* ними, или *приближались къ* нимъ, или *удалялись отъ* нихъ? Конечно — да, и не только доброты-широты-число могутъ быть *измѣряемы другъ черезъ друга* при посредствѣ предлоговъ, но и *сами люди*, *сами пред-*

меты, сами *кучи* могутъ, при посредствѣ предлоговъ, быть сравниваемы другъ съ другомъ по качеству, количеству и числу. Такъ далеко заходитъ метафористика предлоговъ, придуманныхъ первоначально для обозначенія *мѣстныхъ* отношеній.

Да, мы такъ таки не избѣгли этихъ крайне деликатныхъ вопросовъ о *»постепенномъ развитіи«* если не надежей, то частей рѣчи, и хотя мы не рискуемъ утверждать, что предлоги были выработаны языкомъ раньше другихъ частей рѣчи, но мы въ правѣ сказать, что предлоги удовлетворяютъ самую *примитивную* потребность въ движеніи человѣческой мысли; ибо локализованіе есть нѣчто, что у человѣка, кажется, не только предшествуетъ темпорализованію, но вообще, какъ у ребенка, такъ и, надобно полагать, въ *»историческомъ«* человѣкѣ развивается и развивалось очень рано и чуть ли не сразу во *всей* той сложности, которую мы нарисовали, быть можетъ, и не сполна, на стр. 228. Согласно тому, что предлоги должны были быть, такъ сказать, изготовлены на скорую руку, чтобы удовлетворить насущную и первую потребность человѣка, — согласно этому они и носятъ характеръ *неразвитыхъ*, если такъ можно выразиться, словъ. Какое нибудь *за*, или *по*, *въ*, *о*, *на* и т. д. не имѣютъ ни *малѣйшаго* признака флексіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ они чувствуются какими то *чисто* указательными словами, чуть ли не требующими, чтобы ихъ сопровождалъ жестъ, *»наглядно«* показывающій то мѣстное отношеніе, которое ими самими выражено. И конечно, разъ они были на лицо, то въ падежахъ, какъ выразителяхъ *мѣстныхъ* отношеній, языкъ *не нуждался*, а если онъ все-таки выработалъ падежи, то это значить, что они ему были нужны для чего то другого. Для чего?

Теорію Румшеля мы отвергли. Теорію Hartung'a тоже. Другіе теоретики представляютъ намъ по вопросу о падежахъ какую то смѣсь изъ локалистики и Беккеризма, быть можетъ, и съ прибавленіемъ еще чего то *третьяго*, но во всякомъ случаѣ желательно было бы — и отъ локалистики, и отъ Беккеризма *совсѣмъ* освободиться. При этомъ нужно

замѣтить, что упомянутая смѣсь проявляется въ теоріи о падежахъ не въ томъ смыслѣ, что одинъ падежъ опредѣляется съ Беккеровской точки зрѣнія, другой съ локалистической, третій съ третьей, а что въ каждомъ отдѣльномъ падежѣ проведены *разныя* начала. Это разнообразіе началъ доводитъ до слѣдующаго разсужденія: Es ergiebt sich von selber, — говоритъ Курціусъ (Erl. 160), — dass wir uns vor allzu scharfen Definitionen der einzelnen Casus und vor dem Wahne zu hüten haben, als bestände die Wissenschaftlichkeit der Darstellung darin, die Mannigfaltigkeit des Gebrauchs durch gewaltsame Mittel auf eine strengfesthaltene eng umgränzte Einheit zurückzuführen. *Плачевное* состояніе der wissenschaftlichen Darstellung!

Лучше всего справляется съ этимъ разнообразіемъ Hübschmann. Онъ накладываетъ на всѣ падежи схему очень строго выдержанную и простую. Разобравъ всю исторію теоріи падежей, начиная отъ греческихъ грамматиковъ-философовъ и вплоть до нашего времени, онъ говоритъ (Casusl. 131-7): Die Casus zerfallen in grammatische und nicht grammatische. Erstere sind Nominativ, Accusativ, Genitiv, letztere Locativ, Dativ und Instrumental. Zu welchen von beiden der Dativ seiner ursprünglichen Bedeutung nach gehört, ist noch zweifelhaft. Durch den Nominativ wird das Nomen als Subject des Satzes bezeichnet . . . Der Accusativ giebt das Wort in seiner allgemein abhängigen, obliquen Stellung im Satze, durch die es ganz allgemein als zum Prädicat gehörig bezeichnet wird. Welcher Art diese Zugehörigkeit sei, welche die logisch bestimmte Beziehung des Nomens zum Verbum sei, wird durchaus nicht angedeutet und ist aus der grammatischen Form schlechterdings nicht zu ersehen . . . Im Genitiv erscheint etymologisch der Nominalbegriff nicht rein an sich, sondern in *Beziehung* und zwar in enger Beziehung zu etwas Anderem. Dieses Andere ist ein Demonstrativ-Pronomen und deutet als solches naturgemäss auf ein Nomen (стало быть, когда я говорю *дерева*, то слово *дерева* имѣетъ отношеніе къ словамъ *то-то*, *вотъ это*, *вотъ что*, и эти слова *то-то* и т. д. указы-

вають на какое нибудь *кусокъ, ростъ* и т. п.). Je nachdem dieses Nomen gesetzt ist oder nicht, erscheint der Genitiv als adnominal oder adverbial, ist aber doch *eigentlich adnominal* (стало быть, если я говорю *дай хлѣба*, то слово *хлѣба*, хотя и зависитъ отъ глагола *дай*, но собственно имѣетъ отношеніе къ слову, напр, *кусокъ*) . . . Die nicht-grammatischen Casus, Locativ, Ablativ, Instrumental dienen zum Ausdruck des *Wo, Woher, Womit* in räumlicher, zeitlicher und übertragener Beziehung . . . Der Dativ könnte in einigen seiner Gebrauchsweisen sehr gut als Wohincasus gefasst werden. Er würde dann den neben den Casus des *Wo* und *Woher* uns fehlenden Casus des *Wohin* ersetzen und seinen Gegensatz im Ablativ finden . . . In anderen Fällen erscheint freilich der Dativ als der Casus, welcher ausdrückt, dass dem Nomen die Aussage des Prädicats oder des ganzen Satzes gelte, und es ist schwierig diese Bedeutung aus der des *Wohin* plausibel herzuleiten.

Какъ видно, Hübschmann справляется со всѣмъ разнообразіемъ въ теоріи падежей такимъ образомъ, что для однихъ онъ отводитъ Беккеровское, а для другихъ локалистическое начало! Мы сказали, что онъ справился съ нимъ *хорошо*. Но послѣ нашихъ разсужденій, я думаю, всякій скажетъ, что онъ сдѣлалъ въ сущности то же, что дѣлають съ гнилымъ зданіемъ, когда подставляютъ подъ него *подпорки*. Только *подпорки* у него хороши, а зданіе осталось гнилымъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что если бы пришлось эту теорію провести по всѣмъ *фактамъ*, то съ нею выйдетъ почти то же самое, что вышло у Кюнера съ примѣненіемъ къ фактамъ теоріи Румпеля.

Послѣдній синтаксистъ нашего времени, Дельбрюкъ, весьма обязанный многимъ изъ своего ученія о падежахъ, какъ на то самъ указываетъ, знаменитому Раѣни и постоянно ссылающійся на высокоцѣнное имъ сочиненіе своего же ученика Gädicke (Accus.), высказывается о падежахъ такъ (см. Grundr. III. 182—188):

Der Ablativ bezeichnet den Ausgangspunkt der Handlung.

Der Locativ bezeichnet das *in innerhalb* des Raumes.

In den Instrumentalis trat derjenige Substantiv-begriff, *mit dem zusammen* der Träger der Handlung diese vollzog.

Особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на слова Дельбрюка, относящіяся къ Dativ'у (Grundr. III. 185): Ich habe K. Z. 18. 100 ff. ausgeführt, dass die Grundlegung des Dativs sei: die körperliche Neigung nach etwas hin, und habe deutlich zu machen gesucht, wie dieser Casus oder eigentlich die in ihm enthaltene *Präposition* wohl in der Urzeit entstanden sein möchte. Da ich jetzt *ein entschiedenes Misstrauen gegen glottogonische Hypothesen* hege (ими вообще злоупотребляютъ въ области синтаксиса) und nicht mehr glaube, dass sich aus den Casus Präpositionen loslösen lassen (*да предложи ли, въ самомъ дѣлѣ, падежныя окончанія?*), so fällt diese Darlegung jetzt für mich nicht mehr ins Gewicht. *Auch von einer allgemeinen Vorliebe für lokalistisch gefärbte Erklärungen*, die ich damals wohl hatte, *weiss ich mich jetzt frei*; und ich sehe mich daher jetzt bei der Entscheidung zwischen den beiden Möglichkeiten der Auffassung lediglich auf eine Befragung der Überlieferung angewiesen. Diese aber scheint mir für die *geistige* Auffassung zu entscheiden. Es spricht für sie der Umstand, dass in den Dativ ganz überwiegend *Personen* treten.*

Въ Genitiv'ѣ Дельбрюкъ различаетъ употребленіе при глаголахъ и употребленіе при именахъ. При глаголахъ, по его мнѣнію, Genitiv имѣетъ мѣсто, wenn der Verbalbegriff nicht auf den *vollen* Umfang des Substantivs bezogen werden sollte (стр. 187.), а о Genitiv'ѣ при именахъ онъ выражается такъ (стр. 333.): Von der Kategorie des partitiven Genitiv kann sich der sonstige adnominalen Genitiv entwickelt haben. Wer mir in dieser Auffassung nicht folgen mag, wird wenigstens so viel zugestehen, dass es nicht angeht, zum Verständniss des adnominalen Genitiv einen allgemeinen schattenhaften Begriff der Zugehörigkeit an die Spitze zu stellen, aus dem dann die einzelnen Gebrauchsweisen zu deduciren wären.

In den Accusativ tritt derjenige Substantivbegriff, welcher von dem Verbalbegriff *am nächsten und vollständigsten betroffen wird*. In dieser Fassung liegt zugleich ein

Gegensatz gegen andere Casus angedeutet, und zwar in dem Worte *betroffen* der Gegensatz gegen Nominativ (въ Nominativ'ѣ Дельбрюкъ видитъ нѣчто, что не есть *betroffen*, а само »*betrifft*«), im *nächst* gegen Dativ (на Dativ указывается черезъ это противопоставленіе какъ на »*дальнѣйшее* дополненіе«), im *vollständigst* gegen Genitiv (имѣется въ виду *partitiv'ность* Genitiv'a).

Итакъ, — нѣчто, какъ *точка исхода* для дѣйствія; *внутреннее пространство* того или иного »нѣчто« (нельзя сказать, чтобы тутъ имѣлся въ виду вопросъ *идъ*; на вопросъ *идъ* можно отвѣтить и указаніемъ на *поверхность* и мало ли еще чѣмъ); нѣчто, какъ *содѣйствующее* дѣятелю; нѣкто (in den Dativ treten ganz überwiegend Personen), какъ *имѣющій »дальнѣйшее отношеніе«* къ дѣйствию (собственно, тутъ сказано не къ дѣйствию, а *zum Verbalbegriff*); нѣчто въ *частичномъ* своемъ видѣ (это, впрочемъ, сказано о Genitiv'ѣ не съ достаточною твердостью, по крайней мѣрѣ, не съ достаточною твердостью въ случаяхъ *adnominal'наго* положенія Genitiv'a); нѣчто, какъ *непосредственно и spolna затронутое* дѣйствіемъ (von dem Verbalbegriff), — вотъ формулировки Дельбрюка для выясненія значеній Ablativ'a, Locativ'a, Instrumental'a, Dativ'a, Genitiv'a и Accusativ'a. Тутъ *впервые*, т. е. впервые въ разработкѣ всѣхъ падежей *вмѣстѣ*, всей падежной системы, нѣтъ ни Беккеризма, ни локалистики.

Нельзя сказать, чтобы спекулятивная сторона въ трудѣ Дельбрюка была особенно развита. Что же касается самихъ *фактовъ*, т. е. того *фразеологическаго* матеріала, который имѣетъ отношеніе къ опредѣленію значенія падежей, то употребленіе *предлоговъ* съ тѣмъ или инымъ падежемъ у Дельбрюка *совсѣмъ* не принято во вниманіе, когда онъ рѣшаетъ эту важную симасіологическую задачу. Дельбрюкъ въ данномъ случаѣ поступаетъ такъ, какъ поступаютъ обыкновенно составители грамматикъ. Предлоги и у него разбираются тогда, когда задача объ опредѣленіи значенія падежей уже рѣшена. Мы намѣрены съ предлоговъ и ихъ падежей *начать*. Съ одной стороны мы думаемъ черезъ

это воздержаться отъ локалистическихъ увлеченій въ теоріи *падежей*, такъ какъ локалистику, судя по всѣмъ нашимъ разсужденіямъ, вполне удовлетворяютъ *сами предлоги*, а съ другой — группа предлоговъ — очень невелика, по численности своей совершенно опредѣленна, слѣдовательно, — и вполне *обозрима*, а это чрезвычайно важно для самихъ падежей. Намъ представляется, что если мы пойдемъ по намѣченному здѣсь плану, то все наше дѣло сведется къ формулѣ математическаго уравненія $A = b \times x$. Буква A въ этой формулѣ обозначаетъ общую мысль, выраженную предлогомъ и его падежемъ, и эту общую мысль, кажется намъ, легче будетъ усвоить въ *предлоговыхъ* оборотахъ, чѣмъ въ остальномъ фразеологическомъ матеріалѣ, — легче будетъ его усвоить въ нихъ опять таки по *обозримости* ихъ фразеологическаго матеріала.*) Подъ буквою b въ нашей формулѣ отмѣчены *сами предлоги*, легко опредѣлимые *помимо* падежей (раньше сказано, что предлоги какъ будто въ падежныхъ флексіяхъ и не нуждаются). Такимъ образомъ, буква x въ нашей формулѣ легко можетъ оказаться *настоящимъ* x , то есть *дѣйствительно однимъ* только *«неизвѣстнымъ»* во всемъ уравненіи, и очень можетъ быть, что намъ удастся кое-гдѣ хоть отчасти *рѣшить* это неизвѣстное. Правильнъ ли будетъ нашъ результатъ или нѣтъ, но мы предупреждаемъ, что онъ будетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ иной, чѣмъ у Дельбрюка.

Итакъ, мы не окончили еще *одной* части рѣчи и переходимъ къ другой. Такъ насъ ведетъ самое дѣло. Поэтому мы и назвали настоящей отдѣлъ *первымъ* отдѣломъ объ имени. За разборомъ предлоговъ послѣдуетъ *второй* отдѣлъ объ имени. Переходимъ къ предлогамъ.

*) Этотъ фразеологическій матеріалъ прекрасно подготовленъ всевозможными словарями, начиная съ капитальнѣйшаго труда Н. Etienne.

Предлоги.

'Εν — εἰς — ἐξ. 'Εν указываетъ на нахождение чего-нибудь въ предметѣ, εἰς, — на движеніе — опять таки *»чего нибудь«* — въ предметъ, а ἐξ — на движеніе чего нибудь изъ предмета. Во всѣхъ трехъ случаяхъ самъ предметъ, — а къ названію его, т. е. къ его имени *существительному*, и присоединяется тотъ или иной изъ нашихъ трехъ предлоговъ, — оказывается *»помѣщающимъ«* въ себѣ то *»что-нибудь«*, о которомъ мы въ каждомъ изъ этихъ случаевъ упоминали рядомъ съ *»предметомъ«*.

Если *»помѣщающимъ«* предметомъ является рядъ индивидуумовъ, то *»помѣщаемое«* представляется чѣмъ-то, *разрѣзающимъ* этотъ рядъ: ἐν ἀνδράσι = среди мужей, εἰς ἀνδρας = среди мужей, ἐξ ἀνδρῶν = изъ среды мужей.

Если *»помѣщающій«* предметъ является плоскостью (такую напр. можетъ представлять земля), или линією (напр. какое-нибудь *»событіе«*, совершающееся во *временномъ* пространствѣ; точно также напр. подъ πόντος Εὐξείνουσ можно разумѣть не море, а *берегъ* моря, т. е. линію), то *»помѣщеніе«* на немъ относится къ *центру* или, лучше сказать, не къ *краю* этой плоскости и не къ конечной точкѣ этой линіи: ἐν τῇ γῆ = на землѣ, ἐκ τῆς γῆς = съ земли, εἰς τὴν γῆν = на землю, ἐν τῷ δείπνῳ = во время обѣда, πόλις οἰκουμένη ἐν τῷ Εὐξείνῳ πόντῳ = городъ, устроившійся на Евксинскомъ понтѣ, т. е. на его берегу.

Но »предметъ«, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, можетъ представляться и точкою. Тогда вообще о »помѣщеніи« *трудно* говорить (ибо какъ можетъ »помѣщать« въ себѣ что нибудь *точка?*), и ἐξ указываетъ просто на »предметъ« какъ на terminus a quo, а εἰς — на »предметъ« какъ на terminus ad quem (предлогъ ἐν до такого *ослабленія* или, лучше сказать, *полнаго уничтоженія* представления о »помѣщеніи« не дошелъ). Такъ, говорятъ напр.: ἐκάλυψε κεῖνὸν εἰς πόδας ἐκ κεφαλῆς (II. ψ 168) = съ головы до ногъ; ἐκ ῥαθυμίας = отправляясь отъ легкомыслія = вслѣдствіе легкомыслія; ἐκ δεύρου = съ обѣда = послѣ обѣда; εἰς ἑσπέραν = до (самаго) вечера. *Точкою* представляется, несомнѣнно, та цифра, которою мы опредѣляемъ крайній предѣлъ какого нибудь числа, когда мы его *не проверили* и *не сосчитали* по единицамъ (εἰς χιλίους = до тысячи = не больше тысячи = около тысячи). Представленіе *точки*, повидимому, вызывалось у грековъ всѣми тѣми случаями въ родѣ »ἀμέλεια εἰς τὸ πρᾶγμα«, въ которыхъ εἰς чувствуется въ значеніи русскаго »касательно чего нибудь« (русское *касательно*, думаемъ, вполне способно нарисовать ту картину, которую въ данномъ случаѣ рисуетъ греческое εἰς).

При ἐξ ставится *уеиχῆ*, при ἐν — *δοτιχῆ*, а при εἰς — *ἀπιατικῆ* πτῶσις. Было бы опрометчиво выводить изъ этого заключеніе, что *уеиχῆ* обозначаетъ *удаленіе*, *δοτιχῆ* — *спокойствіе* и *ἀπιατικῆ* — *придвиженіе*. Удаленіе, спокойствіе и придвиженіе обозначены самими предлогами ἐξ, ἐν и εἰς, а если при одномъ изъ нихъ стоитъ такой, а при другомъ иной падежъ, то это обстоятельство имѣетъ для насъ лишь тотъ смыслъ, что *уеиχῆ*, *δοτιχῆ* и *ἀπιατικῆ* идутъ своими значеніями, такъ сказать, *навстрѣчу* предлогамъ и, съ своей стороны, содѣйствуютъ нарисованію *общей* картины, вызвавшей появленіе *предлога*. Они идутъ, — такъ нужно разсуждать *пока*, чтобы не сдѣлать ошибки, — *навстрѣчу* предлогамъ не иначе, чѣмъ идутъ имъ *навстрѣчу сами глаголы*, появляющіеся при нихъ. Можно ли сказать, что »ἔπαιζον« въ выраженіи »ἔπαιζον ἐν τῇ παλαίστρᾳ« есть глаголъ

спокойствія? И если бы мы, позволивъ сбить себя предлогомъ *ἐν*, даже и рѣшились согласиться съ этимъ, то насъ бы застала врасплохъ фраза *ἔπαιζον εἰς τὴν ἐσπέραν*. А въ выраженіи *ἦλθον ἐκ τῆς πόλεως*, можно ли *ἦλθον* назвать глаголомъ удаленія? Хорошо, если *ἦλθον* осложнится въ *ἐξἦλθον*; но стоитъ послѣднему появиться въ сочетаніи *ἐξἦλθον εἰς τὴν πόλιν* (*ἐξέπεσον εἰς τὰ ὄρη*), и мы опять въ недоумѣніи. Кстати замѣтимъ, что этихъ глаголовъ можетъ и не оказаться. Сравни *οἱ ἐν τῇ πόλει, οἱ ἐκ τῆς πόλεως* = *никіе люди* (это выражено въ формальномъ существительномъ *οἱ*; объ этомъ, впрочемъ, ниже), *πребывающие въ* (это выражено въ *ἐν*) *городѣ*, — *исшедшіе изъ* (это выражено въ *ἐκ*) *непріятельской земли*.

Да, изъ того, что падежи своими значеніями «идутъ навстрѣчу предлогамъ ради достиженія *общей картины*», не нужно пока *ничего* извлекать для *опредѣленія* этихъ значеній. Есть даже случаи, гдѣ мы недоумѣваемъ, какъ *понять* эту общую картину, и падежи, несмотря на то, что «идутъ навстрѣчу предлогамъ» и могли бы насъ освободить отъ этого недоумѣнія своимъ значеніемъ, молчать, — по крайней мѣрѣ, *пока*. Мы не знаемъ, напр., какъ толковать извѣстное омировское *τρὶς δὴ τίκτι μῆλα τελεσφόρον εἰς ἐνιαυτόν* (Od. δ 89). Или *ἐνιαυτός* есть точка, т. е. подъ *ἐνιαυτός* нужно разумѣть *окончаніе* года, а тогда *εἰς ἐνιαυτόν* имѣетъ значеніе *вышеприведеннаго εἰς ἐσπέραν* (= три раза до окончанія года), или это *линія*, т. е. подъ *ἐνιαυτός* нужно разумѣть *полный* годъ. Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, *εἰς*, обозначая вхожденіе троекратнаго рожденія въ эту линію, получило бы отъ *падежа* слова *ἐνιαυτός*, т. е. отъ самой *αἰτιατικῆς*, нѣчто весьма *цѣнное* для нарисованія общей картины, а именно, что *все* протяженіе линіи, намѣченной словомъ *ἐνιαυτός*, только *три* раза имѣетъ соприкосновеніе съ *τόκοι*; другими словами, *αἰτιατικῆς* обозначала бы, что выраженнымъ въ ней предметомъ, во *всемъ* его объемѣ и *цѣликомъ* распорядилось *извѣстнымъ* образомъ то явленіе, которое указано *ἐν τῆς αἰτιατικῆς*. Въ самомъ дѣлѣ, если

принять *ἐν αὐτός* за линію, то вся фраза несомнѣнно имѣть смысл русскаго *три раза* »вз годъ« *рождаются μῆλα*, т. е. *на всемъ протяженіи происходитъ нѣчто три раза*, и внесеніе въ общую картину представленія о *всемъ* протяженіи ужь никакъ не было бы вызвано предлогомъ *εις*, а выпало бы на долю именно »идущей ему на встрѣчу« *ἀπιατικῆ*.

Все это разсужденіе объ *έν — εις — εἰς* ведетъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ:

Предлоги *έν — εις — εἰς*, говорили мы, прибавляются къ названіямъ *предметовъ*, т. е. къ именамъ существительнымъ. Умѣстность предлоговъ *исключительно* только передъ существительными вытекала также изъ всѣхъ разсужденій, помѣщенныхъ выше на стр. 228. А между тѣмъ здѣсь мы наткнулись на фразу *εις χιλίους* (*εις χιλίους ἐγένοντο οἱ στρατιῶται*), гдѣ *εις* прибавлено къ *признаковому* слову. Что появленіе этого признаковаго слова не подрываетъ общаго положенія о предлогахъ, выяснить нетрудно. Какъ мы на стр. 231 извлекли изъ слова *развились* слово *развитіе*, такъ и здѣсь изъ слова *χιλίοι* можно извлечь то, чего въ русскомъ языкѣ даже *извлекать* не нужно, такъ какъ въ немъ *нѣтъ* другого слова кромѣ *существительнаго* »тысяча«. На стр. 207. мы указывали на то, что *всякое* число, даже если оно не принадлежитъ къ *признаковымъ* словамъ, а относится къ »счетной« части рѣчи, можетъ превратиться въ *существительное, совершенно* наравнѣ съ словами *добрый, красивый*, превращающимися въ *доброта, красота*. Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что во фразѣ *εις χιλίους ἐγένοντο οἱ στρατιῶται* самый *предѣлъ*, выраженный въ словахъ *εις χιλίους*, касается »числа« какъ *таковаго*, а вовсе не числа какъ *признака*. А если бы кому нибудь захотѣлось отнести его, этотъ предѣлъ, *именно* къ признаку, то онъ его долженъ отнести къ признаку *чего нибудь*, и тогда не можетъ не примѣнить къ примѣру, вызвавшему настоящее разсужденіе, той формулировки, которую мы сообщили на стр. 233.: не только доброта — широта — число могутъ быть измѣряемы

другъ черезъ друга при посредствѣ предлоговъ, но и сами люди, сами предметы, сами кучи могутъ, при посредствѣ предлоговъ, быть сравниваемы другъ съ другомъ по качеству, количеству и числу. Другими словами, если фраза *οἱ στρατιῶται ἐγένοντο εἰς χιλίους* (разумѣй *στρατιῶτας*) не заставила слушателя (точнѣе: во время произнесенія ея не успѣла заставить) извлечь изъ «*χιλοὶ*» число какъ таковое, то онъ долженъ отнестн предлогъ *εἰς* къ существительному *στρατιῶτας**) и относитъ его съ такимъ же правомъ, съ какимъ во фразѣ наши ученики довели себя до хорошихъ учениковъ всякій отнесетъ предлогъ *до* къ существительному *учениковъ* (положимъ, такой фразы никто не говорить, но общему смыслу языка она не противорѣчитъ).

То «что-нибудь», которое при посредствѣ предлога сопоставляется съ предметомъ, присоединяющимъ этотъ предлогъ къ своему «существительному», — должно быть также *ὅν*, хотя бы это *ὅν* пришлось извлекать изъ глагола, что и наблюдается въ вышеприведенныхъ примѣрахъ на *ἐν* — *εἰς* — *εἰς*: съ головы до ногъ идетъ *κάλυψις*; до вечера тянется *παιδιά*; въ городъ и въ горы двинулись они, т. е. «лица» формъ *ἡλθον* и *εἰς ἔπεσον*; въ городѣ находятся и изъ непріятельской земли «исходятъ» *οἱ*, а это, какъ сказано, формальное существительное; до «*ἐναντός*», — если «*ἐναντός*» принять за точку, — до *ἐναντός*, говорю, «доходятъ» разы (въ нашемъ примѣрѣ этихъ «разовъ» *τρое*, но ихъ могло быть или больше, или меньше), а если «*ἐναντός*» принять за линію, то въ немъ опять помѣщаются «разы» (да, слово *τρίς*, какъ увидимъ въ отдѣлѣ о такъ называемыхъ «нарѣчійхъ», есть имя существительное, и мы нарочно прибѣгли здѣсь къ русскому *разъ* — *раза* — «разы»,** такъ какъ и оно есть существительное). Словомъ, *вездѣ* мы или находимъ, или можемъ извлечь — определенное существительное, являющееся не-

*) Хотя слово *στρατιῶτας* и «подразумѣвается», но это — не эллипсисъ (ср. стр. 54).

** Этимъ «разы», въ свою очередь, относятся въ нашемъ примѣрѣ *τρίς* *τίκται εἰς ἐναντόν* къ «рожденію».

обходимымъ спутникомъ того, которое приставлено къ предлогу. Только въ примѣрѣ *ἔπειτα ἐν τῇ παλαίστρᾳ* мы не знаемъ, помѣщать ли въ палестрѣ играющихъ, стало быть, — *лицо*, показанное въ *ἔπειτα*, или игру. Тамъ и на стр. 228. у насъ возникло недоумѣніе, помѣщать ли въ комнатѣ *мальчика*, или его дѣйствіе. Положимъ, тамъ мы склонялись къ тому, что *комната*, какъ предметъ, помѣщающійся въ пространствѣ мѣста, можетъ быть сопоставлена съ *такимъ же* предметомъ (въ данномъ случаѣ съ *личностью*), а не съ *дѣйствіемъ*, представляемымъ въ пространствѣ *времени*, но правы ли мы были? И да, и нѣтъ. Что событіе можетъ быть »измѣряемо« *только* событіемъ, качество *только* качествомъ и т. д., это, конечно, совершенно правильно. Но не забудемъ, что напр. предлогъ *εἰς*, въ извѣстныхъ случаяхъ (именно, когда »предметъ« при немъ представляется *точкою*), выражаетъ *просто* »касательство«, и хотя и тутъ, строго говоря, *физическаго* тѣла (т. е. чего то, помѣщаемого въ пространствѣ *мѣста*) можетъ касаться *опять* только *физическое* тѣло, событія — *только* событіе, качества — *только* качество и т. д., и хотя въ выраженіи, напр., *ἀμέλεια εἰς τὸν ἄνθρωπον* сама *ἀμέλεια* должна быть *лицетворена* для того, чтобы самое выраженіе могло состояться, но кто же, произнося его, *думаетъ* о подобномъ олицетвореніи? Не забудемъ, что и предлоги имѣютъ въ языкѣ свою *исторію*, и сознаніе ихъ *первоначальной* роли могло быть *ослаблено*. Въ этомъ *ослабленномъ* значеніи можно связать посредствомъ предлога »игру« (дѣйствіе, помѣщающееся въ пространствѣ *времени*) съ »комнатою« (предметомъ, помѣщающимся въ пространствѣ *мѣста*), но это, такъ сказать, *вторичное* явленіе языка. Склоняясь связывать »*мальчика*« съ »комнатою«, мы *больше* считались съ *первоначальной* ролью предлоговъ.

Она заключалась въ удовлетвореніи примитивной потребности — опредѣлять *мѣстныя* и, пожалуй, временныя отношенія. Въ началѣ, конечно, эта роль ихъ сознавалась *живо* и *исключительно*, и всякое »отношеніе« *x, y, z . . .*, стоявшее *внѣ* опредѣленія *указанныхъ* двухъ отношеній,

казалось, не допускало употребленія предлоговъ, требуя *другихъ* средствъ для своего выраженія. Такая исключительность, конечно, обусловлена тѣмъ, что »отношенія« х, у, z... выступили также, какъ *примитивная* потребность, *одновременно* съ поводомъ, который вызвалъ къ жизни предлоги, когда творецъ языка не успѣлъ, такъ сказать, опомниться и привыкнуть къ мысли, что х, у, z... *соединимы* съ опредѣленіемъ мѣстныхъ и временныхъ отношеній и могутъ быть *также* удовлетворены предлогами. Нѣтъ сомнѣнія, что х, у, z... въ постепенномъ развитіи человѣческой мысли *дѣйствительно не заставили* себя долго ждать.

Человѣку приходилось сопоставлять *физическое* тѣло съ *физическимъ* тѣломъ, событіе съ событіемъ, чтобы опредѣлить мѣстныя и временныя отношенія: *ὄρανόν* онъ сопоставлялъ съ *γῆ* для того, чтобы можно было сказать, что *ὄρανός* находится *надъ* *γῆ*, а *γῆ* находится *подъ* *ὄρανός*. А если вдругъ ему пришлось замѣтить, что на *ὄρανός*ъ или *ἐν ὄρανός*ъ (*ὄρανός* есть шаръ, или плоскость) что нибудь *»дѣлается«* или *»происходитъ,«* — если вдругъ у него являлось желаніе помѣстить на *»предметъ«*, представляемомъ имъ въ пространствѣ *мѣста*, событіе, представляемое имъ въ пространствѣ *времени*, — если *подъ* *ὄρανός*омъ онъ начиналъ представлять не *физическое* тѣло, имѣющее быть сопоставляемымъ съ *физическимъ* тѣломъ, а *мѣстный просторъ* для *временнаго дѣйствія*, что тогда? Тогда это могло показаться ему *новою* задачею для языка, и если гдѣ было мѣсто формамъ *ὄρανόςθι*, *ὄρανόςθεν*, *ὄρανόςνδε*, *) то именно здѣсь: *ὄρανόςθι* обозначало просторъ, *идѣ* происходитъ дѣйствіе, *ὄρανόςθεν* — просторъ, *откуда* бы, а *ὄρανόςνδε* — просторъ, *куда* человѣкъ *поднимается* свои *молящія* взоры, т. е. куда направляется и стекается его *»дѣйствіе«*. Да, мы думаемъ, что вопросы *идѣ-куда-откуда* прежде всего не искали удовлетворенія

*) Замѣчательно, что языкъ воспользовался для образованія формы на *δε* готовою *αιτιατικῆ πτώσει*, хотя не всегда, какъ это видно на формѣ *οἴκαδε*. Или и *οἴκα* есть *αιτιατικῆ πτώσις*, образованная отъ предполагаемаго Nominativ'a *οἶξ*? Такъ думаетъ Бругманъ (Grundr. II. 449).

въ обыкновенныхъ падежныхъ формахъ. Но мы думаемъ также, что вопросы *идь-куда-откуда* не имѣли непосредственнаго отношенія и къ предлогамъ. Ибо хотя *εἰ* указываетъ на »пробываніе«, *εἰς* на »продвиженіе« и *εἰς* на »удаленіе,« однако, если бы эти »пробываніе,« »продвиженіе« и »удаленіе« имѣли непосредственную цѣлью удовлетвореніе вопросовъ *идь-куда-откуда*, и если бы въ такомъ удовлетвореніи состояло назначеніе *предлоговъ*, то, во первыхъ, языкъ не имѣлъ бы надобности въ другихъ предлогахъ кромѣ трехъ *указанныхъ*, и, воторыхъ, не было бы того явленія, что напр. »οἱ κατὰ χθονός« обозначаетъ »тѣ, что подѣ землю«, а »κατὰ στήθος βαλεῖν« — »ударить по груди«; другими словами, на помощь предлогамъ не должны были бы являться *падежи*, которыми достигается не столько *отвѣтъ* на вопросъ *идь* или *куда*, сколько скорѣе *спеціальныи* *оттѣнокъ*, котораго даже не имѣешь *въ виду*, когда ставишь вопросы *идь-куда-откуда*. Вотъ объ этомъ то *развѣтвленіи* вопросовъ *идь-куда-откуда* на *всевозможныи* *оттѣнки* можно сказать, что оно имѣетъ »*непосредственное* отношеніе«, — однако, *не только* къ предлогамъ, но и къ *падежамъ*, которые къ нимъ присоединяются. Что же касается *самыхъ* этихъ вопросовъ *безъ* *развѣтвленія* ихъ на *оттѣнки* и *внѣ* *возможности* такого *развѣтвленія*, то они имѣютъ мѣсто *только* при обозначеніи *вышеразъясненныхъ* *отношеній* *простора* къ *дѣйствию*. Ихъ *три*, и на нихъ *отвѣчаютъ* *три* *грамматическія* *формы*. Такова наша, если не *επιστήμη*, то *δόξα* о формахъ *εἰ-εἰεν-εἰε*. И игра въ *комнаты*, и *παῖδι* въ *палестрѣ*, какъ »дѣйствія« въ »просторѣ«, должны бы вызвать въ языкѣ форму *εἰ* — *собственно*. А *несобственно*?

Какъ уже выше сказано (стр. 215), то, что творецъ языка первоначально считалъ *разнороднымъ*, *впослѣдствіи* *оказалось* *сводящимся* къ *однородному*, и языкъ *могъ* *сокращать* свои средства. Сокращенію, однако, естественно *предшествуетъ* *борьба* за *существованіе*. *Формы* *языка*, *изъ* *которыхъ* *какая* *нибудь* *одна* *оказывается* *лишнейю*, *вытѣсняя* *другъ* *друга*, стараются каждая занять *господствующую* *роль*,

и, такимъ образомъ, языкъ, хотя въ общемъ бѣдный, въ моментъ борьбы оказывается обладающимъ нѣсколькими средствами для выраженія »одного и того же«, — роскошь, которую онъ сохраняетъ на долго, быть можетъ, и на всегда. Такъ случилось и здѣсь. Представленіе одного предмета какъ *простора*, а другого — какъ *дѣйствія*, было сведено къ представленію »сопоставленія предмета съ предметомъ« *вообще*, причемъ и *предлоги*, съ своей стороны, *тоже* понемногу привыкали къ новой роли — сопоставлять не физическое тѣло съ физическимъ тѣломъ (ради опредѣленія *мѣстныхъ* отношеній), и не событіе съ событіемъ (ради опредѣленія отношеній *временныхъ*), а *именно* »предметъ« съ »предметомъ« *вообще*, такъ что, *дѣйствительно*, въ выраженіи *ἀμέλεια εἰς τὸν ἀνθρώπον* о *разнородности* обозначенныхъ здѣсь »предметовъ« и о необходимости *привести* ихъ къ одному знаменателю путемъ *тропа* не нужно было и думать. Такимъ образомъ, рядомъ съ *Τροικήθεν* появлялось *ἐκ Τροίης*, рядомъ съ *οὐρανόθι* — *ἐν οὐρανῷ*, а вмѣсто того, чтобы говорить *παλαιστρήθι*, говорили *παῖζειν ἐν παλαίστρᾳ*. Болѣе того: сами формы *Τροικήθεν* и *οὐρανόθι*, борovníяся за свое существованіе, подчинились роли »*падежей при предлогахъ*«, и рядомъ съ *ἐκ Τροίης* появляется *ἐκ Τροικήθεν*, рядомъ съ *πρὸ οὐρανοῦ* — *οὐρανόθι πρὸ* и т. д. Даже тамъ, гдѣ *предлоговъ* нѣтъ, появляются наши формы: *σέθεν δ' ἐγὼ οὐκ ἀλείψω χωμένης* (II. Ф. 477).

Замѣчательное явленіе представляетъ въ этомъ случаѣ форма на *δε*. Въ формѣ *οὐρανόνδε* Омиръ уклонился отъ первоначальной ея роли *именно* лишь въ томъ смыслѣ, что обозначеніе *простора* для *дѣйствія* перевелъ на обозначеніе *сопоставленія предмета съ предметомъ*, что, съ *другой* стороны, *также* при ослабленіи сознанія первоначальной роли, выражалось при посредствѣ *предлога*. Въ виду этого, сознавая, что въ *первой* части формы *οὐρανόνδε* онъ имѣетъ дѣло съ *готовымъ* падежемъ, Омиръ придаетъ *второй* его части, т. е. самому *δε* роль *предлога* и какого-нибудь *новаго* предлога къ формѣ »*οὐρανόνδε*« *не прибавляетъ*,

т. е. не дѣлаетъ того, что мы выше замѣтили въ выраженіи ἐκ Τροίηςθεν, или даже въ οὐρανόθεν πρό (тутъ есть нѣкоторая *разница* между прибавленіемъ предлога πρό и предлога ἐκ; читатель, надѣмся, опредѣлитъ эту разницу самъ). Если мы и встрѣчаемъ II. τ. 118 и п. 188 такое выраженіе какъ ἐξάγαγε πρό φῶσδε (= вывелъ = произвѣль *на свѣтъ*), то предлогъ πρό относится не къ φῶσδε, а къ глаголу ἐξάγαγε.*)

Σύν — μετά. Σύν указываетъ на то, что предметы, сопоставляемые при помощи этого предлога, съ *разныхъ концовъ***) сходятся въ одинъ пунктъ.

Въ предложенномъ опредѣленіи значенія предлога σύν мы уже, согласно выясненному, толкуемъ о »сопоставленіи предметовъ вообще.« не считаясь съ *первоначальной* ролью предлоговъ. И хотя нетрудно вдуматься при предлогѣ σύν и въ его *первоначальную* роль, т. е. роль показателя сопоставленія физическихъ тѣлъ для обозначенія *жстнаго* отношенія (тогда σύν, какъ указывающее на собраніе предметовъ съ *разныхъ* концовъ, вызываетъ представленіе *движенія*, какъ его вызывалъ предлогъ εἰς), но обыкновенно мы при σύν думаемъ даже не о »сопоставленіи предметовъ вообще«, т. е. не объ отнесеніи какого *удно* предмета, напр. *качества*, къ какому *удно* предмету, напр. *событію*, а о *сдѣланіи* чего нибудь, имѣющемъ въ виду известную *црль*. Мы могли бы сказать, что σύν указываетъ на *соеди-*

*) Это выраженіе, какъ известно, надѣлало уже древнимъ комментаторамъ много хлопотъ (смотри Homeri Ilias ed. La Roche, adnotatt. crit. ad п. 188 и τ. 118, а также Ebeling Lex. Hom. sub voce δε). Наши комментаторы не затрудняются отнести πρό къ ἐξάγαγε (Pierron, Faesi и др.). Конечно, немного необычна postpositiv'ная постановка предлога πρό. Но намъ кажется, что если Омиръ могъ сказать ἐνάριζον ἀπ' ἔντα (II. μ. 195), τίθη πάρα πάδων ἑδωθήν (Od. ε. 196), εἰ μὲν κε λίπω κάτα τούχα καλά (II. ρ. 91) ἴδαι νίζοντες ἀπο βροτόν (II. η. 425), τότε δ' ἴδη ἔχεν κάτα γαῖα (разумѣи ею, Протесилая; II. β. 699), то онъ могъ сказать и ἐξάγαγε πρό вмѣсто προεξάγαγε, тѣмъ болѣе, что *соединять* »проек« какъ-бы въ одно слово Омиръ не привыкъ (у него встрѣчаются только соединенія παρεξ, υπεξ, ἀπεξ, διεξ). О предлогахъ при *малогахъ* мы, впрочемъ, будемъ разсуждать ниже.

**) На выраженіи »съ *разныхъ концовъ*« мы настаиваемъ; оно нагляднѣе всего выступаетъ въ глагольныхъ composit'ахъ; сравни συνέρχονται, συνάγω и т. д.

неніе »предметовъ,« и что это соединеніе преслѣдуетъ извѣстную *цѣль*.

Какая можетъ быть цѣль въ соединеніи предметовъ? Единственно та, чтобы эти »предметы« дѣйствовали *заодно*. И такъ какъ они должны, »дѣйствовать« заодно, то это должны быть не столько »предметы,« сколько скорѣе и преимущественно *лица*. Я говорю »преимущественно« въ виду того, что нельзя отрицать и возможность соединенія *неодушевленныхъ* предметовъ — прутьевъ напр. — въ *одномъ пучекѣ*, причѣмъ *цѣль* выражена *именно* въ словахъ »въ одинъ пучекъ«: прутья должны *составлять* одинъ пучекъ (»составить изъ себя нѣчто цѣлое« значить *тоже*, какъ бы, »дѣйствовать заодно«).

Падежъ, приставляемый къ $\sigma\upsilon\nu$, бываетъ всегда *дотихѣ*. Поддерживая своимъ значеніемъ значеніе слова $\sigma\upsilon\nu$, или, какъ мы раньше выражались, *идя навстрѣчу* слову $\sigma\upsilon\nu$ для того, чтобы создать *вмѣстѣ* съ нимъ одну *общую* картину, онъ и долженъ съ своей стороны внести въ эту общую картину то, чего не могъ внести въ нее самъ предлогъ. Предлогъ $\sigma\upsilon\nu$ могъ указывать *только* на соединеніе предметовъ, т. е. *только* на движеніе ихъ съ *разныхъ* концовъ въ одинъ пунктъ, иначе онъ пересталъ бы быть предлогомъ (просимъ читателя вдуматься въ его *первоначальную* роль, какъ мы ее обрисовали выше), сама же цѣль, т. е. *дѣйствование* заодно, очевидно, выражена *тѣмъ дотихѣ*.

Мы сказали выше, что »дѣйствующими заодно« должны быть преимущественно *лица*. Нѣтъ сомнѣнія, что »олицетвореніе«, къ которому мы должны прибѣгнуть, чтобы *оправдать* это наше положеніе о лицахъ, на дѣлѣ практикуется при $\sigma\upsilon\nu$ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Такъ, въ примѣрѣ »*ἢ κτήσις τῶν πιστῶν ἔστιν οὐδαμῶς σὺν τῇ βίᾳ, ἀλλὰ μᾶλλον σὺν τῇ εὐεργεσίᾳ*« (Хен. Сугор. I. 3. 17) *βίᾳ* и *εὐεργεσία* рисуются настоящими *помощниками* въ дѣлѣ приобрѣтенія друзей.

Иначе нужно смотрѣть на предлогъ *μετά*. Останавливавшіеся на этимологій этого слова хотѣли усматривать въ немъ связь съ греческимъ $\mu\acute{\epsilon}\sigma\omicron\varsigma$ (Hartung Casus 39, Pott Etym.

Forsch. II. 151), слѣдовательно, и съ латинскимъ *medius*, а послѣднее, въ свою очередь, приводится въ связь съ русскимъ *межа* (Curtius Grundz 332). Но въ *общемъ* такая этимологія не находитъ поддержки. Чаще и несомнѣнно правильно — слова *μέσος*, *medius*, *межа* принимаются за *особую* группу, не имѣющую ничего общаго съ *метѣ* (Miklosich, Et. Wört. 185), самое же *метѣ* одни считаютъ этимологически связаннымъ съ нѣмецкимъ *mit* (Delbrück Grundr. III. 734, Curtius Grundz. 209), а другіе рассматриваютъ еще иначе (Ebeling Lex. Nom. sub voce *метѣ*). Связано ли *метѣ* съ словомъ *mit* или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, оно указываетъ не на *«собираніе съ разныхъ концовъ»*, а только лишь на *сосѣдство* предмета съ предметомъ, причемъ мы слово *сосѣдство* понимаемъ въ болѣе *широкомъ* смыслѣ, когда предметъ не только дѣлается *«смежнымъ»* другому предмету, но и *врывается* въ него, раздвигая его по обѣимъ сторонамъ.

Что касается *падежей* при словѣ *метѣ*, то тутъ наблюдаются два рода явленій, рѣзко обособленные другъ отъ друга. Случаи *перваго* рода, это — тѣ, когда *«сосѣдніе»* въ какомъ бы то ни было смыслѣ предметы представляются идущими или находящимися *вмѣстѣ, съ самаго начала*, такъ что о моментѣ, когда они *стали* сосѣдними, нѣтъ и помину. Въ этомъ случаѣ у *Омира* (а у позднѣйшихъ поэтовъ, вѣроятно, лишь въ видѣ поэтическихъ *архаизмовъ*), встрѣчается не только та *γενητή*, которую мы видимъ у прозаиковъ, но и наряду съ нею *δοτική*. Поневолѣ призадумываешься, не чувствовалось ли въ старину какое нибудь *различіе* между этими падежами при *метѣ*, и не объясняется ли сведеніе ихъ у прозаиковъ къ *одному* падежу, быть можетъ, даже не обычнымъ стремленіемъ къ *«упрощеніямъ»*, а прямо таки потерей *сознанія* этого различія?

Замѣчательно, что у *Омира* *δοτική* встрѣчается вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ не о *«смежности»*, а *именно* о нахожденіи предмета *среди* другихъ, причемъ эти другіе располагаются по обѣимъ сторонамъ *врывающагося* въ нихъ предмета. Такъ, у *Омира* считается уже разъ на всегда установившимся оборотомъ

μετὰ χειρῶν ἔχειν (напр. πηδάλιον, ср. Od. γ 286); известны также омировскія выраженія ὅς κεν ἐπ' ἡματι τῷδε πέση μετὰ ποσσὶ γυναικός (II. τ. 110), μετὰ γαμφηλῆσιν, μετὰ γναμπτῆσι γένυσσι и т. п.

О томъ значеніи τῆς δοτικῆς, о которомъ мы толковали при σύν, въ приведенныхъ омировскихъ примѣрахъ нѣтъ и помину, какъ не могло быть рѣчи о немъ при ἐν. Это вполнѣ понятно, такъ какъ греческая δοτικὴ есть не *одина* падежъ, а сборная форма для *нѣсколькихъ* падежей (см. выше стр. 209).

Искать ли намъ при μετὰ и ту δοτικὴν, которую мы замѣтили при σύν, и которую мы *пока* будемъ называть »δοτικὴ при σύν«? Конечно, искать ее мы должны *прежде всего* у того же Омира, такъ какъ *прозаическій* языкъ при предлогѣ μετὰ совершенно вывелъ *всякую* δοτικὴν изъ употребленія. Не провозгласить ли за »δοτικὴν при σύн« тотъ *dativ*, который встрѣчается въ примѣрѣ ὄφρα δ' ἐγὼ μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον (II. ι. 352), и не толковать ли его въ такомъ смыслѣ: »*обокъ* съ Ахейцами и *вмѣстѣ* съ Ахейцами, *дѣйствуя* съ ними *заодно*«? Трудно, конечно, возражать тому, кто настаивалъ бы на толкованіи нашего примѣра въ смыслѣ »*посреди* Ахейцъ« и уравнивалъ бы его съ вышеприведеннымъ μετὰ χειρῶν. Есть даже соображеніе, по которому *последнее* толкованіе заслуживаетъ предпочтенія, но объ этомъ соображеніи рѣчь впереди.

Съ примѣромъ μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον, равно какъ и съ выраженіемъ μετὰ χειρῶν (оттѣнокъ *dativ*а въ μετὰ χειρῶν мы будемъ называть, *тоже* только *пока*, »δοτικὴ при ἐн«), — интересно сравнить мѣсто изъ Одиссеи (π. 140): ἦ καὶ Λαέρτη αὐτὴν ὁδὸν ἄγγελος ἔλθω δυσμόρῳ, ὅς τεῖως μὲν Ὀδυσσεὺς μὲν ἀχεύων ἔργα τ' ἐπόπτευεσκε, μετὰ δμῶων τ' ἐνὶ οἴκῳ πῖνε καὶ ἦσθε, ὅτε θυμὸς ἐνὶ στήθεσσι ἀνώγοι. Въ этомъ мѣстѣ, *вопервыхъ*, мы не усматриваемъ оттѣнка »δοτικῆς при ἐн«: поэтъ, вовсе не думая *выразительно* рисовать картину, будто Лаэртъ въ *качествѣ чужаго* элемента ворвался въ средину слугъ, такъ что они очутились *по объѣмъ сторонамъ* его, просто указываетъ

»на сосѣдство« (я не говорю — »на сосѣдей«) или, какъ выражаются по русски, *на среду*, въ которой находился Лаэртъ. Далѣе нѣтъ здѣсь и того отгѣнка »δοτικῆς при σύν«, который мы, — правильно ли, нѣтъ ли, — замѣтили въ примѣрѣ μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον, и которымъ объясняли появленіе dativ'a послѣ μετά. Очевидно, важнымъ мотивомъ для появленія такой »δοτικῆ при σύν« нужно считать *равноправность* »дѣйствующихъ заодно лицъ«: если наше толкованіе примѣра μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον было правильно, то ἐγὼ μετ' αὐτῷ будетъ по русски »мы вмѣстѣ съ нимъ«, т. е. »я да онъ, какъ одинаковые дѣятели«, тогда какъ ἐγὼ μετ' αὐτῶν обозначаетъ просто »я, находясь *по сосѣдству* съ ними« = »я, находясь въ такой то *средѣ*«, а эта мысль, какъ сказано, только и выражена въ нашемъ μετὰ δμῶν πίνε καὶ ἤσθε Λαέρτης. Нечего говорить, что если мы ослабимъ представленіе *равноправности* дѣятелей, то μετὰ τινος, при его смыслѣ »по сосѣдству съ кѣмъ«, окажется совершенно достаточнымъ для обозначенія *совмѣстной* съ кѣмъ нибудь дѣятельности, и что омировское μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον безъ особеннаго ущерба для смысла могло перейти въ утвердившееся *впоследствии* »μετ' Ἀχαιῶν ἐπολέμου«.

Изъ нашихъ разсужденій нетрудно усмотрѣть, что языку не было особенной надобности *удерживать* μετά съ δοτικῆ. Вмѣсто μετά съ »δοτικῆ при ἐν« можно было прямо ставить ἐν (μετὰ χερσίν — все равно, что ἐν χερσίν = межъ рукъ, какъ ἐν ἀνδράσι = среди мужей), а то и μεταξὺ (что, какъ ниже увидимъ, относится къ совершенно другой части рѣчи, чѣмъ μετά), или же *сложный* оборотъ ἐν μέσῳ (ἐν μέσῳ τῶν ποταμῶν). Что же касается оборота μετά съ »δοτικῆ при σύν«, то его не только можно было замѣнить самимъ σύν, но, какъ сказано, перевести, безъ особеннаго ущерба для дѣла, на оборотъ μετά съ γενικῆ. Извѣстенъ громадный трудъ Tycho Mommsen'a »Beiträge zu der Lehre von den griechischen Präpo-

sitionen*.) Вопросъ тутъ идетъ о *σύν*, *μετά* и *ἄμα*. Объ *ἄμα* намъ самимъ пока рано разсуждать. Что же касается *σύν* и *μετά*, то мы вполне понимаемъ, что, когда конструкции *μετά* съ *δοτικῆ* исчезли, выборъ оборота *σύν* съ *δοτικῆ* и *μετά* съ *γενικῆ* вполне зависѣлъ отъ вкуса времени и лицъ: *σύν* — таковъ результатъ изслѣдованія Mommsen'a, сообщенный имъ на 1ой же страницѣ — *gehört in guter Zeit fast nur der edlen Dichtersprache und dem Xenophon an, während μετά cum Genitivo fast nur bei Prosaikern zu finden ist oder in solchen Dichtern und Dichterstellen, welche sich der Prosa nähern.*

Остается разсмотрѣть *другіе* случаи падежныхъ конструкций при *μετά*. Мы имѣемъ въ виду соединеніе предлога *μετά* съ *αιτιατικῆ*.

Можно различить *четыре* типа въ общей семьѣ тѣхъ явленій, гдѣ *μετά* соединяется съ *αιτιατικῆ*. Представителями этихъ типовъ могутъ послужить: 1. *πέμπειν μετά Κῦρον — ἵναи μεθ' ὕδαρ*; 2. *μετά δειπνον* въ смыслѣ *послѣ обѣда*; 3. *μετά Θεοῦς ψυχῆ Θεότηατον*; 4. *τοῖσι δὲ θυμὸν ἐνὶ στήθεσιν ὄρινεν μετά πληθύν* (II. β. 142).

Въ примѣрахъ перваго типа говорится о *приближеніи* лица въ смежность съ предметомъ, съ тѣмъ чтобы этотъ предметъ поступилъ *весь въ полное* распоряженіе приближающагося къ нему лица. Какъ при *σύν*, обозначающемъ соединеніе предметовъ, *цѣль* этого соединенія выражена была *»δοτικῆ* при *σύν*», такъ и при *μετά*, обозначающемъ смежность предметовъ, *цѣль* этой смежности выражена *тῆ* *αιτιατικῆ*. Этою *цѣлью* въ *αιτιατικῆ* оказывается *поступленіе предмета цѣликомъ въ чью нибудь власть*. Это, повидимому, и есть значеніе *τῆς αιτιατικῆς πώσεως* самой *по себѣ*. Его можно прослѣдить и выше, не только въ примѣрѣ *τρὶς δὲ τίχτει μῆλα τελεσφόρον εἰς ἐνι-*

*) Трудъ этотъ, наконецъ, появился въ законченномъ видѣ въ 1896 году. Это единственный трудъ о предлогахъ, который удостоенъ Дельбрюкомъ упоминанія въ его Grundr., причѣмъ онъ выставленъ als ein Muster geschichtlicher Bearbeitung, wie sie allen Präpositionen zu Theil werden sollte (Grundr. III. 645.)

αὐτόν, когда мы принимаемъ ἐν αὐτός за линію, но и вообще во всемъ »εἰς«: если εἰς указываетъ на движеніе *внутрь* предмета, то αἰτιατικῆς, съ своей стороны, выставляетъ обозначенный ею предметъ какъ нѣчто, поступающее въ распоряженіе движущагося внутри его *лица* или »олицетвореннаго« предмета.

Мы вовсе не намѣрены отвергать и такое толкованіе τῆς αἰτιατικῆς, въ силу котораго она, напр. во фразѣ εἰς τὴν γῆν ἔπεσεν ἡ λίθος, обозначаетъ также *цѣль* движенія. Но, съ другой стороны, не думаемъ этимъ толкованіемъ поддерживать локалистовъ; напротивъ, принимая его, мы еще больше *разрушаемъ* ихъ теорію. Вопросъ въ томъ, является ли »*поступленіе предмета въ чье нибудь полное распоряженіе*« метафорою *цѣли* движенія, или же, наоборотъ, послѣднее нужнѣе считать метафорою перваго? Рѣшить этотъ вопросъ на исторической почвѣ опять таки трудно. Исторія греческаго языка раскрыта передъ нами вообще лишь въ *послѣдней*, сравнительно очень небольшой стадіи его развитія, когда нашъ и подобные ему вопросы не только давнымъ давно были рѣшены, но, быть можетъ, при стремленіи языка *сократить* средства для выраженія мысли, даже перепутались между собою. Рѣшать нашъ вопросъ можно только на почвѣ *обще-философской*, а исходя отъ нея, нужно предположить, что *цѣль* движенія есть метафора *поступленія предмета въ чье-нибудь распоряженіе*.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, живя, долженъ былъ прежде всего не только питаться, но и *сознавать*, что онъ питается, и *какъ* онъ питается. Онъ долженъ былъ срывать плоды съ деревьевъ, вырывать корни изъ земли, убивать животныхъ, иногда особо *приготавливать* для себя пищу, чтобы не принимать ее сырымъ, дѣлить ее съ другими, класть въ ротъ, жевать, проглатывать; неужели же, проглатывая все это, — неужели, проглатывая напр. кусокъ мяса, онъ въ это время воображалъ, что производитъ какое то движеніе, на подобіе какого нибудь путешествія, и что проглатываемый кусокъ мяса есть конечная *цѣль* этого путешествія?

Правдоподобнѣе предположить, что человекъ, не только самъ одушевленный, но и одушевлявшій всю природу, видѣлъ и въ себѣ, и кругомъ себя не движеніе и цѣль, а дѣятелей и подлежащее обработкѣ, побѣдителей и побѣждаемое, разрушителей и разрушаемое, зиждителей и матеріалъ, сносимый и обрабатываемый для строенія. Человекъ видѣлъ, что одно животное *ловитъ* другое и *пожираетъ* его, что животное *грызетъ* кору, *разрушаетъ* и *уничтожаетъ* то, что встрѣчается ему по пути, — иногда *просто по дикости*, а иногда и затѣмъ, чтобы *самому* не быть уничтоженнымъ, чтобы *самому* существовать. Солнце, по его представленію, производило не движеніе лучей, цѣлью которыхъ былъ онъ, человекъ, а просто его *грѣло*, морозъ его *леденилъ*, дождь его *мочилъ*, вѣтеръ его *обвѣвалъ* и т. д. Вѣроятно, онъ очень рано научился охотиться, и тутъ то онъ пускалъ стрѣлы, конечно, «въ звѣря» (онъ выражался тутъ какъ-нибудь въ *этомъ* родѣ; простая *αἰτιατικὴ* не годилась, такъ какъ рѣчь идетъ не о *дѣйстви*, цѣль котораго — уничтоженіе или созиданіе, а о придвиженіи *предмета* къ предмету, т. е. стрѣлы къ звѣрю), причемъ ему удавалось самого *звѣря* (тутъ уже наступаетъ простая *αἰτιατικὴ*) и *застрѣлить*. Трудно исчерпать всѣ тѣ случаи, которые у *самаго первобытнаго* человека, *сознающаго*, конечно, что въ немъ и кругомъ него дѣлается, вызывали представленіе не *движенія* и его *цѣли*, а *дѣствія* и «*объекта*» этого дѣствія.

Дѣствія, конечно, многочисленны и разнообразны. Одно изъ этихъ дѣствій есть движеніе въ грубомъ значеніи этого слова, т. е. дѣствительное переходеніе, въ пространствѣ времени, *съ мѣста на мѣсто*. И какъ движеніе въ этомъ смыслѣ есть особый *видъ* дѣствія, такъ *цѣль движенія*, т. е. тотъ предметъ, къ которому нѣчто придвигается, могло представляться особымъ *видомъ «объекта»* дѣствія. *Ищу, ловлю* можно принять за такое движеніе, а то, что я ищу или ловлю, представляетъ *цѣль* движенія. На томъ же основаніи, на которомъ русскій говоритъ *ловлю звѣря*, грекъ могъ сказать *λέβαι πόλιιν*, и римлянинъ — *eo*

Ротам. На томъ же основаніи и *eis*, «указывающее» на движеніе во-внутрь чего нибудь или къ какой нибудь точкѣ, — выражено ли при немъ это движеніе еще какимъ нибудь *λέγει* или нѣтъ, это все равно, — могло соединяться съ *αἰτιατικῆς*.

Вотъ въ какомъ смыслѣ *цѣль* движенія представляетъ собою метафору «объекта дѣйствія» или, какъ мы выше выразились, «поступленія предмета цѣликомъ въ чье нибудь распоряженіе». Падежь, указывающій на нѣчто какъ на «объектъ» дѣйствія, и есть наша *αἰτιατικῆς πτῶσις*. Едва ли греки, придумывая для него терминъ *αἰτιατικῆς*, имѣли въ виду глаголъ *αἰτιάομαι*, и неправильно поступили латинскіе грамматикѣ, переводя греческое *αἰτιατικῆς* черезъ *accusativus*.*) Скорѣе греки исходили отъ слова *αἴτια*, обозначающаго причину, т. е. причину дѣйствія**)=пред-

*) Однако, къ *αἰτιάομαι*, наряду, впрочемъ, еще съ другимъ словомъ, именно съ словомъ *αἰτίομαι*, прибѣгали и схолиасты Діонисія Фракійскаго для объясненія термина *αἰτιατικῆς*. Смотри В. А. II. 862: *κατὰ αἰτιατικῆς φωνῆς* (разумѣй Діонисій) *ἤτοι αἴτιας, ἐπιπέρι αἰτιούμενοι λαβῆν τι ἢ αἰτιώμενοι ταύτην προφερόμεθα, ὡς ἀν εἰποις αἰτιοῦμαι βε δοῦναι μοι βιβλίον καὶ πάλιν αἰτιώμαι Ἀρίσταρχον*. Конечно, если такъ разсуждаетъ схолиастъ, то это еще не значить, что такъ думалъ самъ изобрѣтатель этого термина. Черезъ объясненія схолиастовъ мало ли что могло не только измелчать, но и совершенно потерять свой первоначальный, хотя бы очень глубокий смыслъ. Такова ужъ судьба всего, что переходитъ въ традицію не въ видѣ *полной, конструктивно раскрытой* теоріи, а въ видѣ простаго термина. — По поводу термина *αἰτιατικῆς* Штейнталь указываетъ (*Gesch.* 622) на *Аполлонія Дискола*, объясняющаго (*de constr.* I. 9) оборотъ *δι' Ἀπολλωνίου* словами *ὡς ἂν αὐτοῦ αἰτίου ὄντος*. Но если Штейнталь, приводя это мѣсто изъ Дискола, имѣлъ въ виду какую нибудь связь между словомъ *αἴτιος* и *αἰτιατικῆς*, то онъ сильно ошибается. Словами *ὡς ἂν αὐτοῦ αἰτίου ὄντος* Дисколъ объясняетъ не терминъ «*αἰτιατικῆς*», даже не значеніе *Accusativ'a*, а просто предлогъ *διά*, имѣя въ виду два разныхъ оборота этого предлога, — оборотъ съ *Accusativ'омъ* и оборотъ съ *Genitiv'омъ*: *διά Ἀπολλωνίου* — разсуждаетъ Дисколъ тутъ же — имѣеть смыслъ *ὡς εἰ γινώσκοντος Ἀπολλωνίου*, а смыслъ оборота *διά Ἀπολλωνίου* такой, «какъ если бы сказать, что онъ *высоченъ*». Когда Дисколъ дѣйствительно занятъ *Accusativ'омъ*, а не предлогомъ *διά* (смотри *de constr.* III. 283—290, гдѣ онъ разбираетъ весь фразеологическій матеріалъ *Accusativ'a*), то онъ, не разъясняя нисколько термина этого падежа, постоянно только указываетъ на *παθητικῆς διάφορις*, какъ на нѣчто, имѣющее объяснить значеніе его.

**) Такъ понимаетъ дѣло и *Trendelenburg* (*Accusativus* 123), опредѣляя *Accusativ* какъ *casus, qui ad actionis effectum indicandum ratus est, ut eum non accusativum, sed potius effectivum vel causativum reddi oportnerit*. Быть можетъ, эту *αἴτιας* имѣеть въ виду самъ Діонисій Фракійскій, когда гово-

метъ или объектъ дѣйствія. Мы бы назвали *αἰτιατικὴν πρῶσις* вещнымъ падежемъ, указателемъ *мертваго материала* для дѣйствія.*)

Итакъ, «вещный падежъ», какъ мы его впредь будемъ называть, возможенъ и при *ἰέναι* (*ἰέναι Τροίην*), не измѣняя своему значенію. Это не значитъ, что *εἰς* съ вещнымъ падежемъ *равняется* простому вещному падежу. *Εἰς* съ вещнымъ падежемъ, какъ предлоговый оборотъ, остается средствомъ для сопоставленія предмета съ предметомъ, а *простой* вещный падежъ остается падежемъ объекта *дѣйствія*. Во фразѣ *ἴασι ἐχέεινοι εἰς τὴν πόλιν* приводятся въ известное, — *жѣстное*, въ данномъ случаѣ, — отношеніе предметы *ἐχέεινοι* и *πόλις*, причемъ вещный падежъ *πόλιν*, какъ падежъ *объекта* дѣйствія и *цѣли* движенія, идетъ навстрѣчу предлогу *εἰς*, который, съ своей стороны, «указываетъ» на движеніе *внутрь*, — на движеніе, которое въ нашей фразѣ *еще* разъ, въ болѣе *общемъ* смыслѣ, безъ отгѣнка «внутри», выражено словомъ *ἴασι*. Во фразѣ же *ἦσαν πόλιν* падежъ *πόλιν*, какъ падежъ *объекта* дѣйствія и *цѣли* движенія, своимъ значеніемъ идетъ навстрѣчу самому *дѣйствию*, заключающемуся въ *ἦσαν* и *ищущему*, по самой своей *сущности*, этого *объекта* дѣйствія или этой *цѣли* движенія. Конечно, вся разница заключается тутъ скорѣе въ *путяхъ*, которыми шла мысль въ каждой изъ этихъ фразъ, а не въ *результатъ*, который въ обѣихъ фразахъ въ *данномъ* случаѣ получается *одинаковъй*.

Мы предупреждали читателя, что въ нашемъ толкованіи вещнаго падежа, какъ выразителя *цѣли* движенія, пріобрѣтается вѣскій плюсъ, разрушающій локалистическую теорію падежей. Въ самоѣ дѣлѣ, если цѣль движенія есть только *метафора* «объекта дѣйствія», и даже не метафора, а просто,

речь (В. А. II. 636): λέγεται δὲ ἡ μὲν ὀρθὴ ὀνομαστικὴ καὶ εὐθεῖα, ἡ δὲ γενική κτητικὴ καὶ πατρικὴ, ἡ δὲ δοτικὴ ἐπισταλτικὴ, ἡ δὲ αἰτιατικὴ κατ' αἰτίαν, ἡ δὲ κλητικὴ προσωρορευτικὴ (Trendelenburg, Accusativus 123: itaque ἡ δὲ αἰτιατικὴ κατ' αἰτίαν nihil aliud significat nisi effectivum vel causativum ὡς *causae rationem esse dictum*).

*) Отъ представленія чегонибудь, какъ *причины* дѣйствія, къ представленію того же, какъ *предмета* или *объекта* дѣйствія, — недалеко.

какъ въ послѣдствіи оказалось, *отдѣльный видъ* »объекта дѣйствія«; если въ вѣщномъ падежѣ объ отвѣтѣ на вопросъ *куда*, какъ о *первоначальномъ* значеніи падежа, не можетъ быть рѣчи, то какъ же другіе падежи будутъ отвѣчать на вопросы *идѣ* и *откуда*? Вопросы *куда*, *идѣ* и *откуда*, какъ сказано, составляютъ *полный* логическій рядъ, а разъ *одинъ* изъ членовъ этого ряда не имѣетъ мѣста въ объясненіи падежей, то его теряютъ и другіе два члена.*) Они, съ одной стороны, *не могутъ* имѣть мѣста въ »обыкновенныхъ« падежахъ, а съ другой — могутъ его *не имѣть*, такъ какъ для нихъ выработались *особыя* формы *ἔν-θεν-δε*. Мы говоримъ, повторяю, о *первоначальномъ видѣ* организаціи языка, а не о томъ его состояніи, когда понятія съ понятіями перемѣшивались.

Возвратимся къ нашему *μετά* съ вѣщнымъ падежемъ и къ его »четыремъ типамъ.« *Μεθ' ὕδαρ ἰέναι*, какъ сказано, значитъ »идти въ смежность съ водою, чтобы завладѣть ею.«

Въ примѣрѣ »τοιῖσι δὲ θυμὸν ἐνὶ στήθεσσι ὄρνευ πᾶσι μετὰ πληθύν« (II. β. 142) слово *μετά* — немного забѣгаемъ впередъ — употреблено такъ, что безъ особеннаго ущерба для смысла можно бы поставить и *κατά*. Если бы было поставлено *κατά*, то это указывало бы на *поверхность* всей толпы, и вѣщный падежъ былъ бы вполне понятенъ, такъ какъ *именно* *весь* предметъ попадалъ бы въ распоряженіе какъ самого *κατά* (и *ἐνἑαυτὸς* попадаетъ *весь* въ распоряженіе предлога *εἰς* въ примѣрѣ »εἰς ἐνἑαυτὸν τίχτει τρις μῆλα«, если подъ *ἐνἑαυτὸς* понимать линію), такъ и того »предмета«, съ которымъ »πληθύν« сопоставляется при посредствѣ предлога *κατά* (здѣсь, атимъ предметомъ является само *ὄρνευ*). Въ нашемъ примѣрѣ сказано »*μετὰ πληθύν*,« т. е. выражено не »по поверхности, всей толпы,« а »по сосѣдству со всею толпою«, и имѣется въ виду *воздѣйствіе* τοῦ ὄρνευ θυμὸν, исходившаго отъ Агамемнона и *проходившаго* по всему этому »сосѣдству.«

*) Со временемъ, впрочемъ, придется нѣсколько *ослабить* это разсужденіе.

Въ *μετὰ δεῖπνον* (временнѣе «послѣ») и въ *μετὰ θεοῦς ψυχῇ θεϊότατον* («послѣ», указывающее на порядокъ слѣдованія одного предмета за другимъ по степени ихъ важности) вещный падежъ чувствуется въ смыслѣ указателя на нѣчто законченное, готовое, отходящее какъ-бы на задній планъ, смежно съ чѣмъ выступаетъ на сцену другое. Связь этого значенія вещнаго падежа съ только что объясненнымъ пока усмотрѣть трудно; придется выждать новаго случая. Перейдемъ къ другимъ предлогамъ.

Πρό — *ἀντί* — *πρός*. Предлогъ *πρό* указываетъ на помѣщеніе чего нибудь *передъ* тѣмъ предметомъ, къ названію котораго онъ приставленъ, будь это въ смыслѣ *мѣстномъ*, или *временномъ*, или въ смыслѣ предпочтенія по *качеству*, или, наконецъ, въ смыслѣ счѣтнаго *порядка слѣдованія*. Падежъ ставится при этомъ предлогѣ генической (*πρώσις γενική*).

Съ этимъ же падежемъ соединяется и предлогъ *ἀντί*. Для того, чтобы установить разницу въ значеніяхъ словъ *πρό* и *ἀντί*, нужно *олицетворить* предметы, которые «сопоставляются» при посредствѣ этихъ предлоговъ, и тогда получается слѣдующее: при *πρό* лицо стоитъ или движется *передъ* другимъ лицомъ такъ, что глаза обоихъ направлены въ *одну* сторону (именно въ ту, въ которую направлено само *движеніе*, если только о движеніи идетъ рѣчь; сравни *πρό τῆς φάλαγγος ἀναβαίνει ὁ στρατηγός*), а при *ἀντί* лицо стоитъ *въ упоръ* другому (*ἀντί τῆς φάλαγγος ἔστηκε ὁ στρατηγός*). Метафористика въ словѣ *ἀντί*, конечно, другая, чѣмъ въ *πρό*. Становясь *въ упоръ* кому нибудь, я могу составить ему *противовѣсъ* (на чашкахъ вѣсовъ *ἄρρα* кладется *ἀντί* = въ противовѣсъ *γρῦζυ*), а противовѣсъ переходитъ въ *равенство* (сравни *compositum ἀντίθεος* = богоравный) и въ способность *замѣнить* что нибудь (*ἀντί τούτου* = *вмѣсто* этого).

Съ предлогомъ *ἀντί* слѣдуетъ сравнить предлогъ *πρός*. Не напрасно этимологи отождествляютъ греческое *πρός* съ славянскимъ *противъ* (Brugmann Grundr. I. 491). Но если *ἀντί* обозначало *въ упоръ*, то *πρός* — гораздо слабѣе.

Ἀντί относится къ πρός, какъ латинское *adversus* къ *versus*. Не въ упоръ стоимъ мы къ лицу, когда появляется въ латинскомъ языкѣ слово *versus*, не биться хотимъ мы съ этимъ лицомъ, не парализовать его дѣйствія, не равняться съ нимъ, не замѣнять его, а просто »поворачиваемся лицомъ« въ такую то сторону, къ такому то предмету. Въ этомъ смыслѣ, — въ смыслѣ *ослабленнаго*, сравнительно съ ἀντί, значенія, — можно бы съ греческимъ πρός сопоставить не столько русское *противъ*, сколько скорѣе *супротивъ* (метафористика этого *супротивъ* видна будетъ изъ отдѣльныхъ примѣровъ). — Такъ какъ слово πρός соединяется и съ γενική, и съ δοτική, и съ вещнымъ падежомъ, то на немъ придется остановиться подольше.

Что касается явленій употребленія предлога πρός съ γενική, то ихъ можно обозрѣть по слѣдующимъ примѣрамъ: 1. ὡςπερ Χαλκίδς τῆς Εὐβοίας πρὸς τῆς Βοιωτίας κεῖται, οὕτω Χερσοννήσου κεῖται πρὸς τῆς Θράκης ἢ Καρδιανῶν πόλις (Dem. 23. 182); 2. πρὸς τῶν ἐχόντων, ὦ Φοῖβε, τὸν νόμον τίθης (Eur. Alc. 57); 3. Κροῖσος ἐλπίσας πρὸς ἐωυτοῦ τὸν χρησμὸν εἶναι (Herod. 1. 75); 4. πρὸς ἀνδρὸς ἢ τέκνων φοβουμένη (Soph. Trach. 149); 5. πρὸς ἄλλης ἴστον ὑφαίνεις (Il. ξ 207); 6. πρὸς παίδων καὶ γυναικῶν καὶ θεῶν ἱκετεύω ὑμᾶς καὶ ἀντιβολῶ, ἐλεήσατέ με (Lys. 4. 20); 7. οὐκ ἦν πρὸς τοῦ Κύρου τρόπου ἔχοντα μὴ δίδοναι (Xen. Anab. I. 2. 11); 8. Καλλίας μοι δοκεῖ πρὸς Πρωταγόρου εἶναι (Plat. Prot. 336 d); 9. ὅτι δίκαιόν ἐστι καὶ πρὸς θεῶν καὶ πρὸς ἀνθρώπων τοῦτο πράξει (Xen. Anab. I. 6. 6); 10. Ἀθηναῖον ὄντα καὶ τὰ πρὸς πατρὸς καὶ τὰ πρὸς μητρὸς (Dem. 57. 17); 11. οὐ πρὸς σοφοῦ ἰατροῦ θρηνεῖν (Soph. Ai. 579); 12. τὰς ἡδονὰς πρὸς σοῦ λαβοῦσα ἐκτησάμην (Soph. El. 1295); 13. μὴ τις δόλος με πρὸς κασιγνήτου κτάνη (Eur. Phoen. 362); 14. λέγεται πρὸς σοφῶν.

Толковать приходится эти примѣры слѣдующимъ образомъ.

1. Въ какомъ смыслѣ Евбейская Халкида находится супротивъ Веотіи (= обращена къ Веотіи), въ такомъ Херсонисская Кардіа находится *супротивъ* Θракіи.

2. Ты, Фебъ, даешь законъ *супротивъ* имущихъ = поворачиваясь къ имущимъ = въ пользу (?) имущихъ. Вотъ метафористика слова *πρός*: если *ἐντί* обозначало *враждебное* отношеніе, то *πρός* указываетъ на отношеніе совершенно *противоположное*. Ярче выступаетъ это «отношеніе» въ непосредственно *смыдующемъ* примѣрѣ.

3. Крезъ полагалъ, что предсказаніе дано *супротивъ* него, что оно имѣетъ въ виду *εἰο* = дано *въ пользу* его.

4. Она боится *супротивъ* мужа и дѣтей = поворачивая свои взоры къ мужу и дѣтямъ, она начинаетъ чувствовать страхъ = передъ мужемъ и дѣтьми ей страшно.

5. Ты ткешь пряжу *супротивъ* чужой = во вниманіе (?) къ чужой, — въ то время когда должна бы (?) ткать чужая, — по приказанію (?) чужой.

6. Умоляю васъ, *супротивъ* дѣтей, женъ и боговъ, сжалитесь надо мною! = въ виду = ради дѣтей, женъ и боговъ.

7. Не было *супротивъ* характера Кира, когда самъ имѣлъ, не давать другимъ = не мирилось съ характеромъ Кира.

8. Каллій, кажется, сталъ *супротивъ* Протагора = обращается къ Протагору = держитъ сторону Протагора.

9. Сдѣлать то, что *супротивъ* боговъ и людей справедливо = что справедливо передъ богами и людьми.

10. Онъ Аѳинянинъ и *супротивъ* отца, и супротивъ матери = онъ Аѳинянинъ и со стороны отца, и со стороны матери.

Пріостановимъ пока толкованіе примѣровъ. Во всѣхъ тѣхъ, которые мы разъяснили до сихъ поръ (нѣкоторое сомнѣніе возбуждаетъ *пятый* примѣръ, если, то есть, принять толкованіе «по приказанію»), — во всѣхъ ихъ представленная къ *πρός γενητή πτῶσις* ничего не прибавляетъ отъ себя къ общей картинѣ, выраженной всѣмъ этимъ предлоговымъ оборотомъ. Въ ней, въ этой *γενητή πτῶσις*, не чувствуется никакого *спеціального* оттѣнка, — ничего, похожего на то, на что мы указывали въ вещномъ падежѣ

вообще, а въ *δοτική* — тамъ, гдѣ она соединялась съ *σύν*; всѣмъ разнообразіемъ, которое мы замѣчали въ нашихъ примѣрахъ, мы обязаны метафористикѣ самого *πρός*. То же самое мы должны сказать о *γενική πτώσις* при *πρό* и *ἀντί*. Въ предлогѣ *μετά* мы также можемъ увидѣть, что коль скоро нѣтъ мѣста специальному отгѣнку, вызываемому вещнымъ падежемъ, коль скоро *μετά* съ одною *δοτική* *совсѣмъ* исчезло, будучи замѣнено предлогомъ *ἐν* съ *δοτική*, а въ *μετά* съ другою *δοτική* ослабленъ былъ специальный отгѣнокъ самой *δοτική*, на сцену тотчасъ выступила *γενική πτώσις*. Въ этомъ отношеніи *γενική πτώσις* представляется истинно генической, *родовою*. сравнительно съ вещнымъ падежемъ и, если не со всякою *δοτική* вообще (пока, по крайней мѣрѣ, утверждать что нибудь подобное было бы опрометчиво), то во всякомъ случаѣ съ «*δοτική* при *σύν*».

Это то *родовое*, противоположное специальному (*γενικόν*, противоположное *τῷ εἰδικῷ*), греки, повидимому, и имѣли въ виду, когда созидали терминъ для нашего падежа. Латинскіе грамматикѣ едва ли поняли грековъ, назвавъ этотъ падежъ Genitiv'омъ. Да и сами греки утратили это пониманіе. Діонисій Θρακίης сообщаемъ, что *γενική* называется также *κτητική* и *πατρική*, а схолиастъ не нашелъ замѣтить по этому поводу ничего иного, кромѣ того, что *τὴν πῶσιν ταύτην εἶλε (разумѣй Διονυσίου) κτητικὴν καὶ πατρικὴν, ὅτι πᾶν κτητικόν ἢ πατρωνυμικόν ἀπὸ γενικῆς ἐστὶ καὶ εἰς αὐτὴν ἀναλύεται* (В. А. II. 862). Аполлоній Дисколъ (de constr. I. 62), толкуя о такъ называемомъ »притяжательномъ« мѣстоименіи, указываетъ на то, что *πᾶσα κτητικὴ ἀντωνυμία μετὰ τοῦ κτήματος εἰς γενικὴν ἀναλύεται*, и объясняетъ это *τῇ κτητικῇ ἐννοίᾳ τῆς γενικῆς πτώσεως*, а при разборѣ значенія *τῆς γενικῆς πτώσεως* по *фразеологическому* матеріалу (de constr. IV. 290-4) ограничивается указаніемъ на ту же *κτητικὴν ἐννοίαν* (по поводу оборотовъ *ἄρχω τινός* и т. п.) и на *αὐτοπάθειαν* въ genitiv'ныхъ дополненіяхъ въ противоположность *τῇ ἐνεργείᾳ* въ accusativ'ныхъ дополненіяхъ (сравнивается оборотъ *φιλῶ σε* съ оборотомъ *ἐρῶ σου*).

Присцианъ (V. 13. 72), правда, перевелъ слово *γενική* словомъ *generalis*, но объясненіе, которое онъ даетъ по этому поводу, — неправильно (*generalis esse videtur hic casus, ex quo fere omnes derivationes et maxime apud Graecos solent fieri*). Неправильно оно потому, что ставить дѣло на *этимологическую* почву, между тѣмъ какъ терминъ *γενική*, очевидно, — терминъ *давній* (иначе онъ не былъ бы такъ плохо понятъ греческими грамматиками—*техниками*) и принадлежитъ стойкамъ, а стойки были философами—*синтаксистами*, а не этимологами. Schömann (*γενική* I. 84), по нашему; совершенно правъ, понимая *γενικήν πτῶσιν* въ томъ смыслѣ, что *der Genitiv das Allgemeine der Casusbedeutungen in sich vereinige* (разумѣй значенія *косвенныхъ* или, какъ мы выражаемся, *настоящихъ* падежей). Напрасно Schmidt (Karl Ernst) возстаетъ противъ такого пониманія термина *γενική*. Schmidt, самъ смѣшивая «родовой» падежъ (такъ мы его будемъ называть и впредь) съ Ablativ'омъ, т. е. съ *чужою* функциею, которую родовой падежъ только *присоединилъ* къ своей *собственной*, обращаетъ вниманіе на то, что 1. *die γενική πτῶσις* mit Präpositionen verbunden wird, die sich *auf den Ausgang* beziehen: 2. *die γενική πτῶσις* mit Adverbien *dieses Sinnes* (т. е. съ нарѣчіями, обозначающими *Ausgang*) dergestalt wechselt, dass man von Worten derselben Form nur um ihres *Stammes* willen in einem Falle sagt, sie seien Adverbien, die das *Woher* angehen, im anderen — sie seien Genitive; 3. die sogenannten partitiven Genitive ebenfalls das aussprechen, *aus dem ein anderes kommt*. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній онъ полагаетъ, что черезъ *γενική πτῶσις* обозначается нѣчто, *aus dem etwas hervorgehe* (Beiträge 328), и призываетъ разныхъ комментаторовъ древней грамматико-философской терминологіи, даже Глику, во свидѣтели того, что стойки имѣли въ виду при *γενική πτῶσις γένος — γέννημα* — *das Werden*.

Все это разсужденіе, быть можетъ, читатель найдетъ правильнымъ и только въ одномъ потребуеъ отъ насъ объясненій. *Εἰς* — скажутъ намъ — въ большинствѣ случаевъ

тоже не приобрѣтаетъ ничего въ присоединяемомъ къ нему вещномъ падежѣ, какъ не приобрѣтало *πρός* въ своемъ *родовомъ* падежѣ. *Εἰς*, обозначая движеніе *внутрь* предмета, этимъ самымъ рисовало съ достаточною интенсивностью и картину *завладѣванія* предметомъ, и вмѣсто вещнаго падежа съ удобствомъ могъ быть поставленъ при немъ падежъ родовой.

Такое возраженіе отчасти справедливо, но *только* отчасти. Если бы вмѣсто *εἰς* поставить *εἶσω*, то, дѣйствительно, оборотъ *εἰς τὴν γῆν* сейчасъ превратится въ *εἶσω τῆς γῆς*. Но дѣло въ томъ, что *εἶσω* — не предлогъ (какая часть рѣчи *εἶσω*, объ этомъ ниже), а *εἰς* — предлогъ. Такъ и слово *убилъ*, само своимъ значеніемъ предполагающее *объектъ дѣйствія* и *тоже*, въ сущности, ничего не выгадывающее изъ присоединенія къ нему *вещнаго* падежа, все же, однако, дополняется именно *этимъ* падежемъ, тогда какъ слово *убійца* принимаетъ къ себѣ падежъ *родовой*. Вообще, когда *есть* на лицо падежъ съ специальнымъ отгѣнкомъ, и этотъ же специальный отгѣнокъ выраженъ въ словѣ, *»требующемъ«* вообще падежа, то языкъ распоряжается и такъ, и иначе: онъ или *повторяетъ* этотъ специальный отгѣнокъ въ падежѣ и вообще *поддерживаетъ* значеніемъ падежа значеніе слова, присоединяющаго къ себѣ этотъ падежъ, или же дѣйствительно, какъ то требуется возражающими, ставитъ общій родовой падежъ. Но при этомъ языкъ строго различаетъ части рѣчи. При простыхъ существительныхъ именахъ, напр., онъ ставитъ общій родовой падежъ, а при глаголахъ, глагольныхъ *именахъ*, глагольныхъ *признаковыхъ* и, какъ оказывается, при *предлогахъ* — *повторяетъ* въ падежѣ тотъ специальный отгѣнокъ, который обозначенъ въ *дополняемыхъ* этимъ падежомъ и *поименованныхъ* здѣсь частяхъ рѣчи. Разумѣется, если въ значеніи *дополняемаго* слова *совсѣмъ* нѣтъ этого специального отгѣнка, и въ *пополняющемъ* его падежѣ онъ является *плюсомъ*, *необходимымъ* для общей картины, то не имѣетъ мѣста само *возраженіе*, вызвавшее настоящее объясненіе, а слѣдовательно, нечего считаться и съ *»объясненіемъ«*.

Предупреждаемъ, впрочемъ, что это объясненіе — не полно, что оно дано *только* ad hoc. А теперь будемъ продолжать разборъ нашихъ четырнадцати примѣровъ на *πρὸς* съ *γενική* (смотри выше стр. 261).

Изъ приведенныхъ на стр. 261 примѣровъ остались неразобранными четыре: *οὐ πρὸς σοφοῦ ἰατροῦ θρηνεῖν, τὰς ἡδονὰς πρὸς σοῦ ἔλαβον, δόλος πρὸς κασίγνητου κτείνει με, λέγεται πρὸς σοφῶν*. Какъ же ихъ толковать? Оставаясь при томъ способѣ толкованія, который мы примѣнили къ другимъ десяти примѣрамъ, мы получимъ слѣдующія выраженія: *супротивъ* мудраго врача нѣтъ плача (со стороны, обращенной къ мудрому врачу, плача нѣтъ); я испытывала радость *супротивъ* тебя (со стороны, обращенной къ тебѣ, я получила радость = у тебя я нашла радость для себя); коварство, что *супротивъ* брата, убиваетъ меня; *супротивъ* мудрецовъ (съ той стороны, которая обращена къ мудрецамъ) ходять разсужденія. Правильно ли будетъ это толкованіе? Отвергать его нѣтъ основанія, хотя, кажется, въ немъ не съ достаточною ясностью передана та, несомнѣнно заключающаяся въ нашихъ примѣрахъ, сторона мысли, что *плачъ* (*θρηνεῖν*), *радость* (*ἡδοναί*), *коварство* (*δόλος*) и *разсужденія* (*τὸ λέγεσθαι*) исходятъ непосредственно отъ врача (*ἰατρός*), отъ *тебя* (*σύ*), отъ *брата* (*κασίγνητος*) и отъ *мудрецовъ* (*σοφοί*). Скажутъ, что наше исканіе болѣе яснаго выраженія *этой* стороны мысли есть не болѣе, не менѣе какъ желаніе навязать родовому падежу, — во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе, — функцію другого падежа, — желаніе, объясняемое, быть можетъ, тѣмъ, что мы сами уже слишкомъ привязались къ мнѣнію о принятіи имъ на себя функціи Ablativ'a, а теперь не можемъ дожидаться появленія въ немъ этой функціи, хотя сами еще не знаемъ, что такое, собственно, этотъ Ablativ и, если мы его примемъ, — внесетъ ли онъ въ наши примѣры искомую нами »ясность«^{*)}.

*) Главнымъ, конечно, во всемъ этомъ разсужденіи остается вопросъ, нужна ли эта »ясность«. Греческое *ἔλαβον πρὸς σοῦ τὸ δεῖνα* мы можемъ перевести по русски »я взялъ у тебя то-то«, и никто не будетъ пекать того *непосредственною удаленіи* предмета отъ лица *ты* (*σύ*), внесеніе котораго въ мысль мы именно и имѣемъ въ виду, когда думаемъ объ ablativ'ной функціи родового падежа.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое Ablativ? *Настоящій* Ablativ, т. е. дѣйствительная этимологическая форма Ablativ'a, сохранилась въ греческомъ языкѣ, какъ то признано этимологами,*) въ формахъ καλῶς, σαφῶς, ἀκριβῶς и т. п. Что эти формы суть имена *существительныя*, это мы въ свое время докажемъ. Что же онѣ могли обозначать при *первоначальной организаціи* языка? Удаленіе предмета отъ предмета? Для этого существовали предлоги, соединяющіеся либо съ *родовымъ* падежемъ, либо съ падежомъ *»спеціальнымъ»*, смотря по тому, *нуженъ ли* имъ, или *не нуженъ* въ общей картинѣ какой нибудь спеціальнй оттънокъ, котораго сами предлоги выразить *не могутъ*, а иногда — въ зависимости отъ того, *имъется ли*, или *не имъется* въ падежахъ тотъ спеціальнй оттънокъ, который сами они *выражаютъ*. Но, быть можетъ, Ablativ обозначаетъ *»исхождение событія изъ простора«*? Для этого первоначально существовали формы на *θεν*, а когда онѣ исчезли, то роль ихъ переняли опять таки *предлоги*, при которыхъ *»исхождение событія изъ простора«* превратилось въ *»удаленіе предмета отъ предмета«*. Единственное, что могъ выражать Ablativ при *первоначальной организаціи* языка, это — *этическое начало дѣйствія*: *ποιεῖ καλῶς* значитъ *»онъ дѣйствуетъ, исходя отъ прекраснаго«*. Конечно, когда въ послѣдствіи грамматическія средства *перепутывались* между собою и, въ связи съ этимъ, *перемѣнивались* между собою и *понятія*, для которыхъ эти грамматическія средства первоначально были *предназначены*, легко могло статься, что

*) Brugmann (Grundr. I. 589): Inwieweit im Griechischen die Adverbia der Art und Weise wie τῶς, ὁδῶς, ὡς, οὕτω, οὕτως, καλῶς, nach deren Analogie die Formen von Nicht — ο — Stämmen wie σαφερόντως, βαρέως σαφῶς geschaffen waren, hierher (т. е. къ Ablativ'у singularis) gehören, oder instrumentalis singularis auf idg. o waren, ist schwer zu sagen, da die Bedeutung sich ebenso gut aus ursprünglicher ablativischer Function als auch aus ursprünglicher instrumentaler Function ableiten lässt. — Delbrück (Grundr. III. 559): Sodann stelle ich hierher (т. е. къ Ablativ'у singularis) die Formen auf ως. Ich weiss wohl, dass noch lautliche Bedenken bestehen, aber die Uebereinstimmung des *Gebrauches* zwischen τὰδ (а это несомнѣнный Ablativ, въ которомъ Дельбрюкъ, какъ сообщено на стр. 236, видитъ den Ausgangspunkt der Handlung) und τῶς, γὰρ und ὡς *scheint mir zwingend*.

первоначальное значение Ablativ'a, именно »этическая исходная точка дѣйствія«, такъ сказать, *огрубѣло*, если только это *огрубѣніе* *нужно было* языку (*τοῦτο μέντοι οὐχ ὡς εἰδῶς ἀποφαίνομαι, ἀλλ' ἰνδάλλεται μοι ἡ γλῶσσα τοιοῦτό τι παθεῖσα*, сказалъ бы Платонъ).

Нужно ли оно? — въ этомъ весь вопросъ. При предлогѣ »πρός« *особенной* надобности въ немъ нѣтъ. Да и вообще ея въ греческомъ языкѣ *пока* не видать. Въ славянскомъ языкѣ она какъ то больше бросается въ глаза. Предлогъ »съ« дополняется разными падежами: говорить »съ *нимъ* не справиться«, »огурецъ съ *гору*« и »летитъ съ *крыши*«. О »творительномъ« падежѣ въ *первой* фразѣ мы пока разсуждать не можемъ, фразу *огурецъ съ гору* мы понимаемъ такъ, что огурецъ, поставленный *тѣсно* *возмъ* (= съ) горы, занимаетъ *всю* высоту горы (потому и вещный падежъ), а *летитъ съ крыши* есть ужъ не »этическая точка исхода« дѣйствія, а несомнѣнное *удаленіе* предмета отъ предмета. Это удаленіе внесено въ рѣчь не *предлогомъ* »съ«, такъ какъ этотъ предлогъ указываетъ *только* на отсутствіе промежутка между однимъ предметомъ и другимъ; оно внесено несомнѣнно *падежемъ*, именно *родовымъ* падежемъ »крыши«, а это значить, что въ *славянскомъ* языкѣ *нужно* признать за *родовымъ* падежемъ, кромѣ его обще-родоваго характера, еще и специальный, а именно »огрубѣвшій« ablativ'ный отгѣнокъ. Если его почему-нибудь необходимо будетъ признать за *греческимъ* родовымъ падежемъ,*) то казалось бы, что его можно примѣнить и къ нашимъ четыремъ примѣрамъ съ *πρός*: *οὐκ ἔστι θρηνεῖν πρὸς σοφοῦ ἰατροῦ* = не ожидаешь плача *отъ* мудраго врача;**) *ἔδονάς πρὸς σοῦ ἔλαβον* = я получила удовольствіе *отъ* тебя; *δόλος πρὸς κασιγνήτου κτείνει με* = коварство, исходящее *отъ* брата, убиваетъ меня; *λέγεται πρὸς σοφῶν* = разсужденія исходятъ *отъ*

*) Предлогъ *ἐξ* на эту необходимость *не указываетъ*: указывая *самъ* на удаленіе предмета отъ предмета, онъ *не нуждается* въ специальномъ, »огрубѣвшемъ« ablativ'номъ отгѣнкѣ падежа.

**) Собственно: не ожидаешь плача *супротивъ* мудраго врача и *отъ* него; первое (*супротивъ*) пришлось бы видѣть въ *предлогъ*, а второе (*отъ*) — въ *падежъ*.

мудрецовъ. Тогда и выраженіе πρὸς ἄλλης ὑφαίνεις (II. ξ 207), если его толковать въ смыслѣ »ткешь по при- казанію чужой«, представляло бы примѣръ *ablativ'naго* от- тѣнка родоваго падежа (твоя работа идетъ *отъ* чужой). Не можемъ умолчать о томъ, что соображеніе, на которое мы намекали при разборѣ примѣра μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον (стр. 252), выступаетъ и здѣсь, и что въ виду *ego* едвали можно будетъ согласиться на »огрубѣвшій« *ablativ'ный* оттѣнокъ въ нашихъ примѣрахъ. Сообщить это соображеніе будетъ болѣе уместно ниже.

Но πρὸς соединяется еще и съ *δοτική*. Въ примѣрахъ на πρὸς съ *δοτική* мы должны различать *три* типа явленій: ἀσέν με πρὸς ἑταροῖσι κακοῖσιν ἕπνος σκέτλιος (Od. κ. 68); ὡς ὁ Λαῖος κατασφραγείη πρὸς τριπλαῖς ἀμαξιτοῖς (Soph. Oed. γ. 130); μή πῶς μ' ἐκβαίνοντα βάλῃ λίθῃσι ποτὶ πέτρῃ κῆμα μετ' ἀρπάζαν (Od. ε. 415).

Въ первомъ примѣрѣ, пожалуй, опять таки можно было бы усмотрѣть »*δοτικὴν* при *σύν*«, какъ мы ее усматривали въ μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον: сбиль меня сонъ *супротивъ* злыхъ товарищей и *наравнѣ* съ ними (*супротивъ* достигалось бы *предлогомъ*, а *наравнѣ* — падежемъ). Обыкновенно передаютъ разбираемый нами предлоговый оборотъ черезъ русское *вдобавокъ къ чему* (πρὸς τούτῳ = *вдобавокъ къ* этому, т. е. *кромя* этого). Конечно, выраженіемъ *вдо- бавокъ къ чему* какъ нельзя лучше указывалось бы на »добавляемое«, какъ на совершенно *равноправное* съ »по- полняемымъ« этою »добавкою«. Но тутъ *опять* выступаетъ то же »соображеніе«.

Въ другихъ двухъ изъ приведенныхъ нами примѣровъ на πρὸς съ *δοτική* (Soph. Oed. γ. 130 и Od. ε. 415) нѣтъ оттѣнка »*δοτικῆς* при *σύν*«, а есть оттѣнокъ »*δοτικῆς* при *ἐν*«. Когда мы устанавливали терминъ »*δοτικὴ* при *ἐν*«, — терминъ лишь *временный*, — то мы еще не знали того чрезвычайно важнаго положенія, что предлоги принадлежать къ тѣмъ частямъ рѣчи, которыя, если *имѣется* падежъ съ специальнымъ оттѣнкомъ, выражаемымъ самими ими, то они соединяются съ *этими* падежемъ, а не съ общимъ

родовымъ. Если въ выраженіи $\epsilon\nu\tau\eta\gamma\eta$ нѣтъ отгѣнка »*δοτικῆς* при $\sigma\upsilon\nu$ «, и если » $\epsilon\nu$ « *все-таки* соединяется съ *δοτικῆς*, а не съ общимъ *родовымъ* падежомъ ($\epsilon\nu\tau\acute{o}\varsigma$, какъ »нарѣчіе«, соединялось бы уже съ общимъ *родовымъ* падежемъ), то это значить, что *δοτικῆς* при $\epsilon\nu$ заключаетъ въ себѣ тотъ же *спеціальный* отгѣнокъ, на который указывается и въ $\epsilon\nu$. Мы здѣсь имѣемъ въ виду *local'ную* функцію греческой *δοτικῆς* (сравни выше стр. 210.).

Что такое *localis*? Гдѣ сохранилъ его греческій языкъ въ его *настоящемъ*, этимологически *самостоятельномъ* видѣ, и каково его *первоначальное* значеніе? Слова *οἶκος*, *χαμαί*, — вотъ этимологически *самостоятельные local'ы*. Но эти слова *сѣмасіологически* чувствуются какъ указатели *простора*, *идѣ* что нибудь происходитъ, а это, казалось бы, не *настоящая* ихъ функція, а функція *чужая*, перенятая ими (вслѣдствіе »стремленія къ *сокращенію* грамматическихъ средствъ«) отъ *собственно-просторовыхъ* формъ на *ϑι*. Такимъ образомъ, формы *οἶκος*, *χαμαί* и т. п. оказываются не особенно выгодными при опредѣленіи *первоначальнаго* значенія *local'a*. Другихъ словъ, *болѣе* удобныхъ, положительно не находишь въ греческомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ, — не съ перваго разу.

Въ славянскомъ языкѣ имѣется во всѣхъ группахъ склоненія *особый*, этимологически *отчеканенный localis*, но только мы, чувствуя его лишь во вторичной роли, обыкновенно даже *не называемъ* его »мѣстнымъ« падежемъ, а при-мѣняемъ къ нему терминъ »*предложный* падежъ.« Въ такой роли (т. е. въ роли падежа, соединяющагося съ *предлогами* и употребляющагося *исключительно* для »сопоставленія предмета съ предметомъ«) даже *не желательна* его изслѣдовать, такъ какъ мы тутъ не находимъ характерныхъ чертъ, которыми онъ въ свою очередь шелъ бы навстрѣчу предлогамъ для *положенія* той картины, которую долженъ нарисовать *весь* предлоговый оборотъ. Мы говоримъ — »нѣтъ характерныхъ чертъ«, кромѣ, пожалуй, одной: это — та, которая отличаетъ *старинный* славянскій *local*, употреблявшійся *самостоятельно* т. е. *безъ* предлоговъ. Въ ста-

рину говорили *Кылевъ, лѣтъ* и. т. д. Но это опять таки не больше, не меньше какъ то же *просторовое* значеніе греческихъ *χαμαὶ οἴχοι* и т. п. *) Этимъ *просторовымъ* значеніемъ, т. е. самимъ тѣмъ *идь*, которое въ немъ заключается, нашъ »предложный« падежъ *дѣйствительно* идетъ навстрѣчу предлогамъ (напр. *въ рѣкѣ*), точно также какъ *вещный* падежъ часто шель навстрѣчу предлогамъ своимъ *куда* (напр. *въ рѣку*), однако это »куда« было лишь *метафорой* »объекта дѣйствія«, а »идь« можетъ ли быть выведено какъ метафора чего-нибудь?

Но, можетъ быть, намъ слѣдуетъ принимать это просторовое значеніе на вопросъ *идь* за *первоначальное* значеніе local'a? Нѣтъ. Тогда мы очутились бы въ томъ же заколдованномъ кругу, изъ котораго уже нѣсколько разъ старались выйти. Тогда и между остальными падежами пришлось бы отыскивать такіе, въ которыхъ просторовыя значенія на вопросы *куда* и *откуда* можно бы провозгласить за первоначальныя (вопросы *идь, куда* и *откуда* не могли не пользоваться »первоначально« однородными средствами языка. **) Но такихъ падежей, — не говоря о томъ, что, найди мы ихъ, формы на *θι-θεν-δε* потеряли бы всякій смыслъ, — положительно *нѣтъ*. Не провозглашать же просторовое значеніе на вопросъ *откуда* за первоначальное въ Ablativ'ѣ, такъ какъ, напр., въ *славянскомъ* языкѣ — Ablativ'a не то что »первоначально«-*просторового*, а вообще *никакого* нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ склоненіяхъ славянскаго языка *не видать* особыхъ формъ Ablativ'a, а въ *просторовомъ* смыслѣ на вопросъ *откуда* онъ *всегда* прибѣгаетъ къ предлогамъ. А между тѣмъ, будь просторовое значеніе *первоначальнымъ* значеніемъ Ablativ'a, — этотъ про-

*) Въ *просторовомъ* значеніи можно встрѣтить въ греческомъ языкѣ даже »этимологически неотчужденныя« local'ы. Сравни: *Ἀήληφ δὲ νέον ἔρνος ἀνερχόμενον ἐνὸ ἦρα* (Od. ξ. 224). Собственно, даже не знаешь, принимать ли *Ἀήληφ* за просторъ, *идь* происходило *ἀνέρχεται*, или даже за нѣчто, что *столна* равняется предлоговому обороту, и въ чемъ *просто* сопоставляется предметъ съ предметомъ, т. е. *νέον ἔρμος* съ *Ἀήλος*.

**) Вторично предупреждаемъ, что этотъ аргументъ придется въ свое время *ослабить*, или, по крайней мѣрѣ, видоизмѣнить.

сторовой Ablativ непременно отыскался бы въ славянскомъ языкѣ, разь послѣдній имѣеть такіе local'ы, какъ *Кыевъ*, съ просторовымъ значеніемъ. — Что же касается простороваго значенія на вопросъ *куда*, то въ лучшемъ случаѣ ему можно отвести въ греческомъ языкѣ падежъ *вещный*, съ его оттѣнкомъ «цѣли движенія», а въ славянскомъ — dativ (Новугороду). Но можно ли его провозгласить за первоначальное значеніе этихъ падежей? Обстоятельство, что на вопросъ *куда* отвѣчаютъ въ двухъ родственныхъ языкахъ разные падежи, не служитъ ли прямымъ доказательствомъ того, что просторовое значеніе на вопросъ «куда» навязано падежамъ (иначе языки сошлись бы въ выборъ падежа). Мы уже не говоримъ о томъ, что вопросъ о метафористикѣ, какъ мы его поставили на стр. 255, былъ бы неразрѣшимъ.

Славянскій языкъ, преимущественно чешское нарѣчіе, представляетъ цѣлую группу характерныхъ local'овъ. Это — формы *dobře, věrně, blaze* и т. д. *) Хотя ихъ грамматика называетъ «нарѣчіями», но мы о нихъ должны повторить то же, что сказали на стр. 267 о греческихъ формахъ *καλῶς* и др., являющихся substantiv'ными *ablativ'ами*. Не имѣлъ ли первоначально и localis этического смысла? Если *καλῶς ταῦτα ἐποίησε* значить «онъ это сдѣлалъ, исходя отъ прекраснаго», то *οὐ σκωῖεὶ βῆρῆ* могло бы обозначать: онъ служить, вращаясь въ области вѣрности. Конечно, это этическое значеніе могло въ послѣдствіи опять таки «огрубѣть», да и *ογрубѣло* на дѣлѣ, перейдя въ просторовое значеніе, и даже, быть можетъ, въ значеніе, составившее первоначально функцію предлоговыхъ оборотовъ, какъ это мы замѣтили на выраженіи *Ἀήλη νόον ἔργος ἀνερχόμενον ἐνόησα* (смотри подстрочное примѣчаніе на стр. 271). Въ этомъ «огрубѣвшемъ» видѣ мы можемъ назвать, пожалуй, нашъ падежъ падежемъ «мѣстнымъ».

*) Delbrück (Grundr. III, 573): Locativische Adverbien von Adjectiven liegen zwar auch in den von mir herangezogenen slavischen Sprachen vor, sind aber besonders häufig im čechischen; затѣмъ Дельбрюкъ приводитъ примѣры въ родѣ нашихъ *добръ* и др. (сравни также Miklosich Vergl. Gramm. IV. 662.)

Этотъ то мѣстный падежь мы и встрѣчаемъ въ *δοτικῇ* при *ἐν* *). Въ другихъ двухъ примѣрахъ на *πρὸς*, приведенныхъ на стр. 269, мы также должны усматривать мѣстный падежь, и притомъ *необходимый*, вносящій въ мысль нѣчто новое отъ себя, а не то что »поддерживающій«¹ лишь своимъ значеніемъ значеніе предлога, какъ это было при *ἐν*: *Ὡς ὁ Λάϊος κατασχαυεῖν πρὸς τριπλαῖς ἀμαξιτοῖς* значить »*супротивъ* перекреста и *на* немъ«, и то же самое мы видимъ въ *μὴ με βάλῃ ποτὶ πέτρῃ κῦμα*. Мы бы не отличали втораго примѣра отъ перваго, если бы не то обстоятельство, что на *πέτραν* можно смотрѣть еще какъ на *црль движенія*, и тогда придется объяснить, почему здѣсь поставленъ не вещный падежь, а мѣстный.

Дѣло въ томъ, — это извѣстно, впрочемъ, читателю и безъ нашего объясненія, — что часто при выраженіяхъ движенія языкъ въ симасіологическихъ ихъ дополненіяхъ указываетъ не на *црль*, а на *результатъ* этого движенія. Такъ и по русски говорятъ *куда ты кладешь книгу*, и рядомъ съ этимъ встрѣчается выраженіе *идь ты положилъ книгу* (*куда ты двалъ это* и *идь ты двалъ это* и т. д.).

А теперъ сообщимъ и соображеніе, о которомъ мы уже нѣсколько разъ предупреждали читателя, и на которое въ первый разъ наткнулись при разборѣ примѣра *μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον* (стр. 252). Правильно ли, что мы въ предлоговый оборотъ, имѣющій *одну* падежную форму, вносимъ два симасіологическихъ оттѣнка? Правильно ли, что въ *μετά* съ *dativ'омъ* и въ *πρὸς* съ *dativ'омъ* мы искали — то *мѣстный* падежь, то »*δοτικῇν* при *σύν*«, а *πρὸς* съ *genitiv'омъ* сводили то къ *родовому* падежу, то къ »огрубѣвшему«² *ablativ'ному* оттѣнку? Если при *ἐν* соединяющійся съ нимъ *dativ* былъ падежемъ *мѣстнымъ*, а при *σύν* — совершенно другимъ падежемъ, то это вполнѣ понятно: само *ἐν* и самъ *σύν* искали себѣ падежей согласно своему *собственному* смыслу, и если эти искомые ими и *неодинаковые* падежи встрѣтились въ одной *этимологической* формѣ, то это чистая

*) Теперь ясно, что *δοτικῇ* при *ἐν* есть не *собственная* *δοτικῇ*, а *мѣстный* падежь, функцію котораго *приняла* на себя *δοτικῇ*.

случайность, не приводящая въ языкѣ ни къ какимъ недоразумѣніямъ, такъ какъ всякія недоразумѣнія разрѣшаетъ именно »собственный« смыслъ самихъ предлоговъ. Русское »отъ« требуетъ »огрубѣвшаго« ablativ'наго отгѣнка, русское »у« требуетъ родоваго падежа, и никто никогда не смѣшаетъ этихъ падежей, если ему придется сопоставить выраженіе *отъ брата* съ выраженіемъ *у брата*. Но чтобы известная падежная форма, приуроченная къ известному предлогу получала въ однихъ выраженіяхъ одно, а въ другихъ — другое значеніе, это едвали возможно. Тогда предлоговый оборотъ не составлялъ бы нѣчто совершенно самостоятельное въ языкѣ, находящее оправданіе для своего появленія лишь въ предметъ (стало быть, въ существительномъ, — извлеченномъ ли, или дѣйствительно данномъ, — это другой вопросъ), съ которымъ отмѣченный при самомъ предлогѣ предметъ »сопоставляется«, а зависѣлъ бы въ своей симасіологій, т. е. въ своихъ симасіологическихъ отгѣнкахъ, отъ какихъ нибудь другихъ словъ. Проверимъ еще разъ толкованіе четырехъ, а то даже пяти примѣровъ на *πρός*, въ которыхъ мы искали »огрубѣвшій« ablativ'ный отгѣнокъ на стр. 268–9. Не былъ ли тамъ навязанъ этотъ отгѣнокъ родовому падежу словами *ожидаетъ, получила, исходящій* и по приказанію, *исходящему отъ*...? Не имѣютъ ли всѣ эти *ожидаетъ* и подобныя (они даны то въ текстѣ, а то лишь въ контекстѣ) — не имѣютъ ли они для предлога и для его падежа такъ же мало значенія, какъ имѣли глаголы *ἦλθον* и другіе для *εἰς* и его вещнаго падежа? (смотри выше стр. 242). И кто будетъ искать въ выраженіи *я отнял книгу у брата* »огрубѣвшій ablativ'ный отгѣнокъ« даже въ томъ случаѣ, если тутъ идетъ рѣчь не о »сопоставленіи« книги съ братомъ, а о »сопоставленіи« отнятія съ братомъ (въ русской фразѣ »отними это у брата« рисуется отнятіе происходящимъ у брата)? Въ виду всего этого мы не можемъ настаивать на »огрубѣвшемъ ablativ'номъ отгѣнкѣ« въ нашихъ пяти случаяхъ появленія Genitiv'a при *πρός*. Что касается нашего предложенія искать въ нѣкоторыхъ случаяхъ при *πρός* и *μετά*

»δοτικὴν при σὺν«, то о нихъ можетъ быть рѣчь только тогда, когда мы ближе познакоимся съ самою этою *δοτικῇ*.

Остается разобрать *πρός* съ вещнымъ падежемъ. Эти явленія не представляютъ собою ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что намъ уже извѣстно, а потому ограничимся толкованіемъ типичныхъ примѣровъ:

πρός ἡδονήν — супротивъ удовольствія, *достигая* его, или *стремясь* къ нему — *ради* удовольствія.

πρός τί ταῦτα λέγεις — супротивъ чего и *желая* чего *достигнуть*, ты это говоришь?

πρός τὰ πάτρια ἔθνη ζῆν — жить супротивъ старинныхъ обычаевъ, *достигая* ихъ — *подражая* имъ — жить *по* обычаямъ старины.

ἐβουλεύοντο πρός τήν παρούσαν συμφοράν — они разсуждали супротивъ (= въ виду) настоящаго интереса, *разрабатывая* его въ своихъ разсужденіяхъ — они разсуждали *соотвѣтственно* настоящимъ интересамъ.

πρός ἑσπέραν — супротивъ вечера, съ *достиженіемъ* вечера, или, по крайней мѣрѣ, съ *стремленіемъ* къ нему.

ἔλεγε πρός ἐμέ — говорилъ супротивъ меня, *запрошывая* меня словами.

ὀρχεῖσθαι πρός αὐλόν — плясать супротивъ флейты, принимая во вниманіе и въ *руководство* весь ритмъ и всю мелодію, какую даетъ флейта.

ἄπιστον τὸ πλῆθος λέγεται ἀπολέσθαι ὡς πρός τὸ μέγεθος τῆς πόλεως (Thuc. 3. 113) — говорятъ, погибло число людей, *неимовѣрное* супротивъ величины города, принимая во вниманіе эту величину *всю, отъ начала до конца*.

Παρά. Этотъ предлогъ указываетъ на помѣщеніе чегонибудь *возмъ* предмета. При отсутствіи всякихъ постороннихъ оттѣнковъ этотъ предлогъ долженъ, судя по прежнему, соединяться съ *родовымъ* падежемъ. И, дѣйствительно, мы его встрѣчаемъ въ этомъ сочетаніи (Soph. Antig. 1124: *Βαχχεῦ, Βαχχᾶν μητρόπολιν ναϊετῶν παρ' ἑγροῶν Ἴσμετροῦ ὄε ἐθρον* и др.). Родовой падежъ послѣ *παρά* встрѣчается особенно часто при названіяхъ тѣхъ предметовъ или, въ *данномъ* случаѣ, скорѣе *лицъ*, у которыхъ мы что нибудь *бе-*

ремъ, узнаемъ и т. п.: *τάδ' εἶσεται Κρέων ἄλλου παρ' ἀνδρός*. Послѣ данныхъ нами разъясненій мы не станемъ здѣсь искать »огрубѣвшаго« ablativ'наго отгѣнка, какъ его ищутъ нѣмецкіе грамматики, руководясь своимъ оборотомъ »von Jemandem etwas lernen«. Русскій оборотъ *учится у кого*, — оборотъ *цѣльный, не нуждающійся* ни въ какихъ пополненіяхъ (назову ли я предметъ, которому я учусь, или нѣтъ, это для »оборота« все равно), — показываетъ намъ, что *у кого* »зависитъ«, отъ *учится*. Переводя это на нашъ языкъ, мы скажемъ, что здѣсь »сопоставляется« *ученіе* съ лицомъ, у котораго я учусь, а не предметъ, *которому* я учусь, и не лицо, *которое* учится. Ученіе это представляется происходящимъ *возль**) лица, у котораго я учусь, въ его, какъ бы, *сосѣдствѣ*, а потому и поставлено въ *преческомъ* языкѣ *παρά* съ *родовымъ* падежемъ на *общемъ* основаніи.

Παρά соединяется съ *мѣстнымъ* падежемъ, когда приходится обозначать не столько нахождение предмета *возль* предмета, сколько скорѣе то, что предметъ *примыкаетъ* къ предмету; сравни: *ὀρμίζεσθαι παρά Χερρονήσου* (Хер. Анаб. V. 10.2), *τιλανυεῖ παρ' ὀχθῆς ἡστο* (Soph. Trach. 524) и др. Иногда *παρά* съ мѣстнымъ падежемъ просто обозначаетъ мѣстное пространство, *идь* что нибудь происходитъ (*παρά βομφῶ φύνει*; Soph. Oed. Col. 1158); что предлоговый оборотъ получилъ *просторовое* значеніе, это не должно удивлять читателя послѣ всего, *разъясненнаго* нами.

Въ объясненіи явленій, гдѣ *παρά* соединяется съ падежною формою *dativa*, очень часто приходится думать о *собственной дотикѣ*. Когда говорятъ *ἄτιμος ἔσει παρ' αὐτοῖς*, то *παρ' αὐτοῖς* чувствуется какъ-то равносильнымъ простому *αὐτοῖς* (будешь безчестнымъ *у нихъ*, для *нихъ*, *въ ихъ глазахъ*; *αὐτοῖς* есть *формальное* существительное), а простое *αὐτοῖς* мы назвали бы, по принятому

Нѣмецкое *lernen von Jemandem etwas* представляетъ дѣло иначе; тамъ само то *etwas*, которому я учусь, *переходитъ* къ учащемуся отъ лица, у котораго онъ учится.

въ грамматикѣ, въ данномъ случаѣ очень *мягкому* выраженію, *этическимъ* dativ'омъ. Пѣтъ сомнѣнія, что *этический* dativus представляетъ собою одинъ изъ отгѣнковъ *собственной дотихі* (не искать же въ »ἄτιμος ἔσει αὐτοῖς« *мстнаго* падежа, а *instrumentalis*,* хотя нами еще не разобранъ, но въ *общемъ* онъ долженъ обозначать предметъ какъ нѣчто такое, *чьмъ* что нибудь совершается, а это тоже къ нашему »ἄτιμος ἔσει αὐτοῖς« не примѣнимо).

Что такое *собственная дотихі*? Это — та же *дотихі*, которую мы до сихъ поръ называли »*дотихі* при *σύν*« (ибо и при *σύν* ни о мѣстномъ падежѣ, ни объ *instrumental'ѣ* не можетъ быть рѣчи), и которая до сихъ поръ выступала какъ указатель *дѣятеля* (мы говорили, что это преимущественно *лицо*, а не неодушевленный *предметъ*), *равноправнаго* съ другимъ дѣятелемъ. Но этимъ ея значеніе не исчерпывается.

Говоря о глаголѣ, мы неоднократно называли или *могли* называть предметъ, стоящій при немъ въ именительномъ падежѣ, носителемъ той *ἐνεργεία* или того *πάθος*, которыя отмѣнены въ залоговомъ отгѣнкѣ глагола. Именительный падежъ, этотъ »ближайшій опредѣлитель лица, обозначеннаго въ окончаніи самого глагола«, и находящійся, какъ мы въ свое время выяснили, въ отношеніи *логическаго равенства* съ лицомъ глагола (смотри выше стр. 179), — именительный падежъ, какъ выразитель *носителя τῆς ἐνεργείας* или *τοῦ πάθους*, въ риматическомъ предложеніи можетъ встрѣтиться только *разъ*, такъ какъ риматическое предложеніе имѣетъ только *одинъ* глаголъ съ *однимъ* лицомъ въ окончаніи (случаи, гдѣ *нѣсколько* именительныхъ падежей или *нѣсколько* глаголовъ *соединены* между собою черезъ какое-нибудь *καί* или *ἤ*, *исключаются* изъ настоящаго разсужденія).

А если вдругъ понадобятся для осуществленія дѣйствія, выраженаго въ глаголѣ, *два* носителя *τῆς ἐνεργείας* (о *πάθος* мы пока умалчиваемъ), — если понадобятся *два* дѣятеля или, скажемъ, — въ виду *множественнаго* числа глагола, — двѣ

*) Въ греческой падежной формѣ dativ'a, какъ выяснено на стр. 210, только и могутъ заключаться три падежа: *собственная дотихі*, *мстный* падежъ и *instrumentalis*.

сторонъ дѣателей? Взаимно-движимое дѣйствіе (смотри выше стр. 103) потому, вѣдь, только и мыслимо, что дѣятель переводитъ свое дѣйствіе на другое лицо, а это лицо, въ свою очередь, переводитъ свое дѣйствіе на дѣателя. Словомъ, »взаимно-переводное« дѣйствіе мыслимо только при *двухъ* дѣателяхъ или при *двухъ* сторонахъ дѣателей. Положимъ, взаимно-переводное дѣйствіе можетъ обойтись *именительнымъ* падежемъ: во фразѣ *οἱ φίλοι διαλέγονται* слово *οἱ φίλοι* можетъ выражать *обѣ* стороны дѣателей. Но если бы мы пожелали выразить въ *именительномъ* падежѣ нашей фразы только *одного* изъ дѣателей или *одну* изъ сторонъ, то должны будемъ сказать: *Σοκράτης διαλέγεται τοῖς συνοῦσι, οἱ Ἀθηναῖοι μάχονται τοῖς Λακεδαιμονίοις; τοῖς συνοῦσι* и *τοῖς Λακεδαιμονίοις* суть, несомнѣнно, *собственные* *δοτικαί*.

Все это разсужденіе представляетъ собою лишь болѣе подробное изложеніе того, что сказано нами на стр. 253. Имъ мы ничего новаго не выгадываемъ для *собственной* *δοτικῆ* сравнительно съ тѣмъ, что о ней уже сообщено: *δοτικῆ* и въ *взаимныхъ глаголахъ* указываетъ на лицо, какъ на *равноправное* съ лицомъ, показаннымъ въ »именительномъ падежѣ при глаголѣ« (объ этомъ терминѣ сравни выше стр. 177): мы говоримъ здѣсь о »лицѣ«, такъ какъ носитель *τῆς ἐνεργείας* есть *непремѣнно* *лицо*, или *лицетворенный* предметъ.

А теперь возьмемъ случай, гдѣ въ *именительномъ* падежѣ при глаголѣ обозначенъ носитель *τοῦ πάθους*. Чѣмъ же тогда обозначить самого дѣателя, если его *нужно* почему либо опредѣлить? Хотя и говорятъ »ἡ ἐπιστολὴ γέγραπται ὑπὸ Ξενοφώντος« (дѣло переводится на »сопоставленіе предмета съ предметомъ«, т. е. на сопоставленіе писанія съ Ксенофонтомъ, отъ котораго самое писаніе *удаляется*), однако *рядомъ* съ этимъ мы слышимъ »ἡ ἐπιστολὴ γέγραπται Ξενοφῶντι«. *Dativ* *Ξενοφῶντι* является здѣсь указателемъ не *равноправного* съ кѣмъ нибудь другимъ дѣателя, а *просто* »дѣателя«, на котораго, въ силу особаго приѣма въ конструкціи предложенія, нельзя было указать *именительнымъ* падежемъ.

Есть ли dativ, появляющийся во фразѣ ἐπιστολὴ γέγραπται Ξενοφῶντι, собственная δοτικὴ, или нѣтъ? Едва ли. Русское выраженіе »письмо написано Ксенофонтомъ« скорѣе указываетъ на *instrumentalis*. О собственной δοτικῇ мы могли бы въ нашей фразѣ толковать тогда, если бы она получила смыслъ »письмо написано Ксенофонту« (= для Ксенофонта). Но тогда Ксенофонтъ былъ бы ужъ носителемъ не τῆς ἐνεργείας, а чего то, что совершилось помимо всякаго участія съ его стороны, т. е. онъ былъ бы носителемъ настоящаго πάθους. Онъ былъ бы такимъ же носителемъ πάθους, какимъ онъ является во фразахъ μέλει μοι τοῦ δεῖνα, δεῖ μοι τοῦ δεῖνα (вообще въ безличныхъ глаголахъ) ἐρένετο μοι ταῦτα и т. п.

Выходитъ, что собственная δοτικὴ въ риматическихъ предложеніяхъ обозначаетъ носителя и ἐνεργείας и πάθους, другими словами, что она между косвенными падежами можетъ оказать глаголу такую же услугу, какъ »именительный падежъ при глаголѣ«. Она появляется при глаголѣ либо какъ помощница именительному падежу (когда нужно указать на двѣ стороны дѣятелей), либо — вслѣдствіе какой нибудь синтаксической необходимости, — вмѣсто именительнаго падежа (при μέλει μοι и под.), либо, вообще, чѣмъ то въ родѣ именительнаго падежа (γίγνεται μοι τοῦτο). Она, хотя и »падаетъ«, но ея »паденіе« не является такимъ ἔπιπτον, какимъ оно оказалось въ вещномъ падежѣ (гдѣ, такъ сказать, съ предметомъ можно было дѣлать что угодно) а представляетъ лишь небольшое уклоненіе, происшедшее отъ случайнаго обстоятельства: въ предложеніи нѣтъ мѣста для того, чтобы она стояла ὀρθῶς, какъ именительный падежъ.

Что касается этической δοτικῇ, то она не имѣетъ того непосредственнаго отношенія къ глаголу, о которомъ мы говорили до сихъ поръ, но этимъ только расширяетъ роль собственной δοτικῇ въ рѣчи. Если δοτικὴ при глаголѣ указываетъ на носителя ἐνεργείας или πάθους, выраженныхъ въ самомъ глаголѣ, то въ этической δοτικῇ указывается, какъ извѣстно, на главнаго судью, на носителя, какъ бы, той мысли, которая выражена во всей рѣчи, заключающей

въ себѣ эту *δοτικὴν*. И въ *δοτικῇ* при глаголѣ, и въ этической *δοτικῇ* — предметъ, выраженный падежемъ, рѣзко выступаетъ какъ *лицо*, т. е. какъ нѣчто *одушевленное*. Лицомъ по преимуществу являлся предметъ и въ *δοτικῇ* при *οὐν*, и эту олицетворенность предмета нашъ падежъ отличается *положительно* отъ всѣхъ косвенныхъ падежей. О ней, какъ о преобладающей, нельзя говорить ни въ *родовомъ* падежѣ, ни въ »огрубѣнемъ« *ablativ'номъ* его отгѣнкѣ, если таковой придется признавать за греческимъ родовымъ (до сихъ поръ не было въ немъ надобности), ни въ *instrumental'ѣ* (хотя въ *Ξενοφῶντι γέγραπται* — признанное нами за *instrumentalis* *Ξενοφῶντι* оказывается *лицомъ*, но все же *instrumentalis* долженъ оставаться выразителемъ того, *чѣмъ*, а не *къмъ* что нибудь дѣлается). Что же касается *вещнаго* падежа, то онъ составляетъ въ этомъ отношеніи прямую *противоположность* нашей *δοτικῇ*. Когда я говорю *ζῆμι ἂν αὐτόν*, то не представляется ли наказываемый *именно* вещью, съ которою я, какъ мы выразились выше, дѣлаю, что мнѣ угодно. Съ другой стороны, когда говорятъ *этому дѣлу не поможешь*, то не представляется ли самое *дѣло* чѣмъ то *главнымъ* въ отнесенной къ нему мысли? — не является ли оно *тоже*, какъ бы, носителемъ *πίθοις*, совершаемаго черезъ дѣйствіе *помогать*, и въ то же время *руководящимъ* моими дѣйствіями, — такъ сказать, *хозяйномъ* ихъ, точно *одушевленное* существо, имѣющее свои интересы, которые я соблюдаю. Мысль о *руководствѣ* и *хозяйничаніи* мы прибавили по *двумъ* причинамъ. Съ одной стороны это нужно было прибавить по *существо*. Ибо и въ этомъ *хозяйничаніи* и *руководствѣ* проявляется, да и прямо *чувствуется* »личность« лица, показаннаго въ *δοτικῇ*, не иначе чѣмъ она проявляется и *чувствуется* въ этомъ падежѣ, когда я въ немъ указываю на кого нибудь, *съ кѣмъ* я *борюсь*, *кому* я (форма *кому* есть *собственная* *δοτικῇ*) »*противодѣйствующую*«. Съ другой стороны нужно было упомянуть о »*хозяйничаніи*«, о »*соблюденіи* *интересовъ*«, — съ этою цѣлью мы говорили и о »*противодѣйствіи*«, — чтобы выяснитъ *полную* *противоположность* *τῆς δοτικῆς* *вещному* падежу.

Если бы мы не упоминали объ этихъ обстоятельствахъ, если бы мы, въ толкованіи фразы *этому дѣлу не поможешь*, оставались при одномъ терминѣ «носителя тоῦ πάθους», то намъ можно было бы возразить, что и въ ζῆμιῶ τὸν παῖδα, стало быть, и въ *вещномъ* падежѣ, παῖς является «носителемъ тоῦ πάθους», хотя болѣе правильно и болѣе согласно съ значеніемъ падежей будетъ, если мы *здесь* на παῖδα будемъ смотрѣть именно какъ на вещь; носителемъ тоῦ πάθους, т. е. чѣмъ то главнымъ, на чемъ все сосредоточивается, и настоящею личностью будетъ παῖς только во фразахъ ὁ παῖς ἐζῆμιώθη и ταῦτα ἐγένετο τῷ παιδί.

Греки, назвавъ всякую падежную форму dativ'a «δοτικὴ» или «ἐπιστατικὴ», повидимому, при созиданіи этого термина имѣли въ виду глаголы δίδωμι и ἐπιστέλλω, которые имъ показались представителями глаголовъ, дополняющихся этою падежною формою. Это — терминъ, несомнѣнно, болѣе слабый и менѣе философскій, чѣмъ другіе термины, характеризующіе падежи. Но также несомнѣннымъ оказывается и то, что этимъ терминомъ падежная форма dativ'a обозначена какъ *собственная δοτικὴ*. Ибо и δίδωμι, и ἐπιστέλλω предполагаетъ *двухъ* дѣятелей: когда я даю, то другой *принимаетъ*, и когда я «поручаю», то другой исполняетъ. Мы, на основаніи всего сказаннаго, назвали бы собственную δοτικὴν *личнымъ* *) падежемъ, въ противоположность *вещному*. Не будемъ, конечно, терять изъ виду того, что для оправданія этихъ терминовъ нужно часто олицетвлять одно и олицетворять другое.

Что же теперь дѣлать съ примѣромъ ἄτιμος ἔσει παρ' αὐτοῖς? Признавать ли въ немъ личный падежъ, или нѣтъ? То соображеніе, что *известная* падежная форма,

*) Усматриваніе въ собственной δοτικῇ *личнаго* преимущественно падежа мы встрѣчаемъ и у Дельбрюка (см. выше стр. 237), и не только у него, но еще раньше. Жаль только, что это осталось безъ послѣдствій для опредѣленія значенія этого падежа. Kühner (Ausf. Gramm. II. 349) замѣчаетъ: Dass der Dativ recht eigentlich der Personencasus ist, geht aus der Erscheinung vor, dass es Sprachen giebt, die, wenn eine Person Gegenstand eines sonst transitiven Verbs ist, den Dativ gern statt des Accusativ gebrauchen.

приуроченная къ *известному* предлогу, едва ли можетъ раздвигаться въ своей падежной симасіологіи, говорить *противъ* личного падежа въ нашемъ примѣрѣ, такъ какъ признаніе за *dativ'ною* формою *другого* падежа, именно *мѣстнаго*, при предлогѣ *παρά* является симасіологическою *необходимостью*. Не переводить же *ὀρμίζεσθαι παρά Χερρονήσῳ* или *ἴστο παρ' ὄχθῳ*, или *παρά βωμῶ θύειν* (см. стр. 276) на *личный* падежъ! Но нельзя ли *наоборотъ*? — нельзя ли то, изъ за чего мы въ *ἄτιμος ἔσει παρ' αὐτοῖς* думали о *личномъ* падежѣ, вывести изъ значенія *мѣстнаго* падежа? Мѣстный падежъ оказался огрубнѣніемъ *этической почвы*, на которой совершается —, или *этической области*, въ которой *вращается* дѣйствіе. Другими словами, мѣстный падежъ указывалъ на предметъ какъ на *нѣчто* такое, къ чему что нибудь другое непосредственно *примыкаетъ*, — съ чѣмъ что нибудь другое непосредственно *связывается*. Такъ было при *ἐν*, такъ было и въ *μετὰ χερσῖν*, и въ *πρὸς τριπλαῖς ἀμαξιτοῖς ἐσφάγη*, и въ *παρὰ βωμῶ θύειν*. Если толковать о *локальности* въ мѣстномъ падежѣ, то эту *локальность* придется принимать въ *ограниченномъ* смыслѣ. И въ выраженіи *птица надъ крышею* есть локальность, но это — не локальность, вытекающая изъ «огрубнѣнія» *этической почвы*, на которой что нибудь совершается или *этической области*, въ которой что нибудь *вращается*. О такой локальности можно толковать лишь въ выраженіяхъ «труба на крышѣ», «стропила непосредственно подъ крышею» и т. п. И не выходитъ ли то, изъ за чего мы думали въ *ἄτιμος ἔσει παρ' αὐτοῖς* о *личномъ* падежѣ, *метафорою* такой локальности? Если какое нибудь лицо является *главнымъ судьей* въ чемъ нибудь, или распорядителемъ и вообще *хозяйномъ* чего нибудь, или просто, какъ мы говорили, *носителемъ τῆς ἐνεργείας* или *τοῦ πάθους*, то не сосредоточивается ли *на немъ* или *въ немъ* все то, о чемъ оно судить, чѣмъ оно распоряжается, носителемъ чего оно является? И не есть ли само *выраженіе* «сосредоточиваться на комъ или въ комъ» — не есть ли и оно метафора локальности *мѣстнаго* падежа, и не свидѣтель-

ствуешь ли и оно о томъ, какъ легко »личность« лица перевести на локальность *мьстнаго падежа*?

Да, мы думаемъ, что въ ἄτιμος ἔσει παρ' αὐτοῖς мы имѣемъ дѣло только съ локальностью, — съ локальностью *мьстнаго падежа*, съ локальностью *метафоризированною*, и что ἄτιμος ἔσει παρ' αὐτοῖς слѣдуетъ толковать: ты будешь безчестенъ въ ихъ *сосѣдствѣ*, непосредственно примыкающемъ къ нимъ. И въ πρός ἐταροῖσι κακοῖσιν ὕπνος (см. стр. 269) мы должны видѣть простое *примыканіе* чего то къ чему то. Что касается μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον, то и его, конечно, можно перевести на *мьстный падежъ*, какъ мы это на стр. 252 и сдѣлали, хотя не знаемъ, не свернуло ли тутъ μετ' на путь *аналогіи* съ словомъ σὺν. Эта »аналогія«, — эта *ложная* аналогія, которая такъ часто беретъ верхъ надъ явленіями языка, это *завненіе собственной* роли предлога μετ' въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ, пожалуй, способно *ослабить* соображеніе, что *извѣстная* падежная форма, пріуроченная къ *извѣстному* падежу, не должна бы симасіологически раздваиваться. Но если и въ μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον мы имѣемъ дѣло съ *мьстнымъ* падежемъ, то *единственнымъ* случаемъ появленія *личнаго* падежа при предлогахъ остается до сихъ поръ *только* случай съ σὺν. При σὺν мы отъ *личнаго* падежа не можемъ отказаться, такъ какъ въ *личномъ* падежѣ мы видимъ здѣсь, какъ о томъ въ свое время толковали, лучшее и *необходимое* пополненіе *предлога*, для достиженія той *общей* картины, которую рисуетъ *весь* предлоговый оборотъ.

Возвратимся къ предлогу παρά. При немъ осталось разобрать еще только *вещный* падежъ. Какъ въ πρός съ *вещнымъ* падежемъ, такъ и здѣсь не придется открывать ничего новаго по вопросу о падежахъ, и вся наша задача будетъ состоять въ томъ, чтобы исчерпать, по возможности, всю *метафористику* этого предлогового оборота.

ἔρχεται παρὰ Πρωταγόραν — становится возлѣ Протагора, дѣлая Протагора *црлью* движенія.

παρὰ ποταμόν — *возлѣ рѣки, отъ начала ея до конца, то есть, отъ начала до конца на известномъ разстояніи — вдоль рѣки.*

παρὰ τὴν ἐκείνου ἀρχήν = *вдоль его начальствованія, отъ начала до конца = во все время —, а то и просто »во время« — его начальствованія (разстояніе тутъ можно сократить, какъ его можно было сократить а при παρὰ ποταμόν).*

ταῖς ἐκ τῶν νόμων τιμωρίας παρ' αὐτὰ τὰ ἀδικήματα χρῆσθαι (Dem. 18. 13) = *наказанія, вытекающія изъ законовъ, примѣнять вдоль преступленій, рядомъ, параллельно съ преступленіями = сейчасъ, не откладывая ихъ.*

παρὰ τὴν δόξαν = *вдоль ожиданія, не встрѣчаясь нигдѣ съ нимъ, минуя его = противъ ожиданія.*

παρὰ τὴν Βαβυλῶνα παριέναι = *идти все лишь возлѣ Вавилона = обойти Вавилонъ.*

παρὰ τέτταρας ψήφους μετέσχε τῆς πόλεως (Isocr. 3·37) = *минуя четыре голоса = помимо нихъ = не будучи четырехъ голосовъ, онъ могъ попасть въ распорядители общественными дѣлами.*

ἐκαστος οὐ παρὰ τὴν ἑαυτοῦ ἀμέλειαν οἶεται βλάψειν (Thuc. 1.41) = *каждый думаетъ, что вредъ возникнетъ не вдоль его безпечности, что вредъ, если возникнетъ, то не рядомъ, не черезъ его собственную безпечность.*

δομάζειν τι παρὰ τι (Plat. Crat. 339 a) = *поименовать что нибудь вдоль чего нибудь = рядомъ съ чѣмъ нибудь = соответственно чему нибудь (русское соответственно предполагаетъ параллельность, а параллельность указываетъ на линію, вдоль которой что нибудь идетъ).*

παρὰ τὰ ἄλλα ζῶα ὅσπερ θεοὶ οἱ ἀνθρώποι βιοτεύουσιν (Xen. Memorab. I. 4·14) = *рядомъ съ остальными животными = сравнительно съ остальными животными люди живутъ словно боги.*

ὡς παρ' οὐδὲν ἄγειν τὸ πρᾶγμα (Soph. Ant. 35.) = *вести дѣло такъ, какъ оно ведется рядомъ ни съ чѣмъ = вести дѣло такъ, какъ оно ведется сравнивая его ни съ чѣмъ = считать дѣло ничьмъ, считать его пустымъ.*

παρά μῆνα τρίτον = всегда рядомъ съ третьимъ мѣсяцемъ, минуя остальные два = каждый третій мѣсяць.

παρ' ἐνιαυτόν = *минуя**) годъ = *черезъ* годъ, каждый *второй* годъ (это не значить, что нѣчто должно происходить *весь* второй годъ; тутъ, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ, вопросъ идетъ *только* объ опредѣленіи времени; ближе объ этомъ при предлогѣ *κατά*).

παρ' ἡμέρα = всегда рядомъ съ днемъ = что день, то дѣло = ежедневно (*здѣсь* *παρά* указываетъ опять на *прикосновенность* »дѣла« къ времени**).

Κατά — ἀνά. *Κατά* указываетъ на движеніе чего-нибудь *сверху внизъ*. Для рѣшенія вопроса о *надежахъ* при *κατά*, мы должны имѣть въ виду *четыре* разныхъ »отношенія.«

1. Если верхъ и низъ является верхомъ и низомъ *одного и того же* предмета, такъ что движеніе, указанное въ словѣ *κατά*, совершается *по* предмету, т. е. по его *поверхности, сверху до низу*, то *κατά*, согласно всему, что выяснено до сихъ поръ о *надежахъ*, должно соединяться съ *вещнымъ* падежемъ. Конечно, для того, чтобы поверхность имѣла *верхъ и низъ*, она не должна быть *непрерѣнно* вертикальною или покатою. И поверхность *моря*, совершенно

*) Однако, что же это такое? Въ однихъ случаяхъ *παρά* указываетъ на то, что дѣло *касается* линии временнаго пространства, а въ другихъ, что оно *микуетъ* ес. Таково ужъ свойство метафористики, приводить въ *многихъ* случаяхъ къ двумъ совершенно противоположнымъ результатамъ. Славянское *запамятовать* имѣетъ и такой смыслъ, что нѣчто *зашло* за память; т. е. осталось *вне* памяти, и такой, что нѣчто *защитилось* за память, т. е. *удержалось* въ памяти. Разнообразіе смысла въ нашемъ *παρά* зависитъ отчасти отъ вопроса, чтó въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мысленно противопоставляется тому *возлѣ*, на которое указано въ самомъ *παρά*. »Возлѣ« подчеркиваетъ или отгнѣнокъ *»не вдали отъ предмета«*, а тогда *παρά* указываетъ какъ бы на *соприкосновеніе* чего-нибудь съ предметомъ, или »отгнѣнокъ« — не *въ самомъ предметѣ*, а тогда въ *»παρά«* отрицается *соприкосновеніе* съ предметомъ. Такъ и чешское *vedle* (= *возлѣ*): то говорить *vedle toho se musíš řídit* (= *этимъ ты долженъ руководиться*), то — *jdí vedle* (= *обойди*).

***) И объ этомъ примѣрѣ будетъ еще рѣчь при предлогѣ *κατά*. Вопросъ относительно послѣднихъ трехъ примѣровъ — не только въ томъ, что въ нихъ не *весь* день, *весь* годъ и *весь* мѣсяць заняты тѣмъ или инымъ дѣломъ; здѣсь еще нужно выяснитъ самую *distributiv'nost'* т. е. пониманіе ихъ въ смыслѣ *каждый* день, *каждый* второй годъ, *каждый* третій мѣсяць.

горизонтальную и ровную, грекъ представлялъ себѣ, соотвѣтственно зрительному воспріятію, вдали отъ берега *выше*, а на самомъ берегу *ниже*.

Объясненное нами *κατά* съ *вещнымъ* падежемъ подается сличенію съ тѣмъ *παρά*, которое, соединяясь съ такимъ же падежемъ, имѣло значеніе русскаго «вдоль чего-нибудь». Разница та, что 1. *παρά* рисуетъ лишь *параллельность* двухъ линий или площадей, а при *κατά* нѣчто одно *покрываетъ* собою другое; 2. при *παρά* само *направленіе* движенія можетъ идти *сверху* внизъ, и *снизу* вверхъ, а при *κατά* — только *сверху* внизъ: *παρά τὸν ποταμὸν* относится одинаково къ направленію *по теченію* рѣки и *противъ* ея теченія (*просто* «вдоль берега»), а *κατὰ τὸν ῥόον* обозначаетъ непременно *по теченію* рѣки.

2. Если предметъ, съ которымъ что-нибудь сопоставляется при посредствѣ предлога *κατά*, самъ находится *наверху*, такъ что движеніе этого «чего-нибудь» превращается въ *удаленіе* отъ этого предмета, то *κατά* должно соединяться съ *родовымъ* падежемъ. Возникаетъ вопросъ: усматривать ли въ этомъ *родовомъ* падежѣ простое *отрицаніе* занятія *однимъ* предметомъ *всей* поверхности другого предмета, слѣдовательно нѣчто *дѣйствительно* лишь *не специальное* и «родовое», или же мы должны наконецъ все таки *признать* за родовымъ падежемъ функцію «огрубѣвшаго» *ablativ'a*? Во вниманіе къ *четвертому* пункту нашихъ замѣтокъ о *κατά*, долженствующему разобрать четвертый видъ «*отношеній*», которыя выражаются при помощи этого предлога, мы рѣшаемся во *второмъ* пунктѣ толковать объ «огрубѣвшемъ» *ablativ'ѣ*, называя его *удалительнымъ* падежемъ (сравни выше стр. 268).*)

Верхнее положеніе предмета, отъ котораго что-нибудь удаляется, приходится иногда чувствовать такъ же слабо,

*) Читателю, надѣмся, нетрудно будетъ убѣдиться, когда ояъ разсмотритъ нашъ четвертый пунктъ, что *κατά* въ сочетаніяхъ *второго* типа *никакъ* нельзя свести къ *κατά* въ сочетаніяхъ *четвертого* типа, т. е. съ нимъ *никакъ* нельзя сдѣлать того, что мы сдѣлали съ *нѣкоторыми* оборотами предлоговъ *πρός* и *παρά*, оставляя ихъ при *обще-родовомъ* падежѣ (см. стр. 274 и 276). Конечно, разъ мы *признаемъ* удалительный падежъ, или, говоря точнѣе,

какъ чувствуется высшее положеніе дальней части моря. И по русски говорить одинаково »сошелъ съ горы« и »прибитай со стола«, хотя только въ первомъ примѣрѣ движеніе *сверху внизъ* чувствуется *рѣзко*, тогда какъ во *второмъ* мы въ сущности выражаемъ то же, что достаточно могло бы быть обозначено простымъ словомъ *прочъ*, безъ особеннаго даже *отчеканиванія* движенія *внизъ*. Сравни слѣдующіе *греческіе* примѣры:

βῆ δὲ κατ' Ἰδαίων ὀρέων εἰς φύλοπιν αἰνὴν (II. π. 677)
= съ Идейскихъ горъ *внизъ* въ страшное сраженіе.

Καὶ ἐρρίπτεον ἔωντοὺς κατὰ τοῦ τείχεος κάτω (Herod. 8. 53) = со стѣны *внизъ*. Здѣсь *низъ* обозначенъ еще особымъ словомъ *κάτω* (симасіологическая тавтологія!). Слово *κάτω* есть *другая* часть рѣчи, чѣмъ *κατά*; оно имѣетъ такое же этимологическое отношеніе къ *κατά*, какъ *εἴσω* къ *εἰς* (сравни выше стр. 265).

ψυχὴ κατὰ χθονὸς ᾤχετο (II. ψ. 100) = съ земли *внизъ*
= *подъ* землю = въ подземное *царство*.

κατὰ τῆς γῆς ἐπλοδύομαι ὑπὸ τῆς αἰσχύνης (Xen. Anab. VII. 8. 11) = съ земли *внизъ* = *подъ* землю = *сквозь* землю проваливаюсь отъ стыда.»

Если мы въ толкованіе этого и предыдущаго примѣра внесли русское *подъ*, то этимъ хотѣли указать на способность фразы выразить дальнѣйшее *слѣдствіе* того, что она *непосредственно* должна выражать своимъ составомъ словъ (*тоже* своего рода *метонимія*, только не метонимія слова, а метонимія фразы): то что *двинута* съ предмета *внизъ*, *можетъ* — это еще не значить, что *непремѣнно должно* — очутиться *подъ* предметомъ. Нечего, кажется, особенно распространяться о томъ, что движеніе *подъ предметъ* и нахожденіе *подъ предметомъ* не можетъ быть рассматриваемо, въ *данномъ* случаѣ, какъ нѣчто двойное, долженствующее

— разъ мы признаемъ за обще-родовымъ падежемъ еще и функцію *удалительнаго* падежа, то эта функція должна быть нами принята и по отношенію къ предлогу *ἐξ*, такъ какъ самъ предлогъ *ἐξ* указываетъ на удаленіе и предлоги принадлежатъ къ тѣмъ частямъ рѣчи, которыя, если могутъ найти спеціальныи падежъ того же отгѣнка, какой выраженъ въ нихъ самихъ, *непремѣнно* съ нимъ соединяются.»

отразиться на надежѣ слова *κατά*: то и другое *одинаково* представляет собою только *метонимию* фразы, стало быть нѣчто, *не выраженное* и могущее *оставаться* не выраженнымъ въ самой фразѣ и въ самомъ надежѣ слова *κατά*. Только при помощи *метонимии* фразы выраженіе *οἱ κατά χθονὸς θεοί* получаетъ значеніе »боги, что подъ землею«.

κατὰ χειρὸς ἦν τὰ πρῶματα (Pherecr. Chir. frg. 7) = дѣла шли съ рукъ, т. е. не съ рукъ *внизъ*, а съ рукъ *прочь*.

κατὰ ἰσθμοῦ — *κατὰ πρῶσσωπον* = съ тылу — съ фронту. Чтобы понять эти обороты, нужно предположить, что *ἰσθμοῦ* и *πρῶσσωπον* обозначаютъ здѣсь не тылъ и лицо самого *человѣка*, самого *войска*, а въ силу метониміи *слова* (здѣсь идетъ рѣчь о *ней*, а не о метониміи *фразы*) — ту мѣстность, которая находится гдѣ то *вдали* за тыломъ и гдѣ то *вдали* отъ глазъ или отъ »лица« *человѣка* и всего *войска*.

Есть *нѣкоторое* основаніе отнести сюда же и такіе примѣры, какъ *ὁ καὶ μέγιστόν ἐστι κατ' ὕμῶν ἐγκώμιον* и *ψεῦδεσθαι κατὰ τινος* (обыкновенно, какъ извѣстно, эти примѣры заключаютъ въ себѣ *talit sensum*). Относить ихъ къ *удалительному* падежу, т. е. ко *второму* пункту нашихъ замѣтокъ заставляетъ насъ русскій провинціализмъ »смѣяться съ кого-нибудь«. Смѣхъ въ данномъ случаѣ представляется удаляющимся *внизъ* съ того лица, »съ« *котораго* смѣются. Мы говоримъ здѣсь лишь о »*нѣкоторомъ*« *основаніи* относить подобныя явленія ко *второму* типу, потому что трудно возражать тѣмъ, которые захотѣли бы связать ихъ съ слѣдующими *ниже* примѣрами. Для того, чтобы рѣшиться на какую нибудь *одну* изъ этихъ возможностей, у меня не хватаетъ *чувства* языка.

3. Предметъ, съ которымъ что нибудь сопоставляется при посредствѣ *κατά*, можетъ помѣщаться и *внизу*. Помѣщающимся *внизу* можетъ представляться тотъ, *надъ* кѣмъ мы смѣемся, — *надъ* кѣмъ мы произносимъ *ἐγκώμιον* (иначе бы и русское *надъ* не имѣло смысла). Нечего говорить, что этотъ *низъ*, о которомъ мы толкуемъ въ данномъ пунктѣ нашихъ замѣтокъ, можетъ оказаться иногда такимъ же осла-

бленнымъ, какимъ былъ верхъ въ предшествующихъ примѣрахъ, и какою была покатость при *κατά* съ *вещнымъ* падежемъ.

Разъ предметъ помѣщенъ *внизу*, то *движеніе* сверху внизъ, показанное словомъ *κατά*, превращается въ движеніе къ предмету. При этомъ самъ предметъ опредѣляетъ собою или только *направленіе* движенія (то, что движется, не *попадаетъ* непременно въ предметъ, а идетъ только въ *ту сторону*, гдѣ предметъ находится), или непосредственную *цѣль* движенія. Съ такимъ различіемъ движенія мы встречаемся здѣсь *впервые*, и понятно, что если языку пришлось *выражать* это различіе, то онъ для *»непосредственной цѣли«* движенія долженъ былъ избрать *вещный* падежъ, а тогда.

4., для обозначенія движенія по *направленію* къ предмету, — къ предмету, находящемуся *внизу*, — у языка остается въ распоряженіи лишь общій *родовой* падежъ.

Итакъ, мы не избѣгли *»симасіологическаго раздвоенія известной падежной формы, приуроченной къ известному предлогу«*: *genitiv*'ная форма при *κατά* оказывается во *второмъ* пунктѣ удалительнымъ падежемъ, а въ *четвертомъ* — родовымъ. Но не забудемъ, что если *κατά* *χθονός* въ однихъ случаяхъ должно обозначать *съ земли внизъ*, а въ другихъ — *по направленію къ землѣ*, то все различіе заключается *именно* въ положеніи земли, а на это положеніе не указываетъ ни *»κατά«*, ни *genitiv*'ная форма *χθονός*; это положеніе внесено въ предлоговый оборотъ *извѣтъ*, и оно и управляетъ какъ симасіологіею *предлога*, такъ и симасіологіею присоединенной къ нему *падежной формы*. Нѣтъ сомнѣнія, что соображеніе о симасіологическомъ *раздвоеніи* падежной формы не имѣетъ значенія, разъ самъ предлогъ *κατά* *»растроился«* (предметъ находится то вверху, то внизу, то и верхъ, и низъ относится къ *предмету*).

Обозрѣвая примѣры, относящіяся къ 3му и 4му пунктамъ нашихъ *»правилъ«*, мы сразу замѣчаемъ въ греческомъ языкѣ нѣкоторую, — не скажемъ, неточность, а — вольность, или скорѣе — отсутствіе *педантизма*. Если вышеприведенные *ἐγκώμιον κατ' ὕψους* и *ψεύδευσθαι κατά*

τινος и т. п. принадлежать сюда, то, конечно, можно было представлять дѣло такъ, что похвала, ложь и т. д. попадаютъ въ хвалимаго, оклеветываемаго, а между тѣмъ грекъ представляетъ, что похвала и ложь произносятся только по направленію или, какъ мы выражаемся, по адресу кого нибудь. Миѣ кажется, что именно выраженіе по адресу способно передать и выяснить, на сколько возможно — передвиженіе представленія о затрогиваніи хвалимаго похвалою къ представленію о простомъ »отнесеніи« похвалы къ хвалимому. Что же могло повліять на это передвиженіе представленія отъ »затрогиванія« къ простому »отнесенію«? Полное устраненіе локальности? (Мы говоримъ здѣсь не о локальности жѣстнаго падежа, о которой толковали на стр. 282, а о той общей локальности, для которой первоначально были придуманы предлоги). Едва ли. Тогда вообще появленіе какого бы то ни было предлога въ рѣчи потеряло бы всякій смыслъ. Не объ устраненіи локальности можетъ быть здѣсь рѣчь, а о ея метафоризированіи. Конечно, въ мысли, выраженной въ κατὰ νηδύος ἕμιε φέρουσα (Ap. Rh. 4. 1328), можно вскрыть и дѣйствительную локальность, но тогда пришлось бы, можетъ быть, употребить даже не предлогъ κατὰ (или возможенъ оборотъ κατὰ νηδύν? — κατὰ θυμόν = по всей области той θυμῷ — дѣйствительно встрѣчается), а скорѣе предлогъ ἐν (ἐν νηδύι φέρουσα ἕμιε = во чревѣ носила вась). Разъ, однако, сказано κατὰ νηδύος, то это метафоризированная локальность, и »отнесеніе« предмета къ предмету (въ данномъ случаѣ — предмета φέρειν къ предмету νηδύς, ибо при сопоставленіи ἕμιε съ νηδύς трудно не думать о дѣйствительной локальности) является результатомъ этой метафоры. Въ чемъ тутъ дѣло? Врядъ ли мы ошибаемся, утверждая, что представленіе простаго »отнесенія« предмета къ предмету, въ данномъ случаѣ, сводится къ представленію чего то высшаго по отношенію къ чему то низшему. Если я *a* »отношу« къ *b*, то *b* можетъ представляться миѣ чѣмъ то, лежащимъ внизу, а *a* — придвигающимся къ нему сверху. А разъ *b* представляется лежащимъ внизу, то и

оправдывается предлогъ *κατά*, равно какъ оправдывается и *родовой* надежъ, такъ какъ — на это указано уже выше — »отнесение« можетъ представляться метафорою движенія *по направленію* къ предмету. Простое »отнесение« предмета къ предмету мы видимъ еще въ примѣрахъ: ὤμινε κατ' ἐξωλείας (Dem. 21. 119), κατ' ἡμῶν ὀμνύναι οὐκ ἤθελε (Dem. 29. 26) и, вообще, ὀμνύναι κατὰ τίνος; εὐχὴν ποιήσασθαι κατὰ χιλίων χιμάρων (Ag. Equ, 659); κατὰ παντός τοῦ χρόνου σκέψασθε (Dem. 22. 72); κατὰ κόρυς πατάσσειν, κατὰ σκοποῦ τοξεύειν и т. п.

Дѣйствительное *направленіе*, т. е. представленіе *дѣйствительной*, не *метафоризированной* локальности, съ указаніемъ притомъ на предметъ какъ на не-окончательную *црль* движенія, мы видимъ въ примѣрахъ: κατὰ χθονός ὄμματα πῆξας (Il. γ. 217), βᾶτε κατ' ἀντιθύρων ὅσον τάχιστα (Soph. El. 1433), τὸν κομπορτὸν εἶδε κατὰ τῶν ἰδίων φερόμενον и т. д. Сюда же мы относимъ и примѣры въ родѣ *μύρον κατὰ τῆς κεφαλῆς καταχέαντες* (Plat. Resp. 3. 398 a), *κατὰ τοῦ πυρός σπένδειν* (Plat. Critias 120 a) и под. Ибо хотя то, что льется, должно *прежде всего* затронуть самый предметъ, показанный при *κατά*, но оно льется и дальше: *καταχέαντες κατὰ τῆς κεφαλῆς* не значить »лить на голову«, а »лить по головѣ внизъ«, по чешски — »líti přes hlavu«. Это то *přes* (= черезъ), предполагающее *продолженіе* движенія еще *послѣ* того, какъ затронуть былъ предметъ, *по направленію* къ которому нѣчто было двинуто (*именно* по направленію къ предмету, а не *въ самый* предметъ, иначе о *продолженіи* движенія за предѣлами предмета не могло бы быть рѣчи), — это *přes* я вижу и въ примѣрѣ *κατὰ τοῦ πυρός σπένδειν*. Да и по русски, когда приказываютъ »пустить струю воды по огню«, то хотя и рассчитываютъ на то, что струя должна *затронуть* огонь, но въ языкѣ указываютъ только на *направленіе вообще*. Меня чрезвычайно *затрудняетъ омировское *κόπρος κατὰ σπέιους κέχυτο μεγάλ' ἤλυθα πολλή* (Od. ι 330). Неужели и это мѣсто нужно понимать въ смыслѣ чешскаго *přes sluj*, т. е. черезъ пещеру и дальше? А можетъ быть, здѣсь идетъ дѣло о простомъ

»отнесеніи« предмета къ предмету? Или самый *текстъ* невѣренъ и требуетъ исправленія? Во всякомъ случаѣ, если тутъ указывается на *κόπρον*, разбросанную по *всей* пещерѣ, отъ начала до конца, то это мѣсто относится къ *первому* пункту нашихъ »правиль«, и естественнѣе было бы ожидать *вещный* падежъ.*)

Указаніе на предметъ какъ на окончательную *црль* движенія, съ внесеніемъ притомъ, во фразу, представленія *локальности*, мы видимъ въ примѣрахъ *κατὰ στήθος βαλεῖν*, *κατ' ἀσπίδα βαλεῖν*, а также въ *στάς κατὰ τὰς πύλας* (Хен. Анаб. V. 2. 16) и въ *κατὰ τὴν ὁδὸν ἐγένοντο* (Хен. Анаб. IV. 3. 21). Трудно возражать тому, кто въ *στάς κατὰ τὰς πύλας* хотѣлъ бы усматривать смыслъ »сталъ *вдоль* воротъ« (*κατὰ* было бы тогда ослаблено въ *παρά*). Что же касается примѣра *κατὰ τὴν ὁδὸν ἐγένοντο*, то отнесеніе его сюда лучше всего объясняется нѣмецкимъ »*sich auf den Weg machen*«. Нѣмецкое »*sich auf den Weg machen*« представляетъ самый путь чѣмъ то, находящимся *ниже* дѣйствія, относящагося къ пути, а разъ путь представляется *ниже*, то оправдывается и *κατὰ*. Такъ пришлось бы объяснять и *στάς κατὰ πύλας*, если оно принадлежитъ сюда, а не къ *первому* пункту нашихъ »правиль«.

Остается разобрать всю метафористику и вообще фразеологію въ »*κατὰ*« *перваго* пункта, — въ томъ *κατὰ*,

*) Если бы это выраженіе принадлежало болѣе позднему языку, а не омировскому, то мы были бы готовы думать о томъ, что предлогъ, допускавшій по значенію падежей столько разнообразія въ своей конструкціи, наконецъ шаблонизировался въ *господствующую* статистически конструкцію съ ослабленіемъ сознанія значенія падежей, хотя, — замѣчательно! — эта шаблонистика предлоговыхъ конструкций наступила въ греческомъ языкѣ очень поздно, можно сказать, — лишь въ византийскій періодъ, и если Krumbacher, въ своемъ введеніи къ исторіи византийской литературы, не смущается тѣмъ, что такой или иной предлогъ въ византийскій періодъ сталъ появляться не съ тѣми конструкціями, какъ прежде, то онъ, конечно, съ своей точки зрѣнія правъ, мы же должны дорожить тѣмъ, что *классическій* періодъ безо всякихъ грамматикъ, а можетъ быть, скорѣе, *благодаря* отсутствію грамматикъ, до послѣдняго времени сохранилъ величайшую *чуткость* къ своему языку (даже въ *предлоговыхъ* конструкціяхъ).

которое мы сопоставляли съ *παρά*. Метафористика его и вообще фразеологія — широка и трудно объяснима.

ἦρως κατὰ τὴν¹ χώραν ἰδρυμένοι (Luc. 1. 25) = по всей странѣ, *сверху до-низу* или, при ослабленномъ представлении покаяѣности, *отъ начала до конца*.

κατὰ δῆμον = по всему народу, *отъ начала до конца* = во весь народѣ.

εἴ τι μὴ ὀρθῶς πρότερον κατὰ τὸν βίον ἐμαυτοῦ (Plat. Gorg. 489 a) = въ теченіе моей жизни (само выраженіе *»въ теченіе«* достаточно объясняетъ, что тутъ рѣчь идетъ о *протяженіи*, — такомъ же протяженіи, какъ въ *κατὰ δῆμον*).

κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον = въ это время; *κατὰ τοῦτον τὸν πόλεμον* = во время войны; *ἀδελφῶ δύο μίαν καθ' ἡμέραν ἀποκτοοῦντε* (Soph. Ant. 55) = въ теченіе одного дня = въ одинъ день; *τίς τὸν πανηγῆρην Οἰδίπου καθ' ἡμέραν τὴν νῦν σπανιστοῖς δέξεται δωρήμασιν* (Soph. Oed. C. 3.) = кто приметъ меня въ этотъ день. На всѣхъ этихъ примѣрахъ придется подольше остановиться.

Въ выраженіяхъ *κατὰ τὴν χώραν*, *κατὰ δῆμον* и *κατὰ τὸν βίον ἐμαυτοῦ* мы толковали вещный падежъ, какъ то было дано самимъ *значеніемъ* падежа, въ смыслъ указателя на площадь или линію, *цѣликомъ* занятую чѣмъ нибудь. Въ *только* что приведенныхъ примѣрахъ это выдерживается не вездѣ. Даже первое *κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον* не обязательно толковать въ смыслъ *во все это время*, *отъ начала до конца*, а въ примѣрѣ *Soph. Oed. C. 3.* прямо *нельзя* впадать такого смысла, что Эдипа будутъ принимать *весь* день, *отъ начала до конца*. Въ чемъ тутъ дѣло? Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь *только* объ *опредѣленіи* времени. Оно могло быть опредѣлено *минутою* (говорять *»въ эту минуту«*), *часомъ* (говорять *»въ этотъ часъ«*), а въ данномъ случаѣ *днемъ* (сказано *»въ этотъ день«*). Но чѣмъ бы время ни опредѣлялось, всегда оно, какъ время, будетъ представляться *протяженіемъ*, и именно это *протяженіе*, *само* по себѣ, вызываетъ въ языкѣ, кажется, *прежде*

всего появленіе предлога *κατά*, а затѣмъ и появленіе вещнаго падежа. *Κατὰ τήνδε τήν ἡμέραν τοῦτο γενήσεται* значить: »по этой линіи, если идти по ней сверху внизъ (да, именно *внизъ*, а не *до-низу*, какъ было, быть можетъ въ другихъ вещныхъ падежахъ при *κατά*), ты встрѣтишься съ *этимъ* явленіемъ.« Русскій языкъ употребляетъ въ данномъ случаѣ тоже вещный падежъ (въ *этотъ* день, въ *этотъ* часъ). При выборѣ вещнаго падежа, очевидно, русскій языкъ руководился тѣмъ же мотивомъ, какъ и греческій языкъ при выборѣ своего оборота »*κατὰ τήνδε τήν ἡμέραν*.« Вообще русское »въ этотъ день« — очень похоже на греческій оборотъ, только *предлогъ* тутъ другой. Если бы русскій языкъ не считался съ протяженіемъ *самимъ по себѣ*, то его предлогъ »*вз*« долженъ бы соединяться съ падежемъ *мѣстнымъ*, а не *вещнымъ*. Это мы можемъ провѣрить на греческомъ языкѣ, который при предлогѣ, *соотвѣтствующемъ* русскому »*вз*«, *не принимая* »протяженія« въ расчетъ, а выражая *простое* »сопоставленіе предмета съ предметомъ« (при этомъ простомъ сопоставленіи оказался одинъ предметъ *внутри* другого), говорить, напр., не *εἰς τοῦτον τὸν χρόνον*, а *ἐν τούτῳ τῷ χρόνῳ*. Въ виду послѣдняго обстоятельства мы и думаемъ, что, если русскій языкъ, считаясь съ единицею времени какъ съ »протяженіемъ«, началъ при *обозначеніи* этого »протяженія« прямо съ *падежа*, примѣняя къ нему *потомъ* уже предлогъ, *какъ пришлось*,*) то греческій языкъ началъ *именно* съ предлога. Предлогъ, соотвѣтствующій русскому »*вз*«, не представлялся ему такимъ выразительнымъ, какъ *κατά*. Послѣдній, рисуя движеніе *сверху внизъ*, гораздо больше былъ способенъ обозначить *искомую* картину »протяженія«, и вещный падежъ *единицы* времени, по которой это протяженіе *идетъ*, опредѣлялся уже, какъ-бы, *самъ собою*. То же самое мы видимъ въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ предлога *παρά* (стр. 285); только

*) Въ чешскомъ яз., да и *ц.-славянскомъ*, въ подобныхъ случаяхъ употребляется даже *простой* вещный падежъ безъ *всякаго* предлога: говорятъ *tento den* (= сей день) и т. д.

тамъ рисовалось »протяженіе« не сверху внизъ, а просто отъ одной точки къ другой. *)

Перейдемъ къ *другимъ* примѣрамъ. На очереди теперь оборотъ *αὐτὸς καὶ ἑαυτὸν*. По русски говорятъ »самъ по себѣ.« Слово »по,« конечно, *способно* указывать на площадь, *цѣликомъ* занятую чѣмъ нибудь, а потому вещный падежъ въ данномъ греческомъ оборотѣ можно выяснитъ и при посредствѣ русскаго перевода. Но для *лучшаго* его выясненія сопоставимъ его съ выраженіемъ *κατὰ σφέας μάχονται* (II. β. 366). *Κατὰ σφέας μάχονται* значить: сражаются, *не соединяясь* съ другими въ одинъ *общій* рядъ = сражаются, составляя, *отъ начала до конца*, рядъ исключительно изъ *однихъ* себя. Такъ и *αὐτὸς καὶ ἑαυτὸν* обозначаетъ: онъ самъ, составляя, *отъ начала до конца*, нѣчто *цѣлое* изъ *себя* самого.

Примѣромъ *κατὰ σφέας μάχονται* можно объяснить — объяснить черезъ *сопоставленіе* съ нимъ — еще и *другое* явленіе языка: вмѣсто *κατὰ σφέας* можно поставить *καὶ ἑνα*. *Μάχονται καὶ ἑνα* значить: они сражаются, такъ что *одинъ* составляетъ нѣчто *цѣлое*.

Много толкуютъ о distributiv'номъ значеніи слова *κατά*: *κατ' ἑθνη*, *κατὰ τριαχοσίους* = поплеменно, по триста. Distributiv'ность заключается въ данномъ случаѣ въ *одинаковости рядовъ*. Спрашивается: указываетъ ли *κατά* на *весь* эти ряды, рисуя линію »сверху до низу« по отношенію ко *всѣмъ* имъ, т. е. *съ перваго до послѣдняго*, или же оно поставлено для обозначенія *одного* ряда, рисуя линію отъ *начала* этого ряда до его *конца*? Судя по обороту

*) Намъ скажутъ, что въ примѣрѣ изъ Софокла *κατὰ τήνδε τῆν ἡμέραν* мы имѣемъ дѣло съ третьимъ типомъ нашихъ примѣровъ, и что то *δέχεται*, — тотъ приемъ, о которомъ здѣсь говоритъ Эдипъ, и который въ данномъ случаѣ сопоставляется при посредствѣ предлога *κατά*, »попадаетъ« въ *ἡμέραν*, причѣмъ она представляется лежащею *внизу*. Словомъ, стануть сравнивать нашъ примѣръ съ вышеприведеннымъ *κατὰ σφῆθος βαλεῖν* (сравни стр. 202). Въ такомъ случаѣ аналогія съ *παρά*, о которой мы здѣсь толкуемъ, потеряла бы весь смыслъ, а ея нужно непременно держаться не изъ за *κατά*, но и изъ за самого *παρά*; ибо иначе *παρ' ἑναυτὸν*, *παρὰ τρίτον μῆνα*, *παρ' ἡμᾶρ* было бы необъяснимо. А разъ *παρά* допускаетъ только *изложенное* объясненіе, то нечего отступать отъ него и при *κατά*.

μάχονται καθ' ἑνα и по связи его съ выраженіями *μάχονται κατὰ σφέας* и *αὐτὸς καθ' εαυτόν*, слѣдуетъ рѣшить нашъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что *κατὰ* относится къ обозначенію *одного* ряда. Но изъ чего же тогда можно заключить, что этихъ рядовъ нѣсколько? Въ оборотѣ *μάχονται καθ' ἑνα* это ясно видно изъ противопоставленія множественнаго числа *μάχονται* единственному числу *καθ' ἑνα*. Въ другихъ случаяхъ это выражается множественнымъ числомъ, стало быть, — указаніемъ на *повтореніе* самихъ тѣхъ *единицъ*, которыя составляютъ каждая по себѣ рядъ (говорять «*κατ' ἕθνη*», а не «*κατ' ἕθνος*», причемъ рядъ состоитъ изъ *одного* ἕθνος). Иногда это достигается черезъ внесеніе въ текстъ слова *ἕκαστος* (*καθ' ἕκαστην ἡμέραν*). Но по большей части приходится объ этомъ догадываться при помощи *другого* соображенія. Что это за соображеніе?

Distributiv'но, какъ извѣстно, понимается и *κατ' ἡμέραν* (*μάχονται κατ' ἡμέραν* = сражаются день за днемъ). Мы уже разсуждали о томъ, что въ *κατ' ἡμέραν* не нужно впадать непременно тотъ смыслъ, будто *все* ἡμέραν занято извѣстнымъ дѣйствіемъ, но что *ἡμέραν* есть только единица времени, опредѣляющаяся въ *данномъ* случаѣ днемъ, но могущая опредѣляться также и часомъ и т. д. Все зависитъ отъ подчеркиванія или неподчеркиванія представленія *единицы*. Когда Софокловскій Эдипъ говоритъ *τίς με δέξεται καθ' ἡμέραν τὴν νῦν*, то онъ выражаетъ не больше, не меньше какъ вопросъ: «кто меня приметъ въ тотъ промежутокъ времени, который я опредѣляю, или который опредѣляетъ сама ситуация *нынѣшнимъ* днемъ»? Въ *distributiv'номъ* же *μάχονται κατ' ἡμέραν* я вижу слѣдующее: сражаются *известное* время, причемъ *единицу* времени, т. е. ту единицу, которую *измѣряется* время, составляетъ *день*. Такъ я толкую и три примѣра, оставшіеся *неоконченными* разборомъ на стр. 285): о «*παρ' ἡμέρα*» я бы повторилъ то же, что сказано о «*κατ' ἡμέρα*»; *παρὰ τρίτον μῆνα* указываетъ на то, что *единицу*, которою *измѣряется* время, составляетъ *третій* мѣсяць, а въ *παρ' ἐνιαυτόν* этою единицею

оказывается время по *προшествіи* года, т. е. *второй* годъ. Это толкованіе, конечно, непримѣнимо къ выраженію *μάχονται κατὰ τριακοσίους*, такъ какъ *τριακοσίους* есть *число*, опредѣленіе котораго обходилось *безъ* такихъ *случайныхъ* единицъ, какими являются *день* или *часть* при опредѣленіи *времени*. Первое впечатлѣніе отъ оборота *μάχονται κατὰ τριακοσίους* *дѣйствительно* — такое, какъ будто *κατά* рисуетъ верхъ и низъ не *одного* ряда, а *всей* группы, составившейся изъ рядовъ (много, впрочемъ, зависитъ отъ того, какъ *поставлены* эти ряды, одинъ ли *за* другимъ, или одинъ *возль* другого). Но если присмотрѣться къ дѣлу ближе, то *μάχονται κατὰ τριακοσίους* составляетъ *полную* аналогію обороту *κατ' ἡμέρας*. Если въ *κατ' ἡμέρας* все заключалось въ подчеркиваніи или неподчеркиваніи *единицы*, то здѣсь все заключается въ подчеркиваніи или неподчеркиваніи *линии*; *μάχονται κατὰ τριακοσίους* значить: сражаются, при чемъ *линія*, по которой, согласно предлогу *κατά*, нужно идти, составляетъ число 300 (подразумѣвается, что этихъ *линій* *нѣсколько*).

Переходимъ къ разбору дальнѣйшихъ примѣровъ.

Διονύσιον μὲν νυν τῷ ἐκ Σεμέλης τῆς Κάδμου λεγομένῳ γενέσθαι κατὰ ἐξακόσια ἔτεα καὶ χίλια μάλιστα ἔστι ἐς ἐμὲ (Herod. 2. 145) = я *считаю* тутъ *лѣтъ*, *начиная съ* *перваго* и *идя* *все* *ниже*, приблизительно (приблизительность здѣсь выражена *прежде* *всего* словомъ *μάλιστα* = *скорѣе* *всего* = *едва* *ли* *больше*, или *меньше*, чѣмъ) 1600.

οὐ γὰρ ἦν κατὰ τὴν πόλιν (Plat. Theaet. 142a) = не было его по *всему* городу = не было его въ *городѣ*.

οἱ δὲ Πέρσαι ὡς εἶδον ἐπιφανείσαν τῶν Σκυθῶν τὴν ἵππον, ἐπῆσαν κατὰ στίβον αἰεὶ ὑπαγόντων (Herod. 4. 122) = *шли* по *всей* *линии* *слѣдовъ* = по *слѣдамъ*; такъ и *κατὰ πόδα* = по *всей* *линии* *движенія* *ноги* = *вслѣдъ* *за* *кѣмъ* (или *выражено* тутъ *просто* *по* *ногѣ*, т. е. *накрывая* *ногу*?)

κατ' ἄλλους δ' αὖ τοιάδε ἔλεγεν (Xen. Cyrop. VII. 1. 12) = по *рядамъ* *другихъ*, *отъ* *начала* *рядовъ* *до* *конца*, раздавались такія *то* *слова*.

κατὰ τοὺς Λακεδαιμονίους ἔστησε Πέρσας (Herod. 9. 31.) = по *линии*, гдѣ стояли Лакедемоняне, онъ поставилъ Персовъ.

Примѣръ изъ Софокла (Antig. 761), гдѣ сказано ἄραγε τὸ μῖσος (т. е. Антигону), ὡς κατ' ὄμματ' αὐτίκα παρόντι θνήσκη πλησία τῷ νυμφίῳ, представляетъ собою, если ходячее толкованіе — правильно,*) метафору предыдущаго примѣра. Чѣмъ были выше ряды Лакедемонянъ, тѣмъ являются здѣсь ὄμματα νυμφίου, а передъ этими ὄμματα стоитъ умирающая Антигона; она должна умереть *на глазахъ* жениха. И *русское* выраженіе «на глазахъ» рисуетъ почти такую же картину: «на глазахъ» значитъ, какъ бы, «на всей площади взоровъ». Впрочемъ, *κατ' ὄμματα* можно принять и за усиленіе слова αὐτίκα. Можетъ быть, рѣчь идетъ просто о *быстромъ исполненіи дѣйствія*: «αὐτίκα κατ' ὄμματα» значило бы тогда «сейчасъ, такъ чтобы нельзя успѣть и *глазъ отвернуть*». Въ этомъ случаѣ, конечно, нужно бы примѣнить къ «κατ' ὄμματα» второе толкованіе выше приведеннаго κατὰ πόδα = какъ бы — *накрывая* глаза. У меня не развито чувство языка настолько, чтобы *настаивать* на предложенномъ толкованіи даннаго мѣста. Противъ *перваго* толкованія, какъ будто, говоритъ вся разстановка словъ. При *второмъ* толкованіи я нахожу болѣе естественнымъ тотъ *ответъ*, который влюбленный сынъ даетъ Креонту: «не такъ быстро это исполнится, какъ тебѣ, отецъ, хотѣлось бы, и въ *моемъ* присутствіи (т. е. пока я буду свидѣтелемъ твоихъ поступковъ съ нею) она не умереть»; такъ я понимаю слова: οὐ δῆτ' ἔμοιγε (разумѣй *ἔμοιγε κατ' ὄμματα* = не *мои* глазъ касается та *быстрота*, о которой ты говоришь), τοῦτο μὴ δόξης ποτέ, οὔθ' ἦδε ἀλείψαι πλησία.

κατὰ θυμόν = по *всей* области сердца = въ сердцѣ.

ἐμήδιζον κατ' ἄλλο μὲν οὐδέν, κατὰ δὲ τὸ ἔχθος τῶν Θετταλῶν (Herod. 8. 30) = *руководясь* не другимъ чѣмъ,

*) Schneidewin -- Nauck: Die Leidenschaftlichkeit Kreons haengt die Ausdrücke κατ' ὄμματα πλησία παρόντι τῷ νυμφίῳ.

какъ только враждою = не почему либо другому, какъ только вслѣдствіе вражды къ Θεσσαλίѣцамъ. Само слово *ῥυководясь* предполагаетъ представленіе *параллельности* чего съ чѣмъ, а разъ идетъ рѣчь о *параллельности*, то умѣстно не только *παρά* съ вещнымъ падежемъ, но и сравненное нами съ нимъ выше *κατά*.

κατ' ὀμφᾶς τὰς Ἀπόλλωνος δότε πέρασιν (Soph. Oed. C. 102) = *руководясь* волею Аполлона = *согласно* волѣ Аполлона.

κατὰ τάχος = быстро. Рядомъ съ *»поступаетъ хорошо«* говорятъ *»поступаетъ по хорошему«*; такъ и въ выраженіи *κατὰ τάχος* слышится *»по быстрому«*. Слово *»по«* въ данномъ случаѣ, кажется, достаточно объясняетъ весь смыслъ предлога *κατά* и вещнаго падежа при немъ.

προσέχόμενον αὐτῷ κατὰ τὴν μητέρα (Thuc. I. 127) = приближеннаго къ нему или родственнаго ему по матери.

ὁμολογῶ οὐ κατὰ τοῦτους εἶναι ῥήτωρ (Plat. Apol. 17, b) = я согласенъ, что я — ораторъ не *по* ихнему = что я — не ораторъ, *соответствующій* (опять параллельность) тому, что *они* представляютъ изъ себя, какъ ораторы.

τοῦργον τόδε μείζον ἂν εἴη ἢ κατ' ἐμὴν ῥώμην (Soph. Tr. 1018) = дѣло это — выше, чѣмъ *по* моимъ силамъ = чѣмъ *соответствуетъ* моимъ силамъ.

κατὰ τὸν αὐτὸν λόγον = *соответственно* тому же расчету.

τὰ κατὰ τὸν πόλεμον = все, относящееся къ войнѣ; *πόλεμος* представляется здѣсь *площадью*, которая вся занята вещами, обозначенными здѣсь словомъ *τά*.

Такова фразеологія предлога *κατά* съ вещнымъ падежемъ, когда онъ, этотъ предлогъ, имѣетъ отношеніе къ *первому* пункту нашихъ *»правилъ«* о немъ. Разборомъ этой фразеологіи мы заканчиваемъ и разборъ всего *κατά*. Что касается предлога *ἀνά*, составившаго у насъ вмѣстѣ съ *παρά* одну группу, то на немъ не придется долго останавливаться. Предлогъ *ἀνά* указываетъ на *нахождение* чего нибудь (*κατά* былъ предлогъ *движенія*) *наверху* предмета и, какъ *истый* предлогъ, т. е. какъ такая часть рѣчи, которая пользуется

оттѣнками падежей для *повторенія* въ нихъ того же, что выражено въ ней самой, должно дополняться *мѣстнымъ* падежемъ.

На дѣлѣ, конструкція *ἀνά* съ *мѣстнымъ падежемъ* встрѣчается *только* у Омира. Если же мы ее кое-гдѣ встрѣчаемъ и у болѣе позднихъ поэтовъ, то они уже пользуются ею скорѣе какъ поэтическимъ архаизмомъ. Проза къ этой конструкціи не прибѣгаетъ, такъ какъ нашла другіе предлоги, которые способны передать то же. Изъ разобранныхъ до сихъ поръ — такимъ замѣстителемъ слова *ἀνά* можетъ являться предлогъ *ἐν*. Что *ἐν* могло собою замѣнить *ἀνά* только по стремленію къ *упрощенности* средствъ языка, всякому понятно: *ἐν* могло указывать на *поверхность*, и притомъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, если самъ *предметъ*, къ названію котораго приставляется *ἐν*, представлялся »поверхностью« *или плоскостью*, тогда какъ *ἀνά*, указывая на *верхъ* предмета, — хотя бы то былъ верхъ горизонтально растущаго *дерева* и т. под. предметовъ, — только черезъ этотъ *верхъ* можетъ указывать и на *поверхность*. Сравни: *στέμματ' ἔχων ἐν χερσίν ἠκηβόλου Ἀπόλλωνος χρυσοῦ ἀνὰ σκήπτρῳ* (Π. α. 15); *εὔδε ἀνὰ Γαργάρῳ ἄκρω* (Π. ξ. 352); *κηφαλήν πῆξαι ἀνὰ σκολόπεσσι* (Π. σ. 177); *ἀθρηηλοῦδον ἔχειν ἀνὰ φαιδίμῳ ὄμῳ* (Od. λ. 128); *ἄρματα δ' ἄν βοιοῖσι τίθει* (Π. ϑ. 441) и др.

Но *ἀνά* встрѣчается и съ *вещнымъ падежемъ*. *Вещный падежъ* тогда прибавляетъ пѣчто *отъ себя* для созданія той общей картины, которая должна быть выражена всѣмъ оборотомъ. Онъ указываетъ на то, что *вся* площадь предмета, поставленнаго при *ἀνά*, занята чѣмъ-нибудь, а такъ какъ само *ἀνά* обозначаетъ *только* верхъ, который является *конечною* цѣлью приведенія въ отношеніе двухъ предметовъ, то всю конструкцію предлога *ἀνά* съ *вещнымъ падежемъ* подчеркивается, что *вся* площадь занята чѣмъ-нибудь по направленію *снизу доверху*. Такимъ образомъ, *ἀνά* съ *вещнымъ падежемъ* составляетъ полную противоположность обороту *κατά* съ *вещнымъ падежемъ* въ тѣхъ случаяхъ, когда въ послѣднемъ идетъ рѣчь не о *цѣли*

движенія, а именно о занятіи чѣмъ нибудь *всей* площади или *всей* линіи *сверху до низу*. Тамъ, гдѣ покатость площади слишкомъ замѣтна и *должна* быть замѣчена, тамъ эта противоположность отзывается и на различіи *смысла* обоихъ сопоставленныхъ нами здѣсь оборотовъ. Такъ, *κατά ῥόον* обозначаетъ *по теченію* рѣки, а *ἀνά ῥόον* — противъ теченія. Если же покатость площади и *направленіе* этой покатости не имѣетъ значенія въ общей картинѣ, то *ἀνά* и *κατά* въ разсматриваемыхъ нами оборотахъ *совпадаютъ* по выраженному въ нихъ смыслу; въ общемъ, *ἀνά* встрѣчается здѣсь рѣдко, и нѣтъ ни одного фразеологическаго явленія, въ которомъ *рядомъ* съ *ἀνά* нельзя бы встрѣтить и *κατά*. Сравни: *ἀνά τοῦτον τὸν χρόνον* и *κατά τοῦτον τὸν χρόνον*;*); *ἀν' ἑκάτον ἀνδρας* и *κατά τριακοσίους ἀνδρας* (въ смыслѣ *distributiv'no*мъ); *ἀν' ἑκάστην ἡμέραν* и *καθ' ἑκάστην ἡμέραν* (тоже *distributiv'no*); *ἡ ὁδὸς ἀνά διηκόσια στάδια συμβέβληται* (Herod 4. 101) и *Διονύσιω γενομένῳ κατὰ ἑξακόσια ἔτεα καὶ χίλια μάλιστα ἔστι ἐς ἐμέ***); *ἀνά στόμα ἔχειν* (П. β. 250) и *κατ' ὄμματα θυήσκει*; *ἀνά θυμόν* и *κατὰ θυμόν*; *ἀνά τάχος* и *κατὰ τάχος* и т. д.

Ἀμφί — περί. Въ предлогѣ *ἀμφί* видятъ этимологическую связь съ *ἄμφω* (такъ, Бругманъ, Grundr. II. 520, осторожно умалчивая объ *ἀμφί* какъ *надежъ*, — известна склонность этимологовъ искать въ предлогахъ *надежныя* формы, — признаетъ »ein etymologisches Nebeneinander von ἀμ - φί und ἄμ - φω) и, согласно съ этимъ, толкуютъ данный предлогъ въ смыслѣ *съ обѣихъ сторонъ* = *съ той и другой стороны*.

»*Съ той и другой стороны* какого нибудь *крутлага* столба« значить »*крутомъ* столба«. Но и фраза »*съ той и*

*) Здѣсь сопоставляется не то *κατά τοῦτον τὸν χρόνον*, о которомъ мы толковали на стр. 293, а то, которое относится къ *первому* пункту нашихъ четырехъ замѣтокъ о *κατά*, т. е. когда *дѣйствительно* *χρόνος* представляется линією, *цѣлкомъ* занятою чѣмъ нибудь.

**) На стр. 297 мы толковали о томъ, что приблизительность выражена »прежде всего« словомъ *μάλιστα*. Но выраженіе приблизительности можно, пожалуй, найти и въ самомъ предлогѣ *κατά*, а слѣдовательно, и въ сопоставленномъ съ нимъ *ἀνά*. Такъ и *εἰς χίλιους* обозначало приблизительность, однако, благодаря лишь *закруженности* цифры (сравни выше стр. 241).

другой стороны какойнибудь *многосторонней* площади часто получаетъ смыслъ *»кругомъ* площади. Въ послѣднемъ случаѣ мы какъ бы закрываемъ глаза на *многосторонность*, и *»закругляемъ»* самую площадь; это бываетъ *именно* и *особенно* тамъ, гдѣ площадь имѣетъ больше —, или меньше *четырёхъ* сторонъ (даже *четыре* стороны площади мы любимъ *»закруглять»*, если не имѣемъ дѣло съ квадратомъ или oblong'омъ).

При столбѣ, площади и тому подобныхъ предметахъ — кругъ, какъ мы его выяснили, т. е. кругъ какъ метонимія *»обѣихъ сторонъ»*, рисуется *горизонтально*, и этимъ, быть можетъ, *въ случаѣ* метониміи, слово ἀμφί и отличается отъ περί, которое намѣчаетъ скорѣе *шаръ* или окружность *вертикальную*, проходящую въ своемъ зенитѣ и вообще въ *верхней* своей части *надъ* предметомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, становится понятнымъ, почему περί, во фразѣ напр. περί δὴ οὐ βροτῶν ἀνίστημι πάντων (П. v 374), получаетъ значеніе *»надъ смертными»* = *»выше смертныхъ»* (ἀμφί до такого значенія не дошло). Такимъ образомъ, въ стихѣ εὖε δ' ἄρ' ἀμφ' ἀκτὰς περί τ' ἀμφί τ' κύματα μακρὰ (Hes. Theog. 848) можно бы усматривать картину *»около основаній* волнъ (ἀμφί) и по ихъ *поверхности* (περί).

Не во *всѣхъ* случаяхъ сочетанія словъ περί и ἀμφί можно *настаивать* на этомъ различіи. Есть случаи такого ихъ сочетанія, гдѣ ἀμφί возвращается къ своему *первичному* значенію *»съ обѣихъ сторонъ»*, а περί указываетъ тогда *просто* на *»окружность»*, безъ обозначенія ея положенія. Такъ, быть можетъ, слѣдуетъ толковать мѣсто ἡμεῖς δ' ἀμφί περί κρήνην ἱεροῦς κατὰ βωμοῦς ἔρδομεν ἀθανάτοισι τελέεσσας ἐκατόμβας καλῆ ὑπὸ πλατανίστρῳ, εἶθεν ῥέεν ἀγλαδὸν ὑδωρ (П. β 305) = съ обѣихъ сторонъ *кругомъ* источника, по *всей* линіи жертвенниковъ. Или мы въ *данномъ* мѣстѣ имѣемъ дѣло съ такъ называемымъ *триσισ'омъ* (ο *триσис'ъ* — рѣчь впереди), и ἀμφί слѣдуетъ отнести къ глаголу ἔρδομεν? Тамъ, гдѣ *нѣтъ* разбираемаго нами *»сочетанія»*, тамъ ужъ, *конечно*, можетъ

поблекнуть или даже *совсѣмъ* исчезнуть представленіе о *различіи* положенія круга, т. е. представленіе вертикальности въ *одномъ*, а горизонтальности въ *другомъ* предлогѣ, и тогда *περί* и *ἀμφί* до того *уравниваются* между собою, что могутъ *замѣнять* другъ друга, *кромѣ* значенія *»выше«*, въ которомъ *»περί«* *возстанавливаетъ* свой первоначальный смыслъ, и до котораго, какъ сказано, слово *ἀμφί* не дошло.

Что касается надежей, то прежде всего слѣдуетъ указать на умѣстность обще-*родоваго* надежа при предлогѣ *περί* въ исключительно *ему* принадлежащемъ значеніи *»выше чего-нибудь«*: *περί δὲ θεῶν καὶ ἀνθρώπων ἐστὶ Ζεὺς* = Зевсъ — выше боговъ и людей (сюда же относится извѣстный оборотъ *περί πολλοῦ ποιῆσθαι*).

Удалительный надежъ при *περί* и *ἀμφί* не имѣетъ мѣста, такъ какъ само представленіе *»окружности«* не *мирится* съ представленіемъ удаленія чего-нибудь *прочь отъ* предмета.

Мыслимъ ли при *»περί«* и *»ἀμφί«* *личный* надежъ? Повидимому, да. Ибо какое вообще *»сопоставленіе предмета съ предметомъ«* можетъ быть *выражаемо* предлогами *περί* и *ἀμφί*? Или *»нахожденіе«*, а то и *»обхожденіе«* чего-нибудь кругомъ *всего* предмета, или *нахожденіе* чего-нибудь на *части* окружности предмета. Въ первомъ случаѣ всѣ права — за *вещнымъ* надежемъ, во второмъ же случаѣ не исключена возможность представлять себѣ *»лицо«*, *»около«* котораго я нахожусь, *руководящимъ* моими дѣйствіями, *также* находящимися *»около«* него (русское слово *около* я въ данномъ объясненіи разумѣю именно въ смыслѣ *нахожденія на части* окружности = *вблизи*). Но *нахожденіе на части* окружности можетъ быть понято и *особымъ* образомъ. Самъ *предметъ*, къ названію котораго приставлено *ἀμφί-περί*, можетъ представляться шаромъ или кругомъ, а тогда *»окружностью«* могутъ оказаться его *собственная* поверхность и его *собственные* края, и *»находиться на части* окружности» будетъ обозначать *»находиться на немъ«* или *»находиться непосредственно при немъ«*. Выразить отношеніе *на предметъ* или *непосредственно при предметъ*

является функциею *мѣстнаго* падежа, а разъ мы признаемъ при предлогахъ *ἀμφί-περί* *мѣстный* падежъ, то, согласно соображенію, выясненному на стр. 273., нѣтъ мѣста при нихъ падежу *личному*. Тогда, конечно, все то, что даетъ такой или иной поводъ думать о *личномъ* падежѣ при нашихъ предлогахъ, должно быть истолковываемо какъ метафора »локальности« падежа *мѣстнаго* (см. выше стр. 282). Наконецъ, нахождение на *части* окружности можетъ получить смыслъ нахождения гдѣ нибудь *подальше* отъ предмета, и тогда выступаетъ *родовой* падежъ. Это — *тоже* локальность, но локальность *родоваго* падежа. И она можетъ быть метафоризирована, и тогда *родовой* падежъ обозначаетъ ту или иную *общую* связь предмета съ предметомъ или, какъ мы выразились по поводу нѣкоторыхъ случаевъ при *κατά* (см. стр. 290-1), указываетъ на »отнесеніе« предмета къ предмету. *) Такова *теорія* о падежахъ предлоговъ *ἀμφί-περί*, насколько она вытекаетъ изъ всего, разъясненнаго до сихъ поръ. Разсмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ она оправдывается на практикѣ.

οἱ περί Ἡράκλειτον, οἱ ἀμφί Πρωταγόραν = школа Ираклита, ученики Протагора. Языкъ тутъ, очевидно, нѣсколько поэтизируетъ, представляя главныхъ лицъ окруженными *со всѣхъ сторонъ* (какъ бы облѣпленными) ихъ приверженцами.

ὅσπερ προβάτια μεσημβριάζοντα περί τὴν κρήνην εὐδεῖν (Plat. Phädr. 259 a). И тутъ немного спозэтизировано (= *вездѣ*, куда ни посмотришь = *кругомъ* источника), такъ какъ кое гдѣ, особенно гдѣ *вода* мѣнаетъ (*κρήνη*, вѣдь, въ очень рѣдкихъ случаяхъ бываетъ колодеземъ или озерцомъ), этихъ *пробάτια* нѣтъ (смѣшно было бы — отъ воображенія, которое *руководитъ* языкомъ, требовать *математической* точности).

*) Кто сказалъ бы, что »отнесеніе« предмета къ предмету не должно быть объясняемо путемъ метафоры такой или иной *локальности*, а должно вытекать непосредственно изъ значенія самого *родоваго* падежа, тому мы отвѣтимъ разсужденіемъ, изложеннымъ на стр. 290 по поводу предлога *κατά*: тогда бы появленіе предлоговъ *περί-ἀμφί* въ рѣчи теряло *всякій* смыслъ.

ἀμφί Σικελίαν τρόπαια στήσαντες (Plat. Men. 242 c) = по всей Сициліи кругомъ; здѣсь сама *Сицилія* представлена кругообразною площадью (= по всѣмъ *окраинамъ* Сициліи), тогда какъ выше, при κρήνη, нужно было особо *обводить* кругъ.

τρίποδας γὰρ εἴκοσι πάντα ἔτευχεν ἐστάμεναι περὶ τοῖχον εὐσταθέος μεγάροιο (II. σ. 374); сама *стѣна* представлена кругообразною *линією*.

αὐτὸς δ' ἐν μέσῳ τούτων τὴν δίαιταν ποιησάμενος τὸν μὲν ἀμφὶ χειμῶνα χρόνον διήγεν ἐν Βαβυλῶνι ἑπτὰ μῆνας (Xen. Cyrop. VII. 6. 22) = время, обхватывающее *всю* »зиму«, семь *месяцевъ*.

Сюда же мы относимъ и то *περὶ* — *ἀμφί*, которое обозначаетъ *приблизительность*. Настоящiе предлоги »приблизительности« — *именно* эти, а не предлоги *εἰς*, *κατὰ* и *ἀνά*, при которыхъ представленіе приблизительности вытекало только изъ закругленности цифръ (см. стр. 301). Мы имѣемъ здѣсь въ виду выраженія какъ то: *περὶ τοῦτον τὸν χρόνον*,*) *ἀμφὶ τεσσαράκοντα ἔτη*, *ἀμφὶ πλήθουσαν ἀγοράν* и т. п. Здѣсь, очевидно, *οὗτος ὁ χρόνος*, *τεσσαράκοντα ἔτη* и *πλήθουσα ἀγορά* противопоставляются, какъ *центръ*, — своей *окружности*: — не *части* окружности (*части* окружности можно противопоставить *другую* часть окружности), а *именно* »цѣлой« окружности (потому и *поставленъ* вещный падежъ).

περὶ δειπνον πένοντο (Od. δ 624); *αἱ νομοθεσίαι καὶ τὸ ἀφέλιμον περὶ τὸ μέλλον ἐστί* (Plat. Theaet. 179 a) и др. Здѣсь представлено *вращающимся* — въ одномъ случаѣ *τὸ πένεσθαι* кругомъ *всего* »δειπνος«, а въ другомъ — *νομοθεσίαι* и *ἀφέλιμον* кругомъ *всего* »μέλλον«.

Присмотримся къ мѣсту изъ Иродота 7. 61: *περὶ μὲν τῆσι κεφαλῆσι εἶχον τιήρας καλεομένους, περὶ δὲ τὸ σῶμα*

*) Что только лишь *περὶ* и *ἀμφί* суть настоящiе предлоги *приблизительности*, видно изъ того, что эту »приблизительность« можно отнести и къ такому выраженію какъ *περὶ τοῦτον τὸν χρόνον*; выраженія *εἰς τοῦτον τὸν χρόνον*, *κατὰ* или *ἀνά τοῦτον τὸν χρόνον* такого смысла не допускаютъ, такъ какъ въ нихъ не только закругленной, но и вообще никакой цифры *нѣтъ*.

κιδῶνας χειριδωτοὺς ποικίλους, περὶ δὲ τὰ σκέλεα ἀναξυρίδας. Здѣсь мы встрѣчаемъ »περὶ« и съ *вещнымъ*, и съ *мѣстнымъ* падежами. Какая тутъ разница? Можно указать на то, что σῶμα (понимается тѣло безъ *оконечностей*) и σκέλεα окутаны одѣяніемъ *совѣстьмъ*, а κεφαλή — только *сверху*. Но выставявъ *это* различіе за мотивъ для появленія въ одномъ случаѣ *вещнаго*, а въ другомъ — *мѣстнаго* падежа было бы, можетъ быть, слишкомъ педантично, хотя такое же отношеніе предмета къ предмету, о которомъ мы толкуемъ въ τήρας περὶ κεφαλῆσι, замѣчается и въ извѣстномъ κρέα ἀμφ' ὀβελοῖσιν ἔπειραν и въ πεπτῶτα τῶδε περὶ νεορράντῳ ξίφει (Soph. Ai. 828). Не *возобладало* ли *тутъ* (т. е. и въ περὶ κεφαλῆσι, и въ ἀμφ' ὀβελοῖσι, и въ ἀμφὶ ξίφει) — не *возобладало* ли тутъ *просто* представленіе *обозначенія мѣста* надъ *представленіемъ* нахождения чего-нибудь кругомъ *всего* предмета (все же и мечъ, и вертель, и голова находятся *по-срединѣ* сопоставляемыхъ съ ними предметовъ)? Только *возобладаніемъ* — въ однихъ случаяхъ желанія *просто* обозначить *мѣсто*, а въ другихъ — представленія о »нахожденіи чего нибудь *кругомъ* предмета« можно объяснить то *чередованіе* мѣстнаго съ *вещнымъ*, которое замѣчается въ выраженіяхъ ἐπὶ ὧν ἀμφ' Ὀδυσῆι (Od. ξ 364; слова, на которыя указываетъ глагольное признаковое ἐπὶ ὧν, »помѣщаются,« какъ бы, на Одиссеѣ) и περὶ σίτια λέγεις (Plat. Gorg. 490 с; слова вращаются *кругомъ* такого то предмета). Такъ чередуются и обороты »φοβεῖσθαι — μάχεσθαι περὶ τινά« (страхъ — борьба вращаются *кругомъ* кого) съ оборотами »φοβεῖσθαι — μάχεσθαι περὶ τινά« (страхъ — борьба помѣщаются *на комъ*) и т. д. Вполнѣ понятно, что не можетъ быть никакого чередованія мѣстнаго падежа съ *вещнымъ* въ такихъ примѣрахъ какъ κείται νεκρὸς περὶ νεκρῶ (Soph. Ant. 1240), ἀμφ' αὐτῷ ἤριπε (Il. δ 493) и под., гдѣ предметомъ можетъ быть захвачена *только* часть »окружности« другого предмета, и гдѣ περὶ и ἀμφὶ могутъ указывать *только* на сосѣдство, разумѣется, въ смыслѣ тѣснаго *примыканія* предмета къ предмету.

Чередованіе падежей при φοβέϊσθαι περί, μάχεσθαι περί и другихъ доходить даже до родового падежа: въ выраженіи «φοβέϊσθαι περί τίνος» мы видимъ уже не обращеніе страха *кругомъ* кого нибудь, и не помѣщеніе страха *на комъ*, а простое «отнесеніе» страха къ кому (φοβέϊμαι περί αὐτῶν = а боюсь *на-счетъ* ихъ). Родовому падежу *неметафоризированной* локальности мы *не находимъ* яркаго примѣра. Случайность — это? Едва ли: языкъ тутъ прибѣгалъ къ *другимъ* средствамъ (къ какому нибудь ἐγγύς, или къ чему нибудь подобному).

Ἀπό — ἐπί. Группа ἀπό — ἐπί напоминаетъ собою ту, съ которой мы *начали* разборъ предлоговъ, именно группу ἐξ — ἐν — εἰς. Правда, въ послѣднюю вошли *три* предлога, но въ сущности они сводятся къ двумъ. Наши этимологи совершенно правильно указываютъ на то, что εἰς есть только измѣненное ἐν. Бругманъ (Grundr. II. 590) даже говоритъ такъ: jedenfalls aber halte ich daran fest, dass nach Analogie von ἐξ die Form ἐνς (= εἰς) neben ἐν entstanden war. Если дѣйствительно ἐν относится къ ἐνς, какъ ἐκ къ ἐξ, то языкъ выказалъ въ ἐν и εἰς только лишь свойственную ему экономію, въ силу которой онъ двумя *случайными* внѣшними видами одной и той же *формы*, одного и того же *слова*, воспользовался для разныхъ симасіологическихъ ролей. Какія это разныя роли? Разъ εἰς указываетъ на *движеніе* чего нибудь внутрь предмета, то ἐν, обозначая *нахожденіе* внутри предмета, является выразителемъ лишь результата *того же* «движенія». Можно сказать, что по симасіологической роли — εἰς относится къ ἐν, какъ praesens къ perfectum (сравни выше стр. 118).

Ἀπό отличается отъ ἐξ, а ἐπί — отъ εἰς — ἐν тѣмъ, что при ἐξ — εἰς — ἐν имѣлась въ виду *внутренность* предмета, а при ἀπό — ἐπί имѣется въ виду его *поверхность*. Ἀπό указываетъ на удаленіе *отъ* предмета, а ἐπί — или на *движеніе* къ предмету (сравни εἰς), или на *результатъ* этого движенія (сравни ἐν). Ἀπό соединяется *всегда* съ удалительнымъ падежемъ, а ἐπί — или съ *вещнымъ*

(сравни εἰς), или съ *мѣстнымъ* (сравни ἐν). Не придется ли измѣнить эту теорію при разборѣ фактовъ?

Фразеологія предлога ἀπό — проста и не представляетъ никакихъ затрудненій. Ὀλοκλας, ὦ παῖ, μητρὸς ἀρπασθεῖσα ἀπο (Eur. Нес. 513) = оторванная *отъ* матери; ἀφ' ἵππων μάχεσθαι = сражаться, направляя свои дѣйствія *отъ* коня вдаль; ἵπποι ἀπὸ ποταμοῦ Σελλήεντος (II. β 839) = прибывшіе *отъ* рѣки; μένων ἀπὸ ἧς ἀλόχοιο (II. β 292) = вдали *отъ* жены; ἀπὸ τρόπου λέγεις (Plat. Rep. 470 b) = вдали *отъ* = въ разрѣзъ съ чѣмъ; ὀλίγοι ἀπὸ πολλῶν (Thuc. 7. 87) = немногіе, отдѣльно *отъ* многихъ = немногіе *изъ* многихъ (все равно, что ἐκ πολλῶν); ἀπὸ δείπνου θωρήσονται (II. θ 53) = *послѣ* обѣда (все равно, что ἐκ δείπνου); ἀφ' οὗ (= ἐξ οὗ) γε ἄνθρωποι γεγόναμεν (Plat. Phäd. 76 c) = начиная *съ* того времени, какъ...; ἀρ' οἷσθ' ἀφ' ὧν (все равно, что ἐξ ὧν) εἶ (Soph. Oed. г. 415) = *отъ* кого ты происходишь; ὄναρ ἀπὸ Διός (Xen. Anab. III. 1. 12) = исходящій *отъ* Зевса = посланный Зевсомъ; τὰ ἀπὸ σεῦ (Herod. 7. 101) = исходящее *отъ* тебя = твое мнѣніе; ἐπράχθη ἀπ' αὐτῶν οὐδὲν ἀξιόλογον (Thuc. 1. 17) = *отъ* нихъ = съ ихъ стороны = ими; οἱ ἀπὸ Πλάτωνος = школа Платона; οἱ ἀπὸ σκηνῆς = актеры; ἀπὸ στόματος = *отъ* усть = *изъ* усть = *изустно* = *устно*; ἀπὸ τίνος ζῆν = жить *отъ* чего = жить чѣмъ; καλεῖσθαι ἀπὸ τίνος = поименованіе, исходящее *отъ* чего *нибудь* = имѣющее *основаніе* въ чемъ *нибудь*.

Слѣдуетъ разборъ фразеологіи слова ἐπί и его метафористики.

1. Ἐπί съ *вещнымъ* падежемъ.

παρεῖναι ἐπὶ τὰς θύρας τοῦ βασιλέως (Xen. Anab. III; 3. 12) = прибыть къ дверямъ, а метонимически = прибыть ко »двору« = къ дворцу (царя).

ἐπὶ δεξιᾶ — ἐπ' ἀριστερά = направо — *налѣво* (къ этому обороту придется еще вернуться).

ἐπ' ἡῶ (Od. η 288) = до утра; ἐπὶ χρόνον τινά = до известнаго времени, т. е. до известной *точки* времени; ἐπὶ πολλὸν χρόνον = до той *точки*, когда исполнится много

времени. Едва ли тутъ подъ *πολὺς χρόνος* слѣдуетъ разумѣть *μικρόν*, по которой нѣчто движется (тогда бы языкъ употребилъ »κατὰ πολὺν χρόνον«, а лучше »ἀνὰ πολὺν χρόνον«), или *ἐξ* которой нѣчто вмѣщается (тогда бы появилось *εἰς*; смотри наше толкованіе примѣра *τρὶς τίκτει μῆλα εἰς ἐνιαυτόν* на стр. 242.).

ὁ δ' ἐπ' ἐννέα κείτο πέλεθρα Τιτυός (Od. λ 577) = до той точки, гдѣ кончаются девять плеэровъ.

ἐπὶ πολλοὺς τεταγμένοι (Xen. Anab. IV. 8. 11) = построившіеся до большаго числа, т. е. до извѣстнаго числа, а не *дальше*, такъ что, когда это число исполнилось, то начинается *новыи* рядъ (понимается *distributiv*'но; сравни выше стр. 297.).

ἐπὶ τινα ἵεναι = идти на кого нибудь (во *враждебномъ* смыслѣ).

ἐπὶ τοῦτο ἤλθομεν (Xen. Anab. II. 5. 22) = мы на это пошли = мы за этимъ пришли.

ἐπὶ στάθμην ἴθυεν (Od. ε 245) = онъ выпрямилъ кз ватерпасу = приноровилъ кз ватерпасу = выпрямилъ по ватерпасу.

2. Ἐπὶ сь *мѣстнымъ* падежемъ.

ἐπὶ βωμῷ καίειν (Od. θ 240) = жечь на жертвенникѣ.

οἱ ἐπὶ θαλάσῃ οἰκοῦντες (Xen. Cyrop. VII. 4. 9) = живущіе на морѣ = на берегу моря.

ἐπὶ γᾶ πέσε τανταλωθεῖς (Soph. Antig. 134) = палъ, такъ что лежалъ на землѣ.

ἦκε δ' ἐπ' Ἀργείοισι κακὸν βέλος (Il. α 382) = послалъ, такъ что почилъ на Аргивянахъ.

ἐπὶ τοῖς δικασταῖς λέγειν (Dem. 19. 243) = говорить на судьяхъ (русскіе говорятъ: на людяхъ и смерть красна) = говорить *передъ* судьями. И здѣсь »личность« лица, слушающаго и судящаго, выводится путемъ метафоры изъ локальности *мѣстнаго* падежа.

ἐπὶ δὲ δακρύοις μόνῃ κάθημαι (Eur. Iph. Aul. 1176) = сижу на слезахъ (русскіе говорятъ »я *въ* слезахъ«). Быть можетъ, впрочемъ, что *это* мѣсто слѣдуетъ толковать въ смыслѣ ниже объясняемаго ἐφ' ᾧ τε.

οὕτως οὔτε τι λέγομεν ἐπὶ τῇ κύλικι οὔτ' ἐπάδομεν, ἀλλ' ἀτεχνῶς ὥσπερ οἱ διψῶντες πιόμεθα (Plat. Symp. 214. b) = *при* (ослабленное *на*) бокалъ вина мы не говоримъ рѣчей и не поемъ.

βοῦς ἐπὶ Πατρόκλῳ πέφηνεν (И. ψ 776) = *на* Патрокла онъ основывалъ закалываніе быковъ = *въ честь* Патрокла онъ это дѣлалъ.

ἐπὶ τῷ θεωρικῷ τεταγμένος (Dem. 18. 55) = поставленный *при* чемъ = поставленный *надъ* чѣмъ.

τοσαύτας μὲν αὐτοῖς εὐθυμίας παρείχεν ἐπὶ τῷ δείπνῳ (Xen. Cyrop. I. 12. 12) = *на* обѣдѣ = *за* обѣдомъ.

γέλῳτα γενέσθαι ἐπὶ τῇ παρορησίᾳ αὐτοῦ (Plat. Symp. 222 c) = *при* его смѣлой рѣчи = *надъ* его смѣлою рѣчью.

πιστὰ δ' ἠξίου γενέσθαι καὶ τοὺς Κᾶρας ἁμόσαι ἀδόλως τε δέξασθαι εἰς τὰ τεῖχη σφᾶς καὶ ἐπ' ἀγαθῷ τῷ Κύρου καὶ Περσῶν (Xen. Cyrop. VII. 5. 3) = принять ихъ безъ коварства и основывая это *на* благѣ Кира и Персовъ = *къ добру* Кира и Персовъ.

αἱ σπονδαὶ ἐγένοντο ἐπὶ τούτοις = *на* этомъ, какъ *на основаніи* = *на* этомъ основаніи = *на* этихъ условіяхъ состоялся договоръ. Вообще, изъ локальности *мѣстнаго* падежа путемъ *метафоры* выводится совершенно ясно (нѣкоторыя метафоры *не поддаются* опредѣленію, а если и поддаются, то это — особая, чрезвычайно сложная задача) — выводится совершенно ясно не только *личность* лица, но и *causal'ность*. Мы разумѣемъ *causal'ность* въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. имѣемъ въ виду *нѣчто*, что не только *предшествоуетъ* обусловленному, или *сопровождаетъ* обусловленное, но и является *цѣлью* чего нибудь. Такъ, ἐφ' ᾧ τε (ὅς — ἧ — ᾗ есть *формальное* существительное, а почему прибавлено къ нему *τε*, объ этомъ ниже) имѣетъ значеніе *на томъ основаніи, чтобы* = *съ тѣмъ чтобы*, т. е. обозначаетъ *цѣль*. Быть можетъ, и вышеприведенное ἐπὶ δακρύοις μόνη κάθημαι слѣдуетъ толковать *final'но*: я здѣсь сижу одна *для* слезъ. Въ какихъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ идетъ рѣчь о *causal'ности* въ объясняе-

момъ нами *широкомъ* смыслѣ, читатель, надѣмся, отыщеть самъ.

οὐκ ἂν ἐπὶ τῷ βίῳ παντὶ βούλοιο ἀκοῦσαι (Хер. Метог. II. 2. 8) = на всей жизни онъ построить нежеланіе слушать = всю жизнь онъ готовъ отдать, чтобы не слушать.

ἐπ' ἐμοὶ τοῦτό ἐστι. По чешски говорятъ: to jest na mně = это на мнѣ = это зависитъ отъ меня = это въ моей власти. Рядомъ съ ἐπ' ἐμοὶ τοῦτό ἐστι говорятъ ἐν τῷ θεῷ τὸ τοῦτου τέλος ἦν οὐκ ἐν ἐμοί (Dem. 18. 193). Русскій, положимъ, не говоритъ »это дѣло *вз* богъ« въ смыслѣ »это дѣло *зависитъ* отъ бога« (рѣчь идетъ о *личности* лица), но за то онъ говоритъ »все дѣло тутъ *вз* методъ«. Въ послѣднемъ выраженіи, впрочемъ, дѣло идетъ не о »личности« лица, а о *causalности* въ широкомъ смыслѣ этого слова (все дѣло *основывается* на методѣ), хотя — поневолю призадумываешься, не есть ли въ концѣ концовъ »личность« лица, на сколько она выведена у насъ путемъ метафоры изъ *локальности* мѣстнаго падежа, и *causalность*, какъ она у насъ теперь выясняется, — не есть ли это — одно и то же? Русскіе говорятъ не только »все дѣло въ *методѣ*«, но и »все дѣло въ *учителѣ*«.

ὄρω πολὺ πρόωτος μὲν ἀναξ ἀνδρῶν Ἀγαμέμνων, τῷ δ' ἐπὶ Τυδείδης ὄρω κρατερός Διομήδης (II. η 163) = а при немъ, присоединяясь къ нему = *вслѣдъ* за нимъ поднялся Діомидъ.

Но ἐπί соединяется и съ *родовымъ* падежемъ (не съ *удалительнымъ*, конечно). О родовомъ падежѣ при ἐπί нужно повторить то же, что выяснилось о родовомъ при »κατά« въ *четвертомъ* пунктѣ: либо предметъ, отмѣченный въ родовомъ падежѣ, служить указателемъ не *цѣли* движенія, какъ то было въ ἐπί съ *вещнымъ* падежемъ, а только лишь *направленія* или *стороны*, въ которую нѣчто движется, либо въ родовомъ падежѣ выражено простое »*отнесеніе*« предмета къ предмету (второе есть метафора перваго).

Первое мы видимъ въ оборотѣ ἢ ἐπὶ Βαβυλῶνος ὀδός, который отличается отъ оборота ἢ ἐπὶ Βαβυλῶνα

ὁ δὲ ὅς τῆμъ, что въ одномъ случаѣ идетъ рѣчь о путешествіи въ Вавилонъ, а въ другомъ — о путешествіи въ иное мѣсто, приче́мъ, однако, *дорога* въ это иное мѣсто та же, что идетъ *на* Вавилонъ. Русскій языкъ, для достиженія того же различія, идетъ, какъ извѣстно, совершенно инымъ путемъ: оставляя въ томъ и другомъ случаѣ вещный падежъ въ роли указателя *цѣли* движенія, онъ подбираетъ для *разныхъ* значеній лишь разные предлоги, — тѣ предлоги, къ которымъ мы прибѣгли и въ нашемъ объясненіи (говорить »ѣхать *въ* Москву« и »ѣхать *на* Москву«.*)

Простое »отнесеніе« предмета къ предмету мы видимъ въ примѣрахъ ἢ ἐπὶ τοῦ ποταμοῦ μάχη, ἐπὶ μαρτύρων (въ смыслѣ русскаго *при свидетеляхъ*), ἐπὶ Κύρου βασιλεύοντος (въ смыслѣ русскаго *при* Кирѣ), ἐπὶ πάντων δογί-ζεσθαι (изъ-за всего сердиться), въ distributiv'номъ ἐπὶ τεσσάρων τάξασθαι и т. д. Если бы тутъ не было *метафоры* (мы разумѣемъ метафору локальности *родоваго* падежа, *на сколько она въ немъ мыслима при предлогахъ* »ἐπὶ«**), если бы тутъ была *дѣйствительная* локальность, то, конечно, появились бы другіе падежи. Интересно прослѣдить за чередованіемъ падежей въ выраженіяхъ: γύγας ἐπ' ὤμοις γηγενῆς ὄλην πόλιν φέρων (Eur. Phoen.

*) Читатель, быть можетъ, спроситъ, почему грекъ говоритъ ἐπὶ δεξιᾶ — ἐπ' ἀριστερά, а не ἐπὶ δεξιῶν — ἐπ' ἀριστερῶν. Все зависѣло отъ того, гдѣ эти δεξιᾶ и ἀριστερά начинались. Если бы они представлялись гдѣ нибудь *вдали*, то, конечно, естественнѣе было бы ἐπὶ δεξιῶν (= по направленію къ находящемуся гдѣ нибудь *вдали*, по *правую* сторону, *тѣмъ* или чему нибудь подобному). Но δεξιᾶ представлялись греку начинающимися въ ближайшемъ *сосѣдствѣ* чего нибудь или кого нибудь, а потому и установился оборотъ ἐπὶ δεξιᾶ (въ русскомъ языкѣ — *такому же* представленію о *началѣ τῶν δεξιῶν* соответствуетъ оборотъ »идя *въ-право*«, противоположный обороту »идя *на-право*«; въ послѣднемъ оборотѣ τὰ δεξιᾶ представляются *вдали*).

**) Эта прибавка необходима. Ибо въ *самомъ* родовомъ падежѣ никакого локальнаго значенія нѣтъ; онъ приставленъ къ ἐπὶ потому только, что то *частное* отношеніе при »сопоставленіи предмета съ предметомъ«, на которое весь предлоговый оборотъ долженъ указать, *спеціально* падежа не *имѣетъ*. Такимъ образомъ, локальность родового падежа здѣсь и вездѣ, гдѣ мы о ней говорили, оказывается тѣмъ то, что внесено въ родовой падежъ самими *предлогами*, т. е. тѣмъ, что родового падежъ *сочетался* съ предлогомъ, который *самъ по себѣ* локалиенъ по *первоначальной* организаціи языка.

1131; действительная локальность) и ἐπεὶ οὕτως ἦεν ἐπ' ὤμου χειρὶ φέρειν ἑτέρῃ (Od. κ 170; простое »отнесение предмета къ предмету«), ἐπὶ νηί (на корабль) и ἐπὶ νηός (съ кораблемъ; я имѣю здѣсь въ виду известный русскій провинциализмъ »прѣхаль съ такимъ-то поѣздомъ«; въ этомъ провинциализмѣ действительная локальность не выражена, а указано только на общую связь прибытія и поѣзда), ἐφ' ἵππῳ (на лошади) и ἐφ' ἵππου (по чешски *koňto*) и т. д.

Ἵπέρ — ὑπό. Ἵπέρ указывает на то, что нѣчто находится или проходить *надъ* предметомъ, его самого *не касаясь* (разъ оно *не касается* предмета, то *мѣстный* падежъ невозможенъ). Если рѣчь идетъ *только* о томъ, что то то *находится*, или даже *происходитъ* выше предмета, то кромѣ *родового* падежа при ὑπέρ ставить нечего: χιτωνίσκουσ ἐνεδεδύκεισαν ὑπὲρ γονάτων (выше колѣнь — Xen. Anab. V. 4. 13); καὶ ἔτοιμά ἐστιν ὑπὲρ τούτων διαμάχεσθαι τὰ ἀσθενέστατα τοῖς ἰσχυροτάτοις (слабѣйшее съ сильнѣйшимъ готово вести борьбу до конца *надъ* этимъ, т. е. *изъ-за* этого — Plat. Symp. 207b); τοῖς δὲ ἀποψηφισαμένοις ἡδέως ἀν διαλεχθεῖην ὑπὲρ τοῦ γεγονότος τουτουὶ πράγματος (радъ бы завести бесѣду *надъ* случившимся = радъ бы побесѣдовать *о* случившемся — Plat. Apol. 39e); ἐπὶ δὲ μνήσασθε ἕκαστος παίδων ἢδ' ἀλόχων, καὶ κτήσιος ἢδὲ τοκῆων ἡμὲν ὅτεω ζῶουσι καὶ ᾗ κατατεθνήκασι. τῶν ὑπὲρ ἐνθάδ' ἐγὼ γοννάζομαι οὐ παρόντων (надъ ними, не присутствующими, стоя, умоляю васъ = *отъ имени ихъ* умоляю васъ — II. ο 665) и т. д.

Другое дѣло, если что нибудь не только проносится *надъ* предметомъ, но проходить всю параллель его верхней грани или, какъ мы выражаемся, проносится *черезъ* него. Если тутъ нужно выразить *оттѣнокъ* *преодоления* предмета, то этотъ *оттѣнокъ* можетъ быть выраженъ *только* *вещнымъ* падежемъ: οὐκ ἔστιν ὑπὲρ ἀνθρώπων («не идетъ *черезъ* чело-вѣка» въ смыслѣ »не есть *сверхъ* силъ чело-вѣка» = *не преодо-лываетъ* чело-вѣка — Plat. Leg. 839 d); ὑπὲρ τὰ τεσσαράκοντα ἔτη (за сорокъ лѣтъ, *преодолевая* эту цифру,

переходя за ея предѣлы); *ὑπὲρ μοῖραν* (переходя за предѣлы мѣры = *устраивая мѣру*).

При *отсутствіи* отѣвнка преодоленія *нѣтъ нужды* уклоняться отъ родоваго падежа: *ἔλκε δὲ μιν δουρὸς ἐλὼν ὑπὲρ ἄντυχος* (= тащилъ его черезъ *ἄντυξ* — II. п. 406). Мы говоримъ »нѣтъ нужды«. Это не значитъ, что языкъ *лишенъ* возможности перейти къ вѣчному падежу, такъ какъ тутъ можетъ почувствоваться и повліять на конструкцію представленіе — если не преодоленія, то, по крайней мѣрѣ, *обхватыванія всего предмета* движеніемъ черезъ него; сравни примѣръ *ἐγχείη δ' ὑπὲρ νότου ἐνὶ γαίῃ ἔσται ἰεμένη* (II. v. 279) съ примѣромъ *ὑπὲρ ὤμων ἀριστερόν ἤλυθε ἀκωκὴ ἔγχεος οὐδ' ἔβαλ' αὐτόν* (II. ε 16.)

Что касается предлога *ὑπό*, то мы будемъ здѣсь *очень* кратки, такъ какъ пришлось бы буквально повторять то же, что мы разъясняли при *ἐπί*. И *ὑπό* указываетъ на придвиженіе чего нибудь къ предмету, или на *результатъ* такого движенія, тольکو что при *ἐπί* это движеніе идетъ скорѣе по горизонтальному направленію, тогда какъ при *ὑπό* оно идетъ *снизу* къ предмету, а если сверху, то — *подъ* предметъ. Конечно, не всякій примѣръ на *ἐπί* найдетъ себѣ соотвѣтствіе въ примѣрахъ на *ὑπό*, но *отсутствіе* такого соотвѣтствія читателю нетрудно будетъ опредѣлить *самоу*. Новое здѣсь, сравнительно съ *ἐπί*, одно: *ὑπό* можетъ указывать также на движеніе *изъ-подъ* предмета. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы объясняемъ пассивныя конструкціи: *ὑπ' αὐτοῦ ἐπράχθη* значитъ »изъ-подъ него«, т. е. *изъ-подъ* его дѣятельности или власти или вообще энергіи вышла такая то *πράξις*. Появляющийся здѣсь *genitiv* есть *удалительный* падежъ, и такимъ образомъ мы опять очутились тамъ, гдѣ мы были при *κατά*: *genitiv*'ная форма при *ὑπό* имѣетъ значеніе и *родоваго* (*ὑπὸ τῆς γῆς* = *подъ землю*, притомъ *дальше* отъ земли, а не *непосредственно* *подъ* нею; послѣднее должно бы быть выражено черезъ *ὑπὸ τῆ γῆ*) и *удалительнаго* падежа; разница въ *положеніи* »сопоставляемыхъ черезъ *ὑπό* предметовъ« (въ *ὑπὸ τῆς γῆς* нѣчто на-

ходится *ниже* земли, а въ ὑπ' αὐτοῦ ἐπράχθη πράξις представляется идущею *вверхъ* отъ αὐτόσ), внесенная *извнѣ* въ предлоговую конструкцію, позволяетъ genitiv'ной падежной формѣ *раздвоиться* симасіологически.

Διὰ. Этотъ предлогъ указываетъ на движеніе чегонибудь *сквозь* предметъ. И на этомъ предлогѣ долго останавливаться нечего, такъ какъ метафористика его — очень проста, а объясненіе *падежей* при немъ не представляетъ затрудненія. Предметъ, *сквозь* который чтонибудь движется, представляется, употребляя *физическій* терминъ, *проводникомъ* этого «чегонибудь», и нѣтъ падежа, который бы соотвѣтствовалъ этому представленію, кромѣ *общеродоваго*; сравни: διὰ θώρακος τιρώσκειν, διὰ νήσου ἰών (Od. μ 335) и др. Идетъ ли движеніе *за* предѣлы того предмета, *сквозь* который оно совершается (τιρώσκειν διὰ θώρακος), или *остаётся* въ предѣлахъ «проводника» (διὰ νήσου ἰών), это — рѣшительно все равно и не можетъ имѣть на конструкцію особеннаго вліянія. Въ метафористикѣ этого предлога представляются характерными выраженія въ родѣ διὰ τοῦ ἐρωτᾶν διδάσκειν (ἐρωτᾶν является здѣсь *существительнымъ*; сравни стр. 200) и т. п. Русское выраженіе «обученіе совершается *путемъ* спрашиванія» достаточно выясняетъ данную метафору.

Есть нѣсколько случаевъ появленія *вещнаго* падежа при предлогѣ διὰ: θεῖός μοι ἐνύπνιον ἦλθε ὄνειρος ἀμβροσίην διὰ νύκτα (Il. β 57). *Ἀμβροσίην* νύξ представляется здѣсь *средою*, отдѣляющею ὄνειρον отъ героя, и ее долженъ былъ *преодолѣть* ὄνειρος, пока дошелъ до Агамемнона. Вотъ этотъ *оттѣнокъ преодолеванія*, очевидно, вызвалъ появленіе *вещнаго* падежа. Сравни: ἔστην δὲ σκολιήν ἐς παλαῖοσσαν ἀνελεῖν, καὶ μοι εἰσατο καπνὸς ἀπὸ χθονὸς εὐρυοδείης Κίρκης ἐν μεγάροισι διὰ δρυμὰ πυκνὰ καὶ ἔλην (Od. κ 150) и др.

Особенно выдѣляется διὰ съ *вещнымъ* падежемъ, обозначающее *причину*: διὰ τοὺς ἀδίκως πολιτευομένους ἐν τῇ ἀλγασίᾳ δημοκρατία γίγνεται (Lys. 25. 27); διὰ τοῦτο πολλὰ ἔπαθε κακά и т. д. Сопоставляя эти примѣры съ вы-

шеприведеннымъ διδάσκειν διὰ τοῦ ἐρωτᾶν, мы видимъ большую разницу. Тамъ διδάσκειν дѣйствительно проходило черезъ ἐρωτᾶν и совершалось въ самомъ ἐρωτᾶν, здѣсь же τὰ κακά только лишь *подготавливаются* черезъ τοῦτο (тоже проходить сквозь τοῦτο, иначе необъяснимо было бы само διὰ, но проходить черезъ него только лишь въ своемъ зародышѣ), а какъ осязаемая κακά они являются уже по окончаніи того, что ихъ подготавливало, а потому τοῦτο въ примѣрѣ »διὰ τοῦτο πολλὰ ἔπαθε κακά« является истымъ *antecedens* по отношенію къ κακά. Наше διὰ τοῦτο πολλὰ ἔπαθε κακά напоминаетъ намъ то μετὰ съ вещнымъ падежемъ (μετὰ τοὺς θεοὺς θεϊότατον ἢ ψυχὴ — μετὰ τὸν δειπνον τὸ δεῖνα ἐποιήσαμεν; см. стр. 260), которое рисовало картину окончанія чегонибудь одного для того, чтобы наступило другое. Когда мы толковали о примѣрахъ μετὰ τοὺς θεοὺς — μετὰ τὸν δειπνον, то недоумѣвали, какъ связать значеніе вещнаго падежа въ *этихъ* примѣрахъ съ его *общимъ* значеніемъ. Въ настоящее время эта связь — намъ ясна; ее помогло выяснить именно »διὰ« съ вещнымъ падежемъ, обозначающее причину, — помогло ее выяснить своею картиною *подготовленія исподволь* того, что потомъ слѣдуетъ: въ оконченомъ, т. е. въ δειπνος (μετὰ τὸν δειπνον τὸ δεῖνα ἐποιήσαμεν), въ τοῦτο (διὰ τοῦτο πολλὰ ἔπαθε κακά), въ οἱ ἀδίκως πολιτευόμενοι (διὰ τοὺς ἀδίκως πολιτευομένους), въ θεοὶ (μετὰ τοὺς θεοὺς θεϊότατον ἢ ψυχὴ), — во всемъ этомъ мы должны усматривать нѣчто, чѣмъ, въ его *готовомъ* видѣ, такъ сказать, »распорядилось« то, что за нимъ *послѣдовало* и имъ *подготавливалось*. Μετὰ τοὺς θεοὺς ἢ ψυχὴ θεϊότατον значить: счеты съ богами должны быть окончены, для того чтобы *ψυχὴ* оказалась самою божественною.

Мы считаемъ разборъ отдѣльныхъ предлоговъ и *падежей* при нихъ оконченнымъ. Всѣ остальные слова, которыя причисляются къ предлогамъ, не могутъ подлежать такому разбору, какъ видно изъ слѣдующихъ соображеній.

Ἄνευ представляет собою *отрицательный* предлогъ, такъ какъ оно *отрицаетъ* »сопоставленіе предмета съ предметомъ«. Его можно назвать предлогомъ лишь на такомъ основаніи, на какомъ нуль, *отрицаніе* числа, называютъ числомъ. Для теоріи падежей оно не представляетъ никакого интереса: являясь отрицаніемъ не какого нибудь *частнаго* отношенія предмета къ предмету, а отношенія *вообще*, оно соединяется съ *родовымъ* падежемъ. Но, быть можетъ, мы въ немъ должны усматривать не *отрицаніе* отношенія, а *удаленіе* предмета отъ предмета, и на этомъ основаніи примемъ соединяющуюся съ нимъ *γενικήν* за *удалительный* падежъ? На это трудно отвѣтить опредѣленно, и вообще объ ἄνευ легче было бы разсуждать, если бы оно было больше раскрыто этимологически.*)

Не раскрыты для насъ этимологически и »предлоги« ἔνεκα (съ родовымъ**) и ὡς (съ вещнымъ падежемъ). Кромѣ того, я ни тотъ, ни другой предлогъ не чувствую *непосредственно*. Первый я чувствую черезъ замѣняющее его «πρὸς χάριν» съ родовымъ, а второй — черезъ πρὸς съ вещнымъ падежемъ.

Ἄχρη τινός и μέχρι τινός разбирать пока довольно трудно, такъ какъ ἄχρη и μέχρι почему то употребляются не только въ качествѣ »предлоговъ,« но и въ качествѣ »союзовъ« (ἄχρη ἂν τοῦτο γένηται, μέχρι ἂν τοῦτο γένηται), а до »союзовъ« мы не скоро дойдемъ.

Точно также нелегко раскрыть теперь и ἄμα, исполняющее, кромѣ роли »предлога«, еще какъ будто и роль »частицы« (ἄμα μὲν — ἄμα δέ).

Впрочемъ, всѣ эти ἄνευ, ἔνεκα, ὡς, ἄχρη, μέχρι и ἄμα наша грамматика называетъ *ненастоящими* пред-

*) Brugmann (Grundriss II. 615) принимаетъ его за этимологически связанное съ русскимъ *вонъ*, Bartholomae (Bezenberger's Beiträge XV. 16) указываетъ на связь его и слова ἄτερ съ санскритскимъ *apitar* (= прочь, въ сторону), но обыкновенно его сопоставляютъ съ *отрицательными* словами: съ греческимъ α (privativum) = *av-va-va*, съ латинскимъ in (privativum) и съ нѣмецкимъ un (privativum). Смотри Ebeling Lex. Nom. sub voce ἄνευ.

**) Разныя попытки объяснить этимологію этого слова смотри Ebeling Lex. Nom. sub voce ἔνεκα.

логами, противопоставляя ихъ *настоящимъ* т. е. тѣмъ, которые мы разобрали, и подчеркивая при этомъ противопоставленіи то обстоятельство, что только *разобранные* нами предлоги, *помимо* способности соединяться съ падежами, обладаютъ еще способностью входить въ *композицію* словъ (*κατάδηλος συνέρχονται* и т. д.)

Относительно происхожденія предлоговъ существуетъ теорія, что всѣ они, какъ »настоящіе,« такъ и »ненастоящіе« первоначально были »нарѣчіями«. Это утвержденіе основывается на случаяхъ появленія предлоговъ въ рѣчи въ совершенно *самостоятельномъ* значеніи, т. е. *безъ* падежей при нихъ. И въ самомъ томъ обстоятельстве, что предлоги выступаютъ въ *compositis* ахъ, видятъ доказательство ихъ »*самостоятельнаго*« значенія и »нарѣчности«*). Объ отношеніи предлоговъ къ »нарѣчіямъ« мы пока разсуждать не можемъ, такъ какъ сами до »нарѣчій« еще не дошли. Что же касается случаевъ »*самостоятельнаго*« значенія предлоговъ, т. е. того, на чемъ »нарѣчность« *основывается*, то вотъ эти случаи:

ἐν δ' ἐτίθει σταφυλῆσι μέγα βρέθουσαν ἀλωήν, καλήν, χρυσεῖην, μέλανες δ' ἀνὰ βότρυνες ἦσαν (. . . а на нихъ, т. е. на этихъ *σταφυλαί*, было то-то — II. σ. 562).

*) Это — общепринятый взглядъ. Его выражаетъ напр. Curtius (Erl. 168) словами: Für das Verständniß der Rection der Präpositionen ist nichts wichtiger, als die unumstößlich feststehende Thatsache, dass alle Präpositionen ursprünglich Adverbien waren. Kühner говоритъ такъ: Sämtliche eigentliche Präpositionen sind ursprünglich Ortsadverbia, d. h. sie bezeichnen die Ortsbezeichnung einer Handlung. In der homerischen Sprache verwalten dieselben fast alle noch eine doppelte Function, die ursprüngliche, als Ortsadverbia, und die hieraus hervorgegangene, als Präpositionen, indem sie die Ortsbeziehung eines Substantivs bezeichnen (затѣмъ слѣдуютъ примѣры изъ Омира въ родѣ *περὶ δ' ἀντυγα βάλλε φαεινήν*, словомъ, въ родѣ тѣхъ, къ разбору которыхъ мы и собираемся приступить въ настоящее время; смотри Kühner Ausf. Gramm. II. 445). А дальше: Die Präposition erscheint endlich in Verbindung mit einem Verb. In diesem Falle tritt sie zwar nicht wie in dem ersten als selbstständiges Adverb auf, hat aber adverbiale Bedeutung (тамъ же стр. 459). Теперь, впрочемъ, взглядъ о »нарѣчности« предлоговъ очень ослабленъ Дельбрюкомъ. Дельбрюкъ признаетъ предлоги за *особую* часть рѣчи, только сознаетъ, что ebensowenig wie eine scharfe Definition des Adverbiums, ist eine genaue Abgränzung gegen das Gebiet der Präpositionen einerseits und der sog. Partikeln andererseits möglich (Grundr. III. 536). Де-

ὀπτήσας δ' ἄρα πάντα φέρων (разумѣй Евμει) παρέθηκε Οδυσηί . . . αὐτὸς δ' ἀντίον ἴξεν, ἐποτρύνων δε προσήδα (. . . самъ же сидѣлъ къ нему лицомъ къ лицу . . . Od. ξ. 79). Простое ἀντί даже не встрѣчается; скажемъ, что это — простая случайность, и что здѣсь слово ἀντίον могло быть замѣнено словомъ ἀντί.

τὸν δ' (т. е. Диомида) ἐμίχανον ἐκτὸς ἀπὸ κλισίης σὺν τεύχεσιν, ἀμφὶ δ' ἑταῖροι εὐδον (. . . вокругъ него сидѣла дружина — II. κ. 151).

οὐ μὲν γὰρ τι κακὴ γε (разумѣй ἡ νῆσος), φέροι δέ κεν ὄρια πάντα . . . ἐν μὲν γὰρ λειμῶνες ἄλλος πολιοῖο παρ' ὄχθας ὑδρηλοὶ μαλακοί . . . ἐν δὲ ἄροσις λείη (. . . на немъ, на островѣ, встрѣчается то-то — Od ι 132).

αὐτὸς δ' ἐς θάλαμον κατεβήσατο κηφέντα κέδρινον, ὑπόροφον, δς γλήνεα πολλὰ κεχάνθει ἐς δ' ἄλοχον Ἐκάβην ἐκαλέσσατο (св него позвалъ . . . II. ω 193).

Θρήικες δ' ἐπὶ μὲν τῆσι κεφαλῆσι ἀλωπηκίας ἔχοντες ἐστρατεύοντο, περὶ δὲ τὸ σῶμα κηθῶνας, ἐπὶ δὲ χειρὰς περιβεβλημένοι ποικίλας (на хитонахъ = поверхъ хитоновъ . . . Herod. 7. 75.).

ἴζοντο πρῶτος μὲν ὁ Σιδωνίων βασιλεὺς, μετὰ δ' ὁ Τύριος (смежно съ нимъ . . . Herod. 8. 67.).

тальный разбор предлоговъ идетъ у него въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) präverbia (т. е. предлоги, относящиеся къ verba finita: ὅπως τε πρόμος ἔλλαβε γνῶα); 2) предлоги при падежахъ; 3) случаи, гдѣ предлогъ можетъ быть привлеченъ и къ verbum finitum, и къ падежу (τοῖσιν δ' ἐγὼ μεθ' ὀμίλειον); 4) предлоги въ качествѣ «нарѣчій» или «частицъ» («нарѣчье»: οἱ περὶ μὲν βουλήν Δαναῶν, περὶ δ' ἐστε μάχεσθαι; «частица»: μετὰ δὲ — πρὸς δὲ = затѣмъ); 5) предлоги въ composit'axъ. Итакъ, и у Дельбрюка фигурируютъ предлоги въ роли «нарѣчій», только не на первомъ мѣстѣ. Въ общемъ, Дельбрюкъ представляетъ себѣ историческое развитие предлога въ слѣдующемъ видѣ (Grundr. III. 664): die ältere Aufgabe der Präpositionen war, die Handlung des Verbums nach Massgabe des ihnen inwohnenden Sinnes näher zu bestimmen. Trat nun zu dem so bestimmten Verbum ein geeigneter Casus, so konnte sich zwischen ihm und der Präposition ein näheres Verhältniss entwickeln, bei dem die Präposition den Sinn des Casus sehr erheblich modificieren konnte. У насъ получается и получится какъ разъ обратное, такъ какъ мы вышли отъ мысли о необходимости предлоговъ прежде всего для обозначенія мѣстныхъ отношеній. Читатель самъ обсудитъ, гдѣ больше правды.

λέκτο μυχῷ δόμου ὑψηλοῖο· παρ' δὲ γυνή δέσποινα
λέχος πόρσυνε καὶ εὐνήν (рядомъ съ нимъ . . . Od. η 347).

αἴγλη δ' οὐρανὸν ἴκε, γέλασσε δὲ πᾶσα περὶ χθών
(вокругъ того мѣста, о которомъ идетъ рѣчь . . . Π. τ 362).

ἑσταότες περὶ Πατρόκλω πρὸ δὲ δούρα τ' ἔχοντο (не-
редъ собою = впереди отъ себя . . . Π. ρ 355).

θλάσσειν οἱ κοτύλην, πρὸς δ' ἄμφω ῥήξε τένοντε
(= супротивъ этого дѣйствія и вдобавокъ къ нему . . .
Π. ε. 307).

ᾠλοντο γὰρ Πολυνεΐκης μὲν πορθῶν τήνδε γῆν, ὁ δὲ
'Ετεοκλῆς ἀντιστάς ὑπέρ (. . . противоставъ ему надъ зе-
млею = въ защиту земли — Soph. Antig. 518).

ἐνθα μοι ἵπποι δώδεκα θήλειαι, ὑπὸ δ' ἡμίονοι ταλα-
εργοὶ ἀδμητες (подъ ними, т. е. подъ кобылами . . . Od.
η 636).

βέλος εἰς κεφαλὴν δῦ, σὺν δ' ἵππους ἐτάραξεν (вмѣстѣ
съ ними онъ . . . Π. θ 85).

τὴν δ' (разумѣй корабль) εἰς ὄρμον προέρεσσαν ἐρετ-
μοῖς, ἐκ δ' εὐνάς ἔβαλον (изъ нея, т. е. изъ корабля . . .
Π. α 436).

Πριάμίδης μὲν ἔπειτα κατὰ στήθος βάλεν ἰῶ θώρηκος
γυάλον, ἀπὸ δ' ἔπτατο πικρὸς οἰστός (отъ свода щита . . .
Π. ν 537).

Въ приведенныхъ примѣрахъ встрѣчаются *εἶς* предлоги
»самостоятельно«, т. е. безъ падежей, за исключеніемъ *διὰ*
и *κατὰ*, но и ихъ »самостоятельное« употребленіе можно
вполнѣ доказать на такихъ явленіяхъ какъ *ἔλκε διέκ προ-
θύροιο* (Od. σ 101 = *черезъ* подворотню и дальше *изъ* нея;
падежъ *προθύροιο* зависитъ только отъ *ἐξ* и есть па-
дежъ удалительный, а *διὰ* своего падежа, т. е. родового,
не имѣетъ) и *καθ' δ' ἐκ πασσαλόφι κρέμασσειν φόρμιγγα
λίγειαν* (Od. θ 67) = *съ* гвоздей — какъ латинское *pendere
ex aliqua re* — *внизъ по* двъ гвозди. Но при всей »само-
стоятельности«, наши предлоги, впервыхъ, вполнѣ сохра-
няютъ то значеніе, которое имъ, и именно имъ, а не па-
дежамъ, принадлежало и при сочетаніи ихъ съ падежами,
а вовторыхъ, то существительное, котораго они потребовали

бы *какъ* предлоги, либо упомянуто гдѣ нибудь тутъ же, вблизи, либо, какъ выше въ примѣрѣ *γέλασσε δὲ πᾶσα περὶ χθών*, подразумѣвается изъ общаго контекста. Если поставить вопросъ, что было естественнѣе для предлоговъ, — перейти ли отъ такого «самостоятельнаго» употребленія къ обычному, несамостоятельному, или же наоборотъ, то этотъ вопросъ, кажется, слѣдуетъ рѣшить во *второмъ* смыслѣ, такъ какъ только *привычка* языка на *дѣль* употреблять падежи при предлогахъ дѣлаетъ возможнымъ и ихъ *подразумѣваніе*, а *подразумѣваніе* ихъ, кажется, въ нашихъ примѣрахъ — *необходимо*.

Мысль, которую мы защищаемъ въ приведенномъ разсужденіи, — очень проста, и мы просимъ читателя не впадать въ наши слова больше того, что въ нихъ заключается. Приведеннымъ разсужденіемъ мы не защищаемъ ни *предложность* предлоговъ, ни ихъ нарѣчность (мы, какъ уже сказано, не можемъ этого сдѣлать просто потому, что о «нарѣчійхъ» еще ничего не знаемъ). Мы хотимъ сказать только то, что если послѣ какого нибудь слова, — предлога ли, или иной части рѣчи, — что нибудь подразумѣвается, — будь это падежъ, или что либо другое (вѣдь падежъ или его подразумѣваніе не предполагаетъ непременно наличность предлога *; и послѣ *существительнаго* можетъ подразумѣваться падежъ**), — то это подразумѣваніе вытекаетъ изъ привычки *дѣйствительно соединять* со словомъ то, что въ томъ или другомъ случаѣ «подразумѣвается».***) Эта мысль, высказанная здѣсь въ общемъ видѣ, получаетъ примѣнительно къ нашему разсужденію о предлогахъ *такой* смыслъ, что «самостоятельное употребленіе» предлоговъ, разъ оно предполагаетъ подразумѣваніе при нихъ падежей, не можетъ играть той «роли *аргумента*» въ вопросѣ объ от-

* Придется всетаки забѣгать впередъ и сказать, что въ приведенномъ выше примѣрѣ слово *ἀτίον* ужъ никакъ не есть предлогъ, а есть «нарѣчье»; между тѣмъ и послѣ *αὐτοῦ* подразумѣвается падежъ.

** После *за спиною* всегда будетъ подразумѣваться отвѣтъ на вопросъ *чѣю*.

***) Сопоставь сказанное на стр. 54.

ношеніи предлоговъ къ »нарѣчіямъ«, какому ему обыкновенно навязываютъ.

Разсмотримъ теперь *composita*, въ составъ которыхъ входятъ предлоги. Прежде всего заявляемъ, что напрасно толкуютъ о композиціяхъ въ *глаголахъ* какъ чѣмъ то *особомъ*, имѣющемъ выяснить историческое развитіе предлога. Чѣмъ отличается слово *συνάγω*, какъ предлоговая композиція, отъ слова *συναγωγή*, или — слово *παράνομέω* отъ слова *παράνομος*?*) Вообще же, по интересующему насъ дѣлу слѣдуетъ раздѣлить предлоговыя композиціи на три категоріи.

На первомъ мѣстѣ поставимъ *composita*, составляющіяся изъ предлога и того или иного *надежда*, который въ предлоговомъ *оборотѣ* долженъ бы быть приставленъ къ предлогу какъ вторая *часть* оборота. Такъ составлены *composita*:

ἀμφιβόμος (Eur. Troad. 562) = совершаемый около жертвенника; сказано о *σφαγαί*.

ἀντήλοι (Soph. Ai. 805) = находящіеся противъ солнца; сказано объ *ἀρχῶνες*.

ἀλόπολις (Soph. Oed. r. 1000) = находящийся далеко отъ города.

διὰπόντιος (Aesch. Choëph. 352), сказано о *γῆ* = земля, къ которой проникнешь только »сквозь« море = заморская земля.

ἔκδημος (Xen. Cyrop. VIII. 5. 12.) = вышедшій изъ дима = находящийся за предѣлами своей *общины*.

ἔνδημος (Aesch. Suppl. 682) = находящийся въ *общинѣ*, въ своемъ *отечествѣ*.

На предлогъ *εἰς* трудно подыскать примѣръ. Затрудненіе это объясняется тѣмъ, что *εἰς* — этимологически тожест-

*) Намъ возразятъ, что *συναγωγή* или *παράνομος* могло появиться только тогда, когда само *συνάγω* или *παράνομέω* уже утвердилось въ языкѣ какъ одно слово. Надѣмся, изъ нижеразъясняемаго нетрудно будетъ убѣдиться въ томъ, что настоящее возраженіе не можетъ имѣть для насъ никакого значенія или, по крайней мѣрѣ, — не такое, какое могутъ ему придавать тѣ, которые выдѣляютъ глагольныя композиціи для *своихъ*, нами не признаваемыхъ, цѣлей.

венно съ ἐν, и что различіе между *движеніемъ* внутрь и *нахожденіемъ* внутри для нашихъ composit'овъ какъ то теряетъ значеніе (сопоставъ выше стр. 307). Такое слово, какъ *σχορακίζειν* (собственно *εἰσχορακίζειν* = посылать къ ворону = посылать къ черту) представляется намъ словомъ слишкомъ *дьяланнымъ*, — словомъ, созданнымъ на *комической* почвѣ, хотя его употребляетъ и Димосѳенъ, въ значеніи синонима слову *προηλακίζειν* (см. Dem. 11. 11.).

ἐπιχώριος = туземный (встрѣчается у Пиндара, Эсхила, Софокла, и позже).

κατάγειον (Plat. Resp. 532 b) = подземелье.

μεταδήμιος (Od. ♪ 293) = находящийся *среди* народа, т. е. — *дѣла*, въ общинѣ.

παράνομέω = поступаю *противъ* закона.

περιαυχένιος (Herod. 3·20) = носимый *вокругъ* шеи; сказано о *στρεπτός*.

προθύριον = собственно *преддверье*.

προσδῶριος (собственно *ποτιδῶριος*, Od. ι 234) = относящийся къ *δῶριον*; сказано объ *ὄβριμον ἄχθος ὕλης ἀζαλέης*, которое принесъ въ пещеру Полифимъ.

συνάδελφος (Xen. Memor. II. 3. 4) = имѣющій *единоутробныхъ* (братьевъ и сестеръ).

ὑπεράκριος (Herod. 6. 20) = находящийся *надъ* горами.

ὑπόζυγια = *подъяремный* = *вьючный* скотъ.

Всѣ эти composita производятъ впечатлѣніе словъ, основывающихся на предлоговыхъ *оборотахъ*, какъ на чемъ то, уже практиковавшемся въ языкѣ и вполне установившемся до образованія самихъ composit'овъ. Чтѣ предметъ, который въ предлоговомъ оборотѣ долженъ быть выраженъ въ самомъ *надежъ* этого оборота, заключается въ composit'ѣ, это нами уже сказано. Что же касается *другого* предмета, который въ предлоговомъ оборотѣ, какъ служащемъ для «сопоставленія предмета съ предметомъ, необходимъ», то этотъ *другой* предметъ въ нашихъ composit'ахъ или намѣченъ (а то

и прямо обозначенъ*) окончаніемъ, или долженъ быть показанъ *помимо* composit'овъ.**)

Для опредѣленія *второй* категоріи composit'овъ опять таки нужно выходить изъ предлоговыхъ оборотовъ и ихъ роли »сопоставленія предмета съ предметомъ.« Въ этой категоріи *оба* сопоставляемые предмета получаютъ свое выраженіе *внѣ* composit'овъ. Въ *лучшемъ* случаѣ, войти въ этимологическую основу composit'a можетъ *тогда* изъ »сопоставляемыхъ« предметовъ, который въ *предлоговомъ* оборотѣ былъ обозначенъ не *надеждемъ* оборота, какъ въ *первой* категоріи, а *внѣ* всего предлоговаго оборота. Эта категорія composit'овъ — самая многочисленная. Вотъ ихъ примѣры:

1. Ὄστε μὲ κουράων ἀμφήλυθε θεῆλος αὐτῆ (Od. ζ. 122). Αὐτῆ и ἐγὼ приводятся здѣсь въ *мѣстное* отношеніе. И αὐτῆ, и ἐγὼ, — оба эти предмета показаны *внѣ* composit'a, а compositum состоитъ изъ выраженія »дѣйствія«, *приводящаго* ихъ въ мѣстное отношеніе, и изъ предлога, вызывающаго появленіе вещнаго надежа *μὲ* такъ, какъ онъ вызывалъ бы его, если бы стоялъ самъ *внѣ* composit'a, *непосредственно* передъ *μὲ*. Я говорю »непосредственно« не въ смыслѣ *разстановки словъ*, — разстановка словъ можетъ быть и болѣе *свободная*, — а въ томъ смыслѣ, что онъ *одинъ* вызывалъ бы тогда вещный надежъ, между тѣмъ какъ теперъ получается такое впечатлѣніе, какъ будто онъ, присоединенный къ выраженію »дѣйствія«, вызываетъ его *совмѣстно* съ послѣднимъ. Соединиться съ выраженіемъ »дѣйствія« въ *одно* слово очень приличествовало нашему предлогу, такъ какъ онъ *отмѣчаетъ* то отношеніе, въ которое поставлены ἐγὼ и αὐτῆ, а *толчекъ* этому отношенію дало само »дѣйствіе« (съ этимъ сопоставъ наше разсужденіе на стр. 241-2).

2. Τί μ' ἀμφιβάλλεις χερσίν, ὦ τάλαινα παῖ, ὄρνις ὅπως πολόχρωσ κύνος (Eur. Bacch. 1364). Если бы этотъ при-

*) Слово, напр., περιανχένιος, какъ слово *признаковое*, своимъ окончаніемъ лишь *называетъ* предметъ, который находится *περὶ αὐχένα*, въ словѣ же *προθύριον*, какъ *существительномъ*, окончаніемъ прямо обозначено то, что находится *πρὸ θυρών*.

**) Сравни *περιανχένιος στρεπτός* и *»βορακίζεν τινά.*»

мѣръ былъ вполнѣ похожъ на предыдущій, то нужно бы читать $\tau\acute{\iota}\ \mu\prime\ \acute{\alpha}\mu\phi\iota\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\epsilon\iota\varsigma\ \chi\epsilon\iota\rho\alpha\varsigma$. Какъ ни чувствовалось бы $\acute{\alpha}\mu\phi\iota$ »принадлежащимъ« къ дѣйствию $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$, все же можно было бы тогда сказать, что $\chi\epsilon\iota\rho\alpha\varsigma$ вызвано словомъ $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ (въ предыдущемъ примѣрѣ соотвѣтствующаго вещнаго падежа не было, ибо $\eta\lambda\upsilon\theta\epsilon$ было *intransitivum*, тогда какъ $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ — *transitivum*), а $\mu\epsilon$ вызвано предлогомъ $\acute{\alpha}\mu\phi\iota$, указывающимъ на »мѣстное отношеніе« $\tau\omega\upsilon\ \chi\epsilon\iota\rho\omega\upsilon\ \nu$ къ лицу, выраженному въ $\mu\epsilon$.

То, что мы *желали* встрѣтить, подводя нашъ примѣръ подъ предыдущій, на дѣлѣ встрѣчается у того же Еврипида *Elect.* 1231, гдѣ сказано: $\acute{\iota}\delta\omicron\upsilon\prime, \phi\acute{\iota}\lambda\alpha\upsilon\ \tau\epsilon\ \kappa\prime\ \omicron\upsilon\prime\ \phi\acute{\iota}\lambda\alpha\upsilon\ \phi\acute{\alpha}\rho\epsilon\alpha\ \sigma\acute{\epsilon}\ \gamma\prime\ \acute{\alpha}\mu\phi\iota\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\mu\epsilon\upsilon\upsilon$. У Еврипида *Hercl. fur.* 465 сказано даже такъ: $\sigma\tau\omicron\lambda\eta\ \tau\epsilon\ \theta\eta\rho\omicron\varsigma\ \acute{\alpha}\mu\phi\acute{\epsilon}\beta\alpha\lambda\epsilon\ \sigma\phi\ \kappa\acute{\alpha}\rho\alpha$, т. е. предлогомъ $\acute{\alpha}\mu\phi\iota$ вызванъ не *вещный* падежъ, а *мѣстный* (сравни- выше стр. 303-4).

Чему же обязанъ примѣръ, вызвавшій настоящее разсужденіе, своимъ $\chi\epsilon\rho\sigma\acute{\iota}\nu$ вмѣсто $\chi\epsilon\iota\rho\alpha\varsigma$? Очевидно, тому, что предлогъ $\acute{\alpha}\mu\phi\iota$ не только »принадлежитъ« по смыслу къ дѣйствию $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$, какъ *отмѣчающій* отношеніе, къ которому $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ дало толчекъ, по прямо таки *внутренно* слился съ нимъ въ одно слово, и хотя мы еще не разбирали *instrumental'a*, но, по *общему* представленію о немъ, въ словѣ $\chi\epsilon\rho\sigma\acute{\iota}\nu$ нужно усматривать *ego, instrumental*. Но за всѣмъ тѣмъ слово $\acute{\alpha}\mu\phi\iota$ остается въ своей *силѣ*, какъ указатель отношенія предмета къ *предмету*. Не будь его, нѣтъ мѣста и слову $\mu\epsilon$ (« $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\epsilon\iota\varsigma\ \mu\epsilon\ \chi\epsilon\rho\sigma\acute{\iota}\nu$ » имѣть *совсѣмъ* другой смыслъ), а если вмѣсто $\chi\epsilon\iota\rho\alpha\varsigma$ появилось $\chi\epsilon\rho\sigma\acute{\iota}\nu$, то и въ *обыкновенномъ предлоговомъ оборотѣ второй* изъ »сопоставляемыхъ« предметовъ *не зависитъ* отъ предлога; въ *данномъ* случаѣ онъ, какъ сказано, *зависитъ* отъ чего то, что *имѣетъ* съ предлогомъ *внутренно* слилось въ *одно*, но это, какъ видно, *не помѣшало* самому *предлогу* выказать *все* свое значеніе, которое онъ имѣетъ въ *обыкновенномъ предлоговомъ оборотѣ*.

Мы слышимъ возраженіе. Въ » $\sigma\tau\omicron\lambda\eta\ \tau\epsilon\ \theta\eta\rho\omicron\varsigma\ \acute{\alpha}\mu\phi\acute{\epsilon}\beta\alpha\lambda\epsilon\ \sigma\phi\ \kappa\acute{\alpha}\rho\alpha$ «, скажутъ намъ, напрасно отнесено $\sigma\phi\ \kappa\acute{\alpha}\rho\alpha$ къ од-

ному ἀμφί; оно зависитъ отъ всего »ἀμφέβαλεν«, и если въ ἀμφιβάλλεις με χερσίν еще кое-какъ можно допустить, что ἀμφί »сохранило все значеніе, которое оно имѣетъ въ обыкновенномъ предлоговомъ оборотѣ,« то этого нельзя сказать объ »ἀμφέβαλε σφ̄ κάρρα στολήν«. Мы не имѣемъ ничего противъ этого возраженія. Дѣйствительно, бываетъ, что предлогъ сливается *внутренно* съ выраженіемъ дѣйствія до того тѣсно, что самъ не можетъ повліять на конструкцію такъ, какъ повліялъ бы внѣ этого условія. Такъ, въ ἔρχομαι διὰ πυλῶν появляется *родовой* падежъ, а въ διέρχομαι πύλας — *вещный*. Въ ἀμφιβάλλω στολήν σφ̄ κάρρα — »σφ̄ κάρρα« нужно бы признать за *личной* падежъ, если оно зависитъ отъ всей композиціи*). Но нѣтъ сомнѣнія, что и *здесь* предлогъ *остается* указателемъ отношенія предмета къ предмету; ибо не будь *его* во фразѣ διέρχεσθαι πύλας, то и слово πύλας не только не заручится *вещнымъ* и другимъ, какимъ угодно, падежемъ, но *совсѣмъ исчезнетъ* изъ фразы.

3) ὡς οἱ γε ἀμφίεπον τάφον Ἕκτορος ἱπποδάμοιο (II. ω. 804). Чѣмъ отличается этотъ примѣръ отъ двухъ предыдущихъ, т. е. отъ ἀμφήλυθέ με ἄτῆι и отъ ἀμφιβάλλεις με χερσίν? Въ предыдущихъ примѣрахъ въ само compositum не входило ни то, *что* черезъ предлогъ приводится въ отношеніе къ извѣстному предмету, ни тотъ предметъ, къ *которому* оно приводится въ отношеніе (последняго и не могло быть, иначе самое compositum пришлось бы отнести не ко второй, а къ *первой* категоріи, — къ словамъ *παρὰ νομέω* и т. д.). Настоящій же примѣръ представляетъ собою тотъ *крайній* случай, который мы имѣли въ виду

*) Это разсужденіе вызываетъ вопросъ: какія изъ compositiv'овъ слѣдуетъ считать *болѣе* ранними: тѣ, въ которыхъ предлоги еще *имѣютъ* вліяніе на конструкцію, или тѣ, въ которыхъ предлоги *до того* слились съ выраженіемъ дѣйствія, что даже потеряли вліяніе на конструкцію? Казалось бы, *болѣе* ранними нужно считать *первыя*. Если это такъ, то это плохо мирится съ мнѣніемъ Дельбрюка, которое мы сообщали на стр. 319, и которое гласитъ, будто сначала предлогъ видоизмѣнялъ значеніе *малога*, а затѣмъ, когда этотъ глаголѣ (видоизмѣненный предлогомъ) принялъ къ себѣ приспособленный его значенію падежъ, то и между *предлогами* и этимъ *падежемъ* установилось извѣстное синтаксическое отношеніе.

при самомъ *опредѣленіи* второй категоріи *compositiv*овъ: то, что приводится въ отношеніе къ извѣстному предмету, вошло въ *compositum*, ибо въ *данномъ* примѣрѣ окружаетъ *τάφον* *Ἐκτορος* дѣйствіе *ἔπειν*.

Намъ скажутъ, что въ нашемъ примѣрѣ не *ἔπειν* окружаетъ *τάφον* *Ἐκτορος*, а окружаютъ его *οἱ γέ*, производя при этомъ дѣйствіе *ἔπειν*. Мы не имѣемъ ничего и противъ такого возраженія, хотя оно можетъ вызвать только *колебаніе*, но не можетъ претендовать на рѣшеніе вопроса *непрѣмьнно* въ свою пользу. Въ состояніи такого колебанія мы могли оказаться часто, когда разбирали отдѣльные предлоги съ ихъ падежами, особенно послѣ разсужденія, изложеннаго нами на стр. 244-5. Мы сами уже поднимали однажды подобный вопросъ, именно на стр. 276, но тамъ мы *нашли* мотивъ, въ силу котораго къ »*сопоставленію*«
предметовъ, обозначаемому *предлогомъ*, можно было отнести *дѣйствіе*, а не лицо, *производящее* его. Въ *настоящемъ* примѣрѣ такого мотива не найти, а потому и колебанія не избѣгнуть. Разбирая нашъ и ему подобные примѣры съ узко-*симасіологической* точки зрѣнія, мы скажемъ, что отъ *ἀμφί*επον съ одной стороны »зависитъ«
οἱ γέ, а съ другой — *τάφον*, причѣмъ на *падежѣ* слова *τάφον* »не потеряло еще вліяніе«
само *ἀμφί*; затѣмъ отъ *τάφον* зависитъ *симасіологически* *Ἐκτορος*, а съ *Ἐκτορος* *симасіологически* связано, какъ *согласующееся*, слово *ἱπποδάμοιο*. Но узко-*симасіологической* точкѣ зрѣнія мы въ самомъ *основаніи* противопоставляемъ *обще-синтаксическую*, — ту *обще-синтаксическую* точку зрѣнія, которою *опредѣляются* паузы, ритмъ и т. д., и которою у насъ *опредѣлились* »*синтаксическія*«
подлежащее и *сказуемое* (смотри выше стр. 175). Читатель разсмотритъ еще разъ все наше разсужденіе о *синтаксическихъ* *подлежащемъ* и *сказуемомъ* и убѣдится въ томъ, что все дѣло тамъ *заключается* въ *психо-логическомъ* *синтезѣ*, — въ *синтезѣ*, доводящемъ дѣло до *цѣлой* *лѣтстницы* *степеней* *подчиненія*, причѣмъ *подчиняется* не слово слову, а мысль мысли. Не знаю, *вездѣ* ли, — это дѣло *высшаго* *синтаксиса*, — но во *многихъ* случаяхъ я вижу *полную* *зави-*

симость всѣхъ этихъ паузъ и ритма именно отъ психо-логического синтеза и отъ *разныхъ степеней подчиненія* одной части мысли другой. По мысли относятся *οἱ γε* и къ *ἔπειν*, и къ *τάφον*, точно такъ же, какъ и само *ἔπειν* имѣетъ отношеніе къ *τάφον*, и психо-логическій синтезъ, внося въ эти слова извѣстныя степени подчиненія, можетъ комбинировать различно. Въ выраженіи *гуманное обращеніе отца* — слова *гуманное* и *отца* симасіологически одинаково зависятъ отъ слова *обращеніе*, представляя собою схему $\alpha \setminus^a / \beta$. Но психо-логическій синтезъ, на *общесинтаксической* почвѣ, можетъ превратить эту схему или въ $\alpha (\alpha / \beta)$ = *гуманное (обращеніе отца)*, причеиъ »ритмически« слова *обращеніе отца* будутъ составлять нѣчто одно, въ противоположность слову *гуманное*, или въ схему $(\alpha \setminus^a) \beta$ = (*гуманное обращеніе*) *отца*, причеиъ »пауза« будетъ поставлена между словомъ *отца*, какъ чѣмъ то *однимъ*, и словами *гуманное обращеніе*, какъ чѣмъ то *другимъ*. Въ итогѣ отъ обоихъ психо-логическихъ синтезовъ получится въ *данномъ* случаѣ одно и то же. Такъ и въ *οἱ γε ἀμφιέπειν τάφον* можетъ войти въ скобку или *дѣйствие* = у нихъ (*ἔπειν* окружило) *τάφον*, или дѣйствующее лицо = *ἔπειντες* (они окружили) *τάφον*, и результатъ будетъ одинаковый.

Итакъ, для насъ рѣшительно все равно, войдетъ ли въ »сопоставленіе« предметовъ слово *ἔπειν*, или слово *οἱ γε*; для насъ важно, что то и другое — *возможно*. Если въ »сопоставленіе предметовъ« войдетъ *οἱ γε*, то нашъ примѣръ, по *интересующему* насъ вопросу, будетъ совершенно одинаковъ съ *ἀμφιῆλυθέ με ἄυτή*, а если туда войдетъ *ἔπειν*, то онъ будетъ представлять *особый* типъ сопоставленій въ *второй* категоріи. Въ томъ и другомъ случаѣ, однако, остается *τάφον*, а на этомъ *τάφον* слово *ἀμφι* обнаруживаетъ всю свою силу какъ *предлогъ*: не будь *ἀμφί*, не будетъ и *τάφον*.

4. *τοιοῦτον μέντοι καὶ ἐγὼ οἶδα ὅτι πάθος πάθουσι ἂν εἰσελθὼν εἰς δικαστήριον* (Plat. Gorg. 522 b). Судя по прежнему, казалось бы, что здѣсь нужно встрѣтить не *εἰς*

δικαστήριον, а простой вещный падеж̄ δικαστήριον. На дѣлѣ этотъ *простой* вещный падеж̄ встрѣчается; такъ, мы читаемъ: Φρυγίην (Π. γ 184), τεῖχος (Π. χ 56), πόλιν (Soph. Oed. C. 913), ἄλσος (Soph. Trach. 1167), δόμους (Eur. Alc. 563), τὴν γραφὴν (=подать жалобу, Lys. 18. 105), μένος ἀνδρας̄ εἰσέρχεται (Π. ρ 157) и т. д. Встрѣчается даже *личной* падеж̄, что также вполне понятно, такъ какъ представляет собою полную аналогію примѣру ἀμφέβαλε στολήν σὺ κάρα, если въ немъ κάρα, какъ мы рассуждали на стр. 326-7, не находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ предлога ἀμφί, а стоитъ въ зависимости отъ *всего* composit'a или, говоря точнѣе, отъ того *общаго* представленія, которое оно рисуеъ какъ *одно* слово (сравни замѣтку ο βαρέως φέρω на стр. 138). *Личной* падеж̄ при εἰσέρχομαι встрѣчается: Plat. Lys. 218 с (εἰσῆλθέ μοι ὑποψία; *общее* впечатлѣніе отъ слова εἰσῆλθε — то же, что отъ ἐγένετο), Plat. Theaet. 147 с (εἰσῆλθε αὐτοῖς διαλεγομένοις = пришло *имъ* на мысль во время бесѣды), Plat. Resp. 330 d (εἰσῆλθεν αὐτῷ δέος καὶ φροντίς) и др.

Опять возраженіе: Не слѣдуетъ, скажутъ намъ, отличать падеж̄ μοι въ какомъ нибудь εἰσῆλθέ μοι ὑποψία отъ падежа με хотя бы даже въ *первомъ* примѣрѣ ἀμφήλυθέ μ' ἀϋτή, такъ какъ и въ *этомъ* примѣрѣ все же въ концѣ концовъ, какъ мы *сами* признали, слово με чувствуется зависящимъ отъ *всего* compositum, слѣдовательно, *тоже* зависеть отъ *общаго* представленія, рисуемаго *всѣмъ* composit'омъ какъ *однимъ* словомъ. Укажутъ на то, что *именно* ἀμφιβάλλω а не простое βάλλω, чувствуется по отношенію къ με *transitiv'нымъ*, и вызываетъ къ себѣ *με* не потому, что въ него вошло ἀμφί, а потому, что оно — *transitivum*. Намъ предложить сопоставить русскія выраженія *ходить (идти) черезъ рѣку* а *переходить рѣку* а (въ данномъ случаѣ *черезъ* и *пере* — одно и то же), и заставить насъ убѣдиться въ *правильности* возраженія. Все это такъ, но, присмотрѣвшись ближе къ *причинѣ* *transitiv'ности* слова ἀμφήλυθεν, мы должны сказать, что оно —

transitivum по отношенію къ $\mu\epsilon$ лишь *постольку*, поскольку въ немъ само »ἀμφί« — transitivum, и слово $\mu\epsilon$ въ »ἀμφή-
λυθεν« всетаки зависить *прежде всего* отъ ἀμφί.

Однако, — чтобы возвратиться къ нашему εἰσῆλθον εἰς δικαστήριον, — почему же въ немъ и ему подобныхъ примѣрахъ появляется не *простой* падежъ, а предлогъ? Какъ извѣстно, предлогъ этотъ бываетъ не только *одинаковый* съ предлогомъ composit'a, но и *синонимичный* ему (какое нибудь παρά τινα, ср. Plat. Gorg. 456 b, πρός τινα, ср. Xen. Hell. V. I. 33, и т. д.). Такъ и въ русскомъ языкѣ: *поддѣлаться подѣ характеръ, примѣняться къ характеру* и т. д. *Почему* это все такъ? Мотивовъ тутъ можетъ быть два. Одинъ мотивъ — тотъ, что предлогъ самого composit'a не то что »теряетъ вліяніе на дальнѣйшую конструкцію«, какъ было напр. въ διέρχομαι πύλας, а *вовсе не пред-
назначенъ* для того, чтобы служить сопоставленію предмета съ предметомъ. Его задача — просто *видоизмѣнять* значеніе того слова, которое слилось съ нимъ въ compositum: εἰσῆλθον — почти то же самое, что простое ἦλθον, только *направленіе**) движенія, выраженнаго въ ἦλθον, ближе опредѣлено въ εἰς. Въ этомъ случаѣ наше εἰσῆλθον *вовсе не принадлежало бы* ко второй, а къ *нижеслѣдующей*, третьей категоріи composit'овъ.

Другое, что можно усмотрѣть въ появленіи *новаго* предлога *послѣ* composit'a, это — *симасіологическая тавтологія*. Что же достигается такою тавтологіею? Къ рѣшенію этого вопроса мы можемъ привлечь и русский языкъ. Сопоставивъ обороты »переходить *черезъ* рѣку« и вышеприведенное »переходить рѣку«, мы видимъ, что *первое* выраженіе даетъ чувствовать слушателю всю *детальность* картины движенія, — каждый, такъ сказать, шагъ перехода по *длинной* поперечной линіи отъ одного берега къ другому, тогда какъ во *второмъ* выраженіи рѣка рисуется простымъ *объектомъ* дѣйствія.

*) Вотъ къ чему ведетъ die ältere (?) Aufgabe der Präpositionen die Handlung des Verbumis nach Massgabe des ihnen innewohnenden Sinnes näher zu bestimmen: къ появленію *новаго* предлога въ симасіологическомъ дополненіи глагола! (сравня подстрочныя замѣтки на страницахъ 319 и 326).

Въ иныхъ случаяхъ симасіологическая тавтологія указываетъ на *дѣйствительное* движеніе, а простой падежъ придаетъ всему обороту *метафорическое* значеніе; сравни *εἰσβαίνω εἰς ναῦν* (Herod. 3. 41) и *εἰσέβην κακὰ* (Soph. Oed. C. 997).

На приведенныхъ четырехъ примѣрахъ можно даже и остановиться при разсматриваніи второй категоріи *composit'ovъ*, такъ какъ ими исчерпаны *всѣ* типы этой категоріи. Во *всѣхъ* ихъ одинъ изъ сопоставляемыхъ предметовъ — то *входитъ* въ *compositum* (*εμφέπτον*), то *не входитъ*, а затѣмъ, что касается *симасіологическихъ дополненій* такихъ *composit'ovъ*, то въ нихъ можно различать *три* случая: или симасіологическое дополненіе *composit'a* остается то же, какъ если бы *части* *composit'a* были не частями, а отдѣльными словами, или симасіологическое дополненіе *composit'a* *измѣняется* сравнительно съ тѣмъ, когда части *composit'a* являлись отдѣльными словами, или, наконецъ, наступаетъ симасіологическая тавтологія; *quartum non datur*.

Однако, почему же мы въ этой категоріи *composit'ovъ* приводили одни *глаголы*, глагольные имена (мы толковали о *composit'ѣ перейти*) и глагольные *признаковыя* (*εἰσελθών*), и почему въ предыдущей категоріи преобладали у насъ *простыя* признаковыя и существительныя? Это вполнѣ понятно. Въ первой категоріи предметъ, *къ которому* что-нибудь приводится въ отношеніе, находился въ самомъ *compositum*, а потому *падежа*, требуемаго *обыкновенно* предлогомъ, все равно нельзя было выдержать въ симасіологическомъ дополненіи этого *composit'a*. Во второй же категоріи предметъ этотъ уже во *всякомъ* случаѣ *всегда* находился *внѣ* *composit'a*, а потому интересно было прослѣдить, насколько въ *названіи* этого предмета удерживается *падежъ*, который требуется предлогомъ въ *обыкновенныхъ* предлоговыхъ оборотахъ? За этимъ можно было слѣдить *только* въ глаголахъ, въ глагольныхъ именахъ, и глагольныхъ признаковыхъ. Вопервыхъ, тамъ какъ-то свободно разлагалось *compositum* на *части*, — извѣстно, что въ старину предлогъ даже *внѣшне* — *совершенно* от-

дѣлялся при посредствѣ такъ называемаго tmesis'a* (какоенибудь ἀμφιπτυχῆ ужь никакъ нельзя τέμνει**), а важнѣе всего — то, что *существительныя* въ вопросѣ о симасіологическомъ дополненіи составляютъ *особый* разрядъ словъ, представляя въ этомъ отношеніи *полную* противоположность предлогамъ (сравни выше стр. 265), и потому предлогъ, вошедшій въ ихъ композицію, ужь никакъ не можетъ оказать вліянія на дальнѣйшую конструкцію. Ихъ симасіологическое дополненіе есть по преимуществу, какъ ниже окажется, *родовой* падежъ, или предлоговый оборотъ. По *предлоговому* обороту въ *нашей* категоріи словъ пришлось бы имѣть дѣло съ тою же симасіологическою *тавтологією* (εἰσβολὴ εἰς τὴν χώραν), а *родовой* падежъ (δὸς χειρὸς φίλημά μοι σῆς σωματός τ' ἀμφιπτυχάς — Eur. Ion) своимъ *геническимъ* характеромъ прямо таки сводитъ къ нулю тотъ интересъ, который представляли собою composita-глаголы, глагольныя имена и глагольныя признаковыя. Что же касается простаго *признаковаго*, то оно, *прежде всего*, должно *согласоваться*, а вовсе не «симасіологически дополняться» падежами, откуда и выходятъ въ *нашей* категоріи composit'овъ такія явленія, какъ ἀμφιάλος Ἴθακή (= Иоака, кругомъ которой — море) ἀμφιέλισσα ναῦς (= корабль, по обѣимъ сторонамъ

*) Греческій или, точнѣе, омировскій tmesis представляетъ собою совершенно то же, что нѣмецкій (der Nebel hüllte den Wald *и* др.); только что нѣмецкій tmesis, по крайней мѣрѣ, какъ мы его видимъ въ *теперешнемъ* нѣмецкомъ языкѣ, связанъ извѣстною разстановкою словъ, тогда какъ *омировскій* tmesis, *кажется*, ничѣмъ не связанъ, развѣ только *метрическими* соображеніями, но это — соображенія слишкомъ внѣшнія. Въ какой мѣрѣ мы правы относительно того, что въ ἀμφίλυθε *и* слово *и* зависить *прежде всего* отъ ἀμφί, засвидѣтельствуеетъ всякій, кто практиковался въ комментированіи Омира: часто не знаешь, усматривать ли въ предлогѣ tmesis, или принимать его за *отдѣльное* слово, а падежъ относить *исключительно* къ нему.

**) Разъ въ такихъ словахъ нѣтъ tmesis'a, то ихъ образование нужно ставить хронологически, конечно, *послѣ* образования глагольныхъ композицій (сравни выше подстрочное примѣчаніе на стр. 322). Но какое изъ этого можно вывести заключеніе? Единственно опять таки то, что предлоги чѣмъ дальше, тѣмъ больше *срастались* съ другими словами, *теряя* вліяніе на конструкцію, но мысль, будто предлоги, находясь въ композиціяхъ, *примавшихъ* извѣстные падежи, затѣмъ сами на этомъ основаніи устанавливали *себя* отношеніе къ падежамъ, *отдѣляясь* понемногу отъ композицій (вѣдь это утверждаетъ Дельбрюкъ), — *эта* мысль не находитъ поддержки въ подобныя явленіяхъ.

котораго — извилины) и т. д. Опять таки и *эти composita* не представляютъ для насъ никакого интереса, развѣ только тѣмъ, что и въ нихъ предлогъ *остается* указателемъ отношенія предмета къ предмету (объ этомъ, впрочемъ, *упомянуть* нечего; это *само собою* заключается во *второй* категоріи *compositovъ*, какъ *таковой*).

Третью категорію, наконецъ, составляютъ такія *composita*, въ которыхъ первая часть, т. е. самъ предлогъ, служить лишь для отгѣненія значенія второй части. Сюда относятся явленія въ родѣ слѣдующихъ.

Ἀμφιβολία = бросаніе *туда и сюда* = незнаніе, куда мѣтить, что дѣлать = затруднительное положеніе (*ἀμφιβολίη ἔχουσα* — Herod. 5·74; то же — *ἀμφιγυνοῶ*).

Ἀμφιδάκρυτος (сказано о *πόθος*, Eur. Phoen. 330) = тоска, вызывающая *кругомъ*, т. е. *всюду и всегда*, слезы = слезообильная.

Ἀναβακχεύω (*ματέρος αἶμα σᾶς, ὃ σ' ἀναβακχεύει* — Eur. Or. 338) = какъ бы, *изъ-подъ* спуда вдругъ *вверхъ* выбросить = возбудить въ тебѣ вакхическое настроеніе.

Ἀναβάλλω (*ἀναβάλλομαι τοι ἐς τρίτην ἡμέραν ἀποκρίνεσθαι* — Herod. 5·49) = то, что должно идти своимъ теченіемъ, вдругъ поднять *вверхъ* и *возбросить* = возложить на кого-нибудь или на что-нибудь, — въ данномъ случаѣ, какъ-бы, возложить на *третій* день = отложить.

Ἀνάγω (*μυθθεῖς ἀλλοδαποῖσι, γυναῖκ' εὐειδέ' ἀνήγες ἐξ ἀπίης γῆς* — Il. γ 48) = на ту поверхность, откуда что нибудь исчезло, подъ которую что нибудь провалилось, *возвести* = *возвратить*.

Ἀναίρω = то, что спокойно лежало на поверхности, поднять *вверхъ* = *взобрать* = *прибрать*, чтобы тамъ этого не было, иногда просто — уничтожить.

Ἀνακαλύπτω (противоположно слову *καλύπτω*) = *воз-крыть* = *вскрыть* = *поднять* *κάλυμμα* *вверхъ*.

Ἀνακλίνω = *возлечь на* что нибудь (*ποτὶ γαίην ἀνακλίνας* Il. δ. 113), причемъ само *κλίνειν* противопоставляется или стоянію, или сидѣнію *прямо* (прежнее *вверхъ* *ослаблено*

здѣсь въ простое *на*, какъ оно употреблено нами *именно* въ оборотѣ »возлечь *на* чтонибудь«).

Ἀνακάμπτω = воз-гнуть = взгнуть; *κάμπτω* противопоставляется нахожденію въ *прямой* линіи, а *все* »*ἀνακάμπτω*«
противопоставляется слову *ἐγκάμπτω* (= вогнуть = гнуть
во-внутрь), такъ что *ἀνακάμπτω* получаетъ значеніе
»гнуть *концы* линіи *назадъ*, чтобы середина ея выступила
впередъ«.

Ἀναμνήσκω = вспоминать = вывести въ памяти на-
ружу.

Ἀναγινώσκω = воспринимать = невѣдѣніе превратить
въ вѣдѣніе (обыкновенно употребляется о прочтеніи *напи-*
саннаго).

Ἀναπτύσσω (напоминаетъ почку, вскрывающуюся =
ἀνακαλυπτομένην въ цвѣтокъ) = то, что было сложено
въ складки, развернуть — расправить.

Ἀναρρέω (противопоставляется слову *καταρρέω*, т. е.
теченію по линіи *внизъ*) = течь по линіи *вверхъ* = течь
назадъ.

Ἀντιφелέω = ставлю свою поддержку *лицомъ къ лицу*
съ поддержкою другого = оплачиваю поддержкою за под-
держку (слова *ἀντίθεος* = становящийся лицомъ къ лицу
съ богомъ = богоравный и *ἀντίδουλος* = уравнивающимъ
раба = замѣняющій раба — относятся не сюда, а къ *первой*
категоріи *compositiv*овъ: *ἀντίθεος* = *ὅς ἀντὶ θεοῦ*, *ἀντίδου-*
λος = *ὅς ἀντὶ δούλου ἐστίν*).

Ἀντιστάτης = стоящій противъ кого *нибудь*, *тоже*
стоящаго противъ = противникъ.

Ἀπογηράσκω (Theogn. 821) = *отстариться* (сравни рус-
ское *отцвѣльзъ цвѣтокъ*) = отдѣляться отъ *состарѣнія* =
окончательно состарѣть.

Ἀπαγορεύω — *буквально* русское »отказать«
= запретить, а то и »отказаться«, въ смыслѣ »перестать что
нибудь дѣлать«
= утомиться (сравни *ἀπογινώσκω* = не при-
знавать — отчаяваться).

Ἀποκρίβωσαι = *окончательно* выяснитъ (сравни рус-
ское »отдѣлка«).

Ἀπόμνημι = отдѣлаться отъ присяги = совершить наконецъ присягу.

Ἀπαγγέλλω = отвѣстить = передать вѣсть = объявить (*отвѣстать* по русски не говорятъ, но *отвѣтить* говорятъ, — съ тѣмъ же значеніемъ предлога *отъ*).

Διαδιάσωμι = насквозь провести извѣстное дѣйствіе, въ смыслѣ *полноты*; то же — *διαδικάζω* = разсудить.

Διάβροχος (Eur. Bacch. 1051) = насквозь промокшій.

Διαδάχνω = прокусить.

Διάδοχοι = перенимающіе отъ кого чтонибудь. Здѣсь не хватаетъ у меня чутья языка для того, чтобы рѣшить, имѣется ли въ виду *полнота* перениманія, т. е. перениманіе чегонибудь во всѣхъ его деталяхъ, или, быть можетъ, рисуется картина двухъ лицъ, стоящихъ рядомъ, причѣмъ отъ одного изъ нихъ вещь переходитъ къ другому *черезъ* промежутокъ, находящійся между ними; на послѣднее указываетъ русское »перенять«, въ которомъ »пере« равняется слову *черезъ*.

Διαζεύγνυμι = распрѣчь; русское »раз« является здѣсь метафорою слова »сквозь« въ томъ смыслѣ, что, *проникая* сквозь извѣстную среду, мы какъ то *разрѣзаемъ* эту среду на двѣ половины.

Διακρίνω = различаю.

Διαβάλλω = разбросать = уничтожить цѣльность; мы говоримъ »разнести когонибудь« = оклеветать.

Διάκειται = развернуться передъ кѣмъ въ обѣ стороны = быть расположеннымъ къ кому-нибудь.

Διαχοσμέω = въ нѣчто спутанное проникнуть и произвести *распорядокъ*.

Διαφέρω = провести черту между двумя вещами и *тоже*, какъ бы, *разнести* ихъ = различать.

Διαφέρομαι = какъ бы, *разнести себя* съ кѣмънибудь = поссориться.

Διαλέγομαι = *разсуждаю* съ кѣмънибудь = *разговариваю* = нѣчто, что первоначально представлялось только, быть можетъ, въ *туманѣ*, разбирается по *частямъ*, и провѣдятся опредѣленные границы между частями.

Λαλείπω χρόνον = оставляю (*λείπω*) промежь чего нибудь (*διά*) время, — оставляю его въ томъ смыслѣ, что не пользуюсь временемъ = упускаю время.

Εἰσακούω = вслушиваюсь = внимательно слушаю = слушаюсь.

Εἰσβάλλω εἰς τὴν πόλιν = бросаюсь въ городъ, *εἰσβύβω* (такъ можно бы толковать и вышеприведенное *εἰσελθὼν εἰς δικαστήριον*, если *εἰσελθὼν* относится къ третьей категории *composit'овъ*).

Ἐκκαθαίρω = *извнутри* = *совсѣмъ* вычистить.

Ἐνδίδωμι = дать себя въ руки чему нибудь = поддаться = уступить.

Ἐμμένω = *тутъ же* (*ἐν*) остаюсь = твердо стою.

Ἐλλείπω — *ἐκλείπω* — *ἐπιλείπω* = отставать (*λείπω*) *во-внутрь* (*ἐν**) и не идти въ уровень — отставать *во-внѣ* (*ἐκ*) и не идти въ уровень — *приотставать* (какъ *ἐπίσχευς* = *придержки*; трудно вникнуть въ метафору этого русскаго *при* и греческаго *ἐπί*) = *недоставать*.

Ἐπαγγέλλω = *обращаясь къ кому нибудь*, объявляю = объявляю *публично*. Впрочемъ, *ἐπί* можетъ имѣть здѣсь еще другое значеніе; оно можетъ указывать на *присоединеніе* чего нибудь къ чему нибудь, какъ это замѣчается въ выраженіяхъ *ἐπιγενομένου θέρους* (= когда *вслѣдъ* за другимъ временемъ *появилось* *θέρους*, когда *θέρους* *смыслило* *χειμῶνα*, когда *наступило* *θέρους*).

Ἐπαγειρω = *къ жьстѣ* собирать = собирать въ одно.

Ἐπαείρω (*ὄρθωθεὶς δ' ἄρ' ἐπ' ἀγκῶνος, κεφαλὴν ἐπαείρας, Ἀτρείδην προσέειπε* — II. κ 80) = *принаравливаясь къ чему нибудь*, *поднять*.

Ἐπαίτew (*ἴππον δὲ τοι αὐτὸς δώσω, τὴν ἀρόμην· εἰ καὶ νῦν κεν οἴκοθεν ἄλλο μείζον ἐπαίτῃσειας* — II. ψ 593) = *вдобавокъ къ чему попросить* = *припопросить*.

Ἐπαίνew = *по данному случаю* *αἰνεῖν*. Возможность толковать *ἐπί* въ *composit'ахъ* въ смыслѣ *по данному*

*) Математическій «эллипсъ», какъ извѣстно, уже древнимъ грекамъ былъ знакомъ какъ линія, «отстающая отъ параболы *во-внутрь* параболы» по эксцентритету.

случаю открываетъ широкое поле этимъ composit'амъ, и действительная многочисленность ихъ обнаруживаетъ лишь большую склонность греческаго языка къ composit'амъ; ибо особеннаго ничего не вымывается черезъ нихъ: ἐπαινέω обозначаетъ почти то же, что простое αἰνέω.

Ἐπακούω = прислушиваться.

Ἐπιβουλεύω = мыслить, направляясь противъ кого-нибудь (въ враждебномъ слыслѣ) = злоумышлять.

Καταλίπτειν = по всей поверхности = окончательно (а можетъ быть, и до-низу = до основанія = основательно) жечь = сжечь.

Κατηγόρεω = говорить съ высоты внизъ = говорить »съ-высока« = унизительно = говорить противъ кого-нибудь.

Μεθίστημι = смежно ставлю что-нибудь сравнительно съ прежнимъ положеніемъ этого »чего-нибудь« = переставляю.

Относить ли сюда μετέχω τινί τινος? Τινί есть здѣсь личный падежъ, и если мы на стр. 253 и 283 толковали слово μετά правильно, то μετέχω, представляя собою слѣды омировскаго употребленія слова μετά съ личнымъ падежемъ, могло бы относиться со всею своею конструкціею къ типу ἀμφιβάλλεις με χερσίν» второй категоріи composit'овъ (какъ въ ἀμφιβάλλεις με χερσίν слово χερσίν зависѣло отъ всего ἀμφιβάλλεις», такъ и здѣсь τινός зависить отъ всего »μετέχω«, иначе было бы τί — »ἔχω τί« — а не τινός). Однако, этому толкованію противорѣчитъ оборотъ μεταδίδωμι τινί τινος. Очевидно, оба эти оборота составлены по одному шаблону, а μεταδίδωμι τινί τινος относится непременно къ третьей категоріи composit'овъ. Μεταδίδωμι значитъ »даю такъ, чтобы данное было смежнымъ или совмѣстнымъ съ моимъ« = даю часть чего-нибудь (такъ и μετέχω = имѣю часть чего-нибудь). Разъ слово μετά метафоризировалось въ часть*),

*) Со внесеніемъ въ мысль представленія части уничтожается возможность того »сопоставленія предмета съ предметомъ«, которое было обозначимо предлогомъ »μετά« въ предлоговомъ оборотѣ.

то все *compositum* принадлежит сюда. Такимъ образомъ личный падежъ *τινί* въ *μετέχω τινί* пришлось бы объяснять такъ, какъ онъ объясняется въ *διαλέγομαι τινί* = я разговариваю и онъ разговариваетъ; я имѣю часть и онъ имѣеть часть (въ *μεταδίδωμι τινί τινος* личный падежъ *τινί* зависитъ непосредственно отъ *δίδωμι*).

Относитъ ли сюда *παραβάλλομαι ψυχῆν* = не щадить жизни = жертвовать жизнью (*οὐδέ τι μοι περίκειται, ἐπεὶ πάθον ἄλγεα θυμῷ αἰεὶ ἐμῆν ψυχῆν παραβαλλόμενος, πολεμίζειν* = II. ι 332)? Едва ли. Весь оборотъ заимствованъ изъ игры, гдѣ *возьмъ* (*παρά*) игорной доски клалась ставка. Этою ставкою представлена въ нашей фразѣ *вся жизнь*, а игрою представлено дѣйствіе *πολεμίζειν*. Предлогъ *παρά* не выходитъ здѣсь изъ рамки »сопоставленія предмета съ предметомъ«, а потому наше выраженіе слѣдуетъ отнести ко *второй* категоріи *composit'овъ*.

Παρεγένητο или *παρῆν εἰς Σάρδεις* (Xen. Anab. I. 2, 3) мы толкуемъ какъ *εἰσελθὼν εἰς δικαστήριον*: тутъ можно толковать и о второй, и о третьей категоріи *composit'овъ*.

Παραίνέω = *возьмъ* чегонибудь одобрять = *въ виду* чегонибудь одобрять = поощрять.

Παρακοῦω = слушать *возьмъ*, *минуя* то, что *слѣдуетъ* слушать = ослышаться.

Что касается примѣра *περιεγένητο τοῦτου τοῦ πάθους* (Herod. 5. 46 = онъ обошелъ это несчастіе = онъ сталъ *выше* этого несчастія), то мы его отнесемъ ко *второй* категоріи *composit'овъ*. Къ »*περιγενέσθαι ἐκ τῶν μεγίστων*« (Thuc. II. 49) мы отнесемъ, какъ къ *παρῆν εἰς Σάρδεις*. Къ *третьей* категоріи *composit'овъ* несомнѣнно относится выраженіе *περιεγένητο* въ смыслѣ »онъ остался въ *живыхъ*.«

Περιεργάζεσθαι = трудиться *излишне*, *больше* чѣмъ слѣдуетъ (Dem. 32.28: *εἰ δὲ σεσοχοφάντηρας, οὐ περιεργάζομεθα* = не суетимся *излишне* изъ за того, что = не обращаемъ вниманіе на то, что . . .). Метафора *излишне* получается изъ того же *выше*, о которомъ мы упоминали

въ предыдущемъ примѣрѣ, и которое въ предлоговомъ оборотѣ замѣчено было во фразѣ *περὶ δὲ ἐστὶν θεῶν καὶ ἀνθρώπων* (ср. стр. 303). Такъ и *περιουσία* = излишекъ — достатокъ — благосостояніе.

Περικαλλῆς = *кружокъ* хорошъ = вполне хорошъ (или и тутъ слѣдуетъ примѣнить *выше?*)

Προαιεῖσθαι μᾶλλον τι ἢ τι = избрать скорѣе то-то, чѣмъ то-то; собственно = *впередъ* взять, какъ бы «раньше взять» — предпочесть.

Προελεῖν = говорить *впередъ*, въ смыслѣ *прямо*, какъ бы «прямо *отъ устъ*», — латинское *profere* = объявить (*πρόλεμον προελεῖν* = объявить войну).

Προίημι и *προδίδωμι* = пустить *впередъ* = пустить *отъ* себя = выпустить изъ рукъ = предать.

Προσαιτέω = *вдобавокъ* къ чему просить = припрашивать.

Προσαρκεῖ = *въ виду* того-то хватается, почти то же, что простое *ἀρκεῖ*.

Συλλέγω = съ разныхъ концовъ въ одно мѣсто *λέγω* = собираю.

Συνεργάζομαι = *сопсіо* = съ разныхъ сторонъ принимаюсь за дѣло, къ *одному* свожу; *λίθοι οὐ συνεργάζομενοι* (Thuc. 1.93) = не сработанные = не обработанные ваятельски.

Сюда мы не отнесемъ выраженіе *σύννοια ἐμαυτῷ* = сознаю за собою. Здѣсь указывается на двухъ я, одного *дѣйствующаго*, а другого *знающаго* объ этихъ дѣйствіяхъ; эти два я «сопоставляются» между собою, и весь оборотъ принадлежитъ ко *второй* категоріи *compositivovъ*. Во фразѣ «*σύννοια σοι*» выражено «и ты знаешь, и я знаю». фраза *συγγυνώσκω τινί* (= извиняю кого) выражаетъ собственно: другой смотритъ на свое дѣло извѣстнымъ образомъ, и я смотрю на него *такъ же*.

Ἐπερφρονεῖν = презирать (собственно: идти *мыслью*, τῇ φρονήσει, *черезъ* что нибудь.)

Ἐπίροσος = премудрый = стоящий *надъ* обыкновенною мудростью (въ сущности, это слово относится къ *первой* категоріи composit'овъ, такъ какъ ἐπίροσος = ἐπὲρ σοφίας).

Ἐποελάω = *исподъ* смѣяться, — какъ бы, не *на поверхности*, не *открыто* = *подсмѣиваться*.

Ἐπάω = *исподъ* вести дѣло, чтобы оставаться *незамѣченными*.

Ἐποπτεύω = *подсматривать*, нѣтъ ли чего (— *совершенно* русское »подозрѣвать«).

Ἐποπερκάζω = *исподъ* и *исподволь* румяниться = *созрѣвать* (πάροιθε δὲ τ' ὄμρακός εἰσιν, ἄνθος ἀφιεῖσαι, ἕτεροι δὲ ἐποπερκάζουσι — Od. η 324).

Ἐποχωρέω = *идти внизъ* — не оставаться на *поверхности* = *уступать* — *идти назадъ*.

Такова — третья категорія composit'овъ. Весь этотъ разборъ composit'овъ, равно какъ и разсматриваніе примѣровъ на стр. 318-20, все это было вызвано стремленіемъ провѣрить мнѣніе о »самостоятельномъ значеніи предлоговъ«, т. е. объ употребленіи ихъ *безъ* падежей, и связываемый съ этимъ вопросъ о ихъ »нарѣчности«. Мы видѣли, что вездѣ предлоги такъ или иначе, т. е. съ сохраненіемъ вліянія на конструкцію или безъ него, оставались тѣмъ, чѣмъ они были въ обыкновенныхъ предлоговыхъ оборотахъ, только въ *последней* категоріи composit'овъ они эту роль потеряли совершенно, и если гдѣ, то только здѣсь и можно говорить о »самостоятельномъ« значеніи предлоговъ, — т. е. »самостоятельномъ« въ томъ смыслѣ, въ какомъ, пожалуй, это *могло бы послужить доказательствомъ* ихъ »нарѣчности«, насколько о нарѣчности *издали* можно говорить *намъ, не разсмотрѣвши* еще нарѣчій. Но читатель согласится съ нами въ томъ, что:

1. Метафористика предлоговъ въ *третьей* категоріи composit'овъ пошла гораздо дальше метафористики предлоговыхъ оборотовъ и всѣхъ тѣхъ примѣровъ, которые мы разсмотрѣли на стр. 318-20., а также первыхъ двухъ категорій composit'овъ. Если въ примѣрахъ, разсмотрѣнныхъ на стр. 318-20, и въ первыхъ двухъ категоріяхъ composit'овъ метафористика

осталась та же самая, что и въ предлоговыхъ оборотахъ, — за то въ третьей категоріи она и тоньше, и разнообразнѣе, а главное, — *фразеологичнѣе*, т. е. тѣснѣе связана въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ значеніемъ того слова, съ которымъ предлогъ вошелъ въ *compositum*. Разнообразіе въ метафорахъ тутъ таково, что его едвали можно исчерпать (мы останавливались лишь на болѣе крупныхъ явленіяхъ), а тонкость ихъ доходить до того, что въ нее въ очень многихъ случаяхъ даже трудно проникнуть.

2. Свою опору метафористика третьей категоріи имѣеть въ *разныхъ* падежахъ предлоговыхъ оборотовъ. Такъ, *ἐπιβουλεύω* опирается своимъ значеніемъ на *ἐπί τινα* (*ίέναι ἐπί τινα*), а *ἐπαितέω* — на *ἐπί τινι*; *καταπίμπρημι* — на *κατά τινα*, а *κατηγορέω* — на *κατά τινος*; *παράνέω* — на *παρά τινι*, а *παράκούω* — на *παρά τινα* и т. д.

Уже этихъ двухъ аргументовъ совершенно достаточно для того, чтобы въ *третьей* категоріи *compositivov* усматривать не доказательство *первоначальной* »нарѣчности« *или вообще чего то первоначального, а вѣнецъ и предѣлъ симасіологическаго развитія предлоговъ, какъ части рѣчи, вышедшей въ своемъ симасіологическомъ развитіи отъ роли опредѣлять мѣстное отношеніе между двумя предметами, представляемыми въ мѣстномъ же пространствѣ.*

Второй отдѣль объ имени: падежи.

Мы опредѣлили значеніе предлоговъ, какъ *особой* части рѣчи, и вмѣстѣ съ тѣмъ установили и значеніе падежей, насколько послѣдніе имѣли отношеніе къ предлоговымъ оборотамъ.

Въ славянскомъ языкѣ, который нужно привлекать къ сравненію уже изъ-за одного того, что разныя значенія разсмотрѣнныхъ нами предлоговъ и приставляемыхъ къ нимъ падежей мы истолковывали не только черезъ сильное *опредѣленіе* этихъ значеній, но и черезъ *переводъ* на одно изъ славянскихъ нарѣчій, — въ славянскомъ языкѣ не оказывается ничего такого, что *противорѣчило* бы нашему пониманію значенія падежей и предлоговъ, или что было бы *новостью* сравнительно съ *греческимъ* языкомъ. Если славянское «къ» соединяется съ *личнымъ* падежемъ, а не съ *вещнымъ*, какъ греческое *πρός τινα*, то это объясняется нѣкоторою своеобразностью представленія, на почвѣ котораго выросъ данный славянскій предлоговый оборотъ: то, къ «чему» я приближаюсь, первоначально *) представлялось славянину *лицомъ* (безъ *олицетворенія* тутъ не обойтись), совершенно *равноправнымъ* мнѣ, дѣятелю, и, какъ бы, *выжидающимъ* меня, чтобы я съ нимъ *поравнялся*.

*) Дѣло, конечно, идетъ *именно* о первоначальномъ представленіи; впоследствии, когда оборотъ *утвердился*, представленіе это могло ослабѣть.

Въ славянскомъ языкѣ только одно непонятно для насъ, а одно — ново. Непонятенъ для насъ оборотъ *по городу*, т. е. *по съ личнымъ падежемъ* (въ чешскомъ языкѣ, — что естественнѣе, — »по« *всегда* встрѣчается съ падежемъ *мѣстнымъ* *), а ново — частое употребленіе предлоговъ съ *творительнымъ падежемъ*.

Съ первымъ явленіемъ слависты такъ или иначе спрашиваютъ, и объясненія ихъ по данному вопросу излагать здѣсь нечего, такъ какъ для *греческаго* языка мы ими воспользоваться не можемъ. Что же касается употребленія въ славянскомъ языкѣ предлоговъ съ *творительнымъ падежемъ*, то это явленіе для насъ — чрезвычайно важно, какъ и вообще важенъ для насъ *весь* славянскій творительный падежъ, потому что на немъ, какъ стоящемъ совершенно *особнякомъ*, гораздо виднѣе все то, что въ греческомъ языкѣ слито съ другими падежными функціями. На славянскомъ творительномъ падежѣ (до сихъ поръ мы употребляли латинскій терминъ *instrumentalis*) мы и остановимся.

Терминъ »творительный« — очень *выразителенъ*; онъ довольно *точно* указываетъ на значеніе того падежа, для котораго онъ придуманъ. Въ какомъ состояніи находится симасіологія славянскаго творительнаго падежа, видно было на страницахъ 59 и 63. Кромѣ сообщеннаго на указанныхъ страницахъ дѣленія этого падежа существуютъ еще другія. Для насъ, впрочемъ, — важно не столько *дѣленіе падежа*, сколько возможная полнота въ *типахъ* примѣровъ, на основаніи которыхъ мы могли бы опредѣлить его симасіологію. Типы эти слѣдующіе (они заимствованы по большей части изъ учебника Буслаева »Ист. грамм. русск. яз.«):

1. рубить *топоромъ*; здѣсь видятъ падежъ *орудія* (сравни выше на стр. 325 фразу *τι μ' ἀμφιβάλλεις χερσίν*).

*) Славянскія нарѣчія, употребляя *по съ мѣстнымъ падежемъ*, обозначаютъ своимъ падежемъ только нахожденіе *одного* предмета на *поверхности* другого, а то обстоятельство, что предметъ занимаетъ *всю* площадь другого предмета, осталось *невыраженнымъ* въ падежѣ. Вещнымъ падежемъ въ *данномъ* случаѣ (не вообще ли въ предлогахъ?) славянскій языкъ воспользовался только для обозначенія *цѣли* движенія (идти *по* воду; сравни выше стр. 255).

2. это написано *мною* (сравни выше на стр. 279 фразу *γέγραπται Ξενοφῶντι*);

3. *своимъ характеромъ* онъ напоминаетъ мнѣ моего знакомаго;

4. отъ такого-то города до такого то можно идти все *лѣсами* (говорять тутъ о творительномъ *мѣста*);

5. *весною* все цвѣтеть (творительный *времени*);

6. ѣхать *пароходомъ*;

7. изъ лѣса выбѣжали волки *цѣльми стаями*;

8. идти *шагомъ* (въ пунктахъ 6, 7 и 8 видятъ творительный *образа дѣйствія*);

9. свая торчитъ изъ воды *острымъ концомъ*;

10. мяса тутъ — четыре пуда *въсомъ*;

11. высокъ *ростомъ*;

12. хорошъ *собою* (въ пунктахъ 10, 11 и 12 говорить о творительномъ *качества и отношенія*);

13. истекаетъ *кровью*;

14. отъ него несетъ *водкою*; посыпало *градомъ*;

15. этотъ продуктъ пахнетъ *чеснокомъ*;

16. пролетѣлъ *стрѣлою* (падежъ *уподобленія*);

17. идолъ сталъ болванъ *болваномъ*;

18. онъ служить *управляющимъ*;

19. онъ оказывается *хорошимъ человекомъ*;

20. мы видѣли полкъ *возвращающимся* съ пятью знаменами;

21. Ломоносовъ былъ *рыбакомъ*;

22. еще *ребенкомъ* она лишилась матери (говорять тутъ о творительномъ *опредѣленія*);

23. при предлогахъ: *за городомъ, надъ городомъ, подъ городомъ, передъ городомъ, между городомъ и селомъ*;

24. особымъ явленіемъ представляется предлогъ *съ* съ творительнымъ падежемъ.

Наблюденія надъ всѣми этими явленіями ведутъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ и выводамъ.

Если выраженія *за городомъ, надъ городомъ, подъ городомъ, передъ городомъ, между городомъ и селомъ* отвѣчаютъ въ общемъ на вопросъ *гдѣ* (о вопросѣ *гдѣ* мы раз-

суждаемъ въ данномъ случаѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его выяснили на стр. 282), то мы ихъ должны строго отличать отъ выражений *въ городѣ, на горѣ, при мнѣ, о масляницѣ* (во временномъ значеніи), *говорить о чело-вѣкѣ, по лесѣхъ* (равняется русскому *по лѣсамъ*). И послѣднія выраженія отвѣчаютъ на вопросъ *гдѣ*, и встрѣчающійся въ нихъ мѣстный падежъ остается тѣмъ же, какимъ онъ въ концѣ концовъ оказался въ *греческихъ* предлоговыхъ оборотахъ: непосредственная *близость* и *прикосновенность* двухъ предметовъ, для «сопоставленія» которыхъ служить всякій предлоговый оборотъ, рѣзко бросается въ глаза въ предлоговыхъ оборотахъ съ падежемъ *мѣстнымъ*, если ихъ сличить съ таковыми же оборотами съ *творительнымъ* падежемъ. Даже въ выраженіи *между городомъ и селомъ протекаетъ такая то рѣка* представлена*) рѣка хотя и *врывающающаяся* въ отмѣченный даннымъ выраженіемъ промежутокъ, но все же проходящую черезъ него такъ, что *не затрогиваетъ* ни города, ни села.

Въ примѣрахъ *пахнетъ чеснокомъ, пролетѣлъ стрѣ-лою, пронесся вихремъ* и т. п. говорятъ объ «уподобленіи». Говорить объ «уподобленіи», это значитъ — имѣть въ виду сопоставленіе двухъ *предметовъ* и указаніе на ихъ качественную или количественную *одинаковость*. Въ греческомъ языкѣ, — точно также какъ и въ русскомъ, — когда уподобляются два *предмета*, выраженные каждый не цѣлою мыслью, т. е. не «описаніемъ», а однимъ *словомъ*, именемъ *существитель-нымъ*, оба существительныя обыкновенно приставляются другъ къ другу въ одномъ и томъ же падежѣ, т. е. *согласуются*. При этомъ, чтобы *одинъ* изъ согласующихся падежей не чувствовался въ роли психо-логическаго сказуемаго къ дру-гому, какъ психо-логическому подлежащему (сравни выше стр. 176.), а чтобы въ нихъ обоихъ *сразу* было замѣтно названіе двухъ *разныхъ* предметовъ, въ рѣчь вставляется слово *ὁσπερ*, или *postpositiv'ное* *ὡς* (въ русскомъ языкѣ

*) Сравни примѣры на «*идти* съ *мѣстнымъ* падежемъ на стр. 252, гдѣ предметъ «представленъ» *соприкасающимся* съ тѣмъ, посреди чего онъ находится.

слова *какъ, словно, точно*: *ὁ δὲ πατὴρ ὡς ἦπιος ἦν* (онъ, словно отецъ, былъ нѣженъ).

О такомъ ли уподобленіи идетъ рѣчь въ примѣрахъ *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ, птица пролетѣла стрѣлою, лошадь пронеслась вихремъ* и т. п.? Весь вопросъ въ томъ, «сопоставляются» ли или, говоря общѣе, приводятся ли въ »отношеніе« въ нашихъ примѣрахъ — хлѣбъ съ чеснокомъ, птица съ стрѣлою, лошадь съ вихремъ, или нужно смотрѣть на дѣло какъ нибудь иначе? Очевидно, — иначе, въ противномъ случаѣ выраженія *пахнутъ чеснокомъ* (безъ слова *хлѣбъ*), *пролетѣть стрѣлою* (безъ слова *птица*), *пронестись вихремъ* (безъ слова *лошадь*) не чувствовались бы сами по себѣ оборотами *цѣльными*, совершенно въ одинаковой степени съ оборотами *рубить дерево, читать книгу* и т. п.: какъ въ послѣднихъ оборотахъ слова *дерево* и *книгу* зависятъ *вполнѣ* и исключительно отъ словъ *рубить* и *читать*, дополняя ихъ смыслъ, такъ и въ первыхъ — слова *чеснокомъ, стрѣлою, вихремъ* служатъ дальнѣйшимъ разъясненіемъ смысла словъ *пахнутъ, пролетѣть, пронестись*.

Что значить *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ*? Правильному пониманію этого выраженія, — я разумѣю правильное пониманіе съ *симасіологической* точки зрѣнія, — повидимому, мѣшаетъ то обстоятельство, что когда думаешь о значеніи здѣсь творительнаго падежа, — непременно какъ то считаешься съ вопросомъ о наличности, или неналичности самого чеснока въ хлѣбѣ. А между тѣмъ само *выраженіе* не даетъ никакого повода къ тому, чтобы *ставить* подобный вопросъ, точно также какъ не даетъ къ этому никакого повода *выраженіе* »въ хлѣбѣ *слышенъ запахъ* чеснока« (въ послѣднемъ выраженіи говорится о наличности въ хлѣбѣ *запахъ*, но никакъ не о наличности тамъ *чеснока*).

Что значить *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ*? Это значить, что *запахъ* въ хлѣбѣ *созданъ* чеснокомъ. Какъ же это *созданъ*? Вѣдь, если *созданъ*, то созидающее должно быть или, по крайней мѣрѣ, должно *было* когда нибудь быть на лицо, а между тѣмъ, когда мы произносимъ эту фразу, то

часто думаемъ о томъ, что *самого* чеснока въ хлѣбѣ *именно* нѣтъ и никогда *не было*, и если ужъ *допустить* наличность чего нибудь, *касающагося* чеснока, то это могутъ быть развѣ только его *признаки*, *отвлеченные* отъ самого предмета. Какіе, спросимъ мы, признаки? *Запахъ*, — отвѣтятъ намъ. Въ такомъ случаѣ, не перемѣнить ли намъ наше толкованіе и не сказать ли, что *запахомъ* чеснока созданъ запахъ въ хлѣбѣ? Это мы можемъ сдѣлать, но тогда выйдетъ фраза »хлѣбъ пахнетъ *запахомъ* чеснока«. Такъ нерѣдко и говорятъ, хотя много отъ этого осложненія не выгадывается, какъ не выгадывается ничего во фразѣ »онъ разыгрываетъ *роль* барина« (т. е. разыгрываетъ то, что служить *признакомъ* барина) въ сравненіи съ простою фразою »онъ разыгрываетъ *барина*. И *здѣсь* ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ *не имѣется* въ виду наличность самого *барина*.

На стр. 170-1 мы разсуждали о томъ, что имя существительное обозначаетъ или реальный индивидуумъ, или представителя *группы* реальныхъ индивидуумовъ, или *отвлечение* отъ реальныхъ индивидуумовъ, какъ »логическое *понятіе*«, или, наконецъ, душевный *постулатъ*. Когда мы говоримъ *онъ разыгрываетъ барина*, то подъ *баринномъ* мы разумемъ *совокупность признаковъ*, заключающихся въ этомъ словѣ, какъ выраженіи *логическаго понятія*; во фразѣ же »онъ разыгрываетъ *роль* барина« признаки отмѣнены въ самомъ словѣ *роль*, а слово *баринъ* обозначаетъ представителя *группы* извѣстныхъ лицъ. Не примѣнить ли намъ что нибудь подобное и къ фразѣ *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ*? Положимъ, при словѣ *баринъ* легче подняться до »логическаго *понятія*«, чѣмъ при словѣ *чеснокъ*. Произнося слово *баринъ*, мы сейчасъ думаемъ о словѣ съ *больше* широкимъ логическимъ объемомъ: мы сейчасъ думаемъ о *человѣкѣ вообще*, и въ немъ *различаемъ* людей, носящихъ признаки *барина*, отъ людей *иныхъ*, словомъ, — мы *индивидуумъ* или *представителя* индивидуумовъ опредѣляемъ, такъ сказать, *черезъ* примѣненіе къ нему самой *совокупности признаковъ* или *черезъ* отнесеніе къ нему самого »логическаго *понятія*«. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ,

что въ подобныхъ случаяхъ въ нашей мысли «логическое понятіе» какъ-то идетъ *впередъ*, а индивидуумъ — *за нимъ*.

Не такъ легко подняться до «логическаго понятія» при словѣ *чеснокъ*. Не имѣя или, лучше сказать, *не ища* случая при произнесеніи слова *чеснокъ* примѣнить *признаки* чеснока къ болѣе *широкому* логическому объему, въ котормъ *кромя* чесноку находилось бы еще что нибудь другое, мы обыкновенно подъ словомъ *чеснокъ* разумѣемъ только или *индивидуумъ*, или *представителя* индивидуумовъ. Но развѣ нѣтъ возможности и при *такихъ* условіяхъ внести представленіе «созиданія» въ творительный падежъ слова *чеснокъ*, даже если бы *чеснокъ* отсутствовалъ? Фраза *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ*, разбирая ее всю съ симасіологическою *точностью*, выражаетъ слѣдующее: *всякій* чеснокъ (чеснокъ, какъ *представитель* индивидуумовъ) создастъ тотъ *признакъ* (признакъ *пахнуть*, разумѣй — «дѣйствіе» съ его залоговымъ и «видовымъ» отгѣнками), который я, говорящій, съ *извѣстною* квалитативною сужденія и съ отнесеніемъ къ *извѣстному* времени присуждаю лицу, выраженному въ *окончаніи* глагола, и ближайше опредѣленному *именительнымъ* падежемъ при глаголь (падежемъ *хлѣбъ*). Теперь, кажется, достаточно выяснено то, съ чего мы *начали* настоящее разсужденіе: вопросъ о томъ, на лицо ли, или не на лицо чеснокъ, нашу фразу совѣмъ *не рѣшается*; это — дѣло контекста. Иногда прямо такъ и говоримъ: этотъ *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ*; развѣ онъ туда положенъ?

Да, въ фразѣ *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ* мы имѣемъ дѣло съ *настоящимъ* «творительнымъ» (очень выразительный терминъ!) падежемъ: этотъ падежъ указываетъ на отмѣченный имъ предметъ какъ на *творящій*, какъ на *созидающій* извѣстный признакъ, какъ на *придающій* извѣстный видъ тому, что только лишь въ *общемъ* намѣчено самимъ признаковымъ *словомъ* (глаголь, вѣдь, *тоже* можно назвать «*признаковымъ*» словомъ, по крайней мѣрѣ, — *первую* его часть; сравни стр. 98): *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ* значитъ «чеснокъ придаетъ *извѣстный* видъ запаху хлѣба».

Нетрудно провести только что опредѣленное значеніе творительнаго падежа по всѣмъ 24 типамъ примѣровъ, приведеннымъ выше:

1. Хотя и «рубить» *человѣкъ*, но непосредственно «созидаетъ» рубленіе *топоръ*, въ данномъ случаѣ — *извѣстный топоръ, извѣстный экземпляръ**) топора, придавая рубленію *извѣстный* видъ (рубленіе какимъ-нибудь *ломомъ* оставить *другіе слѣды*).

2. Въ примѣрѣ *это написано мною* прямо само «созидаетъ» и «придающее» писанію *извѣстный видъ* *лицо* поставлено въ творительномъ падежѣ; поставлено оно такъ вслѣдствіе *синтаксической невозможности* ставить его въ именительномъ падежѣ, такъ какъ послѣдній занятъ уже *другимъ носителемъ* писанія (словомъ *это*), носящимъ *его*, т. е. *писаніе*, въ данномъ случаѣ въ *пассивномъ* смыслѣ.

3. Хотя и «напоминаетъ» мнѣ моего знакомаго *онъ*, но непосредственно «производитъ» и вызываетъ во мнѣ это напominаніе *его характеръ*.

4. *Лѣса*, — *извѣстныя* въ данномъ случаѣ *лѣса* (а не «представители» группы предметовъ), — извѣстны потому, что они приурочены къ извѣстному *мѣсту* (нужно на этомъ настаивать?), «созидаютъ» *извѣстный* видъ ходьбы или путешествія отъ такого-то города до такого-то.

5. *Весна* есть то время, которое представлено «созидательнымъ» появленіемъ цвѣтовъ, дающимъ въ себѣ цвѣтенію *мѣсто*.

6. *Пароходъ* есть предметъ, опредѣляющій «видъ» или способъ *ѣзды*, — способъ, ему *одному* только принадлежащій.

7. «Цѣлыя» *стай* представлены чѣмъ то, что только и *можетъ* создать тотъ «видъ» или ту картину, которая замѣчается въ «бѣгѣ» или вообще въ *движеніи* волковъ;

*) Это, какъ выше сказано, дѣло *контекста*. Фраза «это сработано какъ будто топоромъ» легко превращается по *одинаковости* мысли во фразу «это *топорная* работа», и тутъ мы уже переходимъ на ту же почву, на какой мы находились при разборѣ фразы *хмель пахнетъ чеснокомъ*: только *топоръ* можетъ создать такую работу, какъ настоящая.

то же самое можно сказать въ 8-омъ примѣрѣ о *шагъ* по отношенію къ движенію человѣка, или животнаго.

9. *Конецъ* свая есть то, *благодаря* чему свая и торчитъ изъ воды — что непосредственно и *производитъ* »торчаніе«, придавая ему *известный* видъ.

10. *Въсѣ* — *внѣшеніе* есть нѣчто, *результатомъ* чего являются четыре пуда.

11. *Ростъ* есть то, *благодаря* чему и можно сказать, что тотъ то »высокъ« или »низокъ«; *ростъ* »созидаетъ« высоту, *его* она касается.

12. *Самъ человекъ* — т. е. его *наружность* — выставленъ чѣмъ то, *благодаря* чему можно сказать, красавецъ ли онъ, или нѣтъ.

13. *Кровь* есть то, что *непосредственно* »производитъ« истеченіе.

14. *Водка* и *градъ* выставлены чѣмъ то, что *непосредственно* »производитъ« дѣйствіе *нести* (= нестись; сравни стр. 105) и *посыпаться* (= посыпаться); *водка* и *градъ* придаютъ этимъ дѣйствіямъ особый »видъ«; *они* опредѣляютъ ихъ »качество« и *содержаніе*.

17. *Болванъ, настоящий болванъ* (т. е. нѣчто, понятое въ смыслѣ логическаго *отвлеченія*, не смѣшанное съ признаками чего нибудь посторонняго), выставленъ чѣмъ то, *благодаря* чему можно сказать объ идолѣ, что онъ болванъ.

18. *Управляющій*, въ смыслѣ »логическаго понятія«, выставленъ чѣмъ то, что опредѣляетъ собою особый *видъ* службы.

19. *Человекъ*, а именно *хорошій человекъ* (слово *хорошій* есть здѣсь »согласующееся« имя; сравни стр. 192), выставленъ чѣмъ то, что устанавливаетъ собою *содержаніе* дѣйствія *оказываться*.

20. *Полкъ*, именно *возвращающійся* полкъ (слово *возвращающійся* составляетъ »согласующееся имя« къ *пропущенному* и подразумеваемому изъ контекста слову *полкъ*; ср. стр. 54.), выставленъ чѣмъ то, что устанавливаетъ собою *содержаніе* дѣйствія *видѣть* (я видѣлъ полкъ *возвращающимся* съ пятью знаменами полкомъ).

21. *Рыбакъ*, въ смыслѣ «логическаго понятія», «созидаетъ» бытіе Ломоносова, придавая ему, этому бытію, особый «видъ» и опредѣляя его *содержаніе* (сопоставъ толкованіе данной фразы съ толкованіемъ фразы *Μικτήρη ἦν πόλις* на стр. 182).

22. *Ребенокъ*, въ смыслѣ «логическаго понятія», только и можетъ создать ту *особую* картину дѣйствія *мишилась*, которая нарисована во фразѣ *еще ребенкомъ мишилась матери* (нечего толковать здѣсь о «пропускѣ» слова *будучи*; во фразѣ *будучи ребенкомъ, она мишилась матери* языкъ прибѣгъ къ *другимъ* симасіологическимъ средствамъ, хотя и выразилъ ту же мысль: въ ней *ребенокъ*, въ смыслѣ «логическаго понятія», опредѣляетъ собою содержаніе *бытія*, самое же бытіе, въ формѣ глагольнаго *признаковаго*,* отнесено къ слову *она*).

23. *Городъ* выставленъ чѣмъ то, *благодаря* чему нѣчто находится или движется *надъ*, или *подъ*, или *передъ*, или *за*; *городъ* и *село* представлены чѣмъ то, *благодаря* чему нѣчто находится или движется *между*; такъ и въ 24^{омъ} примѣрѣ на *друга* указано какъ на кого то, *благодаря* кому я — не *одинъ*.

Таковъ — славянскій творительный падежъ. Только теперь въ первый разъ пришлось разбирать падежъ во *всемъ* его объемѣ, тогда какъ раньше мы разбирали надежи *только* при предлогахъ. Въ чемъ же собственно заключается то *добавочное*, на что приходится наталкиваться при разборѣ падежа во *всемъ* его объемѣ, и противопоставлять ли намъ, въ виду этого добавочнаго, падежи при *предлогахъ* надежамъ, «зависящимъ» отъ *другихъ* словъ, или же правильнѣе будетъ противопоставлять *простые* падежи «предлоговымъ оборотамъ», какъ чему то слитому въ *одно*?

* Слово *будучи* есть «двѣпричастіе». Мы о «двѣпричастіяхъ» на стр. 202 не разсуждали, такъ какъ двѣпричастія греческаго языка *не касаются*; въ общемъ, и *они* — глагольныя признаковыя имена, но для того, чтобы оправдать ихъ, какъ *особую* часть рѣчи, и чтобы выяснитъ ихъ отношеніе къ «причастіямъ», потребовалось бы *далеко* уклониться отъ нашего *примѣла*.

Служили ли предлоги для опредѣленія тѣхъ мѣстныхъ отношеній, ради которыхъ они были первоначально придуманы, или вмѣшались въ роль »простороваго« опредѣленія, или, наконецъ, приспособились къ разнымъ *метафорамъ*, — вездѣ они оставались указателями »сопоставленія предмета съ предметомъ« и, согласно этому, появленіе ихъ въ рѣчи *собственно* должно бы быть обусловлено двумя именами существительными, матеріальными ли, или формальными, это все равно. Но если существительное, непосредственно *зависящее* отъ предлога, было *дѣйствительною condicio sine qua non* для предлога, то *второе* существительное часто приходилось извлекать изъ *несуществительныхъ*. Изъ какихъ именно? Обыкновенно мы его извлекали изъ глагола, т. е. *собственно* изъ того *дѣйствія*, которое какъ »*признакъ*« (см. выше стр. 98.) присуждается лицу, обозначенному въ его окончаніи. Но если какое нибудь *ἀμέλεια* (*ἀμέλεια εἰς τι*) приходится извлекать изъ *ἀμελέω* (*ἀμελέω εἰς τι*), то, разумѣется, эта *необходимость* извлекать его для оправданія *двухъ* существительныхъ при предлогѣ не менѣе касается и словъ *ἀμελῶν* (*ἀμελῶν εἰς τι*) и *ἀμελής* (*ἀμελής εἰς τι*), словомъ, — касается и *признаковыхъ* словъ, какъ простаго, такъ и глагольнаго (о глагольномъ *имени* мы тутъ не упоминаемъ, такъ какъ изъ него, въ виду его двусторонности и въ виду возможности понять его за *существительное*, извлекать нечего; сравни стр. 202). Конечно, никто изъ *употребляющихъ* языкъ, произнося фразу *ἀμελής εἰς τι*, на дѣлѣ *не думаетъ* о какихъ нибудь »извлеченіяхъ«, а просто чувствуетъ *εἰς* »зависящимъ« отъ слова *ἀμελής* какъ чего то *цѣлаго*. Такимъ образомъ, »*извлеченіе*« оказывается необходимымъ *дѣйствительно* только, какъ мы раньше выразились, »для оправданія *двухъ* существительныхъ при предлогѣ«; точиѣе говоря, оно необходимо для того, кто хочетъ выяснить, какъ предлоги *могли* понемногу переходить изъ *первоначальнаго* своего положенія въ »зависимость отъ *признаковыхъ* словъ« (въ »*признаковыя*« слова мы включаемъ здѣсь и *глаголь*, относящійся къ нимъ, *собственно*, только *первою* своею

частью, своимъ *a*, на которое мы указывали на стр. 94., и которое мы также можемъ назвать *признаковымъ*); предлоги могли переходить отъ первоначальнаго своего положенія къ зависимости отъ *признаковыхъ* словъ только черезъ »извлеченіе«, о которомъ, однако, употреблявшій языкъ впоследствии, когда *привыкъ* къ новымъ оборотамъ, могъ и забыть.

Въ виду сказаннаго мы можемъ утверждать, что предлогъ и поставленный при немъ падежъ могутъ »зависѣть« и отъ имени существительнаго, и отъ признаковаго слова, включая въ признаковое слово также глаголь. А если падежъ, о которомъ мы только что упоминали какъ поставленномъ при предлогѣ, — если онъ остается безъ предлога, то отъ чего онъ можетъ »зависѣть«? Разсмотрѣвъ еще разъ всѣ 22 типа употребленія творительнаго падежа (23^я и 24^я примѣры сюда не относятся), мы должны сказать, что падежъ въ нихъ, — въ этотъ падежъ опять таки могутъ попасть только *) имена существительныя, какъ было и при предлогахъ, — служить синасиологическимъ пополненіемъ исключительно лишь *признаковыхъ* **) словъ (включая сюда и глаголь). Въ примѣрѣ *идолъ сталъ болванъ болваномъ* именительный падежъ *болванъ* есть психо-логическое *сказуемое*, и какъ таковое исполняетъ роль *признаковаго* слова, а что касается примѣра *четыре пуда въсомъ*, то слово *въсомъ* относится къ слову *четыре*, а не къ слову *пуда*. ***) Последній примѣръ напоминаетъ намъ то *ἀριθμῷ* (= счетомъ) въ примѣрѣ *πέντε ἀριθμῷ*, о которомъ мы разсуждали на

*) Слово »только« — немного неточно; слѣдовало сказать »прежде всего«, такъ какъ къ *этимъ* именамъ существительнымъ могутъ присоединиться »согласующіяся« имена, а *согласующіяся* имена, если будутъ исполнять роль напр. логическихъ опредѣлений (сравни стр. 189 и 192), должны тогда *вмѣстѣ* съ своимъ »опредѣляемымъ« составлять нѣчто одно по тому вопросу, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящемъ разсужденіи.

**) Выраженія, какъ »управленіе *городомъ*« и т. п., какъ будто *противорѣчатъ* этому утвержденію (творительный *городомъ* зависитъ здѣсь отъ имени *существительнаго*), но о нихъ рѣчь *впереди*.

***) Даже если мы говоримъ *пудъ въсомъ*, то слово *въсомъ* относится здѣсь къ слову *одинъ*, не то что пропущенному, а *выраженному* или, скорѣе, *заключающемуся* въ формѣ *единственнаго* числа слова *пудъ*.

стр. 206.) и хотя къ слову *счетомъ* или *въсомъ*, какъ мы это видѣли на *πέντε ἀριθμῶ*, можетъ присоединиться «счетная» часть рѣчи, но эта *счетная* часть рѣчи составляетъ, какъ по формѣ, такъ и по значенію, нѣчто *особое* сравнительно съ признаковыми словами *только* тогда, когда мы дѣйствительно *заняты* счетомъ, а когда счетъ *конченъ*, и она появляется въ рѣчи какъ *результатъ* счета, то она, оставаясь лишь по *формѣ* счетною частью рѣчи, по *значенію* должна превратиться въ *признаковое* слово.*)

Мы не знаемъ еще, *вездѣ* ли падежи, разъ они не входятъ въ предлоговый оборотъ, будутъ «зависѣть» отъ *признаковыхъ* словъ, но *пока* это — такъ, а провѣрка этого положенія относительно *другихъ* падежей должна быть поставлена въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи *особою* задачею. Однако, — скажетъ читатель, — зачѣмъ принимать на себя такую задачу, и не слѣдуетъ ли при самомъ *творительномъ* падежѣ опять таки «извлекать» изъ признаковыхъ словъ имена существительныя, и ими оправдывать появленіе въ рѣчи падежей, какъ мы это дѣлали при предлогахъ? Повторяемъ, что при предлогахъ мы это дѣлали *только* съ цѣлю выяснить *переходъ* отъ *первоначальной* ихъ роли къ «зависимости» отъ *признаковыхъ* словъ, здѣсь же не видимъ ни *малѣйшаго* повода къ чему нибудь подобному. Да и не вытекаетъ ли эта зависимость творительнаго падежа *именно* отъ *признаковыхъ* словъ, — не вытекаетъ ли она изъ *сущности* самого творительнаго падежа? Въ самомъ дѣлѣ, если творительный падежъ указываетъ на предметъ какъ на *созидающій* нѣчто, то не есть ли самое *созиданіе* нѣкое *движеніе*, и хотя это движеніе требуетъ предмета, на которомъ бы оно происходило, но само *созидаемое* или *движимое*, — само *τὸ κινούμενον* или, скорѣе, сама *κίνησις*, какъ сказалъ бы Платонъ, не есть ли только *признакъ* этого предмета? (Когда мы говоримъ дерево срублено топоромъ, то топоръ «создалъ» это рубленіе *на* деревѣ).

*) Вотъ какое дополненіе, по вопросу о *счетной* части рѣчи, мы имѣли въ виду на стр. 206.

И не были ли въ этомъ отношеніи и сами *предлоги*, до-полняемые падежами, чѣмъ то въ родѣ *признаковыхъ* словъ, такъ какъ и они, указывая то на *κίνησιν*, то на *στάσιν*, мѣняли послѣ себя *падежи*, и не была ли эта *κίνησις* или *στάσις* *признакомъ* того »чего нибудь«, что »сопоставлялось съ предметомъ, поставленнымъ въ зависящемъ отъ нихъ падежѣ?*)

Въ виду того, что послѣ *признаковыхъ* словъ появляются съ одной стороны *падежи*, а съ другой — предлоговые обороты какъ нѣчто слитое въ одно; въ виду того, что послѣ существительныхъ, — такъ, по крайней мѣрѣ выяснялось до сихъ поръ, — не могутъ появляться падежи, но зато могутъ появляться *предлоги* съ падежами; въ виду того, — мы немного забѣгаемъ впередъ, — что *кромя* существительныхъ и признаковыхъ словъ *нѣтъ* частей рѣчи, которыя могли бы вызывать къ себѣ падежи; въ виду того, что предлогъ можетъ перейти изъ предлоговаго оборота въ *compositum*, и тогда вмѣсто предлоговаго оборота наступаетъ простой падежъ; въ виду того, что этотъ простой падежъ можетъ даже *чередоваться* въ такихъ случаяхъ съ *новымъ* предлоговымъ оборотомъ (сравни »*εἰσεῖναι λόγον*« и »*εἰσῆλθε εἰς δικαστήριον*«); въ виду всего этого гораздо правильнѣе, или по крайней мѣрѣ *практичнѣе* будетъ — про-

*) Опять мы наткнулись на Дельбрюковскія *praeverbia* (сравни стр. 319. и 326.). Если, — скажетъ читатель, — предлоги суть нѣчто въ родѣ *признаковыхъ* словъ, и если мы допускаемъ зависимость этихъ quasi »признаковыхъ« словъ не только отъ именъ существительныхъ (*ἀμείλις εἰς ταῦτα*), но и отъ *настоящихъ* признаковыхъ словъ (*ἀμείλις εἰς ταῦτα*), то слѣдовательно...? »Слѣдовательно« — хочеть сказать читатель, — »эти quasi признаковыя слова служатъ сямасіологическимъ дополненіемъ настоящихъ признаковыхъ словъ (не забудемъ, что въ число этихъ »настоящихъ« признаковыхъ словъ включены и *μαζοι*, и что, стало быть, какое нибудь *ἀμείλις εἰς ταῦτα* въ данномъ случаѣ нужно трактовать совершенно такъ же, какъ и *ἀμείλις εἰς ταῦτα*), а потому они принадлежатъ прежде всего къ нимъ, въ видѣ ли »*praeverb'ий*«, или »*postverb'ий*«, это *рѣшительно* все равно«. Для того, чтобы убѣдиться, что такое »слѣдовательно« не иметъ для насъ значенія, стоятъ лишь повторять то, на что мы уже указывали: зависимость предлоговъ отъ признаковыхъ словъ есть нѣчто болѣе *вышнее* (въ *ἀμείλις εἰς τοῦτο* мы только *привыкли* не думать объ *ἀμείλις*) и нѣчто, развившееся только *впоследствии*.

тивопоставлятъ »простые падежи« предлоговымъ оборотамъ какъ чему то, слитому въ одно.

Вотъ все, что мы могли сказать о славянскомъ творительномъ падежѣ и по поводу его.

И въ греческомъ языкѣ былъ когда то творительный падежъ; это — омировскія формы, оканчивающіяся на *φιυ*. Нельзя сказать, чтобы омировскій творительный падежъ и славянскій совершенно покрывали другъ друга. Почему это такъ, читатель догадывается.

Въ греческомъ *Dativ'н*, согласно его *этимологической* двойственности, а можетъ быть и тройственности (ср. стр. 209), мы и съ *симаціологической* стороны признаемъ соединеніе нѣсколькихъ падежей: личнаго, мѣстнаго и творительнаго, и хотя послѣдній оправдался пока лишь на *трехъ* примѣрахъ (*τί μ' ἀμφιβάλλεις χερσίν, — τοῦτο γέγραπται Ἐνοφῶντι, — πέντε ἀριθμῶ*), но всѣ эти примѣры, какъ видно изъ только что разобраннаго славянскаго творительнаго падежа, оказываются представителями довольно *крупныхъ* явленій употребленія этого падежа, заключаютъ въ себѣ три *разныхъ* оттѣнка его значенія, а выяснять *другіе* оттѣнки до настоящаго времени еще не было случая. Такое соединеніе *трехъ* падежей въ *одной* грамматической формѣ вполне понятно: »лицо«, какъ *дѣятель* или вообще *носитель* дѣйствія или признака (=личный падежъ), »область«, въ *которой* вращается дѣйствіе, или »просторъ«, *гдѣ* нѣчто »развивается« (=мѣстный падежъ; о дальнѣйшемъ »огрубнѣніи« мѣстнаго падежа упоминать здѣсь нечего, такъ какъ мы его замѣтили пока *только* въ предлоговыхъ оборотахъ), »предметъ«, *благодаря* которому нѣчто получаетъ извѣстный видъ (=творительный падежъ), — все это оттѣнки, до того близкіе другъ къ другу, что стоитъ только внести *олицетвореніе* въ »область« или »просторъ« и »предметъ«, обозначенные мѣстнымъ и творительнымъ падежами, другими словами, — стоитъ только *расширить* районъ того олицетворенія, безъ котораго не обходится самъ *личный* падежъ, какъ *исчезнетъ* вся разница въ падежахъ, и всѣ они сольются въ одно, — до того сольются

въ одно, что если они не дифференцированы этимологически, то иногда и не знаешь, къ какому изъ нихъ склониться. Какъ, напр., толковать выраженіе *Θεσμοφορίους ηἰστέουμεν* (Aristoph. Aves 1519)? Толковать ли его въ смыслѣ *творительнаго* падежа, какъ славянское »*Θεσμοφορίями* (сравни *лѣтомъ*) мы постимся«, или въ смыслѣ падежа *мѣстнаго*, какъ славянское »*Θεσμοφορίѣхъ* (сравни опредѣленіе времени черезъ формы *зимѣ, лѣтѣ*) мы постимся«? Трудно рѣшиться на что нибудь одно и опровергать другое.

Греческій творительный на φιν долженъ былъ сойти со сцены, какъ не »аттической« и какъ не имѣющій достаточно средствъ для обозначенія чиселъ. Въ Омирѣ, гдѣ онъ еще въ употребленіи, мы его застаемъ въ послѣдней стадіи *борьбы* съ этимологическою формою Dativ'a, и, какъ *борющийся*, онъ принимаетъ на себя *всѣ* симасіологическія функціи, на которыя претендуетъ греческій Dativ: мы его видимъ не только въ *собственной* роли, но и въ роли *мѣстнаго* и *личнаго* падежей. Вотъ почему греческій падежъ на φιν и славянскій творительный не могутъ покрывать другъ друга.

Роль *личнаго* падежа въ формахъ на φιν является несомнѣнно въ слѣдующихъ выраженіяхъ Омира: *Ἐβφιν μῆστωρ ἀτάλαντος** (Π. η 366, ξ 318, ρ 477, Od. γ 110, 409); *ἀγλαΐηφι πέποιθώς* и вообще при *πέποιθα* (Π. ζ 510, ο 267, δ 325, μ 135, 153, 256, χ 107, δ 303, Od. φ 315); *οἱ μὲν ναῦφι ἀμυνόμενοι*** *μετὰ Βοιωτῶν ἐμάχοντο* (Π. ν 700); *ὡς φρήτορ φρήτορφιν ἀρήγη* (Π β 363).

* На стр. 277-9 мы слѣдили за личнымъ падежемъ только при *малолѣтѣхъ*, которые лишь въ первой своей части заключаютъ признаковое слово. Но есть много *простыхъ* признаковыхъ словъ (о *малолѣтнихъ* признаковыхъ и глагольномъ имени ужъ нечего говорить, разъ сами *малолѣтніи* соединятся съ личнымъ падежемъ), которыя предполагаютъ непременно равноправное положеніе *двухъ* лицъ, обнаруживающееся въ томъ, что одинъ другому либо содѣйствуетъ, либо противодействуетъ, и одно изъ нихъ и *показано* въ личномъ падежѣ. Сравни *κοινός, ἐναντίος, χρησίμος, βλαβερός, φίλος* и т. д.

** *ἀμύνω* = отражаю; *ἀμύνω τινά τινα* = отражаю кого въ пользу чьей нибудь (= *личной* падежъ); *ἀμυνόμενοι ναῦφι* = *защищая* (въ своемъ интересѣ; это выражено въ *medial'ной* формѣ глагольнаго признаковаго) корабли.

Мѣстный падежъ мы усматриваемъ въ примѣрахъ: βούς ἀγέληφι μέγ' ἔξοχος ἔπλετο πάντων (Π. β 480); ἦύτε ταῦρον ἔπεφνε λέων ἀγέληφι μετελθών (Π. π 487); δόρυ, ὃ οἱ κλισίηφι λέλειπτο (Π. ν 168); ὃς που φθίηφι τέρεν κατὰ δάκρυον εἶβει (Π. τ 323); τὸ δὲ καίεται ὑποθ' ὄρεσφι σταθμῶ ἐν αἰτόλῳ (Π. τ 376); πολλὰ δὲ καὶ καθύπερθε μελαθρόφιν ἐξεκέχυντο (Od. θ 279); πρὶν κατὰ Ἴλιόφι κλυτὰ τείχεα λαὸν εἶλσαι (Π. φ 323)*)

Очень важный, но вѣстѣ съ тѣмъ очень незатруднительный вопросъ придется рѣшить прежде, чѣмъ перейти къ перечисленію примѣровъ на *собственный* творительный падежъ въ формахъ на *φιν*. Наше толкованіе выраженія *Ἴλιόφι τείχεα* противорѣчитъ тому утверженію, будто *простые* падежи зависятъ исключительно отъ *признаковыхъ* словъ. Да и относительно другихъ примѣровъ на мѣстный падежъ трудно возражать тому, кто захотѣлъ бы усматривать зависимость формы на *φιν* отъ имени *существительнаго*. Колебаніе, вызываемое этими примѣрами, совершенно тождественно съ тѣмъ, на которое мы наткнулись на стр. 271. Въ Π. π 487, напр., трудно защищать зависимость *ἀγέληφι* отъ *μετελθών*; *ἀγέληφι* съ совершенно одинаковымъ удобствомъ можетъ быть истолковано какъ дополненіе слова *λέων* (левъ въ стадѣ). Все это вполне понятно. Того *первоначальнаго* значенія, которое мы на основаніи *славянскаго* языка предположили для мѣстнаго падежа, именно *этическаго*, въ *греческомъ* языкѣ, насколько онъ для насъ раскрытъ, на дѣлѣ *не видать*; оно *исчезло*. Что

*) Последнее мѣсто приводить какъ примѣръ *genitiv'ного* значенія формы на *φιν* (Brugmann Handb. II. 211; Nauck предлагаетъ здѣсь Ἴλίοο). Согласно съ этимъ комментаторы переводятъ «къ стѣнамъ Трои». Гдѣи даже приводятъ въ подтвержденіе правильности такого перевода мѣсто изъ Одиссеи μ 45; πολλὸς δ' ἄμφ' ὀστέφιν θίς ἀνδρῶν πυθομένων. Необходимости такого толкованія мы здѣсь не видимъ; *ὀστέφιν* можно принять за *творительный* падежъ (= многочисленный костями = *кости* «созидаютъ» многочисленность), какъ мы его встрѣчаемъ въ выраженіи «πολλὸς ἦν τοῖς ἐπαίνοισι καὶ ἐπαχθής» (Aeschin. 33. 29), а *τείχεα Ἴλιόφιν* я сопоставляю съ выраженіемъ *τὰ τροπαῖα τὰ Μαραθῶνι* (Plat. Menex. 240 d) и перевожу «къ стѣнамъ, что въ Троѣ.»

славянскій языкъ представляетъ какъ этическую область, въ которой вращается дѣйствіе (blahosklonně), то въ греческомъ языкѣ рисуется этическою опорою, отъ которой отправляется дѣйствіе (εὐνοικῶς). Сполна ли нами разъяснены мѣстный падежъ на стр. 271-3 или нѣтъ, мы еще не знаемъ, но изъ того, что до сихъ поръ разъяснено, мы видимъ, что греческому мѣстному падежу, разъ онъ потерялъ первоначальное значеніе, только и оставалось, если ему вообще было суждено жить, держаться простороваго значенія на вопросъ *идѣ*, а отъ простороваго значенія къ значенію предлоговаго оборота было недалеко, какъ то можно было замѣтить уже на стр. 271. Словомъ, то, что мы на стр. 271 только чуяли въ мѣстномъ падежѣ, на дѣлѣ оправдалось въ Ἰλιόφι τείχεα, и примѣнять къ мѣстному падежу соображеніе, по которому простые падежи должны бы зависѣть исключительно лишь отъ признаковыхъ словъ, совсѣмъ даже не приходится, такъ какъ онъ въ этомъ отношеніи занимаетъ особое положеніе: онъ слишкомъ »огрубѣлъ« въ своемъ значеніи.

Слѣдуютъ примѣры собственнаго творительнаго падежа въ формахъ на φιν: ἀναγκαίηφι δαμέντες (Π. v 143); βίηφι ἐδάμασσε и вообще βίηφι что-нибудь произвести (Π. π 826, φ 501, σ 341, φ 367; Od. α 403, ι 406, 408, 476, μ 210); ἴφι ἀνάσσειν и вообще ἴφι что-нибудь произвести (Π. α 38, 452, ζ 478, α 151, ο 720, δ 287, ε 606, μ 367, σ 14, φ 486, γ 375, τ 417, φ 208, Od. λ 284, ρ 443, σ 57, 156); ὄσσε δακρυόφι πλήσθειν (Π. ρ 696, ψ 397, Od. δ 705, τ 472, κ 248, υ 349); δεξιτερῆφι λαβεῖν (Π. π 734, σ 477, χ 80, Od. τ 480); сюда же мы относимъ и Od. μ 45 (πολύς δ' ἀμφ' ὄστέοφιν θῆσω δῶα ἴπλους αὐτοῖσιν ὄχεσφιν (Π. θ 290, λ 699).

Что касается послѣдняго примѣра, то онъ напоминаетъ намъ обороты, встрѣчающіеся, какъ извѣстно, очень часто и въ аттическомъ нарѣчій (τῶν νεῶν τινὰς ἀναδούμενοι εἶλον κένας, μίαν δ' αὐτοῖς ἀνδράσιν εἶλον, Thuc. 2. 90, и др.). Мы видимъ здѣсь то же, что встрѣчаемъ и въ сла-

вянскомъ языкѣ, напр., въ выраженіи *онъ отправился туда всею* (= *даже = самою*) *семьею* : семья, вся семья, сози-
даетъ здѣсь картину *отправленія*, придавая ей *особый видъ*.
Какъ въ русскомъ языкѣ слово *всею*, въ оборотѣ *всею се-
мьею*, является лишь »согласующимся именемъ« и психо-
логическимъ *сказуемымъ* къ слову *семьею*, такъ и въ гре-
ческомъ языкѣ слово *αὐτοῖσιν* не есть *интегральная*
часть оборота. Что греческій языкъ могъ обойтись безъ
αὐτοῖσιν, доказываетъ примѣръ »βῆ καλέων Ἀγαμέμνονα
ἵπποισιν καὶ ὄχεσφι« (Od. δ 533).

Къ собственному творительному падежу мы причисляемъ
и ὁσσε δακρυόφιν τέρσοντο (Od. ε 152), какъ и въ чеш-
скомъ языкѣ говорятъ *tím hříchem on jest čist* (указывается
на такое, въ данномъ случаѣ *отрицательное*, дѣйствіе
грѣха, благодаря которому нѣкто »чистъ« т. е. *свободенъ*
отъ грѣха).

Кромѣ того форма на *φιν* встрѣчается въ слѣдующихъ
предлоговыхъ оборотахъ.

ἐξ (ἐξ ἐνῆφι и др.): Π. γ 368, λ 44. ι 572, ο 580,
ρ 101, ψ 347, ξ 150, Od. γ 405, δ 307, β 2, ϑ 67,
105, ω 83).

ἀπό (ἀπ' ἐσχαρόφιν и др.): Π. κ 458, ϑ 300, 309,
ν 585, π 246, φ 113, ο 313, π 773, ω 268, ν 588,
ξ 214, λ 374, κ 347, λ 351, Od. η 169, τ 389, μ 414,
ο 552, ξ 134. Сюда же я отношу, на основаніи объясненій,
данныхъ мною на стр. 324., Π. β 794; *δέγμενος, ὄπλοτε
ναῦφι ἀφορμηθεῖεν Ἀχαιοί* (= двинулись бы *отъ* кораблей).

κατά: *κάτεισιν κατ' ὄρεσφι* (Π. λ 493); *χείμαρροι πο-
ταμοὶ κατ' ὄρεσφι ζέοντες* (Π. δ 452). Предметъ тутъ по-
ставленъ на верху, а *κατά* указываетъ на удаленіе отъ
него *другого* предмета *внизъ* (смотри выше стр. 286).

διά: *διὰ στήθεσφιν ἐλαύνειν δόρυ* (Π. ε 41, 57, ϑ 259,
λ 448, χ 284, Od. χ 93); *ὡς δὲ κύνες περὶ μῆλα δυσω-
ρήσωσιν ἐν αὐλῇ θηρὸς ἀκούσαντες, ὅς τε καθ' ἕλην ἔρχεται
δι' ὄρεσφι, πολὺς δ' ὄριμαγδὸς ἐπ' αὐτῷ ἀνδρῶν ἠδὲ κινῶν,
ἀπὸ τέ σφισιν ἕπνος ὄλωλεν, ὡς τῶν νήδυμος ἕπνος ἀπὸ
βλεφάροισιν ὄλώλει* (Π. κ 185).

σύν (σὺν ἴπποισι; σὺν ὄχεσφι): П. δ 297, ε 219, ι 384, μ 119, χ 22, ψ 518, π 811.

ἐν (ἐν χειρὶ δεξιτερῆφι): П о 284, Od. о 148.

ὕπο, на вопросъ *идь*, въ смыслѣ *прикосновенности* къ предмету (ὕπο κράτεσφι и др.): П. τ 404, κ 156, о 614, ϑ 136, ψ 130, ν 23, ϑ 41, ω 576, ψ 7.

ἐπί, παρὰ, πρὸς и ἀμφί, на вопросъ *идь*, въ смыслѣ *прикосновенности* къ предмету (ἐπ' ἐσχαρῶφι, ἀμφ' ὄστεόφι, παρ' αὐτόφι, πρὸς κοτυληδονόφι и др.): П. ν 308—9, ϑ 474, μ 302, ν 42, υ 140, ψ 147, 640, τ 255, π 281, ε 28, 794, ϑ 565, ε 107, μ 91, κ 30, 257, 261, о 3, μ 225, σ 305, Od. ε 59, γ 353, ν 74, о 284, ε 433, λ 607, π 145, μ 45, ξ 498. Сюда же я отношу, на основаніи объясненій на стр. 324, П. κ 496 (ὄναρ κεφαλῆφιν ἐπέστῃ) и Od. υ 94 (παρεστάμεναι κεφαλῆφιν).

Всѣ эти предлоговые обороты можно раздѣлить на три группы. Группируются они по самимъ *предлогамъ*, которые въ нихъ приставлены къ формѣ на φιν. Первую группу составляютъ предлоги σύν, ἐν, ὑπό, ἐπί, παρὰ, πρὸς и ἀμφί. При σύν форма на φιν исполняетъ роль *личнаго*, а при остальныхъ — роль *мѣстнаго* падежа. Замѣчательно, что здѣсь представлены *всѣ* предлоги, которые могли соединиться съ личнымъ и мѣстнымъ падежами, за исключеніемъ омировскаго ἀνά съ мѣстнымъ падежемъ и омировскаго же μετά съ мѣстнымъ падежемъ (съ περί тутъ нечего считаться, разъ есть ἀμφί, точно также какъ нечего считаться и съ омировскимъ μετά съ *личнымъ* падежемъ, разъ есть σύν).

Вторую группу составляютъ предлоги ἐξ, ἀπό и κατά. Если бы не было формы на φιν, то эти предлоги будутъ соединяться съ *удалительнымъ* падежемъ. Замѣчательно опять то, что здѣсь представлены *всѣ* предлоги, которые обыкновенно дополняются удалительнымъ падежемъ, за исключеніемъ предлога ὑπό, у котораго *удалительный* падежъ и *такъ* появляется въ *исключительныхъ* случаяхъ такъ называемыхъ *passiv'ныхъ* конструкций. Слѣдуетъ ли изъ явленія формы на φιν при ἐξ, ἀπό, κατά заключать, что

форма на *φιν* приняла на себя функцію и *удалительнаго* падежа? А *ргіогі* этого отвергать нельзя. Мы знаемъ, сколько падежныхъ функцій обняла собою форма двойственного числа на *οιν* (сравни объ этомъ стр. 218*); мы знаемъ что и *латинскій* языкъ соединилъ значеніе удалительнаго и творительнаго падежей въ *одну* форму (предметъ, *благодаря* которому нѣчто происходитъ, и предметъ, *отъ котораго* нѣчто «удаляется» или *исходитъ*, могли быть дѣйствительно отмѣнены однимъ и тѣмъ же грамматическимъ средствомъ). Форма на *φιν* могла пойти по слѣдамъ формы на *οιν* тѣмъ больше, что она, не имѣя надлежащихъ средствъ для обозначенія единственнаго, двойственного и множественнаго чиселъ, скорѣе походить. — мы забѣгаемъ немного впередъ, — на всеобъемлющее «нарѣчіе». *Сильнымъ* препятствіемъ такому симасіологическому расширенію формы на *φιν* служитъ то обстоятельство, что она, появляясь самостоятельно, т. е. *безъ* предлога, *нигдѣ* въ роли удалительнаго падежа не выступала**). Не слѣдуетъ ли при предлогахъ *ἐξ* — *ἀπό* — *κατά* принять по отношенію къ формѣ на *φιν* объясненіе, на которое насъ наводитъ славянскій языкъ своими *надъ горою, подъ горою, передъ горою* и т. д.? Нѣтъ ли здѣсь *творительнаго* падежа? Не имѣетъ ли какое нибудь *ποταμοὶ κατ' ὄρεσφι ῥέοντες* того смысла, что рѣки текутъ внизъ *благодаря* горамъ? Конечно, такое *благодаря* можно внести въ толкованіе *всякаго*, а если не всякаго, то очень *многихъ* предлоговъ. И *εἰς γῆν* можно толковать въ смыслѣ «нѣчто пошло вовнутрь, *благодаря* землѣ, и, такимъ образомъ, и *εἰς* могло соединяться съ творительнымъ падежемъ. Но языкъ не эксплуатировалъ столь широкое *благодаря* безъ нужды. Если мы

* *) Въ виду этого явленія мы а *ргіогі* не можемъ отвергать принятіе на себя формою на *φιν* и той роли *родоваго* падежа, которую усматриваютъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ *Ἰλιόφι τειχεῶα*.

***) Бругманъ (Handb. II. 211) приводитъ примѣръ *ablativ*'наго ея значенія *безъ* предлога изъ П. ρ 794: *ἀπὸ τῶν αἰθρῶν ἀφορηθεῖσιν Ἀχαιοί*. Мы, какъ читатель замѣтилъ въ нашемъ списокѣ примѣровъ формы на *φιν* при предлогѣ *ἀπό*, объясняемъ появленіе здѣсь формы на *φιν* непосредственнымъ вліяніемъ предлога *ἀπό*.

ἐξ ἐὺν φιν и т. п. понимаемъ правильно, если это *дѣйстви-*
тельно творительные падежи, то выходить замѣчательное
сопоставленіе омировскаго языка со славянскимъ. Славянской
 языкъ, оставивъ при предлогахъ функцію удалительнаго па-
 дежа за *обще-родовымъ* падежемъ (*отъ* города, *изъ*
 города), воспользовался *меньше* »родовымъ« *благодаря* (такое
благодаря представляет собою въ концѣ концовъ нѣчто
 больше специальное, чѣмъ *обще-родовой* падежъ) для обо-
 значенія *тоже* чего то *отдаленнаго*, но отдаленнаго
 въ смыслѣ нахождения *идь-нибудь* (*за* городомъ отвѣчаетъ
 на вопросъ *идь*). Омировскій же языкъ, оставивъ »отдаленное
 въ смыслѣ нахождения *идь-нибудь*« за *обще-родовымъ* па-
 дежемъ (*περὶ θεῶν ἐστὶ καὶ ἀνθρώπων*), воспользовался
 нашимъ »благодаря« для *тѣхъ* случаевъ удаленія, которые
 предназначенный для нихъ *спеціальнѣйшій* падежъ, именно
удалительнѣйшій, совершенно *потеряли* въ языкѣ (по крайней
 мѣрѣ, какъ выяснено на стр. 267, потеряли его въ именахъ
существительныхъ).

Особнякомъ стоятъ у насъ *διὰ στήθεσφιν ἐλαύ-*
νειν δόρυ и *ἐν ἀύλῃ θηροδς ἀκούσαντες, ὅστε*
ἔρχηται δι' ὄρεσφιν, составляя *третью* группу предлого-
 выхъ оборотовъ съ формою на φιν. Разсуждая о предлогѣ
διὰ и его падежахъ, мы указывали на то (стр. 315), что
διὰ должно *всегда* соединяться съ родовымъ падежемъ,
 остается ли предметъ въ *предѣлахъ* своего »проводника«,
 или выходить за его предѣлы. Конечно, не будь случайно
 родовой и удалительный падежъ соединены въ *одной* грам-
 матической формѣ, то можно бы примѣнить *удалительнѣйшій*
 падежъ къ тому случаю, когда предметъ, *проникши* черезъ
 свою »среду«, *удаляется* отъ нея.*) Въ нашихъ примѣрахъ,
 какъ въ *διὰ στήθεσφιν*, такъ и въ *δι' ὄρεσφιν*, пред-
 метъ *дѣйствительно* идетъ за предѣлы своей »среды«:
 грудь представлена *прозенною* копьемъ, а звѣрь съ *горъ*
 проникаетъ въ *ἀύλῃν*. Если не заходить въ симасіологическомъ

* Смыслъ настоящаго нашего замѣчанія читатель пойметъ, припомнивъ
 сказанное на стр. 273-4.

расширеніи формы на *φιν* такъ далеко, какъ это дѣлаютъ, навязывая ей даже функцію *родоваго* падежа, то омировскій языкъ *дѣйствительно* окажется располагающимъ *особыми* формами — для *родоваго* съ *одной* стороны и... что теперь сказать, — для *удалительнаго* съ *другой*? — Нѣтъ. По нашему мнѣнію повторяется здѣсь то, на что мы указывали въ формахъ на *φιν* при предлогахъ *ἐξ* — *ἀπό* — *κατά*: въ *διὰ στήθεσφιν* и въ *δι' ὀρεσφιν* мы имѣемъ дѣло съ падежемъ *творительнымъ, замѣняющимъ* собою *удалительный* падежъ.

Къ разбору формы на *φιν* мы привлекли *всѣ* мѣста *Илиады* и *Одиссеи*, въ которыхъ эта форма встрѣчается. Мы это *могли* сдѣлать, благодаря капитальному труду »Ebeling Lex. Nom.«; мы это *должны* были сдѣлать, въ виду крайне противорѣчивыхъ, читателю *известныхъ*, толкованій этой формы: нѣтъ ни одной падежной формы, насчетъ которой существовала бы такая разногласица въ нашихъ грамматикахъ, какъ насчетъ формы на *φιν*. Лишь нѣкоторые случаи ея употребленія остались у насъ *неразсмотрѣнными*: мы не знаемъ, принять ли въ нихъ форму на *φιν* за *мѣстный*, или за *творительный* падежъ (и въ *Θεσμοφορίοις* мы колебались между *мѣстнымъ* и *творительнымъ* падежами). Случаи эти — слѣдующіе:

1. *ὀπλότατος γενεῆφιν; γενεῆφι νεώτατος; βίηφι δὲ φέρτεροι ἦσαν; μήτι* (т. е. *μήτι*) *τοὶ δρῦτομος μὲν' ἀμείνων ἢ βίηφι* (лучшій *вз* силъ, или *силою*?); смотри II. ι 58, ξ 112, φ 439, ψ 315, Od. ζ 6, μ 246, φ 371.

2. *ἄμα δ' ἡοῖ φαίνομένηφι* (II. ι 618, μ 682, ω 600, Od. δ 407, ζ 31, 222, μ 24, ξ 266, ο 396, π 270, ρ 435). Мы не знаемъ еще, считается ли съ *ἄμα* какъ съ *предлогомъ*, или принять его за *нарѣчіе*. Рѣшить этотъ вопросъ придется ниже. Во всякомъ случаѣ *ἄμα* указываетъ здѣсь на *современность*. Если это — *предлогъ*, то *ἡοῖ* могло бы быть *творительнымъ* (= *благодаря* зарѣ, нѣчто оказалось *ἄμα* т. е. *современнымъ*), а то даже и *личнымъ* падежемъ (по аналогіи слова *σύν*). Если же *ἄμα* слѣдуетъ принимать за *нарѣчіе*, то опять возникаетъ вопросъ, счи-

тать ли его за *самостоятельное*, то есть, какъ бы, за *вставку* въ рѣчь, или падежъ ἦοι зависить отъ него какъ »нарѣчiя«. Въ первомъ случаѣ ἦοι является или *мѣстнымъ* падежемъ (= на зарѣ, одновременно), или *творительнымъ* (= зарею, одновременно; какъ мы говоримъ »ночью«), а во второмъ нужно разсуждать *опять* иначе (ниже все выяснится).

3. ἦῦτε κίρκος ὄρεσφιν, ἐλαφρότατος πετεηνῶν, ζηιδίως οἴμησε μετὰ τρήρωνα πέλειαν. — ὡς δ' ὅτε νεβρόν ὄρεσφι κῶν ἐλάφοιο δίηται. — Τρωῆες ἔπον ὡς εἶτε δάφοινοι θῶες ὄρεσφιν ἀμφ' ἐλαφον κεράδν βεβλημένον (въ горахъ, или *горами*; какъ мы по русски говоримъ *идетъ мѣсомъ* *). Смотри II. λ 474, χ 139, 189.

4. εἶλετο δ' ἄλκιμον ἔγχος, ὃ οἱ παλάμηφιν ἀρήρει (въ длани или дланью?) Смотри II. γ 338, π 139, Od ρ 4.

5. Ἐκτωρ μέν κεφαλῆφιν ἐπεὶ λάβεν, οὐχὶ μεδίει, (II. π 762). Слѣдуетъ ли тутъ κεφαλῆφιν толковать въ смыслѣ »ухватилъ его, какъ бы, *на головѣ*«, или скорѣе въ смыслѣ »ухватилъ его *головой*«, какъ мы говоримъ »возьми палку въ руки *этимъ концомъ*«.

6. καὶ βάλεν οὐδ' ἀφάρμαρτε, τιτυσκόμενος κεφαλῆφιν ἀκρην καθ' ἰκόνθηα (II. λ 350). Равняется ли это мѣсто фразѣ »принаравливаясь (= прицѣливаясь) къ нему тамъ, *гдѣ* у него голова«, или скорѣе фразѣ »*головой* прицѣливаясь къ нему«, какъ мы, пожалуй, могли бы сказать »не-приятельскія войска приближались къ городу *съверною* его *сторону*«**) вмѣсто »съ *сѣверной* его стороны« или *вообще* »съ сѣверной стороны« (Дельбрюкъ, Synt. Forsch. IV. 61, принимаетъ наше κεφαλῆφιν опять таки за genitiv, об-

*) Аттическое нарѣчiе въ *такомъ* смыслѣ творительнаго падежа не употребить; но аттическое нарѣчiе омировскому языку — не указать.

**) Эта фраза по *общему* смыслу творительнаго падежа, столь глубоко вошедшаго въ славянскую фразеологию, *возможна*: *сѣверная* сторона города есть то, что опредѣляетъ собою картину приближенiя. О глубокомъ захватыванiи *греческаго* творительнаго падежа въ *греческую* фразеологию трудно говорить опять таки потому, что онъ *этимологически* не дифференцированъ; разъ онъ не дифференцированъ *этимологически*, то, какъ могъ читатель замѣтить особенно на нашихъ шести примѣрахъ, постоянно сбиваешься на мѣстный падежъ.

wohl, — думаетъ онъ, — hier allenfalls der Localis zu vertheidigen wäre).

Разобравъ формы на *φιν*, мы могли бы окончательно раздѣлаться и съ тѣми падежами, которые представлены названною формою. Для этого нужно бы только поосмотрѣться, нѣтъ ли еще *помимо* формъ на *φιν* какого-нибудь матеріала для творительнаго, мѣстнаго и личнаго падежей, и затѣмъ подвести всему итоги. Для *творительнаго* падежа мы помимо формъ на *φιν* ничего новаго не находимъ (аттическій языкъ, какъ мы уже однажды замѣтили, скорѣе склоненъ *ослабить* его фразеологическую роль), формулировка его значенія достаточно установлена самимъ *терминомъ* »творительный« *падежъ*, а потому мы считаемъ все разсужденіе о немъ *оконченнымъ*. Мы остались передъ читателемъ въ долгу лишь по отношенію къ *славянскому* творительному падежу въ выраженіи »управленіе *городомъ*«. Это явленіе мы не поставили бы себѣ въ счетъ, не имѣй оно непосредственнаго отношенія къ *греческому* языку. Во всякомъ случаѣ, *разобрать* его придется не сейчасъ.

Что касается *мѣстнаго* падежа, то окончить разборъ его *здѣсь* мѣшаетъ *одно* обстоятельство. Мы сказали, что онъ, благодаря своему »огрубѣнію«, выходитъ изъ колеи зависимости отъ признаковыхъ словъ. Нѣчто подобное должно было случиться и съ »огрубѣвшимъ« *удалительнымъ* падежемъ. Интересно ихъ въ этомъ отношеніи сопоставить, и такъ какъ мы до удалительнаго падежа *внѣ* предлоговъ еще не скоро доберемся, то придется и *мѣстный* падежъ пока оставить *неоконченнымъ*.

По отношенію къ *личному* падежу мы встрѣчаемъ *помимо* формъ на *φιν* новый матеріалъ. Мы разумѣемъ явленія въ родѣ слѣдующихъ: ἕμινους θεοῖς καὶ εὐχάρια τοῖς ἀγαθοῖς παραδεκτέον εἰς πόλιν (Plat. Resp. 607 a); τὰ Ταντάλου ἐστιάματα θεοῖς ἅπιστα κρίνω (Eur. Iph. Taur. 388); ὦ Θήβαισιν εὐίπποις ἄναξ (Eur. Phoen. 17); ἐκ δὲ κυμάτων ὁ ναυτίλοισι μάντις ἐξήγγελέ μοι (Eur. Or. 363); Θησαυρὸν βελέεσσιν (Aesch. Prom. 981).

Когда мы разсуждали о личном падежѣ по поводу предлоговыхъ оборотовъ, то роль его выяснялась въ смыслѣ указыванія на »лицо«, какъ на *равноправное* съ другимъ по отношенію къ какому нибудь *дѣйствию* (стало быть, — *признаку*), — какъ на носителя *τῆς ἐνεργείας* и *τοῦ πάθους* (стало быть, — опять *признака*, какъ его предполагаетъ само слово *носитель*), — какъ на встрѣчающее въ другихъ либо поддержку, либо противодѣйствіе своимъ *начинаніямъ*; словомъ, — во всѣхъ этихъ отгѣнкахъ личный падежъ, если онъ не попадалъ въ предлоговый оборотъ, могъ въ силу своего значенія »зависѣть« *исключительно* только отъ *признаковыхъ* словъ, что и оправдалось при разборѣ формъ на *φιν*, имѣющихъ значеніе *личнаго* падежа. Что касается »этического« *личнаго* падежа, гдѣ лицо представлено главнымъ судьей »въ какой нибудь мысли«, то онъ, положимъ, *не зависитъ* отъ »признаковаго слова,« но . . . Представляя лицо главнымъ судьей въ мысли, этической личный собственно относится къ *той* части выраженія цѣлой мысли, которая представляетъ собою нѣчто »*объявляемое*« по отношенію къ *другой* ея части, какъ къ чему то »данному«. Другими словами, — этической личный относится къ »синтаксическому сказуемому« (во фразѣ *αὐτοῦ μοι οὐδένος ἄξιόν ἐστι* этической личный *μοι* относится къ подчеркнутымъ словамъ). И не является ли синтаксическое сказуемое чѣмъ то, аналогичнымъ *признаку*? — не составляетъ ли рѣчь изъ »*дѣнта*« и »*признаковъ*« для того, чтобы потомъ въ цѣломъ раздѣлиться, такъ сказать, на »*сложное дѣн*« (синтаксическое подлежащее) и на »*сложный признакъ*« (синтаксическое сказуемое)?

Какъ послѣ всего этого отнестись къ только что приведеннымъ примѣрамъ употребленія *личнаго* падежа? Кюнеръ (Ausf. Gram. II. 374) считаетъ »несомнѣннымъ«, что эти явленія произошли отъ нѣкотораго *сокращенія* фразъ (*dieser Gebrauch ist ohne Zweifel aus einer Verkürzung eines Satzes hervorgegangen*). Въ одномъ мѣстѣ онъ вставляетъ *πεποιημένα* (*ἐγκώμα τοῖς ἀγαθοῖς πεποιημένα*), въ другомъ — *δοθέντα* (*θεοῖσιν ἐστίματα δοθέντα*), въ третьемъ и чет-

вертомъ — даже ὧν (ὧ Θήβαισιν ἐδίπλοις ἀναξ ὧν,* ἐκ δὲ κυμάτων ὁ ναυτίλοισι μάντις ὧν ἐξήγγειλέ μοι), а въ пятомъ не находить, что вставить. Читатель видитъ, что внесеніе въ ὁ ναυτίλοισι μάντις слова ὧν, даже при благо-склонномъ отношеніи къ эллипсисамъ, звучитъ большою на-тяжкою.

Предлоговые обороты служили »первоначально« для сопоставленія предмета съ предметомъ, простые падежи — для выраженія отношенія предмета къ признаку. Такая теорія была бы весьма стройною, если бы она оказалась хоть въ основаніи выдержанною. Но въ такомъ случаѣ мы-слима — еще одна потребность, которая могла выступить пе-редъ языкомъ, какъ подлежащая съ его стороны удовлетво-ренію, — потребность, совершенно однородная съ только что перечисленными: это — »сопоставленіе« не предмета вообще съ предметомъ вообще, а »сопоставленіе« или, прямѣе, — подчиненіе »вещи«, какъ видоваго понятія »предмета,« другому его »видовому« понятію, — »лицу«. Явленія, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, суть явленія не оми-ровскаго языка. Это, пожалуй, краткій, но только не »со-кращенный«, какъ говоритъ Кюнерь, способъ выраженія, развившійся въ языкѣ уже впослѣдствіи, но, во всякомъ случаѣ, основывающійся на сильномъ и живомъ чутьѣ τῆς δοτικῆς именно какъ падежа »личнаго«. Конечно, въ раз-сматриваемыхъ нами явленіяхъ нужно опять таки кое гдѣ — съ одной стороны олицетвореніе (θησαυρὸν βελέ-εοσιν; сравни наше списокъ книгамъ, гдѣ книги являются чѣмъ то главнымъ, у чегѡ списокъ находится какъ-бы въ услуженіи), а съ другой — и »овеществленіе« (Θή-βαισιν ἀναξ; тутъ Θῆβαι рисуется главнымъ), но ни олице-твореніе, ни овеществленіе не является чѣмъ нибудь такимъ, чегѡ слѣдовало бы избѣгать при объясненіи падежей. **)

*) Тогда бы ἀναξ было психо-логическимъ сказуемымъ къ слову σὺ, какъ психо-логическое сказуемое исполняло бы роль признаковаго слова, и личный падежъ вошелъ бы въ колею, предназначенную ему нами.

**) Сюда же мы относимъ и такъ называемые »притяжательные« dativ'ы, встрѣчавшіяся, какъ извѣстно, больше всего у Иродота; мы разумѣемъ вы-раженія въ родѣ οἱ δὲ σφε βόας, οἱ δ' ἑμῶν μαγῶς и т. п.

Перейдемъ къ разсматриванію *другихъ* падежей, поскольку они появляются *внѣ* предлоговыхъ оборотовъ, и поскольку они у насъ остались невыясненными *по поводу* предлоговыхъ оборотовъ. Начнемъ съ *вещнаго* падежа.

Значеніе вещнаго падежа выяснилось до сихъ поръ въ такомъ смыслѣ, что онъ указываетъ или на поступленіе выраженнаго имъ предмета *цѣликомъ* въ чье нибудь распоряженіе, или на полную его *законченность*, необходимую для того, чтобы можно было *на основаніи* ея распоряжаться дальнѣйшимъ (*μετὰ τῶν δέλων* и т. д.; смотри стр. 316), или на движеніе къ нему какъ къ *цѣли*. Что во всѣхъ этихъ отгѣнкахъ вещный падежъ остается чѣмъ то однимъ и тѣмъ же, это — надѣмся — доказывать дальше нечего.

Заявляемъ напередъ, что *весь* вещный падежъ *внѣ* предлоговъ зависитъ *исключительно* отъ признаковыхъ словъ. Въ виду нѣкоторыхъ соображеній, которыя сейчасъ выяснятся, практичнѣе будетъ *отдѣлить* отъ *глаголовыхъ* признаковыхъ словъ (т. е. отъ самого *глагола*, глагольнаго *признаковаго* имени и «двусторонняго» глагольнаго *имени*) *простыя* признаковыя имена.

Глаголовыя признаковыя слова *ищутъ* къ себѣ вещнаго падежа, какъ указателя «объекта» дѣйствія, т. е. того, что *поступаетъ* въ чье нибудь распоряженіе, благодаря тому особому *свойству* самого *дѣйствія*, о которомъ мы упоминали на стр. 257-8: есть дѣйствія, для осуществленія которыхъ представляется намъ необходимымъ нѣчто въ родѣ *мертваго матеріала*, надъ которымъ они проявляли бы свою силу. Это *свойство* дѣйствій тѣсно связано съ *залоговыми* отгѣнками, и по этой связи мы установили на стр. 108 терминъ *transitiva*. Я говорю, что *transitiva* ищутъ къ себѣ вещнаго падежа въ силу своего *значенія*, такъ что въ этомъ отношеніи вещный падежъ *дѣйствительно*, какъ мы раньше выражались, идетъ имъ *навстрѣчу*. Я не понимаю того утвержденія, которое такъ часто приходится слышать, будто *всѣ* глаголы были сначала *intransitivными*, а только *впоследствии* нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались *transitivными*. Я думаю, по этому вопросу только и можно сказать то,

что сказано мною на стр. 107.: говорящій въ однихъ случаяхъ *чувствуетъ* потребность указать на объектъ, а въ другихъ ея не чувствуетъ; но чтобы этому чувству можно было навязать какую нибудь хронологическую постепенность *развитія*, этого я не вижу.

Итакъ, глаголы признаковыя слова требуютъ къ себѣ вещнаго падежа въ силу своей *transitiv'*ности. Какъ широко понималъ грекъ *transitiv'*ность, видно на глаголахъ *φεύγω*, *φοβέομαι*, *ἀισχύνομαι* и т. п., дополняющихся *тоже* вещнымъ падежемъ. Казалось бы, что разъ существуетъ удалительный падежъ, то какому еще падежу дополнять собою такіе глаголы, какъ не ему. А между тѣмъ грекъ понимаетъ ихъ по своему. Когда онъ говоритъ *θάνατον οἱ εὐδαιμόνες φεύγουσι*, то, очевидно, представляетъ *θάνατον* вовсе не чѣмъ то такимъ, *отъ чего οἱ εὐδαιμόνες* черезъ *φεύγειν* отворачиваются, а предметомъ, которымъ такъ *распоряжаются*, — который такъ *забираютъ* *въ руки*, — противъ котораго *принимаютъ* такія мѣры, чтобы не понести отъ него вреда, и чтобы онъ миновалъ *ихъ* (и русское *миновать* дополняется вещнымъ падежемъ, только въ *русскомъ* языкѣ *θάνατος* и *οἱ εὐδαιμόνες* помѣнялись ролями).*)

Что глаголы признаковыя слова, обозначающія *движеніе* и требующія къ себѣ вещнаго падежа, какъ указателя *цѣли* этого движенія, суть не болѣе, не менѣе какъ тѣ же *transitiva*, это не требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій послѣ сказаннаго на стр. 256-7.

Простыя признаковыя имена, не надѣленные залоговыми отгѣнками, а слѣдовательно, *грамматически* никакой ни *transitiv'*ности, ни *intransitiv'*ности *не выражающія* (внутренно мы *любимъ* влагать и, когда это возможно, дѣйствительно *влагаемъ* въ нихъ такой или иной залоговой

*) Кто считается здѣсь съ залогомъ словъ *φοβέομαι* и *ἀισχύνομαι* и находитъ вещный падежъ послѣ нихъ страннымъ по залоговому положенію, того мы отсылаемъ ниже къ обороту *ἐρωτηθεῖς τι*, гдѣ послѣ *развѣта* встрѣчается *тоже* вещный падежъ, и именно вещный падежъ «объекта» дѣйствія.

оттѣнокъ; сопоставъ *τιμωρός φόρου*, Soph. Elect. 14, съ *ἐντιμος θεῶν*, Soph. Antig. 77), лишаются права на грамматическое выражение вещнаго падежа какъ *объекта* дѣйствія (вмѣсто него они принимаютъ къ себѣ всеобъемлющій *родовой* падежъ), но зато мыслимо соединеніе ихъ съ *другимъ* вещнымъ падежемъ. Мы имѣемъ въ виду выраженія въ родѣ *χωλός ἐστι τὸν ἕτερον πόδα* и т. п. Выраженіе *χωλός ἐστι τὸν ἕτερον πόδα* значить: онъ хромя, причемъ эта хромота *простирается* на одну ногу.*)

Въ приведенной русской метафразировкѣ греческаго выраженія мы хотѣли обозначить словомъ *простирается* внутреннюю связь только что установленнаго оттѣнка вещнаго падежа съ вещнымъ »объекта дѣйствія«: и въ этомъ оттѣнкѣ — предметъ *πούς*, показанный въ вещномъ падежѣ, чувствуется находящимся въ *распоряженіи* чего то, именно въ распоряженіи самого *признака* *χωλός*. Ниже, впрочемъ, эта связь раскроется глубже.

Только что установленный оттѣнокъ принято отлѣчать терминомъ *σχῆμα καθ' ὅλον καὶ κατὰ μέρος*. Этотъ терминъ схватываетъ нашъ вещный падежъ слишкомъ односторонне**) и вслѣдствіе этого разрываетъ связь его съ другими оттѣнками вещнаго. *Обычный* терминъ, »вещный *отношенія*«, — невыразителенъ, такъ какъ »*отношеніе*« — слишкомъ *общее* слово. Мы бы его назвали вещнымъ »*простираельнымъ*«. Впрочемъ, не въ терминахъ дѣло; мы обѣщали ближе раскрыть *связь* между *этими* вещнымъ и вещнымъ »*объекта дѣйствія*«.

*) Само собою разумѣется, что и имена *существительныя*, если принимаютъ на себя роль *признаковыхъ* словъ, т. е. если попадаютъ въ тотъ или иной падежъ по *согласованію*, могутъ присоединять къ себѣ такой вещный падежъ. Какое нибудь *βραβεύς ἐστι* всегда способно соединиться съ вещнымъ падежемъ, хотя *примѣръ* подыскать трудно. Скорѣе всего можно тутъ встрѣтить вещные падежи *малольныхъ именъ* (*θαῦμα ἰδέσθαι* = это — чудо, причемъ чудо *простирается* на *ἰδέσθαι*), но о падежахъ *малольныхъ именъ* рѣчь еще впереди.

**) Собственно, подъ *σχῆμα καθ' ὅλον καὶ κατὰ μέρος* понимаютъ дѣло еще *болѣе* частное, чѣмъ объясняемъ мы. Подъ него подводятъ *примѣры* какъ *υφῆς σε πόδας νίφει* (Gaedicke Accus. 268), въ которыхъ встрѣчаются два *вещныхъ падежа*, — одинъ, обозначающій *ὅλον* (*σε*), а другой, указывающій на его *часть* (*πόδας*).

Сопоставляя русскій вещный падежъ съ греческимъ, мы находимъ, между прочимъ, *два* особенности въ греческомъ языкѣ.

1. Греческій языкъ въ большей степени, чѣмъ русскій, прибѣгаетъ къ *внутреннему* объекту дѣйствія. Въ какомъ смыслѣ нужно различать внѣшній и внутренній объекты дѣйствія, на это было указано въ статьѣ о залогахъ: первый существуетъ *помимо* дѣйствія, а второй представляетъ собою результатъ дѣйствія (стр. 108) и, такъ сказать, лишь *въ идеѣ* «поступаетъ въ распоряженіе дѣятеля» *во время* исполненія имъ самого дѣйствія. Геометрическимъ мѣстомъ нахожденія столь частыхъ *»внутреннихъ* объектовъ дѣйствія» служитъ отвлеченіе въ *οὐσίαν* самого *δῆλστω*, соединяющагося съ такими объектами. Таковы объекты во фразахъ *ἀμαρτάνω ἀμαρτήμα* и т. д., приведенныхъ на той же стр. 108. Они, въ сущности, ничѣмъ не отличаются, *какъ* «объекты», отъ тѣхъ *οὐσίαι*, которыя, вовсе не будучи извлечены изъ самихъ признаковыхъ словъ, тоже, однако, обозначаютъ *результатъ* дѣйствія (*ποιέω ἀγαθὰ* и др.).

2. Греческій языкъ, не въ примѣръ русскому, не стѣсняется ставить послѣ глаголовыхъ признаковыхъ словъ *два* вещныхъ падежа рядомъ, если дѣйствительно *два* «объекта дѣйствія» съ разныхъ сторонъ подступаютъ къ глаголовому признаку, оба *одинаково* оправдываясь на *общесимасіологической* почвѣ. *Αἰτέω σε* на обще-симасіологической почвѣ — вполне умѣстно, равно какъ вполне умѣстно на *той же* почвѣ и *αἰτέω χρήματα*; по этому совершенно правильнымъ является оборотъ *αἰτέω σε χρήματα* (въ русскомъ языкѣ, хотя и *можно* сказать порознь *прошу* тебя и *прошу* книгу, но, соединивши оба выраженія въ одно, говорятъ «я попрошу у тебя эту книгу»). Въ *αἰτέω σε χρήματα* оба «объекта» являются *внѣшними*; въ *ἔρωτῶ σε τοῦτο τὸ ἐρώτημα* одинъ объектъ называется *внѣшнимъ*, а другой — *внутреннимъ*.

Если бы я, желая выразить ту же мысль, какая заключается въ *ἔρωτῶ σε τοῦτο τὸ ἐρώτημα*, задумалъ,

однако, представить $\sigma\upsilon$ не *вещью*, которою я распоряжаюсь, а настоящимъ носителемъ $\tau\omicron\upsilon\ \pi\acute{\alpha}\theta\omicron\upsilon\varsigma$, и сказалъ бы $\sigma\upsilon\ \eta\rho\omega\tau\acute{\eta}\theta\eta\varsigma$, — что станется тогда съ $\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\ \tau\omicron\delta\ \epsilon\rho\acute{\omega}\tau\eta\mu\alpha$? Оно удержится въ вещномъ падежѣ, но останется ли тогда и »объектомъ дѣйствія«? И да, и нѣтъ. Да — потому, что *не могло же* оно измѣнить своего отношенія къ тому дѣйствию, которое его вызвало (оно было »объектомъ« дѣйствія какъ *результатъ, производимый* этимъ дѣйствиемъ, и такимъ осталось и теперь); нѣтъ — потому, что глаголъ выступаетъ уже не въ актив'ной *формѣ* (форма $\eta\rho\omega\tau\acute{\eta}\theta\eta\varsigma$ выражаетъ $\pi\acute{\alpha}\theta\omicron\varsigma$, а какъ можетъ « $\pi\acute{\alpha}\theta\omicron\varsigma$ » »производить« чтонибудь?). Въ томъ то и дѣло, что только лишь *форма* мѣшаетъ въ данномъ случаѣ провозгласить $\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\ \tau\omicron\delta\ \epsilon\rho\acute{\omega}\tau\eta\mu\alpha$ за »объектъ дѣйствія«; но у насъ остается *еще* средство удержать сознание о $\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\ \tau\omicron\delta\ \epsilon\rho\acute{\omega}\tau\eta\mu\alpha$ какъ о *настоящемъ* »объектѣ дѣйствія«. Это — извлечение изъ »патетической« *формы* »энергического« *слова*. Такое извлечение, аналогичное тому, къ какому мы прѣбгали при предлоговыхъ оборотахъ, практиковалъ самъ *употреблявшій* языкъ, пока »не привыкъ« къ созданному имъ приему и не забылъ о необходимости *дѣлать* самое извлечение*). И вотъ, кто забылъ о ней, кто потерялъ, быть можетъ, сознание о $\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\ \tau\omicron\delta\ \epsilon\rho\acute{\omega}\tau\eta\mu\alpha$ какъ о *настоящемъ* »объектѣ дѣйствія«, кто находится уже подъ влiяніемъ этой болѣе внѣшней« зависимости »вещнаго падежа отъ *passiv'ной формы*, тому придется понять нашъ вещный падежъ какъ »простирательный«: ты былъ спрошенъ, причемъ спрашиваніе »*простиралось*« на такой то вопросъ. Да и самое $\chi\omega\lambda\omicron\varsigma\ \tau\omicron\delta\nu\ \epsilon\tau\epsilon\rho\nu\ \pi\acute{\omicron}\delta\alpha$ развѣ нельзя перевести на $\kappa\epsilon\chi\omega\lambda\omega\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma\ \tau\omicron\delta\nu\ \epsilon\tau\epsilon\rho\nu\ \pi\acute{\omicron}\delta\alpha$? Конечно, можно, а если еще $\kappa\epsilon\chi\omega\lambda\omega\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma\ \tau\omicron\delta\nu\ \pi\acute{\omicron}\delta\alpha$ перевести на $\chi\omega\lambda\acute{\omicron}\omega\ \sigma\epsilon\ \tau\omicron\delta\nu\ \pi\acute{\omicron}\delta\alpha$, то чѣмъ $\chi\omega\lambda\acute{\omicron}\omega\ \sigma\epsilon\ \tau\omicron\delta\nu\ \pi\acute{\omicron}\delta\alpha$ отличается отъ $\alpha\iota\tau\acute{\epsilon}\omega\ \sigma\epsilon\ \chi\rho\acute{\eta}\mu\alpha\tau\alpha$ **), и чѣмъ — *простираемый* вещный отъ вещнаго »объекта дѣйствія«?

*) Вотъ — отвѣтъ на поставленный выше вопросъ относительно вещнаго падежа послѣ *passiv'ныхъ формъ* $\alpha\iota\sigma\chi\acute{\upsilon}\nu\omicron\mu\alpha\iota$ у др.

**) Отвѣтъ на этотъ вопросъ обнаружить, какъ искусственно установлено понятие $\tau\omicron\upsilon\ \sigma\eta\mu\alpha\tau\omicron\varsigma$ καθ' ἑλόν και κατά τό μέρος, и съ какою насиль-

Теперь ясно, насколько тѣсно связанъ »простира-
тельный«
вещный съ вещнымъ »объекта дѣйствія«. Положимъ,
эту связь удалось выяснитъ только благодаря тому, что
простое признаковое удалось перевести на признаковое гла-
головое. Но и въ другихъ случаяхъ, гдѣ это не удастся,
тѣмъ не менѣе связь останется та же самая. Такова, на пр.,
фраза: *ὀλίγοι τὸν ἀριθμὸν οἱ τὴν ἀνδρείαν ἔχοντες* = немного
тѣхъ, которые обладаютъ храбростью, причѣмъ признакъ *не-*
многие простирается на *численность*.*)

Говорятъ еще о вещномъ времени (*τὸν λοιπὸν χρόνον*
ἦρχεν ὁ δεῖνα) и о вещномъ, — не знаю, какъ его назвать,
во всякомъ случаѣ его *отличаютъ*, — о вещномъ »мѣры«,
что или (*βαθὺς πέντε πόδας*). Но если мы пойдемъ такъ
далеко въ различеніи падежныхъ отгѣнковъ, и если въ *τὸν*
λοιπὸν χρόνον будемъ усматривать вещный времени,
а въ *βαθὺς πέντε πόδας* — вещный мѣры, то въ *φι-*
λοῦσι τοὺς παῖδας мы должны усматривать вещный *чело-*
вѣческихъ возрастовъ, а въ *ἡμαρτε μέγα ἀμάρτημα*
вещный *ошибокъ*. *Ὁ λοιπὸς χρόνος* есть, конечно,
извѣстное пространство времени, и *πέντε πόδας* — извѣстная
мѣра. Но то и другое поставлено въ вещномъ падежѣ не
потому, что одно — время, а другое — мѣра, а потому, что
ὁ λοιπὸς χρόνος, что бы оно ни обозначало, *человѣка*
*ли, дубъ ли, или время, все поглощено дѣйствиємъ ἄρχω**),*

свѣтностью оторванъ этотъ незначительный отгѣнокъ отъ единого значенія
падежа.

*) Скажутъ, что при признакѣ *немногие* указаніе на принадлежность
этого признака къ *численности* — совершенно лишнее и можетъ быть объяснено
только, какъ синтаксическая тавтологія. Принятіе или непринятіе синтаксис-
логической тавтологіи въ многихъ случаяхъ зависитъ отъ того, какъ далеко
идетъ дифференціация мысли. Въ перефразировкѣ »если сосчитать (*τὸν ἀριθ-*
μὸν) тѣхъ, которые обладаютъ храбростью, то ихъ немного (= простирая при-
знакъ храбростевъ на *численность*, нужно выразитъ этотъ признакъ словомъ
немногие) никакой тавтологіи нѣтъ. Кстати замѣтимъ, что въ нашемъ примѣрѣ
падежѣ *τὸν ἀριθμὸν* можетъ быть замѣненъ падежемъ *τῷ ἀριθμῷ*.
Въ *ἀριθμὸν* выражено, что признакъ »немногие«
простирается на *числен-*
ность, а въ *ἀριθμῷ*, что признакъ этотъ *получается* отъ *численности*. Какъ
видно, въ результатѣ выходить одна и та же мысль.

**) Какаѣ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть разница, по вопросу о »зна-
ченіи«
падежа, между фразами *ὄν* *προνачальствовалъ* *все* *остальное* *время*, *ὄν*
проработалъ *всю* *ночь*, *ὄν* *прочиталъ* *всю* *книгу* и *ὄν* *исписалъ* *всю* *тетрадь*?

и что на *πέντε πόδες*, что бы оно ни обозначало, *протирается* признакъ *βαθύς*. Первое есть вещный *объекта дѣйствія*, а второе— вещный *протирательный*.

Мы слышимъ возраженіе. Въ *ὁ λοιπὸς χρόνος* указывается на то, что выраженная въ немъ *οὐσία* поглощена вся известнымъ дѣйствіемъ, а въ какомъ нибудь *νίψω σε πόδας* только *πόδες* »поглощены» дѣйствіемъ, но никакъ не *σε*. А между тѣмъ и *σε* поставлено въ вещномъ падежѣ. Стало быть, нужно различать случаи, гдѣ имѣется въ виду указать на *весь* предметъ, отъ случаевъ, гдѣ указывается на предметъ *просто* какъ на »объектъ, что ли, дѣйствія.« Это, утверждаемъ, — не возраженіе, а необходимое *пополненіе* нашихъ замѣтокъ, требующее, однако, нѣкотораго разъясненія. Мы съ самаго начала говоримъ о томъ, что вещный падежъ указываетъ на предметъ, поступающій цѣликомъ въ чье нибудь распоряженіе. Слово »цѣликомъ« имѣетъ три значенія, являющіяся тропами другъ друга. »Цѣликомъ« значить: 1. — что я могу дѣлать съ предметомъ, что хочу (= онъ для меня представляетъ, какъ мы, кажется, неоднократно выражались, *мертвый материалъ*); 2. — что ни одна часть предмета не остается незатронутою; 3. — что предметъ долженъ быть законченъ для того, чтобы могъ поступить въ мое распоряженіе. Это то »цѣликомъ« во *всѣхъ* своихъ значеніяхъ (последнее значеніе примѣнимо къ оборотамъ *μετὰ τὸν δειπνὸν τοῦτο ἐποίησα* и *διὰ τὴν νόσον* въ *приминномъ* значеніи) выясняетъ и весь вещный падежъ, выставляя его чѣмъ то *единымъ*.

Мы кончили вещный падежъ. Этимологи указываютъ на то, что *δῶρον*, *ἄρθρον* и т. п. суть формы не *именительнаго* падежа, а падежа вещнаго, наравнѣ съ *οἶκον*, *ἄνθρωπον* и т. д. *) Мы въ свое время раздѣлили предложенія на *ономатическія* и *риматическія*. *Ономатическимъ*,

*) Bruggmann (Handb. II. 119): Casuszeichen Nom. u. Acc. sg. neutr. *m* bei den *o*-Stämmen (*ζυγόν* — *jugum* etc.) war etymologisch mit dem Accusativzeichen *m* der geschlechtigen Stämme identisch.

— говорили мы, — греческій языкъ не въ примѣръ языку русскому, не особенно сочувствуетъ. Что же касается предложеній риматическихъ, то въ нихъ именительный падежъ (я не говорю здѣсь о »согласующемся« именительномъ; »согласующимся« можетъ быть всякій падежъ), — долженъ обозначать или дѣятеля, или вообще носителя того дѣйствія, которое указано въ глаголь. Средній родъ, — конечно, естественный, какимъ былъ сначала всякій средній родъ (сравни стр. 162), — не можетъ быть, собственно, носителемъ дѣйствія, — не можетъ исполнять никакого $\zeta \omega$, *περιπατέω*, *ζημιόμαι*, *λόβομαι*, *διαλέγομαι* (тутъ на лицо *εсть* пять залоговъ), не можетъ быть »первымъ« лицомъ, а долженъ быть *просто* »вещью«. Такимъ образомъ, хотя »по конструкціи предложенія« средній родъ часто долженъ играть роль именительнаго падежа, все равно, какъ всякій глаголь долженъ имѣть »лицо«, хотя онъ — иногда и безличный (*ἔει*, *δέει* и т. д.), но психологически онъ могъ быть понятъ и въ этихъ случаяхъ за вещь, на которую *простирается* дѣйствіе, и форма для *грамматическаго* именительнаго падежа или, точнѣе, для падежа, понадобившагося для *связной* рѣчи, могла быть заимствована отъ вещнаго падежа той же *связной* рѣчи, а затѣмъ могла быть употребляема и для простаго поименованія *внѣ* *связной* рѣчи. Въ другихъ случаяхъ языкъ распорядился иначе. Мыслящій человекъ, давая поименованіе безполной *οδοῖα*, т. е. составляя для нея »поименовательный« падежъ *внѣ* *связной* рѣчи, не отиѣтилъ ея поименованія *никакимъ* окончаніемъ (напр. *τὸ βρέφος*) и уже *этимъ* наложилъ на самую *οδοῖαν* печать чего то *безхарактернаго*, — не »лица«, а опять таки »вещи«, и форма, отиѣчавшая нѣчто при самомъ поименованіи его *внѣ* *связной* рѣчи какъ »вещь« (эго достигалось отсутствіемъ »родоваго« окончанія), могла, сама будучи формою »поименовательнаго« падежа, съ удобствомъ перейти въ роль того падежа, гдѣ *все* въ силу его собственнаго значенія дѣлается *вещью*, — въ роль падежа *вещнаго*. Звательнаго падежа въ среднемъ родѣ совѣтъ не было; ибо какъ можно было звать (*καλεῖν*) то, что въ самомъ

поименованіи отмѣчено было какъ нѣчто мертвое? Не такъ мы смотримъ на формы *βασίλει*, *Ζεῦ* и т. д., также не имѣющія окончанія, но въ то же время представляющія собою истинные *звательные* падежи. Въ этихъ формахъ мы видимъ отпечатокъ чего то *недоконченнаго*, недоконченнаго нарочно и имѣющаго сейчасъ же окончиться, когда оно войдетъ въ связную мысль, — отпечатокъ чего то, если такъ можно выразиться, *interjectional*'наго, чего то, стоящаго еще въ *преддверіи* рѣчи, такъ какъ оно лишь *устанавливаетъ* собесѣдника, съ которымъ еще только *придется* завести рѣчь, когда онъ будетъ установленъ. Это небольшое уклоненіе пусть будетъ помѣщено здѣсь въ пополненіе изложеннаго на стр. 208 и 211, а теперь вернемся опять къ *очереднымъ* вопросамъ.

Какъ предлоги присоединяли къ себѣ разные падежи, и черезъ то достигались такіе или иные оттѣнки въ предлоговыхъ оборотахъ, такъ и признаковыя слова, принимающія къ себѣ по *одному* оттѣнку вещный падежъ, могутъ по какому нибудь *другому* оттѣнку дополняться совершенно иначе. Иногда даже трудно говорить объ *оттѣнкахъ*; часто это — просто разные *мотивы*, нисколько даже не *отражающіеся* на общемъ смыслѣ вызваннаго ими оборота.

Прежде всего относительно *простыхъ* признаковыхъ именъ нужно замѣтить, что представленіе *простиранія* легко замѣняется представленіемъ *принадлежности*, и тогда вмѣсто вещнаго простирательнаго наступаетъ всеобъемлющій родовый падежъ: *ἐπιστήμων ταῦτα* значитъ *свѣдущій*, причемъ свѣдѣнія его *простираются* на это, а *ἐπιστήμων τούτων* значитъ: *свѣдущій*, причемъ свѣдѣнія его имѣютъ *отношеніе* къ этому. Кромѣ того, изъ *ἐπιστήμων* могла быть *извлечена* *οὐσία*; тогда — то, *въ чемъ* я — *ἐπιστήμων*, есть *другая οὐσία*, и фраза могла быть сведена къ *сопоставленію* предмета съ предметомъ, т. е. могла перейти во фразу *ἐπιστήμων περὶ τούτων* или *περὶ ταῦτα*. Нечего говорить, что *ἐπιστήμων* можетъ просто свидѣтельствовать о томъ, что у того то *есть* свѣдѣнія,

безъ отношенія къ тому, чего эти свѣдѣнія касаются, и тогда, конечно, въ языкѣ не выступаетъ *никакого* дополненія.

Что касается *паголовыхъ* признаковыхъ словъ, то и при нихъ, не говоря опять таки о томъ, что они могутъ остаться безъ *всякаго* дополненія, можно встрѣтиться какъ съ »извлеченіемъ« изъ дѣйствія *τῆς οὐσίας*, — и тогда появляются предлоговые обороты (*ἀδικέω πρός τινα, ὑβρίζω εἰς τινα*), такъ и съ замѣною представленія »объекта дѣйствія« представленіемъ простаго »отношенія« предмета къ дѣйствию, — и тогда наступаетъ вмѣсто *вещнаго* падежа *родовой*. *Θαυμάζω*, напр. (= съ удивленіемъ смотрю), встрѣчается и съ дополненіемъ *ἀνδρείαν* и съ дополненіемъ *τῆς διανοίας τοῦτου* (Lys. 3. 44). Намъ скажутъ, что въ *θαυμάζω τοῦτου τῆς διανοίας* мы имѣемъ дѣло не съ *собственнымъ* родовымъ падежемъ, а съ удалительнымъ его отгѣнкомъ, и будутъ толковать нашъ примѣръ въ смыслѣ »я удивляюсь, *отправляясь* отъ чего то«. Отрицать ли намъ это а *priori*, или нѣтъ, этого мы еще не знаемъ, такъ какъ сами *не имѣемъ* пока надлежащаго понятія объ удалительномъ падежѣ въ *греческомъ* языкѣ. Во всякомъ случаѣ, *латинскій* языкъ, имѣющій *особую* ablativ'ную форму и *не соединяющій* этимологически Ablativ'a съ Genitiv'омъ, употребляетъ въ похожемъ на наше *θαυμάζω* случаѣ именно *родовой* падежъ. Съ одной стороны встрѣчаемъ фразу *ita sum animo affectus, ut non queam satis neque comminet omnium nostrum condicionem neque hujus eventum fortunamque miserari* (Cic. Mur. 27. 55), а съ другой — *audite, quaeso, judices et aliquando miseremini sociorum* (Cic. Verr. III. 28*). Такъ и греческое *ὀλοφύρομαι* встрѣчается то съ *τοκέας* (Thuc. 2. 44.), то съ *Ἐκτορός* (II. χ 169).**

*) Что здѣсь въ одномъ мѣстѣ — *miserari*, а въ другомъ — *misereri*, это не имѣетъ для *нашего* случая никакого значенія, какъ можно усмотрѣть изъ замѣтокъ, помѣщенныхъ въ словарь Forcellini sub voce *miseri*.

***) Понятно, что какое нибудь *θαυμάζω*, лишаясь *transitiv'ности*, т. е. права на *вещный* падежъ, не лишается черезъ это способности появляться въ развѣтѣ (*θαυμάζομαι* = *мы* удивляемся). Вообще замѣчается, что появленіе passiv'a въ греческомъ языкѣ *вообще* не обусловлено *transitiv'ностью*

Когда мы при $\theta\alpha\upsilon\mu\acute{\alpha}\zeta\omega\ \tau\iota\nu\acute{o}\varsigma$ замѣняемъ — *формально* вещный падежъ родовымъ, а *внутренно* — представление предмета, какъ *объекта* дѣйствія, представлениемъ простой *принадлежности* предмета къ дѣйствию, то мы, въ сущности, больше ничего не дѣлаемъ, какъ только *игнорируемъ* ту »полноту« распоряженія предметомъ, на которую указываетъ вещный падежъ. Но иногда отъ появленія при глагольных признаковыхъ словахъ родоваго падежа *вмѣсто* вещнаго получается такое впечатлѣнiе, какъ будто выражено не простое *игнорированiе* »полноты распоряженія предметомъ«, а прямое *отрицанiе* этой полноты и указанiе на отѣнокъ *частичности*. Сюда относятся мѣста: *Ἐταροὶ λίσσοντο ἕπεισιν τυρῶν ἀλνυμένους ἰέναι πόλιν* (Od. ι 224); *πάσσειν ἀλδς θείοιο* (Il. ι 214); *μή πω τις λωτοῖο φαγῶν νόστοιο λάθηται* (Od. ι 102); *ἄλεισον μετὰ χερσίν ἐνώμα, ὄφρα πίοιο οἴνοιο* (Od. χ 10) и др. Такъ и по русски говорятъ *дай воды, дай хлѣба*. То же я вижу и въ мѣстѣ Il. π 508: *Γλαύκῳ αἰνὸν ἄχος γένετο φθουγγῆς αἰὼντι* (не *весь* звукъ доходить до его ушей), и сопоставляю данное мѣсто съ Il. κ 531: *πρῶτος κτύπον αἶεν*, гдѣ *весь* κτύπος слышенъ. Фразеологически потомъ установилось, что, когда идетъ рѣчь о выслушиванiи *звука*, который *вообще* представляется теряющимся и ослабѣвающимъ въ воздухъ, ставили *родовой* падежъ (*ἀκούω τινός* ἔδοντος, а то и просто *ἀκούω τινός* безъ всякаго глагольнаго признаковаго, такъ что не *ἔδειν* представлялось источникомъ звуковъ, а самъ *τις*), а *вещный* падежъ при *ἀκούω* получилъ такое значенiе, какое онъ получаетъ при *λέγω*. *Λέγω αὐτόν* значить: *онъ* является объектомъ моего

актив'а, и греческій языкъ въ этомъ отношенiи ясно отмѣтилъ у себя то, о чемъ мы говорили уже на стр. 372-3, т. е. что *носитель* πάθους, указанiе на котораго ведетъ часто къ *развѣнной* формѣ, есть нѣчто *совершенно* другое, чѣмъ *вещь*, указанiе на которую ведетъ къ появленiю вещнаго падежа, и что одно отъ другого совершенно не зависитъ. Известно, напр., что *ἄρχω* по известному мотиву, о которомъ рѣчь ниже, въ актив'ѣ всегда дополняется *genitiv'-ной* формою, и въ тоже время появляется *ἤρχομαι* въ смыслѣ *»ими управляя«*, причеиъ эти *они* выставлены *настоящими* носителями *тоб* πάθους. Вотъ почему мы, заговоривъ въ статьѣ о залогахъ о *развѣнныхъ* формахъ обращаемся такъ осторожно съ терминомъ *»прямой переводъ«*.

λέγειν (ὅπερ καὶ λέγω = что я въ данномъ случаѣ и разумно = о чемъ въ данномъ случаѣ я и говорю; τοῦτ' ἄρ' ἐκεῖνό ἐστι, ὅπερ καὶ ἔλεγον = объ этомъ была рѣчь). Такъ и ἀκούομεν αὐτοὺς νικήσαντας имѣеть смыслъ: мы слышимъ о нихъ, побѣдившихъ (νικήσαντας есть согласующееся имя; ср. стр. 202) = мы слышимъ о нихъ, что они побѣдили.

Спрашивается: та *частичность*, которую мы усматриваемъ во всѣхъ этихъ примѣрахъ, составляетъ ли она непосредственную симасіологическую задачу родового падежа, или же вытекаетъ только лишь изъ совершающагося въ нашей мысли *противопоставленія* родового падежа вещному? Другими словами: въ *данномъ* родовомъ падежѣ имѣемъ ли мы дѣло только съ *отрицаніемъ* «полноты распоряженія предметомъ», или съ *частичностью*, какъ чѣмъ то положительнымъ? Въ виду всего, что мы слышали о родовомъ падежѣ и имѣемъ еще услышать, я рѣшалъ бы этотъ вопросъ въ *первомъ* смыслѣ: что нибудь *положительное* родовымъ падежемъ *не выражено*.

Вещный падежъ чередуется при глаголовыхъ признаковыхъ словахъ и съ *личнымъ*. Κελεύω, какъ и латинское *jubeo*, соединяется обыкновенно съ *вещнымъ* падежемъ, и *получающій* приказаніе представляется въ такомъ случаѣ *вещью*, которую я, повелѣвающій, распоряжаюсь. Но это представление легко могло перейти въ другое (по русски *всегда* говорить «повелѣваю кому»): на *получающаго* приказаніе можно смотрѣть какъ на *помощника* мнѣ, повелѣвающему. Такъ читаемъ у Омира: τὰ γέ δῃ νοέοντι κελεύεις (Od. ρ 193); ἀμφιπόλοισι κέλευε ἔργον ἐποίχεσθαι (Π. ζ 491); ἀλλήλοισι κέλευον ἀπτεσθαι νηῶν (Π. β 151). Во всѣхъ этихъ примѣрахъ слово κελεύω получаетъ такой же смыслъ, какой имѣеть слово ὀμοκλέω въ ὀμόκλεον ἀλλήλοισι (Π. ο 658 = какъ бы, «приговаривали другъ другу» = поощряли другъ друга) и κέλομαι въ πρόσω ἴεσθε καὶ ἀλλήλοισι κέλεσθε (Π. μ 274). Вещный падежъ чередуется съ *личнымъ* и при ποιέω. Ποιέω τινί τι значить: дѣлать кому нибудь что нибудь, такъ чтобы этотъ кто-ни-

будь, какъ *лицо*, могъ такъ или иначе *отнестись* къ дѣлаемому мною, т. е. либо имъ воспользоваться, либо принять его на себя какъ *пáθος*. *Ποιέω τινά τι* значить «*трактовать* кого нибудь такъ или иначе». Сравни еще: *λοιδορέω τινά* (Aristoph. Equ. 1271: *λοιδορήσαι τοὺς πονηροὺς οὐδὲν ἔστι ἐπίφθονον*) = ругать *кого*; *λοιδοροῦμαι τινι* (Aristoph. Pl. 456: *τί λοιδορεῖ ἡμῖν παρελθούσ' οὐδ' ὄτιοῦν ἀδικουμένη*) = наговорить *кому* дерзостей; *ὠφελέω τινά* = поддерживать *кого* (нравственно); *βοηθέω τινί* = помогать *кому* и т. д.

Чередованіе вещнаго падежа съ *творительнымъ* видно на *ἀριθμόν* и *ἀριθμῶ*, упомянутомъ на стр. 374 въ подстрочномъ примѣчаніи. Также можно указать на *ἕει*. Пиндаръ (Ol. 7. 50) говоритъ *πολὺν ἕσε χρυσόν**) (дождь сыпалъ золото), а у Иродота (1. 87) встрѣчаемъ *ἕσαι ἕδατι λαβροτάτῳ* (какъ *мы* говоримъ «*посыпало градомъ*»).

О чередованіи или нечередованіи вещнаго съ мѣстнымъ и удалительнымъ пока говорить рано. Перейдемъ къ *родовому* падежу.

Родовой падежъ является родовымъ въ двухъ отношеніяхъ. Впервыхъ замѣчается, что, хотя онъ и служить, наравнѣ съ другими косвенными падежами, симасіологическимъ дополненіемъ какъ глаголовыхъ признаковыхъ словъ, такъ и простыхъ признаковыхъ именъ, хотя въ немъ, выражаясь иначе, наравнѣ съ другими косвенными падежами обозначено «отношеніе» извѣстной *οὐσίας* къ извѣстному признаку, но само это отношеніе не имѣетъ никакого *спеціального* оттѣнка въ родѣ тѣхъ, какіе мы находимъ въ другихъ падежахъ. До какого разнообразія доходитъ здѣсь языкъ, — разнообразія, не поддающагося *рѣшительно* никакому другому объединяющему опредѣленію кромѣ того, которое можно назвать развѣ только простымъ *констатированіемъ* отношенія *τῆς οὐσίας* къ признаку, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

*) Transitiv'ное пониманіе слова *ἕειν* могло отразиться и на предметъ, который *промокаетъ* отъ дождя или вообще *орошается* дождемъ (*ἕει τῆς θήρης*; Herod. 4. 151.).

ἐπιταχύνετον τῆς ὁδοῦ τοὺς σχολαίτερον προσιόντας (Thuc. 4. 47.) = *поторопите, по вопросу о пути, тѣхъ которые . . .*

Μαγνησία προσφέρει πεντήκοντα τάλαντα τοῦ ἐν-αυτοῦ (Thuc. 1. 138.) = *имѣя въ виду годъ, она приноситъ . . .*

οὐδεὶς με ἠρώτηκε καινὸν οὐδὲν πολλῶν ἐτῶν (Plat. Georg. 448 a) = *считаюсь съ болѣеимъ числомъ лѣтъ, я могу сказать, что никто меня не спрашивалъ . . .*)*

ὦ μακάριοι σφω τῆς θαυμαστῆς φύσεως (Plat. Euthyd. 303 c) = *счастливицы, если принять во вниманіе характеръ . . .*

αὐτὸς ἀντίον ἴξεν Ὀδυσσεὺς θείοιο τοίχου τοῦ ἐτέρου (Π. ι 218) = *сидѣлъ, избравъ для этого другую стѣну. Θέειν πεδίοιο (Π. ζ 507) = бѣжать, причемъ къ означенному въ словъ «бѣжать» движению приво-дится въ отношеніе равнина. Однороднымъ съ Θέειν πεδίοιο является извѣстное πρήσσειν ὁδοῖο (Od. γ 476, ο 47, 219, Π. ω 264).*

τὸν ἄνδρ' ἐπαυδῶ τοῦτον, ὅστις ἐστὶ, γῆς τῆςδε μὴ εἰσδέχεσθαι (Soph. Oed. г. 236) = *не принимать, поскольку это касается этой земли.*

ἵπλος ἦν κακουργῆ, τὸν ἵπλον κακίζομεν τῆς δὲ γυναικός, εἰ καχοποιεῖ, ἴσως δικαίως ἂν ἡ γυνὴ τὴν αἰτίαν ἔχοι (Xen. Oec. 3. 11) = *что же касается женщины . . .*
Въ этомъ примѣрѣ не подберешь даже слова, отъ котораго бы «зависѣлъ» падежъ *γυναικός*; къ нему относится скорѣе цѣлая мысль, выраженная нѣсколькими словами, и по вопросу о зависимости его отъ признака нужно бы повторить то же, что мы сказали объ этическомъ личномъ на стр. 367.

Увеличивать число этихъ примѣровъ нечего. Изъ нихъ видно, что совершенно неосновательна была бы попытка отыскивать какое нибудь *положительное* значеніе родоваго

*) Особенно при отрицаніяхъ греческій языкъ любитъ ставить родовые падежи тѣхъ *οὐδίων*, которыя обозначаютъ пространство времени: *οὐ μαχεται δέκα ἡμερῶν* = не заяжетъ сраженія въ продолженіи десяти дней.

падежа *), и что та *частичность*, о которой мы разсуждали по поводу родоваго падежа на стр. 380, есть *дѣйствительно* нѣчто, что не заключается въ самомъ *родовомъ* падежѣ, а вытекаетъ лишь изъ *противопоставленія* ему падежа *вещнаго*.

Но родовой падежъ оказывается »родовымъ« и въ томъ отношеніи, что онъ »зависитъ« не только отъ признаковыхъ словъ, но и отъ именъ *существительныхъ*. Входя въ зависимость отъ именъ *существительныхъ*, онъ, такимъ образомъ, пригоденъ для »сопоставленія предмета съ предметомъ« и исполняетъ *одну*, оная таки *генически*, то, что въ другихъ случаяхъ, согласно такому или иному *спеціальному* отгнѣнку »сопоставленія«, выражается такимъ или инымъ *предлоговымъ оборотомъ*. Въ этомъ отношеніи родовой падежъ является, такъ сказать, преддверьемъ къ тѣмъ *composit'амъ*, которыя составлены не изъ предлоговъ и ономато-риматическихъ темъ, а исключительно изъ послѣднихъ. Мы имѣемъ въ виду такія *composit'a*, какъ напр. *ἀστυγείτων, ἡμεροδρόμος, δημοουργός, τεichoμαχία* и т. п.

Обыкновенно различаютъ четыре отгнѣнка въ родовомъ падежѣ, когда онъ зависитъ отъ имени *существительнаго*: 1. *genitivus possessivus* (*οἱ Μένωνος; οἱ* есть здѣсь *формальное* имя *существительное*); 2. *genitivus subjectivus* и *objectivus* (*εὐνοία Ἀθηναίων* = *расположеніе, оказываемое Афинянамъ*, или *расположеніе, оказываемое Афинянами*); 3. *genitivus quantitatis* и *materiae* (*ἄλλος δένδρων, στέφανος θαλλοῦ, στατήρ χρυσοῦ*); 4. *genitivus partitivus* (*νεανίσκοι τῶν ἠπείων*).

Въ сущности всѣ эти *genitiv'ы* — *possessiv'ные*, т. е. всѣ они обозначаютъ такую или иную *примадлежность* одной *οὐσία* къ другой, такъ что *первыи* терминъ является указывающимъ на нѣчто *общее*, а остальные три указываютъ на

*) Напрасно жалуется Дельбрюкъ (Grundr. III. 181), dass die Lehren der indischen Grammatik den Genitiv nur negativ definieren. Дельбрюкъ сознаетъ, что нынѣшняя грамматика не въ состояніи einen einheitlichen Grundbegriff für den Casus aufzustellen; мы же находимъ, что въ этомъ „отрицательномъ“ опредѣленіи родоваго падежа и заключается то Einheitliches, котораго ищетъ Дельбрюкъ.

частности этого »общаго«, — на частности, бросившіяся только *случайно* въ глаза: въ терминѣ *genitivus partitivus* указывается на *логическую* принадлежность одной *οὐσία* къ другой (на вхожденіе логическаго объема одной *οὐσία* въ логическій объемъ другой); термины *genitivus subjectivus* и *objectivus* созданы на чисто *синтаксической* почвѣ и вышли изъ превращенія въ *глаголы* тѣхъ именъ существительныхъ, *отъ которыхъ* »зависитъ«¹ родовой падежъ; терминъ *genitivus quantitatis* основанъ на *сенсуальной* сторонѣ значенія того существительнаго, которое дополняется родовымъ падежемъ (вѣсъ, счетъ, количество), а терминъ *genitivus materiae*, хотя его обыкновенно группируютъ съ *genitivus quantitatis* въ одно, однако представляетъ собою нѣчто совершенно особое и основанъ на *сенсуальной* сторонѣ *отношенія* обоихъ существительныхъ, какъ дополняющаго, такъ и дополняемаго (вѣнокъ и вѣточка; отношеніе вѣнка и вѣточки такое, что вѣнокъ *сдѣланъ* изъ вѣточки). А можетъ быть, и *genitivus possessivus* указываетъ на нѣчто *частное*? — можетъ быть, имъ хотять указать на то, что *οὐσία*, обозначенная въ томъ существительномъ, *отъ котораго* »зависитъ«² родовой падежъ, составляетъ *собственность* другой *οὐσία*? Въ такомъ случаѣ и *этотъ* терминъ основанъ на *сенсуальной* сторонѣ *отношенія* обоихъ существительныхъ. Не слѣдуетъ ли тогда *все* перевести на *сенсуальную* сторону *отношеній* между дополняющимъ и дополняемымъ существительными? Это было бы самое правильное *principium divisionis* (его мы *вообще* держались при опредѣленіи значеній падежей), но какъ же потомъ произвести по этому *principium* самую *divisionem*? И куда мы дѣнемся съ явлениями *Τροίης πτολίεθρον, χρῆμα σὺός*, или съ такимъ примѣромъ, какъ *αἱ ταφαὶ εἰσι εἰσιόντι ἀριστερῆς χειρός* (Herod. 2. 169)? Не лучше ли просто сказать, что *οἱ* такъ или иначе *принадлежатъ* Менону, что *εὐνοια* такъ или иначе *принадлежитъ* Аэинянамъ, что *ἄλλος, στέφανος, στατήρ* и *καπίοχοι* такъ или иначе *принадлежатъ* рошѣ, вѣточкѣ, золоту и всадникамъ, что *πτολίεθρον, χρῆμα, ταφαὶ* такъ или иначе *принадлежатъ* Троѣ, свиньѣ и правой рукѣ?

Не объявить ли *все* эти genitiv'ы за possessiv'ные, — за possessiv'ные въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ указанія на то, что нѣчто одно »относится« къ чему то другому, а какъ оно относится, — это оставить *безъ* отвѣта, т. е. искать *единство* значенія родоваго падежа опять таки въ *отрицательной* сторонѣ и признать *его*, этотъ родовой падежъ, именно въ *этомъ* смыслѣ »родовымъ«.

Такъ какъ для появленія въ рѣчи родоваго падежа достаточно простаго *инкорпирования* тѣхъ *спеціальныхъ* отгннковъ, которые могли бы быть выражены черезъ другіе падежи или черезъ предлоговые обороты, то нечего задумываться надъ чередованіемъ *родоваго* падежа съ *разными* предлоговыми оборотами и со *всеми* падежами. Чередованіе родоваго падежа съ *предлоговыми* оборотами имѣетъ мѣсто прежде всего тамъ, гдѣ родовой падежъ зависитъ отъ имени *существительнаго*, т. е. гдѣ *непрѣменно* уже идетъ рѣчь о сопоставленіи *предмета* съ *предметомъ*: вмѣсто *νεανίσκοι τῶν ἰππέων* можно сказать »νεανίσκοι ἐκ τῶν ἰππέων«, вмѣсто *εὐνοια Ἀθηναίων* встрѣчаемъ »εὐνοια παρ' Ἀθηναίων«, а то и »εὐνοια πρὸς Ἀθηναίους« и т. д. Да и не только съ *предлоговыми* оборотами можетъ чередоваться такой родовой падежъ, но также и съ *тѣмъ* *личнымъ* падежемъ, который »подчиняетъ вещь лицу« (см. выше стр. 368): вмѣсто *ἐγκώμια τοῖς ἀγαθοῖς* даже чаще употребляется *ἐγκώμια τῶν ἀγαθῶν*. Что же касается родоваго падежа, зависящаго отъ *признаковыхъ* словъ, то чередованіе его съ *предлоговыми* оборотами можно выяснитъ на »*ἐντιμος πρὸς θεῶν*« вмѣсто Софокловскаго *ἐντιμος θεῶν* (ср. стр. 371), о чередованіи его съ *вещнымъ* падежемъ мы уже говорили *выше* (стр. 377), *личный* падежъ рядомъ съ *родовымъ* мы видимъ напр. при словѣ *ἐταῖρος* (*ἐταῖρός τινος* и *ἐταῖρός τινι*; сопоставь *ἐταρίζω τινί* П. ω 335), а *творительный* рядомъ съ *родовымъ* встрѣчается напр. при словѣ *πλήρης* (*τὸ φρόνιμον καὶ ἀρετῆς πλήρες* — Plat. leg. 897 b — и *μιγάσιν Ἑλλήσι βαρβάροις δ' ὁμοῦ πλήρεις ἔχουσα πόλεις* — Eur. Bacch. 18). И хотя мы мѣстнаго падежа еще

не окончили, тѣмъ не менѣе нечего откладывать указаніе на родовой *οἰκίας* въ смыслѣ *мѣстнаго* падежа, а что касается, наконецъ, *удалительнаго* падежа, то родовой падежъ принимаетъ даже *всю* его функцію на себя.

Объ удалительномъ падежѣ мы предположили, что онъ первоначально указывалъ на этическую область, отъ которой отправляется дѣйствіе. Затѣмъ мы его встрѣтили при предлогахъ, которымъ онъ, »огрубѣвъ«, »помогаетъ въ обозначеніи удаленія предмета отъ предмета« (смотри объ этомъ стр. 268). Спрашивается: въ состояніи ли онъ *самъ* обозначать удаленіе? Ставя этотъ вопросъ, мы имѣемъ въ виду *прежде всего* рѣшить, можетъ ли удалительный падежъ *безъ помощи* предлоговъ указывать на удаленіе предмета отъ предмета, подобно тому какъ *мѣстный* падежъ, *безъ помощи* предлоговъ (сравни τὰ Μαραθῶνι τροπαία стр. 358), былъ способенъ указывать на нахождение предмета въ предметѣ? Отвѣтъ получается *отрицательный*: самъ удалительный падежъ въ именахъ существительныхъ *этимологически не обособленъ*, какъ обособленъ въ нихъ хоть *до нѣкоторой степени* падежъ *мѣстный*, а какое нибудь τὰ Ἰλίου τείχεα мы можемъ толковать всегда лишь въ смыслѣ *родоваго*, и *никогда не* въ смыслѣ *удалительнаго* падежа.

Удалительный падежъ, *неспособный самъ*, *безъ предлоговъ*, указывать на удаленіе предмета отъ предмета, въ то же время, однако, способенъ на такое явленіе, какъ βάλεν μιν ἰφ τείχεος ὑψηλοῖο (Π. β' 511). Хотя въ данномъ примѣрѣ удалительный падежъ и зависитъ отъ признаковаго слова, что ему, въ качествѣ *простаго* падежа, вполне приличествуетъ, но всякій видитъ, что имъ въ сущности выражено здѣсь не больше, чѣмъ *могло быть выражено* формою на *θεν*, которая, конечно, обозначая »просторъ, откуда исходитъ дѣйствіе,« имѣла мѣсто *прежде всего* возлѣ *признаковыхъ* словъ, какъ и само дѣйствіе, предполагая »дѣятеля«, является *признакомъ* этого дѣятеля. Такимъ образомъ, въ βάλεν μιν τείχεος ὑψηλοῖο удалительный падежъ выказалъ лишь способность вытѣснить форму на *θεν*, и нельзя сказать, чтобы далеко ушелъ въ »*огру-*

бѣннiа значенiя отъ *мѣстнаго* падежа, который и до своего *τὰ Μαράθωνι τροπαία*, т. е. и до своей зависимости отъ именъ *существительныхъ*, дошелъ только благодаря своей способности вытѣснять формы на *θι* или, какъ мы выражаемся, благодаря своему *просторовому* значенiю (ср. стр. 272 и 359).

Нѣтъ сомнѣнiя, что аналогiя, которая только что получилась между мѣстнымъ и удалительнымъ падежами относительно »огрубнѣнiа« въ ихъ значенiи, есть только *кажущаяся*. На дѣлѣ между обоими падежами — *громадная* разница. Уже то обстоятельство, что удалительный падежъ, хотя бы и съ своимъ »огрубнѣвшимъ«, т. е. *просторовымъ* значенiемъ на вопросъ *откуда*, не можетъ зависѣть отъ имени существительнаго, сильно отодвигаетъ удалительный падежъ отъ *мѣстнаго* и придвигаетъ его къ *другимъ* косвеннымъ падежамъ. Но кромѣ того есть еще два соображенiя, которыя уничтожаютъ *всякую* мысль о какомъ бы то ни было сближенiи мѣстнаго падежа съ удалительнымъ.

Вопервыхъ, »огрубнѣвшее« *просторовое* значенiе продержалось въ удалительномъ падежѣ недолго. Приведенное выше *βάλειν μιν ἰφ τείχεος ὑψηλοῖο* составляетъ и у Омира рѣдкость, а въ аттической прозѣ подавно должно быть замѣнено предлоговымъ оборотомъ,*) гдѣ уже разсужденiе объ »огрубнѣвшемъ« *просторовомъ* значенiи не имѣетъ *мѣста*, если только самъ *простой*, т. е. не съ *предлогами* встрѣчающiйся удалительный падежъ развилъ еще какiе нибудь *другiе* симасiологическiе оттѣнки *помимо* простороваго.**)

*) Подъ »предлоговые обороты« я подвожу въ данномъ случаѣ и явленiя въ родѣ *ἐξήλασε ὀδόντας γυαθμῶν* и т. п.; ибо, хотя *ἐξ* попало въ соpositum, но падежъ *γυαθμῶν* находится подѣ его *непосредственнымъ* влиянiемъ (сравни выше стр. 324).

**) Если бы мы при такомъ условiи захотѣли усматривать »огрубнѣвшее« *просторовое* значенiе и въ *предлоговыхъ* съ удалительнымъ падежемъ оборотахъ, то что же тогда мѣшало въ какомъ-нибудь *εἰς γῆν* усматривать тоже »огрубнѣвшее« *просторовое* значенiе, — а именно »огрубнѣвшее« *просторовое* значенiе на вопросъ *куда*? Но какъ о чемъ нибудь подобномъ не пришлось говорить въ какомъ бы то ни было предлоговомъ съ *вещнымъ* падежемъ оборотѣ, а *вездѣ* въ такихъ оборотахъ *вещный* падежъ шелъ на-

у Омира, но и въ аттическомъ языкѣ мы находимъ частыя примѣры на зависимость его, въ его *огрубѣвшемъ* значеніи, какъ отъ имени существительнаго, такъ и отъ признаковаго: »Τὰ Μαραθῶνι τροπαῖα« взято изъ Платона, στήλας δὲ στήσαι Ὀλυμπίασι καὶ Πυθοῖ καὶ Ἴσθμῶ καὶ Ἀθήναις« сказано у Фукидида (5. 18), »ἢ δὲ οἴκοι πόλις πλέον δίκη σέβοιτο ἄν« встрѣчается у Софокла (Oed. C. 759) и т. д. Конечно, просторовое значеніе формъ на *φι-θεν-δε* вообще перенимали *предлоговые* обороты (ср. стр. 248); просторовое значеніе формы на *φι* въ *частности* перенялъ предлоговый оборотъ съ *ἐν*. Такимъ образомъ, наши мѣстные падежи съ »огрубѣвшимъ« просторовымъ значеніемъ вполнѣ равняются предловымъ оборотамъ съ *ἐν*. Они на дѣлѣ и *чередуются* постоянно съ этими предловыми оборотами, а что предлоговые обороты не могли ихъ *вытѣснить*, этимъ они обязаны именно этимологической обособленности *нѣкоторыхъ* своихъ формъ. Разъ имѣлась въ языкѣ форма Ἴσθμοῖ рядомъ съ Ἴσθμῶ, то выраженіе ἐν Ἴσθμῶ представлялось возникшимъ въ языкѣ и на дѣлѣ и *возникло* и *вошло* въ языкъ, такъ сказать, совершенно другою *дорогою*, чѣмъ возникло и вошло въ языкъ Ἴσθμοῖ съ своимъ *просторовымъ* значеніемъ. И такъ какъ оба они вошли въ языкъ съ двухъ совершенно *противоположныхъ* сторонъ, то и встрѣтились вполнѣ *упрочен-*

встрѣчу предлогамъ своимъ *общимъ* значеніемъ (напр. въ выраженіи εἰς οὐρανόν, если оно *вообще* чувствовалось въ *просторовомъ* значеніи, т. е. если оно *вообще* замѣняло собою форму οὐρανόνδε, это *просторовое* значеніе было внесено самимъ предлогомъ εἰς, а не *вещнымъ* падежемъ, и было внесено во весь предлоговый оборотъ, а не въ *вещный* падежъ), такъ не придется говорить о чемъ нибудь подобномъ и въ предловыхъ съ *удалительнымъ* падежемъ оборотахъ, если — повторяемъ — удалительный падежъ *самъ по себѣ* дѣйствительно *развилъ* какіе нибудь другіе симасіологическіе отгѣнки кромѣ простороваго. Да и самый просторовый отгѣнокъ въ βάλεν μιν τεῖχος ὑψηλοῖο, засвидѣтельствованный нами какъ явленіе исключительное, нужно ли въ такомъ случаѣ особенно *подчеркивать* какъ *отдѣльный моментъ* въ развитіи значенія удалительнаго падежа? Если удалительный падежъ *развилъ* другіе симасіологическіе отгѣнки, то не обстоитъ ли дѣло съ просторовымъ значеніемъ нашего примѣра приблизительно такъ, какъ оно об. тояло съ какимъ нибудь *ίτασι Τροίην* на стр. 258? Какъ тамъ мы ни о какомъ просторовомъ значеніи не думали, такъ, быть можетъ, не слѣдуетъ думать о немъ и здѣсь.

ными и не желавшими уступить другъ другу господство въ языкѣ. Затѣмъ, разъ Ἰοῦμοῖ и οἴχοι и т. п. удерживали за собою право обозначать то же самое, что обозначаетъ ἐν οἴκῳ и ἐν Ἰοῦμῳ, то за ними пошли и обыкновенныя δοτικαί, не нуждаясь даже въ сознаниі, что нѣкоторыя изъ нихъ первоначально и были, собственно, мѣстными падежами: и слова Ἰοῦμῳ, Ἐλευσίνι, Ῥαμνοῦντι, Δελφοῖς, Πλαταιαῖς держатся огрубѣвшаго простороваго значенія словъ οἴχοι, Ὀλυμπίασι и т. д.

Вовторыхъ, мѣстный падежъ кромѣ »огрубѣвшаго«
простороваго значенія *ничего* въ себѣ не *развилъ**) (если не считать того темпорога'наго значенія, которое замѣчается въ τῆ δὲ τῆ νυκτί, τῆ δὲ ὑστεραία, ἐκείνη τῆ ἡμέρα, Παναθηναίοις, Διονυσίοις и т. п.**), тогда какъ удалительный падежъ *развилъ* въ себѣ другіе, довольно крупныя симасіологическія отгѣнки.

Болѣ крупныя симасіологическія отгѣнки удалительнаго падежа суть:

Удалительный падежъ при сравнительныхъ степеняхъ и вообще при признаковыхъ словахъ, обозначающихъ *столько выше или ниже другого*. Такъ, по гречески говорятъ *κρείττων ἐστὶ σοῦ* (по сербски »онъ же ячи од тебе« = онъ — сильнѣе *отъ* тебя), *ἤτταται σοῦ* (Гнус. 4. 37) и т. д.

*) Въ примѣрахъ »ἐπλιόμεν Βορέη ἀνέμῳ ἀκραίι καλῶ« (Od. ξ 253) и »ἐπεὶν Βορέη ἀνέμῳ αὐτήμερον νῆς ἐξάνθη ἐκ τῆς ὑστερας εἰς τὴν ἡμετέραν« (Негод. 6. 139) мы усматриваемъ *творительный* падежъ. Выраженія τῷ σε κακῆ αἰῶνι τέκον ἐν μεγάροισιν (Π. α 418) и известное ἀγαθῆ τύχῃ заключаютъ въ себѣ или *личное*, или *творительные* падежи.

**) Мы можемъ его не считать, во первыхъ, потому, что съ точки зрѣнія языковыхъ средствъ темпорога'ное значеніе вообще не представляетъ собою, какъ на то уже указывалось (сравни особенно стр. 230.), ничего *отличнаго* отъ local'наго, а вовторыхъ и потому, что мы даже не знаемъ, не представляютъ ли Διονυσίοις и прочее — *творительный* падежъ, какъ это выяснено на стр. 357. по поводу выраженія Θεσμοφορίοις. Если рядомъ съ τῆ δὲ τῆ νυκτί говорить ἐν νυκτί, и въ ἐν νυκτί заключается несомнѣнно *мѣстный* падежъ, то это не мѣшаетъ слову νυκτί въ первомъ оборотѣ быть *творительнымъ* падежемъ: »этой ночью«
есть одно, а »въ ночи« — другое (первое рисуетъ картину *причинности* = *благодаря* ночи нѣчто случилось, второе же — картину *пожыщенія* чего нибудь въ чемъ нибудь), хотя въ *результатѣ*, т. е. для общей мысли, получается отъ того и отъ другого нѣчто совершенно одинаковое.

Ziemer (indogerm. Compar. 5) совершенно правильно борется съ мнѣніемъ, будто латинская *ablativ*'ная форма, встрѣчающаяся при сравнительныхъ степеняхъ, есть *instrumentalis*; онъ всѣмъ своимъ сочиненіемъ какъ нельзя тверже обосновываетъ положеніе, что падежъ *сравнительной* степени есть *удалительный* падежъ. На стр. 8. своей книги онъ указываетъ на »отдѣленіе« какъ на нѣчто такое, что въ *данномъ* случаѣ выражено самимъ *падежемъ*. При этомъ онъ разумѣетъ не отдѣленіе »предмета отъ предмета« (такое »отдѣленіе« вызвало бы появленіе *предлога*, какъ мы его и *видимъ* въ сербскомъ языкѣ, который *дѣйствительно* свелъ оборотъ при сравнительной степени къ представленію *удаленія одного* изъ сравниваемыхъ предметовъ отъ *другого*: я отъ тебя удаленъ тѣмъ, что я сильнѣе), а отдѣленіе *признака*, который »въ *неравной* степени долженъ быть *отвлеченъ* отъ сравниваемого предмета и долженъ быть мыслимъ какъ *отличный* отъ признака *последняго*« (es kann dieser Casus derjenige sein, welcher sonst die *Trennung* bezeichnet und im Vergleichungssatze angiebt, dass die Eigenschaft ungleichen Grades astrahiert werden muss *weg* von dem verglichenen Gegenstande, dass sie gedacht wird im *Unterschiede* von derselben). Мы бы сказали, придерживаясь, какъ основнаго, того *этимескаго* значенія, въ силу котораго удалительный падежъ указывалъ на выраженное въ немъ какъ на точку *отправленія* для *дѣйствія*, — мы сказали бы, что напр. *πρεσβύτερος εἰμι σοῦ πέντε ἔτεσι* значить: для того, чтобы моя старость оказалась *больше*, для того, чтобы она получила извѣстный *ростъ*, нужно этому росту отправиться отъ *тебя*, какъ начала своего развитія, причеиъ *ростъ* этотъ (т. е. *предѣлы* его развитія) *опредѣляется* (= »созидается«, какъ мы выражались, *опредѣляя* значеніе творительнаго падежа) *пятью годами*.*) Такъ и *Фукидидов-*

*) Къ оборотамъ сравнительныхъ степеней любятъ присоединять выраженіе *ἀρχὴ τιῶς* въ смыслѣ *я начальствую надъ кѣмъ* (слово *начальствую* уравниваютъ съ фразою *я выше стою*). Это, по моему мнѣнію, неправильно. Въ указанномъ выраженіи падежъ *τιῶς* долженъ же быть одинаковъ съ падежемъ *того же* выраженія, когда оно имѣетъ значеніе *я начинаю что-нибудь* (въ смыслѣ *я первый что-нибудь дѣлаю*), а въ послѣднемъ случаѣ это,

ское ἀξιολογώτατος ἐστὶ πάντων τῶν προεγενημένων πολέμων (удалительный падежь, какъ извѣстно, можетъ встрѣтиться и при *превосходной* степени) я толкую: Пелопоннсская война — самая замѣчательная, приче́мъ *точкою отправления* для измѣренія *высоты* этой замѣчательности ея служатъ всѣ *прежде* бывшія войны. Вносить въ толкованіе нашихъ примѣровъ »отдѣленіе« (Trennung) я несогласенъ потому, что »отдѣленіе« предполагаетъ предварительное *соединеніе*, а тутъ ни о какомъ предварительномъ *соединеніи* не можетъ быть и рѣчи; кромѣ того, если какое нибудь *sejunctio* (= отдѣляю) или *discrepo* (Ziemer вноситъ въ толкованіе нашего удалительнаго и слово *Unterschied*) соединяются съ удалительнымъ падежемъ, то это не даетъ намъ еще никакого права утверждать (это — *постоянная* ошибка нашихъ синтаксистовъ при опредѣленіи значенія падежей), что эта *sejunctio* или *discrepantia* выражена въ *самомъ* удалительномъ падежѣ.

На второмъ мѣстѣ мы поставимъ выраженія ἔρημός τινος, ἐλεύθερός τινος, γυμνός τῶν ὀπλῶν и т. п. Не есть ли здѣсь »τινός« *родовой* падежь? Въ этомъ вопросѣ нельзя найти ничего страннаго: »я свободенъ *относительно* чего нибудь« представляется фразою, вполне способною передать то, что мы чувствуемъ при произношеніи оборота ἐλεύθερός εἰμί τινος, развѣ что мы не знали бы, свободенъ ли я »*относительно*« чего нибудь въ томъ смыслѣ, что я *могу* этимъ заняться, или въ томъ, что мнѣ *не придется* больше этимъ заниматься. Но такія недоумѣнія возникаютъ *часто* и исчезаютъ только потому, что мы *привыкаемъ* за данною фразою считать только *одно*, а не *другое* значеніе. Что значить *помочь бѣдѣ*? — помочь ей, чтобы она *осуществилась*, или, чтобы ея *не было* ?*) Все это, впрочемъ несомнѣнно, *собственный* родовой падежь. Оба эти значенія имѣютъ свой сямасіологическій центръ въ выраженіи »я полагаю *начало* по отношенію къ кому нибудь (= начальствую), или по отношенію къ чему нибудь« (= я *первый* что нибудь дѣлаю = я *начинаю* дѣлать, чтобы другой продолжать; если я *начинаю* и самъ же *продолжаю*, т. е. если я *начинаю* что нибудь *для себя*, то грекъ говорить — это вполне понятно — ἄρχομαι τινος»).

*) Что значить »*для скуки*«? Значитъ ли это, »чтобы *разогнать* скуку«, или »чтобы ея *накатать*«?

чемъ, — напрасныя разсужденія. Что въ ἐλεύθερός τις мы имѣемъ дѣло именно съ удалительнымъ падежемъ, а не съ собственнымъ родовымъ, доказываетъ чередованіе этого оборота съ выраженіемъ »ἐλεύθεροι ἀπ' ἀλλήλων εἰσί«, (Plat. leg. 832), причѣмъ внесеніе въ текстъ предлога ἀπό, соединеннаго съ несомнѣннымъ удалительнымъ падежемъ, ни на волосъ не поколебало того общаго представленія, которое было нарисовано простымъ ἐλεύθερός τις.*) Какъ же намъ опредѣлить это общее представленіе? Сопоставивъ удалительный падежъ нашихъ выраженій съ самимъ тѣмъ родовымъ падежемъ, о возможности принять который въ эти выраженія только что была рѣчь, мы должны сказать, что, если родовой падежъ указываетъ на связь предмета съ тѣмъ признакомъ, послѣ котораго родовой падежъ появился въ рѣчи, то удалительный падежъ указываетъ на отсутствіе этой связи. Если же сопоставимъ удалительный настоящихъ выраженій съ удалительнымъ послѣ сравнительныхъ степеней, то выходитъ, что въ послѣднемъ представленъ признакъ только отпавляющимся и удаляющимся отъ предмета, — собственно (въ виду только что приведеннаго сопоставленія съ родовымъ падежемъ), удаляющагося отъ отношенія къ предмету, — для того чтобы онъ самъ, т. е. этотъ признакъ, могъ осуществиться, а въ первомъ — признакъ представленъ удаленнымъ отъ отношенія къ предмету, т. е. не имѣющимъ съ нимъ никакой связи. Для того, чтобы и здѣсь представленъ былъ признакъ удаляющимся, нужно бы превратить — γυμνός τις въ γυμνὸς τινά τις, ἐλεύθερός τις въ ἐλευθερὸς τινά τις и т. д., и тогда разница между этими выраженіями и удалительнымъ послѣ сравнительной степени будетъ заключаться только въ степени и характерѣ образности

*) Я хочу указать въ чередованіи фразы ἐλεύθερός τις съ фразою ἐλεύθερος ἀπό τις на то, на что можно указать и въ чередованіи чешскаго *prosi všeho* (= свободенъ отъ всего) и *prosi ode všeho* (въ русскомъ языкѣ трудно подобрать примѣръ). Поставленъ ли въ приведенномъ примѣрѣ предлогъ *отъ*, или не поставленъ, картина въ томъ и другомъ случаѣ нарисована одна. Это не то, съ чѣмъ пришлось имѣть дѣло на стр. 389. при чередованіи выраженія *ταῦτῃ τῇ νυκτί* съ выраженіемъ *ἐν νυκτί*.

самого удаленія, — въ степени и характерѣ *образности*, зависящей не столько отъ симасіологіи удалительнаго падежа, сколько скорѣе отъ значенія тѣхъ *признаковыхъ словъ*, которыя вызываютъ его появленіе въ рѣчи.

Да, удаленіе признака отъ отношенія къ предмету, для того чтобы самому можно было осуществиться, — вотъ симасіологическій центръ, на которомъ остановился удалительный падежъ послѣ того, какъ его *этическое значеніе* отошло въ симасіологію такъ называемыхъ *»нарѣчій«* (*καλῶς* и т. д. не считаются уже именами существительными). Въ этомъ смыслѣ можно считать признаками и *предлоги*, дополняющіеся удалительнымъ падежемъ (сравни выше стр. 355.), и если иногда и самъ *предлогъ* обозначаетъ удаленіе, — положимъ, съ нѣкоторымъ еще *добавочнымъ отгѣнкомъ* (*ἐξ* — удаленіе *изнутри* и т. д.), и если, такимъ образомъ, *предлогъ* въ мѣстѣ съ удалительнымъ падежемъ указываютъ на *»удаленіе удаленія«* отъ предмета, то это — явленіе, совершенно похожее на тотъ *внутренній объектъ дѣйствія* (стр. 372.), который ведетъ къ выраженіямъ *шутить шутку, πόλεμον πολεμεῖν* и т. д. *) Такъ иногда и *настоящія* признаковыя слова (напр. *καλῶ τινός*, или даже *καλῶ ἀπὸ σοῦ*; см. Хер. Сугор. I. 3. 11.) сами указываютъ на удаленіе.

Это удаленіе признака отъ отношенія къ предмету, конечно, не можетъ сравняться по тонкости съ самимъ *этическимъ* значеніемъ, но и не представляетъ собою того *огрубнѣнія*, какимъ было *просторовое* значеніе. Что *»удаленіе отъ отношенія«*, предполагающее *»нахожденіе въ отношеніи«* или *»въ связи«*, иногда доходитъ до непризнаванія *когда бы то ни было* связи съ предметомъ, доказываютъ выраженія *ἀμελέω τινος, ἀμαρτάνω τινός, ἐνδεής εἰμί τινος* и др., составляющія полную противоположность выраженіямъ *ἐπιμέλομαι τινος, στοχάζομαι τινος, μεστός εἰμί τινος* и т. д., въ которыхъ на эту связь

*) Какъ *πόλεμον πολεμεῖν* нужно понимать въ смыслѣ *πόλεμον ποιεῖν*, такъ и въ нашемъ выраженіи *»удаленіе удаленія«* идетъ рѣчь о *совершеніи* удаленія.

указывается, и въ которыхъ *τινος* представляетъ собою *родовой* падежъ. Впрочемъ, на *ἀμαρτάνω τινός* и пр. можно взглянуть и такъ, что они, какъ *отрицанія* выражений *τυχεάνω τινος*, должны соединяться съ *тѣмъ же* падежемъ, съ какимъ соединяются *положительныя* выражения, т. е. съ *родовымъ* (какъ *ποιέω* дополняется съ *вещнымъ*, такъ и *οὐ ποίέω*); такъ и *φεύγω* дополнялось съ *вещнымъ* наравнѣ съ *διόχω* (сравни выше стр. 370.).

Какъ могъ *родовой* падежъ принять функцію *удалительнаго* падежа *на себя*, — это становится понятнымъ изъ всѣхъ замѣчаній объ *отношеніи* одного падежа къ другому, на которыя приходилось наталкиваться въ самомъ разборѣ *примпровъ* на *удалительный* падежъ. Къ этимъ замѣчаніямъ мы прибавимъ еще одно. *Εἰμί τινος* обозначаетъ «я есмь принадлежность чьянибудь», и слово *τινος* есть *родовой* падежъ. *Γίγνομαι τινος* значитъ «я становлюсь принадлежностью чьейнибудь»; но стоитъ въ какомънибудь *Δαρείου καὶ Παρυσάτιδος γίγνομαι παῖδες δ'ὐο* представить *παῖδας* въ положеніи *самостоятельномъ*, стоитъ представить ихъ, такъ сказать, *равноправными* съ *Даріемъ* и *Парисатидою*, какъ сейчасъ почувствуются *Δαρείου καὶ Παρυσάτιδος* въ *удалительномъ* падежѣ, какъ указатель лицъ, *отъ* которыхъ исходятъ *παῖδες*.

Изъ всего видно, что *удалительный* падежъ есть *настоящій, крупный* падежъ, и что съ нимъ и сравниваться нельзя падежу *мѣстному*, который, потерявъ *первоначальное* значеніе, развилъ *дѣйствительно* «огрубѣвшее», и *сильно* *огрубѣвшее* *просторовое* значеніе, и при этомъ *просторовомъ* значеніи еле *удерживается* въ такомъ *сосѣдствѣ*, какое ему составляетъ *предлоговый* оборотъ *ἐν τινι*. *Настоящее* его мѣсто — при *предлогахъ*, которые его *просторовымъ* значеніемъ пользуются для *нарисованія* картины *близости* и *непосредственной прикосновенности* одного предмета къ другому.

Мы говоримъ, что *мѣстный* падежъ, когда онъ не стоитъ *возлѣ* *предлога*, т. е. когда не попадаетъ въ *предлоговый*

оборотъ, сохраняется въ положеніи неустойчиваго равновѣсія. Его держитъ, какъ уже сказано, его этимологическая *обособленность*. Однако, и эта этимологическая обособленность должна же была въ *свою* очередь за что нибудь цѣпляться: форма не устоитъ, если ее не поддерживаетъ симасіологическая надобность. Формы на *ἔν-θεν-δε*, исчезая, конечно, были замѣняемы *предлоговыми оборотами*, но такъ какъ онѣ были сами падежами, то немудрено, что хоть *одну* изъ нихъ принялъ подъ свое покровительство *самостоятельный* падежъ, благо ему самому *у себя дома* нечего было дѣлать. Какъ ни настаивали мы на равноправности вопросовъ *идь-куда-откуда*, однако, мысль объ этой равноправности приходится ослабить (объ этомъ мы предупреждали на стр. 259 и 271). Вопросы *куда* и *откуда* дѣйствительно представляютъ собою нѣчто равнозначашее и стоятъ другъ противъ друга, какъ бы, на одной доскѣ. Но вопросъ *идь* могъ быть понятъ за нѣчто, не только стоящее въ центрѣ, но и возвышающееся надъ остальными двумя, — могъ быть понятъ за вопросъ о *мысль какъ ἔξοχίην* и могъ быть удовлетворенъ языкомъ *помимо* двухъ остальныхъ, что и было сдѣлано при посредствѣ падежа *мыслного*, когда тотъ освободился отъ своей *собственной, этической* функціи.

Разставаясь съ мѣстнымъ и удалительнымъ, а черезъ послѣдній и съ родовымъ падежами, мы сдѣлаемъ небольшое замѣчаніе о такъ называемомъ Genitiv'ъ absolut'номъ. *Κύρου βασιλεύοντος* (имя, какъ *название лица*, а при немъ согласующееся признаковое глагольное), есть, очевидно, *собственный* родовой, а не *удалительный* падежъ. *Κύρου βασιλεύοντος ἐστασίαζον* значить: они бунтовались, причѣмъ ихъ мятежъ имѣлъ отношеніе къ царствовавшему Киру. Въмѣсто *Κύρου βασιλεύοντος* говорятъ *ἐπὶ Κύρου βασιλεύοντος* (примѣры приводить нечего; ихъ находится особенно много у Иродота). Что и *ἐπὶ* соединено здѣсь съ *собственнымъ* родовымъ, разъяснено на стр. 312. *Общее* представленіе, нарисованное *простымъ* »*Κύρου βασιλεύοντος*«, не колеблется черезъ внесеніе въ текстъ предлога *ἐπὶ* (сравни выше стр. 392, подстроичное примѣ-

чаніе). Разница между *ἑστασίαζον Κύρου βασιλεύοντος* и между *ἑστασίαζον ἐπὶ Κύρου βασιλεύοντος* та, что *Κύρου βασιλεύοντος* есть симасіологическое дополненіе признака, заключающагося въ *ἑστασίαζον*, а въ *ἐπὶ Κύρου βασιλεύοντος* сопоставляется *царствующійи Киръ съ мятежемъ* какъ съ *οὐσία*, — стало быть, разница, имѣющая для той стадіи развитія языка, въ которой эти выраженія чередуются, значеніе лишь теоретическое.

Если въ латинскомъ языкѣ употребляется *Ablativus absolutus*, то это не есть доказательство *противъ* нашего пониманія греческаго *genitiv'a absolut'наго*. Впервыхъ, еще неизвѣстно, представляетъ ли собою латинскій *Ablativus absolutus* *собственный* удалительный (*Cygo regnante seditionabantur* = бунтовались, причеиъ мятежь, *по времени*, »отправлялся« отъ царствовавшаго Кира), или *мѣстный* (мятежь помѣщается въ Кирѣ *царствующемъ*), или даже *творительный* (въ смыслѣ выраженія *это случилось зимою*). Кроме того, въ такъ называемомъ *absolut'номъ* употребленіи падежа языка *вообще* разошлись: славянскій языкъ употребляетъ *absolut'но личный* падежь (этотъ падежь обозначаетъ тогда лицо, которое въ немъ отмѣчено, какъ *носителя дѣйствія*, совершающагося *при* немъ). Греческій языкъ, впрочемъ, употребляетъ *absolut'но*, какъ извѣстно, еще и *вещный* падежь, а именно *простирательный*: *ἡμῖν ἐξὸν ζῆν μὴ καλῶς ἀξιούμεθα μᾶλλον τελευτᾶν* (Plat. Menex. 346 d) = *касательно* того, что намъ можно жить нечестно, мы предпочитаемъ умереть.

Мы *кончили* опредѣленіе значенія *отдѣльныхъ* падежей. Остается сдѣлать нѣсколько добавочныхъ замѣчаній о падежахъ *вообще*. Прежде всего о падежахъ *вообще* при *глагольномъ имени*.

На стр. 202 мы разсуждали о глагольномъ имени какъ *объ амфибіи*: оно — не то *существительное*, не то — *признаковое*. Теперь мы по вопросу объ двусторонности глагольнаго имени можемъ говорить гораздо опредѣленнѣе. *Признаковымъ* глагольное имя является постольку, поскольку оно

дополняется падежами по способу *признаковых* словъ. *Существительнымъ* оно является, поскольку оно *само*, какъ *падежъ*, дополняетъ собою *друга* слова. Говоря о *падежной* его роли, или, что — то же, о роли его какъ имени *существительнаго*, мы имѣемъ въ виду *здѣсь* прежде всего *косвенные* падежи. Такъ какъ о нихъ на стр. 197-8 пришлось упоминать лишь вскользь, то теперь займемся ими *подробнѣе*.

Что падежи греческаго глагольнаго имени суть только *синтаксическіе* и притомъ — *тѣ же самыя*, какъ и при другихъ именахъ (т. е. именительный, вещный и проч. *), и что разныя *этимологическія* соображенія къ ихъ опредѣленію припутывать нечего, на это уже указано на стр. 200.

Кюнерь не допускаетъ въ глагольномъ имени, когда оно стоитъ *безъ* «члена», никакихъ другихъ падежей кромѣ именительнаго и вещнаго. Разбирая случаи, гдѣ глагольное имя употребляется, съ его точки зрѣнія, въ роли «Object'a» («дополнение Prädicat'a» то жъ), этотъ ученый говоритъ (Ausf. Gramm. II. 578): Der Infinitiv muss auch bei solchen Verben, **), welche ihr substantivisches Object im Genitive zu sich nehmen, wie *δρέουμαι, γλιχομαι, ἐπιθυμῶ*, als Accusativ aufgefasst werden, da der Infinitiv ohne Artikel nur ein ergänzendes Object, nicht aber die Beziehungen des Genitivs oder Dativs bezeichnen kann. Sollen diese Beziehungen ausdrücklich bezeichnet werden, so muss der Genitiv oder Dativ des *Artikels* zu dem Infinitive hinzutreten, wie

*) Я не говорю о *славянскомъ* глагольномъ имени. Славянское глагольное имя должно представлять собою по вопросу о падежахъ нѣчто *особое* сравнительно съ греческимъ языкомъ (нѣчто чрезвычайно интересное, но насъ непосредственно не касающееся), уже по одному тому, что оно не только не принимаетъ никакого «члена» съ тою *легкостью*, съ какою его принимаетъ *греческое* глагольное имя, но даже *воспротивилось* всякой подобной попыткѣ. Выраженія въ родѣ «о еже пособити и покорити» такъ и остались переводомъ съ греческаго и не привились къ славянскимъ *наречіямъ*.

• **) А гдѣ же остались *простыми* признаковыя слова въ родѣ *ἐὰντιος, χαλεπός, ἡδύς*, которыя тоже, вѣдь, исполняютъ роль «Prädicat'a», и которыя Кюнерь *попустилъ* же въ своей статьѣ «объ Infinitiv'ѣ какъ Object'ѣ»?

diess regelmässig der Fall ist, wenn Beziehungsverhältnisse durch den Infinitiv mit *Präpositionen**) ausgedrückt werden.

Мы не знаемъ, что мѣшаетъ Кюнеру во фразѣ *χάριν δοῦναι τήνδε κωλύει τί σε* (Eur. Iph. Taur. 507) принять *δοῦναι* за удалительный падежъ, разъ въ *κωλύω τινά τινος* слово *τινος* есть *дѣйствительный* удалительный падежъ, и разъ рядомъ съ *простымъ* »*δοῦναι*« встрѣчается »*τοῦ δοῦναι*« (*κωλύω τοῦ καίειν ἐπιόντας* — Xen. Anab. I. 6. 2.)?**) А во фразѣ *ὄραν εἶχον παιδεύεσθαι* (Isae. 9. 28.), что мѣшаетъ принять *παιδεύεσθαι* за *родовой* падежъ, разъ оно зависитъ отъ имени существительнаго, и разъ рядомъ съ *παιδεύεσθαι* встрѣчается *τοῦ παιδεύεσθαι* (*αὐτῆ αὖ ἄλλῃ πρόφασις ἦν αὐτῷ τοῦ ἀφροΐζειν* — Xen. Anab. I. 1. 7.)? Въ виду *синтаксическаго* характера (въ разрѣзъ съ *этимологическимъ происхожденіемъ*) падежей глагольнаго имени, — въ виду той легкости, съ какою глагольное имя то принимаетъ къ себѣ слово *ὁ-ή-τό*, то отъ него отказывается, я сказалъ бы, что *глагольное* имя, — все равно, что съ *ὁ-ή-τό*, что *безъ* него, — допускается во *всѣхъ* падежахъ. Это, впрочемъ, сказано только въ *принципѣ*, а на дѣлѣ . . .

Нечего, конечно, искать глагольное имя въ *звательномъ* падежѣ, такъ какъ *немыслимо* обращаться къ *дѣйствию*, какъ къ своему *собесѣднику*. Не думаемъ также, чтобы грекъ могъ чувствовать глагольное имя въ *мѣстномъ* па-

*) Быть можетъ, предлоги въ особенности нуждались въ словѣ *ὁ — ἡ — τό* потому, что если бы сказать напр. *ἐν νοεῖν* вмѣсто *ἐν τῷ νοεῖν*, то *ἐν νοεῖν* легко могло бы быть понято въ смыслѣ *στρογγύλῃ* »*ἐννοεῖν*.«

**) Что дѣлать съ »*отрицательнымъ*« глагольнымъ именемъ при *κωλύω* (*εἰ πρὸς θεοῦ κωλυόμεθα μὴ μαθεῖν ἃ βούλομεθα* — Eur. Ion. 391; *τί μ' ἄνδρα πολέμιον ἐχθρόν τ' ἀφείλου μὴ κτανεῖν τόξοις ἐμοῖς* — Soph. Philoct. 1303), — на это отвѣтить трудно. Во всякомъ случаѣ, разница между *κωλύω ποιεῖν* и *κωλύω μὴ ποιεῖν* — та, что въ *κωλύω ποιεῖν* указывается на *предметъ*, отъ котораго я удаляю когонибудь, а въ *κωλύω μὴ ποιεῖν* указывается на *цѣль*, которую я имѣю въ виду *достигнуть* при этомъ удаленіи. Но какъ объяснить падежное положеніе такого *μὴ ποιεῖν*, — я не знаю. Единственно возможнымъ я считаю принять *μὴ ποιεῖν* за *вещный* »*простираемый*«; *κωλύω μὴ ποιεῖν* значить: я мѣшаю, причѣмъ моя помѣха *простирается* на *недѣланіе*.

дежъ*), — въ томъ мѣстномъ падежѣ, который, забывъ о первоначальной роли, держался только *простороваго* значенія. Ибо какъ можно *дѣйствіе*, выраженное глагольнымъ именемъ, представить *просторомъ*, въ которомъ что-нибудь *происходитъ* или даже *находится* (до послѣдняго отбѣнка доходить мѣстный падежъ въ приведенномъ выше τὰ Μαραθῶνι τροπαί). Такимъ образомъ, мѣстный падежъ глагольного имени можетъ встрѣтиться только при *предлогахъ***), требующихъ его для удовлетворенія ихъ *собственныхъ* потребностей, и тогда непременно, какъ уже выяснено выше въ подстрочномъ примѣчаніи, должно при немъ быть поставлено ὁ-ἡ-τὸ. Въ *личномъ* падежѣ представить себѣ глагольное имя довольно трудно потому, что понятіе *дѣйствія*, выраженнаго въ глагольномъ имени, какъ-то не мирится съ понятіемъ *лица*, выраженнаго въ личномъ***) падежѣ. Что же касается, наконецъ, *творительнаго* падежа, то не слѣдуетъ забывать слѣдующаго. Дѣйствіе, какъ оно дано въ глагольномъ имени со всѣмъ его симасіологическимъ богатствомъ, приспособлено къ тому, чтобы быть чьимъ-нибудь признакомъ (смотри выше стр. 201). Въ силу значенія творительнаго падежа оно, это дѣйствіе, должно бы въ немъ являться чѣмъ то, созидающимъ *признакъ*

*) Съ *этимологической* точки зрѣнія, какъ извѣстно, часто говорятъ о глагольномъ имени какъ о *мѣстномъ* падежѣ.

**) Неужели толковать напр. ἡ δὲς βυβείνας черезъ «пріятный въ собесѣдованіи»? Мы принимаемъ βυβείνας за вещный простирательный: пріятный, причѣмъ пріятность *простирается* на то-то.

***) Jolly (Infinitiv) останавливается на стр. 216 на *dativ'ныхъ* infinitiv'ахъ и причисляетъ къ нимъ такіа явленія, какъ извѣстное омирское βῆ δ' ἰνάσι или ἔτρεφένιν πῆμα γενέσθαι, гдѣ въ глагольномъ имени по *общему* контексту можно усматривать выраженіе цѣлы. При этомъ Jolly приводитъ нѣсколько *этимологическихъ* dativ'ныхъ infinitiv'овъ изъ санскрита. Нѣтъ сомнѣнія, что усмотрѣнная здѣсь цѣль могла бы, дѣйствительно, прикнута къ общему значенію *личнаго* падежа: πῆμα γενέσθαι, достигаемое черезъ *τρέφειν*, могло представляться какимъ то *главнымъ* «лицомъ», которому *подчинено*, или въ услуженіи котораго *находится* *τρέφειν*. Но что цѣль можетъ быть свободно примѣнена и къ *вещному* падежу, въ этомъ тоже никто не будетъ сомнѣваться послѣ изложеннаго на стр. 369 (если санскритскіе infinitiv'ы, выражающіе эту цѣль, суть *этимологическіе* dativ'ы, то это для *греческаго* языка не имѣетъ значенія; мы опять таки указываемъ выше на стр. 200).

чегонибудь или когонибудь. Въмѣсто этого оно предпочитаетъ принять на себя вполне оформленный видъ признаковаго глагольнаго имени, присоединяясь къ названію того предмета, чей признакъ оно »созидаетъ«. Русское его обучаютъ черезъ спрашиваніе будетъ по гречески διδάσκειται ἐρωτώμενος. А если бы конструкцію διδάσκειται ἐρωτώμενος пришлось дѣйствительно переводить на творительный падежъ, то, такъ какъ первая конструкція считается нормальной, нужно уклоненіе отъ этого нормальнаго сдѣлать выразительнымъ*), а эта выразительность уже требуетъ ставить не простое »ἐρωτᾶν« или ἐρωτᾶσθαι**), а τῷ ἐρωτᾶν« или τῷ ἐρωτᾶσθαι« (скорѣе, впрочемъ, »διὰ τοῦ ἐρωτᾶν« или διὰ τοῦ ἐρωτᾶσθαι«). Переводить подобныя фразы на творительный падежъ приходится особенно тогда, когда »созидающее« дѣйствіе (въ данномъ случаѣ дѣйствіе ἐρωτᾶν) не можетъ сдѣлаться признакомъ того, чей признакъ оно »созидаетъ«. Оно не можетъ сдѣлаться его признакомъ тогда, когда оно по концепціи мысли дѣлается признакомъ чего-нибудь другого, и когда возникаетъ такъ называемый accusativus cum infinitivo (διδάσκειται διὰ τοῦ τὸν διδάσκαλον ἐρωτᾶν).

Такъ называемая конструкція accusativi cum infinitivo требуетъ съ нашей стороны особаго разъясненія. Это разъясненіе, кстати, пополнить съ одной стороны нашу теорію падежей, а съ другой — общесимасіологическую обрисовку

*) Конечно, глагольное имя, какъ по вопросу объ οὐσία и признакъ было чѣмъ то лишь обще-номинальнымъ, ни въ ту, ни въ другую сторону грамматически не отчеканеннымъ, такъ и по вопросу о падежахъ представляетъ собою нѣчто лишь обще-падежное, грамматически ни въ какую сторону не опредѣляющееся, а потому и нуждающееся въ особомъ средствѣ, въ видѣ слова ὁ-ή-τό, въ тѣхъ случаяхъ, когда мы съ большею отчетливостію хотимъ выразить въ немъ тогъ или иной падежъ. Мы немного забѣгаемъ впередъ, но скоро выяснится, что напр. τῷ ἐρωτᾶν обозначаетъ: *вотъ чѣмъ, спрашиваніемъ.*

**) Залоговыя формы могутъ тутъ чередоваться. Сравни »πότερα παρὰ σοὶ ὕδαρ θαρμώτερόν ἐστι πλεῖν ἢ τὸ ἐν Ἀσκληπιῶ« (Хеп. Метог. III. 13. 3) и »Βορυθθίνης πίνεσθαι ἢ δίδως ἐστιν« (Herod. 4. 53). Въ первомъ примѣрѣ можно дополнить къ »πλεῖν« вешний падежъ »ὑδαρ« (дополнить его нужно изъ именительнаго падежа ὕδαρ; сравни стр. 54), а во второмъ примѣрѣ сказано »πίνεσθαι« въ виду самаго именительнаго падежа »Βορυθθίνης«.

глагольного имени. Мы предлагаем добраться до пониманія конструкции accusativī cum infinitivō слѣдующимъ образомъ.

Въ λέγω σε κατορθῶσαι πάντα мы никакой конструкции accusativī cum infinitivō не видимъ. Мы видимъ здѣсь просто два вечныхъ падежа, се и κατορθῶσαι, одинаково зависящихъ отъ λέγω. Вся фраза построена по образцу фразы αἰτέω σε χρήματα, о которой мы рассуждали на стр. 372. Λέγω σε κατορθῶσαι значитъ: я говорю о тебѣ и я говорю объ исправленіи, — объ исправленіи въ смыслѣ переводно-движимаго дѣйствія (см. стр. 103), въ моментъ его окончанія (см. ст. 153-4). Что это дѣйствіе касается такъ или иначе самого се, — это грамматически не выражено, какъ не было выражено и въ αἰτέω σε χρήματα, что деньги долженъ дать ты; *) все это подразумевается изъ общаго контекста.

Λέγω ποιῆσαι πάντα — λέγω ποιεῖν πάντα — λέγω πεποιηκέναι πάντα значитъ: я говорю объ окончательномъ сдѣланіи всего — я говорю о дѣланіи всего —

*) Что мы въ объясняемомъ намъ λέγω σε κατορθῶσαι слово се принимаемъ не за «подлежащее infinitivū», а за симасиологическое дополнение глагола λέγω, это — не новость; на это указывалъ Аполлоній Дисколь при такъ называемыхъ προαιρετικά (= глаголахъ, выражающихъ желаніе). Такъ, de construct. III. 285 читаемъ: Καὶ τὰ προαιρετικά δὲ τῶν ῥημάτων τὰ τῆς διαθέσεως ἔχει συντινόντα κατ' αἰτιατικὴν πῶδιν ἐπὶ πάντα τὰ ῥήματα . . . βούλομαι σε γράφειν, βούλομαι σε Λουκῶδιον φιλεῖν. Новость нашего объясненія заключается въ томъ, что мы и глагольное имя ставимъ въ непосредственную зависимость отъ глагола λέγω. Мы въ этомъ отношеніи вполне сходимся съ Paul'emъ, который говоритъ (Princip. 247): Entsprechend ist die Entstehung des acc. c. inf. zu erklären. Der Inf. ist ursprünglich ein zweites Object zum regierenden Verbum. So verhält es sich noch bei unserem ich lasse ihn aufstehen, ich lasse ihn arbeiten etc. Объясняя се и κατορθῶσαι за два вечныхъ падежа, одинаково зависящихъ отъ слова λέγω, мы достигаемъ совершенно правильнаго отношенія, въ вопросѣ о падежахъ, между λέγω се κατορθῶσαι πάντα и между οὐ λέγη κατορθῶσαι πάντα. Первое относится къ послѣднему, какъ на стр. 373 относилось ἡρώτησά σε τοῦτο τὸ ἐρώτημα къ οὐ ἡρωτήθης τοῦτο τὸ ἐρώτημα, т. е. и въ οὐ λέγη κατορθῶσαι πάντα слово κατορθῶσαι останется вечнымъ падежемъ. Jolly, съ полною основательностью опровергающій всевозможные приемы нашихъ грамматиковъ въ толкованіи конструкции accusativī cum infinitivō (Infinitiv 244—263), самъ на стр. 257 останавливается на такомъ толкованіи примѣра ἐμὲ μὲν ἔταροι λίσσονται ἰέναι, что въ немъ ἐμὲ есть симасиологическое дополнение слова λίσσονται, а ἰέναι. есть infinitivus „epexegeticus.“

я говорю о состояніи какъ результатѣ сдѣланія всего.*) Какъ это понять? Сказано ли тутъ, что я говорю о *ποιήσαι*, *ποιεῖν* и *πεποιηκένας* какъ о *понятіяхъ*, — быть можетъ, также какъ о своемъ *желаніи*, или сказано, что я говорю о *ποιήσαι*, *ποιεῖν* и *πεποιηκένας* какъ о наименованіяхъ дѣйствительныхъ фактовъ?**) Понять можно и такъ, и иначе. Если тутъ имѣется въ виду фактъ, то къ кому относится его соверщеніе или намѣреніе его совершить?***) Очевидно, къ тому, кто показанъ въ *λέγω* (я говорю, что я сдѣлалъ или собираюсь сдѣлать все). Такъ

*) Если я въ русскомъ языкѣ употребляю *предложный* оборотъ послѣ слова *говорить* (я говорю о чемъ нибудь), а въ греческомъ языкѣ поставленъ *вещный* падежъ, то на это несоответствіе языковъ уже указано на стр. 379 и 380, гдѣ мы разсуждали объ оборотѣ *λέγω αὐτόν*.

**) Этотъ вопросъ напоминаетъ намъ то разсужденіе объ именахъ существительныхъ на стр. 170-1, въ которомъ мы на одномъ полюсѣ поставили имя существительное какъ наименованіе *дѣйствительнаго* предмета-индивидуума, а на другомъ — имя существительное какъ названіе душевнаго *постулата*, и разъ мы такой вопросъ ставимъ о глагольномъ имени, то послѣднее выступаетъ какъ *настоящее* имя *существительное*, что ему вполне и *приличествуетъ*, если оно занимаетъ положеніе *падежа*.

***) Нѣтъ сомнѣнія, что въ глагольномъ имени, какъ выраженіи душевнаго *постулата* (= «понятія» — «желанія»), кроется нѣкая *futurel'ность* по отношенію къ оправданію его на *дѣйствительномъ* фактѣ, тогда какъ въ глагольномъ имени, какъ наименованіи *дѣйствительнаго* факта, этой *futurel'ности* нѣтъ. По этому понятно, что въ первомъ случаѣ возможны только *три* формы глагольнаго имени (*ποιεῖν*, *ποιήσαι* и *πεποιηκένας*), а во второмъ нужны *всѣ пять* (т. е. добавленіе формъ *ποιήσειν* и *πεποιηκότα ἔβωσαι*; сравни выше стр. 153-4). Впрочемъ, глагольное имя часто принимаетъ къ себѣ «частицу» *ἄν*. Принимаетъ ли оно ее, какъ выраженіе *понятія* дѣйствія, или какъ выраженіе *дѣйствительнаго* факта? Очевидно, — какъ выраженіе *дѣйствительнаго* факта, и «частица» *ἄν* указываетъ тогда на *возможность* осуществленія. Представленіе *возможности* осуществленія заключаетъ въ себѣ представленіе будущаго или, въ крайнемъ случаѣ, *нераскрытаго* еще настоящаго времени *самого* осуществленія, а потому «частица» *ἄν*, выражающая уже *сама по себѣ* эту возможность и эту будущность, *исключаетъ* (синтаксисъ тутъ не прибѣгаетъ къ симиологической тавтологіи) постановку *futurel'ныхъ* формъ глагольнаго имени (*οἶμαι ὅ' ἄν κατορθῶσαι* = я думаю о тебѣ, я думаю о возможности исправленія, = я думаю, что ты, можетъ быть, исправишь; *οὐκ ἄν οἶμαι αὐτοὺς ἀμαρτάνειν* = я не думаю о нихъ, я не думаю о возможности ошибки = едвали они ошибаются = тутъ ошибки-то съ ихъ стороны «не будетъ»). Съ другой стороны, когда рѣчь идетъ лишь о *возможности* осуществленія дѣйствія, то это наводитъ на представленіе чего то *обусловленнаго*, чего-то зависящаго отъ осуществленія *другаго* дѣйствія, а потому встрѣчаемъ глагольное имя съ «частицею» *ἄν* совершенно такъ же, какъ ставятся *Indicativ'ы* съ *ἄν*, объясненные на стр. 131-3.

и прежнее λέγω σε κατορθῶσαι πάντα указывает на *фактъ* (я говорю, что ты *исправилъ* все), иначе бы стояло λέγω σοι κατορθῶσαι πάντα (= я говорю тебѣ объ исправленіи всего, разумѣй: объ исправленіи, какъ о моемъ желаніи). Οὐ λέγω ποιῆσαι ταῦτα = я не утверждаю сдѣланіе этого (я говорю, что я этого не сдѣлалъ); λέγω ὑμῖν μὴ ποιεῖν ταῦτα = я говорю вамъ о недѣланіи этого* (я говорю вамъ не дѣлать этого).

Да будетъ намъ позволено уклониться въ сторону. Интересно прослѣдить тѣ случаи, гдѣ въ языкѣ сталкивается употребленіе глагольного имени съ употребленіемъ глагольнаго *признаковаго*. Какъ названіе *дѣйствительнаго* факта, глагольное имя сталкивается съ глагольнымъ *признаковымъ* при глаголахъ какъ то: ἀκούω, ὁρῶ, πυνθάνομαι, αἰσθάνομαι, γινώσκω, φαίνεται, ἐξοίσχω, δείκνυμι, ἀγγέλλω, словомъ — при глаголахъ, обозначающихъ *познавать* или *объявлять* о *познающемъ*, и выходитъ, что глагольное *признаковое* выражаетъ непосредственное впечатлѣніе предмета, къ которому оно отнесено синтаксически, на наши *чувства*, между тѣмъ какъ глагольное *имя* указываетъ на нѣчто, какъ на результатъ нашего *внутренняго* соображенія (ὁρῶ αὐτὸν τρέχοντα = я вижу его бѣгущимъ; ὁρῶ αὐτὸν νικῆσειν = я убѣждаюсь насчетъ него, я убѣждаюсь въ побѣдѣ въ будущемъ = я убѣждаюсь, что онъ побѣдитъ). Разница эта вытекаетъ изъ самаго значенія сталкивающихся здѣсь грамматическихъ формъ. Глагольное *признаковое*, обозначающее *признакъ*, какъ онъ »реализируется« на предметъ, и ожидающее себѣ всю свою формую непосредственнаго отнесенія его къ самому предмету, словомъ, — обозначающее *praedicativ предмета*, скорѣе можетъ вызвать представленіе о предметѣ, какимъ онъ *непосредственно* является передъ нашими органами познанія (= передъ органами чувствъ), чѣмъ это можетъ сдѣлать глагольное имя. Последнее входитъ въ рѣчь лишь въ роли такого или иного падежа имени

*) Почему въ одномъ случаѣ поставлено отрицаніе οὐ, а въ другомъ μή, — выяснится ниже.

существительнаго, стало быть, — падежа, стоящаго въ непосредственной зависимости отъ глаголовъ ὄρω, εὐρίσκω и т. д., то есть отъ глаголовъ *познавать* или *объявлять о познаваемомъ*, и, согласно съ этимъ, выражаетъ дѣйствіе, составляющее *само по себѣ*, а вовсе не какъ praedicativ какого-нибудь предмета, объектъ »познанія«. *)

Какъ названіе »понятія дѣйствія«, глагольное имя сталкивается съ глагольнымъ признаковымъ при глаголахъ какъ то: μέμνημαι (μέμνημαι εὖ ποιήσας = я помню, что я хорошо сдѣлалъ; μέμνημαι εὖ ποιεῖν = я не забываю дѣлать добро), ἐπιλανθάνομαι (ἐπελαθόμεν ἐίπων ταῦτα = я забылъ, что я сказалъ это, ἐπελαθόμεν εἰπεῖν = я забылъ сказать), ποίεω (ποίησ αὐτὸν γελῶντα = я изображаю его, — на сценѣ, наприимѣръ, — смѣющимся, ποίεω αὐτὸν γελᾶν = я заставляю его смѣяться), αἰσχύνομαι (οὐκ αἰσχύνεσθε ταῦτα ποιοῦντες = не стыдно ли вамъ, что вы такъ поступаете, αἰσχύνομαι ταῦτα ποιεῖν = мнѣ стыдно дѣлать это = я не хочу этого дѣлать), περιορῶ (περιορῶ αὐτὸν διαφθείροντα = мнѣ дѣлалъ, что онъ портить; οὐκ εἰσιέναι ἔφασαν περιοφείσθαι οὐδένα = они говорили, что зорко будутъ слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не вошелъ), ἀποκάννω (ἀποκάννω τοῦτο ποίων = меня эта работа утомляетъ; ἀπέκαμε ἑαυτὸν σώζειν = онъ усталъ спасать себя) и др. Разницу и тутъ формулировать нетрудно, и формулировать ее опять таки слѣдуетъ на основаніи симасіологіи сталкивающихся здѣсь грамматическихъ формъ. Въ то время, какъ глагольное *признаковое* указываетъ на *дѣйствительность*, какъ она появляется на самомъ томъ предметѣ, къ названію котораго оно синтаксически отнесено, глагольныя имена указываютъ здѣсь, въ роли *падежей*, опять таки, конечно, на »объекты« дѣйствій, выраженныхъ въ самихъ тѣхъ глаголахъ, которые *требуютъ* этихъ падежей; но эти »объекты« суть здѣсь объекты *отвлеченныя* (или, какъ мы раньше выразились, *душевыя постулаты*),

*) Что и глагольное *признаковое* можетъ (не въ этихъ, конечно, случаяхъ) прини мать къ себѣ »частицу« ἄν, и что эта частица имѣетъ при немъ такое же значеніе, какъ при глагольномъ имени, — объ этомъ нечего распространяться.

какъ ихъ допускаетъ само значеніе глаголовъ *μένειναι*, *ἐπιλανθάνομαι* и другихъ, выше приведенныхъ, а не объекты *дѣйствительности*, какъ ее, эту дѣйствительность, раньше предполагало значеніе глаголовъ »познавать« и »объявлять о познанномъ«. А теперь вернемся опять къ разъясненію конструкторіи *accusativi cum infinitivo*.

Какъ истолковать примѣръ *εἶναι τιμὰς γυνέων ἐκγόνους καλὸς Θησαυρός* (Plat. Menex. 297 b)? *Εἶναι* есть, конечно, *именительный* падежъ, а съ *психологической* точки зрѣнія можно толковать о немъ и какъ о *вещномъ* падежѣ (сравни выше стр. 376). Если мы до сихъ поръ не говорили объ »*accusativѣ cum infinitivo*« какъ объ *особой* конструкторіи (во фразѣ *λέγω σε κατορθῶσαι πάντα* — читатель, надѣмся, въ этомъ убѣдился — объ *особой* такой конструкторіи говорить не нужно), то придется заговорить теперь. Такъ и въ вышеприведенномъ (стр. 400) примѣрѣ *διδάσκειται διὰ τοῦ τὸν διδάσκαλον ἐρωτᾶν* мы не обошли безъ этого термина. Тамъ же мы рассуждали о томъ, что глагольное имя всѣмъ своимъ симасіологическимъ богатствомъ *приспособлено* къ тому, чтобы быть *присужденнымъ* какому нибудь предмету какъ признакъ. А если этотъ предметъ не усматривается изъ контекста,*) то *долженъ же* языкъ располагать средствомъ *какъ нибудь* его обозначить.**)
 Что значить *какъ нибудь*? Это значить какимъ нибудь *падежемъ*. Какимъ падежемъ? Именительный падежъ это не можетъ быть, такъ какъ въ *роли* онъ употребляется или какъ простое *наименованіе* предмета (о согласованіи я тутъ не говорю), или какъ ближайшій опредѣлитель лица, обозначеннаго въ окончаніи глагола.

*) Въ *λέγω σε κατορθῶσαι* онъ усматривается по нашему толкованію *изъ контекста*, т. е. изъ того *се*, которое приставлено къ *λέγω* какъ непосредственное его симасіологическое дополнение.

**) Не противорѣчимъ ли мы себѣ? То, что само глагольное имя занимаетъ положеніе падежа, мы всегда объясняли его способностью выступать въ роли *существительнаго*, а теперь оно въ томъ же положеніи должно выступить въ роли, такъ сказать, *признаковаго* слова по отношенію къ тому предмету, которому оно присуждается. Итакъ, не противорѣчимъ ли это? Нѣтъ. И въ *согласованіи* имя существительное, *оставаясь* существительнымъ и *оставаясь* падежемъ, дѣлалось, *какъ-бы*, признаковымъ словомъ.

Славянскій языкъ разрѣшилъ всю задачу черезъ *личный* падежъ (быть ему тѣмъ то), и это вполне понятно, такъ какъ личный падежъ есть указатель *носителя* дѣйствія, а указать на носителя дѣйствія именно и *требуется* для разрѣшенія этой задачи. Греческій языкъ распорядился *иначе*. Наша фраза имѣетъ несомнѣнно такой смыслъ: бытіе, *простирающееся* на почитаніе, — а это почитаніе *имѣетъ отношеніе* къ родителямъ и имѣетъ быть *исполняемо* потомками*), — все это — прекрасный кладъ. И такъ, мы въ нашемъ *τιμὰς*, которому *присуждается* дѣйствіе, выраженное въ глагольномъ имени *εἶναι*, видимъ вещный *простираемый*.

Мы совершенно согласны съ Jolly (Infinitiv 247), что къ примѣру »Ξέρξεα λέγουσι εἶπαι« *непримѣнно* толкованіе »die Leute erzählen das Gesagt-haben am Xerxes.« Jolly совершенно правильно замѣчаетъ, что при такомъ толкованіи легко было бы перейти на конструкцію *λέγεται Ξέρξεα εἶπαι* (es wird erzählt das Gesagt-haben am Xerxes), но трудно — на конструкцію *Ξέρξεως λέγεται εἶπαι* (какъ мы перешли на эту конструкцію, читатель видѣлъ въ подстрочномъ примѣчаніи о фразѣ *σὺ λέγῃ κατορθῶσαι* на стр. 401). Jolly не одобряетъ и того толкованія примѣра *Ξέρξεα λέγουσι εἶπαι*, въ которомъ прибѣгаютъ къ Accusativ'у des Sichbeziehens, des Sicherstreckens. Мы его въ *этомъ* примѣрѣ *также* не одобряемъ, но въ примѣрѣ *τιμὰς εἶναι καλὸς θεσσαυρός* онъ позволить намъ прибѣгнуть къ вещному des Sichbeziehens или, какъ мы выражаемся, къ вещному простираемому, тѣмъ болѣе, что то толкованіе, которое предлагаетъ *онъ*, опять не одобряемъ *мы*. Установивъ, какъ мы выше видѣли, infinitivum eprexeticum въ примѣрѣ *ἐμὲ μὲν ἔταροι λίσσονται λέναι*, который мы *также* не одобрили, Jolly продолжаетъ (Infinitiv 257): Auch an einzelnen Verba kann man bei Homer

*) А можетъ быть, *ἐκρόνοις* »зависитъ« отъ *καλὸς θεσσαυρός*? Это рѣшилъ бы *живой языкъ*, который поставилъ бы въ такомъ случаѣ иначе »*παυρὸν*« (поставилъ бы ее между *γονέων* и *ἐκρόνοις*, а не между *ἐκρόνοις* и *καλὸς θεσσαυρός*).

oft verfolgen, wie aus der gewöhnlichen Accusativconstruction, in der der Accusativ das directe Object, der Inf. der epexegetische ist, allmählich der eigentliche Accus. c. inf. hervorgeht, wobei der Accusativ aus der Abhängigkeit von dem Hauptverbum losgelöst und als Subject des Infinitiv erscheint. So ist *ἐμὲ μὲν ἔταροι λίσσονται ἰέναι* sicherlich älter als der echte Accus. c. inf. in II. ι 510—511; *ὃς δ' ἐκ' ἀνήνηται καὶ τε στερεῶς ἀποείπη, λίσσονται δ' ἄρα ταίγε Δία Κρονίωνα κοῦσαι τῷ ἀάτην ἄμ' ἔπεσθαι, ἵνα βλαφθεὶς ἀποτίσῃ*, wobei die *Sache, welche* verlangt wird, nicht die *Person, von welcher* etwas verlangt wird, das Subject des Infinitivs enthält. Ist im ersten Beispiel der Infinitiv noch ganz der epexegetische, so stellt dagegen im zweiten der hier *mit dem Accusativ enger verbundene Infinitiv* (почему онъ вдругъ enger verbunden съ точки зрѣнія Jolly, который и въ *λίσσονται ἐμὲ ἰέναι*, своимъ терминомъ »epexegetisch«, такъ »узко« соединилъ вещный падежъ съ глагольнымъ именемъ?) einen *Nebensatz* dar (гдѣ же тутъ мѣсто придаточному предложению?*)).

Съ окончаніемъ разбора конструкціи accusativi cum infinitivo можно бы считать оконченнымъ и разборъ падежей, если бы не было за нами небольшого долга. Мы имѣемъ въ виду тѣ славянскія выраженія въ родѣ *занятіе члмъ нубудь* и т. п., о которыхъ мы предупреждали на стр. 366, и всѣ связанныя съ подобными выраженіями явленія *греческаго языка*.

Слова *занятіе, подписываніе* и т. п. даже съ *этимологической* точки зрѣнія составляютъ особую группу такъ

*) Paul, который, какъ мы видѣли, готовъ былъ вмѣстѣ съ нами усматривать въ *λέγω σε κατορθώσαι* два независимыхъ другъ отъ друга »объекта« слова *λέγω*, объясняетъ себѣ переходъ отъ *подобныхъ* примѣровъ къ »настоящему« accusativу cum inf. такимъ образомъ (Princip. 198-9): Der accus. c. inf. konnte jedenfalls nur neben einem transitiven Verbum stehen, so lange der Accusativ noch als direct von dem Verbum finitum abhängig empfunden wurde. Nachdem aber die Auffassung sich so *verschoben hatte*, dass der accus. c. inf. als ein abhängiger Satz und der Accusativ als *Subject* desselben gefasst wurde, war es möglich die Construction weit über ihre ursprünglichen Gränzen auszudehnen.

называемыхъ отглагольныхъ *существительныхъ*. Они этимологически *произведены* отъ глагольныхъ именъ *занять, под-писывать* и т. д. По значенію *одинаковыми* съ ними, т. е. такими же отглагольными существительными, чувствуются, хотя немного *иначе* этимологически составленныя, слова *отдача, переправа* и т. п.

Уже на стр. 197 мы сравнивали отглагольныя существительныя съ глагольными именами. И они оказываются симасіологическими амфибіями, какъ глагольныя имена, т. е. занимая по падежамъ положеніе именъ существительныхъ, по *дополненіямъ* уравниваются съ *признаковыми* словами. Разница та, что 1. глагольныя имена не такъ *отчеканены* этимологически въ роли падежей и въ роли существительныхъ, какъ слова *занятіе* и пр., и, 2., отглагольныя существительныя, какъ не надѣленные прежде всего *залоговыми* отгѣнками, симасіологически могутъ дополняться не какъ *глагольныя* признаковыя (т. е. не могутъ принимать къ себѣ вещнаго «объекта дѣйствія»; см. стр. 370-1), а только лишь какъ *простыя* признаковыя слова.

И въ *греческомъ* языкѣ есть отглагольныя существительныя, дополняющіяся, какъ простыя *признаковыя* слова. Это — слова, оканчивающіяся на *σις* и другія, направившіяся по ихъ слѣдамъ въ отношеніи симасіологическаго дополненія. Въ общемъ, это *особое* симасіологическое дополненіе *отглагольныхъ* существительныхъ есть явленіе — довольно позднее, и далеко не выдержано такъ систематически въ *греческомъ* языкѣ, какъ въ славянскомъ. Сравни: *ἀνακούφισις* какъ *вн.*, въ смыслѣ *удалительнаго* падежа (Soph. Oed. r. 218); *ἀμπνοῶς ἔξειν πόνον*, въ смыслѣ *удалительнаго* падежа (Eur. Iph. Taur. 92); *ξύμαχοι ἐγενόμεθα οὐκ ἐπὶ καταδουλώσει τῶν Ἑλλήνων Ἀθηναίους*, въ смыслѣ *личнаго* падежа (Thuc. 3. 10); *ἰσχύς εἰς τε δρόμον καὶ εἰς τὰς ἄλλας πάσας κινήσεις τῷ σώματι*, въ смыслѣ *творительнаго* падежа (Plat. leg. 631 c); *τὰ γὰρ δόλω τῷ μὴ δίκαιῳ κτήματα*, въ смыслѣ *творительнаго* падежа (Soph. Oed. C. 1027) и др.

Кажется, нами исчерпано все, относящееся къ опредѣленію значенія падежей. Выходить, — чтобы вкратцѣ повторить добытые нами *внѣшніе* результаты какъ настоящаго, такъ и предыдущаго отдѣла нашего изслѣдованія, — выходитъ, что въ такой или иной падежъ можетъ попасть только *существительное*, или матеріальное, или формальное (признаковое слово попадаетъ въ него лишь по закону согласованія). Попавшее въ такой или иной падежъ *существительное* — служить симасіологическимъ дополненіемъ или *существительнаго* же слова, или *признаковаго* слова, или *предлога*, — предлога то *самостоятельнаго* (*βαίνω κατὰ τινοῦ*), то тѣснѣе связаннаго съ другимъ словомъ (*καταβαίνω τινοῦ*).

Дополненіемъ *существительнаго* слова — существительное можетъ служить, когда оно стоитъ въ *родовомъ* падежѣ, а то и въ *мѣстномъ* (последнее оказалось возможнымъ вслѣдствіе особаго процесса *развитія* мѣстнаго падежа), и кромѣ того въ *личномъ*; находясь въ *личномъ* падежѣ, оно относится къ *дополняемому* слову, какъ названіе *лица* къ названію *вещи*.

Дополненіемъ *признаковаго* слова (положеніемъ *признаковыхъ* словъ пользуются отглагольныя существительныя и глагольныя имена, первыя — положеніемъ *простыхъ*, а вторыя — положеніемъ *глагольныхъ* признаковыхъ словъ) — существительное можетъ служить *всегда*, въ какой бы падежъ оно ни попало. При этомъ въ *творительномъ* падежѣ оно обозначаетъ орудіе, *«создающее»* признакъ, въ *удалительномъ* падежѣ — предметъ, отъ котораго *удаляется* признакъ, *прерывая* отношеніе къ нему, въ *мѣстномъ* падежѣ — просторъ, гдѣ *развивается* признакъ, въ *вещномъ* — вещь, которая требуется какъ *матеріалъ* для *проявленія* признака, въ *личномъ* падежѣ — лицо, являющееся такимъ или инымъ *носителемъ* признака, а въ *родовомъ* — какое угодно отношеніе обозначенной имъ *οὐσία* къ признаку.

Дополняя собою *предлоги*, существительное слово входитъ черезъ эти *предлоги* въ такое или иное отношеніе къ другому слову, причемъ это другое слово можетъ быть

или существительнымъ, или признаковымъ. Если это другое слово оказывается *признаковымъ*, то въ принципѣ, для того чтобы *оправдать* предлогъ, слѣдуетъ изъ него извлечь *οὐσίαν*, если только предлоги должны оставаться при своей первоначальной роли, для которой они *понадобились* языку, т. е. при »сопоставленіи предмета съ предметомъ«; но такъ какъ извлеченіе *τῆς οὐσίας* есть нѣчто лишь *мысленное* и въ языкѣ ничѣмъ особеннымъ *не выраженное*, то языкъ въ концѣ концовъ могъ приучить употребляющихъ его обходиться и *безъ* этихъ извлеченій. Другими словами, предлоговые обороты могли принять на себя задачу дополнять и *признаковыя* слова, *увеличивая* собою, такимъ образомъ, средства симасіологическаго дополненія признаковыхъ словъ. И вотъ, мы думаемъ, что когда языкъ *привыкъ* или, скорѣе, приучилъ *употреблявшихъ* его дополнять признаковыя слова *предлоговыми оборотами*, такъ что сами предлоги стали появляться непосредственно *возлѣ* этихъ признаковыхъ словъ, тогда именно и *могли* предлоги связываться съ самими *признаковыми* словами, могли образоваться *composita* изъ предлоговъ. Разсмотримъ еще разъ всѣ *composita*, приведенныя нами на стр. 333-40) и мы увидимъ, что это *все* — *признаковыя* слова (или же — *отглагольныя* существительныя, то настоящія, съ *этимологической* точки зрѣнія, то отглагольныя больше по *значенію*; по вопросу о падежахъ, какъ выяснилось, они — *тѣ же* признаковыя слова), *возлѣ* которыхъ, — а *въ совмѣщеніи* съ которыми и *подавно*, — предлоги первоначально даже не имѣли мѣста. Такимъ образомъ мы въ развитіи предлоговъ ставимъ *последнимъ* то, что Дельбрюкъ ставитъ начальнымъ.

VI.

Мѣстоименія.

Наши разсужденія о частяхъ рѣчи, если исключить отсюда предлоги, занимающіе въ рѣчи болѣе *служебную* роль, вращались до сихъ поръ все въ терминахъ *»признаковое»* слово и *»имя существительное»*. Глаголь оказался *соединеніемъ* признаковаго слова и . . . *существительнаго* (положимъ, не матеріальнаго, а *формальнаго*), что же касается глагольнаго *имени*, то оно заняло какое то неопредѣленное положеніе *между* существительнымъ именемъ и признаковымъ словомъ.

Если глаголь, это соединеніе признаковаго слова съ существительнымъ, представляя собою до *извѣстной* степени *цѣлую* рѣчь, то *признаковое* слово *всегда* можно называть *кускомъ* рѣчи. Оно, будучи произнесено *внѣ* рѣчи, чувствуется *вырваннымъ* изъ нея. Имя существительное, — мы разумѣемъ *простое* имя существительное (такъ мы его въ свое время и *назвали* въ отличіе отъ двусторонняго *глагольнаго* имени и тѣхъ *»формальныхъ»* именъ существительныхъ, которыми мы до сихъ поръ подробно не занимались), — оказалось *внѣ* рѣчи, въ своемъ именительномъ падежѣ, наименованіемъ *всего*, что входитъ въ матеріалъ комбинированной мысли, насколько это *»все»* можетъ быть облечено въ *»предметъ»* т. е. въ нѣчто, получающее въ нашемъ представленіи такой видъ, какой получаютъ въ немъ *человѣкъ, звѣрь, домъ, дерево* и прочее, и имѣющее *естественный*,

а то и *воображаемый* мужескій, женскій или »средній« родъ. Эти »предметы«, долженствующіе только еще *войти* матеріаломъ въ комбинированную мысль, *на дѣль* могутъ въ нее войти не *только* въ видѣ *тѣхъ* же именъ существительныхъ, но и въ видѣ *разныхъ* частей рѣчи: *доброта* можетъ войти въ комбинированную мысль въ видѣ слова *добрый*, *рубленіе* — въ видѣ глагола *рублю*, *внутренность* — въ видѣ предлога *въ* и т. д. Такое имя существительное въ своемъ именительномъ падежѣ чувствуется *внѣ* рѣчи чѣмъ то вполне самостоятельнымъ, чѣмъ то *не вырваннымъ* изъ рѣчи, и это и есть его *χαρακτηριστικόν*, отличающее его *прежде* всего отъ *признаковаго* слова.

Материальнымъ существительнымъ и признаковымъ словамъ мы противопоставили въ свое время *формальные* существительныя и признаковыя. Ихъ основательно называютъ »*мѣстоименіями*«, а не »*именами*«, такъ какъ они ничего не »*поименовываютъ*«, т. е. ничему *имени* или *названія* не даютъ. Они представляютъ пустыя формы, еще только *имѣющія* наполниться содержаніемъ. Это—то пониманіе ихъ, какъ *формъ* для содержанія, дало намъ въ свое время поводъ назвать и *ихъ* »*именами*«, несмотря на только что приведенное соображеніе. Ихъ симасіологіею мы теперь и займемся.

На первомъ мѣстѣ мы должны поставить *вопросительныя* формальныя имена, которыми говорящій только *ищетъ* то предметъ, то признакъ, давая этимъ понять, что *самъ* еще не знаетъ, какимъ, такъ сказать, *физическимъ* содержаніемъ наполнится тотъ шаръ, тотъ кубъ или вообще та форма, которую онъ строитъ пока лишь *математически*. Такими *вопросительными* формальными именами являются: *τίς* при исканіи одушевленныхъ предметовъ, *τί* при исканіи неодушевленныхъ предметовъ, *πῶς* при исканіи качественныхъ признаковъ, *πόσος* при исканіи *арифметически* количественныхъ признаковъ, *πηλίκος* при исканіи *геометрически* количественныхъ признаковъ,*) хотя обыкновенно

*) Nicom. Geras. (Astius) pg. 69: οὔτε περί ἀπλῶς μέγεθος οὔτε περί ἀπλῶς πλῆθος οὐδαμῶς ἂν ποτε ἐπιστήμη, ἀλλὰ περί τι ἀπ' ἀμφοῖν ἀφορισμένον, ἀπό μὲν πλῆθους περί τὸ πόσον, ἀπό δὲ μεγέθους περί τὸ πηλίκον...

слово *πηλίκος* употребляется при исканіи »возрастнаго« признака.

Такимъ образомъ, *вопросительныя* формальныя имена, — какъ это и должно быть въ соотвѣтствіе *материальнымъ* именамъ, — распадаются на »*существительныя*« (*τίς-τί*) и *признаковыя* (*ποῖος-πόσος-πηλίκος*). При этомъ существительное *τίς-τί* дифференцируется въ *πότερος* тогда, когда мы ищемъ одушевленный или неодушевленный предметъ не въ массѣ, а между двумя данными. Слово *πότερος*, видоизмѣняясь по родамъ, уже этимъ самимъ, т. е. этою вѣдшею формою, дѣлается *признаковымъ* словомъ. Оно и понятно: разъ мы ищемъ что нибудь между двумя »*данными*«, отличающимися прежде всего по *признакамъ* (такимъ »*признакомъ*« можетъ оказаться иногда и само *название*, присвоенное каждому изъ нихъ), то и слово, при посредствѣ котораго мы *ищемъ* одно изъ этихъ двухъ »*данныхъ*«, могло быть *признаковымъ*.

Отвѣтами на приведенныя слова могутъ быть, конечно (мы ихъ поставимъ на *первомъ* мѣстѣ), *отрицательныя* »*οὐτίς-μήτις*« (*οὐδεῖς-μηδεῖς*).*) Но отрицательныя слова представляютъ собою *composita* изъ тѣхъ же *вопроситель-*

διὸ εἶδεν μέθοδοι ἐπισημαστικαὶ αἱ διευκρινήσουσι πᾶν τὸ περὶ τοῦ πόσου βῆμα, ἀριθμητικὴ μὲν τὸ περὶ τοῦ καθ' ἑαυτό, μουσικὴ δὲ τὸ περὶ τοῦ πρὸς ἄλλο· πάλιν δὲ ἐπὶ τοῦ πηλίκου τὸ μὲν ἔστιν ἐν μουσῇ καὶ στάσει, τὸ δὲ ἐν κινήσει καὶ περιφορῇ, διὸ ἕτεραι κατὰ τὰ αὐτὰ ἐπισημαστικαὶ ἀκριβέσουσι τὸ πηλίκον, τὸ μὲν μέτρον καὶ ἡμεῶν γεωμετρία, τὸ δὲ φερόμενον καὶ περιπολοῦν σφαιρικῇ.

*) Что сказать о разницѣ между *οὐτίς* и *οὐδεῖς*? *Οὐτίς* заключаетъ въ себѣ формальное *существительное*, а въ *οὐδεῖς* вторая часть оказывается *признаковымъ* именемъ (см. стр. 205). Но было бы крайне неправильно утверждать на этомъ основаніи, что самъ *compositus* суть — первое существительное, а второе — признаковое. *Οὐδεῖς*, отрицая лишь какую бы то ни было *численность* предметовъ, въ сущности отрицаетъ самые *предметы* (а вовсе не *признаки*), а потому въ результатъ совершенно равняется слову *οὐτίς*. Такимъ образомъ, *настоящихъ* признаковыхъ греческій языкъ не *выработалъ* въ отрицательныхъ формальныхъ именахъ. Оно и понятно: Если не отрицается *предметъ*, т. е. если *признается* существованіе предмета, то какъ можно отрицать его *признакъ*? (рѣчь идетъ объ отрицаніи не какого-нибудь *опредѣленнаго* признака, а признака *вообще* т. е. чего то, безъ чего самъ предметъ *немыслимъ*). А съ другой стороны, если *не признается* существованіе предмета, то зачѣмъ отрицать его *признакъ*? — зачѣмъ не отрицать прямо самый предметъ?

ныхъ*) формальныхъ словъ (такъ и по русски: *никто, никакой*; въ греческомъ. впрочемъ, еще и $\text{o}\dot{\upsilon}\delta\epsilon\iota\varsigma$ = ни одинъ) и изъ отрицаній, а объ отрицаніяхъ рѣчь еще впереди. Затѣмъ можно отвѣчать *материальными* именами, какъ существительными, такъ и признаковыми, и такимъ путемъ сразу «наполнить содержаніемъ» поставленныя для этой цѣли и *ищуція* этого содержанія формы. Не исключается, однако, возможность отвѣчать на *вопросительныя* формальныя имена *опять* лишь *формальными* именами.

Изъ такихъ *ответныхъ* формальныхъ именъ мы должны на первомъ мѣстѣ поставить имена «неопредѣленныя». Мы разумѣемъ слова, въ которыхъ говорящій даетъ знать, что вопросъ, поставленный словами $\tau\acute{\iota}\varsigma - \tau\acute{\iota}$ и пр., не разрѣшается въ какую нибудь положительную сторону, а такъ и *остается* вопросомъ. Это-то «остается вопросомъ» греческій языкъ и выразилъ въ своихъ «неопредѣленныхъ» формальныхъ именахъ, воспользовавшись для нихъ тѣми же *вопросительными* именами и только *энклимизовавъ**)* послѣднія по возможности т. е. поскольку это допускаютъ *внѣшнія* условія ударенія: $\epsilon\acute{\iota}\ \tau\acute{\iota}\varsigma\ \lambda\acute{\epsilon}\upsilon\epsilon\iota$ (такъ и по русски: если кто говоритъ); $\kappa\alpha\acute{\iota}\ \mu\eta\nu\ \delta\tau\acute{\iota}\ \gamma\prime\ \eta\nu\ \delta\ \sigma\omicron\phi\iota\sigma\tau\eta\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\tau\omega\nu\ \pi\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\nu,$ $\delta\iota\omega\mu\omicron\lambda\omicron\upsilon\eta\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu\ \eta\mu\acute{\iota}\nu\ \acute{\epsilon}\nu\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \pi\rho\acute{o}\sigma\theta\epsilon\nu\ \eta\nu$ (Plat. Soph. 264 d); ****)* $\pi\omicron\sigma\acute{o}\nu\ \tau\acute{\iota}\ \delta\upsilon$ (Plat. Soph. 245. d; здѣсь слово «*ποσόν*» усилено словомъ $\tau\acute{\iota}$, т. е. къ *признаковому* «неопредѣленному» приставлено еще *существительное* «неопредѣленное», такъ что признакъ показанъ въ языкѣ *опи-*

*) Вызванное этою замѣткою недоумѣніе будетъ сейчасъ разрѣшено.

***) Да, «неопредѣленныя» формальныя имена суть, въ сущности, *вопросительныя*. Этимъ и разрѣшается недоумѣніе, вызванное, быть можетъ, нашимъ замѣчаніемъ, что $\text{o}\dot{\upsilon}\delta\tau\acute{\iota}\varsigma$ составлено изъ отрицанія и «*вопросительнаго*» слова. Если языкъ *энклимизовалъ* эти вопросительныя слова для того, чтобы они сдѣлались «неопредѣленными», то въ этомъ только выражень нѣкоторый *психологическій метабезисъ* отъ постановки прямого вопроса къ оставленію чего нибудь *подъ* вопросомъ.

***)) Напрасно, кажется намъ, не хотѣть признавать «неопредѣленнаго» (т. е. quasi энклитическаго) $\pi\omicron\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$ въ противоположность *вопросительному* (т. е. выражающему непосредственную постановку вопроса) $\pi\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$. Кюнеръ (Ausf. Gramm. II. 1020) въ примѣрахъ, похожихъ на нашъ, усматриваетъ какой то риторическій приемъ (rhetorische Wendung) и предлагаетъ напр. наше мѣсто понимать такъ: «что соизветъ былъ *что изъ двухъ?*» — это

рающимся на предметъ, хотя ни признакъ, ни предметъ не опредѣлены); οὐκοῦν καὶ ποῖόν τινα αὐτὸν τὸν λόγον εἶναι δεῖ (Plat. Soph. 262 e; точно также должно было употребляться и *πῆλικος τις*, но примѣра для этого, — должно быть, по случайности, — не отыскивается*).

Отъ «неопредѣленныхъ» формальныхъ именъ слѣдуетъ отличать «обобщающія», которыми говорящій даетъ знать, что ему все равно, какъ бы ни рѣшился вопросъ, поставленный словами *τις* — *τί* и пр., и что онъ болѣе опредѣленнаго его рѣшенія не ищетъ. Отдѣльныхъ словъ для такого, какъ мы выразились, «обобщенія» нѣтъ; языкъ прибѣгаетъ въ данномъ случаѣ къ *composita*мъ (русскій языкъ даже къ цѣлымъ предложениямъ: кто бы онъ ни былъ, кому бы то ни было и т. д.). *Composita* эти суть: *ὅστις-οὐν*, *ὅστις-δέποτε*, *ὅποσοῦν* и т. д. Разъяснить эти *composita* здѣсь трудно, такъ какъ мы до сихъ поръ не знаемъ ни *οὐν*, ни *δέ*, ни *πότε*, равно какъ не знаемъ еще отношенія словъ *ὅστις* — *ὅποῖος* и пр. къ словамъ *τις* — *ποῖός* и т. д.

Отвѣчать на вопросы *τις*, *ποῖος* и т. д. мы можемъ и указательными формальными именами. Ими, — и не только ими, но и сопровождающимъ ихъ жестомъ, — говорящій направляетъ глазъ собесѣдника, да и свой собственный, на самый предметъ или на самый признакъ, чтобы черезъ непосредственное ощущение наполнить представленіе искомымъ содержаніемъ. Греки придумали для этихъ словъ

нами раньше признано» (вмѣсто: «что собою — чтонибудь одно изъ двухъ, — это нами раньше признано»). Неопредѣленное значеніе, вообще, признаютъ только за *ἕτερος*. Но *ἕτερος* или *ἄτερος*, происшедшее изъ *ἕν* + *τερος* (Brugmann Grundr. II. 181), относится къ вопросительному *πότερος* и къ неопредѣленному *ποτέρος*, какъ *εἷς* относится къ вопросительному *τίς* и къ неопредѣленному *τις* (*οὐ* + *τις* = *οὐδ* + *εἷς*). Намъ кажется, что не слѣдуетъ игнорировать замѣтку Фотія, который говоритъ (Lex. II. 101): *πότερον, τὸ πειθιμὸν, βαρυτόνος, ὁ ἐν τὸνως δὲ ποτερός = ἄτερος*.

*) Быть можетъ, будутъ настаивать на томъ, что «неопредѣленное» *τις* не есть *существительное*, а представляетъ нѣчто двустороннее, т. е. нѣчто, могущее оказаться и *признаковымъ*. Быть можетъ, признаковымъ его найдутъ въ выраженіи *ἀρετὴ τις*, руководясь при этомъ русскимъ выраженіемъ «нѣкая добродѣтель». Мы думаемъ, что это не такъ, хотя обосновать свое мнѣніе мы можемъ лишь впоследствии.

терминъ »δεικτικά«. Такими диктическими словами являются: *ἐγώ, σύ, **) *ὅδε, οὗτος, ἐκεῖνος, τοιόςδε, τηλικόςδε* и *τοσόςδε*. Слова *ὅδε, τοιόςδε, τηλικόςδε* и *τοσόςδε* представляютъ соп-
posita изъ *δέ* (мы подозреваемъ, что это *δέ* — тоже-
ственно съ *δή*. найденнымъ нами въ *ὅστις δὴ ποτε*; объ
этомъ, впрочемъ, ниже) и изъ словъ *ὁ — τοῖος — τηλί-
κος — τόσος*, оказывающихся *общими* какъ для *дикти-
ческаго*, такъ и для *другихъ* отгѣнковъ формальныхъ именъ,
о которыхъ рѣчь впереди.

Словами *τοιόςδε, τηλικόςδε* и *тоσόςδε* говоря-
щей направляетъ глазъ собесѣдника (*δείκνυται*) на *признаки*
предмета, словомъ *ἐγώ* — на *себя*, чтобы собесѣдникъ *от-
личилъ* его среди другихъ присутствующихъ,**) словомъ *σύ*
— на самого слушателя, чтобы тотъ понялъ, что именно
онъ, а не кто нибудь другой изъ присутствующихъ,***)
долженъ быть собесѣдникомъ, наконецъ, словами *ὅδε, οὗτος*
и *ἐκεῖνος* — на посторонній предметъ, чтобы собесѣдникъ
не смѣшалъ его съ какимъ нибудь *другимъ* постороннимъ
предметомъ.†). При этомъ, какъ извѣстно, *ὅδε* указываетъ
на посторонній предметъ, находящійся въ сферѣ интересовъ

*) Apoll. Dysc. de constr. II. 104—105: *αἱ μὲντοι ἀντανυνταὶ εἰς οὐδὲν ἄλλο ἀποβλέπουσι διὰ τῆς ἐν αὐταῖς ἐγκειμένης δεῖξεως ἢ εἰς τὴν ὑποκειμένην οὐσίαν... διὸ καὶ τὰ γένη οὐκ ἐκκοπτόμενα ἰδίους τέλεσι κατὰλληλον ἔσχε τὴν ἐν τοῖς τριῶν γένησι θέβιν διὰ μιᾶς συλλαβῆς, εἴ γε καὶ ἡ ἐξ αὐτῶν δεῖξις αὐτὸ μόνον οὐσίαν παρεμφαίνει... ὡς ἔχει ἡ ἐγώ (слѣдовательно и σύ). Итакъ, уже Аполлоній Дисколь ставилъ слова *ἐγώ* и *σύ* въ одну группу съ диктическими *ὅδε, οὗτος* и *ἐκεῖνος*.*

**) Отличать его съ особенною тщательностью отъ другихъ присутствующихъ приходится, когда онъ *начинаетъ* говорить, и когда онъ находится въ *толпѣ*; въ этомъ, впрочемъ, помогаетъ ему голосъ, раздающійся отъ него, жести, къ которому онъ тутъ же прибѣгаетъ, быть можетъ, наконецъ, и сообщеніе своего имени, которое онъ иногда прибавляетъ къ слову *ἐγώ*.

***) Это также бываетъ тогда, когда собесѣдникъ находится въ толпѣ, и когда только еще *начинаютъ* обращаться къ нему съ рѣчью: *вспомогательныя* средства тутъ тѣ же самыя, развѣ что локализованіе *голоса*, раздающагося отъ говорящаго, не имѣетъ здѣсь значенія.

†) И здѣсь приходится прибѣгать къ тѣмъ же вспомогательнымъ средствамъ. Эти средства увеличиваются въ данномъ случаѣ способностью словъ *ὅδε — οὗτος — ἐκεῖνος* измѣняться по *родамъ* (мужескому, женскому и «среднему») и черезъ то обозначать родъ самихъ *предметовъ*, на которые они направляютъ глазъ собесѣдника. Нельзя сказать, что способ-

самого *говорящаго* (иногда оно присоединяется къ самому $\epsilon\gamma\acute{\omega}$, какъ *его* усилительное средство: $\tau\acute{o}\nu\delta\epsilon \epsilon\mu\acute{\epsilon}$), $\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma$ — на посторонній предметъ, находящійся въ сферѣ интересовъ *собесѣдника* (вышеприведенному $\tau\acute{o}\nu\delta\epsilon \epsilon\mu\acute{\epsilon}$ соответствуетъ здѣсь $\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma \sigma\upsilon$), а $\epsilon\kappa\epsilon\iota\nu\omicron\varsigma$ — на предметъ *удаленный* отъ бесѣдующихъ, *посторонній* для нихъ, но тѣмъ не менѣе *присутствующій*, иначе направлять *глазъ* на него было бы трудно.

Слова $\epsilon\gamma\acute{\omega}$ — $\sigma\upsilon$ называютъ *личными* мѣстоименіями, а вышедшія изъ ихъ родовыхъ падежей признаковыя $\epsilon\mu\acute{\omicron}\varsigma$ — $\sigma\acute{\omicron}\varsigma$ *) — личными *притяжательными*, причемъ въ *»третьемъ«* лицѣ фигурируютъ въ качествѣ тѣхъ и другихъ мѣстоименій слова: $\alpha\upsilon\tau\omicron\text{--}\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\text{--}\epsilon$, $\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\text{--}\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\text{--}\alpha\upsilon\tau\omicron\nu$, $\mu\iota\nu$, $\mu\iota\nu$, $\delta\varsigma\text{--}\sigma\phi\acute{\epsilon}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$. Отчего у насъ эти слова не оказались въ одной группѣ съ $\epsilon\gamma\acute{\omega}$ и $\sigma\upsilon$?

Отъ *δεικτικόν* древніе отличали *ἀναφορικόν*, понимая *ἀναφορᾶν* въ смыслѣ ссылки на раньше сказанное.***) Если диктическими словами говорящій направлялъ *внѣшній* глазъ на предметъ или признакъ, съ цѣлью ближе познакомиться съ нимъ своего собесѣдника, а можетъ быть, и познакомиться съ нимъ самому, то анафорическія слова съ тою же цѣлью направляютъ нашъ *умственный* глазъ на что нибудь. Направление *умственного* глаза на предметъ или

ность измѣняться по родамъ дѣлаютъ наши слова *признаковыми*, какъ то можно было утверждать выше о $\pi\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$. Въ «родѣ» нашихъ словъ, какъ сказано, отмѣченъ именно родъ *предметовъ*, на которые они указываютъ. Вообще *признаковыми* формальными именами въ настоящей группѣ оказываются только слова $\tau\omicron\iota\omicron\varsigma\delta\epsilon$, $\tau\eta\lambda\iota\kappa\omicron\varsigma\delta\epsilon$ и $\tau\omicron\sigma\omicron\varsigma\delta\epsilon$.

*) Емоѹ есть родовой падежъ и указываетъ, что *признакъ* или *предметъ* (родовой падежъ можетъ завлечь отъ того и другого) имѣетъ такое или иное «отношеніе» ко *мнѣ*, т. е. къ предмету, обозначенному въ самомъ родовомъ падежѣ. Если въ это «такое или иное отношеніе ко мнѣ» входитъ не признакъ, а именно предметъ, то оно (въ данномъ случаѣ это отношеніе дифференцировалось въ *принадлежность* «мнѣ») можетъ представиться *признакомъ* самого этого предмета, и буде языкъ настолько эластиченъ, чтобы перейти въ *признаковое* слово (что имѣетъ мѣсто въ *данномъ* случаѣ), то опъ это *дѣлаетъ* (впрочемъ, какъ извѣстно, не всегда, хотя бы вышеозначенныя условія такой замѣны были на лицѣ).

**) Apoll. Dysc. de constr. I. 98—9: $\epsilon\acute{\iota} \gamma\epsilon \iota\delta\iota\alpha\iota\alpha \alpha\nu\alpha\phi\omicron\rho\acute{\alpha}\varsigma \pi\rho\omicron\kappa\alpha\tau\epsilon\lambda\epsilon\gamma\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu \pi\rho\omicron\sigma\acute{\omega}\pi\omicron\nu \delta\epsilon\upsilon\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha \gamma\nu\omega\beta\iota\varsigma \dots \kappa\alpha\iota \alpha\upsilon\tau\omicron \mu\epsilon\rho\acute{\iota}\sigma\tau\alpha\iota (\alpha\acute{\iota} \alpha\upsilon\tau\omicron\nu\mu\iota\alpha\iota) \epsilon\acute{\iota}\varsigma \delta\epsilon\iota\kappa\tau\iota\kappa\acute{\alpha}\varsigma \kappa\alpha\iota \alpha\nu\alpha\phi\omicron\rho\iota\kappa\acute{\alpha}\varsigma$.

признакъ находитъ себѣ опору въ томъ, что мы не только держимъ въ памяти и въ представленіи предметъ или *признакъ* предмета, разъ о немъ была рѣчь, — анафорическое слово заставляетъ насъ тогда *вспомнить* все, что объ этомъ предметѣ или признакѣ говорилось въ другомъ мѣстѣ, — но любимъ помогать своими *собственными* познаніями автору рѣчи, разъясняющему намъ что нибудь, и онъ, считаясь съ этимъ, анафорическими словами заставляетъ насъ *порыться* въ этихъ познаніяхъ, чтобы *яснѣе* стало, о какихъ собственно предметахъ или признакахъ идетъ рѣчь.

Анафорически употребляются *не совсѣмъ* тѣ же слова, которыя употреблялись диктически. Нѣкоторыя изъ прежнихъ словъ нѣсколько *видоизмѣняются* при анафорическомъ ихъ употребленіи, но есть и такія, которыя появляются здѣсь *впервые*, и которыхъ въ *δείξις* не было.

Такъ какъ *все* настоящее разсужденіе объ анафорическихъ словахъ вызвано было непосредственно вопросомъ, касающимся *»личныхъ«* мѣстоименій, — *»личными«* они называются въ соотвѣтствіи съ тѣми *»лицами«*, которыя выражены въ окончаніяхъ глаголовъ (ср. стр. 89.), — то прежде всего замѣтимъ, что *признаковыя* формальныя имена не имѣютъ къ *»лицамъ«* никакого отношенія. Они могутъ быть употребляемы о *всѣхъ* лицахъ.*) Что же касается въ частности нашихъ *диктическихъ* признаковыхъ *τοῖόςδε*, *τηλικόςδε* и *τοσοόςδε*, то въ *анафорическомъ* смыслѣ, — когда на признакъ указывается какъ на запечатлѣвшійся *въ памяти* собесѣдниковъ, — вмѣсто нихъ употребляются слова *τοιοῦτος*, *τηλικοῦτος* и *τοσοῦτος* (въ эпическомъ языкѣ простыя *τοῖος*, *τηλικός* и *τόσος*). А теперь перейдемъ къ *»личнымъ«* мѣстоименіямъ.

Спрашивается: употребляются ли анафорически слова *ἐγώ* и *σύ* послѣ того, какъ говорящій познакомилъ собесѣдника съ *собою* и опредѣлилъ себѣ его самого? Это — отвѣтимъ мы — вполнѣ зависитъ отъ настроенія говорящаго. Дѣло въ томъ, что говорящій и собесѣдникъ, обозначаемые черезъ *ἐγώ* и *σύ*, вплоть до *окончанія* бесѣды находятся

*) Сравни подстрочное примѣчаніе на стр. 184.

другъ у друга *на глазахъ*, въ *буквальномъ* смыслѣ этого слова, а потому говорящій воленъ или *указать* (δείξει) на себя и на собесѣдника лишній разъ и *обратить* еще разъ свои взоры на него, требуя отъ него того же (тогда εἰώ и σὺ непременно произносятся съ удареніемъ), или же говорить о себѣ и о собесѣдникѣ какъ уже вполне установленившихся и запечатлѣвшихся въ представленіи и памяти. Въ послѣднемъ случаѣ употребляются слова εἰώ и σὺ, поскольку это допускаютъ *внѣшнія* условія ударенія, *энклитически* и *безъ* *) именительнаго падежа. Почему безъ *этого* падежа, — вполне понятно. Падежи словъ εἰώ и σὺ въ такихъ случаяхъ приходится вставлять въ рѣчь почти *исключительно* ради *синтаксической полноты*. Разговорившись съ собесѣдникомъ, я иногда вставляю фразу: ὅπερ σοι ἔλεγον. Это энклитическое σοι само собою подразумевается и составляетъ, по отношенію къ ὅπερ ἔλεγον, то, что мы въ свое время назвали «синтаксическимъ подлежащимъ» (см. стр. 173.). Въ *именительномъ* падежѣ, достаточно обозначенномъ въ *глаголь* (ἔλεγον = я говорилъ**), простая синтаксическая полнота *не нуждается*.

*) Съ удареніемъ, а слѣдовательно и съ именительнымъ падежемъ употребляются въ *этомъ* случаѣ слова εἰώ и σὺ при *противопоставленіи*, или *дѣйствительно* выраженномъ (не я, а ты), или *мысленномъ* (это слѣдаль я; подразумевается: а не кто нибудь другой). Что это противопоставленіе ведетъ въ сущности къ «синтаксическому сказуемому» (сравни стр. 173.), само собою разумѣется. На появленіе ударенія, а слѣдовательно и именительнаго падежа, вліяетъ, впрочемъ, и разстановка словъ: когда рѣчь *начинается* съ «личнаго мѣстоименія», т. е. когда оно поставлено на *первомъ* мѣстѣ не только въ *началѣ*, но и вообще въ какомъ нибудь *отрывкѣ* рѣчи, слѣдующемъ послѣ *паузы*, то оно не можетъ употребляться энклитически, такъ какъ ему *не на что* опереться своимъ удареніемъ. Быть можетъ, впрочемъ, слѣдуетъ признавать *еще* одинъ мотивъ ударенія и появленія личнаго мѣстоименія въ *именительномъ* падежѣ. Быть можетъ, слѣдуетъ признавать въ языкѣ интонацію, если такъ можно выразиться, чисто *музыкальную*. Сравни Od. μ 156: ἀλλ' ἔρειν μὲν εἰώων, ἴνα εἰδότες ἦ καὶ θάνατον, ἢ καὶ ἀλευσόμενοι θάνατον καὶ κῆρα φέρομεν (тутъ я не вижу ни противопоставленія, ни синтаксическаго сказуемаго вообще, а εἰώων, кажется мнѣ, поставлено просто для того, чтобы былъ соблюденъ какой то ритмическій *numerus* въ рѣчи).

***) Употребленіе именительнаго падежа и падежей вообще въ «личныхъ» мѣстоименіяхъ очень ограничено сравнительно съ простымъ существительнымъ. Прежде всего «личныя» мѣстоименія не имѣютъ *звательнаго* падежа.

Что касается *третьяго* грамматическаго лица, т. е. *неодушевленныхъ* предметовъ, а также *лицъ*, не исполняющихъ роли собесѣдниковъ, то надобно различать два случая: или это третье грамматическое лицо находится *здѣсь*, на мѣстѣ разговора, или оно — гдѣ то далеко отъ бесѣдующихъ, такъ что послѣдніе его *не видятъ*. Въ первомъ случаѣ опять таки говорящій воленъ, *заговоривъ* о немъ и *установивъ* его какъ предметъ разговора, въ дальнѣйшей рѣчи или лишній разъ *указать* на него, при посредствѣ тѣхъ же словъ *ὁ δέ*, *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, или же говорить о немъ, какъ *запечатлѣвшемся* уже въ памяти собесѣдниковъ, и тогда появляются *анафорическія* формальныя слова, а именно: 1. для «синтаксической полноты» и безъ именительнаго падежа — слова (они *тоже* — энклитическія, насколько это допускаютъ *внѣшнія* условія ударенія): *οὐ* — *οἱ* — *ἐ*, *μιν* — *μιν*, *αὐτοῦ* —

Въ сущности, вопросъ о звательномъ падежѣ касается *одного* только *οὐ* — *ὁ κεῖς*, а ему, конечно, звательнаго падежа не нужно, такъ какъ оно самимъ *именительнымъ* падежемъ, въ силу его *диктическаго* значенія, опредѣляетъ собесѣдника. Что же касается именительнаго падежа всѣхъ вообще «личныхъ» мѣстоименій, то, несомнѣнно, онъ, наравнѣ съ *простымъ* именемъ существительнымъ, можетъ быть «ближайшимъ» опредѣлителемъ лица, показаннаго въ окончаніи глагола, но тогда это уже во *всякомъ* случаѣ *синасиологическая тавтологія*, сопряженная съ *интонаціею* личнаго мѣстоименія и вызванная какимъ нибудь однимъ изъ мотивовъ, приведенныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи. Затѣмъ, относительно того именительнаго падежа и падежей вообще, которые появляются въ рѣчи въ сяду *согласованія*, нужно сказать, что «личныя» мѣстоименія не могутъ исполнять никакой роли *признаковыхъ* словъ (ибо какъ можетъ «личное» мѣстоименіе исполнять роль того, что, какъ выше сказано, никакого лица не имѣетъ?). Они могутъ быть либо психо-логическими, а то и логическими *подлежащими* (только не логическими *опредѣляемыми*; ибо мыслимъ ли логическій объемъ какого нибудь *ἐγώ* или *οὐ*, которое представляетъ чистую форму и не имѣетъ матеріальнаго содержанія?), либо могутъ попасть въ логическое равенство (вышеприведенное *οὗτος οὐ* есть также логическое равенство). Во *всѣхъ* случаяхъ согласованія личное мѣстоименіе должно служить *опорою* слову, которое съ нимъ согласуется, и это обстоятельство способно оказаться достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы само личное мѣстоименіе произошло съ удареніемъ (конечно, какое нибудь *ἀνθρώπος εἶμι* въ этой опорѣ не нуждается, такъ какъ лицо показано въ окончаніи глагола, и ударяемое *ἐγώ* появляется здѣсь опять таки только тогда, когда оно вызвано однимъ изъ приведенныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи мотивовъ). Вся настоящая замѣтка будетъ вполнѣ понятна, если читатель припомнитъ сказанное объ именительномъ и звательномъ падежахъ и о согласованіи вообще въ третьемъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія.

$\alpha\upsilon\tau\omega$ — $\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\nu$ *; 2. при *противопоставленіи* или вообще при *интонаціи* (съ *именительнымъ* падежемъ): изъ прежнихъ диктическихъ *два* ($\acute{\omicron}\upsilon\tau\omicron\varsigma$ и $\xi\chi\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$), съ различіемъ въ значеніи, которое скоро будетъ выяснено, а затѣмъ слова $\acute{\omicron} - \eta - \tau\acute{\omicron}$ (сравни: $\epsilon\gamma\omega \mu\acute{\epsilon}\nu \dots \omicron\acute{\iota} \delta\acute{\epsilon}$), $\acute{\omicron}\varsigma$, а также ударяемое $\acute{\omicron}\upsilon - \omicron\acute{\iota} - \acute{\epsilon}$ (именительнаго падежа тутъ *нѣтъ*; нѣтъ его, впрочемъ, только въ *единственномъ* числѣ; во множественномъ выработана форма $\sigma\phi\epsilon\acute{\iota}\varsigma$).

Слѣдовало бы теперь перейти къ разсужденію объ анафорическихъ формальныхъ словахъ, употребляющихся объ *отдаленныхъ* отъ собесѣдниковъ и *не находящихся* на ихъ глазахъ предметахъ. Но, быть можетъ, практичнѣе будетъ предварительно попытаться, насколько возможно, выяснить вопросъ относительно того *богатства* и *разнообразія* анафорическихъ словъ, съ которымъ мы только что познакомились. Казалось бы на первый взглядъ, что ихъ столько не нужно. Быть можетъ даже, нѣкоторое ихъ *»излишество«* найдетъ себѣ оправданіе въ томъ, что не всѣ они — *»анафорическія«*.

Мы понимаемъ появленіе *рядомъ* съ словами $\acute{\omicron}\upsilon\tau\omicron\varsigma$ и $\xi\chi\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ еще и простаго $\acute{\omicron} - \eta - \tau\acute{\omicron}$ **). Ибо какъ бы въ концѣ концовъ ни разъяснилось различіе словъ $\acute{\omicron}\upsilon\tau\omicron\varsigma$ и $\xi\chi\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$, они, какъ и русскія *этотъ - тотъ*, должны быть подъ рукою для большей ясности на тотъ случай, когда *»предметомъ* разговора» сдѣлалось не *одно* третье грамматическое лицо, а *два* (вотъ тебѣ *дворецъ*, и вотъ тебѣ *хата*; эта имѣетъ такіе то признаки, а тотъ — такіе то). Тамъ, гдѣ *не приходится* дѣлать различіе между *нѣсколькими* предметами третьяго грамматическаго лица, — тамъ могло имѣть мѣсто простое $\acute{\omicron}$. Такъ, у Омира постоянно употребляется $\acute{\omicron}$ въ смыслѣ русскаго *онъ* (т. е. тотъ, о комъ идетъ рѣчь = кто сдѣлался предметомъ разговора); вышеприведен-

*) Извѣстно разсужденіе древнихъ о томъ, что $\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\nu$, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, слѣдовало бы *эклинировать*, какъ эклинируются трохейскія $\phi\eta\acute{\iota}$, $\acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}$ и т. д.

**) Мы говоримъ *»простое«* $\acute{\omicron} - \eta - \tau\acute{\omicron}$ въ виду того, что слово $\acute{\omicron}\upsilon\tau\omicron\varsigma$, какъ ни трудно уяснить его образованіе, этимологически является лишь *осложненіемъ* того же $\acute{\omicron}$. Смори Brugmann Grundriss II. 767 и 775.

ное $\epsilon\upsilon\acute{o}\mu\epsilon\nu \dots o\acute{i} \delta\acute{\epsilon}$ значить: »съ одной стороны я, а съ другой тѣ третьи грамматическія лица, о которыхъ зашла рѣчь« и т. д. (иногда $o\acute{i} \mu\epsilon\nu \dots o\acute{i} \delta\acute{\epsilon}$ употребляется *раздѣлительно*: »одни изъ тѣхъ, о которыхъ зашла рѣчь . . . другіе же« . . . *; объ этомъ, впрочемъ, ниже).

Мы понимаемъ дальше, что кромѣ »различительныхъ« $o\acute{\upsilon}\tau o\varsigma - \acute{\epsilon}\chi\epsilon\acute{\iota}\nu o\varsigma$ и кромѣ »безразличнаго« $\acute{o} - \acute{\eta} - \tau\acute{o}$ могло понадобится для третьяго грамматическаго лица *еще* одно слово, *тоже* »безразличное.« Славянскій языкъ выработалъ для этой цѣли *рядомъ* съ вышеприведеннымъ *онъ* (въ русскомъ языкѣ склоняють не *онъ*, а *оный* = *оного* - *оному* и т. д.) еще *и - ѡ - ѣ - его - ему*. Одно слово могло быть предназначено для вызова въ слушатель болѣе *напряженнаго* воспоминанія о предметѣ, рѣчь о которомъ разъ уже *зашла* и потомъ, черезъ нѣсколько мгновеній, опять *возобновляется*, а другое могло служить *дѣйствительно* лишь, какъ мы раньше сказали, для *синтаксической полноты**, не нуждаясь въ именительномъ падежѣ и указывая на предметъ какъ на нѣчто, что *само собою* подразумѣвается, о чемъ *напоминать* особенно нечего (*онъ*, т. е. лицо, о которомъ зашла рѣчь, *пришелъ*; и *вотъ я сказалъ*, разумѣй *ему*). Если мы славянское *онъ* сопоставляли съ греческимъ $\acute{o} - \acute{\eta} - \tau\acute{o}$ **), то славянскому *и - ѡ - ѣ* отвѣчало бы греческое $\mu\iota\nu - \nu\iota\nu$. Последнее этимологи прямо признають за редуцированную форму отъ темы *и* (латинское *is*), и принимаютъ его за сокращенное *иμ - иμ* и *иν - иν****). Но это слово сохранилось только въ вещномъ падежѣ, слѣдовательно, на него нужно смотрѣть больше какъ на *окаменность**, образовавшуюся отъ того, что въ ту роль,

*) Быть можетъ, эта замѣтка вызываетъ недоумѣніе; быть можетъ, читатель понимаетъ $o\acute{i} \mu\epsilon\nu \dots o\acute{i} \delta\acute{\epsilon}$ въ смыслѣ »различительныхъ« $o\acute{\upsilon}\tau o\varsigma - \acute{\epsilon}\chi\epsilon\acute{\iota}\nu o\varsigma$ (эпн — тѣ). Это недоумѣніе будетъ скоро устранено.

**) Только отчего тогда $\acute{o} - \acute{\eta} - \tau\acute{o}$ не имѣеть въ нѣкоторыхъ формахъ удареній, разъ оно служитъ вызовомъ *напряженнаго* воспоминанія? И это выяснится скоро.

***) Смотри Curtius Grundz. 543. Иначе, впрочемъ, разъясняетъ его Brugmann Grundr. II. 770, хотя и онъ приводитъ его въ этимологическую связь съ латинскимъ *is - ea - id*. Предупреждаемъ читателя, что къ $\mu\iota\nu$ придется еще вернуться.

которую оно исполняло при своей жизни, вмѣшалось другое слово. Этимъ другимъ словомъ въ омировскомъ языкѣ явился симасіологическій сосѣдь нашего *ѡ - ѡ*, именно само слово *ὁ - ἦ - τὸ*, которое, будучи первоначально этимологически, а слѣдовательно и *симасіологически* ослабленнымъ *ὄττος* (*ὄττος*, какъ сказано, есть »различительное« слово, а *ὁ - ἦ - τὸ* — »безразличное«), проявило лишь *градацію* этого ослабленія, когда опустилось на степень славянскаго *его - ему - его*. Однако, у того же Омира, *наряду* съ *ὁ - ἦ - τὸ*, а впоследствии какъ *полный* побѣдитель надъ самимъ *ὁ - ἦ - τὸ* (побѣдить его было легко, такъ какъ сама борьба съ нимъ велась изъ за роли, ему, въ сущности, *чужой* и имъ только *присвоенной*), выступаетъ въ значеніи славянскаго *его - ему - его* слово *αὐτοῦ - αὐτῶ - αὐτόν*. Оно, какъ ниже окажется, вмѣшалось въ борьбу слова *ὁ - ἦ - τὸ* съ темою *ѡ* (т. е. съ тѣмъ, отъ чего у насъ осталось *ми* и *ви*) совершенно со стороны, но — *duobus certantibus tertius gaudet*.

Роль »безразличнаго« анафорическаго слова по отношенію къ *третьему* грамматическому лицу, — касалась ли эта »безразличность« вызова болѣе *напряженного* воспоминанія, или только »синтаксической полноты,« — послужила ареною борьбы и для слова *ὄ - οἶ - ἔ*, благо слово *ὁ - ἦ - τὸ*, какъ *неударяемое* въ нѣкоторыхъ своихъ формахъ, мало было способно вызывать это *напряженное* воспоминаніе, и сама тема *ѡ*, служившая для синтаксической полноты, охотно уступала мѣсто *всякому* слову, заявившему на эту роль притязаніе. Слово *ὄ - οἶ - ἔ*, — такъ мнѣ представляется дѣло, — имѣло первоначально другое назначеніе. Оно этимологически связано съ латинскимъ *sui - sibi - se* и съ славянскимъ *себя - себя*. Нетрудно понять, что залоговая возвратность, т. е. переходъ дѣйствія туда же, откуда оно вышло, представлялась явленіемъ, стоящимъ въ задачахъ языка *особнякомъ*, и что для этого явленія языкъ считалъ себя обязаннымъ выработать *особья* слова. Нетрудно понять, что это явленіе и вызванная имъ задача особенно рѣзко давали себя чувствовать по отношенію къ *третьему* грамматическому

лицу. Ибо первое лицо есть всегда *одно* (это — самъ *говорящій*), второе *тоже* одно (это — собесѣдникъ), а только третьихъ грамматическихъ лицъ въ самой несложной рѣчи *нѣсколько*, и тутъ то больше всего могла выступить потребность отличить въ языкѣ, что дѣйствіе въ *залоговомъ* отношеніи переходитъ среди всѣхъ внесенныхъ въ рѣчь третьихъ лицъ *именно* на то лицо, о которомъ идетъ рѣчь какъ *производитель* даннаго дѣйствія. Другими словами, «возвратное» мѣстоименіе (считать ли его «анафорическимъ»?) имѣетъ наибольшій *raison d'être* въ *третьемъ* грамматическомъ лицѣ, и если славянскій языкъ его обобщилъ на *всѣ* грамматическія лица, то другіе языки могли распорядиться по своему. Мы подозреваемъ, что и въ греческомъ языкѣ *ὀβ-οἶ-ε'* было первоначально «*возвратнымъ*», *) относясь при этомъ только къ третьему грамматическому лицу, и что оно уже *по этому* не имѣло возможности образовать именительный падежъ, такъ какъ переходъ дѣйствія къ *именительному* падежу — немислимъ.

Въ *письменномъ* греческомъ языкѣ мы застаемъ слово *ὀβ-οἶ-ε'* съ самаго начала (у *Омира*) въ борьбѣ за роль «безразличной» анафоры въ области третьяго грамматическаго лица. Она, эта роль, ему вполне приличествовала, такъ какъ была лишь расширеніемъ его *собственного* значенія, встрѣчающагося *также* довольно часто у *Омира*: слово, обозначающее первоначально, что *дѣйствіе* оказывается въ *переходѣ* своемъ при томъ же лицѣ, отъ котораго оно вышло какъ отъ своего *производителя*, легко могло выразить, что *рѣчь* остается въ *продолженіи* своемъ при томъ же грамматическомъ лицѣ, которое было и раньше предметомъ *разговора*. Тамъ, гдѣ приходилось вызывать «*напряженное*» воспоминаніе о третьемъ грамматическомъ лицѣ, или вообще «*интонировать*» его, тамъ оно употреблялось съ удареніемъ, а гдѣ о третьемъ лицѣ говорилось лишь для

*) Возвратность, въ сущности, не есть *анафоризмъ*, — не есть «*притоминаніе* о предметѣ, съ которымъ мы предварительно познакомились», а потому мы бы *исключили* слово *ὀβ-οἶ-ε'* изъ числа анафорическихъ словъ, по *первоначальному* значенію.

синтаксической полноты, тамъ оно появлялось *энклитически*. Для правильнаго функционированія въ *первомъ* изъ указанныхъ здѣсь двухъ случаевъ ему не доставало именительнаго падежа, хотя, какъ сказано, въ *множественномъ* числѣ оно его *создало*, — создало *нарочно* для этого случая (я разумѣю форму $\sigma\phi\epsilon\iota\varsigma$). Въ *посльомировскомъ* языкѣ — въ случаяхъ *энклитиса* возобладало всюду вмѣшавшееся въ борьбу за роль третьяго грамматическаго лица $\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon$ — $\alpha\upsilon\tau\bar{\omega}$ — $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$, а въ случаяхъ *интонаціи* стали входить въ употребленіе болѣе *сложныя*, сравнительно съ $\delta\text{--}\eta\text{--}\tau\acute{o}$, а слѣдовательно и болѣе вѣскія $\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma$ и $\epsilon\kappa\epsilon\iota\nu\omicron\varsigma$ съ симасіологическими отгѣнками, которые все еще у насъ не выяснены. Тогда то слово $\omicron\upsilon\text{--}\omicron\iota\text{--}\epsilon'$ возвратилось къ своей *первоначальной* роли. къ роли *возвратнаго* мѣстоименія *третьяго* грамматическаго лица. Въ этой роли оно, для *усиленія* своего значенія, стало принимать къ себѣ слово $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$, — не то «энклитическое» $\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\text{--}\alpha\upsilon\tau\bar{\omega}\text{--}\alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$, о которомъ была только что рѣчь, а то *первоначальное* $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ ($\zeta\eta\mu\omicron\iota$ $\epsilon\alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$ = онъ наказываетъ *самого* себя), о которомъ рѣчь впереди. Не незнакома греческому языку — и та *общевозвратная* (относящаяся ко *всѣмъ* грамматическимъ лицамъ) роль слова $\omicron\upsilon\text{--}\omicron\iota\text{--}\epsilon'$, которую мы видимъ въ славянскомъ *себя-себѣ*.*)

Нельзя сказать, чтобы всѣми приведенными разсужденіями достаточно былъ выясненъ вопросъ о »богатствѣ

*) Это общевозвратное значеніе слова $\omicron\upsilon\text{--}\omicron\iota\text{--}\epsilon'$ развилося, какъ извѣстно, въ Александрійское время, но и въ классической литературѣ оно встрѣчается нерѣдко (списокъ мѣстъ смотри Kühner Ausf. Gramm. II. 497-7). Что же касается самого Омпра, то у него кое гдѣ встрѣчается притяжательное $\epsilon\acute{o}\varsigma$ въ общевозвратномъ смыслѣ ($\sigma\upsilon\delta\epsilon\phi\rho\epsilon\sigma\iota\eta\beta\iota\nu\iota\alpha\nu\theta\eta\varsigma$ — II. τ 174; $\delta\acute{\alpha}\mu\alpha\beta\iota\omicron\iota\sigma\iota\alpha\nu\acute{\alpha}\sigma\sigma\omicron\iota\varsigma$ — Od. α 402; $\delta\tau\prime\epsilon\pi\iota\mu\eta\eta\sigma\alpha\iota\mu\epsilon\theta\alpha\beta\epsilon\iota\omicron\iota\sigma\iota\nu\epsilon\nu\iota\mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\rho\omicron\sigma\iota$ — Od. δ 192, $\omicron\upsilon\tau\tau\iota\epsilon\gamma\omega\gamma\epsilon\eta\varsigma\gamma\alpha\iota\eta\varsigma\delta\upsilon\nu\alpha\mu\alpha\gamma\lambda\upsilon\kappa\epsilon\rho\acute{\omega}\tau\epsilon\rho\omicron\nu\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\iota\delta\epsilon\iota\theta\alpha\iota$ — Od. ι 28). Само личное » $\omicron\upsilon\text{--}\omicron\iota\text{--}\epsilon'$ » употреблено у Омпра въ *общевозвратномъ* смыслѣ только разъ, а именно II. κ 398: $\phi\acute{\upsilon}\xi\iota\nu\beta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\upsilon\omicron\iota\tau\epsilon\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}\beta\rho\iota\beta\iota\nu$. Аристархъ не принимаетъ этого стиха и этимъ даетъ знать, что онъ вообще не признаетъ за темою *zwa* общевозвратности въ *омпировскомъ* языкѣ. Мы также думаемъ, что *общевозвратность* темы *zwa* слѣдуетъ считать за *послѣдній* фазисъ симасіологическаго развитія этой темы, а не за *первоначальній*, какъ то приходится иногда слышать особенно о *славянскомъ* »себя-себѣ«. Если Аристархъ, не признающій стиха II. κ 398, въ то

и разнообразіи анафорическихъ словъ», перечисленныхъ на стр. 420-1. Мы предупреждали читателя, что постараемся его выяснитъ лишь настолько, насколько это возможно пока-мѣсть. Въ дальнѣйшемъ придется его еще касаться, а теперь перейдемъ къ анафорѣ *отдаленныхъ*, не находящихся на виду говорящаго и слушателя, предметовъ.

Вопервыхъ, *отдаленнымъ* предметомъ можетъ быть только третье грамматическое лицо (нельзя же представить отдаленными отъ собесѣдниковъ самихъ *собесѣдниковъ*). Вторыхъ, это можетъ быть именно только »предметъ«, а не *признакъ*: нельзя же говорить о какомъ то отдаленномъ *признакѣ* (можно говорить о признакѣ *отдаленнаго предмета*, но не объ *отдаленномъ признакѣ**). Третьихъ, на отдаленный предметъ нельзя *указать* (*δείξει*); къ нему примѣнны только анафорическія, а не диктическія слова. Что же это за анафорическія слова и какова ихъ симасіология? Отвѣтъ на этотъ вопросъ — общезвѣстенъ. Только ради *систематичности* мы приводимъ его въ видѣ нѣсколькихъ *правиль*.

1. Если мы *впервые* заговорили объ отдаленномъ предметѣ, — отдаленномъ ли по мѣсту, или по *времени*, — то анафорическое слово при немъ**) мыслимо *только* въ смыслѣ приглашенія нашего слушателя порыться въ своихъ соб-

же время мирится съ общевозвратностью *притяжательнаго* (Od. δ 192 онъ, повидимому, считаетъ неподлиннымъ только лишь потому, что при *ἐπινη-βαίμεθα*, т. е. при множественномъ числѣ самхъ *владыкцевъ τῶν νεύρων*, онъ ожидаетъ не *οἰβίη*, а *σφέτεροίβην*), то вопросъ еще, *есть ли* это общевозвратность? Какъ наше слово *свой*, даже если бы мы его не чувствовали общевозвратнымъ, легко переходитъ въ значеніе *собственный*, — значеніе, гдѣ о какомъ бы то ни было лицѣ и *пожику* нѣтъ, такъ и греческое *ἑός* — *σφέτερος* могло перейти въ значеніе *ἴδιος* помимо всякой общевозвратности.

*) По этому *признаковымъ* анафорическія слова не измѣняютъ того положенія, которое мы имъ опредѣлили на стр. 418.

**) Мы говоримъ »при немъ«. Слѣдовало сказать »при его *названіи*«; ибо и къ *анафорическимъ* формальнымъ существительнымъ присоединяются (по понятной читателю причинѣ это бываетъ гораздо чаще, чѣмъ при *диктическихихъ*) сами *названія* предметовъ (сравни стр. 416.). Что эти »названія«
предметовъ, т. е. эти *материальныя* существительныя, находятся въ *логическомъ равенствѣ* съ *формальными* существительными (въ такомъ же логическомъ равенствѣ, на какое мы указывали въ *ὅτος οὖ* на стр. 420), — само собою разумѣется.

ственнымъ познаніяхъ объ этомъ предметѣ и черезъ то и съ *своей* стороны посодѣйствовать пониманію нашей мысли, *дополняя* сказанное нами о предметѣ *своимъ* знаніемъ его. Анафорически употребляется здѣсь то же слово, которое въ *диктическомъ* значеніи относилось къ *постороннимъ* для собесѣдниковъ и принадлежащимъ *третьему* грамматическому лицу предметамъ. Это — слово *ἐκεῖνος* (*ἐκεῖνος ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος** = та, отдаленная отъ насъ и известная тебѣ, слушатель, — быть можетъ даже «знаменитая», — Пелопоннесская война).

2. Если мы *сами* говорили о предметѣ раньше, а потомъ, черезъ нѣсколько времени, *возвращаемся* къ нему, то черезъ *ἐκεῖνος* можемъ приглашать слушателя вспомнить не только то, что онъ *самъ* знаетъ о данномъ предметѣ, но наряду съ этимъ, а можетъ быть *исключительно* — то, что мы сами ему о немъ *сообщили*.

3. Быть можетъ, мы заговорили о предметѣ *только что*, и тогда обращаемъ вниманіе слушателя на это сказанное черезъ *οὗτος* (описавъ сраженіе, или вообще *познакомивъ* такъ или иначе съ сраженіемъ, авторъ часто потомъ продолжаетъ: *αὐτὴ, οὗν ἢ μάχη* = и вотъ это, только что описанное сраженіе). Впрочемъ, и въ *этихъ* случаяхъ у говорящаго можетъ возникнуть желаніе подчеркнуть *именно* отдаленность предмета (отдаленность или по мѣсту, или по времени, а то даже *по отсутствію интереса* къ предмету), и тогда вмѣсто *οὗτος* снова появляется *ἐκεῖνος* (*καὶ ἐκεῖνυ τὴν νύκτα πᾶσαν ἔφευγον* = и ту злополучную, только что описанную ночь *всю* провели въ бѣгствѣ). Обыкновенно, однако, какъ уже раньше на то указано по отношенію къ *присутствующимъ* предметамъ третьяго грамматическаго лица (стр. 421), слова *οὗτος* и *ἐκεῖνος* употребляются и здѣсь съ «*различительнымъ*» значеніемъ. Они встрѣчаются, когда приходится анафорировать два предмета *сразу*, причемъ *вообще* «*οὗτος*» употребляется о болѣе *близкомъ* —, а *ἐκεῖνος* — о болѣе *отдаленномъ* предметѣ, въ какомъ

*) Почему здѣсь рядомъ съ *ἐκεῖνος* еще и *ὁ*, — выяснится ниже.

бы смыслъ ни приходилось толковать эту »близость« и »отдаленность«, — по мѣсту, ли, или по времени, или даже по *интересу*, а то и просто по самой *ссылкѣ*. Въ послѣднемъ случаѣ *ἐκεῖνος* анафоризируетъ предметъ, приведенный *подальше* отъ мѣста ссылки, а *οὗτος* — тотъ, который *поближе* къ этому мѣсту (сравни русское: »встрѣтишь друзей и недруговъ: *ты* поддержать тебя, а *эти* постараются сбить тебя съ толку«; что при такой *близости* анафоризируемыхъ предметовъ сами анафорическія слова не нуждаются въ присоединеніи къ нимъ *названій* этихъ предметовъ, — само собою разумѣется).*)

Анафоризовать можно только что упомянутый предметъ и черезъ *ὁ*. Слово *ὁ*, конечно, не можетъ принять на себя того »*различительнаго*« характера, который съ удобствомъ влагається въ *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, и могло встрѣчаться только тамъ, гдѣ приходилось анафоризовать *одинъ* предметъ, а не два сразу.**) Оно, такъ сказать, могло *замѣнять* собою слово *οὗτος* въ томъ его значеніи, въ какомъ мы о немъ упоминали въ *началѣ* предыдущаго третьяго пункта. Такъ оно употреблялось у *Омира*. Но въ послѣдствіи въ качествѣ замѣны слова *οὗτος* оно встрѣчается все рѣже. Одинъ изъ случаевъ *такого* его употребленія представляетъ собою *οἱ μὲν . . . οἱ δέ*. Было бы ошибочно утверждать, что въ данномъ оборотѣ слово *ὁ* принимаетъ на себя »*различительное*« значеніе. Если тутъ *можно* толковать о »различительности, то она выражена въ самихъ *μὲν* и *δέ*. Въ самомъ дѣлѣ, *οἱ μὲν . . . οἱ δέ* ведетъ къ переводу »вышеприведенные предметы *съ одной* стороны . . . вышеприведенные предметы *съ другой* стороны«. Что значить здѣсь »*съ одной* и *съ другой* стороны«? Это значить, что »вышеприведенные предметы« или, точнѣе, вышеприведенная *группа* предметовъ — дѣлится на двѣ *половины* (такъ и *встрѣчается* »*οἱ μὲν . . . οἱ δέ*«: много у него недруговъ; одни преслѣдуютъ его а другіе . . .).

*) Всѣмъ этимъ мы и отвѣчаемъ на вопросъ, возбужденный по поводу словъ *οὗτος* и *ἐκεῖνος* на стр. 421.

**) Конечно, за слово *ὁ-ή-τό* опять такъ цѣпляются здѣсь все тѣ формальныя имена, о которыхъ мы говорили на стр. 422-3.

Кромѣ того, конечно, »съ одной стороны« и »съ другой стороны«, выраженное въ *μέν* и *δέ*, сводится къ замѣнѣ оборотомъ *οἱ μὲν . . . οἱ δὲ* »различительныхъ« *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, но это лишь до *нѣкоторой* степени и въ *извѣстномъ* смыслѣ. Ибо какой изъ »вышеприведенныхъ« предметовъ анафорируется въ этихъ случаяхъ выраженіемъ *οἱ μὲν*, и какой — выраженіемъ *οἱ δέ*, это не дано такъ ясно въ самихъ выраженіяхъ, какъ это было дано въ *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, а должно быть усматриваемо изъ *общаго* контекста.*)

Слово *ἀναφορά* — очень выразительный терминъ, по ему слѣдовало противопоставить *ἐπιφοράν*. Съ такимъ же правомъ, съ какимъ наши формальныя имена указываютъ на »вышесказанное« или вообще на »раньше узнанное«, они могутъ указывать и на »нижеслѣдующее«. Правда, это »нижеслѣдующее« должно слѣдовать *непосредственно* послѣ произнесенія самого формальнаго слова, и, такимъ образомъ, *ἐπιφορά* можетъ составить pendant лишь той анафорѣ, въ которой мы имѣемъ дѣло съ »только что упомянутымъ«, и притомъ *безъ* »различительнаго« характера, такъ какъ *предупреждать* формальнымъ именемъ мы можемъ только объ *одномъ* »нижеслѣдующемъ«, а не *двухъ* сразу. Эпифорически употребляется *только* — по отношенію къ »предметамъ« *ὅδε-ἧδε-τόδε*, а по отношенію къ »признакамъ« — *τοῖόςδε-τηλικόςδε-τοσόςδε**), что вполне понятно, такъ какъ то, о чемъ говорящій желаетъ *предупредить* слушателя формальнымъ словомъ, онъ самъ, какъ бы, пред-

*) Вотъ отвѣтъ на вопросъ, возбужденный на стр. 422. въ подстрочномъ примѣчаніи. Когда мы читаемъ у Ксенофонта (Сугор. VIII. 4. 14.): *χαλεπώτατον ἔστιν εὐρεῖν ἄνδρα τ' ἀγαθὰ καλῶς φέροντα ἢ τὰ κακά: τὰ μὲν γὰρ ὄβριον τοῖς πολλοῖς, τὰ δὲ σωφροσύνην τοῖς πάσιν ἐμποιοῖ*, то здѣсь сказано *только*: вышеприведенное *съ одной стороны* есть источникъ преступности для большинства, вышеприведенное *съ другой стороны* есть источникъ воздержанія отъ преступленій для всѣхъ; къ чему въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отнести »вышеприведенное«, — это можно усмотрѣть лишь изъ *контекста*.

*) Слова *ὅδε-τοῖόςδε-τηλικόςδε-τοσόςδε* не употребляются никогда *анафорически*. Отому утверженію, какъ будто, противорѣчатъ нѣкоторыя мѣста особенно часто приходится ихъ встрѣчать у Иродота, — гдѣ *ὅδε* и пр. относятся къ »вышесказанному«. Что это противорѣчіе — *только* кажущееся,

видитъ собственными глазами, считаетъ это, пока оно не сообщено слушателю, своею собственностью, а потому и можетъ употребить диктическое слово »перваго лица« (сравни выше стр. 416-7). Иногда, положимъ, говорятъ такъ: τοῦτο γέ δὴ μόνον διάφορον ἐν τῇ πορείᾳ ἐγένετο, ἢ τοῦ ἡγεμόνος κάκωσις καὶ ἀμέλεια (Хен. Anab. IV. 6. 3). Не противорѣчитъ духу греческаго языка и такая фраза: ἀλγευνότατον θάνατον φαεῖν πρόθυμός εἰμι ἐκείνῃ τῇ ἡμέρᾳ ἢ με ἐλευθερώσει τοῦτου τοῦ κακοῦ. Это не значить, что οὗτος или ἐκεῖνος употребляются *эпифорически*. Оба слова въ *данныхъ* примѣрахъ относятся къ синтаксически *зависимымъ* выраженіямъ. Во *второмъ* примѣрѣ мы имѣемъ дѣло даже не съ эпифорію, и не съ анафорію, а просто съ »соотносительностью«, о которой рѣчь впереди, а въ *первомъ* сама синтаксическая *зависимость* представляетъ собою нѣчто, что допускаетъ и *другую* разстановку, и тогда слово *тоῦτο* (въ другихъ случаяхъ можетъ появиться и ἐκεῖνο и τοιοῦτο и пр.) окажется и *внѣшне* анафорическимъ, какъ имъ было *внутренно* при *данной* разстановкѣ (какъ извѣстно, грекъ даже *предпочитаетъ* въ примѣрахъ, похожихъ на нашъ, разставлять слова такъ: ἢ τοῦ ἡγεμόνος κάκωσις καὶ ἀμέλεια, τοῦτο μόνον διάφορον ἐν τῇ πορείᾳ ἐγένετο).

Самымъ *краткимъ* анафорическимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и эпифорическимъ формальнымъ именемъ оказывается слово *ὁ-ἡ-τό*. Хотя настоящая статья находится въ связи съ замѣткою объ анафорическомъ *ὁ-ἡ-τό*, помѣщенной на стр. 428, но тамъ мы имѣли въ виду, какъ читатель могъ догадаться, *самостоятельное* *ὁ*, не въ соединеніи съ »*материальнымъ*«*»* именемъ, — то же *ὁ*, о которомъ мы упоминали на стр. 421. Въ настоящей же статьѣ мы намѣрены разоб-
брать то *ὁ*, которое соединяется съ »*материальнымъ*«*»* име-

доказать нетрудно. Мы думаемъ, что въ *данномъ* случаѣ *ὁ δὲ* и пр. является *чисто* диктическимъ. Когда говорятъ по русскп »онъ мнѣ сказалъ, что онъ неспособенъ къ этому дѣлу, а вѣдь сказать такую вещь, согласишься, значить *незагрѣять* себя«, то, произнося слово *этакую*, совсѣмъ даже не думаютъ, о томъ, что о предметѣ »только что упомянуто«, а просто *предводятъ* его такъ сказать (*тоже* — своего рода метафора), предъ глаза слушателя.

немъ и даже, какъ окажется, съ другими словами, и которое обыкновенно называютъ »членомъ«. Какъ извѣстно. оно доходитъ до симасіологическихъ тонкостей, съ которыми чрезвычайно трудно справиться. Еще въ 1877 г., въ моихъ »Изслѣдованіяхъ въ области греческаго мѣстоименія«, я задался вопросомъ о значеніи этого слова и до сихъ поръ не нашелъ въ самой *фактической* сторонѣ языка ничего, что противорѣчило бы теоріи, изложенной въ упомянутомъ сочиненіи. Позволяю себѣ вкратцѣ *повторить* эту теорію, пополнивъ ее тѣмъ, что для нея вытекаетъ изъ *всей* системы симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ.

Принимая слово *δ-ή-τό* за формальное *существительное* (какимъ было и *ὄδῃ-ὄβτος-ἐκεῖνος*), а не за формальное *признаковое* имя, я различаю *шесть* оттѣнковъ въ его значеніи. По этимъ оттѣнкамъ я его называю: 1. *δ* историческаго намека; 2. *δ* анафорическое въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова; 3. *δ* контекстивное; 4. *δ* раздѣлительное; 5. *δ* синтаксическаго подлежащаго; 6. *δ* эпифорическое или грамматическое. Разъяснимъ эти термины.

1. *δ* историческаго намека отличается, конечно, прежде всего *краткостью* отъ того *ἐκεῖνος*, которое мы на стр. 427. толковали въ смыслѣ «тотъ, отдаленный отъ насъ и *извѣстный* тебѣ, слушатель, предметъ». По своей краткости оно не можетъ чувствоваться настолько выразительнымъ, какъ само *ἐκεῖνος*, а потому при желаніи *подчеркнуть* извѣстность и *отдаленность* оно *замѣняется**) словомъ *ἐκεῖνος*. Когда мы излагаемъ что — нибудь нашему

*) Мы говоримъ »замѣняется«. Это значить, что если появляется *ἐκεῖνος*, то нѣтъ мѣста слову *δ*, и наоборотъ. Такъ было дѣйствительно въ старину. Впослѣдствіи, однако, языкъ сдѣлалъ для себя обязательнымъ — не только *ἐκεῖνος*, но и *ὄβτος* и *ὄδῃ* какъ въ ихъ анафорическомъ (respective эпифорическомъ), такъ и диктическомъ и *всякомъ* вообще значеніи *усиливать* словомъ *δ*. Мы въ этомъ видимъ явленіе, аналогичное русскому *этомъ-то*. Положимъ, грекъ привыкъ прибѣгать къ такому усилению *только* передъ *материальными* существительными (*ἐκεῖνος ὁ πόλεμος*), а не при *самостоятельномъ* употребленіи *формальныхъ* существительныхъ, т. е. не въ тѣхъ случаяхъ, когда *формальное* существительное *обходится*, при обозначеніи предмета, безъ *названія* самою предмета (сравни выше стр. 416 и 426, подстрочныя примѣчанія). Вотъ отвѣтъ на вопросъ, возбужденный подстрочнымъ же примѣчаніемъ на стр. 427.

собесѣднику, то въ нашей рѣчи постоянно чередуются *намеки*, въ которыхъ мы разсчитываемъ и опираемся на *собственные* познанія собесѣдника, съ *непосредственнымъ* изложеніемъ, въ которомъ мы сообщаемъ *отъ себя* имѣющее быть для собесѣдника *новостью*. Намекомъ можетъ являться *одинъ* какой нибудь »историческій терминъ« (ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος**), или цѣлая сложная рѣчь. Въ русскомъ *разговорномъ* языкѣ мы слышимъ, напримѣръ, такую рѣчь: »Когда *это* ввалились французскія *то* полчища въ Москву *то*, въ двѣнадцатомъ *то* году, тогда . . .«, а теперь говорящій начинаетъ излагать нѣчто *отъ себя*. Въ приведенномъ »сложномъ« историческомъ намекѣ слово *это* принадлежитъ, какъ бы, къ *цѣлой мысли*, а затѣмъ авторъ рѣчи употребляетъ при отдѣльныхъ именахъ слово »то« совершенно *произвольно*, прибавляя его къ *какому угодно* имени (даже иногда къ *глаголу*!) и уснащая имъ весь историческій намекъ до стилистической тяжеловатости. Греческій языкъ не прибѣгаетъ въ сложныхъ историческихъ намекахъ къ такому средству какъ русское *общее* »это« (когда *это* ввалились), но затѣмъ онъ свое ὁ - ἡ - τὸ ставитъ совершенно такъ же, какъ русскій свое *то* (только къ *глаголу* онъ его не прибавляетъ, такъ какъ *его* ὁ - ἡ - τὸ слишкомъ еще чувствуется *»именемъ«*, *склоняющимся* и имѣющимъ *родовыя* окончанія). Сравни Thus. 1. 9.: Ἀγαμέμνων τέ μοι δοκεῖ τῶν τότε δυνάμει προύχων (= Агамемнонь дѣйствовалъ какъ возвышающійся надъ остальными своимъ *могуществомъ*, своимъ *вліяніемъ*; это Фукидидъ объявляетъ *отъ себя*) καὶ οὐ τοσοῦτον τοῖς Τυνδάρεω ἄρχοις κατελιμμένους τοὺς Ἑλένης μνηστῆρας ἄγων τὸν στόλον αὐεῖραι (= а не потому онъ осуществилъ извѣстный тебѣ,

**) Принимая ὁ за формальное *существительное*, мы видимъ въ ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος »логическое равенство«. Ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος значить: извѣстный тебѣ *предметъ*, Пелопоннесская война. Да не подумаетъ читатель, что здѣсь слово ὁ - *эпифорическое*. Если бы ὁ было *эпифорическимъ*, то выраженіе ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος должно бы обозначать: *вотъ* какой предметъ, Пелопоннесская война. Но въ данномъ примѣрѣ слово ὁ поставлено не какъ *предупреждающее* о томъ, что послѣдуетъ, а какъ *предполагающее* извѣстнымъ то, что послѣдуетъ.

читатель, походъ, что, какъ ты знаешь и какъ тебя учили. повелѣ какихъ то жениховъ Елены, связанныхъ какими то клятвами Тиндара; это — историческій намекъ.) Что слово δ - η - $\tau\acute{o}$ можетъ употребляться здѣсь и при *собственныхъ* именахъ (особенной нужды въ этомъ нѣтъ, такъ какъ собственное имя *само* достаточно »припоминаетъ« предметъ), — это доказываютъ примѣры, какъ $\tau\eta\varsigma$ Ἰδης τοῦ ὄρους (Thuc. 8. 108.) и др.

Разставаясь съ δ историческаго намека, мы не можемъ не сдѣлать одного весьма важнаго указанія, которое, впрочемъ, касается всего δ вообще, а не одного его *настоящаго* отгѣнка. Въ выраженіи δ $\text{Πελοποννησιακός πόλεμος}$ слово Πελοποννησιακός есть *признаковое* и относится къ слову πόλεμος какъ его »логическое опредѣленіе« (сравни стр. 190). Такимъ образомъ, одна изъ сторонъ логическаго равенства, съ которымъ, какъ то выяснено въ непосредственно предшествующей подстрочной замѣткѣ, мы здѣсь имѣемъ дѣло (*другая* его сторона представлена самимъ δ), состоитъ изъ понятія съ *болѣе* широкимъ логическимъ объемомъ (πόλεμος) и изъ слова *суживающаго* этотъ логическій объемъ. Другими словами, *материальныхъ* именъ, которыми здѣсь обозначенъ предметъ, два, а не одно. На вопросъ, къ которому изъ нихъ *собственно* »относится*» δ , къ слову ли πόλεμος , или къ слову Πελοποννησιακός , мы должны отвѣтить, что къ слову Πελοποννησιακός ; ибо оно, какъ суживающее логическій объемъ слова » πόλεμος ,« *главнымъ* образомъ опредѣляетъ предметъ. Соответственно этому опредѣляется и постановка слова δ . Говорятъ; » δ $\text{Πελοποννησιακός πόλεμος}$ « (= *известная* тебѣ, *Пелопоннсская* война, **) » δ πόλεμος δ $\text{Πελο-$

*) Т. е. какъ это »относится«? — что значить »относится«? — Это значить, что съ однимъ изъ этихъ словъ само δ должно вступить въ отношеніе синтаксическихъ подлежащаго и сказуемаго.

**) Въ этомъ переводѣ даннаго примѣра мы уже не считаемся съ логическимъ равенствомъ, заключающимся въ немъ, какъ не считались съ нимъ и въ постановкѣ *вопроса*, *вызвавшаго* этотъ переводъ (мы спрашивали о томъ: къ какому слову *относится* слово δ , а не о томъ, къ чему слово δ составляетъ одну *сторону* логическаго уравненія). Если бы мы *считались* съ логи-

πονησιακός (= известная тебѣ война, известная Пелопоннсская*) и »πόλεμος ὁ Πελοποννησιακός (= война, а именно известная тебѣ Пелопоннсская). Совершенно иначе мы относимся къ примѣру οἱ Ἑλένης μνηστῆρες. И здѣсь говорятъ о родовомъ падежѣ Ἑλένης какъ о »логическомъ опредѣленіи.« Уже по объясненіямъ на стр. 384 читатель можетъ догадаться, что мы толкованіе о »логическомъ опредѣленіи« въ данномъ примѣрѣ постараемся *устранить*. Слово Ἑλένης не есть *признаковое* слово, а потому усматриваніе въ немъ »логическаго опредѣленія« неумѣстно. Οἱ Ἑλένης μνηστῆρες значить: *Извѣстные* тебѣ, собесѣдникъ, люди, имѣющіе отношеніе къ Еленѣ (= οἱ Ἑλένης; въ другихъ случаяхъ могло бы *дальнѣйшаго* матеріальнаго существительнаго и *не быть*), а именно *женнхи* (подразумѣвая ея).**)

2. Анафорическое ὁ въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова. Подъ нимъ мы разумѣемъ то ὁ, которое заставляетъ слушателя вспомнить о предметѣ, что говорилось о немъ

ческимъ равенствомъ, то должны бы переводить, какъ переводили раньше: *извѣстный тебѣ, собесѣдникъ, предметъ* мужскаго рода (ὁ), *то есть, Пелопоннсская война*. Мы имѣемъ основаніе думать, что съ логическимъ равенствомъ въ концѣ концовъ не считались сами греки; они въ данномъ и ему подобнымъ выраженіяхъ понемногу привыкли усматривать въ словѣ ὁ интегральную часть выраженія, какъ чего то компактно *слытаго*, и не только не разгоразивали въ немъ двухъ половинъ, какъ того требовало »логическое равенство,« но вообще чувствовали все выраженіе въ слѣдующей синтетической (сравни стр. 327-8) зависимости: известная тебѣ, собесѣдникъ (Пелопоннсская война). Въ частности, т. е. касательно самого слова ὁ, мы хотимъ всѣмъ настоящимъ разсужденіемъ указать на то, что греки понемногу привыкли усматривать въ словѣ ὁ *признаковое* слово (= известный тебѣ, собесѣдникъ, такой то предметъ, обозначенный матеріальнымъ существительнымъ), чѣмъ, конечно, первоначально слово ὁ не было.

*) Здѣсь, повидимому, греки не теряли сознанія о *двухъ* половинахъ выраженія. Конечно, и *тутъ* не чувствовалось само ὁ какъ одна изъ этихъ половинъ (ибо тогда вышло бы ихъ въ настоящемъ выраженіи цѣлыхъ *четыре*). Разбивая данное выраженіе на *дѣя* половины, мы ставимъ въ одну ὁ πόλεμος, а въ другую, въ смыслѣ appositionis, ὁ Πελοποννησιακός.

**) Въ концѣ концовъ, конечно, можно было опять таки *привыкнуть* чувствовать Ἑλένης въ »смыслѣ« *признаковаго* слова (οἱ Ἑλένης μνηστῆρες = Елены женнхи) и смотрѣть на *все* выраженіе »οἱ Ἑλένης μνηστῆρες« такъ, какъ *привыкли* смотрѣть, по вопросу о синтетической зависимости (сравни предпоследнее подстрочное примѣчаніе), на выраженіе ὁ Πελοποννησιακός πόλεμος.

выше. И оно могло быть замѣнено болѣе широкими анафорическими словами $\acute{o}\tilde{\upsilon}\tau\omicron\varsigma$ и $\acute{\epsilon}\kappa\epsilon\tilde{\iota}\nu\omicron\varsigma$ *), само присоединяясь къ нимъ, — по крайней мѣрѣ въ болѣе позднемъ, сравнительно, языкѣ, — какъ ихъ усиленіе. Оно употребляется то самостоятельно (сравни, напр., выраженіе $\pi\rho\acute{o}\ \tau\omicron\tilde{\upsilon}\tilde{\delta}$ = передъ тѣмъ, т. е. передъ вышесказаннымъ; ** сюда же относится и разъясненное на стр. 428–9 $\omicron\tilde{\iota}\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \dots\ \omicron\tilde{\iota}\ \delta\acute{\epsilon}$), то въ соединеніи съ матеріальнымъ именемъ *существительнымъ* ($\tau\acute{\alpha}\ \pi\alpha\tilde{\iota}\delta\tilde{\iota}\alpha$ *** = вышеупомянутыя дѣти; при *собственномъ* имени его опять таки употреблять не нужно), а то и передъ матеріальнымъ *признаковымъ* именемъ ($\omicron\tilde{\iota}\ \acute{\alpha}\nu\alpha\chi\omega\rho\acute{\eta}\sigma\alpha\nu\tau\epsilon\varsigma$ = вышесказанные люди, т. е. отступившіе).

Приведенное $\omicron\tilde{\iota}\ \acute{\alpha}\nu\alpha\chi\omega\rho\acute{\eta}\sigma\alpha\nu\tau\epsilon\varsigma$ представляет собою одинъ изъ тѣхъ случаевъ (они могутъ встрѣтиться и въ другихъ симасіологическихъ отгѣнкахъ слова δ), о которыхъ говорятъ, что въ нихъ черезъ прибавленіе слова δ признаковое имя превращается въ существительное. Разсуждающіе такъ представляютъ себѣ, что само δ принимает на себя всю substantiv'ную функцію и *воплнѣ* освобождаетъ отъ нея присоединяющееся къ нему признаковое слово. Мы съ этимъ несогласны.†) По первоначальному смыслу конструкціи, $\omicron\tilde{\iota}$ представляетъ одну сторону логическаго уравненія, а $\acute{\alpha}\nu\alpha\chi\omega\rho\acute{\eta}\sigma\alpha\nu\tau\epsilon\varsigma$ — другую (мы же переводили: вышеупомянутые люди, т. е. отступившіе), и каждое изъ нихъ, *отдѣльно* взятое, должно исполнять *самостоятельно* роль *существительнаго*. Отъ этой роли слову $\acute{\alpha}\nu\alpha\chi\omega\rho\acute{\eta}$ -

*) Положимъ, слова $\acute{o}\tilde{\upsilon}\tau\omicron\varsigma$ и $\acute{\epsilon}\kappa\epsilon\tilde{\iota}\nu\omicron\varsigma$ составляютъ здѣсь нѣкоторый *рѣчь* въ сравненіи съ короткимъ δ , такъ какъ отгѣнковъ *близости* и *отдаленности*, въ какомъ бы мы смыслѣ ни *толковали* эту близость и отдаленность (сравни стр. 428), простое δ обозначить не можетъ.

**) Въ прибавленіи *матеріальнаго* существительнаго, какъ *вспомогательнаго* средства для обозначенія предмета, слово δ здѣсь особенно не нуждается, такъ какъ о *самомъ* предметѣ говорилось *только что*.

***) И здѣсь нужно предположить *постепенный* переходъ отъ логическаго равенства (= вышеприведенные предметы средняго рода, именно дѣти) къ пониманію выраженія $\tau\acute{\alpha}\ \pi\alpha\tilde{\iota}\delta\tilde{\iota}\alpha$ въ смыслѣ компактно слитаго оборота, въ которомъ $\tau\acute{\alpha}$ чувствуется *признаковымъ* словомъ.

†) Вообще, о способности слова δ «превращать» признаковыя имена въ существительныя можно разсуждать, по нашему мнѣнію, лишь въ *шестомъ* его симасіологическомъ отгѣнкѣ, о которомъ рѣчь впереди.

οαντες отказываться *не приходится*: на стр. 194-5 мы выяснили, что *вообще* признаковому имени *легко* перейти въ роль существительнаго.

Не ошибаемся ли мы, и не слѣдуетъ ли въ οί ἀναχωρήσαντες усматривать первоначально не логическое равенство, а отношеніе слова οί, какъ психо-логическаго подлежащаго, къ ἀναχωρήσαντες, какъ психо-логическому сказуемому? Не злоупотребляли ли мы *вообще* логическимъ равенствомъ въ объясненіи конструкцій съ ό? Если бы ἀναχωρήσαντες было *сказуемымъ* по отношенію къ слову οί, то тогда бы все οί ἀναχωρήσαντες обозначало: выше-приведенные люди; они *отступили* (= они — *отступившіе*). »Слитое затѣмъ въ одно *компактное* цѣлое«, оно *дѣйствительно* могло бы производить такое впечатлѣніе, что ό *превращаетъ* признаковое имя (т. е. сказуемое, *выраженное* признаковымъ именемъ) въ существительное, такъ какъ это »*компактное* цѣлое« *вышло бы изъ фразы: тѣ, что отступили.* Но едва ли это все такъ. Если бы это было такъ, т. е. если бы »ἀναχωρήσαντες« *было сказуемымъ къ слову »οί«, то тогда въ »вышесказанномъ«, на которое все »οί ἀναχωρήσαντες« *служить намекомъ, не могло бы быть рѣчи объ отступленіи какъ чертѣ, черезъ которую собесѣдникъ знакомился съ предметомъ. А между тѣмъ вся сущность выраженія οί ἀναχωρήσαντες, какъ намекъ на »вышесказанное«, въ томъ и заключается, что слушатель черезъ »ἀναχωρεῖν« *знакомился съ предметомъ. Разъ это такъ, то въ самомъ намеке слово ἀναχωρήσαντες, можетъ быть только поименованіемъ предмета (стало быть, — существительнымъ), а не сказуемымъ предмета (стало быть, — не признаковымъ словомъ).***

3. Контекстивное ό. Если авторъ рѣчи заговорилъ о какомъ нибудь предметѣ (напр. кораблѣ), или о какой нибудь картинѣ (напр. кражѣ), то *необходимыя части* этого предмета (мачта, паруса и пр.) и *необходимыя элементы* этой картины (воръ, краденныя вещи и т. д.) сразу рисуются въ нашемъ представленіи, хотя бы говорящій и *не упоминалъ* о нихъ особыми словами, а потому тамъ, гдѣ дѣло наконецъ

доходитъ до упоминанія о нихъ, онъ можетъ говорить о нихъ, какъ о находящихся въ представленіи слушателя, не внося въ него —, а изъ него ихъ вызывая и, такъ сказать, ссылаясь на нихъ, какъ на »вышеупомянутые«.*) Такъ и въ случаяхъ, гдѣ что нибудь представляется »самоподразумѣвающимся« *продолженіемъ* начатаго, языкъ прибѣгаетъ къ контекстивному *ὁ*. Послѣ *πρῶτον μὲν* (= сперва; конечно, *сперва* есть »нарѣчіе«; но мы скоро докажемъ, что »нарѣчія« суть собственно имена существительныя), слѣдуетъ *τὸ δὲ δεῦτερον* (= а тамъ, дальше).

4. Раздѣлительное *ὁ*. Заговоривъ или собираясь говорить о какой нибудь *группѣ* предметовъ, авторъ рѣчи можетъ опереться на *врожденное* какъ ему, такъ и его слушателю стремленіе различать, сопоставлять, дѣлать, классифицировать и можетъ *вызывать* въ слушатель это *идущее* ему на встрѣчу стремленіе, указывая на *часть* группы »раздѣлительнымъ« *ὁ*. Когда говорятъ *τῶν γονέων οἱ ἀγαθοί*, то этимъ хотятъ сказать: ты знаешь, какъ обыкновенно различаютъ родителей; такъ вотъ, изъ нихъ хорошіе *то*** (подразумѣвай *γονεῖς*) поступаютъ такъ то. Если гдѣ, то именно *здѣсь*, при »раздѣлительномъ« *ὁ*, умѣстно соединять съ существительнымъ *признаковое* имя въ качествѣ »логическаго опредѣленія«***). При этомъ, можно сказать, само *ὁ* *помогаетъ* ему исполнять его роль, такъ какъ »логическое опредѣленіе« *дѣлитъ* логическій объемъ предмета, а *ὁ* *вызываетъ* на это дѣленіе †). Нечего особенно рас-

*) Чтобы и *здѣсь* слово *ὁ* было »замѣняемо« словами *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, на это мы не имѣемъ примѣра подъ рукою; *принципиально* этого отвергать нельзя.

**) Надобно замѣтить, что русское »то« сопровождается греческое *ὁ* во *всѣхъ* его симасіологическихъ отгннкахъ, за исключеніемъ *последняго* т. е. *шестого*.

***) Сравни стр. 192.

†) Это — не то, что было въ *ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος* на стр. 433-4, или что могло бы быть въ другихъ симасіологическихъ отгннкахъ слова *ὁ*, если бы туда попало »логическое опредѣленіе«. Въ *ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος* на стр. 433-4, слово *ὁ*, хотя и »относилось« къ »логическому опредѣленію«, но его *непосредственная* роль представляла собою нѣчто совершенно другое, чѣмъ какую бы то ни было *помощь* логическому опредѣленію исполнять его роль. Разумѣется, когда признаковое слово *не*

пространяться о томъ, что напр. *οἱ ἐπιστήμονες*, или то же *οἱ ἀγαθοί*, когда къ нему *не* приставлено существительное, или когда къ нему *не* приставленъ родовой падежъ (какъ было выше *τῶν γονέων*), изъ котораго можно бы *подразумѣвать* существительное къ нему, не даетъ опять таки ни *малѣйшаго* повода видѣть въ *ὁ* нѣчто, »превращающее«*»* признаковое *ἐπιστήμονες* или *ἀγαθοί* въ *существительное*; *οἱ ἐπιστήμονες* или *οἱ ἀγαθοί*, если въ немъ *οἱ* — »раздѣлительное«, значить: бери *часть* предметовъ *мужескаго* рода (= людей); бери *знающихъ* — *хорошихъ*. Другими словами, — по *первоначальной* конструкціи (мы *опять* имѣемъ здѣсь дѣло съ логическимъ равенствомъ), слова *ἐπιστήμονες* и *ἀγαθοί* исполняютъ роль существительныхъ просто по *склонности* признаковыхъ исполнять эту роль.

5. 'О синтаксическаго подлежащаго (разумѣй, *ὁ* того существительнаго *имени*, которое попадаетъ въ синтаксическое подлежащее, или того *признаковаго* имени, которое, исполняя роль логическаго опредѣленія, *помогаетъ* существительному имени опредѣлить предметъ *). Такъ какъ синтаксическое подлежащее излагаетъ *данное*, въ противоположность *искомому*, то понятно, что »данное«, какъ метафора *«известнаго»*, можетъ быть отмѣчено словомъ *ὁ*.

6. Эпифорическое или грамматическое *ὁ*. Эпифорическое значеніе слова *ὁ* — внѣ всякаго сомнѣнія. Если эпифорически могло употребляться слово *ὁδε*, которое представляетъ собою осложненное *ὁ* (сравни выше стр. 416.), то почему не

исполняетъ роли »логическаго опредѣленія«, и когда *ὁ* къ нему вообще *не* »относится«*»* (приходится ли понимать это »отношеніе«*»* въ смыслѣ примѣра *ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος*, или въ смыслѣ выраженія *τῶν γονέων οἱ ἀγαθοί*), то признаковое должно стоять *внѣ* конструкціи слова *ὁ*, по какому бы мотиву послѣднее ни появлялось въ рѣчи: *ὁ μέγας πόλεμος* значить: изъ войнъ та, что *великая* — ты ес, эту *великую* войну, знаешь, — *ὁ μέγας ὁ πόλεμος* значить: ты, читатель, знаешь эту войну; она, — *надобно тебѣ сказать*, — великая.

*) На стр. 173. мы разсуждали о томъ, что въ синтаксическое подлежащее можетъ попасть весьма сложное выраженіе, а потому появленіе при немъ слова *ὁ* находится въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ находилось *ὁ* историческаго намека (сравни выше стр. 342; а анафорическое и контекстивное *ὁ* развѣ не можетъ попасть въ тѣ же условія? — конечно да!)

могло употребляться въ томъ же значеніи и простое *ὁ*? Какъ между *ὄδε* и *τῆμ* »нижеслѣдующимъ«, о которомъ само *ὄδε* предупреждаетъ, находится пауза (въ теперешней орфографіи мы ее привыкли отмѣчать черезъ двоеточіе; сравни русское *онъ сказалъ нижеслѣдующее: я, говоритъ онъ, не долженъ . . .*), такъ нужно предположить паузу и для объясненія первоначальной конструкціи эпифорическаго *ὁ*. Другими словами, между эпифорическимъ *ὁ* и *τῆμ*, о чемъ оно предупреждаетъ, слѣдуетъ предположить отношеніе логическаго равенства. Эпифорическое *ὁ* оказалось удобнымъ:

а) При глагольномъ имени (*τὸ παιδεύειν, τοῦ παιδεύειν* и т. д.). До сихъ поръ мы сопротивлялись всякому толкованію слова *ὁ* какъ превращающаго несуществительное въ существительное. На стр. 397. мы указывали на то, что глагольное имя исполняетъ роль такого или иного падежа, слѣдовательно, — роль существительнаго, благодаря синтаксическому своему положенію. Мы понимаемъ, что если слово *ὁ* добралось до эпифорическаго значенія, т. е. до роли простаго предупрежденія о томъ, что послѣдуетъ ниже, то глагольное имя могло имъ воспользоваться для того, чтобы самому выйти изъ своей »двусторонности« и сдѣлаться настоящимъ существительнымъ. Ибо *ὁ*, находящееся въ логическомъ равенствѣ съ *τῆμ*, о чемъ оно предупреждаетъ, возводитъ предупреждаемое въ то положеніе, которое принадлежитъ ему самому, т. е. въ положеніе имени существительнаго. Если бы само глагольное имя было неоспоримымъ существительнымъ, то оно никакого предупрежденія о себѣ не искало бы. *Τοῦ παιδεύειν* значить: вотъ чего, — воспитыванія.

б) При признаковыхъ именахъ, какъ простыхъ, такъ и глагольных (*τὸ ἀλγεῖνόν — οἱ εὐτυχοῦντες*). Хотя признаковыя имена легко переходили въ роль существительныхъ, но разъ установилось въ эпифорическомъ *ὁ* средство, помогающее имъ въ этой роли, то они имъ воспользовались. Не навернись эта помощь, мы бы ихъ встрѣчали чаще въ со-

вершено *самостоятельно**) видѣ въ роли существительныхъ. Такъ оно оказывается въ *славянскихъ* языкахъ, гдѣ этой помощи нѣтъ.

в) При *всякой* части рѣчи, т. е. при *каждомъ* словѣ, когда оно должно быть, какъ Платонъ выражается (Soph. 250 с), *ὄνομα ὀνόματος*, т. е. когда оно должно служить поименованіемъ или того *звукового* комплекса, или того *значенія*, которое въ немъ заключается. *Τὸ ἐν* значить: 1. слово *ἐν*, какъ *звукъ*; 2. то *внутри*, которое выражено въ словѣ *ἐν*; сравни *τὸ ἄνθρωπος*, *τὸ γράφω* и т. д. *Вмѣсто* отдѣльныхъ словъ могутъ наступить и *сложныя выраженія*; сравни *τὸ ἐὰν ποιήσῃς* и т. д.

г) Въ оборотахъ какъ то: *οἱ ἄνω*, *οἱ κάτω* и т. д. *Οἱ ἄνω* обозначаетъ: вотъ кто; они *наверху*. Выраженіе *наверху* въ данномъ переводѣ представляетъ собою синтаксическое сказуемое къ слову они, которое только *извлекается* изъ самого *вотъ кто*, передающаго эпифорическое *ὀ*. Такимъ образомъ *οἱ ἄνω* является *брахилогическимъ* выраженіемъ, въ которомъ *ἄνω* представляетъ сказуемое, хотя и не формальное (т. е. не — «согласуемое»).** Сказуемое къ чему? Въ концѣ концовъ къ слову *οἱ*. И вотъ, для того чтобы оно изъ сказуемаго сдѣлалось *поименованіемъ* предмета, оно должно быть предупреждено словомъ, которое бы его *подняло* на такую высоту; это и *достигается* словомъ *ὀ*, *уравнивающимъ* его съ собою, какъ именемъ *существительнымъ****). *Вмѣсто* *ἄνω* могутъ здѣсь появиться *сложныя* выраженія. Сравни *οἱ ἐν Ἀσίᾳ* и т. д.

*) Мы не согласны съ тѣмъ, что говоритъ Wegener по поводу *der Adelige, der Schwarze* и т. д. Смотри Untersuch. 83: Hier ist deutlich, dass das Adjectivum die Qualität bezeichnet, der Artikel die Substanz. Если бы это было такъ, то къ чему — такая разстановка, и почему бы не утвердиться скорѣе разстановкѣ *schwarze der*?

**) Уже на стр. 367. мы указывали на отношеніе синтаксическаго сказуемаго къ сказуемымъ психо-логическому и логическому.

***) Такое же брахилогическое выраженіе, «*поднимающее*» сказуемое (въ данномъ случаѣ — сказуемое «*формальное*», т. е. не синтаксическое), мы видимъ въ томъ *ἀρετή τις*, о которомъ упоминали на стр. 415 въ подстрочномъ примѣчаніи. По первоначальной конструкціи, *ἀρετή τις* значить: нѣчто; это нѣчто есть *добродѣтель*.

Такъ какъ эпифорическое δ употребляется исключительно для того, чтобы слова и выраженія, о которыхъ оно предупреждаетъ, чувствовались существительными, притомъ въ положеніи того или иного надежа, то мы его назвали также »грамматическимъ«.

Слѣдуетъ разборъ слова $\delta\zeta - \eta - \delta$. Разборъ этого слова на очереди уже потому, что и оно, какъ на то указано на стр. 420-1., причастно къ роли *анафорированія* третьяго грамматическаго лица, наряду съ сильными и въ нѣкоторыхъ случаяхъ »различительными« $\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma$ и $\epsilon\kappa\epsilon\iota\nu\omicron\varsigma$, съ болѣе слабымъ и »безразличнымъ«, но все же нуждающимся въ именительномъ падежѣ $\delta - \eta - \tau\acute{o}$, съ »возвратнымъ« $\alpha\upsilon - \alpha\iota - \epsilon$ и съ употребляющимся только для »синтаксической полноты« $\mu\upsilon - \nu\upsilon$ *).

Что сказать объ $\delta\zeta - \eta - \delta$? Мы его знаемъ по преимуществу какъ »относительное мѣстоименіе«. Но »относительность« и вообще синтаксическая »подчиненность предложений« ($\delta\pi\acute{o}\tau\alpha\chi\iota\varsigma$) считается чѣмъ то, развившимся въ языкахъ лишь *впоследствии*, и возражать противъ этого общепринятаго положенія не приходится. Этимологи сопоставляютъ слово $\delta\zeta - \eta - \delta$ съ славянскимъ $\text{н} - \text{ѣ} - \text{ш}$.*) Такимъ образомъ оно этимологически связано съ $\mu\upsilon - \nu\upsilon$. О $\mu\upsilon - \nu\upsilon$ мы рассуждали какъ о чемъ то, *не нуждающемся* въ именительномъ падежѣ, такъ какъ оно употребляется лишь для синтаксической полноты. А между тѣмъ въ $\delta\zeta - \eta - \delta$ встрѣчается именительный падежъ. Примирить это противорѣчіе можно лишь тѣмъ, что темъ »уа« вообще припишемъ не столько роль *анафорированія*, сколько скорѣе указанія на *тождественность*. Если мы признаемъ, что $\text{н} - \text{ѣ} - \text{ш}$ обозначаетъ не »вышеупомянутый«, а »опять онъ-она-оно« (это — большая

*) Слѣдовало бы тутъ упомянуть и объ $\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon - \alpha\upsilon\tau\acute{\omega} - \alpha\upsilon\tau\acute{o}$, но мы уже предупреждали о томъ, что оно вмѣшалось въ роль анафорированія третьяго грамматическаго лица *совершенно* со стороны. Мы и разборъ его помѣщаемъ лишь въ концѣ симасіологій формальныхъ именъ.

**) Brugmann (Grundriss II. 771): Relativum $\upsilon\alpha\varsigma$; griechisch $\delta\zeta - \eta - \delta$... Die Identitat mit dem anaphorischen $\iota\omega$ und i (имѣется въ виду именно $\mu\upsilon - \nu\upsilon$, равно какъ славянское $\text{н} - \text{ѣ} - \text{ш}$, а также латинское is) ist nicht zu bezweifeln.

разница: первое заставляет *вспоминаеть*, а второе — *не удаляеться* отъ предмета, о которомъ идетъ рѣчь*), то поймемъ, что именительный падежъ, — именительный *интонируемый*, какимъ и является $\delta\varsigma$ - η - δ , въ языкѣ не лишній: указывать на »*тождественность*« предмета съ тѣмъ, о которомъ шла до сихъ поръ рѣчь«, нужно иногда и съ подчеркиваніемъ. Очень долго держался въ греческомъ языкѣ оборотъ η δ' $\delta\varsigma$.**) Мы его переводимъ: говорилъ онъ-же.

Да, *тождественность* предмета, — вотъ симасіологическій центръ слова $\delta\varsigma$ (при этомъ оно было *существительнымъ*, а не *признаковымъ*), отъ котораго, по моему развѣтвлялись уже дальнѣйшіе его симасіологическіе отѣнки. Самое же развѣтвленіе мы себѣ представляемъ слѣдующимъ образомъ. Съ одной стороны, слово $\delta\varsigma$, какъ указывающее на *тождественность*, перешло въ *анафорическое* значеніе по отношенію къ *третьему* грамматическому лицу, вступая такимъ образомъ въ борьбу съ δ - η - $\tau\acute{o}$, причеиъ выгода была на его сторонѣ въ *тѣхъ* случаяхъ, гдѣ δ - η - $\tau\acute{o}$ не имѣло ударенія.***) Ибо въ *ударяемомъ* именительномъ падежѣ анафорическое слово третьяго грамматическаго лица нуждалось не только въ *тѣхъ* случаяхъ, когда, какъ мы говорили на стр. 422., приходилось вызывать въ слушатель болѣе *напряженное* воспоминаніе о предметѣ, но и по другимъ

*) Это совершенно не противорѣчитъ сказанному о *ми* на стр. 422, и мы, такимъ образомъ, *исключаемъ ми* изъ числа анафорическихъ словъ, какъ въ свое время исключили, по *первоначальному* значенію, слово *οὐ* - *οἶ* - *ἐ*.

**) Бругманъ, впрочемъ, не думаетъ, что $\delta\varsigma$ въ оборотѣ η δ' $\delta\varsigma$ тождественно съ »относительнымъ« $\delta\varsigma$. Vielleicht — говоритъ онъ Grundriss II. 774 — gab es auch bereits im Urindogermanischen ein *vos*; vergleiche altindisch *vas*, griechisch $\delta\varsigma$ (η δ' $\delta\varsigma$), lateinisch *ip* - *uis* neben *ipse*.

***) Совершенно, тутъ идетъ вопросъ объ *одной* лишь формѣ $\delta\varsigma$ (что эта форма у Омпра *часто* употребляется »вмѣсто« δ , — читателю извѣстно). Что же касается формъ η -*οἶ*-*αἶ* у Омпра, то не знаешь, принадлежать ли онѣ слову $\delta\varsigma$, или слову δ , такъ какъ встрѣчаешь и слово δ , — основательно ли, нѣтъ ли, — *интонируемымъ*, когда *вообще* удареніе анафорическаго слова *третьяго* грамматическаго лица почему нибудь нужно (для *множественнаго* числа омировскій языкъ, какъ извѣстно, выработалъ *особыя*, *ударяемая же*, формы отъ δ - η - $\tau\acute{o}$; мы разумѣемъ формы $\tau\acute{o}\iota$ - $\tau\acute{\alpha}\iota$; см. Brugmann Grundriss II. 767). Этому, сознаемся, *поверхностною* (глубже мы не успѣли выикнуть въ вопросъ), замѣткою мы ограничиваемся въ разрѣшеніе недоумѣнія, вызваннаго подстрочнымъ примѣчаніемъ на стр. 422.

мотивамъ, о которыхъ мы на стр. 419., въ подстрочномъ примѣчаніи, разсуждали по отношенію къ *другимъ* двумъ грамматическимъ лицамъ.

Съ другой стороны и *главнымъ* образомъ, слово $\delta\varsigma$ повернуло отъ значенія *тождественности* къ значенію «относительности». «Относительность» слова $\delta\varsigma$, какъ извѣстно, очень развита уже у Омира. И замѣчательно: какъ «возвратность» слова $ο\acute{\upsilon}\delta\text{---}ο\acute{\iota}\text{---}\epsilon$ легко могла сдѣлаться и въ концѣ концовъ *сдѣлалась* общею для *всѣхъ* грамматическихъ лицъ (смотри наше разсужденіе на стр. 425.), такъ и «относительность» слова $\delta\varsigma$, вышедшая изъ *тождественности* (тождественность, *сама по себѣ*, не есть что-нибудь, что должно непременно относиться къ *третьему* грамматическому лицу), доводитъ до такихъ явленій какъ: $\acute{\alpha}\chiου\sigmaον, \delta\varsigma \gamma\epsilon \eta\lambda\theta\epsilon\varsigma.$ *)

Какъ по *первоначальному* значенію, въ силу котораго $\delta\varsigma$ указываетъ на *тождественность* предмета, нельзя было назвать его анафорическимъ, такъ и о его «относительности» нельзя сказать, что это — *ἀναφορά*. *Αναφορά* есть возстановленіе *предварительнаго* знакомства съ предметомъ, а слово « $\delta\varsigma$ » очень часто является началомъ рѣчи, въ которой мы впервые *знакомясь* съ предметомъ (сравни: многіе люди любятъ только того, кто имъ оказываетъ благодѣяніе). Вообще, «относительность» есть не болѣе, не менѣе какъ синтаксическое выраженіе того, что одна мысль психологически подчинена другой, причемъ рѣчь, начинающаяся съ $\delta\varsigma$, является синтаксически «*подчиняемымъ*», опирающимся не на *предварительное* знакомство съ предметомъ, а просто на синтаксически «*подчиняющее*». Пунктуальною конструкціею мы должны считать, напр., такую: $ο\acute{\upsilon}\delta\prime υ\acute{\iota}\delta\varsigma \text{Καπανῆος ἐλήθειο συνθεσιάων τᾶων, ἄς ἐπέτελλε βοήν ἀγαθὸς Διομήδης}$ (Π. ε 320). Словомъ, «относительное» формальное имя ищетъ къ себѣ «*соотносительнаго*» фор-

*) Какъ $\delta\varsigma$ вмѣшивалось въ роль слова δ по отношенію къ *анафорическому* предмету, такъ δ вмѣшивалось въ «относительность» слова $\delta\varsigma$. Примѣры изъ Омира приводить нечею. Только въ *pendant* къ нашему $\acute{\alpha}\chiου\sigmaον, \delta\varsigma \gamma\epsilon \eta\lambda\theta\epsilon\varsigma$, приведемъ мѣсто изъ Илиады (β 262): $\text{Κλῦθ' ἔμει δ' χθιζὸς θεὸς ἦλυθεσ ἡμέτερον δῶ.}$

мальнаго имени. Роль »соотносительныхъ« исполняютъ и могли исполнять тѣ же анафорическія δ^* (у Омира — очень часто, въ послѣдствіи — *рѣже*), $\text{o}\dot{\upsilon}\tau\omicron\varsigma$ и $\text{\epsilon}\kappa\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$.)** Извѣстно, что не вездѣ эта, какъ мы выразились, »пунктуальность« соблюдается (въ какомъ нибудь $\text{\AA}\kappa\omicron\upsilon\sigma\omicron\nu\ \delta\varsigma\ \eta\lambda\theta\epsilon\varsigma$ даже нельзя ее соблюсти, такъ какъ $\delta\text{-}\text{o}\dot{\upsilon}\tau\omicron\varsigma\text{-}\text{\epsilon}\kappa\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ относится къ *третьему* грамматическому лицу, а тутъ идетъ рѣчь о $\text{o}\dot{\upsilon}$ ***), и что не всякое $\text{o}\dot{\upsilon}\tau\omicron\varsigma$ или $\text{\epsilon}\kappa\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$, которое *появляется* при $\delta\varsigma$, есть »соотносительное« †).

Русскія »относительныя« слова вышли изъ *вопросительныхъ*. Русское *кто съестъ, тотъ жметъ* значить: отвѣтивъ на *вопросъ, кто съестъ*, ты опредѣлишь жнущаго. Если русское вопросительное могло перейти въ относительное, то греческое относительное, въ свою очередь, могло перейти въ вопросительное, разумѣется, — въ вопросительное синтаксически *подчиненное* (въ такъ называемомъ косвенномъ *вопросѣ*). Сравни Herod. 9. 71.: $\gamma\epsilon\nu\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\eta\varsigma\ \lambda\epsilon\sigma\chi\eta\varsigma$,

*) Не сказать ли намъ, въ такомъ случаѣ, особенно въ виду примѣра $\text{b}\upsilon\nu\theta\epsilon\sigma\iota\acute{\alpha}\omega\nu\ \tau\acute{\alpha}\omega\nu$, $\text{\AA}\varsigma\ \text{\epsilon}\pi\acute{\epsilon}\tau\epsilon\lambda\lambda\epsilon\ \text{\AA}\iota\omicron\mu\acute{\eta}\delta\eta\varsigma$, что δ при относительномъ $\delta\varsigma$ функционируетъ вовсе не какъ »соотносительное«, а просто какъ *эпифорическое*, *предупреждав* о предметѣ, съ которымъ мы знакомимся въ выраженіи, начинающемся съ $\delta\varsigma$? Этого сказать нельзя. *Не всегда* выражение, начинающееся съ *относительнаго* слова, дѣйствительно впервые *знакомитъ* съ предметомъ (да, не всегда, а только, какъ выше сказано, *очень часто*). Въ примѣрѣ я о *нихъ* не могу вспоминать съ *благодарностью*, о *нихъ*, *которыя* *мы* *надѣялись* *столько* *эти* не можетъ быть рѣчи о *первомъ* *знакомствѣ* съ предметомъ въ »относительномъ« предложеніи. Вообще, если въ относительныхъ и соотносительныхъ словахъ желательно удержать термины *ἀναφορά* и *ἐπιφορά*, то это возможно развѣ въ томъ смыслѣ, что относительныя и соотносительныя слова *анафорируютъ* и *эпифорируютъ* не *предметы*, а *другъ друга*. Разъ они всетаки что нибудь *анафорируютъ* или *эпифорируютъ*, то и понятно, почему *анафорическія* слова δ и пр. *могли* *принять* на себя роль »соотносительныхъ«.

**) Разницу между *отдельными* соотносительными словами — опредѣлить затрудняюсь.

***) Читатель знаетъ о такъ называемыхъ »attractiōnes«, въ коихъ »относительное« $\delta\varsigma$ своимъ *надеждемъ* подчиняется тому, отъ чего оно синтаксически *зависитъ*, и уже *этимъ* *заявляетъ* о своей подчиненности, *не ища* *никакаго* соотносительнаго слова (сравни греческое $\lambda\upsilon\beta\omicron\upsilon\mu\alpha\iota\ \text{\textcircled{f}}\ \lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\iota\varsigma$ и русское *упомяетъ чьѣмъ* *Богъ* *послалъ*).

†) Thus. I. 10: $\text{N}\omicron\mu\acute{\iota}\zeta\epsilon\iota\nu\ \delta\acute{\epsilon}\ \tau\eta\nu\ \sigma\tau\alpha\tau\epsilon\iota\alpha\nu\ \text{\epsilon}\kappa\epsilon\acute{\iota}\nu\eta\nu\ \mu\epsilon\gamma\acute{\iota}\sigma\tau\eta\nu\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \gamma\epsilon\nu\acute{\epsilon}\sigma\theta\alpha\iota\ \tau\acute{\omega}\nu\ \pi\acute{\rho}\omicron\delta\ \alpha\upsilon\tau\eta\varsigma$, $\text{\eta}\nu\ \epsilon\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma\ \text{\epsilon}\pi\acute{\iota}\ \tau\acute{\omicron}\ \mu\epsilon\acute{\iota}\zeta\omicron\nu\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \tau\omicron\nu\ \pi\omicron\iota\eta\tau\eta\nu\ \kappa\omicron\sigma\mu\acute{\eta}\theta\alpha\iota$ (здѣсь $\text{\epsilon}\kappa\epsilon\acute{\iota}\nu\eta\ \text{\eta}\ \text{\eta}\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha$ есть *чисто* *анафорическое*; рѣчь идетъ о *походѣ* *противъ* *Троя*, съ которымъ *Фукидидъ* *знакомилъ* *читателя* и *раньше*).

ὅς ἀριστος γένοιτο. Извѣстно, что слово »ὅστις«^{*)} *очень* часто употребляется въ косвенномъ вопросѣ (извѣстны Аристофановскія выраженія: τίς γὰρ εἶ; ὅστις; — τί δ' αὐ λέω; ὅτι; — τί ποιεῖς; ὅτι ποιῶ;**) и т. д.

Относительными *признаковыми* являются οἷος, ὄσος и ἤλικος. Роль *соотносительныхъ* къ нимъ исполняютъ слова τοιοῦτος, τοσοῦτος и τηλικούτος (въ »эпическомъ« языкѣ простыя τοῖος, τόσος и τηλίκος).

И не знаю, какъ смотрѣть на слова ὀπόδος, ὀπηλικος и ὀπόσος: вышли ли они этимологически изъ относительныхъ οἷος - ἤλικος - ὄσος, или изъ вопросительныхъ ποῖος - πηλικος - πόσος? Другими словами, мнѣ неизвѣстно, считать ли ихъ первоначально относительными, или вопросительными, разумѣется, — *косвенно* - вопросительными, такъ какъ въ »*прямыхъ*« вопросахъ они ненужны и не употребляются. Для языка, конечно, это — все равно. Ибо они и въ качествѣ *относительныхъ* могли встрѣчаться какъ косвенно - *вопросительныя* (они по большей части такъ и встрѣчаются), и въ качествѣ *вопросительныхъ* не должны чуждаться, — мы это нашли въ *русскомъ* языкѣ, — роли относительныхъ (καὶ δύναμιν δὲ οἶδα ὅτι ὀπόσην ἂν δύνηται ἔχων, πάρεσται σοι; Хер. Сугор. VI. 1. 45.).

Въ роли *относительныхъ*, а не *вопросительныхъ*, — слова ὀπόσος, ὀπόιος и ὀπηλικος входятъ въ тѣ composita, — теперь мы имѣемъ возможность разсмотрѣть ихъ поближе, — которыя мы на стр. 415. назвали »*обобщающими*«. То οὖν, которое встрѣчается въ ὀστιςοῦν,

*) Несомнѣнно, что *относительное* ὅστις — *первоначальное*, чѣмъ »*косвенно* — *вопросительное*«. Будучи предупреждено *соотносительнымъ*, какъ ему, *относительному*, приличествуетъ, оно, по моему мнѣнiю, обозначаетъ: тотъ нѣкто, кто (въ русскомъ переводѣ я только *передвижу* слово »*тисъ*« къ *соотносительному* слову, что, кажется, должно быть позволено, при той тѣсной связи, которая существуетъ между относительными и соотносительными).

**) Такимъ образомъ »*τί ποιεῖς; ὅτι ποιῶ*«; можно бы комментировать, согласно предыдущей замѣткѣ, черезъ слѣдующія выраженія: »*что ты дѣлаешь? то нѣчто, что я дѣлаю?* Въ сущности, все вопросительное значенiе, которое вышло изъ относительныхъ словъ, заключается въ тонѣ, придаваемомъ *всему* выраженiю, — въ тонѣ, такъ сказать, *обще-синтаксическомъ*, а не составляющимъ принадлежность самого *формальной* слова, какъ это было въ *вопросительномъ* »*τίς*« — »*τίνος*« и т. д.

ὄπισσος οὖν и т. д., этимологи принимаютъ за вещный падежъ отъ темы *awa* *) (славянское »овы о десную, овы о шую«). *Awa* есть анафорическая тема, и само οὖν, являющееся уже, какъ вещный падежъ, окаменѣлостью, а не полнымъ, т. е. не по всемъ падежамъ склоняющимся формальнымъ существительнымъ, обозначало бы тогда: простираясь на »упомянутое« **) въ данномъ случаѣ. О словѣ δῆ, которое встрѣчается въ ὄπισσος δῆ ποτε, рѣчь еще впереди, но мы не ошибемся, если его пока по смыслу сопоставимъ съ русскимъ *ужь* (ῆ δῆ было бы тогда расширенное δῆ). Такой смыслъ мы ясно видимъ въ выраженіи ἐπειδὴ δέ (= а разъ ужь это такъ, то . . .); ποτέ есть »нарѣчие«, обозначающее когда *нибудь* (и о немъ, впрочемъ, рѣчь еще впереди).

Такимъ образомъ, выраженіе напр. ἄλλην ἡντιναοὖν τέχνην или ἡντινα δῆ ποτε τέχνην обозначаетъ: »другую науку, нѣкую ту, которую въ данномъ случаѣ« или: »другую науку, которую ужь (= несомнѣнно) когда *нибудь* (= какъ *нибудь****). Во всемъ этомъ замѣчается нѣкоторый брахилогизмъ. Такой же брахилогизмъ мы встрѣчаемъ въ извѣстномъ оборотѣ ὅς καὶ ὅς (Herod. 48. 68: τὰς βασιλείας ἰστίας ἐπιόρηκε ὅς καὶ ὅς). Ὅς καὶ ὅς значить: тотъ *который* да тотъ *который*. Брахилогизмъ заключается здѣсь въ томъ, что слово *который*, это начало синтаксически подчиненной рѣчи, остается безъ продолженія. †)

*) Новѣйшіе этимологи не затрагиваютъ этого слова, но мы не имѣемъ рѣшительно никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что говоритъ объ этомъ словѣ Боппе Vergl. Gramm. II. 176: Zum zendischen Demonstrativum *awa* und altslavischen *owo* . . . ziehe ich auch das griechische *οὖν*, welches durch seinen Gebrauch deutlich auf prominalen Ursprung hindeutet und durch seine Endung sich als Accus. masc. oder Nom.-Accus. neutr. zu erkennen giebt.

**) Съ какимъ частнымъ отгѣнкомъ тема *awa* вошла въ другія анафорическія слова, или она вошла въ греческій языкъ изъ другого языка съ отгѣнкомъ, *имѣвшимся* уже въ греческихъ анафорическихъ словахъ (и это можно предположить!), на это отвѣтить трудно.

***) Что темпoрал'ное *когда-нибудь* могло перейти въ modal'ное *какъ-нибудь*, это выяснится въ слѣдующемъ отдѣлѣ изслѣдованія.

†) Брахилогически употребляется, уже въ болѣе позднемъ языкѣ, и раздѣлительное οἱ μὲν . . . οἱ δέ (Dem. 18. 71: πόλις Ἑλληνίδας ἄς μὲν ἀναίρων, εἰς ἄς δὲ φευγίδας κατάγων; сравни русское: *которые поуничтожатъ, а въ ко-*

Сама рѣчь, которой мы ждемъ послѣ *который*, должна бы въ данномъ случаѣ знакомить насъ ближе съ *предметомъ*, намѣченнымъ въ соотносительномъ *тогъ* и въ относительномъ *который*.*) Выходить, что весь брахилогизмъ есть не болѣе, не менѣе какъ прекращеніе рѣчи, такъ сказать, на полусловѣ, съ цѣлью оставить невыясненнымъ предметъ, на выясненіи котораго рѣчь прекратилась. Разница между брахилогизмомъ относительныхъ и обобщающихъ формальныхъ словъ та, что при первыхъ говорящій выяснять предметъ не желаетъ или не умѣетъ, а при вторыхъ — выясненіемъ этимъ не интересуется. Насколько это *отсутствіе* интереса въ *обобщающихъ* формальныхъ словахъ *выражено* прибавками *οὐν-δῆ-ποτέ*, — сказать трудно. Да врядъ-ли оно въ нихъ и выражено; извѣстно, по крайней мѣрѣ, что и простое *ὅστις* употребляется въ смыслѣ «обобщающемъ».

Особеннымъ отгѣнкомъ въ относительныхъ и соотносительныхъ словахъ является восклицательный.***) Онъ имѣетъ мѣсто исключительно въ *признаковыхъ* относительныхъ и соотносительныхъ, такъ какъ восклицаніе въ данномъ случаѣ есть выраженіе *удивленія*, а удивляться мы можемъ предмету изъ за его *признаковъ*. Когда говорятъ *ὅσα ἤμας εἶργασται κακά* или *οἷα ἤμας εἶργασται κακά*, и произносятъ эту фразу съ восклицательнымъ тономъ (тонъ этотъ, во всякомъ случаѣ, не данъ здѣсь *самимъ* словомъ *οἷος*, а вносится въ него и во всю фразу *извне*), то слово *οἷος*, *именно* черезъ внесеніе въ него восклицательнаго тона, *оторвано* отъ своего соотносительнаго *τοῖος*. Не будъ

торые такъ повводилъ бѣглецовъ; собственно = съ одной стороны онъ *поуничтожалъ* города тѣ, которые . . . , а съ другою — повводилъ бѣглецовъ въ тѣ, которые . . .).

*) Такъ же мы себѣ объясняемъ *τὸν καὶ τὸν*, *замыняющее*, какъ извѣстно, оборотъ *ὅς καὶ ὅς*. *Τὸν καὶ τὸν* чувствуется здѣсь въ значеніи *эпифорическомъ* (= *нижесльдующій да нижесльдующій*), но само эпифорируемое не выяснено, и, такимъ образомъ, *τὸν καὶ τὸν* остается *тоже*, какъ бы, безъ *продолженія*.

**) Греческій языкъ *никогда* не употребляетъ въ восклицаніяхъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, *вопросительныхъ τοῖος* и т. д. Извѣстны относящіяся сюда выраженія съ особою *разстановкою* въ родѣ *θαυμάστα ἤλικα* и т. п.

оно отъ него оторвано, и имѣй оно возможность опереться на τοῖος, то само »τοῖος« оказалось бы для него, быть можетъ, не единственною опорю. Слово τοῖος должно бы тогда быть частью сложнаго выраженія, и въ этомъ сложномъ выраженіи слово οἶος, быть можетъ, получило бы свое дальнѣйшее объясненіе. Фраза ὅσα ἡμᾶς εἴργασται κακὰ, заключающая въ себѣ одно относительное слово, произнесенная восклицательно и не связанная ни съ какою другою рѣчью, вызываетъ на вопросъ: а сколько, въ самомъ дѣлѣ, бѣдствій онъ причинилъ намъ? И вотъ, этотъ вопросъ остается въ рѣчи безъ отвѣта. Отвѣтъ только подразумевается, и подразумевается, опять таки подъ вліяніемъ восклицательнаго тона, съ которымъ была произнесена фраза, въ слѣдующемъ видѣ: подумай, слушатель и удивляйся, какъ удивляюсь я.*) Въмѣсто ὅσα ἡμᾶς εἴργασται κακὰ можно бы сказать и соотносительное »τοσαῦτα ἡμᾶς εἴργασται κακὰ« (= столько бѣдствій онъ намъ причинилъ!, и мы всетаки готовы забыть все), и тогда опять τοσαῦτα будетъ оторвано отъ своего относительнаго οἶος, и результатъ для мысли останется тотъ же самый.**)

Остается разобрать αὐτός и ἄλλος.

Симасіологическихъ отгѣнковъ слова αὐτός -- нѣсколько. Они видны изъ слѣдующихъ примѣровъ.

1. τοὶ δὲ φθινύθουσι ἔδοντες οἶκον ἐμόν. τάχα δὴ με διαρραΐσουσι καὶ αὐτόν (Od. α 251); предметъ, въ данномъ случаѣ лицо, противопоставляется тому, что ему принадлежитъ.

2. ὤλεσε τηλοῦ νόστον Ἀχαιῖδος, ὤλετο δ' αὐτός (Od. ψ 23); противопоставляется »переходъ дѣйствія отъ дѣятеля на предметъ« сосредоточенію »дѣйствія на самомъ дѣятелѣ«.

3. ἀλλ' οὐ μοὶ Τρώων τόσσον μέλει ἄλλος ὀπίσω, οὐτ' αὐτῆς Ἐκάβης (Il. ζ 450); указывается на предметъ, въ дан-

*) Иногда къ этому отвѣту побуждаетъ какое-нибудь ὄραξ и т. п. (ὄραξ, ὄσοι ἐσμέν! = ты видишь, какая масса насъ!).

**) Я не знаю, какъ понять примѣры въ родѣ αἵματος εἰς ἀγαθοῖο οἶα ἀγορεύεις (Od. δ. 611); слѣдуетъ ли здѣсь »извлекать« изъ »οἶα« соотносительное слово (въ тебѣ хорошая кровь *суля по тому, что ты говоришь*), или же читать οἶα ἀγορεύεις восклицательно (въ тебѣ хорошая кровь; *какъ ты великолѣпно говоришь!*).

номъ случаѣ на лицо, какъ на *первыи* членъ въ ряду другихъ, — какъ на *главныи*, сосредоточивающій на себѣ весь интересъ по отношенію къ тому, о чемъ идетъ рѣчь.

4. καὶ αὐτοῦς ἐδίνεον, κατὰ μέσσοις (Od. δ 18); противопологается предметъ его ближайшему сосѣдству.

5. αὐτοὶ ἔσμεν; исключается содѣйствіе чье бы то ни было въ какомъ нибудь дѣлѣ.

6. τῷ δ' αὐτῷ πάντα ἔφκει (Od. δ 655); съ выразительностью указывается на правильность *выбора* предмета (= ему, и именно ему, а не кому нибудь другому).

7. ζημοὶ ἑαυτὸν; выразительно указывается на возвратъ дѣйствія *къ тому же* лицу, отъ котораго оно вышло.

8. τίη μ' ἐθέλεις ὀλέσαι, σὺ δὲ μ' ἔπρεφες αὐτῇ (Od. τ 482); указывается на *тождественность* предмета (въ данномъ случаѣ *лица*) въ *разныхъ* (въ данномъ случаѣ противорѣчащихъ другъ другу) положеніяхъ. Эта тождественность можетъ выступить *логическимъ опредѣленіемъ* имени существительнаго, привлекающимъ раздѣлительное ὁ: τὸν αὐτὸν τρόπον значить: изъ способовъ тотъ, который тождественъ съ другимъ.

Наконецъ, 9. αὐτοῦ - αὐτῷ - αὐτόν стало понемногу употребляться вмѣсто *μν-ιν* » для синтаксической полноты« по отношенію къ *третьему* грамматическому лицу (см. стр. 423).

Больше указанныхъ *девяти* симасіологическихъ отгѣнковъ слово αὐτός не имѣеть; это выяснилось въ нашихъ »Исслѣдованіяхъ въ области греческаго мѣстоименія« (Кіевъ 1877). Гдѣ же, спрашивается, симасіологическій центръ этихъ отгѣнковъ? На это мы отвѣтимъ *двумя* замѣчаніями.

Вопрвыхъ, во всѣхъ отгѣнкахъ, за исключеніемъ *девятого*, развившагося впослѣдствіи, мы видимъ αὐτός относящимся ко *всѣмъ* грамматическимъ лицамъ и исполняющимъ роль не указателя предмета, а психо-логическаго сказуемаго или даже логическаго опредѣленія къ слову, обозначающему предметъ. Стало быть, слово αὐτός есть слово *признаковое*. Если въ *девятомъ* отгѣнкѣ оно чувствуется прямымъ указателемъ *предмета*, то это объясняется ослабленіемъ со-

знанія его первоначальной роли. По первоначальному его значенію долженъ быть и *здесь* прибавленъ, или по крайней мѣрѣ »подразумѣваемъ«^а прямой указатель предмета. Какъ $\sigma\upsilon\ \delta\acute{\epsilon}\ \mu\prime\ \epsilon\tau\ \rho\epsilon\phi\epsilon\varsigma\ \alpha\upsilon\tau\acute{\eta}$ заключаетъ въ себѣ такого указателя, а слово $\alpha\upsilon\tau\acute{\eta}$ выражаетъ при немъ нѣчто, что можно передать русскимъ *именно* — *самъ*, такъ и въ $\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma\ \epsilon\phi\eta$, хотя » $\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$ «^а чувствуется въ смыслѣ *самостоятельнаго* слова (такъ и русское »самъ«^а — »сама«^а чувствуется въ значеніи *хозяйинъ-хозяйка*), но, по первоначальному, оно не есть »ближайшій опредѣлитель лица, показаннаго въ окончаніи глагола«, какимъ было $\delta\iota\delta\acute{\alpha}\sigma\chi\alpha\lambda\omicron\varsigma$ во фразѣ $\delta\iota\delta\acute{\alpha}\sigma\chi\alpha\lambda\omicron\varsigma\ \delta\iota\delta\acute{\alpha}\sigma\chi\epsilon\iota$ (ср. стр. 176–7.), а представляетъ психо-логическое *сказуемое* къ этому лицу ($\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma\ \epsilon\phi\eta$ значить по первоначальному: *самъ* »онъ«^а сказалъ, какъ и $\alpha\upsilon\tau\omicron\iota\ \epsilon\pi\omicron\iota\acute{\eta}\sigma\alpha\mu\epsilon\nu$ значить: *сами* »мы«^а это сдѣлали). И какъ въ $\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma\ \epsilon\phi\alpha$ нужно *собственно* при $\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$ подразумѣвать »онъ«, такъ и $\epsilon\acute{\omega}\rho\alpha\ \tau\omicron\nu\ \alpha\upsilon\delta\rho\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \epsilon\lambda\epsilon\gamma\epsilon\nu\ \alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}$ приходится толковать: видѣлъ врага и сказалъ *именно* (ему) = сказалъ *самому* (подразумѣвай *ему*) = сказалъ *не иному кому нибудь* (подразумѣвай *а ему*) = *сказалъ* [ему] *же*.

Второе наше замѣчаніе касается прежде всего *этимологии* слова $\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$. Относительно ея наши этимологи не могутъ придти ни къ какому соглашенію (смотри Ebeling Lex. Not. sub vocibus $\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$, $\alpha\upsilon$). Мы, руководствуясь непосредственнымъ чутьемъ *значенія* этого слова, считаемъ его за превосходную степень отъ слова $\alpha\upsilon$. Если $\pi\rho\acute{\omicron}\tau\omicron\varsigma$ могло быть superlativ'омъ къ слову $\pi\rho\acute{\omicron}$, то и противъ *нашего* superlativ'a возражать не приходится. $\alpha\upsilon$ указываетъ на *возвращеніе* къ прежнему, на обращеніе *назадъ*, на *неудаленіе* отъ извѣстнаго пункта.*) Оно имѣетъ значеніе русскаго *опять*. Разница — та, что русское *опять* есть *матеріальное* слово (связано этимологически съ словомъ *пята*), а въ греческомъ $\alpha\upsilon$ мы никакого *матеріальнаго* содержанія не видимъ. Оно, кажется намъ, рисуетъ только

*) Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы вернемся къ $\alpha\upsilon$.

лнню поворачиванія и недвиженія впередъ. По этому мы слово αὐτός считаемъ *формальнымъ*, а не *материальнымъ* словомъ. Оно, согласно своему этимологическому происхожденію, очень *выразительно* (superlativ!) указываетъ, что не слѣдуетъ *нисколько* удаляться отъ предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Мы просимъ читателя *разсмотрѣть* еще разъ всѣ девять симасіологическихъ отгѣнковъ разбираемаго нами слова, и онъ найдетъ *вездѣ* выдержаннымъ именно *это* значеніе. Такимъ значеніемъ оно *очень* близко подходитъ къ значенію слова ὅς, какъ указателя *тождественности*, отличаясь отъ него рѣзко только въ томъ, что ὅς указывало *предметъ*, тождественный съ другимъ, а αὐτός указываетъ *только* на движеніе впередъ, тогда какъ *предметъ*, къ которому это движеніе относится какъ его признакъ, долженъ быть по *первоначальному* выраженъ *особымъ* словомъ. Мы были правы, когда говорили, что αὐτός вмѣшалось въ борьбу за роль указателя *третьяго* грамматическаго лица *совершенно* со стороны.

На ἄλλος мы долго останавливаться не будемъ. Оно составляетъ прямую противоположность слову αὐτός. Если αὐτός указывало, что слѣдуетъ оставаться непосредственно при предметѣ, о которомъ идетъ рѣчь, то ἄλλος есть *отрицаніе* этого указанія. Ἄλλος обозначаетъ: *не тотъ* предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, — о которомъ ты, слушатель, думаешь. Какъ αὐτός было *признаковымъ* словомъ, такъ и ἄλλος мы считаемъ *признаковымъ*, и какъ *признаковое* оно должно бы соединяться *собственно* съ *существительнымъ*. Такъ оно, впрочемъ, *обыкновенно* употребляется. *Обыкновенно* говорятъ не ἄλλος, а ἄλλος τις. Особенно замѣчательно — употребленіе слова ἄλλος въ compositivѣ ἀλλήλων-ἀλλήλοις-ἀλλήλους, обозначающемъ: не тотъ не того — не тотъ не тому = другой другого — другой другому = другъ друга — другъ другу. Русское *другой* должно *собственно* двигаться между *двумя* предметами (для *нѣсколькихъ* предметовъ мы располагаемъ въ русскомъ языкѣ словомъ *иной*), а потому оно соотвѣтствуетъ не столько греческому ἄλλος, сколько скорѣе слову ἕτερος. Ἐτερος

(сравнительная степень) есть, такимъ образомъ, только *видоизмѣненіе* слова ἄλλος. Извѣстно толкованіе этимологовъ, сводящихъ и ἔτερος (ἄτερος), и ἄλλος къ отрицательному ἄν (ἀνασίδης и пр.); сравни, однако, стр. 415. *)

Послѣ разъясненія формальныхъ именъ и именъ вообще слѣдовало бы перейти къ разбору той части рѣчи, которую называютъ »нарѣчіемъ«. Въ общемъ, геометрическое мѣсто для отыскиванія »нарѣчій« — извѣстно. »Нарѣчія« суть окаменѣлые падежи тѣхъ же *именъ*, какъ матеріальныхъ (σαφῶς отъ σαφής, γυνύξ отъ γόνυ), такъ и формальныхъ (οὕτως отъ οὗτος, ἄλλως отъ ἄλλος = не такъ, не по *настоящему*). Вопросъ только въ томъ, гдѣ они *начинаются* (слово πολύ, въ выраженіи πολὺ ἢ διον, считаютъ уже »нарѣчіемъ«, хотя »окаменѣлости« падежа, какъ будто, еще *не видать*), и гдѣ *кончатся*. Опредѣлить ихъ начало будетъ легко, такъ какъ нами опредѣленъ самый *полюсъ*, къ которому они приближаются своимъ *началомъ*. Хорошо бы опредѣлить предварительно и *тотъ* полюсъ, гдѣ они *кончатся*. Этими полюсомъ должны быть »союзы« или, какъ говорятъ »частицы«. Перейдемъ къ разбору »частицъ«.

*) Часто мы передвигаемъ отрицательное значеніе слова ἄλλος на положительное. На ἑτέρα χεῖρὶ (т. е. ἐτέρα; см стр. 415) мы правильно смотримъ какъ на выраженіе русскаго »одною (какою нибудь) рукою« но соотвѣтственно этому ищемъ и въ φιλοῦσι ἄλλήλους нѣчто, что можно передать словами »одниъ другого любить.« Если бы мы въ толкованіи послѣдняго выраженія держались *отрицательнаго* значенія слова ἄλλος, то мы много выгадали бы въ *пониманіи* самого выраженія. Для разъясненія моей мысли я выхожу отъ фразы ἄλλος ἄλλον βιάζεται. Понимая *отрицательно* слово ἄλλος, я въ *данной* фразѣ нахожу выраженнымъ слѣдующее: на комъ бы ты, слушатель, ни остановился, всегда найдешь *другого*, кто *насилуетъ*, и на комъ бы ты ни остановился какъ *насилуемомъ*, всегда найдешь *другого*, о которомъ можно сказать то же. Черезъ такое толкованіе чувствуется лучше та *безпорядочность* картины, та *неразборчивость* въ ней, которая и *нарисована* въ данномъ выраженіи. И какъ здѣсь гораздо лучше понимается неразборчивость и пестрота картины, если мы держимся *отрицательно* значенія слова ἄλλος, такъ въ φιλοῦσι ἄλλήλους чувствуется лучше *взаимность* при *томъ же* условіи. Φιλοῦσι ἄλλήλους значить: они любятъ, причемъ любящій не есть непременно и *только* тотъ, на которомъ ты, слушатель, быть можетъ, остановился, а *другой*, и о *любимомъ* можно сказать то же. Конечно, то, что мы здѣсь сказали о *взаимности* при словѣ ἄλλος, можно бы примѣнитъ и къ *двойственности* при словѣ ἕτερος. Ἐτέρα χεῖρὶ можетъ обозначать: *рукою*, причемъ ты, слушатель, не останавливайся непременно на одной; есть еще *другая*.

VII.

Частицы и „нарѣчія“.

Рѣчь есть выраженіе связной мысли, а связная мысль есть сужденіе и рассужденіе. Сужденіе, это — окончательное *рѣшеніе* чегонибудь. Ему предшествуетъ спрашиваніе, *исканіе*. Спрашивать мы можемъ въ связной мысли о какойнибудь *одной* части ея, установивъ всѣ остальныя: *τίς λέγει, τίνα ἀδικεῖτε, ποῖον τὸ ἔργον ἐποίησαν* и т. д. »Спрашивать объ *одной* части мысли, установивъ остальныя«, значить (если перенестись отъ *мысли* къ *рѣчи*, какъ ея *выраженію*): искать какогонибудь одного *слова*,*) установивъ остальныя. Это *одно* слово есть непременно какоенибудь *имя*, — или существительное, или признаковое. Ибо до сихъ поръ другихъ частей рѣчи у насъ не было. О предлогахъ не спрашиваютъ (спрашиваютъ *γὰρ*, а отвѣтъ на это получается: *надъ* водою, *подъ* водою и т. д.), а если *кромя* имени имѣется еще глаголь, то глаголь является выраженіемъ *цѣлой* мысли, и разъ мы ищемъ только *часть* мысли, то мы можемъ спрашивать только о его *а*, или о его *б*; въ первомъ случаѣ мы спрашиваемъ *τί ποιεῖ*, и получаемъ отвѣтъ *γράφει* а во второмъ — *τίς γράφει*, и получаемъ отвѣтъ *οὗτος*, или *ἀδελφός*, или чтонибудь подобное. На *счетную* часть рѣчи мы смотримъ въ этомъ случаѣ какъ на *признаковое* имя (см. стр. 354) и спрашиваемъ о ней

*) Отчего только *одного*? Конечно, можно искать и нѣсколько словъ сразу, но объ этомъ ниже.

признаковымъ же «пѣси». «Парѣчій» мы, положимъ, еще не разбирали, но въ общемъ и *они* суть *имена* (ихъ окаменѣлые падежи), соотвѣтственно чему мы и спрашиваемъ о нихъ *именами* же (*формальными* и окаменѣлыми ихъ падежами): о словѣ $\chi\alpha\lambda\acute{\omega}\varsigma$ мы спрашиваемъ словомъ $\tau\acute{\omega}\varsigma$ и т. д. Выходитъ, что если приходится искать какую нибудь *часть* мысли, то мы, ища, въ сущности, какое нибудь *имя*,*) можемъ это осуществить черезъ *имена* же, — имена формальные, а въ частности вопросительныя. *Исполнивъ* эту задачу и *отвѣтивъ* на вопросы, мы получаемъ въ рѣчи синтаксическія *сказуемыя*, а части мысли, напередъ *установленныя*, играютъ при нихъ роль синтаксическихъ подлежащихъ.

Случаямъ, въ которыхъ какая нибудь *одна* часть мысли не установлена и *ищется*, мы должны противопоставить случаи, гдѣ *вся* мысль напередъ установлена, а только извѣстная ея часть, — та, которая потомъ должна сдѣлаться синтаксическимъ *сказуемымъ*, — подвергается *колебанію*. Во фразѣ *орель-хищникъ* мы можемъ подвергнуть колебанію *вторую* ея часть (орель, ты думаешь, *хищникъ*?), или *первую* (ты орла считаешь хищникомъ?), въ примѣрѣ $\tau\eta\nu\ \tau\omicron\upsilon\ \acute{\alpha}\pi\epsilon\acute{\iota}\rho\omicron\upsilon\ \lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\iota\varsigma\ \phi\acute{\upsilon}\sigma\iota\nu$ (Plat. Phil. 25 d) подвергается колебанію слово $\acute{\alpha}\pi\epsilon\acute{\iota}\rho\omicron\upsilon$ и т. д. Въ *глаголь* мы можемъ подвергнуть колебанію только его *а* (*оѣи* = ты такъ *думаешь*?); ибо если бы почему либо нужно было подвергнуть колебанію *б*, то это повело бы къ выдѣленію этого *б* въ особое слово, такъ какъ *подвергаемое* колебанію должно быть *интонируемо* (*оѣ таѣта оѣи* = ты такъ *думаешь*?; сравни выше стр. 180.**)

*) Это еще не значить, что намъ *отвѣтитъ* непременно именемъ; *отвѣтъ* можетъ получиться въ формѣ какого нибудь *сложнаго* выраженія.

**) Можно подвергнуть колебанію и самую *квалитативность* сужденія и *время* сужденія, выраженныя въ глаголѣ (да и отчего не подвергнуть колебанію и *залиговой* и *видовой* отгѣнки глагола?). Но такое колебаніе, пожалуй, трудно отмѣтить обычною интонаціею, хотя невозможнымъ этого считать нельзя. Впрочемъ, чаще всего въ подобныхъ случаяхъ *прибѣгаютъ* къ *особымъ выраженіямъ* (иногда съ противопоставленіемъ одного отгѣнка другому) въ родѣ: *вѣрно* это? — быть можетъ, ты это говоришь *такъ только*? Или: это твоё *убѣжденіе*? — быть можетъ, это только твоё *желаніе*? Или: это *было* уже? — быть можетъ, это еще только *будеть*? и т. д.

До какой широты доходить намѣченное въ такихъ колебаніяхъ »синтаксическое сказуемое«,*) можно усмотрѣть изъ примѣра »τὸν θεὸν ἐλέγομεν ποῦ τὸ μὲν ἄπειρον δεῖσαι τῶν ὄντων, τὸ δὲ πέρασ« (отвѣтъ πανυ μὲν οὖν. — Plat. Phileb. 23 с), гдѣ изъ »намѣченнаго синтаксическаго сказуемаго« можно исключить только слова θεὸν ἐλέγομεν (θεὸν ἐλέγομεν есть синтаксическое подлежащее).

Во *всѣхъ* случаяхъ, гдѣ *часть* мысли, напередъ вполнѣ установленной, подвергается колебанію, самое колебаніе выражается *тономъ*. Тонъ насъ не касается. Но нѣтъ ли и *слова*, — нѣтъ ли »частицы«, въ родѣ русскаго »ли«, которая бы въ такихъ случаяхъ такъ или иначе**) присоединялась къ намѣченному синтаксическому сказуемому?

Такую »частицу«, имѣющую значеніе русскаго »ли«, хотятъ видѣть въ ἄρα. Но ἄρα не можетъ быть этою частицею. Этимологи *вѣрно* замѣчаютъ, что ἄρα есть въ сущности то же ἄρα, которое, будучи этимологически связано съ ἀραρίσχω и съ ἄρθον***), указываетъ на такую или иную (обыкновенно *причинную*), *связь* одной мысли съ другою. Ἄρα, повидимому, есть »нарѣчіе«, образованное на подобіе словъ ὄκα, τάχα и пр., есть »окаменѣлый падежъ«, обозначающій »въ связи« — »слѣдовательно« (и русское *слѣдовательно* всякій назоветъ »нарѣчіемъ«, а

*) Можно довести до извѣстной широты »намѣченное синтаксическое сказуемое« и въ *первыхъ* случаяхъ, когда мы »спрашиваемъ объ именахъ«, но тогда приходится *комбинировать* самыя тѣ *формальныя* имена, при посредствѣ *которыхъ* мы спрашиваемъ: τίς τίνα καὶ πῶς εἶ ποιεῖ (это пусть будетъ отвѣтомъ на вопросъ возбужденный на стр. 451. подстрочнымъ примѣчаніемъ).

**) Я говорю »такъ или иначе« потому, что такое слово, такая »частица« можетъ быть присоединена опять только къ *слову*, а не ко *всему* »намѣченному синтаксическому сказуемому«. Какъ въ этомъ случаѣ распоряжается языкъ, *какое* слово избираетъ онъ для присоединенія къ нему »частицы«, какъ »*разставляетъ*« онъ слова, чтобы »частица« чувствовалась относящеюся ко *всему* »синтаксическому« сказуемому, — это опять таки дѣло не »симиологии частей рѣчи и ихъ формъ«.

***) Это — *принятая* этимологія (см. Curtius Grundz. 341. Prellwitz Wörterb. и др.). Бруманъ не *приводитъ* этой этимологіи; онъ только указываетъ (Grundr. I. 231) на связь нашего слова съ однозвучнымъ словомъ въ *литовскомъ* языкѣ и опредѣляетъ его какъ Partikel zur Bezeichnung der natürlichen Folge und dergleichen.

именно окаменѣлымъ *вещнымъ* надежемъ). Такимъ образомъ, фраза »*ἄρα τοῦτο ἐγένετο*« значить: стало быть, *это* случилось?*) Другими словами, *ἄρα*, т. е. собственно *ἄρα*, — составляетъ ли вмѣстѣ съ *τοῦτο* »намѣченное синтаксическое сказуемое«, или принадлежитъ вмѣстѣ съ *ἐγένετο* къ синтаксическому подлежащему, — входитъ *всѣмъ* своимъ значеніемъ въ составъ »напередъ установленной мысли«, а если его *удареніе* нѣсколько другое, то въ этомъ нужно видѣть только отраженіе того *общаго* вопросительнаго тона, который *часть* мысли подвергаетъ колебанію, и кромѣ котораго здѣсь никакого *другого* »вопросительнаго средства« *нѣтъ*.

Далѣе, въ видѣ вопросительной частицы выдвигаютъ *οὐκοῦν*. *Οὐκοῦν* представляетъ собою не одно, а два слова. Они могутъ появляться въ мысли, подвергающейся колебанію, не только *оба* вмѣстѣ (*οὐκοῦν αἰσχρόν τοῦτο* = а не правда ли, что это позорно?), но и *порознь* (*οὐ τοῦτο αἰσχρόν ἐστι; βούλει οὖν καὶ Σωκράτει τῷδε ἀνακοινώσομεν τὸν λόγον*), однако, ни то, ни другое не можетъ быть тѣмъ словомъ, котораго мы ищемъ. *Οὖν* нами уже выяснено на стр. 445-6. какъ »нарѣчіе«, и при томъ его значеніи, которое тамъ, правда, лишь въ *общихъ* чертахъ намѣчено, можно о немъ повторить по отношенію къ *теперешнему* вопросу то же, что нами сказано объ *ἄρα*. Что же касается *οὐκ*, то оно, конечно, есть не во-

*) Правда, *ἄρα* часто появляется, между прочимъ, и въ самомъ началѣ рѣчи. Такъ, Платоновскій діалог Alc. II. прямо *начинается* со словъ »*ὦ Ἀλκιβιάδη, ἄρα γε πρὸς τὸν θεὸν προβεβήκειν πορεύεις*«. Но это — начало, какое мы часто встрѣчаемъ и въ *русскомъ* языкѣ. Не будетъ ошибки, если мы *данное* мѣсто діалога переведемъ: такъ чтожь? Алкивиадъ! — мы . . и т. д. Ужь никто не будетъ сомнѣваться въ томъ, что слово *такъ* (— »нарѣчіе«, т. е. окаменѣлый падежь къ формальному имени *тогда*), *тоже* обозначаетъ »связь съ предыдущимъ«. Это »предыдущее« здѣсь только подразумевается, и самое »подразумѣваніе« психологически объясняется тѣмъ, что прежде обращенія къ слушателю говорящій *соображалъ* кое о чемъ, и что обращеніе его къ слушателю является слѣдствіемъ и продолженіемъ этихъ соображеній. Кромѣ *такъ* въ приведенной русской фразѣ помѣщено и формальное вопросительное имя *что(же)*. Такъ и въ греческомъ языкѣ часто предупреждается мысль, подвергающаяся колебанію, словомъ *τ[ὸ] ε[ἶ]-τ[ὸ] ὅτι* (*τί δὲ — ἵκανόν τ' ἀγαθόν*; Plat. Phil. 20 d). Объяснять умѣстность этого слова *здѣсь* мы считаемъ лишнимъ; впрочемъ мы къ нему еще вернемся.

просительное слово, а просто отрицаніе. Вопросительнымъ словомъ его можно назвать въ *нашихъ* случаяхъ лишь въ томъ смыслѣ*), что появленіе его въ мысли, подвергающейся колебанію, есть *отраженіе* самого колебанія (а не что нибудь, придающее самимъ собою характеръ вопроса данному выраженію). Ибо, подвергая мысль колебанію, я могу проявить это черезъ внесеніе въ ея выраженіе *отрицанія*. Это дѣлается вполне *сознательно*, такъ какъ колебаніе въ томъ и состоитъ, что мысль, чего добраго, можетъ *разрѣшиться* отрицательно.***) Говорятъ нерѣдко о «*риторическомъ*» значеніи нашего *οὐκ* (*ἀρ' οὐ περὶ φρονήσεως ἦν καὶ ἡδονῆς ἡμῖν ἐξ ἀρχῆς ὁ λόγος, ὁπότερον αὐτοῖν αἰρετέον*. Plat. Phil. 18. e), но «*риторичность*» въ данномъ случаѣ есть *ироничность*, — есть особое настроеніе говорящаго, въ силу котораго онъ лишь *для вида* подвергаетъ колебанію то, что *для себя* считаетъ *вѣрнымъ*.****) Эту ироничность можно иногда и *найти* въ *οὐκ*, но въ другихъ случаяхъ ея вовсе *нѣтъ* въ немъ. Что наряду съ *οὐκ* встрѣчается въ нашихъ случаяхъ и *μή*, а также *μῶν* (= *μή οὐν*, какъ *οὐκοῦν*), а то и *μῶν οὐν* (составъ слова *μῶν*, повидимому, уже не *сознавался*, когда стали прибавлять къ нему *οὐν*), или *μῶν μή* (*μῶν μή μακρὸς ὁ λόγος*. Plat. Soph. 263 a — *μῶν οὐ* у Еврипида Med. 733), — это все извѣстно, и разницу между *οὐκ* и *μή* выяснимъ ниже.

Остаются слова *ἦ* и *εἰ*. [†]*Н*,†) по нашему мнѣнію, есть *истинно* вопросительная «частица». Сводитъ ее къ «нарѣчію»

*) Въ этомъ смыслѣ мы и *μή* на стр. 143. назвали «*вопросительнымъ*».

** Отъ этихъ случаевъ нужно различать другіе, гдѣ сама мысль, которую я подвергаю колебанію, есть *отрицательная*. Тогда языкъ либо *разставляетъ* иначе слово *οὐκ* (тоѣто *ἀρ' οὐκ ἀγαθόν ἐστι*; — это, стало быть, не *есть* благо?), или ставитъ въ началѣ *οὐκοῦν* (*οὐκοῦν τοῦτο ἀγαθόν ἐστι* = *итакъ, это не есть благо?*).

*** На стр. 143 мы назвали *μή* «*риторически* — *вопросительнымъ*» въ нѣсколько *другомъ* смыслѣ; ниже мы *вернемся* къ этому *μή*.

†) Обыкновенно различаютъ «*ἦ-ἦέ*» и «*ἦ-ἦε*». Последняго не этимологизуютъ, а первое приводятъ въ связь съ латинскимъ *ve* и санскритскимъ *vā* (Brugmann Graudr. I. 537 и II. 776). Prellwitz (Wörterb. sub voce

нѣтъ основанія, какъ нѣтъ основанія сводить къ «нарѣчію» русское «ли»: ἢ παρ' ἐκείνου φαίνει (Plat. Prot. 309 b = отъ него ты идешь, что ли?). Извѣстно постоянное сопро- вожденіе мысли, передаваемой слушателю, словамъ ἢ γάρ = такъ, что ли? (о γάρ — ниже).

Если вопросительный тонъ (мы говоримъ о *тонѣ*, а не о *значеніи*, которое остается *всегда* себѣ вѣрнымъ), — если вопросительный тонъ ослабѣваетъ, то наступаетъ орфо- графія ἢ. Это бываетъ прежде всего въ такъ называемомъ «двучленномъ» вопросѣ: ὦ ξεῖνοι, τίνες ἐστέ; πόθεν πλεῖθ' ὑγρὰ κέλευθα; ἢ τι κατὰ προῆξιν ἢ μακρῶς ἀλλάγησθε οἶά τε ληιστήρες ὑπεῖρ' ἄλλα, τοῖ τ' ἀλόωνται ψυχὰς παρθέμενοι, κακὸν ἀλλοδαποῖσι φέροντες; (Od. ι 252) = ктѣ вы, откуда вы? — за дѣломъ ли какимъ нибудь ѣдете, такъ ли только скитаетесь по морю? Вопросительнаго *тона* не *нужно* было *особенно* подчеркивать въ ἢ, такъ какъ онъ достаточно отмѣченъ раньше въ словахъ τίνες и πόθεν (кто прочтетъ правильно все мѣсто по русски, тотъ *убьдится* въ ослаб- леніи тона послѣ *первыхъ* вопросовъ); но что самъ *вопросъ* тянется *до конца* мѣста, — это не подлежитъ ни *малѣй- шему* сомнѣнію. Омиръ, впрочемъ, — въ *усиленіи* вопро- сительнаго тона всякій воленъ, — ставить и здѣсь *про- тяжное* ἢ, особенно если на то наталкиваютъ *метрическія* требованія: ὦ μοι ἐγὼ, τέων αὐτε βροτῶν ἐς γαῖαν ἰκάνω; ἢ ρ' οἱ γ' ὑβρισται τε καὶ ἄγριοι οὐδὲ δίκαιοι, ἢ ἐ (тоже одинъ видъ *протяжнаго* ἢ, который и *нуженъ* былъ по *ме- трическимъ* соображеніямъ) φιλόξενοι, καὶ σφιν νόος ἐστὶ θεουδής (Od. ζ 119).

Обыкновенно «двучленный» вопросъ вводится словомъ *πότερον*: οἱ φαίνονται καὶ λέγοντες, ἢ μὴ ἴσασι, καὶ πρᾶτ- τοντες, πότερά σοι δοκοῦσι ἐπὶ τοῖς τοιούτοις ἐπαίνου μάλλον

ἢ ἐ) говорить: ἢ-ἢ = oder, aus ἢFé, altindisch vā oder . . . Мы, руководясь непосредственнымъ чувствомъ *значеніи* обоихъ словъ, не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что это — *одно* слово. Такъ, впрочемъ, полагаетъ и Hermann (Opusc. I. 209) и Baumlein. Послѣдній говорить (Partik. 125): wir können es nicht für unmöglich erklären, dass ἢ aus dem «ver- sichernden» oder «fragenden» (итакъ, *два* значенія!) ἢ hervorging.

ἢ ψόρου τυγχάνειν; (Хер. Мемог. II. 6. 16) = чего из двухъ, по твоему, они заслуживаютъ: похвалы скорѣе, поощренія ли? Два вопроса, заключающіеся здѣсь, представляются »предметами обсуждения«, и на оба »предмета« указывается *предварительно* словомъ *πότερον*, какъ и прежде (см. стр. 456. подстрочное примѣчаніе), въ »τί δέ, ἰκανόν τ' ἀγαθόν;« *одинъ* вопросъ, т. е. *одинъ* предметъ обсуждения, предупреждался словомъ *τί*. Не было бы ничего неестественнаго въ томъ, если бы и въ нашемъ *двучленномъ* вопросѣ оба вопроса приняты были за *одинъ* предметъ »обсужденія« и также предупреждены словомъ *τί* (*τί δέ, τρέφεται καὶ γίγνεται ἐκ τούτου καὶ ἄρχεται τὸ τοῦ παντός πῦρ ἐπὶ τοῦ παρ' ἡμῖν πυρός ἢ τοῦναντίον ἐπ' ἐκείνου τὸ τ' ἐμὸν καὶ τὸ σὸν καὶ τὸ τῶν ἄλλων ζώων ἅπαντα ἴσχει ταῦτα*; — Plat. Phil. 29 c). Нечего распространяться о томъ, что ни *τί*, ни *πότερον* не слѣдуетъ толковать по *первоначальному* ихъ смыслу за принадлежность *перваго* члена этого двойнаго вопроса, а что они являются члѣмъ то *самостоятельнымъ*, и *первый* членъ вопроса при нихъ остается безъ *всякой* вопросительной »частицы« (онъ можетъ оставаться безъ частицы и тогда, если бы никакого *τί* и никакого *πότερον* не было: *οἶσθα οὖν ὃ μέλλεις νῦν πράττειν, ἢ σε λανθάνει*; — Plat. Prot. 313 b). Конечно, при *привычкѣ* предупреждать двучленный вопросъ словомъ *πότερον*, сознание его какъ *самостоятельнаго* могло иногда и *ослабнуть*, и могли появляться такія фразы какъ *τινες κατηγοροῦσαν, πότερον Ἑλλήνες μάχης ἢ παῖς ἐμός* (Aesch. Pers. 351). До такого ослабленія не могло дойти *τί* просто потому, что оно, въ силу своего значенія, никакого отношенія собственно къ *двучлену* не имѣетъ (раньше сказано, что оно могло предупреждать собою двучленный вопросъ какъ *одинъ* »предметъ обсуждения«). Если оно иногда и *чувствуется* срастающимся съ *первымъ* членомъ въ нѣчто единое, и если вышеприведенное *τί δέ τρέφεται καὶ γίγνεται* и т. д. мы могли прочитатъ такъ, что между *τί δέ* и *τρέφεται* не нужно было дѣлать почти никакой паузы), то это ведетъ только къ тому, что *второй* членъ вопроса не получаетъ

даже значенія члена, а чего то *добавочнаго*, въ *первоначальномъ* планѣ мысли вовсе не *заключавшагося* (чтоже, онъ питается нашимъ огнемъ? — а можетъ быть нашъ огонь питается имъ?).

Что *второй* членъ какого бы то ни было «двучленнаго» вопроса (я не говорю теперь объ *обоихъ* членахъ, *предупрежденныхъ* какимъ нибудь *общимъ* вопросомъ, въ родѣ вышеприведеннаго *τίνες ἐστέ — πόθεν πλείτε* *), — что *второй* членъ какого бы то ни было двучленнаго вопроса *ослабляетъ* въ себѣ вопросительный тонъ сравнительно съ *первымъ* членомъ, можно опять таки провѣрить на *правильномъ* прочтеніи какого нибудь *русскаго* двучленнаго вопроса. Это *ослабленіе* вопросительнаго тона во *второмъ* членѣ влечетъ за собою *непремѣнное* появленіе особаго *вопросительнаго* слова (разъ *тонъ* ослабленъ, то чѣмъ же остается отмѣтить вопросъ, какъ не *словомъ*?). Такимъ образомъ, если *первый* членъ, при его еще *сильномъ* вопросительномъ тонѣ, могъ иногда оставаться *безъ* вопросительнаго слова (мы это выше видѣли), то во *второмъ* членѣ должно *непремѣнно* появиться *η*, хотя бы и не *протяжное* (т. е. не *η*). Въ *русскомъ* языкѣ *обыкновенно* (это не обязательно; сравни: не знаю, правда ли это, нѣтъ ли) во *второмъ* членѣ ставится *или*. Слово *или* представляетъ собою *compositum* изъ *и* (= *те, καί*) + *ли*. Этимъ «и», въ общемъ обозначающимъ *присоединеніе* чего нибудь къ чему нибудь (объ этомъ ниже), только и *отмѣченъ* второй членъ вопроса какъ *второй*, т. е. какъ *плюсъ* къ чему то другому. Это же явленіе мы видимъ въ *греческомъ* *η καί*, появляющемся довольно часто (сравни *Od. α 175, δ 712* и др.).

Надъ появленіемъ слова *η* въ двучленѣ, *не имѣющемъ* характера вопроса, нечего долго останавливаться; оно вполне *понятно*, и вполне согласно съ *вопросительнымъ* значеніемъ слова *η*. Въ самомъ дѣлѣ: двучленъ, *не имѣющій* характера вопроса, прежде всего можно раздѣлить на *conjunctiv'ный*

* Да и само *πόθεν* и *τί δέ*, чѣмъ оно не «предупредительный общій вопросъ», если оно дѣйствительно *чувствуется* самостоятельнымъ, а не *сросшимся* съ *первымъ* членомъ вопроса.

(онъ хватается и за то, и за другое) и disjunctiv'ный. Въ disjunctiv'номъ двучленѣ и *появляется* ή. Да и не есть ли disjunctio *сама по себѣ* нѣкоторый вопросъ? — не могла ли она быть понята въ такомъ смыслѣ, что я, говорящій, *не рѣшаю и оставляю подѣ вопросамъ*, въ ту ли или другую сторону повернуть самое *рѣшеніе* этого вопроса? Русскій языкъ въ этихъ случаяхъ употребляетъ *или-или*. Несомнѣнно, что въ этомъ *или* слово »и« указываетъ на двучленъ *вообще*, а »ли« остается *вопросительнымъ* словомъ.оборотъ *или панъ, или пропасть* значить: Можетъ быть *и* то, *и* другое; первое *ли* выйдетъ, второе *ли*, — не знаю. Такъ и греческій языкъ рядомъ съ ή-ή употребляетъ когда то ήτε-ήτε (II. ρ 42: ή τ' ἀλκῆς ή τε φόβου). Двучленъ вообще, хоть conjunctiv'ный, хоть disjunctiv'ный, можетъ быть или *заранѣе* обдуманъ говорящимъ, или является результатомъ лишь какой то *поправки*, какого то *дополненія* къ чему то, казавшемуся раньше *законченнымъ*. Такое впечатлѣніе не-обдуманнаго заранѣе двучлена производитъ фраза: онъ не *захочетъ* этого сдѣлать; да и *неподготовленъ* онъ вовсе къ этому (противопоставь фразу: онъ и *не захочетъ*, и *не сможетъ* этого сдѣлать). Мы не думаемъ утверждать, что *обдуманнѣе* заранѣе conjunctiv'ный двучленъ ведетъ къ употребленію въ *объяснѣ* его частяхъ слова »и«. Простое »онъ не захочетъ и не сможетъ этого сдѣлать«, также могло появиться при *обдуманномъ* заранѣе двучленѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что не-обдуманнѣе заранѣе двучленъ ведетъ *непрѣменно* къ отсутствію въ первомъ членѣ слова »и«. Такъ и въ disjunctiv'номъ двучленѣ ή можетъ появиться только *разъ*, при *второмъ* членѣ (ὡς δὲ λέων ἐν βοσσί θορών ἐξ αἰχένα ἀξή πόρπιος ἠὲ βοδός, ξύλοχον κάτα βοσκομένων. — II. ε 162), но особенно должна повліять на такое явленіе *неподготовленность* двучлена (εἰ τίνα που δῆριον ἔλοι ἐσχατόωντα, ή τίνα καὶ φῆμι ἐνὶ Τρώεσσι πύθοιτο = а то, чего добраго, и . . . II. х 207). Въ этихъ случаяхъ второй членъ очень приближается къ характеру *вопроса*. *Формальнымъ* вопросомъ этотъ второй членъ является въ такихъ выраженіяхъ какъ *τοῦτο καὶὼς*

ἀποβήσεται. ἢ οἶμι σύγε... (= или ты думаешь, что...? сравни, что выше сказано о «добавочномъ» членѣ въ примѣрѣ τί δὲ τρέφεται καὶ γίγνεται πῦρ...).

Особеннымъ отгѣнкомъ слова ἢ является *сравнительный* отгѣнокъ въ примѣрахъ βελτίων ἢ ἐγώ и т. п. *Замычательны* эти слова, употребляющіяся въ сравнительныхъ степеняхъ! Латинскій языкъ употребляетъ въ данномъ случаѣ *quam*. *Quam* есть окаменѣлый падежъ слова *qui-que-quod* и имѣетъ въ данномъ случаѣ *относительное* значеніе, опираясь на извлекаемое изъ него *соотносительное* слово (ср. стр. 443-4). *Major sum, quam tu* значить: какъ ты старъ, такъ я *старше* *). Въ русскомъ *разговорномъ* языкѣ *тоже* слышится иногда *какъ*, но чаще употребляется *чѣмъ*, оказывающееся также *относительнымъ* словомъ. *Я старше, чѣмъ ты* значить: благодаря чему ты старъ, благодаря тому я старше. Но русскій языкъ употребляетъ *еще* одно слово при сравнительныхъ степеняхъ. Это — слово *нежели*, и имъ русскій языкъ даетъ намъ ключъ къ разъясненію греческаго сравнительнаго ἢ. Иродотовское (впрочемъ, не *исключительно* Иродотовское) ἐποίησα ταχύτερα ἢ σοφώτερα значить: мой поступокъ былъ болѣе поснѣшнѣйшій а можетъ быть онъ — болѣе умный? (Подразумѣвается *не думаю*; другими словами, фраза ἢ σοφώτερα чувствовалась первоначально выраженіемъ *риторическаго* вопроса, возбуждающаго только *слушателя* подумать о содержаніи его,

*) — поскольку ты *старъ*, постольку я *старше*. Это разсужденіе напоминаетъ намъ статью Schoemanna: über die Comparativpartikeln der griechischen und verwandten Sprachen (Höfers Zeitschrift 1853, pag. 131 seq). Schömann приводит нѣкоторыя мѣста, гдѣ и въ греческомъ языкѣ при comparativ'ахъ употребляется ὡς. Онъ указываетъ на то, что случаевъ такого употребленія было бы гораздо больше, если бы комментаторы и издатели, не справляющіеся съ такимъ ὡς и не понимающіе его (онъ его толкуетъ приблизительно такъ же, какъ мы), не успѣли замѣнить его словомъ ἢ. Употребленіе слова ὡς въ сравненіяхъ наводитъ Шемана на мысль, не есть ли и ἢ этимологически то же самое, что ὡς, т. е. не есть ли ἢ, вмѣсто ἢ (тонкое придыханіе часто чередуется съ густымъ), «adverbial'ная» форма отъ ὄς - ἦ - ὄ. Съ послѣднимъ мы согласиться не можемъ, такъ какъ тогда не получается синтаксическое единство во всѣхъ случаяхъ употребленія еслн не *всего* ἦ - ἦ, то по крайней мѣрѣ одного ἦ (дальше мы не намѣрены распространяться объ этой мысли, предоставляя *читателю* провѣрить ее по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ мы разсуждаемъ объ ἦ).

и рѣшеннаго самимъ говорящимъ въ отрицательномъ смыслѣ*). Такъ и фразѣ *πρεσβύτερος ἐμι σοῦ* я придаю первоначальный смыслъ: я старше, или можетъ быть *ты* такъ старъ? Русское *я занимался усерднѣе нежели ты*, по моему мнѣнiю, обозначало первоначально: я занимался усерднѣе; *не — уже* (= же) — *ли* ты занимался такъ усердно? Чешскiй языкъ *пропускаетъ* вопросительное «ли» и выражается такъ: *on myslil o tom víc než ty* = онъ думалъ объ этомъ больше; *не ты же* объ этомъ такъ думалъ!

При такомъ объясненiи сравнительнаго ἤ приходится чувствовать самую сравнительную степень въ томъ «*absolut*номъ» значенiи, на которое наши грамматики указываютъ, какъ на *особый* отгѣнокъ *comparativ*'а. Да и не является ли *absolut*'ное значенiе *comparativ*'а первоначальнымъ? Иначе трудно было бы объяснить, почему, напр., славянскiе языки съ такими натяжками образуютъ у себя *превосходную* степень. И не въ *absolut*'номъ ли значенiи нужно толковать тотъ *comparativ*, который принимаетъ къ себѣ удалительный падежъ? (сравни выше стр. 390). Конечно, въ концѣ концовъ *потерялось* сознание *вопросительнаго* значенiя слова ἤ въ нашихъ случаяхъ. При *вопросительномъ* значенiи оно *оторвано* отъ *comparativ*'а (между нимъ и *comparativ*'омъ приходится дѣлать *паузу*), между тѣмъ какъ мало по малу привыкали его считать непремѣнною *принадлежностью* *comparativ*'а, такъ что оно *срослось* съ нимъ въ одинъ *компактный* оборотъ, и самъ *comparativ* получилъ значенiе «не-*absolut*'наго». Немного еще чувствуется вопросительный отгѣнокъ сравнительнаго ἤ въ оборотѣ *οὐδέν ἄλλ ἢ τοῦτο* (= ничего другого, *развѣ только* это), но чрезвычайно трудно его внести напр. въ выраженiе *μεῖζον κακὰ ἢ ὅστε ἀνι κλαίειν* = большiя дѣйствiя = чѣмъ чтобы ихъ (можно было) оплакивать = большiя, чѣмъ въ такой степени, *въ какой* бы ихъ оплакивать (ὅστε есть

*) Иногда вопросъ этотъ — вовсе не риторическiй. Какое нибудь *παχύτερος ἢ μακρότερος* (сравни чешское *on jest šivši než delši*) прямо чувствуется въ *такомъ* смыслѣ, что длина съ толщиной можетъ *поспорить*, и что еще неизвѣстно, что надъ чѣмъ возьметъ верхъ.

относительное »нарѣчіе«, опирающееся на соотносительное слово; оно образовано отъ »относительнаго« $\delta\varsigma - \eta - \delta$ съ прибавленіемъ къ нему $\tau\epsilon$, какъ и къ самому $\delta\varsigma$ — у Омира *очень* часто — прибавляется $\tau\epsilon$; объ этомъ ниже *).

Н, притомъ всегда съ *протяжнымъ* удареніемъ, употребляется также въ смыслѣ *утвердительной* »частицы«, т. е. для подкрѣпленія *правильности* отнесенія синтаксическаго сказуемаго къ синтаксическому подлежащему: $\epsilon\iota \delta\epsilon \acute{\epsilon}\pi\omicron\varsigma \Pi\eta\lambda\eta\mu\acute{\alpha}\delta\epsilon\omega \varphi\acute{\upsilon}\lambda\alpha\zeta\epsilon\nu, \eta \tau' \acute{\alpha}\nu \acute{\upsilon}\lambda\epsilon\kappa\phi\upsilon\rho\upsilon\epsilon \kappa\eta\rho\alpha \kappa\alpha\kappa\eta\nu \mu\acute{\epsilon}\lambda\alpha\nu\omicron\varsigma \theta\alpha\nu\acute{\alpha}\tau\omicron\iota\omicron$ = то онъ *навѣрно* избѣгъ бы смерти. Разъ η всегда при этомъ отгѣнкѣ появляется съ *протяжнымъ* удареніемъ, то самый отгѣнокъ долженъ былъ выйти изъ того *неослабленно-вопросительнаго* η , съ котораго мы *начали* разборъ нашей частицы.**)

*) Итакъ, *еще* одно объясненіе сравнительнаго η , — еще одно къ тѣмъ многимъ, по поводу которыхъ Ziemer (indogerm. Compar. 110) восклицаетъ: quot capita, tot sententiae. Ziemer, въ своей собственной sententia, во многихъ отношеніяхъ разсуждаетъ правильно, и я многимъ ему обязанъ, но онъ не вникъ въ возможность выходить при своихъ объясненіяхъ отъ *вопросительнаго* η . Онъ его и не считаетъ »первоначально« — *вопросительнымъ*, а принимаетъ его за »beteuerndes«: es müsste uns die schwerer wiegende Rücksicht auf die Thatsache, dass das interrogative η aus dem asseverierenden η nach ziemlich gleichförmiger Annahme der Sprachforscher, gleichwie $\acute{\alpha}\rho\alpha$ aus $\acute{\alpha}\rho\alpha$ hervorgegangen ist, stutzig machen und davor warnen, den Ursprung des η nach Comparativ in ein so entlegenes Gebiet wie das des beteuernden η zurückzuführen. Die Form η , in welcher Bedeutung sie auch auftritt, muss demnach für unsere Frage ganz aus dem Spiele bleiben (indogerm. Compar. 160).

**) Да, именно такъ, а не наоборотъ, т. е. не *вопросительное* вышло изъ *утвердительнонаго*. Въ этомъ мы расходимся съ Hermann'омъ, который говоритъ (Opusc. I. 209): Particula comparativa nihil aliud est quam η , mutato cum significatione accentu. Illud η proprie significabat *perfecto* . . . Manente hoc significato in interrogationibus usurpari incipiebat . . .; leniter hinc deflexit significatio, ut indicaret *an forte* . . . Haec dubitantis interrogationis significatio traducta est deinde etiam ad alias formulas, ut $\acute{\rho}\acute{\omicron}\tau\epsilon\rho\omicron\nu\text{-}\eta$. . . Indidem talia sunt, ut $\eta\mu\acute{\epsilon}\nu \acute{\alpha}\nu\alpha\kappa\lambda\acute{\iota}\nu\alpha\iota \pi\upsilon\kappa\iota\omega\nu\acute{\omicron}\nu \nu\acute{\epsilon}\phi\omicron\varsigma \eta\delta' \acute{\epsilon}\pi\iota\theta\epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$, id est sive — sive. Neque $\eta\delta\acute{\epsilon}$, et significans, aliam habet originem, quod initio erat *vel etiam*. Sed nudum η quum esset *an forte*, mox etiam *vel et aut* significare coepit ($\eta \tau\acute{\epsilon}\omega\nu, \eta \acute{\lambda}\iota\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma$), quia hoc ipsum est interrogantis, et quasi semet, utrum hoc, an illud malit, interrogantis. Itaque multo usu factum est, ut η simpliciter *aut* significaret, et ibi quoque usurparetur, ubi omnis interrogatio abesset . . . Iam vero unde est, quod hanc particulam significare volunt *quam*? Verum est, eam sic esse interpretandam, quum latine loquimur: falsum est autem, hanc significationem inesse huic particulae. Nam praeterquam, quod nihil inter se commune aut cognatum habent harum particularum significationes, ne opus quidem est, ut, quum η *quam* notare videtur, a propria ejus potestate discedamus. Commode

мы рассуждаемъ слѣдующимъ образомъ. Вопросительное ἤ есть, конечно, выраженіе колебанія. Чьего? Прежде всего, — колебанія самого говорящаго, задающаго себѣ вопросъ, такъ ли онъ рассуждаетъ. Затѣмъ, — говорящаго и слушателя *совмѣстно, отождествленныхъ* въ данномъ случаѣ самимъ говорящимъ (сравни фразу: »не *это* ли мы должны принять въ руководство?«; подъ *мы* нужно разумѣть *я да ты*). Но вопросъ, заключающійся въ ἤ, можетъ быть обращенъ исключительно къ *слушателю*. Мы сплошь да рядомъ сопровождаемъ наши *категорическія* заявленія слушателю выраженіями »не правда ли?« — »а?«, или какимъ то сибшаннымъ звукомъ, состоящимъ изъ *м* и *н* и сопровождающимся вопросительнымъ *тономъ*. И этими средствами мы хотимъ не только привлечь слушателя къ *соглашенію* съ тѣмъ, въ чемъ мы сами убѣждены, но и, устремляя часто при этомъ на него свой испытующій взглядъ, уничтожить въ немъ *всякое* колебаніе относительно того, что говоримъ. Такое »*м(н)?*«, которое мы произносимъ въ этихъ случаяхъ, заключаетъ въ себѣ смыслъ: какъ ты думаешь? — я *вѣрно* говорю. Такой же смыслъ имѣетъ и греческое »утвердительное« ἤ. Потому то оно и употребляется при клятвахъ и обѣщаніяхъ, такъ какъ клятвы и обѣщанія носятъ на себѣ *именно* характеръ, такъ сказать, *публичности* и желанія

enim ea etiam in comparatione locum habet: ἤτοι βέλτερόν ἐστι κατ' οὐρανὸν θήρας ἐναίρειν ἀγροτέρας τ' ἐλάφους, ἢ κρείσσοσιν ἱεὶ μάχεσθαι id est proprie: *melius sane est feras occidere; an forte dimicare cum fortibus melius est?* Confirmat hanc interpretationem formula, quam Latini a Graecis acceperunt, rectius ea utentibus: *πρόθυμος μᾶλλον ἢ σοφώτερα* . . . Haec si recte disputavimus, nulla est ellipsis in talibus locis ut *ἐπεὶ νεφεληγερέτα Ζεὺς Τροάδιν δὴ βόλεται δοῦναι κράτος, ἥπερ ἡμῖν*. Nam id proprie dictum est: *Juppiter Trojanorum vult victoriam esse; an ille eam nostram esse vult?* Относительно *перваго* положенія о переходѣ *утвердительнаго* значенія въ вопросительное мы несогласны съ Негманн'омъ потому, что 1. вопросительному значенію, столь *развѣтвишему* свое значеніе, гораздо приличнѣе стоять во главѣ, чѣмъ утвердительному, остающемуся *безъ* симасіологическаго движенія; 2. утвердительныхъ »частицъ« и *помимо* ἤ греческій языкъ развилъ много, какъ ниже окажется; 3. вопросительная »частица« была *нужна* языку для самыхъ *примитивныхъ* его потребностей (тонъ — тономъ, но полезно и *предупредить* этотъ тонъ какимъ нибудь средствомъ, тѣмъ болѣе, что въ многихъ случаяхъ онъ можетъ установиться и обнаружиться только съ *теченіемъ* рѣчи, а никакъ не на самомъ первомъ словѣ).

уничтожить всякое недоумѣніе въ томъ, передъ кѣмъ я »клянусь«.

Остается рассмотреть *εἰ*. *Εἰ* употребляется въ синтаксически подчиненныхъ *вопросахъ* (въ двучленныхъ — *εἰ-ἤ*, а то и *εἴτε-εἴτε*, соответствующее, по вопросу о *те*, русскому *и + ли — и + ли*), въ »предложеніяхъ, выражающихъ *условіе*«, и въ выраженіяхъ *желанія* (*εἰ τοῦτο γένοιτο, εἰ τοῦτο ἐγένηετο*). Что изъ вопросительнаго значенія легко вывести и условное, и желательное, — это лучше всего доказываетъ русскій языкъ, который во *всѣхъ* трехъ случаяхъ употребляетъ »*ли*«. *) Оно и понятно: условіе, а также желаніе есть нѣчто, чего я самъ *не рѣшаю*, а только *на основаніи* чего я рѣшаю, оставляя *осуществленіе* этого основанія *открытымъ*, т. е. подъ *вопросомъ*. **)

Если бы греческое *εἰ* *дѣйствительно* было первоначально *вопросительнымъ*, то разница между *ἤ* и *εἰ* заключалась бы въ томъ, что *εἰ* принадлежало бы исключительно синтаксически *подчиненнымъ* предложеніямъ, а *ἤ* было бы *вопросительное общее*. Но тогда нужно бы признать синтаксическую подчиненность столь же давнею, сколь давнимъ представляется и само *εἰ*. Такъ какъ и *условіе* связано съ синтаксическою подчиненностью, то и *условное* значеніе слова *εἰ* нельзя считать первоначальнымъ. Въ виду этого, не слѣдуетъ ли принять за первоначальное значеніе слова *εἰ* — *желательное*? Такое значеніе 1. — могло бы оказаться *нужнымъ* греческому языку, такъ какъ желательное наклоненіе относится только къ *будущему* времени, а желаніе, относящееся къ *прошедшему* времени, *кромя εἰ* выразить нечѣмъ; 2. — не являлось бы излишнимъ нагроможденіемъ *средствъ*,

*) Хотя въ *условныхъ* предложеніяхъ русскій языкъ употребляетъ обыкновенно *если* (иногда слышишь и *ли*; въ чешскомъ языкѣ *постоянно* *li*), но извѣстно, что *если* разлагается, въ сущности, на *есть-ли*. Такъ и желательное «*если бы я зналъ все, что знаютъ другіе!*» можно свести къ простому »*ли*«.

**) Особенно замѣчательны случаи, гдѣ условіе прямо *исключается* изъ матеріала, имѣющаго для меня, т. е. для моего *рѣшенія*, такое или иное значеніе. Это бываетъ при *двучленныхъ* условіяхъ. Замѣчательны они прежде всего тѣмъ, что тутъ русскій языкъ употребляетъ *простое «ли»*, а не *если*: то ли случится, дру.ос ли (= *εἴτε-εἴτε*), все равно я поступаю такъ то.

такъ какъ *η* осталось бы тогда *единственнымъ* вопросительнымъ; 3. — было бы способно, не въ меньшей степени, чѣмъ вопросительное, развѣтвиться въ *остальные* два, т. е. въ условное*) и въ «косвенно вопросительное»**). Вопросъ только въ томъ, есть ли это «частица», а не «нарѣчіе».

Да, представляетъ ли *ei* «частицу»? Такое утверждение прежде всего подрывается словомъ *ἐπεὶ*. *Ἐπεὶ* есть несомнѣнно расширенное *ei* и употребляется по *большей* части (но *только* «по большей части») *причинно*. Намъ не вѣрится, чтобы *первая* часть слова *ἐπεὶ*, была тождествена съ предлогомъ *ἐπί*,***) да если бы это и было такъ, то *ἐπί* ничего «причиннаго» въ *ἐπεὶ* не внесеть. *Ἐπεὶ* можетъ быть *причиннымъ* лишь постольку, поскольку *ei* является *условнымъ*. Ибо причина и условіе есть нѣчто *почти* одно и то же; разница только въ томъ, что я съ *причиною* считаюсь какъ съ *фактомъ*, а осуществленіе условія я оставляю «подъ вопросомъ». Да, но если условное *ei*, хотя бы и расширенное въ *ἐπεὶ*, однако расширенное такъ, что само расширеніе ничего *причиннаго* въ него *не внесло*, — если это *ei* допускало *причинное* значеніе т. е. указаніе

*) Сравни стр. 146.

**) Когда я колеблюсь, утверждать ли что нибудь, или нѣтъ, то самое это «что нибудь» можетъ *действительно* быть разсматриваемо какъ мое *desideratum*. Замѣчательно, что при *однокленномъ* косвенномъ вопросѣ (двучленный, какъ болѣе *сложное* выраженіе, надо думать, развился позднѣе, когда косвенно вопросительное значеніе *утвердилось* уже какъ *особый* отгѣнокъ, *отличной* отъ другихъ двухъ), *ei* никогда не употребляется съ тѣмъ *отрицаніемъ*, на которое мы *тоже* указывали какъ на выраженіе колебанія (смотри выше стр. 457). Мы можемъ сказать «*ὅχι οἶδα, εἰ τοῦτο ἀγαθόν ἐστι*» и *только*. Какое нибудь «*ὅ τοῦτο ἀγαθόν ἐστι*;» *не амьщается* въ «косвенно вопросительную» схему, *прибѣгающую* къ *ei*. Если «*ὅ τοῦτο ἀγαθόν ἐστι*;», какъ выраженіе *колебанія*, *могло* чувствоваться выраженіемъ *отрицанія* того, что я «думалъ бы», но не рѣшаюсь высказать *прямо* (такое впечатлѣніе можетъ *произвести* выраженіе «это не есть благо?», если въ немъ нѣтъ «*риторическаго*» отгѣнка), то въ *εἰ τοῦτο ἀγαθόν ἐστι* выражено, что я «желалъ бы» въ томъ-то видѣть благо, а *только не знаю* (*ὅχι οἶδα*) объ этомъ ничего положительнаго.

***) Такую этимологію предлагаетъ Etymologicum Magnum (*ἐκ τῆς ἐπί προέειπας καὶ τοῦ εἰ δυνατικῶς συνδέσμου*); ее поддерживаетъ Curtius (Grundz. 265, *sub voce ἐπί*): der adverbiale Gebrauch von *επί* findet sich im gr. *ἐπεὶ* wieder, wo *ἐπί* die vorausgenommene Partikel des Nachsatzes im Sinne von *dann* ist.

на что нибудь какъ на *фактъ*, то оно не могло вырости изъ »желательнаго« значенія, и врядъ ли тогда и *желательное* значеніе слова *εἶ* было первоначальнымъ. *Ἐπεῖ*, — какъ, впрочемъ, и *εἶ*, — чувствуется »относительнымъ« словомъ, ищущимъ къ себѣ »соотносительнаго«, и если »соотносительнымъ« къ *εἶ* нужно признать *εἶτα*, то »соотносительнымъ« къ *Ἐπεῖ* должно быть *ἔπειτα*. Эта »соотносительность« наводитъ на мысль, не есть ли *εἶ* »окаменѣлый падежъ« относительнаго формальнаго имени, стало быть, не есть ли оно »нарѣчіе«? Мы не можемъ одобрить, съ *симаσιологической* точки зрѣнія, производство его отъ темы *zwa*, встрѣчающейся въ *возвратныхъ* формальныхъ именахъ. Хотя этимологи на этомъ производствѣ не особенно настаиваютъ, но въ подкрѣпленіе его приводятъ то обстоятельство, что у Омира первый слогъ слова *ἔπει* — долгій, что объясняютъ какъ слѣдъ первоначальнаго накопленія *согласныхъ звуковъ* послѣ начальнаго *ε* въ самомъ словѣ *ἔπει*.*) Не есть ли въ такомъ случаѣ *εἶ* и *ἔπει* какой нибудь окаменѣлый падежъ темы *ya*, встрѣчающейся въ *μιι* и въ *δς-ῆ-δ*,**)) и не слѣдуетъ ли долготу въ *ἔπει* объяснять какъ слѣдъ первоначальной *positionis*, вызванной тѣмъ, что послѣ начальнаго *ε* въ *ἔπει* слѣдовали за собою согласные звуки *p* и *j*?***))

Если бы это было такъ,†) тогда бы все, что мы до сихъ поръ слышали объ *εἶ*, получило совершенно другой

*) Curtius Grundz. (396, sub voce *οἶ-οἶ-ε*): Hierher gehört mit Sicherheit lat. *si* und höchst wahrscheinlich gr. *αἰ-εἶ*, daher hom. *ἔπει* mit länger, aus *επῆεἶ* erklärbarer erster Sylbe.

**) Эту этимологию предлагаемъ не мы первые. Ее предлагаетъ п Bopp (Vergl. Gramm. III. 484): das griech. *εἶ* könnte als Verstümmelung von *εἶδε* gefasst und somit mit *yádi* vermittelt werden, wozu es sich ungefähr verhalten würde, wie z. B. *φέρει* zu *bharâti*.

***)) Если бы все это было такъ, то не суть ли приведенныя на стр. 445 слова *ἄποιος* и др. первоначально »относительными«, и не относится ли *этимологически* слово *οἶος*, съ его начальнымъ *ο* и густымъ придыханіемъ, къ слову *ἄποιος*, какъ *εἶ*, съ его начальнымъ *ε* и слабымъ придыханіемъ, относится къ *ἔπει*? Не слѣдуетъ ли дальше омировскую орфографію *ἀπποῖος* объяснить такъ, что второе *π* есть ассимилированный къ первому *π* звукъ, происшедшій изъ первоначальною звука *j*?

†) Нѣкоторое затрудненіе, при производствѣ слова *εἶ* отъ темы *ya*, возникаетъ относительно того, какъ могло *εἶτα*, коего первая часть заключаетъ

смыслъ, и выяснилось бы многое, что при прежнемъ толкованіи слова εἰ должно было вызывать недоумѣніе. Тогда:

1. — Желательное εἰ было бы *собственно* «восклицательнымъ», какъ ему вполнѣ приличествуетъ въ качествѣ «окаменѣлаго падежа» *относительнаго* формальнаго имени (εἰ τοῦτο γένοιτο = кабы = какъ бы это случилось!).

2. — Какое нибудь «условное» εἰ ἂν ἐθέλης, δὴ σὺ пришло бы толковать: въ какомъ случаѣ (= если) ты захочешь, въ такомъ (= то) я тебѣ дамъ то-то. Такъ и ἐάντε ἐθέλης ἐάντε μὴ, ποιήσω значило бы: и въ томъ случаѣ, въ которомъ (= если) захочешь, и въ томъ, если не захочешь, я сдѣлаю то-то.

3. — «Косвенно» вопросительная роль слова εἰ развила бы изъ относительной на томъ же основаніи, на какомъ и относительныя формальныя имена исполняли эту роль.

4. — «Причинное» ἐπεὶ могло бы *дѣйствительно* знакомить съ «фактомъ», какъ и «*относительныя*» предложія часто знакомятъ съ «предметомъ» (сравни выше стр. 443).

5. — Понятна была бы «*коррективная*» роль слова ἐπεὶ: οὐ γὰρ λαθεῖν τῶν ἀρθροῶτων τοὺς δυναμένους ἐν ταῖς πόλεσι πράττειν, ὧνπερ ἕνεκα ταῦτ' ἐστὶ τὰ προσχήματα, ἐπεὶ οἱ γέ πολλοὶ ὡς ἔπος εἰπεῖν οὐδὲν αἰσθάνονται (Plat. Prot 317 á) = приче́мъ (= »при этомъ, конечно« = хотя) толпа ничего не смыслить.

6. — Иродотовское ἐλείτε вмѣсто ἐπεὶ оказалось бы вполнѣ аналогичнымъ тому «относительному» ὄστε, которое такъ часто встрѣчается у Омира.

въ себѣ *ту же* «относительную» тему *ya*, исполнять роль «соотносительнаго» слова, стало быть, — ту роль, которую при δε и другихъ исполняютъ *анафорическія* слова οὗτος, τοιοῦτος и пр.? Мы не знаемъ ничего о *второй* части слова εἴτα; мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ эта вторая часть *способна* была сдѣлать изъ «относительнаго» слова «соотносительное». Но если бы даже этой способности въ ней не было, то развѣ сама тема *ya* не могла быть и «соотносительною»? Относительность есть синтаксическая *подчиненность*, и какъ слово δε первоначально не указывало на синтаксическую подчиненность, а просто обозначало «*онъ же*», такъ и εἴτα могло оставаться при первоначальномъ значеніи темы *ya* и могло обозначать «*тутъ же*».

7. — Значеніе слова *ἐπειτα* получило бы правильное истолкованіе. *Ἐπειτα*, какъ соотносительное къ «причинному» *ἐπεὶ*, должно обозначать: вслѣдствіе этого = вслѣдъ за тѣмъ. Переведенное на временное, оно должно получить смыслъ *«тотчасъ послѣ этого»*. Такое значеніе дѣйствительно *замѣчается* въ *ἐπειτα*. Извѣстно Софокловское τὸ τ' ἐπειτα καὶ τὸ μέλλον καὶ τὸ πρὶν ἐπικρατεῖ νόμος ὄδε (Antig. 611). Изъ соединенія слова *ἐπειτα* съ выраженіемъ τὸ μέλλον мы можемъ усмотрѣть, что *ἐπειτα* вовсе не имѣетъ смысла русскаго *«въ будущемъ когда нибудь»*, а указываетъ на непосредственно слѣдующее послѣ «настоящаго» момента. Оно, какъ *временное*, по отношенію къ будущему есть то же самое, что *ἄρτι* по отношенію къ прошедшему времени.*) Кому неизвѣстно Омировское *ἐπειτα*, которое постоянно встрѣчается въ смыслѣ *тогда же*, а то и простаго аподотического *«то»*? Только изъ значенія *«вслѣдъ за настоящимъ моментомъ»* развилось значеніе *«впредь»* = въ будущемъ.

L. Lange, въ самомъ введеніи своего объемистаго сочиненія *«Partikel ei»*, подвергаетъ обстоятельной критикѣ ученіе нашихъ грамматиковъ, которые, различая желательное, условное и вопросительное значеніе слова *ei*, ставятъ во главѣ всѣхъ отгѣнковъ то вопросительный, то желательный, то условный. Самъ онъ, прежде всего, не ставитъ себя въ зависимость ни отъ какихъ *этимологическихъ* соображеній, въ частности же, отъ болѣе *принятаго* производства слова *ei* отъ темы *swa*. Онъ говоритъ: Wir könnten erst aus der vermittelst der Beobachtung des ältesten Sprachgebrauchs ermittelten Grundbedeutung feststellen, wie jene Bildung des Stammes *swa* aufzufassen sei, während es unmethodisch sein würde aus einer vorgefassten etymologischen Interpretation jener Bildung heraus den Gebrauch der Partikel beurtheilen zu wollen. На основаніи подробнѣйшаго разбора всѣхъ случаевъ употребленія слова *ei* у Омира, онъ доходитъ до

*) *ἄρτι*, очевидно, происходитъ отъ темы *ἀρ* и значить: *«въ связи съ настоящимъ»* = не отрываясь отъ настоящаго = не отрываясь отъ настоящаго по отношенію къ прошедшему времени (значеніе «сгузилось») = только что.

слѣдующаго вывода (стр. 565): Es ist kein Grund vorhanden den Satz zu bezweifeln, dass *ei* eine *interjectionale* Partikel sei, gleich geeignet zur Einleitung von Wünschen und Fallsetzungen. Этотъ выводъ онъ строитъ преимущественно на тѣхъ приведенныхъ у него на стр. 523 явленіяхъ, гдѣ *αἰ γάρ* употребляется совершенно *самостоятельно* и *нисколько не связано* съ конструкціею слѣдующей за нимъ рѣчи: *αἰ γάρ, Ζεῦ τε πάτερ καὶ Ἀθηναίη καὶ Ἀπόλλων, οἷος Νήριχον εἶλον... τοῖος ἐὼν τοι χθιζῶς... ἐφεστάμενα καὶ ἀμύνειν ἄνδρας μνηστῆρας* (Od. ω 376). Какъ же намъ отнестись къ этому и подобнымъ примѣрамъ? Если въ нашемъ примѣрѣ *αἰ γάρ* употреблено самостоятельно, то такъ же самостоятельно употреблено въ немъ и глагольное имя. Какъ мы относимся и *должны*, кажется, относиться къ самостоятельному употребленію глагольнаго имени, — выяснено нами на стр. 157. Точно такъ же мы должны отнестись здѣсь и къ *αἰ γάρ*. Изъ факта его »interjectional'наго«, какъ говоритъ Lange, употребленія не слѣдуетъ, что оно есть междометіе. Его »interjectional'ное« положеніе вызвано такимъ же »риторизмомъ«, какимъ вызвано и самостоятельное употребленіе глагольнаго имени. Оно, по нашему мнѣнію, должно быть не точкою *отправленія* при опредѣленіи симасіологіи слова *ei*, а чѣмъ то, на что должно быть обращено вниманіе уже *въ концѣ*, когда *ei* выяснено въ *связной* рѣчи, и что составляетъ задачу *высшаго* синтаксиса, слѣдующаго за симасіологіею частей рѣчи и ихъ формъ. Такимъ образомъ, разсужденіе Lange не можетъ насъ уклонить отъ нашего мнѣнія, по которому мы считаемъ *ei* за окаменѣлый падежъ относительнаго формальнаго имени *ὄς-ἤ-ὄ*, а не за »частицу«.

Выходитъ, что изъ всѣхъ словъ, которыя мы до сихъ поръ разбирали, и которыя такъ или иначе связаны съ вопросительнымъ тономъ »намѣченныхъ синтаксическихъ сказуемыхъ«, только *одно* оказалось вопросительною »частицею« (да больше ихъ языку не нужно было); это — »частица« *ἤ*.

• Но на вопросъ требуется *отвѣтъ* и, вообще, *разсужденіе* по поводу вопроса. Въ вопросѣ мы установили два

вида: мы или спрашиваемъ о чемъ нибудь, напередъ нами не установленномъ, или подвергаемъ лишь *колебанію* «на-мѣненное синтаксическое сказуемое». Въ первомъ случаѣ спрашиваемъ *именами*, а согласно съ этимъ и *отвѣчаемъ* именами, призахватывая къ нимъ иногда, въ видѣ повторенія или ради полноты рѣчи, и другія слова, встрѣтившіяся въ вопросѣ (*τί γράφεις; — ἐπιστολήν γράφω*). На *установленное* же напередъ «синтаксическое сказуемое» мы отвѣчаемъ прежде всего *да* или *нѣтъ*. Для «да» имѣется въ греческомъ языкѣ утвердительная «частица» *ναί* (*ναίχι*), а для «нѣтъ» — *οὐκ* (*οὐχι*). Но мы можемъ отвѣчать и *полною* рѣчью, и тогда въ особой *утвердительной* частицѣ крайней необходимости нѣтъ (ты это *сдѣлалъ?* — сдѣлалъ!). Нельзя того же утверждать объ *отрицательной* частицѣ, и тутъ то мы наталкиваемся на постоянное чередованіе отрицательнаго *οὐ* съ отрицательнымъ *μή*. Какая между ними разница?

Говорятъ, что *μή* употребляется въ отрицательныхъ *понятіяхъ* (*οἱ μή εὐτυχοῦντες*), а *οὐκ* — при отрицаніи факта (*ταῦτα οὐκ ἐγένετο*). Говорятъ, что *μή* относится къ отрицательному *желанію* (*μή τοῦτο γένοιτο*), а то и къ *запрещенію* (*μή λέγε*), а *οὐκ* — къ отрицательному *сужденію* (*τοῦτο δ' οὐκ ἐστὶ ἀγαθόν*).*) Говорятъ, втретьихъ, что *μή* встрѣчается въ *условіяхъ*, а *οὐκ* — въ *сужденіяхъ*, высказываемыхъ *на основаніи* этихъ условій (*ἐὰν μή θῆς, οὐ σπυχωρήσω*). Все это, *въ общемъ*, такъ,**) но вызываетъ цѣлый рядъ вопросовъ, а именно: 1. не *пропущенъ* ли какой нибудь *симасіологическій* оттѣнокъ? 2. гдѣ — *симасіологическій* *центръ* для оттѣнковъ каждой изъ отрицательныхъ частицъ *въ отдѣльности*? 3. какъ относится центръ одной къ центру другой?

*) Въ переводѣ на нашъ языкъ это значить, что *μή* употребляется о *желательныхъ*, а *οὐκ* — о *познавательныхъ* сужденіяхъ.

**) Къ этимъ тремъ положеніямъ сводить все дѣло Акен, разобравшій въ известномъ своемъ сочиненіи объ *οὐ* и *μή* разные случаи *употребленія* отрицательныхъ частицъ и «постаравшійся» привести *прежнія* толкованія этихъ случаевъ къ «надлежащей мѣрѣ». Но для того, чтобы *оправдать* эти положенія (особенно при его тенденціи — все эти «факты», «условія», сужденія», «желанія» и «запрещенія», а соответственно этому и самыя *μή* и *οὐ*,

Если вопросительное *ἤ*, равно какъ и тѣ «вопросительныя» отрицанія, о которыхъ мы разсуждали на стр. 457., относились къ «намѣченному» синтаксическому сказуемому, то въ «ответномъ» выраженіи, *вызванномъ* вопросомъ и заключающемъ въ себѣ *дѣйствительное* синтаксическое сказуемое, отрицательная частица не только должна «относиться» къ этому сказуемому, но составляетъ его *главную часть*, такъ какъ весь вопросъ о «намѣченномъ» синтаксическомъ сказуемомъ въ томъ и заключался, принять ли его въ смыслъ положительномъ или отрицательномъ, и если потомъ оказывается *послѣднее*, то отрицаніе и составляетъ всю *суть* той «новости», которую опредѣляется синтаксическое сказуемое (сравни выше стр. 173.). На фразу *οὐκ ἐρευνήσας ταῦτα κωλύσει ὁ θεῖνα* мы можемъ смотрѣть какъ на ответное выраженіе даже въ томъ случаѣ, если бы никакого вопроса не предшествовало. Примѣняя сюда указаніе Платона, сообщенное на стр. 77., мы можемъ сказать, что *всякое* выраженіе, заключающее въ себѣ *дѣйствительное* синтаксическое сказуемое, а не такое, которое «поставлено лишь подъ вопросомъ», можно считать ответномъ на вопросъ. И если фраза *οὐκ ἐρευνήσας ταῦτα κωλύσει ὁ θεῖνα* «отвѣчаетъ» на вопросъ, касающійся *одинаково* словъ *ἐρευνήσας* и *κωλύσει*, и притомъ такъ, что оба эти слова чувствуются членами *одного* синтаксическаго сказуемаго, и по интонаціи какой нибудь одинъ не *подчиненъ* другому, то *οὐκ* относится къ *обоимъ* имъ *одинаково*, представляя собою «суть» того же синтаксическаго сказуемаго, и тогда вся фраза получаетъ слѣдующій смыслъ: *не будетъ того, чтобы онъ выслѣживалъ то-то и потомъ воспрепятствовалъ* этому. Мы уже на

приводить въ непосредственную связь съ наклоненіями *глагола*) онъ долженъ: 1. глагольныя имена и глагольныя *признаковыя* очень часто разлагать на *цѣлыя предложенія*, что съ *символической* точки зрѣнія — неправильно (глагольныя признаковыя и т. д. не суть «сокращенныя прилагочныя» *предложенія*); 2. разныя формы наклоненій *перетолковывать* и принимать, напр., *Indicativ* за выраженіе желанія и т. д., словомъ, — дѣлать съ наклоненіями то же «самое, что дѣлаетъ съ ними Н. D. Müller (см. выше стр. 113); 3. игнорировать нѣкоторые случаи, не подходящіе ни подъ одно изъ этихъ положеній (таковы, напр., *οὐ τοῦτο ἀλλ' ἐμείνο* и др.).

стр. 173. указывали на то, какъ далеко можетъ идти одно синтаксическое сказуемое. Соответственно этому и всякая отрицательная частица, — стоитъ ли она въ «отвѣтномъ» выраженіи и относится къ «дѣйствительному», — или имѣетъ лишь «вопросительное» значеніе и относится къ «намѣченному» синтаксическому сказуемому (это въ концѣ концовъ — безразлично) — можетъ простереть свое вліяніе на *большой* объемъ текста! Сравни: *εἰ μὴ τὸ κέρδος κερδαίνει δίκαιως καὶ τῶν ἀσέλτων ἔρξεται* (Soph. Oed. г. 889 = *если не будетъ того, что онъ будетъ добиваться своихъ выгодъ справедливымъ путемъ и будетъ воздерживаться отъ грѣшнаго*); или: *ἐὰν δὲ μὴ ποιῶσι Φωκεῖς ἃ δεῖ καὶ παραδίδῶσι τοῖς Ἀμφικτύοσι τὸ ἱερόν* (Dem. 19. 49.) и др.

Но съ отрицательными частицами, когда онѣ входятъ въ «отвѣтное» выраженіе, или, собственно, съ его «дѣйствительнымъ» синтаксическимъ сказуемымъ, можетъ произойти перемѣна. Будучи въ «вопросительномъ» выраженіи *намѣченнымъ* сказуемымъ, оно въ *отвѣтномъ* выраженіи легко можетъ сдѣлаться синтаксическимъ подлежащимъ, и тогда синтаксическимъ сказуемымъ остается одно *отрицаніе*, какъ *главная* часть отвѣта. «Ты такъ думаешь?» — спрашиваетъ собесѣдникъ, интонируя слово *думаешь* какъ синтаксическое сказуемое. *Отвѣчающій* на этотъ вопросъ можетъ принять слово *думаешь* за нѣчто, уже условленное между нимъ и его собесѣдникомъ, — условленное въ качествѣ *предмета* разговора, о которомъ онъ долженъ только такъ или иначе *высказаться*, и можетъ сказать: «я такъ не думаю», интонируя только слово *не* какъ «синтаксическое сказуемое». Такъ, во всѣхъ «отрицательныхъ *понятіяхъ*» частица *μὴ*, если она *вообще* появляется и не замѣняется какимъ нибудь отрицательнымъ *префиксомъ* въ родѣ алфа privativum, относится къ своему слову, какъ синтаксическое сказуемое къ синтаксическому подлежащему *). Въ выраженіи

*) Это, конечно, не мѣшаетъ отрицательной частицѣ *имѣть* съ синтаксическимъ подлежащимъ сдѣлаться въ *свою* очередь подлежащимъ для *новой* синтаксическаго сказуемаго (см. объ этомъ стр. 173).

οὐ μή εὐτυχοῦντες, какъ противоположномъ выраженію *οὐ εὐτυχοῦντες*, должно быть выдвинуто черезъ интонацію именно слово *μή*. Что такое вообще то «отрицательное понятіе», которымъ объясняютъ появленіе въ рѣчи частицы *μή*, а не *οὐ*? «Отрицательное понятіе» есть выраженіе *черезъ* отрицаніе чего нибудь *положительнаго*. Фраза «городъ Орелъ — не столица» *только* отрицаетъ нѣчто, а положительное подлежитъ еще исканію. Во фразѣ «всѣ города не — столицы имѣютъ особый уставъ» то положительное, что раньше приходилось еще искать, дано въ самомъ *отрицаніи*: разумѣются *всѣ* города, *за исключеніемъ* столицъ.

Итакъ, гдѣ — *центры* симасіологіи словъ *οὐ* и *μή*, и какъ относятся эти центры другъ къ другу?*) Другими словами, — какая разница между *οὐ* и *μή*?

Въ виду того, что *οὐ* и *μή* въ однихъ случаяхъ имѣютъ отношеніе къ синтаксическимъ *сказуемымъ* (то — «намѣченнымъ», будучи сами *вопросительными*, то — «дѣйствительными», будучи сами ихъ *главною частью*), а въ другихъ, *сами* представляя собою синтаксическое сказуемое, прибавляются къ другимъ выраженіямъ, какъ къ своимъ синтаксическимъ подлежащимъ**), мы должны присмотрѣться, нѣтъ ли въ языкѣ такихъ, приблизительно *одинаковыхъ* синтаксическихъ сказуемыхъ, или такихъ, приблизительно *одинаковыхъ* синтаксическихъ подлежащихъ, при которыхъ одинъ разъ встрѣчалось бы *οὐ*, а другой — *μή*.

*) *Первый* изъ вопросовъ, поставленныхъ нами на стр. 472., мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ, такъ какъ отвѣтили на него тамъ же въ подстрочномъ примѣчаніи.

**) Итакъ, чтобы не оставаться въ долгу передъ Акеп'омъ и другими, «наклоненіе» не есть категория, съ которою вообще можно бы связывать отрицательныя частицы, и которая въ частности могла бы выяснить появленіе какой нибудь одной изъ нихъ въ отличіе отъ другой. Къ ней, къ этой категории; не ведетъ ни *настоящее* наше разсужденіе о частицахъ вообще (и *η* имѣло отношеніе не къ наклоненіямъ, а къ синтаксическому сказуемому), ни разборъ наклоненій во *второмъ* отдѣлѣ нашего изслѣдованія. Наклоненіе есть *одно* слово, а *οὐ* и *μή* могутъ относиться къ нѣсколькимъ словамъ *заразъ*. Когда же *οὐ* и *μή* относятся къ одному слову, то этия *одна* словомъ можетъ не *оказаться* наклоненіе (точно также какъ наклоненіемъ могло не *быть* ни одно изъ тѣхъ «нѣсколькихъ» словъ, къ которымъ «всѣмъ *заразъ*» относилось *οὐ* или *μή*). «*Ἄρ' ἐκάλε μέ τις;*» — спрашиваетъ

У Платона (Resp. 581 e) читаемъ: *ὅτε δὴ οὖν ἀμφισβητοῦνται ἐκάστου τοῦ εἶδους αἱ ἡδοναὶ καὶ αὐτὸς ὁ βίος μὴ ὅτι πρὸς τὸ κάλλιον καὶ αἰσχίον ζῆν μηδὲ τὸ χεῖρον καὶ ἄμεινον, ἀλλὰ πρὸς αὐτὸ τὸ ἡδίον καὶ ἀλμπότερον, πῶς ἂν εἰδείμεν, τίς αὐτῶν ἀληθέστατα λέγει;* Сопоставивъ это мѣсто съ выраженіемъ *οὐχ ὅπως χάριν αὐτοῖς ἔχεις, ἀλλὰ μισθώσας σαυτὸν κατὰ τούτωνι πολιτεύει* (Dem. 19. 131.), мы едва ли можемъ установить какую нибудь разницу между вторымъ *οὐ* и первымъ *μὴ* кромѣ той, что во второмъ мѣстѣ говорящій высказывается *прямо, отъ себя*, а въ первомъ — *prohibitiv*но, предупреждая *собесѣдника* не впасть въ ошибку: во второмъ *οὐ* слышится смыслъ фразы *»я не думаю, что . . .«*, а въ первомъ *μὴ* — смыслъ фразы *»не думай (или не думайте), что . . .«* *).

На стр. 457. мы приводили примѣръ (изъ Платона) *»ἄρ' οὐ περὶ φρονήσεως ἦν ὁ λόγος;»* *Οὐ* въ данномъ случаѣ было *»вопросительнымъ«*. Оно, какъ на то указано на той же стр. 457., сталкивается съ *вопросительнымъ μὴ*. *»Вопросительное«* *μὴ* мы ближе разъясняли на фразѣ *μὴ τοῦτο κακῶς ἀποβῆ* на стр. 143 **). Какъ же опредѣлить *здесь* разницу между *οὐ* и *μὴ*? Въ *οὐ περὶ φρονήσεως ἦν ὁ λό-*

говорящій. *»Οὐδεὶς»* или *»οὐτις»* — отвѣчаютъ ему, и слово *οὐκ* относится здѣсь *только* къ *εἰς* или къ *τις*. Хотя мы при разборѣ наклоненій въ общемъ отказывались разсматривать вопросъ объ *οὐ* и *μὴ*, но читатель могъ понять изъ нашего отказа, да и самъ знаетъ, что появленіе въ рѣчи *такого-то* наклоненія *не влечетъ* за собою появленіе *такого-то* отрицанія, и если о наклоненіяхъ заявляютъ, что *»не всѣ формы, которыя обыкновенно приводятъ подъ названіе такого-то наклоненія, могутъ ohne weiteres auch begrifflich darunter subsumirt werden* (см. стр. 112), то этимъ наша грамматика обязана, между прочимъ, и *неправильному* связыванію наклоненій съ отрицательными частицами. Изъ наклоненій одинъ *imperativ* влечетъ за собою *всегда* *ужь* частицу *μὴ*, а не *οὐ*. Почему, — выяснится ниже.

*) Такъ разсуждаетъ и Акеп. Составивъ изъ примѣровъ, похожихъ на наши, особую *»группу»* и озаглавивъ ее *»über die verkürzten Substantivsätze mit οὐχ ὅτι — μὴ ὅτι»*, онъ говоритъ (*οὐ* п. *μὴ* Bd. 82. S. 264): *mit Ausnahme etwa eines Falles besteht überall ebensowohl die Möglichkeit einen Urtheils —, wie einen Begehrungssatz zu supplieren, ein non prout oder ne prout.*

**) Въ *»ἄρ' οὐ περὶ φρονήσεως ἦν ὁ λόγος;»* *οὐ* относилось *только* къ *περὶ φρονήσεως* какъ къ своему синтаксическому сказуемому. Точно также и въ *»μὴ τοῦτο κακῶς ἀποβῆ»* слово *μὴ* *можетъ* оказаться относимымъ *только* къ слову *κακῶς*. Если при немъ появляется *Conjunctiv*, то это не зна-

υος:α — будетъ ли οὐ риторическимъ, или нѣтъ, — я, говорящій, требую *прямо* отвѣта отъ собесѣдника, — требую его *для себя*, чтобы, быть можетъ, на основаніи его строить *дальнѣйшее* разсужденіе. Во фразѣ «μή τοῦτο κακῶς ἀποβήσεται» я, какъ сказано на стр. 144., дляя своего собесѣдника *лишь соучастникомъ* моего недоумѣнія, не столько прошу его отвѣтить *мнѣ* (въ *этомъ* смыслѣ мы назвали *μή* на стр. 143 «*риторически* — вопросительнымъ» *), сколько скорѣе предоставляю *ему самому* рѣшить себѣ поставленный мною вопросъ, *предупреждая* его съ своей стороны, чтобы онъ не сдѣлалъ ошибки: *μή τοῦτο κακῶς ἀποβῆ* значить: *смотри*, не выйдетъ ли это худо.

Слѣдуетъ сопоставленіе фразы *ἐὰν μή δῶ τὸν μισθόν* съ II. ω 296: *αἶψαι δ' οἰωνόν, τῷ πύονος ἐπὶ νῆας ἦς Λαλαῶν ταχυπόλων· εἰ δέ τοι οὐ δώσει ἔδν ἄγγελον εὐρύοπα Ζεὺς, οὐκ ἂν ἔγωγε σ' ἔπειτα ἐποτρύνουσα κελόμιμ' νῆας ἐπ' Ἀργείων ἰένα.* Въ обоихъ случаяхъ можно принять отрицательную частицу за синтаксическое сказуемое къ слѣдующему за нею глаголу *δίδωμι* (съ его симасіологическими дополненіями), какъ къ синтаксическому подлежащему. Разница между *οὐ* и *μή* можетъ заключаться лишь въ томъ, что въ «*οὐ δώσει ἔδν ἄγγελον*» я, говорящій, такъ сказать, *самъ* предрѣшаю возможность предзнаменованія въ *отрицательномъ* смыслѣ, тогда какъ въ «*ἐὰν μή δῶ τὸν μισθόν*» я оставляю для себя вопросъ объ осуществленіи отказа въ

читать, что *μή* связано съ Conjunctioniv'омъ (Conjunctioniv, какъ выяснено на стр. 144., не есть нѣчто *обязательное*). Это *значить* только (указаніемъ на отсутствіе связи слова *μή* съ Conjunctioniv'омъ мы *видоизмѣняемъ* и имѣемъ возможность только лишь *теперь* видоизмѣнить ту формулировку, которую мы установили на стр. 143, разсуждая о «*μή* съ Conjunctioniv'омъ», — формулировку, предполагавшую *связь* одного съ другимъ), — это, повторяю, *значить* только, что и Conjunctioniv преслѣдуетъ *ту же* цѣль, какую преслѣдуетъ *μή*; они связаны другъ съ другомъ лишь постольку, поскольку *оба*, съ одною и тою же *тенденціею*, хотя и съ разныхъ *концовъ* въ смыслѣ симасіологическихъ средствъ (Conjunctioniv'омъ я высказываю свое собственное *недоумѣніе*, словомъ *μή* я съ этимъ недоумѣніемъ обращаюсь къ *собесѣднику* съ *предупредительною* цѣлью), примыкають къ *одному* слову *κακῶς*, если, разумѣется, слово *κακῶς* *рѣшительно* выступаетъ какъ синтаксическое *сказуемое*.

*) Вотъ отвѣтъ на вопросъ, возбужденный на стр. 457. подстрочнымъ примѣчаніемъ.

выдачь денегъ открытымъ, предоставляя, такъ сказать, самому *слушателю* разрѣшить его, какъ ему заблагоразсудится. »*Εἰ οὐ δώσει ἄγγελον*« значить: я предположу, что Зевсъ не дастъ тебѣ благопріятнаго предзнаменованія. »*Ἐὰν μὴ δῶ τὸν μισθόν*« значить: если бы для тебя выяснилось, что онъ *откажется* выдать жалованіе.

Приведенныхъ трехъ сопоставленій достаточно для постановки тезиса, что *οὐ* есть отрицаніе, которое говорящій произноситъ *отъ* себя и *для* себя (послѣднее мы прибавляемъ въ виду нашего толкованія фразы *οὐ περὶ φρονήσεως ἦν ὁ λόγος*), а въ *μὴ* онъ имѣеть въ виду *другое* лицо, произнося его *для* него. Спрашивается: какое это — «другое» лицо? Нужно ли подѣ «другимъ» лицомъ разумѣть «второе» *грамматическое* лицо, стало быть, — *собесѣдника*, или, вообще, *всякаго* «посторонняго»? До сихъ поръ (т. е. въ нашихъ разсужденіяхъ по поводу приведенныхъ *трехъ* сопоставленій) не было особеннаго основанія относить *μὴ* къ кому-нибудь другому, какъ только ко *второму* грамматическому лицу, но изъ нижеслѣдующаго явствуетъ, что оно есть отрицаніе, относящееся къ постороннему лицу *вообще*.

При повелительныхъ наклоненіяхъ, *если* они *имѣють* съ отрицаніемъ составляютъ синтаксическое сказуемое, или *по отношенію* къ отрицанію являются синтаксическими подлежащими, *всегда* появляется *μὴ*, а не *οὐ*. Это вполне понятно, такъ какъ съ *повелительнымъ* наклоненіемъ (это — *единственное* наклоненіе въ этомъ родѣ) я *всегда* обращаюсь къ *другому* (повелительное наклоненіе *перваго* грамматическаго лица *не имѣеть*), и всегда — въ «*предостерега-тельномъ* смыслѣ.*) Но *вмѣстѣ* съ тѣмъ становится понятнымъ и то, что этотъ «другой» можетъ оказаться и *третьимъ* грамматическимъ лицомъ (повелительное наклоненіе имѣеть формы и для *этого* лица), и что *μὴ* имѣеть отношеніе къ постороннему лицу, *вообще*.

Всякаго рода «предостереженія», если бы они даже *не отразились* на наклоненіи (таковы — «предостереженія»,

*) Вотъ — отвѣтъ на вопросъ, возбужденный на стр. 476 подстрочнымъ примѣчаніемъ.

выражаемая *Conjunctiv'*омъ *imperativ'*нымъ: смотри стр. 139 и сл.)*), влекутъ за собою появленіе отрицанія *μή*. Что »предостереженія«, выражаемая *Conjunctiv'*омъ *imperativ'*нымъ, хотя и не избѣгающимъ формы *перваго* грамматическаго лица, никакого отношенія къ этому лицу *не имѣютъ*, — выяснено на стр. 140—1. Но затѣмъ они свободно примѣняются и ко второму, и къ третьему грамматическимъ лицамъ, а потому и *μή* нужно провозгласить за отрицаніе *посторонняго* лица вообще.

Всякаго рода *желаніе*, даже если бы оно не отразилось на наклоненіи (сравни стр. 138 и 146) влечетъ за собою появленіе въ рѣчи отрицанія *μή*. Нѣтъ сомнѣнія, что на »желаніе« *языкъ* могъ посмотрѣть какъ на нѣчто, исполненіе чего самъ *желающій*, т. е. самъ говорящій, ждетъ *со стороны*, и это было вполне законнымъ мотивомъ для появленія *μή*. Я говорю »со стороны«. Это значитъ, что *μή*, появляющееся въ выраженіяхъ желанія**), имѣетъ отношеніе не только ко *второму*, но и къ *третьему* грамматическому лицу. Мы даже часто выражаемся такъ: »не дай Богъ, чтобы это случилось!«, а слово *Богъ* есть *третье* грамматическое лицо.

Отрицаніе, обращенное *вообще* къ постороннему лицу, и, согласно съ этимъ, появленіе отрицательной частицы *μή*, мы видимъ и въ слѣдующихъ явленіяхъ:

1. Въ извѣстномъ »*οὐ σιωπήσει καὶ μηδὲν ἐρεῖ*«; Данную фразу мы раздѣляемъ на двѣ половины, изъ коихъ въ первой я, говорящій, *отъ себя* »подвергаю колебанію« *ожидаемое****) мною *σιωπᾶν*, а во второй высказываюсь *prohi-*

*) За выраженія »предостереженія«, не только *не отражающіяся* на наклоненіи, но и *не имѣющія* наклоненія, нужно провозгласить обороты *μή τοῦτο* (= не это!) и т. п.

**) Опять такъ и выраженія желанія могутъ не имѣть *никакого* наклоненія. Вышеприведенное *μή τοῦτο* можетъ быть принято и за выраженіе *желанія*.

***) Это »ожидаемое« *психологически* могло почувствоваться и какъ »желаемое« *(сравни на стр. 139 наше разсужденіе по поводу обращенія учителя къ ученикамъ). Οὐ βιωπήσεις* значитъ: не выйдешь того что ты будешь молчать? Понималъ *οὐ* въ смыслѣ *риторически* вопросительнаго, мы влагаемъ въ эту фразу смыслъ: я думаю, ты будешь молчать. Въ русскомъ

bitiv'но *) не только по отношенiю ко второму (фраза οὐ σιωπήσεις καὶ μηδὲν ἐρεῖς была, конечно, также возможна), но и по отношенiю къ третьему грамматическому лицу.

2. Въ выраженiяхъ ὅτι μή, ὅσον μή, ὅτε μή: τοῖσι δὲ Μιλησίοισι οὐδαμοὶ Ἰώνων τὸν πόλεμον συνεπελάφρουν, ὅτι μή Χῖοι = никто изъ Юнянъ не помогаль, развѣ что укажетъ ктонибудь (т. е. вообще »постороннее« лицо) на Хиосцевъ.**)

Замѣчательны слѣдующiя мѣста: Σχολῆ γὰρ ἂν τι ἄλλο φθορὰν μὴ δέχοιτο, εἰ τό γε ἀθάνατον αἰδίδιον ὄν φθορὰν δέξεται; (Plat. Phaed. 106 d). Πῶς γὰρ ἂν λέγων τις τοῦτο, ὃ λέγει, μὴ τὸ ὄν λέγοι; (Plat. Crat. 429 d). Πῶς οὖν μήτε ψεύσομαι φανερώς μήτ' ἐπιорχεῖν δόξας πάνθ' ἃ

выраженiи «ты не будешь молчать?» (буквальный перевод греческаго οὐ σιωπήσεις) слышится всегда нѣкоторая рѣзкость въ обращенiи, которая, какъ извѣстно, не есть condicio sine qua non для греческаго оборота. Въ этомъ отношенiи разбираемые нами греческiе обороты οὐ δῶσει и т. п. можно бы скорѣе сравнить съ русскимъ «не угодно ли прочитатъ» и т. д.

*) Эту вторую половину, т. е. это μηδὲν ἐρεῖ, можно сравнить съ тѣмъ же μή τοῦτο κακῶς ἀποβῆ. Μηδὲν ἐρεῖ значитъ: и пусть онъ подумаетъ, не выйдетъ ли такъ, что онъ будетъ говорить (по общему контексту, т. е. по соединенiю обѣихъ половинокъ въ одно цѣлое, подразумѣвается мысль: этого говоренiя съ его стороны я бы не желалъ).

**) Намъ скажутъ, что ὅτι μή Χῖοι, дополненное раньшесказаннымъ συνεπελάφρουν, имѣетъ характеръ условнаго предложенiя (ὅτι μή = εἰ μή), и что на этомъ основанiи поставлено здѣсь μή, а не οὐ. »Условное« предложенiе не есть категорiя, объясняющая собою μή. Мы на стр. 477 видѣли, что въ »условномъ« предложенiи появляется и οὐ, и μή. Конечно, чаще въ немъ встрѣчается μή, однако, не потому, что это — условное предложенiе, а потому, что оно либо переводится на выраженiе желанiя (между прочимъ, сравни и стр. 146), — желанiе же является, какъ мы немного выше убѣдились, действительнымъ мотивомъ для μή, — либо, какъ мы на стр. 466 объясняли, имѣетъ смыслъ вопроса (открытаго со стороны говорящаго), рѣшенiе котораго »предоставляется другому лицу«. Раньше мы (на стр. 478) разсуждали о »предоставленiи рѣшенiя этого вопроса слушателю«. Теперь мы видимъ, что слѣдуетъ говорить не о »слушателѣ«, а о постороннемъ лицѣ вообще. Только »открытымъ вопросомъ«, предоставляемымъ на рѣшенiе »постороннему лицу«, объясняется μή послѣ θαυμάζω. Сравни: θαυμάστὰ γὰρ λέγεις, εἰ κῦα μὲν... ἐπειρῶ πράττειν, τὸν δὲ ἀδελφὸν οὐκ ἐπιχειρεῖς... (Xen. Memor. II. 3. 9) и θαυμάζω εἰ μή φανερόν ἐστιν αὐτοῖς... (Xen. Memor. I. 1. 13). Въ первомъ мѣстѣ говорящiй отрицаетъ ἐπιχειρεῖν отъ себя, а во второмъ — сказано: его удивляло, что имъ не было ясно, если это действительно такъ (на дѣлѣ ли это такъ, или нѣтъ, — это пусть рѣшаетъ ктонибудь другой).

βούλομαι διαπράξωμαι; (Dem. 19. 320). Τίς ἂν μοι τοῦτο ἐπιτελέσειε σοφίη καὶ μὴ βίη τε καὶ ὀμίλῳ; (Herod. 3. 127). Τί ἂν λέγοντες εἰκὸς ἢ αὐτοὶ ἀποκνοῖμεν ἢ μὴ βοηθῶσιμεν; (Thuc. 6. 18). Εἰ ἄρα τις ἐννοήσειεν ἐν ταύτῃ τῇ πόλει τῶν νέων, τίνα ἂν τρόπον ἐγὼ μέγα δυναίμην καὶ μηθεὶς με ἀδικοῖ, ἢ αὐτῇ, ὡς ἔοικεν, αὐτῷ ὁδὸς ἐστὶν εὐθὺς ἐκ νέου ἐθίζειν αὐτὸν τοῖς αὐτοῖς χαίρειν καὶ ἀχθεσθαὶ τῷ δεσπότην (Plat. Gorg. 510 d).

Всѣ эти мѣста ставятъ въ одну группу, какъ подтверждающія собою »кажущуюся замѣну слова οὐ словомъ μή«, и объясняютъ μή всевозможными натяжками. *) Мы ставимъ примѣръ изъ Иродота (τίς ἂν μοι τοῦτο ἐπιτελέσειε σοφίη καὶ μὴ βίη τε καὶ ὀμίλῳ) особо и видимъ въ μὴ βίη выражение желанія (= только бы не насиліемъ и...). Въ остальныхъ же примѣрахъ мы видимъ въ μὴ не столько обращеніе говорящаго къ »постороннему лицу«, сколько скорѣе передачу говорящимъ отрицанія чего-нибудь отъ имени другого лица, стало быть, — нѣчто, имѣющее связь съ косвенною рѣчью. Такое μὴ мы видимъ и въ Апологіи Платона (27 d): τίς ἂν ἀνθρώπων θεῶν μὲν παῖδας ἡγοῦτο εἶναι, θεοὺς δὲ μὴ (разумѣй ἡγοῦτο εἶναι; или надо строить фразу θεοὺς δὲ ἡγοῦτο μὴ εἶναι? — едва ли) = кто же скажетъ, когда *οἱ* боговъ признаются, *чтобы* (какъ, быть можетъ, вы, судьи, обо мнѣ утверждаете) самихъ боговъ не было. Соединеніе отрицанія чего-нибудь отъ себя съ отрицаніемъ, относящимся ко второму лицу, мы находимъ Plat. Prot. 319 b: ὁθεν δὲ αὐτὸ ἡγοῦμαι οὐ διδακτὸν εἶναι μηδὲ ὑπ' ἀνθρώπων παρασκευαστὸν ἀνθρώποις, δίκαιός εἰμι εἰπεῖν = почему я думаю, что это не есть изучимо, и что этого, какъ ты объявляешь, люди не могутъ преподавать людямъ, — я въ правѣ разъяснить.

*) Смотри Kühner Ausf. Gramm. II. 746. До какой натяжки Кюнеръ доходитъ въ объясненіи нашихъ примѣровъ, видно на цитатѣ изъ Федона (106 d): Die Negation μή soll hier nicht die Behauptung negieren, sondern den infinitivischen Begriff des δεχέσθαι. Die ganze Ausdrucksweise des Satzes beruht auf einer Brachylogie, die sich etwa so auflösen lässt: ὁλοῦν γὰρ ἂν τε ἄλλο λέγοιτο φθορὰν μὴ δεχέσθαι, εἰ... δέξεται.

Изъ сообщеннаго мы усматриваемъ нѣкоторое *расширеніе* функціи слова *μή*. Если прежде мы формулировали *οὐ* какъ отрицаніе, произносимое говорящимъ *отъ* себя и *для* себя, а *μή* какъ отрицаніе, произносимое имъ *для* другого лица, то теперь оказывается, что *μή* можетъ получить смыслъ отрицанія, произносимаго говорящимъ и *отъ* имени другого лица. Другими словами, — *μή* оказывается синтаксическимъ средствомъ для отгненія «косвенной рѣчи». Что оно *не есть* нѣчто *обязательное* въ косвенной рѣчи, точно также, какъ не былъ обязательнымъ въ косвенной рѣчи и Optativ (ср. стр. 150), и что самъ Optativus orationis obliquae не влечетъ за собою появленіе отрицанія *μή*, равно какъ и *наоборотъ* (*μή* въ oratio obliqua и Optativ суть два *самостоятельныя*, другъ отъ друга *независимыя* средства, и языкъ свободенъ прибѣгать то къ одному изъ нихъ, то къ другому, а то ихъ оба *совсѣмъ* игнорировать) — это само собою разумѣется.

Еще одно. Въ приведенныхъ двухъ примѣрахъ изъ Платона замѣчается *разница*. Въ первомъ примѣрѣ судьи думаютъ, что Сократъ *не признаетъ* боговъ, и Сократъ эту мысль такъ и *передаетъ* отъ имени судей. Во второмъ примѣрѣ Протагоръ думаетъ, что люди *могутъ* преподавать добродѣтель людямъ, и Сократъ отрицаніемъ *μηδέ* ему противорѣчить. Во второмъ примѣрѣ отрицаніе *μή* имѣетъ то болѣе узкое *prohibitiv'ное* значеніе, съ котораго мы *начали* разборъ даннаго отрицанія. Затѣмъ всѣ примѣры, приведенные на стр. 480-1. (исключая *разобранный* уже примѣръ изъ Иродота 3. 127), заключаютъ въ себѣ *μή* *простой* orationis obliquae и имѣютъ слѣдующій смыслъ: Какъ же, вы думаете, это — не настоящее? — Какъ же, вы думаете, я не окажусь лжецомъ? — Чѣмъ мы будемъ мотивировать свое отступленіе, или, — какъ вы думаете? — свой отказъ въ помощи? Если кто поразсудитъ, почему у меня такая сила, что *де* никто меня не обидитъ, то

Итакъ, въ окончательной формулировкѣ выходитъ, что *οὐ* говорящій произноситъ *отъ* себя и *для* себя, а *μή* — *отъ* посторонняго лица и *для* посторонняго лица. Остается

разобрать нѣкоторые случаи употребленія этихъ отрицаній, не измѣняющіе поставленной формулировки, но крайне затрудняющіе нашихъ грамматиковъ.

Особенно затруднительнымъ представляется имъ объясненіе отрицательныхъ частицъ, когда онѣ »относятся« къ глагольному имени, т. е. когда онѣ, — такъ сказали бы мы, — попадаютъ въ положеніе синтаксическихъ *сказуемыхъ* по отношенію къ глагольнымъ именамъ какъ синтаксическимъ *подлежащимъ*, или составляютъ *вмѣстѣ съ ними* синтаксическое сказуемое. Акеп, подъ давленіемъ всей той пестроты, которую онъ усмотрѣлъ въ относящихся сюда явленіяхъ, только и нашелъ возможнымъ сказать, что *μη* beim Infinitiv ist wegen der abstracten Bedeutung des letzteren *wenigstens niemals falsch*. Не менѣе затрудняетъ объясненіе отрицательныхъ частицъ при глагольныхъ *признаковыхъ*. Мы разсуждаемъ въ данномъ случаѣ слѣдующимъ образомъ.

На стр. 402. мы установили глагольное имя, какъ выраженіе осуществленія факта, и противопоставили его глагольному имени, какъ »выраженію понятія, быть можетъ, даже желанія«. Если мы сопоставимъ эти отгѣнки съ установленными нами отгѣнками имени существительнаго (глагольное имя, въ силу своей »двусторонности«, вообще можетъ быть сопоставляемо съ именемъ *существительнымъ*), то тутъ выступитъ любопытная параллель. Вспомнимъ, что въ существительныхъ мы различали выраженія реальныхъ индивидуумовъ, ихъ *группъ, идеальныхъ* индивидуумовъ, какъ *отвлеченій* отъ реальныхъ, и душевныхъ *постулатовъ* (см. выше стр. 167. и 170—1). Что было въ существительныхъ выраженіемъ реальныхъ индивидуумовъ, то въ глагольныхъ именахъ является выраженіемъ осуществленія *факта*; что было въ существительныхъ *отвлеченіемъ* отъ индивидуумовъ, или душевнымъ *постулатомъ*, то въ глагольныхъ именахъ выступаетъ »понятіемъ«, или выраженіемъ *желанія*. Превративъ какое нибудь *λῦει* въ »отглагольное существительное« *λύσις* (см. выше стр. 408.), не назовемъ ли мы и *λύσις* въ однихъ случаяхъ названіемъ не *индивидуума*, а осуществляющагося *факта*, а въ другихъ — названіемъ не *от-*

влеченія отъ индивидуумовъ или душевнымъ постулатомъ, а понятіемъ или, быть можетъ выраженіемъ желанія? Если Фукидидъ въ извѣстномъ своемъ *διὰ τὴν οὐ λύσιν τῆς γεφύρας*, отрицая *фактъ* разрушенія моста (другими словами, — отрицая реальный *индивидуумъ*, выраженный въ *данномъ* случаѣ въ «*существительномъ*» *λύσις*), употребилъ на *общемъ* основаніи (Фукидидъ тутъ отрицаетъ нѣчто *отъ себя*) отрицаніе *οὐ*, то это же отрицаніе должно быть поставлено и при глагольномъ имени, если говорящій отрицаетъ фактъ *отъ себя*. Грекъ *дѣйствительно* говорить: *φημί οὐκ εἶναι ταῦτα* и т. д.*) Рѣдкое, сравнительно, появленіе отрицанія *οὐκ* при глагольныхъ именахъ объясняется:

1. Передвиженіемъ отрицанія отъ глагольнаго имени къ слову, отъ котораго глагольное имя «зависитъ». Вмѣсто «*φημί οὐκ εἶναι ταῦτα*» говорятъ «*οὐ φημι ταῦτα εἶναι*».**)

2. Сведеніемъ «отрицанія факта»***) къ «отрицательному понятію». Что такое «отрицательное понятіе», — мы выяснили на стр. 475. Нетрудно догадаться изъ этого объясненія, что «отрицательное понятіе» требуетъ *именно* частицы *μή*, а не *οὐ*. Ибо если я, говорящій, черезъ какое нибудь «города — нестолицы» опредѣляю *положительный* объемъ логическаго понятія, то я, такъ сказать, обращаюсь къ *собесѣднику*, чтобы *онъ самъ* раскрылъ «*положительное*» содержаніе того, что я обрисовываю только съ *отрицательной* стороны. Нетрудно догадаться изъ этого объясненія и о томъ, что если «отрицаніе факта», т. е. отрицатель-

*) Такъ и при признаковыхъ *глагольныхъ*, все равно что при *простыхъ* признаковыхъ, появляется *οὐ*, если я, говорящій, отрицаю *признакъ* на реальныхъ индивидуумахъ: *Ἀληθοῦς, οὐ καλῶσας* . . . и др.

**) Что глагольнаго *признаковаго* этотъ пунктъ не касается, — это, кажется, не требуетъ никакихъ объясненій.

***) Рѣчь идетъ, конечно, объ «отрицаніи факта» *отъ имени говорящаго*. Последняго обстоятельства никогда не слѣдуетъ терять изъ виду, такъ какъ иначе и при отрицаніи *факта* можетъ наступить *μή*. Во фразѣ *καὶ εἰ τις πόλις ἐγένετο, σπειραμένου Κύρου ἐπίστειν μηδὲν ἂν παρὰ τὰς σπονδὰς παθεῖν* (Хер. Анаб. I. . . 9.), хотя *μή* отнесено къ слову *ἔν*, а не къ глагольному имени, но всакии пойметъ, что и *μή παρὰ τὰς σπονδὰς παθεῖν ἂν τι* (здесь *μή* отнесено къ *παθεῖν*) было бы *вполнѣ* правильно, и это *μή* объясняется *только* «косвенностью» рѣчи, заключающей его въ себя.

ная частица *πλὸς* глагольное имя, представляет собою оборотъ, состоящій изъ *двухъ* словъ и такъ и *чувствуемый* за два слова, то »отрицательныя *понятія*«, т. е. *μή* (въ данномъ случаѣ *именно* *μή*, а не *οὐ*) *плюсъ* глагольное имя, чувствуются за *одно* слово, приче́мъ *μή*, какъ на то въ свое время указано, играетъ роль отрицательной *представки* въ родѣ *α privativum* и др. *) Сводить »отрицание факта« къ отрицательному *понятію*« заставляетъ при глагольномъ имени грамматическое *ὀ*. Известно, что когда глагольное имя соединено съ грамматическимъ *ὀ*, то *всегда* уже появляется отрицание *μή*, а не *οὐ*. Это вполне понятно. Хотя, напр, *τὸ πράττειν* были первоначально *два* совершенно *самостоятельныя* слова (см. выше стр. 439), но въ концѣ концовъ они должны были чувствоваться за нѣчто *нераздельное*, какъ бы за слово *одно*, и если посреди этого »слова« появлялось отрицание, то и оно попадало въ положеніе *части* слова, т. е. попадало въ положеніе »отрицательной *представки*«, и тогда уже дѣлается *естественнымъ* появленіе частицы *μή***). Во фразѣ *διὰ τοῦ μή λέγειν πολλὰ διεπράττετο*, положимъ, нечего особенно обращаться къ слушателю, чтобы онъ раскрылъ *положительное* содержаніе *отрицательнаго* выраженія, какъ это въ свое время выяснилось на выраженіи города — нестолицы (*положительнымъ* содержаніемъ *отрицательнаго* выраженія *μή λέγειν* является *только* *οὐπλᾶν*), тѣмъ не менѣе, оно, какъ *чувствуемое* за *одно* слово, представляет собою *именно* отрицательное *понятіе*, а не отрицаніе *факта*, хотя бы по *общему* контексту и *подразумѣвалось*, что »достигающее чего нибудь *лицо*« фактически *не* говоритъ (если бы въ нашей фразѣ *διὰ τοῦ μή λέγειν πολλὰ διεπράττετο* вмѣсто *διὰ τοῦ μή*

*) Если Эуклидъ, при отрицаніи факта, сказалъ *διὰ τῆν οὐ λόβιν τῆς γεφύρας*, то »отрицательное *понятіе*« должно бы вестн къ обороту *ἢ μή λίσιν*. Но *ἢ μή λίσιν* не говорятъ; вмѣсто этого употребляется какое нибудь *τὸ μή λόβιν* или другое, болѣе *сложное* (такъ называемое *описательное*) выраженіе. Отрицательное понятіе къ слову *ἀνεμος* будетъ *ἠνεμίη*, къ слову *αἰσχρῆ* — *ἀναίσχυντία* и т. д.

**) Такъ и признаковыя *глагольныя*, сливающіяся съ своимъ грамматическимъ *ὀ* въ *одно* слово, принимаютъ, какъ отрицательныя *понятія*, частицу *μή* а не *οὐ*; *τὸν μή εὐτυχούντα* и т. д.

λέγειν появилось цѣлое *предложеніе*, или даже *признаковое глагольное*, то вмѣсто *μή* наступитъ *οὐ*: *οὐ λέγων πολλα διεπράττετο.*)

Не меньшій поводъ приводить отрицаніе факта къ отрицательному понятію даютъ выраженія въ родѣ *ὁ δὲ ἄλαργός ἐστι μή νοσέειν* (Herod. 3. 66). Указываютъ здѣсь на накопленіе отрицаній, считая *μή* лишнимъ. Съ точки зрѣнія *переводящихъ* это выраженіе на *родной* языкъ и разлагающихъ его на *два* предложенія, другими словами, — съ точки зрѣнія *негреческаго* языка, это, *пожалуй*, такъ. Но въ *греческомъ* языкѣ *ὁ δὲ ἄλαργός ἐστι μή νοσέειν* представляетъ собою *одно* предложеніе, такъ какъ въ немъ — одно *дѣіе*, и, повидимому, *μή νοσέειν* есть вещный *«простираемый»*. Кажется, мы не ошибаемся, толкуя все Иродотовское выраженіе слѣдующимъ образомъ: онъ отнѣкивается, причемъ это отнѣкиваніе простирается на *«неболѣніе»*. Какъ въ выраженіи *шутитъ шутку* въ словѣ *шутку* заключается лишь выраженіе *«понятія»*, а словомъ *шутитъ* указывается на превращеніе этого понятія въ *дѣйствительность*, такъ и въ *μή νοσέειν* заключается лишь *«отрицательное понятіе»*, а словами *ἄλαργός ἐστι* указывается на *дѣйствительное* отрицаніе.*)

Отъ *«отрицательнаго понятія»* мы отличаемъ при глагольномъ имени (къ глагольному *признаковому* это не имѣть никакого отношенія) *«отрицаніе понятія»*. Когда говорятъ *λέγω σοί μή ποιεῖν ταῦτα*, то *μή ποιεῖν* чувствуется за *два* слова, причемъ *λέγειν* *вовсе* не есть выраженіе *«осуществляющагося факта»*. Если *«осуществляющійся фактъ»* въ глагольныхъ именахъ былъ уравниваемъ съ реальнымъ индивидуумомъ именъ существительныхъ, то, какъ уже сказано, *«отвлеченію отъ реальныхъ индивидуумовъ»*, или *«душевному побстудату»*, выражаемому иногда именами существительными,

*) Не вездѣ, конечно, можно *примѣнить* данное объясненіе, какъ и не вездѣ наши грамматика могутъ считать *μή* «лишнимъ». Въ какомъ нибудь *δύναμαι μή λέγειν* — дѣйствительность, къ которой отрицательное понятіе имѣть «отношеніе», заключается не въ дѣйствительномъ *отрицаніи*. (сопоставленіе съ фразою *шутитъ шутку* здѣсь непримѣнимо), а именно въ *δύναμαι* (пеговореніе я могу принять на себя).

при глагольномъ имени нужно противопоставить »понятіе«. Въ *λέγω σοι μὴ ποιεῖν ταῦτα* отрицается »понятіе«. Съ другой стороны не нелогично будетъ противопоставить глагольное имя, какъ выраженіе *осуществляющагося* факта, глагольному имени, какъ выраженію лишь *желаемаго* факта. Выходить, что »понятіе« и »предметъ желанія« при глагольномъ имени представляютъ лишь двѣ стороны одной и той же сущности. Потому то мы на стр. 402. и *соединили* оба эти термина, когда разбирали глагольное имя. Такъ какъ въ »понятіи« заключается *желаніе*, то, на основаніи замѣчанія на стр. 474-5, придется *отрицать* это »понятіе« или желаніе черезъ *μή*, а не черезъ *οὐ* *).

Кажется, нами *исчерпаны* явленія, относящіяся къ употребленію *οὐ* и *μή*. Осталось лишь одно: это — крайне затрудняющее нашихъ грамматиковъ *μή οὐ*, появляющееся одинаково при глагольныхъ *именахъ* и при глагольныхъ *признаковыхъ*. Мы имѣемъ въ виду такіе типы явленій, какъ: *οὐκ ἀπαροῦμαι μὴ οὐ ταῦτα ποιῆσαι; οὐ γὰρ ἂν μακρὰν ἔχενον αὐτὸς μὴ οὐκ ἔχων τι σύμβολον* (Soph. Oed. r. 221); *οὐ δύναμαι μὴ οὐκ εἰπεῖν ταῦτα* и т. д. Что на появленіе, повидимому, *лишняго οὐ* рядомъ съ *μή* передъ *ποιῆσαι*, *ἔχων* и *εἰπεῖν* повліяло *именно* отрицаніе *οὐκ* передъ самими глаголами, — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію**). Его я объясняю при помощи *чешскаго* языка. Въ чешскомъ языкѣ говорятъ: *já toho, aniž* (= а + ни + же) *bych mluvil; já vysledím, aniž bych měl zač se uchopiti* и т. д., а при *от-*

*) Если у Еврипида (Med. 73.) сказано *ὁ μέγας μῦθος εἰ σαφῆς ὄδε οὐκ οἶδα, βουλομένη δ' ἂν οὐκ εἶναι τάδε*, то *οὐ*, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ отнести не къ *εἶναι*, а къ *βουλομένη ἂν* (= »я не хотѣла бы, чтобы . . .«; *разстановка* не представляетъ ничего необыкновеннаго: *βούλεται μὲν, εἰθεὶς δ' οὐκ* — *известно*). — Другая замѣтка, относящаяся къ данному разсужденію, касается того *κωλύω μὴ ποιεῖν*, которое мы объясняли на стр. 398. Повторять этого объясненія мы здѣсь не станемъ; скажемъ только, что и въ *κωλύω μὴ ποιεῖν* слово *μή*, вызвано усматриваніемъ въ »понятіи« *κωλύειν желанія*. Впрочемъ, трудно *возражать* тому, кто въ данномъ случаѣ приметъ *μή ποιεῖν* не за отрицаніе *понятія*, а за »отрицательное понятіе«.

**) Слѣдуетъ, быть можетъ, указать еще на то, что иногда отрицаніе *μή* производитъ вліяніе на *далѣншія* отрицанія, превращая *οὐ* въ *μή*. Такую »assimilationem« я вижу, напр., Xen. Memorab. I. 2. 39: *φαίτην δ' ἂν βύσση μηδεμίαν εἶναι παιδεύειν παρὰ τοῦ μὴ ἀρέσκοντος*. Выраженіе *παρὰ*

рицательныхъ глаголахъ, не измѣняя смысла зависящихъ отъ этихъ глаголовъ выраженій, чехъ *непрежънно* (въ греческомъ языкѣ, какъ извѣстно, *μή οὐ* въ нашихъ примѣрахъ не есть нѣчто обязательное) скажетъ: *já ne mohu, aniž bych ne mluvil; já ne vysledím, aniž bych ne měl zač se ušorítí* и. т. д. Въ чешскомъ языкѣ это «лишнее» не чувствуется чистымъ повтореніемъ отрицанія *ne* передъ синтаксически «высшими» глаголами *mohu* и *vysledím*. Оно чувствуется *такимъ же* повтореніемъ,*) какое мы видимъ вообще въ славянскихъ языкахъ въ выраженіяхъ: я не могу ничего дѣлать**) вмѣсто «я не могу дѣлать что бы то ни было», или вмѣсто того *»ich kann nichts machen*«, какое встрѣчается въ *нѣмецкомъ* языкѣ.***)

Перейдемъ къ «утвердительнымъ» частицамъ. Въ общемъ, языку, казалось бы (смотри выше стр. 472.), не нужно никакихъ другихъ утвердительныхъ частицъ, кромѣ *vai-vaixi*. Тѣмъ не менѣе, онъ выработалъ ихъ *нѣсколько* для

τοὺ μὴ ἀπίστωντος, указывающее не на *реальныхъ* индивидуумовъ, очевидно, повліяло на то, что и въ *μηδενίαν* говорящей не отрицаетъ нѣчто *прямо отъ себя*.

*) Kvičala (Beiträge zur Erklärung und Kritik des Sophocles IV, — Sitzungsberichte der Wiener Akademie, philos.-histor. Classe: 1869, Band I., Heft 1., стр. 70) толкуетъ эти явленія иначе. По его толкованію, выраженіе *οὐ κολῶ σε μή οὐκ ἀπίσαι* слѣдуетъ разложить на два предложенія, причѣмъ второе, сведенное въ данномъ выраженіи къ обороту *μή οὐκ ἀπίσαι*, есть то же *μή οὐκ ἀπίης*, о которомъ мы разсуждали на стр. 144. Такимъ образомъ, вся фраза выражаетъ: насчетъ опасенія (*μή*), что ты не уйдешь (*οὐκ ἀπίσαι*), я тебѣ не мѣшаю (*οὐ σε κολῶ*). Изъ всего этого получается смыслъ: я тебѣ не мѣшаю не уходить. Возражая Квичалъ, мы спрашиваемъ: къ кому относится опасеніе? Къ говорящему? — насчетъ *моего* опасенія? Тогда это толкованіе теряетъ *всякій* смыслъ. А можетъ быть его слѣдуетъ отнести къ собесѣднику? Тогда теряетъ смыслъ сопоставленіе оборота *μή οὐκ ἀπίσαι* съ предложеніемъ *μή οὐκ ἀπίης*. Ибо въ *μή οὐκ ἀπίης* опасеніе относится *только* къ говорящему, хотя само *предвареніе*, выраженное въ немъ, обращено къ собесѣднику, почему и *поставлено* *μή*.

**) Это славянское повтореніе отрицанія, касающееся тѣхъ случаевъ, когда простое *не* осложняется въ рѣчи въ какое нибудь *никто* или *никогда* (т. е. отражается на появленіи отрицательныхъ мѣстоименій и «нарѣчія»), замѣчается, какъ извѣстно, и въ *греческомъ* языкѣ, хотя тамъ оно проведено, сравнительно, не съ такою послѣдовательностью.

***) Нельзя сказать, чтобы «повтореніе» отрицанія въ разясняемыхъ нами примѣрахъ на *»μή οὐκ* въ греческомъ языкѣ стояло *особенно*, не говори уже о случаяхъ, отмѣченныхъ въ предыдущей подстрочной замѣткѣ. Сравни Od. γ 27: *οὐ γάρ οἷοι οὐδὲ θεῶν ἀέκητι γενέσθαι*.

всевозможныхъ отгѣнковъ. Кромѣ *vai-vai xi* мы видимъ ихъ еще пять: *γε, δή, ἔτην, μήν* и *περ*. Насчитываютъ ихъ больше, какъ и вообще »частицъ« насчитываютъ очень много, но намъ нетрудно доказать, что весь тотъ плюсъ, который вносится обыкновенно въ число »частицъ«, относится къ »нарѣчіямъ«, т. е. къ окаменѣлымъ падежамъ *именъ*, по преимуществу *именъ формальныхъ*, и что *кромѣ* »утвердительныхъ« пяти частицъ остается *весьма* небольшое число *настоящихъ* частицъ, составляющихъ *особую* категорію *рядомъ* съ »утвердительными«. Разберемъ все то, что обыкновенно *относятъ* къ »частицамъ«.

Ἀλλά. Это, несомнѣнно, — окаменѣлый падежъ множественнаго числа отъ слова *ἄλλος*, обозначающій, что рѣчь и мысль »простирается« (*ἄλλά* есть вещный падежъ »простираемый«; см. стр. 371) *не на то*, чего она касалась до сихъ поръ, а *на другія* (множественное число!) *вещи*. Мы относимъ *ἄλλά* къ »нарѣчіямъ« и считаемъ его »окаменѣлымъ« падежемъ не потому, что оно чувствуется въ »зависимости« не отъ *одного* слова, а *вообще* (читатель, надѣмся, съ нами согласится) — отъ »синтаксическаго сказуемаго« (въ такой »зависимости« мы находили и »живые«, не-»окаменѣлые« падежи; сравни выше стр. 367), но по другой причинѣ, о которой — рѣчь впереди. Смыслъ слова *ἄλλά* можно передать фразою: »простираясь на другое« = »обратимся къ другому«. Обыкновенно этимъ »другимъ« бываетъ нѣчто *положительное*, противопоставляемое *прежнему отрицательному* (*οὐ σιγήσω, ἀλλ' ἐρώ*), или *наоборотъ* (*ἐρώ, ἀλλ' οὐ σιγήσω*; въ этомъ случаѣ, впрочемъ, чаще говорятъ *ἐρώ καὶ οὐ σιγήσω*). Къ этому »противопоставленію отрицательнаго положительному« слово *ἄλλά* до того привыкло, что часто присоединяетъ отрицаніе *къ себѣ*, составляя съ нимъ, какъ бы, *одно* слово; извѣстенъ оборотъ *οὐ μὴν ἀλλά*, обозначающій: »впрочемъ, *нѣтъ*; оставимъ это и перейдемъ къ *другому*«. Однако, часто бываетъ и такъ, что при посредствѣ слова *ἄλλά* *одна* положительная мысль противопоставляется другой, *также* положительной, — въ смыслѣ ли *возраженія* (это — то такъ: *но только* я долженъ

вотъ что сказать), или въ смыслѣ указанія на что-нибудь, представляющееся болѣе *главнымъ* и болѣе *интереснымъ*, чѣмъ предыдущее* (*ὡς τρίτες μὲν... ἔπειθεν Ἀχαιοὺς, ἀλλ' ὅτε τέταρτον ἦλθεν ἔτος* — Od. β 107). Кромѣ того, *ἀλλά* часто употребляется, если говорящій желаетъ *прекратить* всякій разговоръ какимъ-нибудь *рѣшительнымъ* заявленіемъ: *ἀλλά φημί* = «ну хорошо, хорошо; оставимъ этотъ разговоръ; я согласенъ» (переходъ слова *ἀλλά* отъ предыдущаго значенія къ настоящему *психологически* — вполнѣ понятенъ). Во фразѣ — *οὐ δὲ δὴ μοι ἀλλὰ τοῦτο εἶπέ* слово *ἀλλά* опирается на *подразумываемое* «противопоставленіе»: если не все, однако (хоть) *это* скажи! Словомъ *ἀλλά* часто даемъ знать, что *оставляемъ* и *прекращаемъ* раздумье и *рѣшаемся* на что-нибудь *положительное*: *ἀλλ' ὄφειλε Κύρος ζῆν* = «эхъ, что тутъ толковать! — жить было Киру, и все!». Согласно этому, *ἀλλά* употребляется, когда мысль появляется *вдругъ*, какъ бы, — *со стороны*, *врываясь* при этомъ въ *другое* теченіе мыслей: *ἀλλὰ τί τοῦτο εἶπον* = однако, что же это я сказалъ?

Объ *ἄν-хен* мы особенно распространяться не намѣрены. *Ἄν-хен* является «нарѣчіемъ» (= окаменѣлымъ падежемъ *мѣстоименной* темы), и сообщеннаго о немъ на стр. 131 — вполнѣ достаточно. Замѣчательно, что *ἄν-хен* относится, кажется, *исключительно* только къ глагольнымъ именамъ, къ глагольнымъ признаковымъ и глаголамъ. Это значить, что оно, обозначая «возможность сужденія», поскольку послѣднее выражено въ самомъ *глаголѣ* (ср. стр. 131), въ сущности указываетъ на возможность *осуществленія* дѣйствія, какъ мы о томъ упоминали при глагольныхъ именахъ и при глагольныхъ признаковыхъ на стр. 402 и 404. Другими словами, оно почему-то (*почему*, — на это отвѣтить я затрудняюсь) выработалось какъ «нарѣчіе», имѣющее отношеніе *исключительно* только къ «*дѣйствию*», какъ къ своему синтаксическому сказуемому, — къ тому дѣйствию,

*) Упомянувъ о «возраженіи» и объ «указаніи на нѣчто болѣе интересное», мы имѣемъ въ виду, между прочимъ, выдвинуть слово *ἀλλά* въ отличіе отъ слова *δέ*, о которомъ рѣчь впереди.

которое представлено въ языкѣ съ своими видовыми и залоговыми отгѣнками. Ибо и въ *глаголь* оно, въ сущности, относится къ одному лишь *а* нашей риматической схемы (сопоставь стр. 180, подстрочное примѣчаніе).

Нечего распространяться и объ *ἄρα*, достаточно выясненномъ въ смыслѣ »нарѣчія« на стр. 455–6.

Ἄτε есть несомнѣнное »нарѣчіе«, образованное отъ формальнаго имени *ὄς* и присоединившее къ себѣ то же *τε*, которое у Омира столь часто присоединяется къ самому *ὄς* (смотри выше стр. 469). *Ἄτε* представляетъ собою такой же вещный падежъ (вещный »простирагельный«) *множественнаго* числа, какой мы въ *единственномъ* числѣ находимъ въ *другомъ* »нарѣчіи«, — въ нарѣчіи *ὅτι*, образованномъ отъ *ὄτις*, а то и — въ простомъ *ὄ*, образованномъ отъ того же *ὄς* (Od. γ 146: *ἠπίος, οὐδὲ τὸ ἦδη, ὃ οὐ πείσομαι ἐμελλεν* = не зналъ того, что она не думала угождать ему). *Единственное* число *ὅτι-ὄ* (сравни русское *что*) является »нарѣчіемъ« *относительнымъ* (см. выше стр. 443–4), опирающимся на *соотносительное* слово. *Οἶδα, ὅτι ἡ ἀρετὴ ἀγαθὸν ἐστὶ* значить: у меня есть убѣжденіе *по известному вопросу; по смыслу его* я объявляю добродѣтель за благо.*) За такое же относительное »нарѣчіе«, опирающееся на *соотносительное* слово, нужно признать и *ἄτε*. Что касается значенія слова *ἄτε*, то оно ближе всего подходит къ »нарѣчію« *ὄς*, образованному также отъ *ὄς*.**) Появившись довольно поздно (впервые — у Пиндара), оно сначала употреблялось, напр. во фразѣ *ἄτε ἀλέκτωρ* (Pind. Ol. 12. 20), совершенно такъ же, какъ

*) Я не могъ подыскать болѣе подходящихъ выраженій для передачи той »соотносительности«, на которой нужно *настаивать* при объясненіи слова *ὅτι*, кромѣ предложенныхъ мною »по известному вопросу« и »по смыслу его.« Она въ нихъ, конечно, показана только *внутри* (слова *известному* и *его* въ этихъ выраженіяхъ опираются другъ на друга), а не *внѣ*. Если бы мы ее хотѣли выразить и *внѣ*, то только и оставалось бы сказать »у меня есть свѣдѣнія *относительно того, что* добродѣтель — благо«, т. е. пришлось бы употребить выраженіе, въ которомъ, по крайней мѣрѣ во второй его *половинѣ* именно въ самомъ словѣ *что*), »простирагельный« отгѣнокъ слова *ὅτι*, какъ *падежа*, не былъ бы такъ нагляденъ.

**) Смотри Lex. Hom. sub voce *ὄς*.

ὡς (*ἅτε ἀλέκτωρ* = какъ пѣтухъ = точно пѣтухъ = »въ такомъ смыслѣ, въ какомъ« пѣтухъ), но впоследствии, какъ известно, въ силу *экономіи* языка утвердилось въ болѣе *спеціально*мъ значеніи »объективно — причиннаго« слова (Herod. 5. 83: *ἅτε δὲ ἑόντες διάφοροι ἐδηλέοντο αὐτούς* = такъ какъ они были враждебны къ нимъ, то ихъ истребляли; прямѣе соотвѣтствовала бы фраза: *πολλοῖσι* они были враждебны къ нимъ, *ποτολλοῖσι* истребляли ихъ), въ то время какъ слово *ὡς* оставалось при своемъ »общемъ« значеніи и, принимая на себя въ силу этого »общаго« значенія, *μεθὺν* прочимъ и роль »причиннаго« слова, сдѣлалось въ *πρὸς* противоположность слову *ἅτε* »субъективно-причиннымъ« (*οὐκ ἐποίησαν τοῦτο ὡς χαλεπὸν ὄν* = не сдѣлали этого, такъ какъ *de* это было трудно).

Ἄν, αὐτε, αὐθις (*αὐτις*), *ἐξαυτις, εἰσαυθις, αὐτάρ* (*ἄτάρ*).
Объ этимологіи и о »значеніи« слова *αὐ* мы упоминали на стр. 450—1. Прямая *этимологически* къ *мѣстоименной* темѣ, оно является несомнѣннымъ »нарѣчіемъ«. Указывая своимъ »значеніемъ« на то, что отъ предмета не слѣдуетъ удаляться, а слѣдуетъ при немъ оставаться, или къ нему, если мы отъ него удалились, вернуться, оно въ самомъ обозначеніи »предмета«, — состоитъ ли это обозначеніе изъ одного, или нѣсколькихъ словъ, — находить себѣ то »синтаксическое сказуемое«, съ которымъ связано появленіе въ рѣчи *всѣхъ* »нарѣчій« (а также частиц*), до сихъ поръ нами разобранныхъ. Слова *αὐτε, αὐθις* (*αὐτις*), *ἐξαυτις, εἰσαυθις* и *αὐτάρ* (*ἄτάρ*) представляютъ собою лишь этимологически расширенное, а синтаксически видоизмѣненное (эту видоизмѣненность, впрочемъ, иногда довольно трудно *опредѣлить*) *αὐ*.

Что касается слова *αὐτε*, то мы не знаемъ, искать ли въ немъ то *τε*, которое, какъ уже на то не разъ указы-

*) Это нужно понимать *cum grano salis*. Какъ мы видѣли на отрицаніяхъ, — а тоже самое можетъ случиться и съ *другою* »частицею«, равно какъ и съ »нарѣчіемъ«, — часто можетъ сама »частица« и само »нарѣчіе« обратиться въ синтаксическое сказуемое, а тогда *его* синтаксическое сказуемое дѣлается синтаксическимъ *подлежащимъ* по отношенію къ нему.

валось, присоединяется къ »относительнымъ« словамъ (какъ къ именамъ, — сравни *ὅς τε*, — такъ и къ »нарѣчіямъ«, сравни *αὐτε*), или же мы должны усматривать въ немъ *τε*, появляющееся въ »нарѣчіяхъ« *ὅτε* (*ὅτε* образовано несо- мнѣнно отъ »относительнаго« формальнаго имени *ὅς*), *τότε*, *πότε*, и т. д. Мы даже не знаемъ, въ какомъ отношеніи находится *первое τε*, имѣющее значеніе русскаго »и« (о немъ рѣчь впереди), къ этому *второму τε**). Во всякомъ случаѣ, то »водоизмѣненіе« значенія, которое *αὐτε* получило черезъ присоединеніе къ себѣ *τε*, не поддается опредѣленію.

*) Этимологи видятъ въ обоихъ *τε* нѣчто одно (Curtius Grundz. 487; Дельбрюкъ, впрочемъ, въ своемъ Grundr., *уменьшаетъ* о *τε*, появляющемся въ *ὅτε*, а говоритъ только о *τε*, появляющемся въ *ὅς τε*, *ὅστε*, *ἐφ' ὅτε*, уравнивая его, по значенію, съ нѣмецкимъ *und*). Симасиологи въ этомъ отношеніи идутъ за этимологами (смотри Christ, der Gebrauch der griechischen Partikel *τε* mit besonderer Bezugnahme auf Homer, Sitzungsberichte der philos. hist. Classe der Münchener Akademie 1880 стр. 25 и сл., и Kvičala, über die Partikeln *δέ* und *τε*, Zeitschrift für die österr. Gymnasien 1864. стр. 313 сл. и 393 сл.). Такъ, Квичала говоритъ (стр. 394): Die ursprüngliche Bedeutung des *τε* (ка) war also die indefinite, und zwar je nach Umständen die locale »irgendwo«, oder temporale »irgendwann«, oder modale »irgendwie«. Je nach Umständen sagen wir, denn die specielle Färbung des *τε* richtete sich nach dem Worte, mit welchem es in Verbindung trat: z. B. *τις τε local* (wer da), *τότε, ὅτε, ἐπειτε temporal*, *ὅστε modal* (не есть ли само *ὅς* modal?). Въ томъ же духѣ разсуждаетъ и Христъ, только что онъ выводитъ всѣ »отгѣнки« этого одного *τε* не изъ »indefini'наго«, какъ Квичала, а изъ »двучленного«, что ли, значенія (korrelative Bedeutung), — того двучленного значенія, которое мы видимъ въ русскомъ »то скажетъ одно, то- другое«. Видно, опредѣлять симасиологическій центръ такихъ »частицъ« можно различно, несмотря на то, что оба автора держатся положенія, въ силу котораго den genügendsten Aufschluss über die ursprüngliche Geltung der Partikel *τε* und somit die einzige sichere Grundlage für eine wissenschaftliche Darstellung der Gebrauchsweisen derselben die *Etymologie* bietet (Квичала стр. 394), или, какъ говоритъ Христъ (стр. 27), der Gebrauch der Partikel *τε* mit *schwer entwirrbaren* (то то и есть!) Fragen der *Etymologie* zusammenhängt. Мы намѣрены ниже выводить всѣ отгѣнки слова *τε* изъ *утвердительнонаго* значенія и будемъ, кажется, *тоже* правы, но только, — предупреждаемъ, — не собираемся разсуждать о *всехъ τε*, а исключимъ изъ нашего разсужденія непременно *ὅτε, τότε, ἄλλοτε* и т. д. Мы не можемъ отрѣшиться отъ мысли, что какое нибудь *πότε* есть *одно* слово (*τε* въ немъ представляетъ падежное окончаніе), тогда какъ въ *ὅτε, ἐπειτε, ὅστε* и др. мы ихъ должны усматривать *два*, а *одно* изъ нихъ есть само *τε*. Что касается, въ частности, слова *αὐτε*, то оно свободно можетъ быть объясняемо и какъ compositum изъ *деуше* словъ (*αὐ* + »утвердительное« *τε*; сравни русское *олимпъ* — *таки*) и какъ падежная форма. Въ этомъ смыслѣ и *ὄφρα ὅτι* было »падежемъ« (ср стр. 246), и если *ὄφρα ὅτι*, какъ »падежъ«, могло отвѣчать на вопросъ *ὅτι*,

Αὐτάρ - *ἀτάρ* представляет собою *compositum* изъ *αὐτε* и объясненнаго на стр. 455-6. *ἄρα**). Если *αὐτάρ-ἀτάρ* приставляется обыкновенно къ синтаксическимъ сказуемымъ, составляющимъ *противоположность* чему нибудь, или, выражаясь иначе, — если само *αὐτάρ-ἀτάρ* указываетъ на эту противоположность, то это вовсе не противорѣчитъ основному значенію того *αὐ*, изъ котораго *вышло* наше *αὐτάρ-ἀτάρ*. И простое *αὐ* пригодно было и употребляется для обозначенія такой противоположности. Сравни Xen. Anab. I. 10. 10: *ὡς δὲ εἶδον οἱ Ἕλληνες ἐγγύς τε ὄντας καὶ παρατεταγμένους, αὐθις παιανίσαντες ἐπῆσαν πρὸς προθυμότερον ἢ τὸ πρόσθεν οἱ δ' αὖ βάρβαροι οὐκ ἐδέχοντο, ἀλλ' ἐκ πλείονος ἢ τὸ πρόσθεν ἔφρευον* = а варвары *тутъ же* (= а варвары *при этомъ*; въ русскомъ разговорномъ языкѣ часто слышится: а варвары *опять*; по чешски: а *opět* barbaři, въ смыслѣ простаго «варвары *же*») пуще прежняго бѣжали. Какая, въ сущности, разница между этимъ *αὐ* и между *αὐτάρ*, встрѣчающимся въ II. α 133? Мѣсто II. α 133 гласитъ: *ἢ ἐθέλεις, ὄφρ' αὐτὸς ἔχῃς γέρας, αὐτάρ ἐμ' αὐτῶς ἦσθαι δευόμενον* = или ты требуешь себѣ самому почета, (а) я чтобы *тутъ же*, въ связи съ этимъ (сравни русское разговорное «*опять же* я чтобы») сидѣлъ такъ только, безъ почета? Известно, что этимологически *укороченное αὐτάρ*, именно *ἀτάρ*, развило способность,

то и *ἄλλοτε*, а съ нимъ и *αὐτε*, могло, какъ «падежъ», отвѣчать на вопросъ *когда* (обыкновенное *опять, вспять*, которое заключается *одинаково* и въ *αὐ* и въ *αὐτε*, могло быть выведено въ *αὐτε* изъ *временнаго* значенія = назадъ по отношенію къ *времени* = опять въ это время). Если языкъ находилъ нужнымъ выдѣлить въ *οὐρανῶσι* мѣстно-просторовую функцію какъ нѣчто *особое*, то онъ могъ сдѣлать то же самое и съ временно-просторовою функціею: die Untersuchung über die einstigen Casus des Indogermanischen (т. е. сколько ихъ на дѣлѣ было) ist noch nicht abgeschlossen, — говорить Делбрюкъ Synt. Forsch. IV. 62 (сравни стр. 216).

* Относительно *αὐτάρ* это *принятая* этимологія. Что же касается *ἀτάρ*, то его Бругманъ (Grundriss II. 177) уравниваетъ съ тѣмъ *ἀταρ*, которое, какъ на то указано на стр. 317, въ свою очередь приводитъ въ связь съ *ἀνε*. Мы, руководясь непосредственнымъ чутьемъ *значенія* слова *ἀτάρ*, сходнаго съ значеніемъ самаго *αὐτάρ*, не думали бы, что этимологически слѣдуетъ *отрывать* одно отъ другого. Что въ *ἀτάρ* звукъ *ν* (= *F*) безслѣдно пропадаетъ, противъ этого этимологіи не могутъ имѣть ничего особеннаго.

наравнѣ съ ἀλλά* (см. стр. 490.), предупреждать собою какія нибудь *новыя* мысли, появляющіяся *вдругъ*, *тутъ же* (слово »тутъ же« я и избралъ для объясненія появленія такого ἀτάρ). Сравни Хер. Анаб. IV. 6. 14.: μένοιεν γὰρ αὐτοῦ μᾶλλον ἀθροοὶ οἱ πολέμοι ἀτάρ τί ἐγὼ περὶ κλοπῆς συμβάλλομαι.

И слово αὐθις (αὐτις) представляется мнѣ какимъ то (неизвѣстно какимъ**) »окаменѣлымъ« падежемъ отъ той же мѣстоименной темы, отъ которой произошло αὐτός. Такимъ образомъ, ἐξαυτις и εἰσαυτις были бы какими то »сложными нарѣчіями«, такъ какъ они являлись бы полными *предлогowymi оборотами* (предлогъ plus »падежь«). Такимъ же »сложнымъ нарѣчіемъ« оказывается и русское *опять-вспять*, состоящее несомнѣнно изъ предлога (о — воз) и формы, этимологически связанной съ словомъ *пята*. *Ἐξαυτις* и *εἰσαυτις*, впрочемъ, употребляются не такъ часто, причеиъ различіе ихъ значенія можно усмотрѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ: ἀλλ' ἴθι νῦν προκαλέσσαι ἀρηίφιλον Μενέλαον ἐξαυτις (= снова — еще разъ) μαχέσασθαι ἐναντίον (II. γ 432); πολλὰ δ' ἀπεθέμην ἀσπάσματα εἰσαυτις (— *наово — опять* когда нибудь), ὡς ἤξουσα ἐς Ἄργος αὐ πάλιν (Eur. Iph. T. 377).

О словахъ *εἶτα* и *ἔπειτα* нечего распространяться послѣ разъясненій на стр. 468–9. Укажемъ лишь на одно, Если *εἶτα* и *ἔπειτα* признаются за »нарѣчія« *соотносительными* къ отнесенительнымъ »нарѣчіямъ« *εἰ* и *ἐπεὶ* (въ какомомъ случаѣ, — въ такомомъ случаѣ), — если они указываютъ на причинную связь т. е. на причинную послѣдовательность (они могутъ указывать и на *временную* послѣдовательность, и на

*) Это-то употребленіе слова ἀτάρ, вѣроятно, и дало поводъ этимологамъ уравнивать ἀτάρ съ ἀταρ. Какъ ἀταρ отдѣляется одно отъ другого, такъ и въ ἀτάρ, предупреждающемъ *вдругъ* появляющуюся мысль, видятъ указаніе на *отдѣленіе* отъ стараго чего то *наово*, съ прежнимъ ничѣмъ не связаннаго.

**) Не есть ли *θις* въ словѣ αὐθις нѣчто тожественное съ окончаніемъ словъ *οὐρανῶθι*, и не слѣдуетъ ли αὐθις понимать первоначально въ »*мѣстнопосторономъ*« значенія? (тогда бы оно указывало »первоначально« на удаление отъ *мѣста* — на возвращеніе къ *мѣсту*).

последовательность въ простомъ *перечисленіи*; такъ и русское *затѣмъ* = *επειτα* имѣть значеніе простаго *вовторыхъ* или *третьихъ* и т. д.), то естественнымъ является и такое ихъ употребленіе, какъ *καὶ οἱ κείστοι τῶνδ' ἀκούσαντες . . . προὔθεντο τὴν τυραννίδα*; (Soph. Oed. C. 418). = и несмотря на это, они могли предложить? = и *послѣ этого* они могли предложить? Вообще выраженіе причинной «последовательности» можетъ сдѣлаться выраженіемъ причинной «непоследовательности» (сравни объ этомъ стр. 231—2.).

Ἐμπης — *ἐμπας* — *ἐμπαν* — *ἐμπα*. Принадлежность этого слова къ «сложнымъ нарѣчіямъ» (и здѣсь замѣчается предлогъ, какъ замѣчался въ словахъ *ἐξαυτίς* и *εἰσαυθίς*) — совершенно ясна. По *составу* своему оно соотвѣтствуетъ русскому «во всякомъ случаѣ». Оно появляется въ рѣчи либо по поводу *одной* какой нибудь мысли, когда я хочу обозначить, что *всегда* буду на ней настаивать, несмотря на какія бы то ни было «возраженія» (сравни фразу: онъ, во всякомъ случаѣ, — *добрыи* человекъ), либо по поводу *двухъ* мыслей, изъ коихъ одна *заключаетъ* въ себѣ то «возраженіе», которое раньше только *подразумывалось*. Въ послѣднемъ случаѣ наше «нарѣчіе» ставится либо при «возраженіи» и вообще при выраженіи той мысли, которая противорѣчитъ главному «утвержденію», либо непосредственно передъ «утверженіемъ». Сравни примѣры: *Τὸ δ' ἄρ' ἀνείξαντ' Ὀδυσσεὺς καὶ φαίδιμος υἱὸς ἐσφόρειον κόρυθας . . . παροῦθε δὲ Παλλὰς Ἀθήνη, χρύσειον λύχρον ἔχουσα, φάος περικαλλῆς ἐποίει· δὴ τότε Τηλέμαχος προσεφώνεεν ἄν πατέρα αἴψα ὧ πάτερ, ἦ μέγα θαῦμα τὸδ' ὀφθαλμοῖσιν ὄρωμαι· ἐμπης μοι (= какъ себѣ хотите, а мнѣ*) τοῖχοι μεγάρων καλαί τε μεσόδμοι εἰλάτιναι τε δοκοὶ καὶ κίονες ὑπόσ' ἔχοντες φαίνοντ' ὀφθαλμοῖς ὡσεὶ πυρὸς αἰθομένοιο*

*) Такъ я объясняю здѣсь слово *ἐμπας*. Я знаю, что его здѣсь толкуютъ въ смыслѣ русскаго «во всѣхъ отношеніяхъ» (*ganz und gar*), но при такомъ толкованіи слово *ἐμπας* не представляется въ достаточной степени синасіологически *единнымъ*: значенія «во всѣхъ отношеніяхъ» и «во всякомъ случаѣ» (безъ *последняго* значенія нельзя обойтись въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ употребленія слова *ἐμπας*) трудно соединить другъ съ другомъ.

ἢ μάλα τις θεὸς ἔνδον, οἱ οὐρανὸν εὐρὺν ἔχουσιν (Od. τ 37). — Τῷ οὐ νεμεσίζωμ' Ἀχαιοὺς ἀσχαλίαν παρὰ νηυσὶ κορωνίσιν ἀλλὰ καὶ ἔμπης (= но и при этомъ, какъ себѣ хочешь) ἀσχρόν τοι δηρὸν τε μένειν κενεὸν τε νέεσθαι (II. β 297). — Νέστορα δ' οὐκ ἔλαθεν ἰαχὴ πίνοντά περ ἔμπης (II. § 1.; здѣсь ἔμπης поставлено при мысли, *противорѣчащей* »утвержденію«).

«*Ὅμωσ.* Устанавливать значеніе этого несомнѣннаго »нарѣчія« не приходится. Нужно его только надлежаще связать съ значеніемъ того *ὄμωс* (= равный, одинаковый, общій; сравни *ὄμῃ πεπωμένον αἴση, ὄμᾶ φρονεῖν, ὄμῶν λέχος*), удалительнымъ падежемъ котораго оно является. Появляясь въ рѣчи въ тѣхъ случаяхъ, когда одна мысль противорѣчить другой, слово *ὄμωс* указываетъ, что извѣстная мысль имѣетъ свою силу *все равно* = *все одинаково* (вотъ на какомъ *русскомъ* оборотѣ можно выяснитъ связь слова *ὄμωс* съ »нарѣчіемъ« *ὄμωс*), какъ если бы этого противорѣчія не было. Какъ *ἔμπης*, такъ и *ὄμωс* ставится и при мысли, которая *противорѣчитъ* главной, и непосредственно передъ своимъ »синтаксическимъ сказуемымъ«. Сравни: *μέγας δὲ πλευρὰ βοῦς ὑπὸ σμικρᾶς ὄμωс μάστιγος* (= для большого быка *все равно* и *малой* плети достаточно) *ὄρθος εἰς ὄδον πορεύεται* (Soph. Ai. 1253) и *κλῦθι μου, νοσῶν ὄμωс* (Soph. Trach. 1115; здѣсь *ὄμωс* приставлено къ *противорѣчащей* мысли). Что рядомъ съ *ὄμωс* употребляется въ одинаковомъ значеніи и *ὁμοίωс*, это — извѣстно (Herod. 7. 121: *οἱ μὲν δὴ πιεζόμενοι ὁμοίωс τὸ ἐπιτασσόμενον ἐπετέλεον*).

Съ *ὄμωс*, какъ извѣстно, этимологически связываютъ *ἄμα*. Такимъ образомъ и *ἄμα* обозначало бы »одинаково« — »обще« — »совмѣстно« — »одновременно«. Такъ оно и оправдывается во всѣхъ случаяхъ своего появленія. Сравни: *ἄνουс τε καὶ ἀγαθὸс ἄμα* (= безумный и добрый *въ то же время*; соединяются черезъ *ἄμα** два признака,

* *, Что *ἄμα*, обозначающее общность, совмѣстность, одновременность, могло соединять и двѣ *противорѣчащія* другъ другу мысли, — понятно изъ всего, что сказано нами выше о *ὄμωс*. Да и нужно ли для этого *ἄμα* ?

противорѣчающіе другъ другу): *λυπεῖται τε ἅμα καὶ χαίρει* (и печалится въ одно и то же время,* и радуется); *φεύγοντες ἅμα ἐπίτροσμον* (= отступая, они въ то же время наносили раны); *ἅμα ἀποθνήσκοντος τοῦ ἀνθρώπου διασκεδάννυται ἡ ψυχὴ* (= въ одно и то же время, когда умираетъ челоуѣкъ, душа . . .); *ἅμα μὲν τοῦτο, ἅμα δὲ ἐκεῖνο* (= одинаково и это, одинаково и то = отчасти это, отчасти то) и т. д. Какъ извѣстно, *ἅμα* употребляется и съ *παδε-
жемъ*, — падежемъ (за таковой мы его должны признать въ концѣ концовъ)**) *личнымъ*, т. е. съ такимъ же, съ какимъ появляется и *οὖν*: *ἅμ' ἤοι φαινομένη* = одинаково = одновременно съ зарею. Причислить ли его изъ- за этого къ предлогамъ (ср. стр. 317)? Нѣтъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно появляется *безъ* падежа, въ немъ нѣтъ ни *тѣни* того »подразумѣванія падежей«, которое мы замѣтили въ *дѣйствительныхъ* предлогахъ, когда они »употребляются самостоятельно« (сравни примѣры на стр. 318—20), точно также какъ *ἅμα* не проявляетъ той способности къ *»композиціямъ«*, на которую въ *предлогахъ* указывалось нами на стр. 322—340. *Ἄμα* оказывается истымъ »нарѣчіемъ«. Если при немъ и появляется симасіологическое *падежное* дополненіе, то на такое дополненіе — вообще *способны* »нарѣчія« (объ этомъ — рѣчь впереди). Мы готовы думать, что то *οὖν*, которое, какъ извѣстно, иногда *присоединяется* къ *ἅμα*, есть не болѣе, не менѣе какъ замѣна *простаго* падежа, съ полнымъ правомъ стоящаго при *ἅμα*, *предлоговымъ оборотомъ*, — тѣмъ предловымъ оборотомъ, который мы видимъ въ *русскомъ* языкѣ (»одно- временно съ зарею« вмѣсто »одновременно зарѣ«***).

Всѣмъ »соединительное« слово годится для »соединенія« двухъ *противорѣчающихъ* другъ другу мыслей. Извѣстно омировское *δῶρις δλίγη τε φίλη τε* = подарокъ и малъ, да милъ (= хоть онъ и малъ, а дорогъ).

*) Здѣсь *ἅμα* отнесено, по вопросу о *разстановкѣ* словъ, не къ *присоединенной*, а къ *»присоединяющей«* мысли. Сравни сказанное выше о *постановкѣ* словъ *ἅμα ἢ ἐμπης*.

**) Сравни выше стр. 364—5.

***) См. выше стр. 355.

Объ *οὖν* нечего распространяться послѣ объясненій на стр. 446.

Τοι. Слово *τοι* оказывается этическимъ личнымъ падежемъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ *μοι* объяснено было на стр. 367. *Именительный* падежъ къ нему есть слово *σὺ*, обозначающее *собесѣдника*. Если при *τοι* собесѣдникъ и не является *«главнымъ судьею»* въ томъ синтаксическомъ сказуемомъ, къ которому *«частица»* (?) *τοι* приставлена, то онъ *черезъ τοι* дѣлается хоть *соучастникомъ* мысли, *выраженной* въ немъ, — соучастникомъ, совершенно *равноправнымъ* (потому и личный падежъ) съ самимъ *авторомъ* мысли. Такъ чувствуется и чешское *to vám byla podívána* — *to ti je krásné* (= вотъ, знаете ли, было зрѣлище! — вотъ, *знаешь ли*, прелесть!). На стр. 367 мы слово *μοι* объясняли какъ *живой* падежъ. *Τοι* приходится признавать за падежную *«окаменѣлость»* и, слѣдовательно, — за *«нарѣчіе»* (а вовсе не за *«частицу»*) по слѣдующимъ соображеніямъ: 1. само *τ* во формѣ *τοι* есть *«окаменѣлость»* (форма *τοι*, какъ форма *живаго* падежа, относится къ *старинному, омировскому* языку); 2. *значеніе* слова *τοι* является *тоже* не чѣмъ то *живымъ*, *вполнѣ сознаваемымъ*, а *«окаменѣлымъ»*, такъ какъ *τοι* часто употребляется, когда *авторъ* мысли обращается не къ одному, а къ *нѣсколькимъ**) *лицамъ***); 3. слово *τοι* входитъ въ композиціи *καίτοι, τοίγαρ, τοίγαρῶν, μέντοι, τοίγαρτοι, ἤτοι****), что съ *живымъ* падежемъ не слѣ-

*) Наряду съ *τοι*, конечно, можетъ появиться и *живое «ὄμιν»* (*ἀποσβέροι ὄμιν γενήσονται οἱ νέοι* — Plat. Resp. 546 e; или здѣсь *ὄμιν* слѣдуетъ объяснять иначе?)

**) Да и не есть ли вообще *«окаменѣлость»* *значенія* и крайнее затрудненіе *проникнуть* въ значеніе хотя бы *этимологически* *вполнѣ раскрытаго* падежа, — не есть ли это одна изъ *главныхъ* причинъ, почему слово атрофируется въ своемъ значеніи *«имени»* (*πομεν*) и дѣлается *«нарѣчіемъ»*? Не это ли была причина, почему мы и *ὅτι* и *ἀλλά* не признали за *πομίνα* и объявили ихъ *«нарѣчіями»*? Не слѣдуетъ ли по этой же причинѣ объявить и *πότῃρον-πότῃρα* за *«нарѣчіе»* (см. выше стр. 458-9), такъ какъ оно, *предупреждая* о *двучленномъ* *вопросѣ*, *«еда ли* *оигуряруетъ* въ роли *именительнаго* падежа, а въ роль его, какъ *«вещнаго»* падежа (очевидно, — *«простирательнаго»*), трудно проникнуть?

***) Изъ этихъ композицій пока для насъ доступны *ἤτοι* и *καίτοι*. Въ *ἤτοι* само *ἤ* является то *«утвердительнымъ»* (смотри стр. 464-5; Беккеръ

чилось бы (последнее соображеніе, впрочемъ, находится въ связи со вторымъ).

По исключеніи разобранныхъ и оказавшихся «нарѣчіями» λέξων, остаются прежде всего перечисленные на стр. 489. μήν (ослабляется морфологически въ μέν*), δή (ослабляется морфологически въ дѣ**), θην (ослабляется морфологически въ θεν [?], какъ видно изъ δῆθεν [?]), γε

пашеть въ этомъ случаѣ ἢ τοι = право), то двучленнымъ (см. стр. 461; особенно въ позднеѣ греческомъ языкѣ употребляется постоянно ἢτοι - ἢτοι вмѣсто простаго ἢ - ἢ). Конечно, во всякомъ объявленіи, обращенномъ къ слушателю, мы его дѣлаемъ соучастникомъ нашей мысли, а потому мало ли гдѣ можетъ появляться τοι; но особенно умѣстнымъ оно оказывается въ ἢτοι, при «утвердительномъ» значеніи частицы ἢ (особо распространяется объ этомъ послѣ объясненій на стр. 464-5 нечего), и при καίτοι. Καίτοι (= и вотъ тебѣ), какъ извѣстно, появляется при мысли, находящейся въ противорѣчій съ прежнею (= однако), или заключающей въ себѣ главную суть всего, высказываемаго въ томъ болѣе широкомъ контекстѣ, который вызвалъ слово καίτοι. (каίτοι — а суть то въ томъ, что . . .). Нѣтъ сомнѣнія, что въ обоихъ случаяхъ имѣется особенное основаніе привлечь слушателя къ участию въ моей мысли, что и достигается черезъ τοι.

*) См. Ebeling Lex. Nom. sub voce μέν.

**) Объ этимологической связи словъ дѣ и δή наши этимологи не такъ распространяются, какъ о связи словъ μέν и μήν. δή связываютъ съ ἦδη, но относительно этимологическаго корня слова δή существуетъ большое разногласіе: одни видятъ въ немъ тотъ же корень, какъ въ словѣ dies, другіе сопоставляютъ его съ латинскимъ jam (см. Ebeling Lex. Nom. sub voce δή). Что же касается слова дѣ, то обыкновенно о немъ умалчиваютъ, или приводятъ его въ невозможную связь съ греческими δίς и δεύομαι (Hartung Partik. I. 161 и Bäumlein Partik. 88). Bäumlein даже находитъ нужнымъ «возражать» Klotz'у, Rost'у и Krüger'у, которые, руководясь непосредственнымъ чувствомъ, принимаютъ дѣ, какъ, по нашему, и слыдуетъ его принимать, за ослабленное δή. Возражаетъ онъ тѣмъ, что дѣ niemals in dem ersten Satze steht, und sich immer auf etwas Vorgegangenes bezieht. Вообще, этимологизировать какъ дѣ, такъ равно и δή — чрезвычайно трудно, и всякій примѣнять не значеніе этихъ словъ къ ихъ этимологіи, а этимологію къ ихъ значенію, насколько последнее имѣетъ «чувствуется». Обращаемъ вниманіе на диссертцію Rob. Linke (de particulae δέ significatione affirmativa apud Sophoclem, Halis Saxonum 1873), въ которой онъ указываетъ на такіе примѣры какъ εἰ δέ κεν μή δώσω, ἐγὼ δέ κεν αὐτὸς ἔλωμαι (II. α 137), или καλῶ δ' ἀργουὸς τὰς αἰεὶ το παρθένους αἰεὶ δέ δρώσας πάντα τὰν βροτοῖς πάθη (Soph. Al. 835), въ которыхъ дѣ можетъ имѣть только «утвердительное» значеніе. Это то «утвердительное» значеніе слова дѣ, по нашему, и есть основное. Имѣть то оно прежде всего и связано съ δή, которое также — «утвердительное». Мы имѣемъ нѣкоторое право утверждать такъ потому, что рассматриваемъ всѣ «частицы» въ системѣ, а въ этой системѣ друму значенію ни для слова δή, ни для слова дѣ — нѣтъ мѣста. Считаю дѣ за ослабленное δή, мы также руководимся аналогією словъ μήν и μέν. По нашему, μήν: μέν = δή: дѣ.

и *περ*. Чтобы и ихъ, или по крайней мѣрѣ *часть* ихъ, принимать за »нарѣчія«, на это не даетъ намъ права никакое этимологическое соображеніе. Съ большею, сравнительно, увѣренностью этимологизируютъ слово *περ*, связывая его то съ словомъ *περί*, то съ словомъ *πέρας*,*) но съ этими этимологіями мы никакъ не можемъ согласиться въ виду того значенія, которое мы усматриваемъ въ *περ*, и которое со значеніемъ словъ *πέρας* и *περί* не имѣетъ ничего общаго.

Всѣ эти »частицы« нами уже на стр. 489. названы *утвердительными*. Онѣ выражаютъ разные оттѣнки общеутвердительнаго *ναι*, которое, кстати сказать (сопоставь стр. 472), встрѣчается не только »самостоятельно«, но и въ *связной рѣчи*, относясь, конечно, какъ *всѣ* »частицы«, къ *синтаксическому сказуемому* (*ναι δὴ ταῦτα γε πάντα κατὰ μοῖραν ἔγινε* — Od. v 37). Разбирать ихъ значеніе по всевозможнымъ случаямъ ихъ *появленія* въ рѣчи мы не намѣрены, да это — едвали и возможно. Мы опредѣлимъ это значеніе согласно непосредственному чувству, выработанному долготѣннымъ опытомъ. Оно представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ:

1. Черезъ *μήν* и ослабленное *μέν* говорящій даетъ знать, что онъ *допускаетъ* или *принимаетъ* ту часть мысли, къ которой эти частицы приставлены, какъ нѣчто такое, съ чѣмъ онъ намѣренъ *считаться*. *Καὶ μήν τετελεσμένον ἔσται* значить: и я допускаю, что это будетъ исполнено.

2. *Αἴ* и ослабленное *δέ* выставляетъ свое синтаксическое сказуемое какъ нѣчто *рѣшенное безповоротно*. Осязательнѣе дѣлается значеніе частицы *δή* въ словѣ *ἤδη*, состоящемъ, очевидно, изъ »утвердительнаго« *ἦ* (смотри выше стр. 464–5) и *δή***). *Ἦδη* является преимущественно *временнымъ* (= уже), указывая на нѣчто какъ на *законченное, готовое* (даже при *imperativ* ахъ: *ἤδη σὺ μαρτύρησον* = ты ужь не откладывай, смотри, чтобы *τὸ μαρτυρεῖν* наконецъ было осуществлено), простое же *δή* обозначаетъ больше

*) Смотри Ebeling Lex. Hom. sub voce *περ*.

***) Смотри Prellwitz Wörterb. sub voce *δή*.

законченность «квалитативную»,*) которая и будетъ понятна, если выйти отъ «законченности» во времени (τοῦτο δὲ εἶχει = это то ужъ непременно = безповоротно — хорошо).

Такимъ образомъ, *ослабленное μέν*, соединенное съ *ослабленнымъ δέ*, обозначало бы въ *ослабленномъ* видѣ то, что въ *усиленномъ* видѣ можно передать словами: это, *допустимъ* (= μήν), — такъ, но тогда ужъ непременно (= δή) нужно принять во вниманіе и вотъ что. Что за словомъ *μέν* не должно непременно слѣдовать *δέ*, это всякому извѣстно: ἐκεῖνος μὲν ξυχωρεῖ = онъ, положимъ, ничего не имѣетъ противъ. Такъ и, наоборотъ, не всякому *δέ* должно непременно предшествовать *μέν*: ἤτουν τοὺς ἑταίρους, οἱ δὲ οὐκ ἐπέιδοντο: просили друзей, а ужъ тѣ**) — не согласились.

У Омира *μέν-δέ* соединяется съ ἦ и даетъ ἦμέν-ἦδέ. По нашему, въ этомъ ἦ слѣдуетъ усматривать «утвердительною» его отгѣнокъ. ἦμέν-ἦδέ значитъ: не правда ли, собесѣдникъ, мы съ тобою *допустимъ* это; но ужъ слѣдующее, не правда ли, нужно непременно сказать.***) Также и въ омировскомъ *ιδέ* видятъ лишь иначе произнесенное

*) Называя ее квалитативною, мы имѣемъ въ виду ту квалитативность сужденія, о которой говорили на стр. 95.

**) Въ этой фразѣ, впрочемъ, *δέ* чувствуется больше *временнымъ*. Въ ней слово *δέ* имѣетъ своимъ синтаксическимъ сказуемымъ только *οἱ*; это видно изъ то.о, что *οἱ δέ*, *εἰς* взято, представляетъ собою видъ *всякаго* контекста *цѣльный оборотъ*. Чувствуемое «больше *временнымъ*», *δέ* могло бы быть лучше передано словами: «а чтобы ужъ перейти къ лицамъ, обозначеннымъ черезъ *οἱ*...». Не объявить ли намъ, въ виду *этого δέ* и въ виду «временнаго *ἦ*», *временное* значеніе основнымъ въ словахъ *ἦ-δέ*? Нѣтъ. Временное значеніе предполагаетъ не «частницу», а *падежъ* — падежъ «*окаменелый*» отъ какого нибудь формально *имени* (такимъ «падежемъ» было *δε*, *τότε* и др.), а въ *ἦ-δέ* трудно найти такой «падежъ». Благодаря этому *часи* временному значенію, слово *δέ* утвердилось въ томъ симасіологическомъ отгѣнкѣ, который, какъ извѣстно, чаще всего практикуется въ *δέ*. Этотъ отгѣнокъ мы опредѣлили бы какъ «переходъ къ новому», — какъ «указаніе на *другую* сторону вопроса, о которомъ разсуждается въ рѣчи» (сопоставъ это опредѣленіе слова *δέ* съ подстрочнымъ примѣчаніемъ о словѣ *ἀλλά* на стр. 490).

***) Такое толкованіе этимологич слово *ἦμέν-ἦδέ* напрашивается само собою. Его мы встрѣчаемъ и у Baumlein'a (Partik. 137).

ἦ + δε. *) Что ἰδέ, наравнѣ съ ἦδέ, могло перейти въ значеніе простаго καί, это выяснится ниже.

Чрезвычайно трудно объяснить слово δῆτα. **) Что »частица« могла сбиться на какое нибудь другое произношеніе, — что изъ η могло сдѣлаться ι въ словѣ ἰδέ, — что изъ δῆ могло сдѣлаться δαί ***) , — все это понятно: »частица« именно не есть нѣчто морфологически сознательное и твердое, чтобы не могло подвергаться перемѣнамъ. Что »частица« могла соединиться съ какимъ нибудь другимъ словомъ въ одну λέξις, — является ли это другое слово »нарѣчіемъ« (δῆπου), или такую же »частицею«, — въ этомъ я тоже не вижу ничего страннаго, какъ и постараюсь доказать ниже. Но слово δῆτα имѣетъ видъ какого то этимологическаго расширения, какого то особаго »надежда« къ слову δῆ, а измѣняться по надеждамъ »частицъ« уже совсѣмъ не подобаетъ. Остается предположить, что аттическое нарѣчіе (δῆτα, вѣдь, оказывается аттическимъ словомъ), смѣшавши, какъ и мы любимъ смѣшивать, »частицу« съ »нарѣчіемъ«, произвольно образовало δῆτα, увлекаемое аналогіею »нарѣчія« εἶτα.

3. Черезъ частицу γε говорящій указываетъ на то, что высказываемое имъ синтаксическое сказуемое, къ которому онъ относитъ γε, есть minimum того, что онъ могъ бы сказать, если бы не боялся сдѣлать ошибку въ своемъ сужденіи. Не напрасно переводятъ γε оборотомъ по крайней мѣрѣ (τοῦτό γε ἀλλ' οὐδὲς ἔστι = не знаю, какъ другое, но это, по крайней мѣрѣ, — вѣрно). Такъ и γάρ, въ общемъ предупреждающее, что мысль, къ которой оно приставлено, должна объяснить другую, и состоящее изъ γε и ἄρα, собственно значить: по крайней мѣрѣ (γε), въ связи съ данною мыслью (ἄρα), нужно сказать, что . . .

Περ указываетъ на точность выраженія той мысли (того синтаксическаго сказуемаго), къ которой оно относится.

*) Prellwitz Wörterb.: Im Ablaut zu ἦδέ (= und) steht ἰδέ. Prellwitz, впрочемъ, объясняетъ самое ἦ въ словахъ ἦμέν-ἦδέ черезъ приведеніе его въ связь съ готскою »соединительною частицею« jah.

**) Prellwitz, Wörterb., принимаетъ δῆτα за compositum изъ δῆ и εἶτα.

***) Prellwitz Wörterb.: δαί: δῆ = dor. ai: dor. ἦ (wenn).

Види́те оно дѣлается въ *compositif* *ῥοπερ*, которое только и возможно въ сравненіяхъ, и обозначаетъ »точно такъ же, какъ«.

О словахъ *ῥην* — *ῥεν* *) — *ῥε* **) (?) затрудняюсь сказать что — нибудь опредѣленное, такъ какъ ихъ непосредственно не чувствую.

Равно не рѣшаюсь утверждать что — нибудь положительное о словахъ *μὰ* и *νῆ*, принадлежащихъ, вѣроятно, *тоже* къ утвердительнымъ »частицамъ« (а можетъ быть, это — междометія?) и употребляющихся въ клятвенныхъ выраженіяхъ (*μὰ τὸν κύρα, νῆ τὸν πατέρα*).

Послѣ утвердительныхъ частицъ слѣдуютъ соединительныя. Трудно отрѣшиться отъ мысли, что, если *disjunctio* въ двучленѣ выражалась при посредствѣ *вопросительной* »частицы« *ῆ*, *conjunctio* могла бы быть выражена при помощи *утвердительныхъ* частицъ. Русскій языкъ, по крайней мѣрѣ, поступаетъ *именно* такъ, хотя и не *исключительно*. Несомнѣнно, что частица *да* есть *утвердительная*, а между тѣмъ она употребляется и въ смыслѣ соединительной: я, да ты, да онъ. Это — вполне понятно. Соединительный двучленъ (а также и многочленъ) можетъ рисоваться въ нашемъ представленіи какою то *неожиданностью*, которая требуетъ *именно* »подтверженія«. Что извѣстное дѣло будетъ исполнено *къмъ* — *нибудь*, — ожидаетъ *всякій*; но если *кромь* этого »кого нибудь« выступаетъ *еще* дѣятель, то совершенно естественнымъ является выраженіе: я это могу сдѣлать; да, ты — тоже. Теперь мы понимаемъ, почему утвердительное *ῆδέ* — *ιδέ* могло перейти въ значеніе »соединительной частицы«. Но русскій языкъ располагаетъ еще и *настоящею* »соединительною« частицею; это — частица »и«. Въ греческомъ языкѣ *кромь* стариннаго *ῆδέ* — *ιδέ* имѣются частицы *καί* — *τε*. Причислить ли ихъ, или какую — нибудь одну изъ нихъ, къ »утвердительнымъ, или онѣ обѣ — »настоящія соединительныя«? Увидимъ.

*) Preßwitz Wörterb. : *ῥην* (doch wohl): *ῥεν* — *μῆν*: *μέν*.

**) Не слѣдуетъ ли и *ῥε*, появляющееся въ *ῆῥε*, принять за ослабленное *ῥην*?

Въ словѣ *καί* мы должны различать *четыре* значенія.

1) — *просто-соединительное*. При этомъ двучленъ можетъ быть обозначенъ, какъ находившійся въ *первоначальномъ* планѣ мысли: *καί οὐ, καί ἡμεῖς* (ср. стр. 401). Присоединеніе втораго члена къ первому, какъ *не* находившееся въ первоначальномъ планѣ мысли, а потому требующее *особенной* выразительности, можетъ потребовать и *накопленія* частицъ (сравни *καί δὲ καί* = *да ужъ непремѣнно и то-то*). Въ *отрицательномъ* смыслѣ, если двучленъ имѣлся въ виду при *первоначальномъ* составленіи плана мысли, встрѣчается *τε-οὔτε, οὔτε-τε, οὔτε-οὔτε*, въ противномъ же случаѣ языкъ присоединяетъ къ *οὐ* (въ извѣстныхъ случаяхъ — къ *μή*) утвердительную частицу *δέ* (*οὐδέ-μηδέ; οὐδὲ ἡμεῖς ἠδυνάμεθα ταῦτα ποιεῖν* = *да и мы не могли этого сдѣлать*).

2. — *καί*, указывающее на «соотвѣтствіе». Устанавливая этотъ терминъ, мы имѣемъ въ виду явленія въ родѣ *ὅπερ καί ἔλεγον* = о чемъ я *и* говорилъ (сравни русскую фразу: а потому, *какъ я и говорилъ*, вы не можете надѣяться на успѣхъ). Греческимъ «*καί*» и русскимъ «*и*» говорящей въ данномъ случаѣ «присоединяетъ» то, что онъ въ *настоящее* время утверждаетъ, къ чему нибудь, упомянутому въ *другой* части его рѣчи. Въ отрицательномъ смыслѣ появляется то *οὐδέ* (*μηδέ*), которое въ *первомъ* симасіологическомъ отгѣнкѣ слова *καί* было обязательно, когда двучленъ *не* находился въ первоначальномъ планѣ говорящаго (какъ и *здѣсь* о какомъ нибудь готовомъ *планѣ* двучлена не можетъ быть и рѣчи): *ὅπερ οὐδ' ἤμελλον φάναι* = какъ я и отрицалъ.

3. — *καί gradativ'ное*. Если *вообще* *καί* вызывается необходимостью указать вмѣсто чего нибудь *одного* на «рядъ» (= на *нѣсколько* «членовъ»), то въ данномъ случаѣ этотъ рядъ *подразумѣвается*, а слово *καί* указываетъ или на *первый*, или на *послѣдній*, стало быть, вообще на *крайній* его членъ. Сравни: и лучшіе люди ошибаются — и худшіе человѣкъ не безъ достоинства. Въ отрицательномъ смыслѣ *третьй* разъ появляется то же *οὐδέ*.

4. — *καί* *восклицательное*: *πῶς δὲ καὶ στρατὸς τοσοῦτος πεζὸς ἤρυσεν περᾶν* (Aesch. Pers. 721); *ἴδωμεν, τί ποτε καὶ λέγομεν* (Plat. Gorg. 455 a). Въ чешскомъ языкѣ употребляется въ подобныхъ случаяхъ слово *taky*. Чешское *taky* я иначе не чувствую, какъ въ смыслѣ слова *тоже*. Такъ, говорятъ: *to je taky odprověd!* И въ *русскомъ* языкѣ слышится фраза: *вотъ тоже отвѣтъ?!* Въместо *to je taky odprověd* я могу сказать: *to je zas odprověd*, а *zas* соотвѣтствуетъ греческому *αὖ*. Въ греческомъ языкѣ въ выраженiяхъ удивленiя, — а о нихъ идетъ въ настоящемъ случаѣ рѣчь, — часто встрѣчается *αὐτε*: *Τίπῳ αὐτ' αἰγιόχοιο Διὸς τέκος ἐλλήλουθας* (II. α 202) = *cos to zas dité egidodržavného Zevsa přišla?* Намъ скажутъ, что здѣсь слово *αὐτε*, относясь къ *τίποτε* (а можетъ быть, и ко всему *τίποτε ἐλλήλουθας*), какъ къ своему синтаксическому сказуемому, поставлено лишь съ тою цѣлью, чтобы воображенiе »держалось того предмета (т. е. того синтаксическаго сказуемаго), къ которому *αὐτε* относится, и *не удалялось* отъ него« (ср. стр. 492.). Это значитъ другими словами, что, такъ какъ *данное* синтаксическое сказуемое должно выражать нѣкое *недоумнiе*, то *αὐτε* приставлено съ тою цѣлью, чтобы воображенiе, прикованное черезъ него къ этому синтаксическому сказуемому, больше *связалось* съ самимъ »недоумнiемъ«. Можетъ быть, это и такъ; я, руководясь чешскимъ *zas*, готовъ усматривать въ настоящемъ *αὐτε* выраженiе »повторенiя«. Вообще въ выраженiяхъ удивленiя есть основанiе считаться съ *жизненнымъ опытомъ*. »Ты, Аѳина« — говоритъ Ахиллъ, — *»всегда* приходишь съ загадочными планами; а теперь, какова *опять* цѣль твоего прихода?« Такое же »повторенiе«, стало быть, — *присоединенiе* новаго къ чему то прежнему, — я усматриваю и въ *русскомъ* »вотъ *тоже* отвѣтъ!«, и въ греческомъ »*τίποτε καὶ λέγομεν*«, и вообще въ »восклицательномъ« *καί*.

Быть можетъ, я былъ относительно »восклицательнаго« *καί* неправъ. Быть можетъ, его *дѣйствительно* слѣдуетъ толковать такъ, какъ поддается толкованiю слово *αὐτε* въ II. α 202. Тогда, конечно, »восклицательное« *καί* было бы

»утвердительнымъ«, но вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось бы уже утвердительное значеніе слова *καί* принять за *основное*. Ибо изъ утвердительнаго значенія легко вывести »присоединительное«, какъ доказываетъ *яснѣе всего* русское »да«, но отъ »присоединительнаго« значенія перейти къ утвердительному врядъ ли — возможно.

За »первоначально« — утвердительное (а не за »присоединительное«) я принимаю слово *τε*, такъ что *последній* отбѣнокъ, т. е. »присоединительный«, я считаю *развившимся* изъ перваго. *)

Чтобы *оба* слова, — и *καί*, и *τε*, — были первоначально присоединительными, этому *трудно* повѣрить. Зачѣмъ языку вырабатывать *два* слова съ одинаковымъ значеніемъ? Провозглашать именно *τε*, а не *καί*, за первоначально-утвердительное заставляетъ меня *прежде всего* *compositum οἶός τε*. Какъ извѣстно, вмѣсто *οἶός τε*, въ смыслѣ *способной*, употребляется простое *οἶος* (Хен. Мемор. II. 9. 3:

*) Чтобы отвѣтить на вопросъ, который впервые поднять былъ нами на стр. 469, а затѣмъ столь часто *вновь* былъ возбуждаемъ (ср. стр. 491 и др.), мы укажемъ на *τε*, присоединяемое къ *относительнымъ* словамъ (или формальнымъ именамъ, какъ *δε*, или нѣкъ »нарѣчіямъ«, какъ *ως, ἐπεὶ*). Какое нибудь *θεῖος ἀκούσωντες, δε τε ἔρχεται δι' ὄρεσσι* значить: услышавъ звѣря, — *тою же* (соотносительное слово, на которое *опирается* *δε*), о которомъ *также* и (= *τε*) слѣдуетъ сказать, что онъ Такъ, по нашему, слѣдуетъ толковать и *ὄστε*, не только, когда оно встрѣчается въ его болѣе *общемъ* значеніи (*κατ' οἶον οἰκονομοῦν ὄστε παρθένου* — Soph. Oed. C 344 = какъ и двѣицы), но и въ случаяхъ употребленія его съ *спеціальнымъ*, такъ называемымъ *consecutivнымъ* отбѣнкомъ (въ сущности, этотъ »спеціальный« отбѣнокъ является чѣмъ то, вытекающимъ изъ *контекста*, — чѣмъ то, что опредѣляется смысломъ того *соотносительнаго* слова, на которое относительное *ως* *опирается*). На »consecutivное« *ὄστε* мы приведемъ *два* примѣра (различіе ихъ усмотритъ самъ читатель): *τόσον δ' ἔχεις τόλης πρόβωπον, ὄστε τὰς ἐμάς στέρας ἔκου*; (Soph. Oed. г. 533) = *степень* (*τόσον*) твоей смѣлости и (*τε*) твое прибытіе въ мой домъ *соотвѣтствуютъ* другъ другу (словомъ *соотвѣтствуютъ* я хотѣлъ выразить самую *correlativность* соотносительнаго и относительнаго словъ = *такъ ты дерзокъ, какъ и пришелъ*). — *οὐ τῆλικός εἰμι, ὄστε θεμάντορι πάντα πιδέσθαι* (Od. ρ 21) = *мой возрастъ* (*τῆλικός*) и (*τε*) послушность во всемъ не соотвѣтствуютъ другъ другу = *нѣтъ* того, чтобы мой возрастъ былъ таковымъ, какъ (бываетъ) и *относительно* (*πιδέσθαι* есть *вешный простирательный*) послушанія во всемъ. — Ипотагическій характеръ предложеній, въ которыхъ встрѣчаются сами относительныя слова, принимающія къ себѣ *τε*, ставить наше *те* *посредникъ* между *καί* »просто-присоединительнымъ« и между »*καί* *соотвѣтствія*«, такъ что не знаешь, съ *какимъ* изъ нихъ его лучше *сопоставить*.

οὐ γὰρ ἦν οἶος ἀπὸ πατρὸς κερδάναι). Я не вижу въ те, присоединяющемся къ οἶος, рѣшительно ничего, что оправдывало бы его появленіе, кромѣ *утвердительнаго* отгѣнка*). Да и какой »присоединительный« отгѣнокъ слова те мыслимъ въ сопосит'ѣ ἦτε, употребляющемся, какъ извѣстно, рядомъ съ *простымъ* »утвердительнымъ ἦ.***) Если я не ошибаюсь, то те присоединяется къ прочимъ утвердительнымъ частицамъ, перечисленнымъ на стр. 489, съ отгѣнкомъ *полноты* (οἶος τε = способный исполнить).

Остается разобрать слово ἔτι. Принять ли его за »частицу«, или за »нарѣчіе«? Для »частицы« оно, по *внѣшнему* своему виду, не отличается особенною краткостью, а его значеніе слишкомъ обособляется отъ значенія другихъ частицъ (оно очень сходится по значенію съ русскимъ *еще*; не связано ли оно съ нимъ и этимологически?). Правда, ἔτι (какъ и русское *еще* = кромѣ того) употребляется для прибавленія чего нибудь одного къ чему нибудь другому (обыкновенно, впрочемъ, встрѣчается въ такихъ случаяхъ не простое ἔτι, а ἔτι δέ) и въ этомъ отношеніи примыкаетъ къ частицѣ καί. Но на значеніе »прибавленія«, кажется, слѣдуетъ здѣсь смотрѣть какъ на ослабленіе другого, первоначальнаго значенія, которое мы опредѣляемъ какъ указаніе на *продолженіе* извѣстнаго состоянія (ἔτι μοι μένος ἔμπεδόν ἔστιν = все еще у меня . . .; отрицаніе такого »продолженія« достигается черезъ οὐκέτι: οὐκέτι δρῶ = я больше не вижу). Какъ извѣстно, ἔτι приставляется часто

*) Въ οἶος, принимающемъ значеніе *способный*, я вижу остатокъ того первоначальнаго, неотносительнаго значенія темы *ya*, на которое мною указано на стр. 441: οὐχ οἶος κερδάναι, по моему, значить: онъ не таковъ, чтобы извлекать выгоду. А можетъ быть, и это οἶος слѣдуетъ принимать за »относительное, опирающееся на соотносительное«? Можетъ быть, фразу οὐχ οἶος κερδάναι слѣдуетъ толковать въ смыслѣ »онъ не таковъ (τοιοῦτος), какимъ (οἶος) бы ему нужно быть, чтобы извлекать выгоду«? Тогда бы, конечно, те при οἶος объяснялось аналогіею словъ δε τε, ὅστε (ср. стр. 507), и все οἶος τε не годилось бы для той цѣли, для которой я имъ воспользовался.

**) Если οἶος τε не годится какъ аргументъ для нашего утвержденія относительно те, то навѣрно годится ἦ τε. Сравни II, р 236 (νήπιος, ἦ τε πόλισιν ἐπ' αὐτῷ θυμὸν ἀπήύρα), Od. v 194 (πῶ δέ τι οἱ γυνή καὶ πατρίσιν ἀρούρα; δούμορος, ἦ τε βοῆε δέμας βασιλῆε ἀνακτε) и т. д.

къ сравнительнымъ степенямъ (*πολλὸν ἔτι ἀλκιωτέρος*), приче́мъ сама сравнительная степень переи́мняетъ это »продолженіе состоянія« въ *усиленіе* его. Быть можетъ, въ *ἔτι* слѣдуетъ считать не »прибавленіе« ослабленіемъ »продолженія«, а »продолженіе« — метафорою »прибавленія«? Едва ли; тогда бы и *καὶ* метафоризировалось по направленію слова *ἔτι*, особенно когда оно въ развитіи своего значенія пошло такъ далеко. Нѣтъ ли въ *ἔτι* того »падежнаго« окончанія, какое замѣчается въ словѣ *ἄρτι*? Но гдѣ же тогда этимологическая *тема* этого »падежа? Трудно на это отвѣтить. Сопоставленіе греческаго *ἔτι* съ латинскимъ *et-etiam* — очень заманчиво*), но какъ часто уже сбывало этимологовъ случайное созвучіе словъ! Самое существенное доказательство того, что *ἔτι* не есть »частица«, а »нарѣчіе«, мы видимъ въ *compositivъ εἰσέτι***). Разъ *ἔτι* соединяется съ такимъ предлогомъ, какъ *εἰς*, то оно не можетъ быть частицею а должно быть »нарѣчіемъ«, а *εἰσέτι* является по отношенію къ нему »нарѣчіемъ сложнымъ. Между *ἔτι* и *εἰσέτι* мы должны усматривать такое же отношеніе, какое было между *αὐθις* и *εἰσαὐθις*. *Αὐθις* было »падежемъ«, а *εἰσαὐθις* — предлоговымъ оборотомъ, въ которомъ *εἰς* своимъ значеніемъ *примыкало* къ этому падежу. То же самое мы видимъ въ *εἰσέτι*: *ἔτι* могло быть принято за обозначеніе *точки* (»еще« можетъ получить значеніе *до сихъ поръ*), а *εἰς*, какъ предлогъ, *направляетъ* къ этой точкѣ.

Мы *кончили* разборъ »частицъ«. (Если и остались неразобранными нѣкоторыя *composita*, въ которыя »частицы« входятъ какъ *части* ихъ, то нетрудно будетъ самому чи-

*) Смотри Brugmann Grundr. I. 276.

**) Не такими выгодными аргументами для нашей цѣли представляются *composita προέτι* и *ἔξέτι*. Ни въ *προέτι*, ни въ *ἔξέτι* мы не видимъ, чтобы само *ἔτι*, какъ »падежъ«, *зависѣло* отъ предлога. *Προέτι* является простымъ накопленіемъ (*προέτι* — вдобавокъ еще) *симонимовъ* (симасиологическая *тавтологія*!), а въ *ἔξέτι*, появляющемся съ падежемъ, зависящимъ *исключительно* отъ *ἔξ* (*ἔξέτι πατρῶν* — Od α 245 — еще съ отцовъ; *ἔξέτι τοῦ* — II. ι 106 — еще съ того времени) слово *ἔτι*, собственно, даже не даетъ повода *привлекать* его въ *compositum* съ *ἔξ*; оно чувствуется здѣсь *самостоятельнымъ* и все »*ἐκ πατρῶν*« и »*ἐκ τοῦ*« составляетъ къ нему *синтаксическое сказуемое*.

тателю опредѣлить ихъ значеніе на основаніи объясненій, данныхъ нами о самихъ «частяхъ»). «Частицы» у насъ сталкивались постоянно съ «нарѣчіями». Если тѣ и другія имѣли вездѣ отношеніе къ синтаксическимъ сказуемымъ, то это *не есть* ихъ общее *χαρακτηριστικόν*, отличающее ихъ отъ *прочихъ* частей рѣчи. Съ одной стороны, мы видѣли, что и появленіе *живыхъ* падежей, принадлежащихъ «именамъ» (πομίνα), связано съ синтаксически сказуемыми, а съ другой — нетрудно будетъ убѣдиться изъ нижеслѣдующаго что «нарѣчіе» очень часто не имѣетъ ровно *никакого* дѣла съ синтаксическимъ сказуемымъ, а просто служитъ симасіологическимъ дополненіемъ *другой* части рѣчи. Впрочемъ, нашъ интересъ не въ томъ, чтобы опредѣлять границу между «частичами» и «нарѣчіями» съ одной, и между остальными частями рѣчи съ другой стороны; насъ интересуетъ опредѣленіе различія между самими «частичами» и «нарѣчіями». По этому вопросу можно сказать слѣдующее.

1. «Частица» *всегда* имѣетъ отношеніе *только* къ синтаксическому сказуемому*); «нарѣчіе», какъ должно быть выяснено *впоследствии*, можетъ быть связано *не только* съ синтаксическимъ сказуемымъ, но и съ такими же, какъ оно, частями рѣчи.

2. «Нарѣчіе» есть *падежъ*, въ то время какъ въ «частицѣ» о падежѣ нѣтъ и помину. Намъ скажутъ, что *наши* частицы, т. е. тѣ слова, которыя мы объявили за частицы, остались безъ падежей только лишь потому, что мы въ нихъ падежей отыскать *не умѣли*. На это мы отвѣчаемъ:

3. «Частицъ» — немного. Это — одна вопросительная (ή), двѣ отрицательныхъ (οὐ—μή), одна положительная (ναί), нѣсколько «квалитативно—утвердительныхъ» (μήν δή, γε, περ, θην и . . . τε**) и одна соединительная (καί). Онѣ выведены

*) Сопоставь стр. 492, подстрочное примѣчаніе.

***) Быть можетъ, этихъ «квалитативно—утвердительныхъ» частицъ у насъ — много? Не знаю. Знаю только, что онѣ *нужны*. Относясь къ синтаксическому сказуемому, онѣ *тоже* имѣютъ дѣло съ «сужденіемъ», какъ его имѣли склоненія. Хотя мы на стр. 176 говорили, что въ синтаксическихъ подлежащемъ и сказуемомъ нѣчто одно лишь «относится» къ чему то другому, но на стр. 366. выяснилось, что синтаксическое подлежащее есть, какъ

изъ насущной потребности языка и представляюгъ въ этомъ отношеніи отдѣльную, законченную »систему«. Конечно, всѣ онѣ могутъ быть замѣнены какими нибудь *»матеріальными«* словами (я говорю »словами« *вообще*, а не одними »именами«; о терминѣ »матеріальный« см. стр. 196.), или цѣлыми оборотами: вмѣсто »я и ты« можно сказать »я *совмѣстно съ тобою*«, вмѣсто »*va!*« — *»бρολοῦι*« или *»φῆμι*« и т. д. Но не въ этомъ дѣло. Тотъ, кто упрекнулъ бы насъ въ неумѣннй отыскать въ нашихъ »частицахъ« падежи, понятно, ничего подобнаго въ виду не имѣеть. Не думаетъ онъ также о какомъ нибудь *вопросительномъ, отрицательномъ, положительномъ, квалитативно-утвердительномъ и соединительномъ* падежѣ (хотя, какъ говоритъ Дельбрюкъ, вопросъ о падежахъ еще не законченъ, но существованіе *такихъ* падежей *никто* предполагать не станетъ), а требуетъ, чтобы мы указали на какія нибудь *мѣстоименія*, которыя, въ »вещномъ простирательномъ« или какомъ нибудь *другомъ* »окаменѣломъ« падежѣ, въ силу значенія самой ихъ этимологической *темы* могли бы выразить вопросъ, отрицаніе, соединеніе и т. д. Но гдѣ же эти мѣстоименія?

Въ томъ то и вопросъ, гдѣ *взять* эти мѣстоименія? Отрицательныхъ мѣстоименій *совсѣмъ* нѣтъ, а что касается остальныхъ, то мы ими *занимались* въ шестомъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія, выводя ихъ *также* изъ насущной потребности языка. Всѣ они тамъ имѣли свое *опредѣленное* начало, свой *извѣстный* путь развитія, и ни *одно* изъ нихъ, ни въ своемъ началѣ, ни на пути своего развитія не встрѣчается ни съ однимъ изъ тѣхъ значеній, которыя мы на-

бы, *сложное ъ*, и синтаксическое сказуемое —, какъ бы, *сложный* признакъ, а какъ *таковой* оно, конечно, можетъ быть не только »отнесено« къ синтаксическому подлежащему, но *прямо* такъ »присуждаемо« ему. Рѣчь идетъ здѣсь, конечно, о прееудженіи въ *познавательномъ* смыслѣ (сравни стр. 96), какъ и признаковыя слова въ ониматическихъ предложеніяхъ могли быть присуждаемы своимъ *названіямъ* предметовъ только въ *познавательномъ* смыслѣ (сопоставь стр. 181-2), и въ этомъ случаѣ, казалось бы, такой рядъ отгѣнковъ какъ *απολλῆ* (τε), *νεπρημῆ* (δῆ), *τοχῆ* (περ), *πο κραινῆ* (μῆρ), *ποζαλαῦ* (μῆρ), *αὐρηκῆ* (не это ли — значеніе слова *θῆρ*?) представляетъ такую же лѣстницу *»квалитативности«*, какую мы выставили относительно наклоненій на стр. 95., и въ которой, кажется, нѣтъ ничего ни лишняго, ни недостающаго.

ходимъ въ «частицахъ». Требовать для «частицъ» мѣстоименныхъ темъ значило бы предполагать наряду съ мѣстоименіями, имѣющими свою *непосредственную* задачу, еще другія мѣстоименія, которыя, за отсутствіемъ своихъ собственныхъ функцій, исполняли бы функціи чужія. Мы понимаемъ, что какое нибудь *πως* (= окаменѣлый падежъ отъ *μυστοιμενης* темы = «нарѣчіе»), обозначающее *какъ-нибудь* (собственно: «*отправляясь* отъ чего нибудь, какъ своей *этической* почвы», ибо *πως* есть *удалительный* падежъ), могло съ своимъ *модальнымъ* отгѣнкомъ (сравни фразу «это какъ-нибудь сдѣлается») перейти и въ отгѣнокъ *квалитативный* (*οὐ μὲν πως* = *положимъ*, что это *какъ то* не такъ);*) мы сами прежде смѣшивали модальность съ «квалитативностью» (сопоставъ стр. 95), но что этого смѣшивать *нельзя*, — что языкъ «первоначально» могъ въ квалитативности усматривать нѣчто *одно*, а въ модальности — нѣчто совершенно *другое*, и только *впоследствии*, изъ желанія *упростить* свои средства, переносилъ и могъ переносить модальность на квалитативность, это намъ стало яснымъ только теперь.

Да, «частицы» *нужно* признавать какъ *отдѣльную* часть рѣчи. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ рукою болѣе подходящаго *термина* для этой *отдѣльной* части рѣчи. Самъ терминъ «частица» (*particula*) не выходитъ изъ того *родоваго* понятія, которое относится ко *всѣмъ λέξεις ομιλουμένου*, развѣ только тѣмъ, что, будучи «уменьшительнымъ» къ слову *часть* (разумѣй — часть *рѣчи*), выставляетъ об-

*) Я понимаю, что какое нибудь *πως*, обозначающее почему-то просторъ, *идь* нѣчто происходитъ (я говорю «*почему то*»; ибо *πως-οὐ* являются *родовыми* падежами, а *родовой* падежъ, какъ *таковой*, этого простороваго значенія въ нихъ *не вноситъ*), можетъ получить и *модальное* значеніе (= какъ-нибудь) и съ этимъ модальнымъ значеніемъ можетъ не только перейти въ роль *квалитативнаго* слова (такъ и модальное *δὲ* перешло въ квалитативное; ср. стр. 131), но и *соединиться* съ *настоящимъ* квалитативнымъ словомъ въ *составитѣль*, какъ это мы видимъ въ словѣ *δὲ πως* (= ужь непременно какъ-нибудь = ужь непременно какъ то; сравни стр. 446.). — Этою замѣткою мы и *отвѣчаемъ* на вопросъ, возбужденный на стр. 503. Что «квалитативное *δὲ* (въ словѣ *ἡδὲ*), наоборотъ, могло перейти въ *временное* слово, — мы видѣли на стр. 501.

нимаемая имъ λέξεις какъ нѣчто *незначительное*, конечно, — незначительное по внѣшнему *виду*, а не по *задачѣ* въ языкѣ. Термины σύνδεσμοι, ἄρθρα, ἐπιρρήματα еще менѣе годятся, чѣмъ терминъ *частицы*. Останемся при *этомъ* терминѣ.

Такъ какъ частицы постоянно сталкивались съ «нарѣчіемъ», то непосредственно послѣ нихъ придется подвергнуть окончательному разбору и *эту* часть рѣчи. Такой ходъ изслѣдованія, впрочемъ, былъ нами намѣченъ еще въ концѣ шестаго отдѣла.

«Нарѣчіе» оказывается *последнимъ* членомъ въ ряду частей рѣчи. Остальные члены этого ряда суть: глаголь, матеріальныя *простыя* существительное и признаковое, *формальныя* существительное и признаковое, *глагольное* признаковое, глагольное *имя*, *счетная* часть рѣчи (ею пользуется языкъ и въ качествѣ *признакового* имени, когда мы не заняты счисленіемъ), предлогъ и частица. А гдѣ же «союзъ»? «Союза» *нѣтъ*. То, что называютъ «союзомъ *придаточныхъ* предложений» (какое нибудь εἰ, ὅτε, ὡς, ὅπως), оказывается относительнымъ «нарѣчіемъ», опирающимся на *соотносительное* слово (кто видитъ въ словѣ εἰ «союзъ», тотъ долженъ бы принимать за «союзъ» и относительное ὅς, такъ какъ съ него *тоже* начинаются синтаксически *подчиненныя* предложения), а «союзы *главныхъ* предложений» (да однихъ ли «главныхъ», и однихъ ли «предложений»? — развѣ какое нибудь ἀλλά или καί должно непременно связывать *предложенія*? — и непременно *главныя*?) превратились у насъ то въ частицы, то въ «нарѣчія».

Что такое «нарѣчіе»? Первые отвѣты на этотъ вопросъ выйдутъ у насъ на подобіе тѣхъ, какіе давали Сократу его ученики, — не впадать, но что же дѣлать? Сократу такіе отвѣты были нужны, и онъ умѣлъ ими пользоваться для дѣла.

Слова ἀγκάς, γυνή, λάξ, κορυφή, ὀδὸς, πύξ, вотъ — «нарѣчія». Это — тѣ же существительныя (ἀγκών, γόνυ, σάξ, κόρη, ὀδός и существительное, отъ котораго произошло признаковое πικνός), только *надежи* ихъ *этимологически* не поддаются опредѣленію; они въ *открытомъ* для насъ

языкъ, какъ *живые* падежи именъ существительныхъ, не практикуются, они «окаменѣли». Приведеніе ихъ въ этимологическую связь съ *глагольными* темами или «корнями», какъ то дѣлаютъ этимологи *) (для *λάξ* устанавливают глагольную тему *ολακ*, усматривая въ ней значеніе *бить*, для *γνύξ* — тему *γνύκ*, сравнивая ее съ нѣмецкимъ *knicken*, *ὀδαξ* приводятъ въ связь съ глаголомъ *δακνω*), не имѣетъ для насъ непосредственнаго интереса. Мы уже не говоримъ о томъ, что самъ глаголь, какъ *часть рѣчи*, и даже глагольное имя, какъ *часть рѣчи*, не могутъ служить *родоначальниками* какихъ бы то ни было «нарѣчій». Глаголь, какъ выраженіе *цѣлой рѣчи*, не можетъ вообще произвести никакого падежа, а «окаменѣлаго» и подавно, глагольное же имя, это «выдѣленіе въ особое слово того *а*, которое попало у насъ въ глагольную симасіологическую схему *а* → *б*» (см. стр. 201), само обязано своею ролью падежа лишь *синтаксическому* положенію (ср. стр. 200), а потому «окаменѣлаго» падежа *тоже* не произведетъ. Родоначальниками приведенныхъ въ *настоящемъ* пунктѣ «нарѣчій» являются, какъ уже сказано, — да и *могутъ* ими быть, — *только* существительныя. *Значеніемъ* своимъ наши «нарѣчія» напоминаютъ *творительный* падежъ ихъ «родоначальниковъ» (славянскія *плашмя*, *коѣто* представляютъ собою *тоже* нѣчто въ *этомъ* родѣ). Они имѣютъ всѣ *одно* окончаніе ξ (единственное и множественное числа въ немъ, конечно, уже не дифференцированы: *ὀδαξ* значитъ *зубами*, а *πύξ* въ одномъ контекстѣ обозначаетъ *кулакомъ*, а въ другомъ — *кулаками*); мы готовы думать, что и *ἀγκάς* образовано вмѣсто *ἀγκάξ*, и что появленію ξ въ окончаніи помѣшало присутствіе гортаннаго звука въ *другомъ* мѣстѣ этого слова (сравни *διδάσκω* вмѣсто *διδάξω*).**)

*) См. Ebeling Lex. Hom.

**) Иначе Delbrück Grundr. III. 569: Ferner halte ich es mit J. Schmidt für wahrscheinlich, dass das homerische *ἀγκάς* nichts anderes sei, als *ἀγκάσι*, ein Loc. pl. zu *ἀγκών*. Ebenso sind vermuthlich *πύξ* und *λάξ* aufzufassen, nach denen sich *γνύξ* und *ὀδαξ* gerichtet haben werden. Dem Vocal nach *ferner* liegt *κορυξ*. Мы, какъ сказано, видимъ въ выраженіяхъ *ἀγκάς ἐλάξτε θυγατέρα*, *λάξ προβάς*, *ἔρυσάν μιν κορυξ*, *ὀδαξ ἔλον οὐδας* и т. д. *только* творительные падежи.

Слова *πρῶτον*, въ смыслѣ *сперва*, и *τελευταῖον*, въ смыслѣ *наконецъ* (*ἔδοξε πρῶτον εἰς Χίον αὐτοῖς πλεῖν*), слова *μέγα* и *πολύ*, въ смыслѣ *очень* (*μέγ' ἠδίκηθη*), вотъ — «нарѣчія». Хотя слова *πρῶτον*, *τελευταῖον*, *μέγα* и *πολύ*, какъ *падежи*, вполне раскрыты не только этимологически, но и синтаксически (все это — вещные *простираТЕЛЬНЫЕ* простыхъ признаковыхъ именъ), но нераскрытою остается ихъ *субстантивность*, — субстантивность ихъ именно какъ косвенныхъ падежей, и съ этой стороны они являются *тоже* «окаменѣlostями». Это — не та субстантивность, на которую въ *признаковыхъ* словахъ мы указывали на стр. 194-5: если какое-нибудь *ἀγαθόν-κακόν* въ самомъ *именительномъ* падежѣ могло обозначать не только «благое» — «злое», но и «благо» — «зло», то «нарѣчіе» *πρῶτον* получило значеніе «съ самаго начала» (= «съ перваго начала» = «первоначально» = «съ перваго момента»), а «нарѣчіе» *μέγα* — «въ высокой степени» (слова *момента* и *степень* суть имена *существительныхъ*) благодаря тому *косвенному падежу*, въ которомъ они поставлены. Если слово *καλός* обозначаетъ «красивый», а *καλῶς* «красивымъ образомъ или способомъ», то чѣмъ, какъ не косвеннымъ *падежемъ*, внесенъ сюда этотъ «образъ» и «способъ», и благодаря чему, какъ не косвенному падежу, субстантивировалось это слово? Какъ это случилось, — чтó сдѣлало этотъ косвенный падежъ способнымъ субстантивировать слово, это — то и *остается* нераскрытымъ и даетъ право назвать наши слова «падежными *окаменѣlostями*».

Мы слышимъ возраженіе. Отчего, — скажутъ намъ, — слово *πρῶτον*, указывая и въ *именительномъ*, и во всякомъ другомъ падежѣ на «первое» какъ на *признакъ* чего нибудь, не могло въ то же время, *совершенно* по аналогіи слова *ἀγαθόν*, обозначать и въ *именительномъ* падежѣ самую, если такъ можно выразиться, «первоту» (= *начало* = *первый моментъ*)? — отчего оно не могло прямо отъ *именительнаго* падежа перейти съ этимъ значеніемъ въ тотъ вещный *простираТЕЛЬный*, за который мы принимаемъ наше *πρῶτον*? — наконецъ, къ чему же толковать наше *πρῶτον* непремѣнно

въ смыслѣ *вещнаго* падежа? — не могло ли бы оно быть истолковано въ смыслѣ падежа *именительнаго*, такъ чтобы «*буквальный*» переводъ фразы *δεδουμένον ἦν αὐτοῖς πρῶτον εἰς Χίον πλεῖν* былъ: ими рѣшено было, *первое*, — поплыть въ Хіосъ? Если это такъ, если особенно *последній* пунктъ приведеннаго возраженія — вѣренъ, то, конечно, нечего было бы принимать наше *πρῶτον* даже за «нарѣчіе». Но всему этому мѣшаютъ примѣры въ родѣ *πέλεισμα τοῦθ' ἰκανὸν προλαβεῖν τὴν πρώτην* (Dem. 3. 2).

Наше *πρῶτον*, несомнѣнно, должно быть такимъ же падежемъ, какъ и *τὴν πρώτην*, т. е. *вещнымъ*, а не именительнымъ. Это — *прежде* всего. Затѣмъ мы спросимъ: въ чемъ же вообще заключается разница между нашимъ *πρῶτον* и приведеннымъ *τὴν πρώτην*? Только въ *родѣ*. *Замѣчательно* это употребленіе женскаго рода въ греческомъ языкѣ! Говорятъ въ этихъ случаяхъ, — они, какъ извѣстно, не составляютъ рѣдкость (сравни *ταύτη* = этимъ способомъ, *ἐκ νέης** = снова и т. д.), — о какомъ то «*подразумѣваніи*» *существительныхъ* женскаго рода, но это представляется намъ неправильнымъ. Русскій языкъ, съ своими «*на-пропалую*», «*въ-разсыпную*» (сравни чешское *po té* = *послѣ этой* вмѣсто *послѣ этого*) ясно указываетъ на склонность — въ извѣстныхъ случаяхъ *просто* замѣнять *средній* родъ признаковыхъ словъ женскимъ. Какіе это случаи? Это — случаи отнесенія признаковаго слова къ какому нибудь *общему* понятію, не то что не находящему, а не *ищущему* своего *собственнаго* выраженія. Это бываетъ прежде всего въ среднемъ родѣ признаковыхъ словъ *множественнаго* числа: *ἀσχηρὰ ποιεῖς* указываетъ на некрасивыя *вещи*, на некрасивыя *поступки*, на некрасивое *нѣчто* или, какъ мы по русски *проще* выражаемся (въ смыслѣ *собираательно*), на «*некрасивое*».**) Къ этимъ то случаямъ

*) *ἐκ νέης* нужно принять за сложное «нарѣчіе», какимъ было на стр. 495 *ἀδανθὺς* и *ἐφαγίς*.

**) Этому замѣткою слѣдуетъ пополнить наше разсужденіе, помѣщенное на стр. 194-5 въ подстрочномъ примѣчаніи, а также сопоставить ее съ объясненіемъ по поводу эпитетическаго *ὀ* на стр. 439-40.

и привлекаются иногда въ славянскомъ и, какъ оказывается, въ греческомъ языкѣ, признаковыя *женскаго* рода (впрочемъ, это «иногда» ограничено *единственнымъ* числомъ). Такое привлеченіе признаковыхъ *женскаго* рода къ *данной* роли представляется намъ *естественнымъ*, и къ выраженію «въ-разсыпную» и т. п. не только никакого существительнаго, которое бы «подразумѣвалось», не придумашь, но и придумывать его нечего. Средній родъ не есть «родъ» (ср. стр. 162), и если языкъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ *дѣйствительно* считался *только* съ «родами» (есть языки, которые во *всѣхъ* случаяхъ обходятся *безъ* средняго рода), то, понятно, приходилось ставить *женскій* родъ на низшую ступень сравнительно съ мужескимъ и пользоваться имъ въ случаѣ отнесенія *признаковыхъ* словъ къ такимъ «общимъ» понятіямъ, которыя въ *другихъ* случаяхъ, сами не получая *никакого* выраженія, вызывали проявленіе *средняго* рода этихъ признаковыхъ словъ.

Итакъ, по нашему толкованію, *πρώτη*, появляющееся во фразѣ *πέλεισμα τοῦθ' ἰκαοὺν προλαβεῖν τὴν πρώτην*, точно также какъ русское *разсыпная*, является признаковымъ словомъ къ общему понятію, не получившему, однако, собственнаго выраженія. Да и кто станетъ въ женскомъ родѣ *πρώτη*, въ его именительномъ падежѣ, искать «обозначеніе самой *первоты*»? А разъ его не ищутъ въ *πρώτη*, то нечего добиваться его и въ именительномъ падежѣ *средняго* рода *πρώτου*, т. е. нечего его добиваться въ *томъ* именительномъ падежѣ, *вещный* падежъ котораго, *наравнѣ* съ *πρώτην*, *дѣйствительно* обозначаетъ «первоту» (ибо *πρώτου* *πλεῖν* и *τὴν πρώτην προλαβεῖν* только и можетъ быть понимаемо въ смыслѣ *сначала*), однако обозначаетъ ее въ силу своей *собственной* способности, дальше не *поддающейся* раскрытію, а потому и *заставившей* насъ принять формы *πρώτου* и *τὴν πρώτην* за «нарѣчія». Что слово *πρώτην* приняло къ себѣ *ὁ-ἡ-τό*, — надъ этимъ задумываться нечего. И вмѣсто *πρώτου* можно было сказать *τὸ* *πρώτου*, какъ и вмѣсто *τελευταίου* говорятъ *τὸ τελευταίου* и т. д. Слово *τὸ* въ данномъ случаѣ является «раздѣлитель-

нымъ» (ср. выше стр. 437—8) и исполнѣ причлеществуетъ вещному падежу какъ совершенно *сознанному*; повторяемъ, *πρωτον, μευα* и т. д. причислены нами къ «нарѣчіямъ» не по невозможности опредѣлить (какъ этимологически, такъ и синтаксически) ихъ *падежъ*, а изъ за ихъ *субстантивности*.

Слѣдуютъ слова *ανασταδόν, αναφανδόν, διακριδόν, οχηδόν, μύδα* и т. п. И это все — «нарѣчія». Задаютъ себѣ вопросъ, происходятъ ли они отъ *существительныхъ*, или *признаковыхъ* именъ, и рѣшеніе этого вопроса клонится то въ ту, то въ другую сторону*). Подобные вопросы и ихъ рѣшенія, конечно, имѣютъ весьма важное значеніе для опредѣленія «мѣста *нахожденія*» нашего разряда словъ, но не имѣютъ *рѣшительно* никакого отношенія къ опредѣленію его какъ *части рѣчи*. Происходятъ ли «нарѣчія» отъ *признаковыхъ* словъ, или отъ *существительныхъ*, сами они *всегда* являются *существительными*. Мы только что убѣдились, что какое нибудь *μευα*, а вмѣстѣ съ нимъ цѣлый рядъ другихъ словъ, какъ *φανερῶτατα, βέλτιον* и т. д., хотя по внѣшнему своему виду совершенно *сходятся* съ *признаковыми* словами (во фразѣ *онъ пишетъ хорошо* слово «хорошо» *ясно* выступаетъ какъ *вещный* падежъ отъ признаковаго слова *хорошъ-а-о***), однако ихъ *субстантивность*, притомъ субстантивность не въ смыслѣ разъясненій

*) Delbrück Grundr. III. 606: Während die Entstehung der altindischen Absolute auf *am* aus neutralen Abstractis sicher, die Entstehung der griechischen Formen *δην* (имѣются въ виду слова *ἐπιλύδην, ἐπιστροφῶδην, κλέδην, κρήδην* и т. д.) aus femininischen Abstractis sehr wahrscheinlich ist, kann man hinsichtlich der Formen auf *δον* und *δα* zweifeln, ob sie aus Substantivis oder Adjectivis hervorgegangen sind. Mir erscheint das Erstere wegen der Analogie der Bildungen auf *am, δην* und *τιν* wahrscheinlicher.

**) Въ греческомъ языкѣ, склонномъ больше, чѣмъ русскій языкъ, къ внутреннему объекту (ср. стр. 372), мы могли бы сказать *μευάλην ἀδικίαν ἤδικήθη*. Выпустивъ *ἀδικίαν*, получаемъ *μευ' ἤδικήθη*. Пока мы *μευα*, въ данной фразѣ, чувствуемъ «признаковымъ» словомъ, относящимся къ общему понятію, не имѣющему собственаго выраженія, — пока мы *μευα* чувствуемъ въ смыслѣ какого нибудь *μευα τι*, до тѣхъ поръ не теряется сознание «внутренняго объекта». Но стоитъ отрѣшиться отъ слова *τι*, какъ исчезнетъ сознание «внутренняго объекта», и на сцену выступаетъ, притомъ исполнѣ *ясно*, вещный простирательный: онъ былъ обиженъ, причемъ эта обида простирается на «великую» *степень*.

на стр. 194—5, а субстантивность, внесенная въ нихъ самими косвенными падежами*), дѣлаетъ ихъ «нарѣчіями».

Да, «нарѣчія» можно опредѣлить какъ «окаменѣлые» косвенные падежи, или *произведенные* отъ именъ существительныхъ (какъ *χορηξ* и др.), или имѣющіе сами по себѣ субстантивный характеръ. Это опредѣленіе примѣнимо не только къ «нарѣчіямъ», только что нами разобраннымъ, но и къ тѣмъ, на которыя мы наталкивались, когда отыскивали *частицы*. *Ἄρα* обозначало «въ связи** (съ этимъ), *εἰ-εἶτα* — «въ какомъ случаѣ — въ такомъ случаѣ», *ἄν* — «какимъ нибудь образомъ», *ἕμπης* — «во всякомъ случаѣ,***) *ὁμοῦς* и *ἄμα* — «одинаковымъ образомъ» (въ одинаковое

*) — и именно косвеннымъ падежемъ; именительный падежъ сюда не подходитъ. Если бы мы сюда внесли именительный падежъ, то въ немъ субстантивность «нарѣчій» превратится въ субстантивность, разясненную на стр. 194—95. Говоря вообще, трудно себѣ представить, чтобы какое нибудь «нарѣчіе» было именительнымъ падежемъ, да еще «окаменѣлымъ». Дельбрюкъ (Grundr. III. 627) приводитъ нѣкоторые якобы «окаменѣлые» именительные падежи, правда греческаго ни одного. Какъ выглядятъ эти «окаменѣлые именительные падежи», — самъ Дельбрюкъ, впрочемъ, относится къ нимъ довольно осторожно, — видно изъ того, что въ числѣ ихъ приводится русское *правда*, въ примѣрѣ «оно, правда, дорого да любо», хотя, — замѣчаетъ Дельбрюкъ, — это *правда* eher eine Partikel, als eine Adverbium genannt werden kann. Конечно, *правда* не есть «нарѣчіе». Но и — не «Partikel». *Правда* есть *ономатическое предложеніе*, какимъ было слово «пора», и другія на стр. 176. Въ немъ мы высказываемся о «предметѣ» (о мысли), выраженномъ другимъ предложеніемъ, въ которое само *правда* вставляется среди «пауз».

**) Однако, — скажетъ читатель, — выраженіе «въ связи» не есть косвенный падежъ *существительнаго*, а есть предлоговый оборотъ. По этому вопросу мы отсылаемъ возражающаго къ стр. 355: и предлоговый оборотъ можно въ *известныхъ* случаяхъ трактовать какъ косвенный падежъ. Въ *данномъ* случаѣ тѣмъ болѣе нельзя смотрѣть на предлоговый оборотъ какъ на что нибудь особенное, такъ какъ косвенные падежи «нарѣчій» во *всякомъ* случаѣ ни качественно (они — гораздо фразеологичнѣе, чѣмъ косвенные падежи «неокаменѣлые», т. е. болѣе приспособляются своимъ значеніемъ къ *известной* конструкціи фразы), ни *количественно* (надобно полагать, что ихъ гораздо болѣе шести) не *сходятся* съ живыми падежами именъ существительныхъ. По этому только и остается во *многихъ* случаяхъ метафразировать ихъ при помощи предлоговъ, которые въ *этомъ* отношеніи, за неимѣніемъ другихъ средствъ, являются необходимыми замѣстителями самихъ падежей въ ихъ качественной обособленности и количественномъ излишествѣ.

***) Въ словѣ *ἕμπης* я вижу то же замѣненіе и «видоизмѣненіе» косвеннаго падежа, на которое мы только что указывали въ русскомъ выраженіи «въ связи». По этому «видоизмѣненію» мы называли выше «нарѣчіе» *ἕμπης* *сложнымъ* «нарѣчіемъ».

время), то было само по себѣ именемъ существительнымъ, и хотя въ словахъ *ἔτε-ἀλλά-πότѣρα* трудно было проникнуть въ ихъ несомнѣнный вещный простирательный, тѣмъ не менѣе и въ немъ выражено нѣчто *похожее* на «какимъ способомъ — другимъ способомъ — какимъ изъ двухъ способовъ» (объ *ὅτι* мы здѣсь не упоминаемъ, считая достаточнымъ сказаннаго на стр. 491; кромѣ того *ὅτι* является само по себѣ существительнымъ), что же касается, наконецъ, словъ *οὖν-αὖ-ἔτι*, то къ нимъ, правда, русскія существительныя подобрать трудно, но *Всякій* косвенный падежъ (да и не только косвенный) — мыслимъ *исключительно* либо въ *существительныхъ* именахъ (матеріальныхъ, или формальныхъ), либо въ *признаковыхъ* словахъ (матеріальныхъ, или формальныхъ). *ἔτι-αὖ-οὖν* мы принимаемъ за *падежи*. Падежами *признаковыхъ* именъ они быть не могутъ; ибо тогда они должны бы были еще отнесены къ какому нибудь существительному, находящемуся гдѣ то *помимо* самихъ словъ *ἔτι-αὖ-οὖν*. Такъ какъ къ нимъ существительнаго, или даже «общаго понятія, не имѣющаго собственнаго выраженія» никто искать не станетъ, то имъ только и остается быть *субстантивными* косвенными падежами или *вообще* «существительными». Это соображеніе примѣнимо ко *всякому* «нарѣчію», при толкованіи котораго нѣтъ подъ рукою русскаго «существительнаго». Ни въ одномъ «нарѣчіи» не приходится искать «согласуемаго съ нимъ» существительнаго *помимо* него. Обыкновенно различаютъ «нарѣчія» *мѣста, времени, образа дѣйствія или способа,*)* *причины*. Нельзя сказать, чтобы этотъ рядъ различій былъ

*) Такъ в вышеприведенныя «нарѣчія» на *δὸν* и *δα* обозначаютъ *способъ*. Такъ, *βυδδὸν* обозначаетъ: такимъ *способомъ*, что нѣчто *придерживается* (= *ἔχεται*) другого (= *приблизительно* = *почти* = *такъ сказать*). Однако, не противорѣчимъ ли мы себѣ? Мы утверждали выше, что глаголь *не можетъ* быть родоначальникомъ «нарѣчія», а теперь упоминаемъ о какомъ то *ἔχεται*. Да, но черезъ *ἔχεται* мы лишь толкуемъ *значеніе* слова *βυδδὸν*. Выяснять его какъ substantivный окаменѣлый косвенный *падежъ* мы его, конечно, не могли бы ни черезъ глаголь *ἔχεται*, ни черезъ глагольное имя *ἔχεται* или *βυδδὸν*, а черезъ какое нибудь, хотя бы и *предполагаемое* только, *признаковое* или *существительное* слово, правда, «происходящее отъ одного *корня*» съ глаголомъ *ἔχεται* и съ глагольнымъ именемъ *βυδδὸν*.

полонъ. Ввести въ него полноту отказываемся и мы (это — задача особая, крупная, и разрѣшеніе ея зависитъ въ очень многихъ случаяхъ отъ большаго, сравнительно съ теперешнимъ состояніемъ науки, пониманія *этимологии* этого ряда словъ). Но, во всякомъ случаѣ, и въ этомъ *неполномъ* рядѣ различій — «нарѣчія» отмѣчены какъ *существительныя*. Разсуждающіе о «нарѣчіяхъ» *мѣста, времени* и пр. имѣютъ въ виду, конечно, выраженіе въ «нарѣчіи» не мѣста и времени какъ *общихъ* понятій, а *какого нибудь мѣста и какого нибудь времени*. А разъ ближайшее опредѣленіе общаго понятія и *само* общее понятіе выражены въ *одномъ* словѣ, — разъ ближайшее опредѣленіе *общаго* понятія мѣста и *само* *понятіе* мѣста выражено «нарѣчіемъ» (и *ѐв* могло указывать на мѣсто, но само *общее* понятіе мѣста, равно какъ и ближайшее его опредѣленіе выражено въ *другомъ* словѣ, съ которымъ *ѐв* соединяется; сравни фразу *въ полѣ*), то «нарѣчіе» должно быть тою частью рѣчи, къ которой относится прежде всего это *общее* понятіе, т. е. *существительнымъ*.

Заняться ли намъ теперь методическимъ установленіемъ «*мѣста нахожденія*» нашего разряда словъ, въ смыслъ производства его отъ *другихъ* частей рѣчи? Это мнѣ представляется излишнимъ. То, что въ результатѣ получилось бы отъ подробнаго изслѣдованія «нарѣчій» въ *этомъ* направленіи, — извѣстно и по частямъ было *сообщаемо* нами. «Нарѣчія» происходятъ: 1. отъ *существительныхъ*, какъ *матеріальныхъ* (*γυνή*), такъ и *формальныхъ* (*οἶτος*); 2. отъ *признаковыхъ*, какъ *матеріальныхъ простыхъ* (*μέγα, πολύ*; сюда входятъ и «нарѣчія», происходящія отъ *счетной* части рѣчи,*) въ родѣ *ἑπτάκις* или *ἑπταχά* и т. д.), такъ и *матеріальныхъ глагольныхъ* (*ἡμελημένως, ἀρχοῦντως*), а также, конечно, *формальныхъ* (*τοσοῦνδε* = *настолько*). У насъ подѣ рукою — полный списокъ *ожировскихъ* «нарѣчій», извлеченный изъ Ebeling'a Lex. Nom. Подробный разборъ этого списка по поставленному выше вопросу повелѣ бы, однако,

*) Ср. стр. 206 и 364, въ особенности *подстрочныя* примѣчанія.

не къ нахожденію чего нибудь новаго сравнительно съ только что сообщеннымъ, а лишь къ постояннымъ недоумѣніямъ какъ относительно того, производить ли такое или иное «нарѣчіе» отъ *существительнаго* слова, или отъ слова *признаковаго*, такъ и относительно этимологизированія «нарѣчій» вообще, а эти недоумѣнія — не только въ *очень* многихъ случаяхъ неразрѣшимы, но и не заключаютъ въ себѣ *непосредственнаго* интереса для насъ. По этому сообщимъ изъ упомянутаго списка лишь то, что имѣетъ отношеніе опять таки болѣе къ опредѣленію «нарѣчія» какъ *части речи*.

Какъ слово *εἶ* есть несомнѣнное «нарѣчіе» (вещный падежъ отъ признаковаго *ἦς-ἦύ*), такъ, казалось бы, слѣдуетъ причислить къ «нарѣчіямъ» и противоположное по значенію *δυσ* (насчетъ *этимологии* слова *δυσ* трудно что нибудь сказать). *Δυς*, впрочемъ, употребляется только въ *составныхъ*, тогда какъ *εἶ* встрѣчается и въ *составныхъ* (*εὐδαίμων*), и самостоятельно (*εἶ ἔχει*). Что это за *составная*? Это — не «составная съ предлогами слова» въ родѣ *ἐλαίνεω* и пр., въ которыхъ предлогъ переставалъ быть предлогомъ (см. стр. 340) и служилъ лишь для «оттѣненія значенія» самбо *αἰνέω* (см. стр. 333), но, и не тѣ ономасториматическія *составныя* въ родѣ *δημοουργός* и пр. (см. стр. 383), въ первой части которыхъ надежная форма этимологически не выдержана. Это — *составныя*, въ которыхъ *εἶ* (*εὐπρεπής*), а слѣдовательно, надо думать, и *δυσ* (*δυσπρεπής*) сохранили сполна свой *внѣшній* видъ (это мы говоримъ въ противопоставленіе словамъ *δημοουργός* и пр.), а также и свое значеніе какъ «нарѣчія» (это мы говоримъ въ противопоставленіе словамъ *ἐλαίνεω* и пр.). «Нарѣчія», т. е. субстантивные окаменѣлые косвенные падежи (иначе: косвенные *всѣвозможныхъ* оттѣнковъ падежи именъ *существительныхъ*), должны симасіологически дополнять собою *прежде* всего *признаковыя* слова, включая сюда и *глаголы* (ср. стр. 409). Эту то роль на дѣлѣ и исполняютъ слова *εἶ* и *δυσ* въ «составныхъ» (*εὐσεβεῖν* = въ хорошемъ *смыслѣ* проявлять τὸ σεβεσθαι; *δυσσεβεῖν* = въ дурномъ *смыслѣ* проявлять τὸ σεβεσθαι). Конечно, нѣкоторая *фразеологичность* словъ *εἶ*

и *δύς* (т. е. сочетаніе ихъ лишь съ *известными* словами, даже такое, что *безъ* нихъ эти слова не появляются; такъ, простаго *πρῆλις* не произносятся, а произносятся или *εὐπρῆλις*, или *δυσπρῆλις*), *этимологическая* приспособленность къ нимъ того слова, съ которымъ они сочетаются (*простое* слово появляется въ видѣ *δαίμωνιος*, а въ сочетаніи съ *εὐ* или съ *δύς* выходитъ *εὐδαίμων-δυσδαίμων*), производство отъ нихъ и сочетающихся съ ними словъ *новыхъ λέξεις* (отъ *εὐγενής* образовано *εὐγένεια*), — все это заставляетъ насъ принимать *δύς* *вездѣ*, а *εὐ* въ тѣхъ случаяхъ, когда оно *подходитъ* подъ перечисленные здѣсь условія, за *части* чего то цѣлаго т. е. за части *compositivov*. Во всякомъ случаѣ, одно изъ двухъ: или ихъ *нельзя* трактовать какъ отдѣльные слова, а тогда имъ въ частяхъ рѣчи *совсѣмъ* нѣтъ мѣста, или это — *отдѣльные слова*, а тогда ихъ нужно причислить къ «нарѣчіямъ». *) За «нарѣчіе», встрѣчающееся *тоже* только въ *compositivax*, мы принимаемъ и *ἀρι* **) (*ἀριπρῆλις* и т. п.).

ὄφρα-τόφρα суть два опирающіяся другъ на друга «нарѣчія» (одно изъ нихъ — относительное, а другое — соотнositельное). Относительность и соотнositельность, конечно, выражены въ *первой* части этихъ словъ (появленію *густаго* придыханія въ началѣ слова *ὄφρα* мѣшаетъ *придыхательное* φ въ *срединѣ* слова), а что касается *второй* ихъ части, то очень можетъ быть, что въ ней слѣдуетъ усматривать особое «нарѣчіе» *πέρα-ν* ***) Тогда бы все *ὄφρα-τόφρα* представляло собою *compositum* и обозначало бы: до какого «зарубежья» — до такого «зарубежья».

*) Все это разсужденіе, конечно, вызвано словомъ *εὐ*, которое *часто* употребляется и *не въ compositivax*.

**) *ἀρι* наши *этимологи* связываютъ съ *признаковымъ* словомъ *ἀριστος* (Prellwitz Wörterb. sub voce *ἀρι*). Если мы *δύς* и *ἀρι* принимаемъ за «нарѣчія», то *последовательность* требуетъ и отрицательное *ἀ-ἀν-να-νη* принять за особое слово, причисливъ его, наряду съ *οὐ-μή*, къ *отрицательнымъ частицамъ*. Конечно, разница между нимъ и *οὐ-μή* будетъ та, что оно *предназначено* языкомъ *исключительно* для *compositivov*.

***) Что подъ *вліяніемъ* *ѣ аспирируется* сосѣдній звукъ (въ данномъ случаѣ — звукъ π), это — *тезисъ*, постоянно повторяемый нашими *этимологами*. Prellwitz, впрочемъ (Wörterb. sub voce *ὄφρα*), усматриваетъ въ *ὄφρα* тотъ же корень, отъ котораго происходитъ и *φῆρα*.

Что касается слова *ἵνα*, то этимологи о немъ спорятъ, но всѣ такъ или иначе приводятъ его въ связь съ *формальными* именами. Бругманъ (Grundr. II. 770) считаетъ его за *instrumentalis* отъ того же корня, отъ котораго происходитъ латинское *is*, славянское *ego* — *ему* и греческое *μν*. У Омира, какъ извѣстно, оно постоянно встрѣчается въ смыслѣ простороваго *идь*. Что оно могло сдѣлаться и модальнымъ, выяснено на словѣ *που* на стр. 512. Какъ модальное, оно, конечно, могло встрѣчаться и въ *ипа*льных контекстахъ (сравни объясненіе слова *ὅπως* на стр. 136).

Слова *ἕως* (*εἰως*, *ἦος*, *ἦμος*) — *τέως* (*τεῖως*, *τῆος*, *τῆμος*) — этимологически не *достаточно* ясны*). Случаи ихъ *употребленія* сводятся къ значенію «до какихъ предѣловъ — до такихъ предѣловъ». Такимъ образомъ, это — опирающіяся другъ на друга «нарѣчія», изъ которыхъ одно — относительное, а другое — соотносительное. Извѣстны — примѣры въ родѣ II. μ 141: *οἱ δ' ἦτοι εἰως μὲν Ἀχαιοὺς ὄρουον* (= пока = до поры — до времени). Мы видимъ здѣсь слѣды еще *самостоятельнаго*, *неотносительнаго* употребленія темы *ya* (см. стр. 441). Впрочемъ, можетъ быть, что и *это εἰως* есть *относительное* (= до тѣхъ поръ, пока), опирающееся на невыраженное *соотносительное* слово и не имѣющее дальнѣйшаго *продолженія* въ рѣчи (ср. стр. 446-7). Извѣстно также, что *ἕως*, — но тогда уже *непрѣменно* въ *неотносительномъ* смыслѣ, — дополняется

*) Prellwitz Wörterb.: *ἕως* = altindisches *yāvat* = uraltes Neutrum zu *yāvant* = wie weit reichend, gebildet aus Relativum *ya* (= *ἕς*) und dem Suffix *vent* = *wos* (= *versehen mit*; *χαρίε ις* — *formosus*). Кстати, *ad vocem reichend*. Слово *reichend*, употребленное Prellwitz'омъ для выясненія значенія «нарѣчія» *ἕως*, оказывается словомъ *признаковымъ* (*признаковымъ глагольнымъ*). Мпрится ли это съ нашимъ утвержденіемъ, будто «нарѣчія» суть *существительныя*? Отвѣчаемъ: Весьма часто косвенные падежи *существительныхъ*, дополняя собою *признаковыя* слова, превращаются въ *признаки* самихъ тѣхъ «предметовъ», къ которымъ *дополняются* ими признаковыя слова *относятся*. На стр. 349, изъ фразы «эта работа сдѣлана топоромъ» выведена нами фраза «это — работа *топорная*». Положимъ, во фразѣ «это — работа *топорная*» *исчезло* само признаковое слово, которое раньше дополнялось творительнымъ падежемъ *существительнаго*. Грекъ, *оставляя* признаковое слово, можетъ превратить косвенный падежъ *существительнаго* (*respectively* — «нарѣчіе») въ «*согласующееся*» слово. Извѣстны его выраженія *ἐξῆλθε θυραῖος, ἐφῄθιοι ἰὸνθεα, τριταῖος ἦλθε* (= *пришелъ на третій день*) и т. д.

родовымъ падежемъ: ἕως τριῶν πλοίων ἢ λειτουργία ἔστω (Dem. 18. 106 = до предѣловъ трехъ судовъ*). Появленіе родового падежа здѣсь напоминаетъ намъ примѣры: πόθεν γῆς (= изъ какого мѣста земли); πηρὶκα τῆς ἡμέρας (= въ какое время дня); ἱκανῶς ἐπιστήμης (= въ достаточной степени, или въ достаточномъ количествѣ знаній), καλῶς πολέμου καθίστασθαι (= находиться въ прекрасной стадіи войны); πῶς ἔχεις δόξης (каковъ видѣ твоего мнѣнія); ἢ τάξις εἶχεν ἄριστα σομάτων (= въ строю было лучшее состояніе «тѣлъ») и т. д. Этотъ родовой падежъ — вполне понятенъ: «нарѣчія», какъ *существительныя*, должны прежде всего дополняться родовымъ падежемъ (сравни стр. 383).

Совершенно по пути слова ἕως пошли слова ἄχρι и μέχρι: ἄχρι τινός — μέχρι τινός; ἐκέλευσε περιμένειν ἄχρις ἂν σχολάσῃ (Xen. Anab. II. 3. 2) — μέχρι δ' ἂν ἐγὼ ἦνω αἱ σπονδαὶ μερόντων (Xen. Anab. II. 3. 24). Этими мы не хотимъ утверждать, что «нарѣчія»**) ἄχρι и μέχρι этимологически связаны съ *формальными* именами***), какъ то является *несомненнымъ*, несмотря на нѣкоторыя затрудненія въ *частностяхъ*, относительно словъ ἕως — τῆως. Это отсутствіе связи словъ ἄχρι и μέχρι съ формальными именами, и въ то же время употребленіе ихъ въ роли *относительныхъ* «нарѣчій», только лишний разъ доказываетъ, что «относительная» роль словъ не была въ *первоначальномъ* планѣ у творцовъ языка, а что она развилась лишь *впослѣд-*

*) — собственно, выходя отъ «первоначальнаго» значенія темы *υα* (см. стр. 442), слѣдуетъ переводить «до тождественности съ тремя судами», а вышеприведенное до поры — до времени приходится замѣнить толкованіемъ «до тождественности (въ данномъ случаѣ до тождественности, относящейся къ времени) съ тѣмъ синтаксическимъ сказуемымъ, къ которому ἕως относится». Такъ и на стр. 508. слово οἶος, если оно — «неотносительное», обозначало: онъ тождествененъ, по своимъ качествамъ, съ тѣмъ, чтобы то-то дѣлать = онъ, по своимъ качествамъ, *соотвѣтствуетъ* тому, чтобы то-то дѣлать.

**) Если ἕως принято за «нарѣчіе», то имъ должно быть непременно и ἄχρι — μέχρι (ср. стр. 317).

***) Насколько запутана этимологія словъ ἄχρι — μέχρι — видно у Ebeling'a Lex. Nom. — Prellwitz (Wörterb.) въ словѣ μέχρι усматриваеъ даже μετ-χρη (μετά — χεῖρ; dараus ἄχρι).

ствій, какъ развилось лишь впоследствии самое *чувство* потребности подчинять синтаксически одно выраженіе другому; иначе для «относительности» были бы созданы *особыя* слова, и языкъ не прибѣгалъ бы даже къ такимъ «нарѣчіямъ», которыя, если мы выше не ошиблись, не имѣютъ *никакого* этимологическаго отношенія къ *обыкновеннымъ* относительнымъ словамъ.

Что касается слова *нѣн*, то это, думаемъ мы, — *вещный падежъ*, — такой же *вещный падежъ*, какимъ было *оѣн* (ср. стр. 446). Этимологически оно соотвѣтствуетъ латинскому *пипс*. Появленіе въ окончаніи *латинскаго* слова звука *с*, напоминающаго собою форму *пипс*, прямо показываетъ, что въ *пипс*, а слѣдовательно и въ греческомъ *нѣн*, мы имѣемъ дѣло съ падежемъ *формальнаго* имени. Какого? Трудно на это отвѣтить. Очень можетъ быть, что языкъ, для указанія на *временное* отношеніе, счелъ нужнымъ создать *особую* «формальную» тему. *Нѣн* обозначаетъ «въ настоящее время». Если *нѣн* указываетъ на переходъ къ *новому* (*нѣн дѣ* = а *теперь*, чтобы перейти къ *новому*); если оно обозначаетъ иногда «слѣдствіе» (*теперь*, послѣ всего сказаннаго, можно утверждать то-то); если оно принимаетъ на себя роль «утвердительнаго» нарѣчія*) (и *русское* выраженіе «по настоящему» указываетъ не на *время*, а на *дѣйствительность***), то это все — вполнѣ понятныя метафоры одного и того же «*первоначальнаго*» значенія.

Отъ подробнаго изслѣдованія вопроса о «мѣстѣ *нахожденія*» нарѣчій мы раньше отказывались. Въ общемъ, — говорили мы, — это «*мѣсто нахождения*» — извѣстно и сообщено, а *подробности* его опредѣленія ввели бы насъ въ непреодолимая, нашего дѣла непосредственно *не касающіяся* затрудненія. Не сообщили мы только *одного* по данному вопросу. Оказывается, что родоначальниками «на-

*) Да, именно «нарѣчія», а не частицы; сравни сказанное о *модальныхъ* «нарѣчіяхъ» на стр. 512.

**) Во всѣхъ этихъ метафорическихъ значеніяхъ оно можетъ дойти до «*ослабленнаго*» (относительно ударенія и степени *выразительности* значенія) *нѣн* и *нѣ*.

рѣчий «служать и предлоги. Остановимся на этихъ «нарѣчіяхъ», конечно, опять таки больше изъ-за опредѣленія «нарѣчий» какъ *части рѣчи*. Изъ омировскаго словаря относятся сюда слѣдующія слова.

Прѣ (вещный падежъ женскаго рода; см. стр. 517-7), *прѣ*, *прѣ*, *ἀπόπροθι* - *ἀπόπροθεν* *), *πρόσω* - *πρόσω***), *πρόσθεν* - *πρόσοθεν*. Въ эту группу «нарѣчий» мы относимъ и *прѣν* и *πάρως* (*πάρουθεν* - *πρόπάρουθεν*), хотя отнесение ихъ сюда оправдывается больше одинаковостью ихъ значенія, и трудно настаивать на ихъ *этимологической* связи съ предлогомъ *прѣ*.

ἔκτός, ἔκτοθι, ἔκτοθεν, ἔκτοσθεν, ἔκτοσε, ἔξω.

*Ἀντίον-ἀντία, ἄντα, ἀντην, ἀναντα-εἰσαντα-ἐναντα-πάραντα.****)

Ἐνδον, ἐνδοθεν, ἐνδοθι, ἐνθα, ἐνθάδε, ἐνθεν, ἐνθενδε, ἐνταῦθα-ἐντεῦθεν, †) ἐντός.

*) Въ сущности, *ἀπόπροθι* - *ἀπόπροθεν* произошло не отъ *прѣ*, а отъ комбинированнаго *ἀποπρό*, — комбинированнаго аналогично словамъ *παρέ*, *ἐπέ* и др. (см. стр. 249 подстрочное примѣчаніе).

**) Brugmann (Grundr. I. 491) возводитъ *πρόσω* къ *прѣ* и черезъ *прѣ* къ предлогу *πρός*. Curtius (Grundz. 284) приводитъ въ связь и *πρόσω* и *πρόσω* къ предлогу *прѣ*. Prellwitz (Wörterb.), отличая *πρόσω* отъ *πρόσω*, первое находитъ связаннымъ съ словомъ *πρόσω*, а второе возводитъ, какъ Бругманъ, къ *πρός*. По моему, значенія словъ *πρόσω* (*πρόσω* есть только этимологически *видоизмѣненное* *πρόσω*) и *πρός* — такъ далеки другъ отъ друга, что трудно согласиться съ Бругманомъ. Не находится ли *πρόσω* и *πρόσω* въ такомъ этимологическомъ отношеніи къ *прѣ*, какъ *ἐπίθεν* и *ἐπίσω* — къ *ἐπ[и]*?

***) Усматривать ли намъ въ *ἀναντα-εἰσαντα-ἐναντα-πάραντα* сложныя «нарѣчія», какъ мы ихъ усматривали въ *εἰσανθις* и *ἔσανθις* (тогда бы *ἀντα* представляло собою косвенный падежъ, *зависѣющій* отъ предлоговъ *ἀνά-ἐν-εἰς-παρά* = на обращенную ко мнѣ сторону, въ обращенную ко мнѣ сторону, обходя обращенную ко мнѣ сторону), или предлоги *ἀνά* и пр. только «усиливаются» и «видоизмѣняются», какъ первая часть *состави[т]ельныхъ*, значеніе второй ихъ части (последнее мы видѣли выше въ *ἀπόπροθεν*, на стр. 509 въ *ἔξω*, а на стр. 333-40 въ очень многихъ «составныхъ съ предлогами словахъ»)? Трудно здѣсь рѣшиться на что-нибудь *опредѣленное*. Окончательное значеніе самихъ *ἀναντα-εἰσαντα* и пр. допускаетъ и тотъ, и другой процессъ композиціи.

†) *ἐνταῦθα* и *ἐντεῦθεν* представляютъ собою *несомнѣнные* *составные*, причѣмъ въ *ἐνταῦθα* мы должны видѣть «сложное нарѣчіе» (= въ этомъ мѣстѣ), а въ *ἐντεῦθεν* предлогъ *ἐν* только лишь «видоизмѣняетъ» значеніе второй части *состави[т]ельнаго* (= отсюда, изнутри). Въ сущности, они не относятся даже сюда; это, собственно, — «нарѣчія» отъ формальнаго имени *ὄψεος-αὐτ[η]-τοῦτο*.

Εἶσω, ἄνω, κάτω (образованы, какъ ἔξω).

Ἐφύπερθεν-καθύπερθεν.

Μεταξύ и μέσφα (?). *)

Ἰπλάθα.

Сюда же мы отнесемъ и ὀλίσσω, ὀλι(σ)θεν, καθόλισθεν, μετόλισθεν, ἐξόλισθεν, ὄψε. Этимологія этой группы словъ — очень темна (см. Ebeling Lex. Nom.), и основываться на ней не приходится. Замѣчательно то, что въ греческомъ языкѣ не отыскивается никакого *собственного* предлога, который бы указывалъ на направленіе, противоположное направленію предлога πρό. Русскій языкъ имѣетъ свое »за« (за кѣмъ = *сзади* когонибудь), греческій же языкъ, употребляя наряду съ предлогомъ πρό »нарѣчіе« πρόσθεν-ἔμπροσθεν, въ *противоположномъ* направленіи располагаетъ *только* »нарѣчіями« ὀλισθεν, καθόλισθεν и т. д. Отнесениемъ этихъ »нарѣчій« въ одну группу съ »нарѣчіями« ἐντός, ἐκτός, εἶσω и пр. мы хотѣли дать надлежащее выраженіе тому предположенію, что, быть можетъ, и эти »нарѣчія« имѣютъ родоначальникомъ какойнибудь, — однако, вышедшій уже изъ употребленія, — предлогъ, соотвѣтствовавшій русскому *за*.**)

Таковы — »нарѣчія«, происходящія отъ *предлоговъ*. Какъ видно, всѣ они имѣютъ или мѣстное, или временное значеніе, что имъ вполне приличествуетъ, такъ какъ сами *предлоги* первоначально были придуманы для обозначенія всевозможныхъ мѣстныхъ и (заодно съ этимъ) временныхъ отношеній. Нельзя сказать, что предлоги превращаются въ

*) Curtius Grundz. 332: Ob μέσφα zu μέσος oder zu μετά gehört, ist nicht zu entscheiden. Если бы μέσφα было связано этимологически съ μετά, то, конечно, μέσφα ἡοῦς ἡγεμενείης (II. 9 508) обозначало бы: до соедѣства съ зарею.

***) Не знаю, что дѣлать съ ἄφ и ἄφαρ. Слово ἄφ Бругманомъ (Grundz. II. 589) отождествлено съ латинскимъ abs-ab. Тогда бы это былъ предлогъ, и странно было бы, почему ἄφ никогда не дополняется падежемъ. Я склоняюсь болѣе къ мнѣнію Düntzer'a (Neue Jahrbücher für Philologie 1869 стр. 489), отождествляющаго его съ »нарѣчіемъ« ад. Что же касается слова ἄφαρ, то мнѣнія относительно его происхожденія — разнообразны. Если я *поми- жаю* слово ἄφαρ, то оно есть *составителъ* изъ предлога ἀπό и »нарѣчія« ἄρα: ἄφαρ значить »отсюда (ἀπό) въ связи« = отсюда *дальше* (вслѣдъ за тѣмъ = сейчасъ).

»нарѣчія« *непосредственно*. Они при этомъ, такъ сказать, должны пройти черезъ *признаковую* категорію словъ, и, такимъ образомъ, и здѣсь, въ сущности, »нарѣчія« въ своемъ образованіи *не уклоняются* отъ первоначально высказаннаго нами положенія, по которому родонаачальниками »нарѣчій« могутъ быть *только* или существительныя, или *признаковыя* слова: если *ἐν* обозначало *въ* (русское *въ*, вотъ-настоящій предлогъ, а не *внутри*; слово *внутри* есть уже »нарѣчіе«, притомъ *сложное*; ср. наше разсужденіе по поводу слова *около* на стр. 233), то *ἐντός* обозначаетъ *»во внутреннемъ (признаковое слово!) мѣстѣ«*.*) Если *ἐν*, — русское *въ*, — искало, для оправданія своего появленія въ рѣчи, какого-нибудь обозначенія *предмета*, притомъ въ такомъ его падежѣ, который бы своимъ *спеціальнымъ* значеніемъ такъ или иначе не только *соотвѣтствовалъ* значенію предлога (ср. стр. 265), но и помогалъ самому *предлогу* въ установленіи его значенія,**) то слово *ἐντός*, при его значеніи *»во внутреннемъ мѣстѣ*, представляетъ собою нѣчто болѣе *законченное*, — такъ же законченное, какъ выраженіе *»въ комнать*«. При этомъ, конечно, не исключается возможность искать *дальнѣйшаго* отвѣта на вопросъ: *»во внутреннемъ мѣстѣ чего?»*, точно также какъ не исключается возможность искать *дальнѣйшаго* отвѣта на вопросъ: *»въ комнать чьей?»*. Отвѣтъ на этотъ вопросъ получается черезъ *синасіологическое* дополненіе *существительнымъ*, т. е. черезъ *родовой* падежъ.

Да, *всѣ* приведенныя »нарѣчія«, которыя произошли отъ предлоговъ, или совсѣмъ не дополняются падежами,

*) Конечно, слово *внутреннемъ* представляетъ собою *логическое* опредѣленіе по отношенію къ слову *мѣстѣ*, а какъ логическое опредѣленіе, оно въ соединеніи съ самимъ »опредѣляемымъ« служить для обозначенія предмета, составляя съ нимъ, какъ бы, *одно* слово (ср. стр. 189), а потому и *можетъ* быть замѣнено *однимъ* словомъ, разумѣется *существительнымъ*, хотя бы и *»окаменѣлымъ«* (во внутреннемъ мѣстѣ = *»въ нутри*«).

**) Къ самому *ἐν* данное замѣчаніе не имѣетъ отношенія, но русское *»въ*«, точно также какъ и много *греческихъ* предлоговъ, *находитъ* поддержку въ падежахъ при установленіи его *собственною* значенія (*въ школу* значить одно, а *въ школѣ* — другое). На это, впрочемъ, постоянно указывалось въ *четвертомъ* отдѣлѣ нашего изслѣдованія.

а если дополняются, то — *родовымъ* падежомъ (*ὄψε τῆς ὄρας, ἐντός τινος* и пр.). И если бы у насъ не было другого мотива *различать* предлоги отъ «нарѣчій», то и этого мотива вполне достаточно для того, чтобы *отказаться* отъ мысли о «нарѣчности» предлоговъ, — по крайней мѣрѣ въ *принципѣ*. «Нарѣчія», какъ *существительныя*, дополняются *родовымъ* падежомъ, а предлоги — разными падежами. А потому *не могутъ* быть «нарѣчіями»: *ἐν, εἰς, σύν, μετά, πρός, παρά, κατά, ἀνά, ἀμφί, περί, ἐπί, ὑπέρ, ὑπό, διά*. Данный мотивъ не мѣшаетъ быть «нарѣчіями» только словамъ *ἐξ, ἀπό, πρό* и *ἀντί*, приче́мъ, конечно, ту *genitiv'ную* форму, которую мы при *ἐξ* и *ἀπό* толковали въ смыслѣ *удалительнаго* падежа, пришлось бы принять за *родовой* падежъ. Но, разъ мы признаемъ предлоги въ *принципѣ*, то *ἐξ, ἀπό* и *πρό* являются такими необходимыми звеньями въ рядѣ *симасіологическихъ* отгѣнковъ, достигаемыхъ другими, *несомнѣнными* съ данной точки зрѣнія предлогами, что безъ нихъ *канъ* предлоговъ обойтись нельзя было. Какъ могъ языкъ, образовавшій предлогъ *εἰς*, не образовать предлога *ἐξ*? Какъ могъ языкъ, образовавшій предлогъ *ἐπί*, не образовать предлога *ἀπό*? Какъ могъ языкъ, образовавшій столько предлоговъ для болѣе *детальныхъ* отгѣнковъ, не образовать предлога для такого *примитивнаго* отгѣнка, какой выраженъ въ словѣ *πρό* (раньше мы высказали предположеніе, что въ греческомъ языкѣ существовалъ предлогъ и для противоположнаго слову *πρό* отгѣнка; этотъ предлогъ могъ, конечно, впоследствии исчезнуть въ силу стремленія языка *сократить* свои средства). Единственное слово, о которомъ съ данной точки зрѣнія можно спорить, «нарѣчіе» ли оно, или предлогъ, это — слово *ἀντί* (его отгѣнокъ — довольно сложный). Мы, имѣя въ виду то обстоятельство, что *ἀντί*, наравнѣ съ предлогами, вошло въ *composita*, перечисленные на стр. 330-340 («нарѣчія» *не вошли* бы въ такія *composita*), считаемъ и *ἀντί* за предлогъ.*)

*) Къ сожалѣнію, и эта точка зрѣнія не даетъ намъ никакого ключа къ разрѣшенію вопроса о «нарѣчности» или ненарѣчности словъ *ἀνεν, ἀτερ*

А слово *ѣма*? Его мы объявили за «нарѣчіе»,*) а между тѣмъ оно дополняется, по *нашему* толкованію, *личнымъ* падежемъ. Только что мы говорили, что «нарѣчія», происходящія отъ предлоговъ, должны пройти черезъ *признаковую* категорію словъ, чтобы *сдѣлаться* «нарѣчіями». И «нарѣчія», происходящія непосредственно отъ *признаковыхъ* словъ, *остаются* въ *первой* своей половинѣ *признаковыми* словами. Если *ѣма* обозначаетъ «въ *одинаковое* время», и *ѣм' ѱоѣ φαγομένη*, сообразно съ этимъ, слѣдуетъ толковать черезъ «въ *одинаковое* съ *появленіемъ* зари время», то отъ какой части слова *ѣма* зависитъ личный падежъ? — отъ *признаковой*, или отъ *субстантивной*? Конечно, отъ *признаковой*, и въ этомъ смыслѣ мало ли какимъ падежемъ можетъ дополняться даже «нарѣчіе». Сравни: *ἔξοχον ἡρώεσσι* (II. β 483 = выдающимся *среди* такихъ *то* лицъ *способомъ*; *мстный* падежъ); *ἔωντῳ ἀρεστῶς ὠρχέετο* (Herod. 6. 129 = *нравящимся* ему *способомъ*; *личный* падежъ) и т. д. Могутъ встрѣтиться и *предлоговые* обороты: *εὐνοικῶς εἰς τινα* (*миловитвымъ* къ *кому* *способомъ*) и пр.

Вотъ все, что мы могли сказать о «нарѣчій». Само слово «нарѣчіе» есть переводъ греческаго *ἐπίρρημα* и латинскаго *adverbium*. Терминомъ *ἐπίρρημα* греки хотѣли обозначить, что обнимаемая имъ часть рѣчи по смыслу принадлежитъ къ глаголу, т. е. *синасиологически* дополняетъ собою глаголь (*ἐπίρρημα δυνάμει ἐστὶ ῥήματος ἐπιθετικῆ σύνταξις* — Apoll. Dysc. de construct. I. 18). Такимъ образомъ, если слово *ῥήμα* мы переводимъ черезъ глаголь, то *ἐπίρρημα* должно бы быть переведено черезъ слово «*приглаголіе*». Конечно, «нарѣчіе» на дѣлѣ оказывается вовсе не *приглаголіемъ*, а *субстантивною окаменельностью* и ко-

и *ѣма* (см. стр. 317). Для предлоговъ они представляются намъ слишкомъ *длинными*. Слово *ῶς* (*ῶς βασιλεῖα* = малорусское *до царя*) по данному мотиву оказывается *предлогомъ*.

• *) Delbrück Grundr. III. 629-31: Aus dem Griechischen sind eine Anzahl von Formen auf *α* zu nennen, von denen man nicht weiss, ob sie dem *Accusativ pluralis* oder dem *Instrumental singularis* angehören. Затѣмъ Дельбрюкъ приводитъ цѣлый списокъ словъ въ родѣ *ῶμα*, *βάφα*, *θάμα*; въ числѣ ихъ поставлено и *ѣма*.

свеннымъ падежемъ, дополняющимъ собою всякое признаковое слово, включая сюда и глаголь, а въ другихъ случаяхъ относящимся и къ цѣлому синтаксическому сказуемому, какъ то можетъ случиться и съ живыми падежами существительныхъ.

»Все это — хорошо, только одно — непонятно и требуетъ объясненія« — сказалъ бы Платоновскій Сократъ. »Что значить *окаменѣлость*? Не то ли было задачею всего нашего изслѣдованія, чтобы всякое слово, всякая его форма получили надлежащее свое *значеніе*, чтобы это *значеніе живо* было понимаемо въ той его роли, какую оно исполняетъ въ рѣчи, какъ выраженіи мысли, чтобы тамъ, гдѣ слово или форма *удалились* отъ своего первоначальнаго положенія въ языкѣ и черезъ то нѣсколько были затуманены, было раскрыто это ихъ первоначальное положеніе и *также* было понимаемо *живо* не только *само*, но и все *дальнѣйшее* развитіе словъ и формъ, т. е. вся *исторія* ихъ жизни, — весь *переходъ* отъ первичнаго ихъ состоянія къ послѣдующимъ и послѣднему, словомъ, — чтобы нигдѣ »окаменѣлостей« *не было*, а теперь онѣ вдругъ появляются въ качествѣ какого то выручающаго средства, доказывающаго, если не непослѣдовательность, то во всякомъ случаѣ *незаконченность* нашей теоріи? Съ другой стороны, если мы признаемъ окаменѣлыя существительныя, то не слѣдуетъ ли признавать и окаменѣлыя глаголы? Если *тои* у насъ было объявлено за »окаменѣлое« существительное, между прочимъ, потому, что при употребленіи его рѣчь не считается съ *числомъ* слушателей, къ которымъ мы обращаемся, то не слѣдуетъ ли принять за »окаменѣлыя глаголы« слова *ѣде, фѣре, ѣди*, русскія *пусть, пускай, пожалуй, знай, вѣдь, небось*, которыя *также* употребляются не только безъ отношенія къ самому *числу* собесѣдниковъ, но и, — это можно сказать и о словѣ *тои*, — *вообще* безъ отношенія къ собесѣдникамъ?«

Сократъ — правъ. И не будь у насъ этихъ »окаменѣлостей«, то число частей рѣчи *сократится*. Тогда придется различать только глаголы, существительныя слова,

признаковыя слова, счетную часть рѣчи *внѣ* связной рѣчи (счетъ не есть *рѣчь*), — въ *связной* рѣчи и она войдетъ въ признаковыя слова, — а затѣмъ, въ качествѣ болѣе *служебныхъ* частей рѣчи, — предлоги и частицы. Но безъ »окаменѣлостей« *пока* обойтись нельзя. »О нихъ придется поразсудить когда нибудь въ другой разъ«, — такъ закончилъ бы Платонъ свой діалогъ, если бы его Сократъ былъ въ недоумѣніи. Такъ заканчиваемъ и мы.

Да, о »нарѣчіяхъ« придется поразсудить въ другой разъ, но когда? Чтобы »нарѣчія«, чтобы »окаменѣлости« исчезли, для этого придется еще *много* потрудиться этимологамъ, но непременно въ союзѣ съ симасіологами, иначе легко потерять *почву* подъ ногами. Интересно бы напр. узнать, насколько въ какомъ нибудь *ἐξαιτίας* или *ἐπιτις*, — насколько въ *сложныхъ* нарѣчіяхъ падежи соотвѣтствуютъ или не соотвѣтствуютъ шести косвеннымъ падежамъ именъ, и нѣтъ ли въ сложныхъ »нарѣчіяхъ« какихъ нибудь *новыхъ* падежей, быть можетъ, своимъ значеніемъ *болѣе* соотвѣтствующихъ значенію самихъ тѣхъ предлоговъ, которые съ ними соединяются?

УКАЗАТЕЛЬ

греческихъ текстовъ, приведенныхъ въ изслѣдованіи.*)

Aeschylus (смотри изданіе: Aeschyli tragoediae ex recensione Porsoni passim reficta a G. Dindorfio, Lipsiae 1850)

					стр.
Persae	vers.	351,	изданія	стр.	97 459
"	"	721	"	"	108 506
Persae	"	1022	"	"	118 366
Supplices	"	682	"	"	144 322
Choëphori	"	352	"	"	226 322

Apollonii Alexandrini (Dyscoli) de constructione orationis libri quatuor ex recensione Imm. Bekkeri, Berolini 1817.

Книга I.	глава 3,	изданія	стр.	9.5-8 158—9
"	"	"	"	9 ¹⁶ -19 257
"	"	"	"	12.13-16 158
"	"	"	"	13—18 158
"	"	"	"	18.6-7 531
"	"	"	"	30.19—31.7 88
"	"	"	"	8 263
"	"	30	"	62.12-14 203
"	"	37	"	75.12-19 417
"	II.	3	"	98.25—99.3 90
"	"	5	"	101.14-18 416
"	"	7	"	104.8—105.2 208
"	III.	7	"	214.5-8 135
"	"	28	"	264.9-18**) 401
"	"	32	"	285.9-26 257
"	"	32	"	283—290 263
"	III.	32	"	290—294

*) Такъ какъ во время печатанія книги не было у меня подъ рукою самихъ текстовъ, то цитаты приведены не вездѣ съ надлежащею точностью. Конечно, несоблюденіе точности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ касается лишь второстепенныхъ вопросовъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ тому, что цитатой должно быть подтверждено. Въ случаяхъ, гдѣ въ изслѣдованіи цитата неправильно помѣчена, я прибѣгаю въ настоящемъ указателѣ къ курсиву, или къ скобкѣ для исправленія допущенной въ изслѣдованіи ошибки.

**) Въ изслѣдованіи сказано *καὶ τοῦτοις βροια* вмѣсто *καὶ τὰ τοῦτοις βροια*.

Apollonii Rhodii Argonautica IV. 1328 стр. 290

Aristophanes (смотри издание: Aristophanis comoediae, edidit Th. Bergk, Lipsiae 1852).

Equites vers.	661,	издания	стр. I.	75		291
"	"	1274	"	"	"	381
Nubes	"	153	"	"	"	157
Aves	"	1269	"	"	II.	157
Plutus	"	457	"	"	"	381

B. A. = Bekkeri (Immanuelis) **Anecdota graeca**, Berolini 1814—21.

Voluminis II. pag.	636.4-7		258
"	"	"	202
"	"	"	165
"	"	"	164
"	"	"	263
"	"	"	257
"	"	"	123
"	III.	"	88

Demosthenes

III. (Ὀλυνθιακός α)	2		516
XI. (πρὸς τὴν ἐπιστολὴν)	11		323
XVIII. (περὶ τοῦ σιτηράνου)	13		284
"	"	"	310
"	"	"	446
Demosth.	"	"	329
"	"	"	524
XVIII.	"	"	476
"	"	"	311
XIX. (περὶ παραπροσβλίας)	49		474
"	"	"	309
"	"	"	480-1
XXI. (κατὰ Μειδίου)	119		291
XXII. (κατ' Ἀνδροτίανος)	72		291
XXIII. (κατ' Ἀριστοκράτους)	182		261
XXIX. (πρὸς Ἄφροβον)	26		291
XXXII. (πρὸς Ζηρόδεμιν)	28		338
LVII. (πρὸς Ἐδβολίδην)	17		261
LVIII. (κατὰ Θεοκρίνου)	55		138

Euripides (смотри издание: Euripidis tragoediae superstites et deperditarum fragmenta ex recensione Aug. Nauckii, Lipsiae 1854-69.)

				стр.
Alcestit	vers.	57,	издания стр.	I. 7 261
"	"	563	" " "	23 329
Bacchae	"	18	" " "	91 385
"	"	1051	" " "	124 335
"	"	1364	" " "	134 324
Hecuba	"	513	" " "	156 308
Electra	"	1231	" " "	280 325
Hercules furens	"	465	" " "	338 325
Iphig. Aulid.	"	1176	" " "	II. 42 309
" Taurica	"	92	" " "	65 408
" "	"	377	" " "	73 495
" "	"	388	" " "	74 366
Jon	"	391	" " "	125 398
Medea	"	73	" " "	197 487
"	"	733	" " "	218 457
Orestes	"	338	" " "	258 333
"	"	363	" " "	259 366
Troades	"	562	" " "	364 322
Phoenissae	"	17	" " "	398 366
"	"	330	" " "	408 388
"	"	362	" " "	409 261
"	"	1131	" " "	435 312

Herodotus.

		стр.		стр.
I.	75	261	V.	49 333
"	87	381	"	74 333
II.	15	184	"	83 492
"	145	297	VI.	20 323
"	169	384	"	129 531
III.	20	323	"	139*) 389
"	41	331	VII.	61 305-6
"	99	486	"	75 319
"	127	481	"	101 308
IV.	53	400	"	121 497
"	68	446	VIII.	30**) 298
"	101	301	"	53 287
"	122	297	"	67 319
"	151	381	IX.	31 298
V.	46	338	"	71 444-5

*) Въ изслѣдованіи сказано *ἐκ τῆς ὑμετέρας εἰς τὴν ἡμετέραν* вмѣсто *ἐκ τῆς ὑμετέρας εἰς τὴν ἡμετέραν*.

**) Въ изслѣдованіи сказано *ἔγοντο* вмѣсто *ἔοντο*.

Hesiodus, Theogonia, recensuit Joh. Flach, Lipsiae 1878.
versus 848*)

стр.

302

Homerus.

	стр.
Ilias α 15	300
" " 38	359
" " 133	494
" " 137	500
" " 151	359
" " 202	506
" " 262	134
" " 382	309
" " 418	389
" " 436	320
" " 452	359
" β 57	315
" " 142	254(9)
" " 151	380
" " 250	301
" " 292	308
" " 297	497
" " 305	302
" " 363	357
" " 366	295
" " 480	358
" " 483	531
" " 699	249
" (β) 720	359
" " 794	360(2)
" " 839	308
" γ 48	333
" " 184	329
" " 217	291
" " 338	365
" " 368	360
" " 432	495
" δ 113	333
" " 287	359
" " 297	361

	стр.
Ilias δ 303	357
" " 325	357
" " 452	360
" " 493	306
" ε 16	314
" " 28	361
" " 41	360
" " 57	360
" " 107	361
" " 162	461
" " 219	361
" " 307	320
" " 320	443
" " 606	359
" " 794	361
" ζ 450	448
" (ξ) 456	261
" " 478	359
" " 491	380
" " 507	382
" " 510	357
" η 163	311
" " 366	357
" " 425	249
" θ 41	361
" " 54	308
" " 85	320
" " 136	361
Ilias " 240	309
" " 259	360
" " 290	359
" " 300	360
" " 309	360
" " 441	300
" " 474	361

*) Въ изслѣдованіи напечатано ἀμφὶ τ' κόρυθα вмѣсто ἀμφὶ τῆς κόρυθα.

	стр.		стр.
Пias ϑ 477	248	Пias μ 274	380
" " 508	528	" " 302	361
" " 565	361	" " 367	359
" ι 58	364	" ν 23	361
" " 106	509	" " 42	361
" " 214	379	" " 168	358
" " 218	382	" " 308-9	361
" " 352	252	" " 374	302
" " 384	361	" " 585	360
" " 510-11	407	" " 587	320
" " 572	360	" " 588	360
" " 618	364	" " 700	357
" (ϵ) 682	364	" (ξ) 1	497
" κ 30	361	" " 112	364
" " 80	336	" " 150	360
" " 151	319	" " 214	360
" " 156	361	" " 318	357
" " 185	360	" " 352	300
" " 207	461	" \omicron 3	361
" " 257	361	" " 267	357
" " 261	361	" " 313	360
" " 347	360	" " 580	360
" " 398	425	" " 614	361
" " 458	360	" " 658	380
" " 496	361	" " 665	313
" " 532	379	" π 139	365
" λ 44	360	" " 188	249
" " 350	365	" " 246	360
" " 351	360	" " 281	361
" " 374	360	" " 406	314
" " 448	360	" " 487	358
" " 474	365	" " 508	379
" " 493	360	" (π) 511-2	386
" " 699	359	" " 677	287
" μ 91	361	" " 686	464
" " 119	361	" " 734	359
" " 135	357	" " 762	365
" " 141	524	" " 773	360
" " 153	357	" " 811	361
" " 195	249	" " 826	359
" " 225	361	" φ 42	461
" " 256	357	" " 91	249

	стр.		стр.
Πιας ρ 101	360	Πιας ψ 147	361
" " 157	329	" " 169	241
" " 236	508	" " 315	364
" " 477	357	" " 347	360
" " 696	359	" " 397	359
" σ 14	359	" " 518	361
" " 177	300	" " 593	336
" " 305	361	" " 640	361
" " 341	359	" " 776	310
" " 374	305	" ω 193	319
" " 477	359	" " 264	382
" " 562	318	" " 268	360
" τ 110	252	" (α) 284	361
" " 118	249	" " 296	477
" " 174	425	" " 335	385
" " 255	361	" " 576	361
" " 271	133	" " 600	364
" " 323	358	" " 804	326
" " 362	320	Odyssea α 175	460
" " 376*)	358	" " 251	448
" " 404	361	" " 402	425
" υ 140	361	" " 403	359
" " 143	359	" β 2	360
" " 279	314	" " 107	490
" φ 113	360	Odyssea " 262	443
" " 295	358	" γ 110	357
" " 367	359	" " 146	491
" " 439	364	" " 281	252
" " 501	359	" " 353	361
" χ 22	361	" " 405	360
" " 56	329	" " 409	357
" " 80	359	" " 476	382
" " 107	357	Odyssea δ 18	449
" " 139	365	" " 86	242
" " 170	378	" " 192	425
" " 189	365	" " 307	360
" " 284	360	" " 407	364
" ψ 7	361	" " 533	360
" " 100	287	" " 611	448
" " 130	361	" " 624	305

*) Въ изследованин напечатано *αιπόλω* вмѣсто *οιοπόλω*.

	стр.		стр.		
Odyssea δ	636	320	Odyssea- κ	248	359
" "	654	449	" λ	128	300
" "	705	359	" "	577	309
" "	712	460	" "	607	361
" ε	59	361	" μ	24	364
" "	152	360	" "	45 *)	358-9
" "	196	249	" "	156 **)	419
" "	245	309	" "	210	359
" "	415	269	" "	246	364
" "	433	361	" "	382	134
" ζ	6	364	" "	414	360
" "	31	364	" ν	74	361
" "	57	95	" ξ	79 ***)	319
" "	119	458	" "	134	360
" "	122	324	" "	253	389
" (ς)	163	271	" "	266	364
" η	126	340	" "	364	306
" "	169	360	" "	498	361
" (η)	222	364	" ο	47	382
" "	288	308	" "	148	361
" "	347	320	" "	219	382
" θ	67	320(60)	" "	283	361
" "	105	360	" "	396	364
" "	245	509	" "	545	148
" "	279	358	" "	552	360
" "	293	323	" π	140	252
" ι	28	425	" "	145	361
" "	102	379	" "	270	364
" "	132	319	" "	381	142
" "	224	379	" ρ	4	365
" "	234	323	" "	21	507
" "	252	458	" "	193	380
" "	330	291	" "	354	157
" "	406	359	" "	435	364
" "	408	359	" σ	57	359
" "	476	359	" "	101	320
" κ	68	269	" "	156	359
" "	170	313	" τ	37	496-7

*) Место Od. μ 45 въ изслѣдованіи неправильно повторено на стр. 361 и должно быть оттуда вычеркнуто.

**) Въ изслѣдованіи сказано *ἀλευβάμενος* вмѣсто *ἀλευόμενος*.

***) Въ изслѣдованіи напечатано *ξον* вмѣсто *ζον*.

	стр.		стр.
Odyssea τ	389	Odyssea φ	315
" "	472	" "	371
" "	480	" ζ	11
" "	482	" "	93
" υ	37	" ψ	67
" "	94	" ω	83
" "	194	" "	376
" "	349	" "	437*)

Isaeus.

	стр.
<i>Isaeus</i> III. (<i>Πύρρος</i>)	37 284
" IX. (<i>Ἀστυφίλος</i>)	28 398
Lycurgus κατὰ Λεωκράτους 1	293
Lysias III. (<i>πρὸς Σίμωνα</i>)	44 378
IV. (<i>περὶ τραύματος</i>)	20 261
XXV. (<i>ῥήμον καταλύσεως ἀπολογία</i>)	27 315
Nicomachus Gerasinus (vide Theologumena arithmeticae, edidit Fr. Astius, Lipsiae 1817) pag. 69—70	412-13
Pheracrates : Chironis fragm. VII. (vide Fragmenta comicorum graecorum, collegit et disposuit Aug. Meineke, Vol. II., pars 1, pag. 338)	288
Pindari Olympia VII. vers. 91	381
" XII. " 20	491
Plato (смотри издание: Platonis opera recognoverunt Baite-rus, Orellius, Winckelmannus, Turici 1839).	
Apologia Socratis I. 17b, изданія стр. 11	299
" " " 27d " " 15	481
" " " 39e " " 21	313
Phaedo I. 76c, изданія стр. 39	308
" " 106d " " 53	480
Theaetetus " 142a " " 69	297
" " 147c " " 72	329
" " 179a " " 87	305
" " 189e-190a " " 93	77
Sophista " 245d " " 121	414
" " 250a-c " " 124	160-1
" " 262e " " 131	415
" " 263e " " 131	457
" " 264d " " 132	414
Euthydemus " 303c " " 150	382

*) Въ изслѣдованіи напечатано φθίωσι вмѣсто φθίωσι.

		изданія	стр.	стр.
Protagoras	I.	309b,	153	458
"	"	312b	" "	155
"	"	317a	" "	157
"	"	317d	" "	157
"	"	319b	" "	158
"	"	336d	" "	165
Cratylus	"	399a	" "	193
"	"	426d-427c	" "	206
"	"	429d	" "	207
Gorgias	"	448a	" "	213
"	"	455a	" "	217
"	"	456b	" "	218
"	"	476c	" "	228
"	"	488a*)	" "	233
"	"	490c	" "	234
"	"	510d	" "	245
"	"	522b	" "	250
Philebus	II.	16c-e**)	" "	264
"	"	18e	" "	265
"	"	20d	" "	266
"	"	23c	" "	266
"	"	29c	" "	271
Alcibiades	II.	" 138a	" "	331
Lysis	"	" 218c	" "	369
Menexenus	"	" 242e	" "	381
"	"	" 245a	" "	382
"	"	" 246d	" "	382
"	"	" 247b	" "	382
Civitas	III.	" 398a	" "	451
"	V.	" 470b	" "	480
"	VII.	" 532b	" "	504
"	VIII.	" 546d	" "	509
"	IX.	" 581e	" "	523
"	X.	" 607a	" "	534
Leges	I.	" 631a	" "	544
"	VIII.	" 832d	" "	633
"	"	" 839d	" "	636
Leges	X.	" 897b	" "	662

*) Въ изслѣдованіи сказано τὸν βίον ἐμαυτοῦ вмѣсто τὸν βίον τὸν ἐμαυτοῦ.

**) Въ изслѣдованіи пропущено въ самомъ началѣ цитаты слово ὁδός (Θεῶν μὲν εἰς ἀνθρώπους ὁδοίς и т. д.)

				стр.
Critias	III.	120a,	издания стр. 749	291
Convivium	"	207b	" " 784	313
"	"	214b	" " 787	310
"	"	222c	" " 791	310
Phaedrus	"	259a	" " 807	304
Sophocles (смотри издание: <i>Sophoclis tragoediae, edidit</i> Aug. Nauck, Berolini 1867).				
Ajax	vers. 581,	издания стр. 23		261
"	"	805	" " 30	322
"	"	828	" " 31	306
"	"	835	" " 31	500
"	"	1253	" " 44	497
Electra	"	14	" " 54	371
"	"	1303	" " 96	261
"	"	1433	" " 100	291
Oedipus rex,	vers.	218,	издания стр. 114	408
"	"	221	" " 114	487
"	"	236	" " 114	382
"	"	415	" " 120	308
"	"	533	" " 123	507
"	"	730	" " 129	269
"	"	889	" " 134	474
"	"	1000	" " 138	322
Antigone	vers.	35	" " 162	284
"	"	55*)	" " 163	293
"	"	77	" " 163	371
"	"	134	" " 165	309
"	"	518	" " 178	320
"	"	611	" " 181	470
"	"	760	" " 186	298
"	"	1122	" " 197	275
"	"	1240	" " 201	306
Trachinaie	"	150	" " 215	261
"	"	524	" " 227	276
"	"	802	" " 236	141
"	"	1018	" " 244	249
"	"	1115	" " 247	497
"	"	1167	" " 249	329
Philoctetes	"	1303	" " 298	398
Oedipus Coloneus,	vers.	3,	издания стр. 310	293
"	"	102	" " 313	299

*) Въ изслѣдованіи напечатано *ἀλοκτονοβιτς* вмѣсто *αβλοκτονοβιτς*.

	стр.	стр.
Oedipus Coloneus, vers. 343, изданія стр. 322	507	
" " " 418 " " 324	496	
" " " 759 " " 337	388	
" " " 913 " " 343	329	
" " " 997 " " 345	331	
" " " 1027 " " 346	408	
" " " 1158 " " 351	276	
Theognis (Poetae lyrici Bergk) vers. 821	334	

Thucydides.

	стр.	стр.	
I. 9·1	432-3	II. 49·7	338
" 10·3	444	" 90·6	359
" 17	308	III. 10·3	408
" 93·2*)	339	" 113·6	275
" 127·1	299	IV. 47·3	382
" 138·5	382	V. 18·10	388
II. 44·1	378	VI. 18·1	481
" 49·3	147	VII. 87·6	308

Xenophon.

	стр.		стр.
Expeditio Cyri I. 1·7	398	Institutio Cyri I. 3·12	310
" " " 2·3	338	" " II. 2·3	157
" " " 2·11	261	" " VI. 1·45	445
" " " 3·3	138	" " VII. 1·12	297
" " " 6·2	398	" " " 4·3	310
" " " 6·6	261	" " " 4·9	309
" " " 9·8	485	" " VIII. 3·1	308
" " " 10·10	494	" " " 4·14	429
" " II. 3·2	525	" " " 6·22	305
" " " 3·24	525	" " VIII. 7·13	250
" " " 5·22	309	Memorabilia I. 1·13	480
" " III. 1·12	308	" " 2·39	487
" " IV. 3·11	152	" " 4·14	284
" " " 6·3	430	" " II. 2·8	311
" " " 6·14	495	" " 3·4	323
" " " 7·16	132	" " 3·9	480
" " " 8·11	309	" " 9·4	507-8
" " V. 2·16	292	" " III. 6·16	458-9
" " " 4·13	313	Memorabilia III. 10·1	330
" " " 10·2	276	" " 13·3	400
" " VII. 7·11	287	Oeconomicus caput III. 11	382
Institutio Cyri I. 3·11	393		

*) Въ изслѣдованіи сказано *ἐπιτετραχόμενοι* вмѣсто *ἐπιτετραχίμενοι*.